

ВСЕ О ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКЕ

А.И. КОЛПАКИДИ
Д.П. ПРОХОРОВ

А.И. КОЛПАКИДИ
Д.П. ПРОХОРОВ

Совершенно секретно

ВСЕ О ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКЕ

**АЛЕКСАНДР
КОЛПАКИДИ
ДМИТРИЙ
ПРОХОРОВ**

**ВСЕ О ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО Олимп

Москва
2002

УДК 351/354(091)
ББК 67.401.212
К61

Компьютерный дизайн
Герцев И. А.

Подписано в печать 6.06.02. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 33,6. Тираж 5000 экз. Заказ № 1320.
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры
Гигиеническое заключение № 77.99.11.953.П.02870.10.01 от 25.10.01

Колпакиди А. И.

К61 Все о внешней разведке / А. И. Колпакиди /
Соавт. Д. П. Прохоров. — М.: ООО «Издательство
«Олимп», ООО «Издательство АСТ», 2002. —
635[5] с., вкл.

ISBN 5-17-012895-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-8195-0577-8 (ООО «Издательство «Олимп»)

В книге рассказано о самых значительных операциях внешней разведки России от 1917 года до наших дней. Приведенные архивные материалы являются уникальными и не использовались ранее. Книга будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

УДК 351/354(091)
ББК 67.401.212

ISBN 5-17-012895-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-8195-0577-8 (ООО «Издательство «Олимп»)

© ООО «Издательство «Олимп», 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Нелегал Яков Серебрянский

Имя Якова Серебрянского мало о чем говорит современному читателю. А между тем именно он был организатором ликвидации в Париже в 1930 году главы РОВС генерала Александра Кутепова и похищения во Франции архива Льва Троцкого, его считал своим учителем известный разведчик-нелегал Вильям Фишер, а в чекистских кругах о нем ходили легенды. Если посмотреть подшивки советских газет за 30-е годы, там можно найти указы о награждении Якова Серебрянского «за выдающиеся заслуги перед партией и правительством», «за выполнение особо важного правительственного задания».

Яков Исаакович Серебрянский родился 26 ноября 1892 года в Минске в семье бедного еврея, работавшего сначала подмастерьем у часовщика, а затем у приказчика. В 1908 году Яков окончил городское 4-классное училище, во время учебы в котором в 1907 году вступил в ученическую организацию эсеров, а через год — в партию эсеров-максималистов. В качестве боевика он принимал участие в нападениях на сотрудников охраны, организовавших в городе еврейские погромы, но уже в мае 1909 года за хранение «переписки преступного содержания» и по подозрению в соучастии в убийстве начальника Минской тюрьмы был арестован.

Весной 1910 года Серебрянского освободили и административно выслали в Витебск. Там с апреля 1910 года он работал электромонтером на местной электростанции, пока в августе 1912 года не был призван в армию. Служил он в Харькове рядовым 122-го Тамбовского полка, а когда началась Первая мировая война, вместе со 105-м Оренбургским полком был направлен на Западный фронт.

1915 год Серебрянский встретил в Баку, где с февраля работал электромонтером сначала на газовом заводе, а потом на нефтепромыслах. В Баку и застала его Февральская революция, после которой он вновь активно включился в политическую борьбу. В феврале 1917 года Серебрянский восстановил свое членство в партии правых эсеров, в марте стал сотрудником Бакинского продкома, а после Октябрьской революции был избран в Бакинский Совет и в качестве делегата от ПСР участвовал в Первом съезде Советов Северного Кавказа.

В марте 1918 года Серебрянский был назначен начальником отряда по охране продовольственных грузов на Владикавказской железной дороге. А после освобождения Баку от мусаватистов он вступил в Красную Армию. В этот период Серебрянский познакомился с Яковом Блюмкиным, который во время Гилянской экспедиции взял его с собой в Персию и устроил в Особый отдел персидской Красной Армии. С июля 1919 года Серебрянский занимал должность начальника Общего отдела ОО персидской Красной Армии в городе Решт.

После поражения Гилянской республики Серебрянский направился в Москву, где в мае 1920 года поступил на службу в центральный аппарат ВЧК. С августа 1920 года он сотрудник Особого отдела, а с сентября — секретарь Административно-организационного отдела ВЧК. Однако в августе 1921 года он по демобилизации был уволен из ВЧК и устроился на работу в газету «Известия». Все это время Серебрянский продолжал поддерживать связи со своими друзьями — эсерами, несмотр-

ря на то что выбыл из партии в июле 1918 года. Это обстоятельство сыграло с ним злую шутку: 2 декабря 1921 года он был арестован как правый эсер. Несколько месяцев он находился под следствием, пока 29 марта 1922 года президиум ГПУ, рассмотрев вопрос о принадлежности Серебрянского к эсерам, вынес решение: освободить его из-под стражи, взять на учет, но при этом «лишить... права работать в политических, розыскных и судебных органах, а также в НКВДе». После освобождения Серебрянский устроился на работу заведующим канцелярией Нефтетранспортного отдела треста «Москвотоп». Но в том же, 1922 году вновь был арестован по подозрению во взяточничестве, некоторое время находился под следствием, однако был взят на поруки и выпущен на свободу.

В октябре 1923 года Серебрянский был принят кандидатом в члены РКП(б). А уже в ноябре 1923 года по протекции Блюмкина был принят на работу особоуполномоченным Закордонной части Иностранного отдела ОГПУ. Вскоре его перевели в резерв Отдела кадров с прикомандированием к ИНО в связи с направлением на закордонную работу.

В декабре 1923 года Серебрянский вместе с Блюмкиным выезжает в Палестину, где в течение двух лет действует как разведчик-нелегал — сначала в качестве помощника Блюмкина, а потом самостоятельно. О важности поставленных перед ним задач говорит тот факт, что перед отъездом его принял зампред ОГПУ В. Менжинский, напутствовавший его пожеланием делать за границей все, что будет полезно для революции. Можно предположить, что именно в этот период Серебрянским было осуществлено внедрение в боевое сионистское движение. Во всяком случае, известно, что во время своей палестинской командировки он завербовал большую группу иммигрантов — уроженцев России: А. Н. Ананьева (он же И. К. Кауфман), Ю. И. Волкова, Р. Л. Эске-Рачковского, Н. А. Захарова, А. Н. Турыжникова и ряд других. Именно они составили костяк его боевой группы, извес-

тной позднее как «группа Яши». А в 1924 году к Серебрянскому присоединилась его жена Полина Натановна, которая хотя и не работала в ИНО ОГПУ, но постоянно сопровождала мужа в его многочисленных зарубежных поездках.

В 1925—1928 годах Серебрянский — нелегальный резидент ИНО ОГПУ в Бельгии и во Франции. В 1927 году он приезжал в СССР для того, чтобы пройти партчистку и быть принятым в члены ВКП(б). А 1 апреля 1929 года после возвращения в Москву Серебрянского назначают начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка).

К этому времени первый председатель ОГПУ Ф. Дзержинский умер, а его место занял В. Менжинский, который вскоре назначил Серебрянского начальником только что созданной Особой группы при председателе ОГПУ. Под этим названием действовало независимое от ИНО разведывательное подразделение, задачей которого являлось глубокое внедрение агентуры на объекты военно-стратегического характера в США, Западной Европе и Японии на случай войны, а также проведение диверсионных и террористических операций*.

В 1929 году Серебрянскому было поручено организовать похищение в Париже председателя РОВС генерала А. Кутепова. Кутепов, ставший главой РОВС после внезапной и таинственной смерти в апреле 1928 года первого председателя Союза генерала П. Врангеля, увеличил засылку на территорию СССР боевиков-террористов, чем сильно встревожил Москву. Преувеличивая истинную силу и размах белого движения, кремлевское руководство санкционировало операцию по похищению Кутепова. Во Францию для организации похищения были направлены Серебрянский и заместитель начальника КРО ОГПУ С. Пузицкий.

* Здесь и далее при составлении биографических справок использованы издания «Ветераны внешней разведки России» (М., 1995) и «Календарь памятных дат российской внешней разведки» (М., 2000)

Пузицкий Сергей Васильевич

1895 — 20.06.1937. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935).

Родился в г. Ломжа Привисленского края в семье учителя. В 1912 г. окончил 8-классную Егорьевскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета.

В 1914 г. вступил добровольцем в армию и был направлен в Александровское военное училище, а затем на Специальные артиллерийские курсы. После окончания учебы в 1916 г. — прапорщик, затем подпоручик дивизиона тяжелой артиллерии в различных артиллерийских частях.

После Февральской революции избран членом солдатского комитета дивизии. В октябре 1917 г. вместе со своим артдивизионом выступил на стороне Московского ВРК.

С марта 1918 г. — заведующий артиллерийской частью штаба МВО. С ноября 1918 г. — секретарь, с 1919 г. — следователь, затем заведующий следственным отделом Реввентрибунала Республики.

Одновременно С. В. Пузицкий продолжил прерванное обучение на юридическом факультете Московского университета, который окончил в 1919 г.

В мае 1920 г., оставаясь заведующим следственным отделом Реввентрибунала, постановлением СТО зачислен в резерв Административного отдела ВЧК.

С 25 марта 1921 г. — сотрудник, с 1 июля 1921 г. — помощник начальника, с 26 декабря 1921 г. — начальник 16-го спецотделения ОО ВЧК. В 1921 г. вступил в РКП(б).

С 13 июля 1922 г. по 12 июня 1930 г. — помощник начальника КРО ГПУ-ОГПУ СССР. Одновременно с 1 сентября 1923 г. по 1 июня 1930 г. — помощник начальника ОО ГПУ-ОГПУ СССР.

В этот период С. В. Пузицкий принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении операции «Синдикат-2», завершившейся в 1924 г. арестом руководителя «Союза защиты Родины и Свободы» Б. В. Савинкова, а также в задержании английского разведчика С. Рейли (операция «Трест»).

В январе 1928 г. командирован в Якутию вместе с Г. С. Сыроежкиным для ликвидации повстанческого движения.

В январе 1930 г. в Париже непосредственно участвовал в операции по похищению руководителя РОВС генерала А. П. Кутепова.

3 февраля 1930 г. назначен начальником опергруппы ОГПУ по руководству операцией «по массовому выселению крестьянства и изъятию контрреволюционного актива».

С 12 июня по 15 сентября 1930 г. С. В. Пузицкий находился в должности заместителя начальника КРО ОГПУ СССР. 21 сентября 1930 г. он был вновь назначен помощником начальника, а 11 октября 1930 г. — заместителем начальника ОО ОГПУ СССР. С 21 марта 1931 г. — заместитель полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.

В ноябре 1931 г. С. В. Пузицкого переводят на руководящую работу во внешнюю разведку. С 17 ноября 1931 г. он помощник начальника ИНО ОГПУ (с 1934 г. — ИНО ГУГБ НКВД).

31 января 1935 г. переведен в особый резерв ГУГБ в связи с откомандированием на работу помощником начальника Разведупра РККА.

С 14 июля 1935 г. — заместитель начальника Дмитровского ИТЛ НКВД, начальник 3-го отдела Дмитлага НКВД. 28 апреля 1937 г. откомандирован на Дальний Восток в распоряжение начальника спецгруппы работников НКВД Л. Г. Миронова.

Награжден двумя орденами Красного Знамени (1924, 1934), двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (1924, 1932), знаком «X лет Государственной внутренней охраны МНР» (1932), а также золотым оружием с надписью «С. В. Пузицкому. За беспощадную борьбу с контрреволюцией. Ф. Дзержинский».

9 мая 1937 г. арестован по обвинению в принадлежности к «троцкистско-зиновьевскому блоку». 15 июня 1937 г. лишен госнаград. 19 июня 1937 г. комиссией в составе наркома внутренних дел и Прокурора СССР осужден к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян.

В июне 1956 г. определением ВК ВС СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

В воскресенье 26 января 1930 года Александр Кутепов в 10 часов 30 минут вышел из своей квартиры в доме 26 по рю Руссиле, сказав жене, что направляется на панихиду по генералу Каульбарсу в церковь Союза галлиполийцев. Но на панихиду генерал так и не пришёл, и больше его никто не видел, так как в 11 часов на углу рю Удино и рю Руссиле двое неизвестных втолкнули Кутепова в стоявший рядом серо-зеленый автомобиль, сделали инъекцию морфия и доставили в Марсель к борту находящегося там советского парохода. На борт его провели под видом сильно пьяного члена экипажа. Но слабое сердце генерала не выдержало наркоза, и он умер от сердечного приступа на борту парохода в сотне миль от Новороссийска. Правда, это обстоятельство не отразилось на судьбе главного организатора похищения. 30 марта 1930 года за удачно проведенную операцию Серебрянский был награжден орденом Красного Знамени.

После операции по похищению Кутепова Серебрянский 30 июля 1930 года был зачислен на особый учет ОГПУ и по указанию Ягоды и Артузова начал создавать самостоятельную агентурную сеть в различных странах для организации террора и диверсий на случай войны. Будучи асом разведки, лично завербовал 200 человек. В 1931 году Серебрянского арестовали в Румынии, но вскоре он был освобожден и продолжил свою деятельность. Так, в 1932 году он выезжал в США, а в 1934 году — в Париж.

После образования НКВД Серебрянский 13 июля 1934 года был утвержден начальником Специальной группы особого назначения (СГОН) при НКВД СССР и по поручению Г. Ягоды принимал участие в создании токсикологической лаборатории НКВД. В 1935—1936 годах Серебрянский находился в спецкомандировке в Китае и Японии. 29 ноября 1935 года ему было присвоено спецзвание старшего майора госбезопасности, а с декабря 1936 года он стал начальником Спецгруппы Секретариата НКВД СССР.

Ближайшими помощниками Серебрянского в группе были Альберт Сыркин и Самуил Перевозников.

Сыркин Альберт Иоахимович

1895 — 9.03.1940. Капитан ГБ (1937).

Родился в г. Вильно в семье владельца крупного книгоиздательства. Окончил гимназию. В 1917 г. вступил в партию социал-демократов интернационалистов. С 1917 г. — секретарь Совета фабзавкома Петроградской стороны.

В начале 1918 г. вступил в РКП(б). С 1918 г. — секретарь ИНО Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области.

С 1919 г. — в Вильно: член Коллегии, секретарь Наркомпроса и главный редактор газеты «Звезда», исполняющий обязанности начальника политотдела комиссариата просвещения и начальник отдела печати.

С 1919 г. — заведующий секции политотдела Балтийского флота в Петрограде. С 1920 г. — секретарь военной миссии РККА в Анатолии (Турция).

С 1921 г. — заместитель заведующего личным архивом наркома иностранных дел, затем дипкурьер НКВД.

В 1921—1922 гг. — заместитель начальника политотдела 5-й дивизии в Витебске, затем — секретарь чрезвычайной миссии в Хиве. С 1923 г. — заместитель заведующего ИНО Главлита в Москве.

С 1924 г. — заместитель заведующего Отделом печати полпредства СССР в Италии.

В мае 1926 г. А. И. Сыркин принят на работу в органы ОГПУ. В июне 1926 г. зачислен в резерв назначения ИНО на должность уполномоченного. В июле 1926 г. принял фамилию Бернарди. В ноябре 1926 г. направлен в загранкомандировку.

С ноября 1927 г. А. И. Бернарди — уполномоченный, старший уполномоченный Закордонной части ИНО ОГПУ. В марте — апреле и в июне — октябре 1928 г. находился в спецкомандировках в Италии, Китае и Франции.

С 11 сентября 1937 г. — помощник начальника Специальной группы особого назначения («группа Яши») ГУГБ НКВД СССР.

Награжден двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ» и именным оружием.

10 ноября 1938 г. арестован без санкции прокурора по ордеру, подписанному Л. П. Берией. 8 марта 1940 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации осужден ВК ВС СССР к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян.

В августе 1969 г. определением ВК ВС СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Перевозников Самуил Маркович

12.01.1904 — 28.07.1941.

Известен также как Перов Семен Маркович.

Родился на ст. Жагоры Ковенской губернии «в полуинтеллигентской мещанской семье». В 1905—1916 гг. жил с родителями в м. Росице Полоцкого уезда Витебской губернии. В 1916 г. переехал в Витебск для поступления в среднее учебное заведение, подрабатывал репетиторством. В январе 1919 г. уехал в Двинск на заработки, учился там в единой трудовой школе 2-й ступени. В 1920 г. после захвата Двинска польскими войсками оказался за границей. В том же году окончил школу.

В 1922 г. переехал в Германию для получения высшего образования. Учился в Коммерческом институте Берлина, который окончил в 1926 г. по специальности «Кооперация и банковское дело». 1 июля 1924 г. вступил в КПГ. Активно участвовал в молодежном коммунистическом и профсоюзном движении в Германии. С 1924 г. — ответственный секретарь исполкома Союза советских студентов в Германии. С конца 1924 г. до осени 1925 г. — организатор производственных ячеек в двух районах Берлина, был членом бюро Берлинских студенческих коммунистических фракций. В 1925—1926 гг. — член ЦК Союза коммунистических студентов Германии.

В октябре 1926 г. С. М. Перевозников вернулся в СССР для прохождения службы в РККА. С 1926 г. — член ВКП(б). Находился на руководящей работе в Профинтерне.

С 1933 г. С. М. Перевозников в ИНО ОГПУ. В течение пяти лет был нелегальным резидентом «особой группы Серебрянского» в Шанхае.

В 1939 г. отозван в СССР. Некоторое время работал в центральном аппарате.

2 сентября 1939 г. арестован. На следствии показал, что «к сотрудничеству с английской разведкой» его привлек Я. И. Серебрянский. 7 июля 1941 г. по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации приговорен ВК ВС СССР к высшей мере наказания. 28 июля 1941 г. расстрелян.

29 декабря 1967 г. приговор отменен ВК ВС СССР и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Жена — Беленькая Инна Натановна, работала в Испании в период гражданской войны, покончила жизнь самоубийством.

Когда в июле 1936 года в Испании началась гражданская война, руководство СССР решительно поддержало республиканцев и приняло решение о поставках в Мадрид оружия. Причем часть оружия нелегально закупалась в Европе. Занимались этим практически все резидентуры ИНО НКВД и ГРУ, в том числе и «группа Яши». Так, в сентябре 1936 года сотрудники группы с помощью агента Бернадет купили у французской фирмы «Девуатин» 12 новых военных самолетов. При этом французы были уверены, что самолеты приобрела нейтральная страна Геджас. Самолеты доставили на приграничный с Испанией аэродром, откуда они под предлогом летных испытаний были благополучно перегнаны в Барселону. За эту операцию 31 декабря 1936 года Серебрянский был награжден орденом Ленина.

Другим объектом внимания «группы Яши» в этот период были троцкисты, и в частности сын Льва Троцкого Лев Седов, проходивший в оперативной переписке под псевдонимом Сынок. В ноябре 1936 года люди Серебрянского, которыми непосредственно руководил нелегал НКВД Борис Афанасьев, с помощью агента Марка Зборовского (Тюльпан), внедренного в окружение Седова, и англичанина Моррисона (Генри), имевшего связи

в управлении полиции 7-го округа Парижа, похитили часть архива Международного секретариата троцкистов. Несколько ящиков с бумагами были переданы легальному резиденту ИНО в Париже Г. Косенко, а затем отправлены в Москву. Кража архивов позволила развернуть в западной прессе кампанию против Троцкого, значительно подорвавшую его авторитет.

Афанасьев (Атанасов) Борис Манойлович

15.07.1902 — 21.04.1981. Полковник (1953).

Болгарин. Родился в многодетной семье писаря в болгарском городе Лом. Отец умер в 1908 г. Пятеро детей остались на попечении матери. Всей семьей они обрабатывали принадлежащий им небольшой клочок земли, на котором сеяли кукурузу и овощи для себя, а также работали по найму на виноградных плантациях. Зимой мать работала кухаркой и прачкой, а дети посещали школу.

Борис начал подрабатывать, помогая матери, с 8 лет, а с 14 лет работал чернорабочим на кирпичном заводе, а летом — на виноградных плантациях. Окончил начальную и среднюю педагогическую школу. В 1918 г. вступил в Рабочий молодежный союз — болгарский комсомол, а в феврале 1922 г. — в Болгарскую коммунистическую партию. В этот период он вел активную комсомольскую и военно-партийную работу в родном городе, был арестован по обвинению в организации покушения на министра просвещения. В сентябре 1922 г. по решению партии нелегально с документами белого казака, возвращающегося на родину, эмигрирует в СССР. С 1922 г. Б. М. Афанасьев учится на факультете общественных наук Академии коммунистического воспитания. В 1923 г. он переводится в РКП(б).

После окончания учебы в Академии в сентябре 1926 г. Б. М. Афанасьев был направлен на работу в Краснопресненский райком партии в качестве заместителя заведующего агитпропкабинетом райкома. В марте 1927 г. по направлению Московского комитета ВКП(б) он поступает на работу в качестве научного сотрудника в Коммунистический университет им. Свердлова. Здесь же заканчивает аспиранту-

ру и преподает историю партии, одновременно занимаясь по заданиям Московского комитета ВКП(б) и отдела ЦК ВКП(б) пропагандистской работой на крупных промышленных предприятиях Москвы. По совместительству он читает курс истории партии в различных московских вузах. В 1931—1932 гг. он заместитель заведующего кафедры истории партии в Коммунистическом университете им. Свердлова.

Чекисты обратили внимание на Б. М. Афанасьева еще в 1930 г., когда он был направлен для ведения курса истории партии и ленинизма в Центральную школу ОГПУ. В марте 1932 г. Б. М. Афанасьев становится сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. В том же году его направляют на нелегальную работу в Вену. В марте 1936 г. он выехал во Францию в качестве руководителя нелегальной группы, перед которой была поставлена задача по проникновению в руководящее звено троцкистской организации. В Париже Б. М. Афанасьев (Гамма) являлся оператором агента Марка Зборовского (Тюльпан), внедренного в ближайшее окружение сына Троцкого Л. Л. Седова. С конца 1936 г. по начало 1938 г. группа провела ряд успешных операций, в результате которых были изъяты так называемый «архив Троцкого»: старый и текущий архивы Л. Л. Седова, архив Международного секретариата по организации IV Интернационала.

Вместе со своим товарищем Владимиром Правдиным (Ролан Аббиа) Б. М. Афанасьев 4 сентября 1937 г. в Лозанне (Швейцария) лично приводит в исполнение приговор над невозвращенцем Игнатием Рейссом, принимает активное участие в операции по похищению генерала Миллера. За свои заслуги в ноябре 1937 г. он был награжден орденом Красного Знамени.

По возвращении в СССР Б. М. Афанасьев узнал, что его брат, также эмигрировавший из Болгарии и работавший начальником авиашколы, исключен из партии и арестован в Свердловске. Афанасьев обратился непосредственно к Ежову по делу брата. Он заявил, что ручается за него. Брат был освобожден и назначен начальником авиации Осоавиахима Краснодарского края.

В 1939—1940 гг. Б. М. Афанасьев работает сначала старшим уполномоченным, а затем заместителем начальника отделения в Особом бюро при наркоме внутренних дел

СССР. В марте 1941 г. он был назначен начальником отделения 1-го управления (внешняя разведка) НКГБ СССР.

В июне 1941 г. Б. М. Афанасьев прибыл в Берлин для восстановления полезных для разведки связей (в том числе для попытки выхода на рейхслейтера НСДАП Мартина Бормана). Однако в связи с началом войны вместе с другими советскими гражданами был интернирован и в июле 1941 г. через Турцию депортирован в СССР.

В годы войны Б. М. Афанасьев — один из ближайших соратников П. А. Судоплатова, один из руководителей разведывательно-диверсионной работы в тылу немецких оккупантов. Выезжал в краткосрочные заграникомандировки.

В 1947 г. его увольняют из органов МГБ «в связи с отрицательной характеристикой». С февраля 1948 г. по март 1953 г. он работает начальником управления научной информации издательства «Иностранная литература».

После смерти Сталина Судоплатов, получив от Берии приказ создать 9-й отдел МВД СССР, в числе первых вернулся на работу Б. М. Афанасьева, которому присваивается звание полковника. Однако после ареста Судоплатова его вновь увольняют из органов. В течение года он работает внештатным литературным сотрудником журналов «Новое время» и «Военная мысль», затем его отправляют на пенсию. Однако в декабре 1958 г. он вновь возвращается к работе.

В 1958—1963 г. Б. М. Афанасьев — ответственный редактор журнала «Произведения и мнения» (на французском языке), в 1963—1965 гг. исполняет обязанности заместителя главного редактора журнала «Советская литература», а с 1965 г. до смерти работает заместителем редактора этого журнала.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», «Народная Республика Болгария» 2-й степени и медалями. Заслуженный работник культуры РСФСР (1972).

Косенко Георгий Николаевич

1901 — 20.02.1939. Капитан ГБ (1935).

Родился в г. Ставрополе в семье служащего. Получил среднее образование. В 1918 г. его отец и старшая сестра

(член партии большевиков с 1914 г.) были казнены белогвардейцами.

С 1921 г. — красноармеец Ставропольского дивизиона войск ГПУ, в том же году вступил в РКП(б). С 1924 г. — в органах ОГПУ в Ставрополе, Новороссийске, Владикавказе, Ростове, Свердловске, Москве.

С 1933 г. Г. Н. Косенко — в аппарате ИНО ОГПУ. 30 апреля 1933 г. направлен заместителем резидента (с июня 1935 г. — резидент) в Харбин под фамилией Г. Кислов и прикрытием должности секретаря консульства, а позднее — вице-консула СССР. При его непосредственном участии было выявлено десять банд, сформированных японцами для переброски в СССР, установлен их списочный состав, раскрыто 25 активных японских разведчиков, засылавшихся на советскую территорию, а также более 300 агентов, работавших в различных учреждениях Маньчжоу-Го.

В январе 1936 г. по состоянию здоровья Г. Н. Косенко возвратился в Москву и в мае того же года был направлен легальным резидентом ИНО НКВД в Париж. 22 сентября 1937 г. принимал непосредственное участие в похищении руководителя РОВС генерала Е. К. Миллера, а в 1938 г. — в тайном изъятии и переправке в Москву так называемого «архива Троцкого».

Награжден орденом Красного Знамени (1937).

В ноябре 1938 г. отозван в Москву.

27 декабря 1938 г. арестован. 20 февраля 1939 г., как участник контрреволюционной террористической организации, приговорен ВК ВС СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

15 декабря 1956 г. определением ВК ВС СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

В конце 30-х годов интерес к Седову со стороны советских спецслужб резко возрос. Дело в том, что он, полностью разделявший политические взгляды отца, в 1937 году приступил по его указанию к работе по организации первого съезда IV Интернационала, который

должен был открыться летом 1938 года в Париже. В связи с этим в Москве начали разработку операции по похищению Седова, проведение которой было поручено Серебрянскому. «В 1937 году, — писал он позднее, — я получил задание доставить Сынка в Москву... Задание было о бесследном исчезновении Сынка без шума и доставке его живым в Москву».

План похищения Седова был детально разработан. Были уточнены все его маршруты перемещения по Парижу, на месте предполагаемого похищения несколько раз проводилась репетиция захвата. Для доставки Седова в СССР было разработано два варианта. Согласно первому варианту переправить Сынка в Москву предполагалось морем. С этой целью в середине 1937 года было приобретено небольшое рыболовецкое судно, а на окраине одного из северных портов Франции снят домик, где поселилась семейная пара агентов. По второму варианту Седова намечалось доставить в СССР по воздуху. С этой целью группой Серебрянского был куплен самолет, а надежный агент-летчик стал готовиться к спортивному перелету по маршруту Париж — Токио. В результате тренировок ему удалось довести время беспосадочного нахождения в воздухе до 12 часов, что позволяло при любых погодных условиях долететь до Киева. Всего в подготовке операции участвовало семь сотрудников спецгруппы, в том числе и жена Серебрянского Полина Натановна^{1*}.

Однако похищение Седова так и не состоялось: в феврале 1938 года он умер после операции по удалению аппендицита. Правда, сама смерть Седова до сих пор вызывает немало вопросов. Его прооперировали в частной парижской клинике русских врачей-эмигрантов вечером 8 февраля, и в последующие дни он быстро шел на поправку. Но неожиданно через четыре дня наступило ухудшение. В ночь на 13 февраля его видели идущим полуголым в лихорадочном состоянии по коридорам и па-

* Источники даны в разделе «Примечания».

латам. А утром его самочувствие было таким тяжелым, что вызвало удивление у лечащего врача. Его прооперировали еще раз, но это не помогло, и 16 февраля он умер. Споры о причинах столь неожиданной смерти не прекращаются и сейчас, но полностью отрицать возможность отравления Седова сотрудниками или агентами Серебрянского затруднительно.

Но в 1938 году над головой Серебрянского стали собираться тучи. 13 июля 1938 года из Парижа исчез резидент ИНО в Испании А. Орлов. Неожиданно вызванный в СССР, он посчитал, что в Москве его ожидает расстрел, и вместе с семьей бежал в США. Бегство Орлова бросило подозрение на руководящие кадры разведки, в том числе и на Серебрянского. Осенью 1938 года он был отозван из Франции и 10 ноября вместе с женой арестован в Москве прямо у трапа самолета. Ордер на их арест подписал новый начальник ГУГБ НКВД Л. Берия.

В ходе продолжительного следствия, которое первоначально вел будущий министр МГБ В. Абакумов, а потом следователи С. Мильштейн и П. Гудимович, Серебрянского подвергали пыткам. Так, на первом протоколе допроса, датированном 12 ноября 1938 года, имеется резолюция Берии: «Тов. Абакумову! Крепко допросить». Именно после этого на допросе 16 ноября 1938 года, в котором участвовали Берия, Кобулов и Абакумов, как заявил позднее Серебрянский, он был избит и вынужден дать не соответствующие действительности показания о своей преступной деятельности.

Гудимович Петр Ильич

20.10.1902 — 1993. Полковник.

Родился в Новгороде-Северском Черниговской губернии. В 1920 г. окончил 6 классов средней школы.

С марта 1921 г. служил переписчиком в новгород-северском уездном военкомате и кавалерийских частях РККА. В сентябре 1924 г. демобилизован. Поселился в г. Туапсе, где в

1924—1930 гг. работал делопроизводителем в райвоенкомате и грузчиком.

В 1928 г. вступил в ВКП(б). В 1932 г. окончил рабфак, в 1933 г. — Институт инженеров коммунистического строительства в Новочеркасске, после чего был направлен на работу в органы госбезопасности.

С марта 1933 по апрель 1934 г. П. И. Гудимович слушатель Центральной школы ОГПУ в Москве, затем он был направлен на чекистскую работу в Саратовскую область.

В 1937—1938 гг. — слушатель ШОН НКВД в Подмосковье.

В 1938—1940 гг. П. И. Гудимович заместитель начальника отделения ИНО ГУГБ НКВД. С ноября 1940 по июнь 1941 г. он управляющий советским имуществом и резидент в Польше, где работал вместе со своей женой Е. Д. Модржинской (Мария). Неоднократно докладывал в Москву о подготовке немцев к войне с СССР.

Во время Великой Отечественной войны — начальник отделения, заместитель начальника 2-го отдела 4-го управления НКГБ.

После войны П. И. Гудимович вновь работал в разведке. В 1953 г. уволен по сокращению штатов.

25 января 1939 года Серебрянского перевели в Лефортовскую тюрьму, 13 февраля прокурор дал санкцию на его арест (!), а 21 февраля его уволили из органов НКВД в связи с арестом. Но только 4 октября 1940 года следователем следственной части ГУГБ НКВД лейтенантом госбезопасности Перепелицей было составлено следующее обвинительное заключение:

«10 ноября 1938 года органами НКВД СССР был арестован подозреваемый в шпионской деятельности Серебрянский Яков Исаакович.

Проведенным по делу следствием установлено, что Серебрянский, в прошлом активный эсер, дважды арестовывался органами ОГПУ и при содействии разоблаченных врагов народа проник в органы советской разведки.

В 1924 г., будучи в Палестине, был завербован эмигрантом Покровским для шпионской деятельности в пользу Англии.

В 1927 г. Серебрянский по заданию английской разведки перебросил из Палестины в СССР группу шпионов-террористов в лице Турыжникова, Волкова, Ананьева, Захарова и Эске, которых впоследствии в лаборатории спецгруппы ГУГБ подготавливал к диверсионной и террористической деятельности на территории СССР. Через Турыжникова Серебрянский передавал английской разведке шпионские сведения о политическом и экономическом положении Советского Союза.

В 1933 г. Серебрянский был завербован разоблаченным врагом народа Ягодой в антисоветскую заговорщическую организацию, существующую в органах НКВД.

По заданию Ягоды Серебрянский установил шпионскую связь с французской разведкой, которую информировал о деятельности советской разведки за кордоном, добывал сильнодействующие яды для совершения террористического акта над руководителями партии и советского правительства.

В предъявленном обвинении виновным себя признал...

На основании изложенного обвиняется Серебрянский Яков Исаакович... в том, что

- 1) с 1924 являлся агентом английской разведки,
- 2) с 1933 года по день ареста являлся активным участником антисоветского заговора в НКВД и проводил шпионскую работу в пользу Франции, т. е. преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. Ia и II УК РСФСР»².

Практически такое же обвинительное заключение было предъявлено и жене Серебрянского Полине Натановне.

7 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда приговорила Серебрянского Я. И. к расстрелу с кон-

фискацией имущества, а его жену — к 10 годам лагерей за недоносительство о враждебной деятельности мужа.

Но приговор, вынесенный Серебрянскому, не был приведен в исполнение. Шла Великая Отечественная война, и разведке катастрофически не хватало опытных сотрудников. Поэтому 9 августа 1941 года по ходатайству начальника 2-го отдела НКГБ П. Судоплатова и благодаря вмешательству Берии Серебрянский решением ПВС СССР был амнистирован, освобожден из заключения с прекращением уголовного дела и снятием судимости, восстановлен в органах НКВД и в партии.

С 3 сентября 1941 года Серебрянский — руководитель группы во 2-м отделе НКВД, с 18 января 1942 года — начальник 3-го отделения 4-го управления, в задачу которого входила вербовка агентуры для глубокого оседания в странах Западной Европы и США, с 6 ноября 1943 года — в Особом резерве 4-го управления НКВД-НКГБ. В рядах 4-го управления Серебрянский прошел всю войну, лично участвуя во многих разведывательных операциях. Как пример можно назвать вербовку взятого в плен немецкого адмирала Редера. 19 июня 1945 года Серебрянскому было присвоено звание «полковник».

После войны, в 1946 году, министром госбезопасности был назначен Абакумов, который в свое время вел дело Серебрянского. Почти сразу же после своего назначения он обвинил Судоплатова в том, что тот «вызволил своих дружков из тюрьмы в 1941 году и помог им избежать заслуженного наказания». В результате Судоплатову ничего не оставалось делать, как предложить Серебрянскому и еще некоторым своим сотрудникам, подвергшимся арестам в конце 30-х годов, подать в отставку. И 29 мая 1946 года полковник госбезопасности Серебрянский был уволен на пенсию по состоянию здоровья.

После смерти Сталина Серебрянский по просьбе Судоплатова в мае 1953 года снова вернулся в разведку. С

30 мая он оперработник негласного штата 1-й категории 9-го (разведывательно-диверсионного) отдела МВД, а с 31 июля — сотрудник Второго главного управления (разведка) МВД СССР. Это назначение сыграло роковую роль в судьбе Серебрянского: 8 июля 1953 года он был уволен из МВД в запас, а 8 октября его вместе с женой вновь арестовали. На этот раз его обвинили в участии в так называемом бериевском заговоре с целью государственного переворота.

Судоплатов Павел Анатольевич

7.07.1907 — 24.09.1996. Генерал-лейтенант (1945).

Родился в Мелитополе в семье мельника. В 1914—1919 гг. учился в городской школе. В июне 1919 г. ушел из дома вместе с покидающим город полком РККА. Был воспитанником полка, участвовал в боях с войсками украинских националистов под Киевом. После разгрома полка вместе с оставшимися бойцами дошел до Никополя. Там вступил во вновь сформированный 1-й Ударный Мелитопольский полк 5-й Заднепровской дивизии РККА. Мелитопольский полк был разгромлен войсками генерала Шкуро. П. Судоплатов попал в плен, бежал, прибил к отступающей части Красной Армии, оказался в оккупированной Белой армией Одессе. Там беспризорничал, подрабатывал в порту и на базаре.

После освобождения города в начале 1920 г. вновь вступил в РККА. С февраля 1920 г. — красноармеец роты связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии. С бригадой участвовал в боях на Украине и на польском фронте.

С мая 1921 г. — письмоводитель, регистратор, машинист-систематизатор ОО 44-й дивизии, а затем Волынского губотдела ГПУ в Житомире. С 1922 г. П. Судоплатов в погранвойсках ОГПУ: сотрудник Изяславского погранотделения, а затем Славутинского погранпоста.

С сентября 1923 г. он на комсомольской работе в Мелитополе: заведующий информотделом окружкома ЛКСМУ, член правления и комендант клуба рабочей молодежи. С 1924 г. — секретарь ячейки ЛКСМУ с Ново-

Григорьевка Генического района. С 1924 г. — ученик слесаря и одновременно секретарь ячейки ЛКСМУ завода им. В. Воровского, затем практикант райпотребсоюза в Мелитополе.

В феврале 1925 г. окружком ЛКСМУ направил П. А. Судоплатова на работу в Мелитопольский окротдел ГПУ, где он был зачислен сводчиком информационного отделения. С января 1927 г. — помощник уполномоченного УСО, а затем младший оперработник. Отвечал за работу агентуры, действовавшей в греческом, болгарском и немецком поселениях.

С августа 1928 г. — уполномоченный СПО Харьковского губотдела, затем — уполномоченный ИНФО ГПУ УССР в Харькове. Одновременно в 1928—1930 гг. заочно учился на рабфаке ГПУ. В 1928 г. вступил в ВКП(б).

В июле 1930 г. П. А. Судоплатов был зачислен в резерв назначения и откомандирован комиссаром Культурно-воспитательной части Прилукской трудкоммуну ГПУ для малолетних правонарушителей. С декабря 1931 г. он инспектор Организационно-инструкторского отдела ГПУ УССР в Харькове.

В феврале 1932 г. переведен на работу в центральный аппарат ОГПУ — инспектором, а с января 1933 г. — старшим инспектором 1-го отделения отдела кадров ОГПУ, курировал кадры ИНО.

Вскоре и сам П. А. Судоплатов был зачислен в аппарат ИНО ОГПУ: с апреля 1933 г. он оперуполномоченный 5-го, затем 8-го отделения. С октября 1933 г. — в резерве отдела кадров ОГПУ в связи со спецкомандировкой за рубеж. 1 июня 1934 г., по возвращении в СССР, зачислен оперуполномоченным в ИНО ОГПУ. С ноября 1934 г. — оперуполномоченный 7-го отделения ИНО ГУГБ НКВД.

В 1935 г. под прикрытием представителя украинского антисоветского подполья П. А. Судоплатов (псевдоним Андрей) был внедрен в руководство ОУН в Берлине. Ему удалось попасть на учебу в специальную партийную школу НСДАП в Лейпциге. Завоевав расположение лидера ОУН полковника Евгения Коновальца, разведчик вошел в его ближайшее окружение и сопровождал Коновальца в инспекционных поездках в Париж и Вену. В 1937—1938 гг. Анд-

рей выезжал в Западную Европу в качестве нелегального курьера под прикрытием радиста грузового судна.

По возвращении в СССР — оперуполномоченный ИНО, затем помощник начальника отделения 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

23 августа 1938 г. в Роттердаме по личному поручению И. В. Сталина П. А. Судоплатов осуществил ликвидацию лидера ОУН Е. Коновальца.

С сентября 1938 г. — и. о. помощника начальника 4-го (испанского) отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД. После ареста руководителей разведки З. И. Пассова и С. М. Шпигельглаза в ноябре — декабре 1938 г. исполнял обязанности начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД.

В конце декабря 1938 г. П. А. Судоплатов был отстранен от дел и исключен из ВКП(б) первичной парторганизацией отдела за «связь с врагами народа». Однако благодаря вмешательству руководства НКВД это решение не было утверждено парткомом Наркомата, а П. А. Судоплатов 16 января 1939 г. получил должность заместителя начальника 4-го отделения.

С 10 мая 1939 г. он заместитель начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Руководил подготовкой операции «Утка» (ликвидация Л. Д. Троцкого), успешно осуществленной 20 августа 1940 г. в Мексике Н. И. Эйтингоном и Р. Меркадером.

С 25 февраля 1941 г. П. А. Судоплатов заместитель начальника 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР.

После начала Великой Отечественной войны П. А. Судоплатов с 5 июля 1941 г. начальник Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, с 3 октября 1941 г. — 2-го отдела НКВД СССР. Одновременно с 30 ноября 1941 г. по 1 июня 1942 г. он заместитель начальника 1-го управления НКВД СССР.

С 18 января 1942 г. — начальник 4-го управления НКВД СССР, которое было создано на базе 2-го отдела. Руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в ближних и дальних тылах противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и

ее союзников. С 21 ноября 1942 г. по совместительству — заместитель начальника 1-го управления НКВД СССР. С 11 мая 1943 г. — начальник 4-го управления НКГБ СССР.

С февраля 1944 г. П. А. Судоплатов начальник группы «С» при наркоме внутренних дел СССР, руководил переводом и обобщением материалов по атомной проблематике, полученных агентурным путем. С мая по август 1945 г. по совместительству — начальник отдела «Ф» НКВД СССР. Этот отдел был создан для работы на территории стран, освобожденных Красной Армией от противника, а также для сбора информации от граждан СССР, побывавших в плену или интернированных в странах Европы.

В 1945—1947 гг. под фамилией П. Матвеев и прикрытием должности советника НКВД участвовал в подготовке и проведении конфиденциальных переговоров наркоминдела СССР В. М. Молотова с чрезвычайным и полномочным послом США в СССР А. Гарриманом и лидером курдского национального движения М. Барзани.

С 27 сентября 1945 г. П. А. Судоплатов начальник созданного на базе группы «С» самостоятельного отдела «С» НКВД (с 10 января 1946 г. — НКГБ) СССР. Одновременно начальник Объединенного разведывательного бюро Специального комитета при СНК-СМ СССР по проблеме № 1 (создание атомного оружия). Отвечал за координацию обеспечения разведывательными материалами руководителей и ведущих ученых советского ядерного проекта.

С ноября 1945 г. по совместительству — начальник отдела «К» НКГБ СССР, созданного для оперобслуживания атомных спецобъектов. С мая 1945 г. также являлся начальником Особого бюро — информационно-аналитической службы при наркоме внутренних дел СССР. С января 1946 г. эта служба подчинялась наркому, позднее — министру государственной безопасности СССР.

После образования в марте 1946 г. МГБ СССР П. А. Судоплатов совмещал должности руководителя 4-го управления (до его упразднения 15 октября 1946 г.) и отдела «С» (с 4 мая 1946 г. по 30 мая 1947 г.).

15 февраля 1947 г. возглавил отдел «ДР», созданный для развертывания в случае войны разведывательно-диверсионной работы против военно-стратегических баз США и НАТО, расположенных вокруг СССР.

9 сентября 1950 г. утвержден начальником Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей, созданного на базе спецслужбы МГБ СССР. 6 января 1951 г. возглавил Бюро на правах начальника управления.

После смерти И. В. Сталина П. А. Судоплатов был назначен 17 марта 1953 г. заместителем начальника ПГУ (контрразведка) МВД СССР. С 30 мая 1953 г. он начальник 9-го (разведывательно-диверсионного) отдела МВД СССР.

После хрущевского переворота 9-й отдел МВД был расформирован, а П. А. Судоплатов 31 июля 1953 г. переведен во ВГУ МВД СССР на должность начальника отдела. Однако уже 20 августа 1953 г. он был уволен «за невозможностью дальнейшего использования», а 21 августа 1953 г. арестован в собственном кабинете. Ему предъявили обвинение в бериевском заговоре, имевшем целью «уничтожение членов советского правительства и реставрацию капитализма».

До 1958 г. П. А. Судоплатов находился под следствием. Виновным себя не признал.

12 сентября 1958 г. на закрытом заседании ВК ВС СССР было рассмотрено дело по обвинению П. А. Судоплатова в преступлениях, предусмотренных ст. 17-58 п. 16 УК РСФСР. Он был приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет, с последующим поражением в политических правах на 3 года. 17 октября 1958 г. лишен воинского звания и наград, как осужденный ВС СССР. С сентября 1958 г. отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

В августе 1968 г. П. А. Судоплатов вышел на свободу. После освобождения занялся литературной деятельностью. Под псевдонимом Андреев опубликовал три книги, активно участвовал в ветеранском движении. Более 20 лет боролся за свою реабилитацию. Только 10 февраля 1992 г. в соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических

репрессий» от 18 октября 1991 г. он был реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ.

Незадолго до смерти в соавторстве с младшим сыном Анатолием Павловичем Судоплатовым опубликовал книгу воспоминаний о своей жизни и работе на английском, немецком, русском и других языках («Special Tasks» — США, 1994; «Der Handlanger der Macht. Enthüllungen eines KGB-Generals» — Германия, 1994; «Разведка и Кремль» — Россия, 1996), ставшую международным бестселлером. Через полгода после смерти П. А. Судоплатова вышла в свет его последняя книга — «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950».

Награжден орденом Ленина (1946), тремя орденами Красного Знамени (1937, 1941, 1944), орденом Суворова 2-й степени (1944), двумя орденами Красной Звезды (1940, 1943), орденом Отечественной войны 1-й степени (1945), медалями, знаком «Заслуженный работник НКВД» (1942). В октябре 1998 г. Указом Президента РФ посмертно восстановлен в правах на изъятые при аресте государственные награды. В соответствии с этим семье П. А. Судоплатова возвращены его ордена и медали.

Однако никаких доказательств вины Серебрянского у следствия не было. Поэтому 27 декабря 1954 года решение о его амнистии от 9 августа 1941 года было отменено, его осуждение Прокуратурой СССР было признано обоснованным и дело за 1941 год было направлено в Верховный суд СССР с предложением заменить ему расстрел 25 годами лишения свободы в ИТЛ. В 1955 году жену Серебрянского освободили, но сам он оставался в тюрьме, хотя и перенес несколько инфарктов. 30 марта 1956 года на допросе у следователя Военной прокуратуры генерал-майора Цареградского Серебрянский неожиданно умер от сердечного приступа.

Долгие годы жена Серебрянского Полина Натановна (она умерла в 1983 году) добивалась реабилитации мужа. Но реабилитировали Серебрянского только тогда, когда председатель КГБ Ю. Андропов узнал о его судьбе из

подготовленного по его указанию первого учебника по истории советской разведки. В результате 13 мая 1971 года приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 июля 1941 года в отношении Серебрянского Я. И. по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен, дело о нем за недоказанностью обвинения прекращено, а сам он реабилитирован. Более того, 28 января 1972 года была изменена формулировка его увольнения из органов госбезопасности «уволен в отставку по возрасту», 30 ноября 1989 года решением президиума КПК МК КПСС его посмертно восстановили в партии, а 22 апреля 1996 года Указом Президента РФ — в правах на изъятые при аресте награды.

На земле Поднебесной

О деятельности советской внешней разведки в Европе и Америке известно достаточно много. Но Россия — государство, расположенное не только на территории Европы, но и Азии, и протяженность азиатской границы России значительно больше европейской. Это оправдывает повышенный интерес России к странам Востока, и в частности к Китаю. Огромная территория и постоянно растущая численность населения этого восточного соседа России, его материальные и сырьевые ресурсы делали Китай той страной, военно-политическое положение которой в значительной мере определяло внешнюю политику СССР в азиатском регионе.

Надо сказать, что внутренняя обстановка в Китае в начале 20-х годов была очень сложной. Центральное правительство во главе с лидером партии Гоминьдан Сунь Ятсеном, пришедшее к власти после революции 1911 года, контролировало только несколько провинций на юге страны. Фактически же Китай был раздроблен на многочисленные полунезависимые территории, где власть принадлежала китайским генералам, которых еще называли «военными лордами» или «провинциальными милитаристами».

После освобождения в 1920—1922 годах Сибири, Забайкалья и Приморья от белогвардейцев и японских ок-

купантов руководство советской внешней разведки обратило самое пристальное внимание на обстановку в Китае и особенно на его северных территориях. Это было связано с тем, что после окончания войны в Китае укрылось большое число белогвардейцев, ранее воевавших против Красной Армии. Особенно много их было в Маньчжурии, находившейся под контролем китайского генерала Чжан Цолиня. В короткий срок белогвардейцами было создано несколько активно действующих организаций, таких, как монархическое «Богоявленское братство» (глава Д. Казаков), «Комитет защиты прав и интересов эмигрантов» (руководители генерал Глебов и полковник Колесников), «Мушкетеры», «Черное кольцо», «Голубое кольцо» (все три возглавлял бывший секретарь российского посольства в Пекине Остроухов) и т. д. Кроме того, продолжали существовать военизированные формирования — отряды Анненкова, Глебова, Нечаева, Семенова и других, ставившие своей целью вооруженную борьбу с Советским государством. Поэтому работа против белой эмиграции стала, наряду с добыванием информации о политическом положении в самом Китае и планах японской военщины, главным направлением деятельности сотрудников разведки в Поднебесной.

Первая легальная резидентура ИНО ВЧК в Китае была создана в Пекине под прикрытием советской дипломатической миссии в начале 1921 года. Возглавил ее Аристарх Аристархович Ригин, работавший под псевдонимом Рыльский. Под его руководством начала создаваться агентурная сеть и региональные резидентуры в других городах, которых вскоре насчитывалось около десяти.

Ригин Аристарх Аристархович

17.1.1887 — 1.09.1938. Бригадный комиссар (1935).

Сын крестьянина. Усыновлен педагогом. Окончил немецкую школу в Петербурге в 1906 г., 1-й курс Петербургского университета, университет в Цюрихе в 1910 г., два

курса Военно-медицинской академии в 1913 г., ускоренный выпуск Александровского военного училища в 1916 г. По образованию биолог. В 1905—1910 гг. эсер, член Военно-боевой организации партии эсеров. В 1905—1910 гг. жил в Швейцарии.

До 1917 г. воевал в чине подпоручика на салоникском фронте (в составе Особого экспедиционного корпуса русской армии во Франции). Был ранен. Вел революционную работу среди солдат. По доносу был выслан во Францию. Отказался выехать на фронт и получил по болезни отсрочку на два месяца. Перебрался в Брест (Франция) и на эмигрантском пароходе в сентябре 1917 г. выехал в Россию. С 1918 г. — член РКП(б). В конце 1918 г. в Киеве — секретарь члена ВЦИК Н. С. Тихменева (впоследствии полпреда СССР в Дании) в составе делегации Х. Г. Раковского по переговорам с правительством гетмана П. П. Скоропадского. Был арестован гетманской полицией, находился в заключении в Лукьяновской тюрьме. В 1919 г. военный руководитель Киевского района, начальник Киевского гарнизона, боевого участка. В 1920 г. — член Реввоенсовета 2-й трудовой армии, в 1920—1921 гг. состоял для особых поручений при штабе Юго-Западного фронта. В марте 1921 г. по предложению заместителя командующего войсками Украины и Крыма К. К. Авксентьевского был откомандирован в НКВД. Участвовал в работе эвакуационной комиссии в Выборге, Генуэзской конференции.

В 1922—1923 гг. — резидент ИНО ОГПУ в Пекине (под прикрытием должности атташе и заведующего консульской частью полпредства, оперативный псевдоним Рыльский). Затем — резидент в Дании (с августа 1924 по март 1925 г. атташе полпредства). В марте — мае 1925 г. — второй секретарь полпредства в Японии. Резидент ИНО в Париже (второй секретарь полпредства во Франции) с декабря 1925 по февраль 1927 г. В резерве назначений НКВД с февраля 1927 г.

В октябре 1927 — ноябре 1928 г. — резидент в Риме (второй секретарь полпредства). В связи с клеветническим доносом в конце 1928 г. был отозван из Италии. Разбиратель-

ство, которое провел член Коллегии ОГПУ Г. И. Бокий, закончилось полным оправданием А. А. Ригина.

После отъезда А. А. Ригина из Италии резидентуру возглавляла его жена Зинаида Александровна Летавет. В Москве работал в аппарате ИНО ОГПУ.

В 1935 г. вместе с Артузовым переведен в Разведупр РККА.

Арестован 27 сентября 1937 г. Расстрелян 1 сентября 1938 г.

А в 1922 году в Пекин в качестве советника советской дипломатической миссии прибыл Яков Христофорович Давтян, первый начальник ИНО ВЧК, который стал главным резидентом в Китае и оставался в Пекине до конца 1924 года. Уже вскоре после своего прибытия в Китай Давтян писал начальнику ИНО Мееру Абрамовичу Трилиссеру:

«Я очень рад, что дальневосточным делам в Москве стали придавать большое значение. Работа здесь весьма интересная, захватывающая, огромная, но очень трудная, сложная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность Москвы, плохая связь все больше осложняет здесь нашу работу... Я никогда, даже в ИНО, так много не работал, как здесь, и никогда мне не стоило это таких нервов.

Несколько слов о специальной работе. Она идет хорошо. Если вы следите за присылаемыми материалами, то видите, что я успел охватить почти весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно.

Великолепно работает шанхайский аппарат... Недурно работает маньчжурский аппарат, в частности в Харбине и на станции Пограничной. К сожалению,

харбинский резидент до сих пор подчинен Чите и Владивостоку. Я считаю это ошибкой и полагаю необходимой полную централизацию у меня. Организация должна быть одна. Прошу ваших соответственных распоряжений»¹.

Однако предложения Давтяна о централизации разведывательной работы в Китае остались без ответа. Но, несмотря на все сложности, ему в короткий срок удалось добиться значительных результатов. Так, в докладе в Центр 11 февраля 1923 года он писал:

«Работу я сильно развернул... Уже теперь приличная агентура в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезный аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку...

Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать у нас, связаны с японцами и русской белогвардейщиной. Ожидаю много интересного»².

Надежды Давтяна во многом оправдались. Так, вскоре мукденская резидентура с помощью агентов в японских спецслужбах добыла архив белогвардейской контрразведки на Дальнем Востоке. Эти важные документы были сразу переправлены в Москву с сопроводительным письмом Давтяна, в котором он просил, чтобы архив не был «замаринован», а в полной мере использовался в борьбе с белогвардейской агентурой в СССР.

Как уже говорилось, борьба с белогвардейской эмиграцией была одним из основных направлений работы сотрудников ИНО в Китае. В 20-е годы она велась как силами резидентур ИНО в самом Китае, так и работниками разведотдела полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю. Так, в 1922—1925 годах с помощью заброшенного в Маньчжурию сотрудника разведотдела Владимира Неймана удалось ликвидировать штаб белогвардейского генерала Золотухина и группировку генерала Шильникова.

1898—1938.

Он же Берг Виктор Александрович.

Окончил 3 класса Читинского коммерческого училища, работал в частных фирмах во Владивостоке.

В 1919 г. мобилизован в колчаковскую армию. Поднял восстание в караульной роте и увел ее к партизанам. В 1920—1921 гг. служил в частях НРА ДВР.

В 1921 г. — сотрудник Административной секции Коминтерна. В июне 1921 г. направлен в Китай в качестве представителя Разведотдела НРА и одновременно Профинтерна и Дальсекретариата Коминтерна под фамилией Никольский (псевдонимы: Василий, Васильев). До декабря 1921 г. работал в Шанхае, а затем, до 1925 г., — в Маньчжурии.

Летом 1926 г. вернулся в Хабаровск, откуда был направлен на работу в Читу. В 1926—1928 гг. — уполномоченный КРО Читинского, а в 1929—1930 гг. — Владивостокского окружного отдела ОГПУ.

В начале 30-х гг. В. А. Нейман работал в Сахалине (Китай), затем заместитель начальника отдела ИНО в ПП ОГПУ ДВК.

В 1933—1935 гг. работал в Шанхае.

В 1935 г. отозван в Центр и направлен в загранкомандировку.

В 1938 г. вновь отозван в Москву, арестован и расстрелян.

Другой успешной операцией по нейтрализации антисоветской деятельности белой эмиграции был захват и вывоз в 1926 году на территорию СССР атамана Анненкова. В мае 1920 года он бежал в Китай, где в марте 1921 года был арестован в городе Урумчи генерал-губернатором провинции Синьцзян Ян Цзысяном. В заключении Анненков пробыл почти три года — до февраля 1924 года. Все это время он настойчиво обращался к английскому, французскому, японскому и другим посланникам в Китае с просьбой о скорейшем освобождении,

клятвенно заверяя их, что продолжит борьбу с советской властью. В конце концов под давлением англичан китайцы уступили, и в мае 1924 года Анненков оказался на свободе.

Обосновавшись неподалеку от города Ланьчжоу, Анненков при поддержке англичан вновь начал собирать свой отряд, чтобы продолжить борьбу с советской властью. Однако вся его переписка с другими белогвардейскими лидерами оказалась в руках сотрудников советской разведки. Узнав, что Анненков собирается начать террористические операции против СССР, в Москве приняли решение заманить его в ловушку, доставить на советскую территорию и предать суду. Операция по поимке Анненкова разрабатывалась при участии начальника ИНО ОГПУ Меера Трилиссера, начальника КРО ОГПУ Артура Артузова и начальника Разведупра РККА Яна Берзина. О намерениях Анненкова сообщили генералу Фэн Юйсяну, на территории которого он проживал, и, пользуясь тем, что деятельность атамана затрагивала и его интересы, предложили пригласить Анненкова к себе якобы для работы, арестовать и выдать советским представителям. Непосредственно в Китае операцией руководили прибывший из Москвы сотрудник КРО ОГПУ Сергей Лихаренко, старший военный советник при штабе Фэн Юйсяна Виталий Примаков и начальник военной разведки при группе Примакова Михаил Довгаль.

Фэн Юйсян, зная, что СССР неоднократно добивался выдачи ряда руководителей белогвардейского движения, в том числе и Анненкова, согласился выполнить просьбу советских представителей. В марте 1926 года он вызвал Анненкова к себе под предлогом поступления атамана на службу в китайскую армию. Это не входило в планы Анненкова. Но, не желая ссориться с Фэн Юйсяном, он в конце марта прибыл в его штаб-квартиру и через несколько дней вместе со своим начальником штаба Денисовым был арестован в номере гостиницы. Опе-

рацию по захвату Анненкова провела группа чекистов во главе с Примаковым.

10 апреля 1926 года Анненкова и Денисова отправили в Москву. А 12 августа 1927 года в Семипалатинске выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговорила их к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

В том же, 1926 году чекистами в Маньчжурии был захвачен и вывезен на территорию СССР белогвардейский полковник Ктиторов. Чуть позднее в районе Мулинских копей в Восточной Маньчжурии с помощью агентов-хунхузов были захвачены или убиты полковник Жилинский, А. А. Рудых, «партизаны» (так называли себя белобандиты, периодически проникавшие на территорию СССР) Овечкин-Петров и Понявкин. Позже в том же районе убиты «партизаны» Синев, Стрелков, Шошлов, Рудых-младший и другие.

Большую работу против белоэмигрантов в 20-е годы проводила и харбинская резидентура ИНО ОГПУ. В 1922 году ее сотрудники завербовали подполковника Белой армии Сергея Михайловича Филиппова, который поставлял информацию об антисоветской деятельности военного отдела Харбинского монархического центра. Во главе этого центра стояли бывший царский генерал Кузьмин и профессиональный контрразведчик полковник Жадвойн. С помощью Филиппова дальневосточные чекисты смогли разгромить несколько белогвардейских банд, пытавшихся проникнуть на территорию СССР. Также был ликвидирован так называемый «Таежный штаб» — подпольная белогвардейская организация в Приморье, которая проводила террористические акты по заданиям военного отдела Харбинского монархического центра и японской разведки.

В 1924 году резидентуру ИНО в Харбине возглавил Федор Яковлевич Карин, а его помощником был назначен Василий Михайлович Зарубин.

Карин Федор Яковлевич

1896 — 21.08.1937. Корпусной комиссар.

Настоящее имя — Крутянский Тодрес Янкелевич.

Родился в с. Суслены Бессарабской губернии.

С 1918 г. — в РККА. С 1919 г. — в органах ВЧК, а с 1920 г. — в ИНО ВЧК. В 1922—1924 гг. он нелегал в Румынии, Австрии, Болгарии. С 1924 г. — резидент ИНО в Харбине под прикрытием сотрудника генконсульства СССР. В 1927—1933 гг. он на нелегальной работе в США, нелегальный резидент в Германии и Франции.

На нелегальной работе пользовался швейцарским паспортом брата Артузова — Рудольфа Фраучи.

14 мая 1934 г. начальник ИНО ГУГБ А. Х. Артузов в аттестации Карина записал: «Считаю т. Карина в первой десятке лучших организаторов-разведчиков СССР».

В мае 1934 г. (вместе с Артузовым) отозван в распоряжение РУ Штаба РККА. С января 1935 г. — начальник 2-го (восточного) отдела РУ Штаба РККА. Руководил подготовкой Рихарда Зорге (Рамзая) к миссии в Японии.

16 мая 1937 г. арестован. 21 августа 1937 г. приговорен Комиссией НКВД, Прокурора СССР и Председателя ВК ВС СССР к ВМН и расстрелян.

Реабилитирован 5 мая 1956 г.

Член РКП(б) с 1919 г. Награжден двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Зарубин Василий Михайлович

22.01/3.02.1894 — 1972. Генерал-майор (1945).

Родился в д. Панино Бронницкого уезда Московской губернии в семье кондуктора товарного поезда ст. Москва-Курская Нижегородской ж. д.

В 1903—1908 гг. В. Зарубин учился в двухклассном училище Министерства народного просвещения при Московско-Курской ж. д., после окончания которого начал работать в товариществе В. Лыжина (суконная фирма) сперва мальчиком, затем помощником упаковщика, после этого служил конторщиком и одновременно учился.

Участник Первой мировой войны. С 1914 г. — рядовой 33-го Елецкого полка 9-й пехотной дивизии на Юго-Западном фронте, с 1915 г. — рядовой 58-го запасного пехотного полка запасной бригады в Воронеже. Находясь в действующей армии, вел антивоенную агитацию, за что был направлен в штрафную роту. В марте 1917 г. был ранен и находился на излечении в Воронеже. По возвращении в часть был избран в полковой комитет солдатских депутатов. С октября 1917 г. — конторщик товарищества «Волжская мануфактура» в Москве, с февраля 1918 г. — помощник кладовщика склада товарищества В. Лыжина.

В апреле 1918 г. вступил в РКП(б). С сентября 1918 г. В. М. Зарубин — командир отделения 35-го резервного Рогожско-Самоновского полка 8-й армии Южного фронта. С февраля по июнь 1919 г. он начальник конной связи и помощник начальника штаба по оперчасти 1-й бригады 1-й Московской рабочей дивизии Южного фронта, затем был ранен и длительное время лечился в Москве и Воронеже. С февраля 1920 г. — инструктор-контролер 24-й бригады ВОХР Орловского сектора. С октября 1920 г. — сотрудник для поручений при начальнике 5-й дивизии ВНУС в г. Козлове.

При расформировании войск ВНУС В. М. Зарубин был рекомендован в органы ВЧК. С 12 января 1921 г. он помощник уполномоченного по борьбе со спекуляцией районной транспортной ЧК Центра (Москва), с мая 1921 г. — уполномоченный, заместитель начальника СОЧ, затем начальник СОЧ Отдельной дорожно-транспортной ЧК и одновременно заместитель начальника Отдельной дорожно-транспортной ЧК в Москве.

В апреле 1922 г. В. М. Зарубин был направлен для прохождения службы в ПП ОГПУ ДВО и был назначен заместителем начальника ОО 17-го Приморского корпуса в г. Николаевске-Уссурийском. С февраля 1923 г. он начальник экономического отделения ОГПУ во Владивостоке, одновременно с мая того же года — член комиссии Приморского губотдела ГПУ.

С февраля 1924 г. В. М. Зарубин был переведен на работу в разведку и зачислен в негласный штат по закордонной работе ПП ОГПУ ДВО, выезжал со спецзаданиями в Харбин и Пекин под прикрытием должности завхоза консуль-

ства СССР. С марта 1924 г. он начальник 4-го отделения ЭКО Приморского губотдела ПП ОГПУ ДВО во Владивостоке, отвечал за борьбу с контрабандой наркотиков и оружия из Европы в Китай.

В сентябре 1925 г. переведен в аппарат ИНО ОГПУ и зачислен особоуполномоченным Закордонной части. Владел французским, немецким и английским языками.

С декабря 1925 по 1926 г. — легальный резидент ИНО ОГПУ в Хельсинки, действовал под прикрытием должности атташе полпредства СССР в Финляндии.

С 1927 г. В. М. Зарубин находится на нелегальной работе в Дании. После возвращения в Москву с апреля 1929 г. он особоуполномоченный Закордонной части, а с января 1930 г. — помощник начальника 8-го отделения ИНО ОГПУ.

В марте 1930 г. В. М. Зарубин был назначен нелегальным резидентом ИНО ОГПУ во Франции, куда выехал по документам инженера Яна Кочека, словака по национальности, вместе со своей второй женой Е. Ю. Зарубиной (Горской), предварительно легализовавшись в Швейцарии. Жил в г. Антиб на юге Франции, затем в пригороде Парижа, получил вид на жительство, действовал под прикрытием совладельца гаража, затем совладельца рекламной фирмы. Возглавляемая им резидентура наладила получение документальных материалов не только по Франции, но и по Германии. В частности, она регулярно направляла в Центр добываемую в германском посольстве секретную политическую и экономическую информацию.

В декабре 1933 г. переведен нелегальным резидентом в Берлин. Провел ряд ценных вербовок, являлся оператором особо важного агента — сотрудника гестапо Вилли Лемана (Брайтенбах). Полученная от него ценнейшая информация о структуре, кадрах, операциях РСХА, гестапо и абвера, о военном строительстве и оборонной промышленности Германии, а также о ее планах и намерениях получила высокую оценку Центра.

В 1937 г. для выполнения спецзадания вместе с женой выезжал в США. В декабре 1937 г. вернулся в Москву.

С января 1939 г. — старший оперуполномоченный 7-го отделения, с мая 1939 г. — 10-го отделения, с августа

1940 г. — заместитель начальника 10-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

В этот период В. М. Зарубин продолжал выполнять ответственные оперативные задания: привлек к сотрудничеству латиноамериканского дипломата, аккредитованного в Москве.

Весной 1941 г. выезжал в Китай, где восстановил связь с Вальтером Стеннесом, немецким военным советником Чан Кайши, в прошлом — одним из лидеров левого крыла НСДАП, руководителем берлинских штурмовых отрядов СА. В процессе работы также выезжал в Швейцарию, Италию, Турцию, Польшу, дважды был в Австрии.

С 26 февраля 1941 г. — заместитель начальника I-го управления НКГБ СССР.

В декабре 1941 г. В. М. Зарубин был направлен резидентом в США, действовал под фамилией В. М. Зубилина и прикрытием должности вице-консула СССР в Нью-Йорке. Перед поездкой 12 октября 1941 г. имел личную беседу с И. В. Сталиным.

С апреля 1943 г. — главный резидент в США под прикрытием должности второго секретаря полпредства СССР в Вашингтоне. Возглавляемые В. М. Зарубиным резидентуры в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско добились значительных результатов и внесли огромный вклад в дело укрепления экономической и военной мощи СССР. Получаемая из правительственных, военных и научных кругов США информация высоко оценивалась Центром и регулярно докладывалась советскому руководству.

Летом 1944 г. сотрудник резидентуры В. Д. Миронов написал донос на В. М. Зарубина и других своих коллег, что те якобы являются немецкими и японскими шпионами, который отправил не только в Центр, но и директору ФБР Эдгару Гуверу, фактически раскрыв личный состав резидентуры. В связи с этим в августе 1944 г. В. М. Зарубин был отозван в Москву, где переведен в резерв на время расследования. В ходе следствия было выявлено предательство Миронова. Он был арестован и расстрелян.

По возвращении на родину В. М. Зарубин был назначен заместителем начальника внешней разведки. На этой дол-

жности он проработал до 1948 г. и вышел в запас 27 января 1948 г. «по состоянию здоровья с правом ношения военной формы». После увольнения являлся председателем Теннисной федерации ДСО «Динамо».

В мае 1953 г. был принят П. А. Судоплатовым на работу в 9-й (разведывательно-диверсионный) отдел МВД СССР в качестве оперработника 1-й категории негласного штата. 8 июля 1953 г. уволен из органов МВД с переводом в запас Министерства обороны.

В последующие годы В. М. Зарубин принимал участие в подготовке кадров для разведки: читал лекции по нелегальной работе, написал учебник для специального учебного заведения ПГУ КГБ.

Награжден двумя орденами Ленина (1945, 1970), двумя орденами Красного Знамени (1937, 1944), орденом Красной Звезды (1943), орденом Октябрьской революции и многими медалями, знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (1932), серебряными часами от ПП ОГПУ ДВО (1924), серебряным портсигаром от Коллегии ОГПУ.

В это время в резидентуре работали известные впоследствии разведчики Эрих Такке, Юна Пшепелинская (Такке), Василий Пудин и другие. Одним из наиболее активных агентов резидентуры был Иван Трофимович Иванов-Перекрест. Характеризуя его, Зарубин писал: «Перекрест являлся групповодом, занимался вербовкой агентуры. Добывал очень ценные материалы о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии»³. Именно с помощью И. Иванова-Перекреста харбинская резидентура добыла в 1927 году так называемый меморандум Танаки.

*Альберт-Таке (Такке, Такэ)
(Альберт) Эрих Альбертович*

1894—1937.

Родился в Лаутерберге в семье шорника-кустара. Член КПГ 1919—1924; член ВКП(б) с 1924 г.

Окончил реальное училище в Германии (1910). В 1911—1914 гг. работал в Германии в различных банках. В 1914—1918 гг. работал в Петербурге корреспондентом немецкого языка в Русско-азиатском банке. Когда началась война, его отправили в Усть-Сысольский уезд в качестве гражданского пленного, где он находился до 1918 г. В июне 1918 г. эвакуирован в Германию. В 1918 г. (август — ноябрь) служил в германской армии. Затем работал, в 1919 г. вступил в КПГ в Ганновере. В 1923—1924 гг. работал в Разведупре Штаба РККА в Москве. С 1924 г. работал в ИНО. В 1924—1932 гг. — в зарубежной командировке, из них в 1925—1927 гг. работал в генконсульстве СССР в Харбине. С 1932 г. — зав немецкой секцией Издательства иностранных рабочих в СССР.

Редактор «Издательского товарищества иностранных рабочих в СССР».

Арестован 22 апреля 1936 г. 2 сентября 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации осужден к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован 18 июня 1959 г. военным трибуналом Московского ВО.

***Зингер-Пшепелинская (Альберт-Таке)
Юнона Иосифовна***

1898 — 21.08.1937.

Родилась в г. Сухов (Королевство Польское).

Член ПОВ. Командир роты легионеров, «женщина необыкновенной храбрости», награждена двумя польскими орденами.

Сотрудница НКВД Казахской ССР.

Арестована 16 мая 1937 г. 21 августа 1937 г. по обвинению в шпионаже осуждена Комиссией в составе наркома внутренних дел, Прокурора СССР и Председателя ВК ВС СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстреляна.

Реабилитирована 28 декабря 1967 г.

В том же 1924 году сотрудником резидентуры Василием Пудиным была завербована дочь бывшего полковника царской армии. С помощью отца, работавшего дворни-

ком в японском консульстве в Харбине, ей удалось устроиться горничной в дом одного из японских дипломатов и в дальнейшем передавать Пудину копии важных секретных документов.

Пудин Василий Иванович

02.1901 — 1974. Полковник (1946).

Родился в д. Клусово Ольговской волости Дмитровского уезда Московской губернии в крестьянской семье. В 1913 г. окончил Бетовскую 3-классную сельскую школу. В 15 лет начал работать батраком. В 1916—1918 гг. работал ломовым извозчиком в Дмитрове и в Москве, в 1919 г. — чернорабочим в авиапарке в Москве.

В 1919 г. вступил добровольцем в РККА. Воевал на Кавказском фронте.

С 1920 г. — помощник коменданта и комендант Ревтрибунала 9-й армии и войск Донской области. В январе 1921 г. вступил в РКП(б). В том же году направлен Московским горкомом РКП(б) на работу в ЧК, где был назначен уполномоченным по информации, а с 1923 г. — помощником уполномоченного КРО. Вместе с Г. С. Сыроежкиным участвовал в задержании эмиссара Б. Савинкова полковника Павловского (операция «Синдикат-2»); выступая в роли боевика подпольной организации «Либеральные демократы».

В 1924—1926 гг. В. И. Пудин под видом купца В. И. Шилова находился на разведывательной работе по линии КРО ОГПУ в Харбине, где установил обширные связи среди белогвардейцев, приобрел ценную агентуру.

За время работы в Китае и других странах В. И. Пудин через агентуру и лично путем негласных выемок добыл сотни секретных документов, в том числе около 20 японских и китайских шифров.

В 1930—1931 гг. учился на Общеобразовательных курсах при ОГПУ, которые не окончил в связи с выездом в зарубежную командировку.

В 1932 г. переведен в ИНО ОГПУ и направлен в Монголию, где участвовал в разгроме инспирированного японца-

ми ламаистского мятежа. В 1934 г. вернулся в СССР, работал в центральном аппарате разведки.

С 1936 по 1938 г. В. И. Пудин — заместитель резидента в Болгарии, где завербовал крупного японского дипломата, от которого за вознаграждение получил шифры его МИДа. Это позволило в первые годы войны читать секретную переписку между Токио и Берлином, быть в курсе их планов в отношении СССР.

В 1939 г. поступил в Вечерний институт марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б), который окончил в 1940 г.

После начала Великой Отечественной войны В. И. Пудин был направлен руководителем диверсионной группы в Белоруссию. Был ранен. После лечения остался на подпольной работе, снабжал партизан разведывательными данными.

После окончания войны он заместитель начальника одного из управлений внешней разведки. Неоднократно выезжал за границу для выполнения специальных заданий.

В 1952 г. по состоянию здоровья вышел в отставку.

Автор ряда книг о советских разведчиках.

Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны и многими медалями.

Другим каналом получения информации о планах Японии стала почта, куда были внедрены несколько агентов. С их помощью японская корреспонденция изымалась, вскрывалась, а ее содержимое фотографировалось. Вскоре в связи с увеличением объема добываемых материалов в Харбин из Москвы прибыли два ученых-япониста, которые на месте просматривали документы и отбирали самые важные из них. Отобранные документы переснимались, после чего конверты тщательно запечатывались и отправлялись к адресатам.

На основании анализа материалов, добытых резидентурой путем перлюстрации японской почты, Карин в 1925 году направил в Центр доклад, в котором, в частности, говорилось: «Японская военная клика,

несомненно отражающая планы своего командования, чрезвычайно нагледет и мечтает о войне с Россией. С правой стороны письма на снимке отчетливо видна черная черта. На подлиннике эта черта красная. Важно учесть, что японцы ставят подобную черту только в самых исключительных случаях, когда доверяют бумаге сокровеннейшие свои мысли»⁴. Еще одним ценным агентом харбинской резидентуры был бывший офицер царского Адмиралтейства, служивший на Амурской флотилии, Вячеслав Иванович Пентковский. В 1924 году он сам предложил свои услуги советской разведке, и с этого момента Пентковский и его жена Анна Филипповна Трухина самоотверженно выполняли порученные им задания. Будучи выпускником Петроградской практической восточной академии и юридического факультета университета, а также обладая способностями к языкам, Пентковский смог получить китайское гражданство и даже устроиться на работу в суд города Харбина чиновником. Используя служебное положение, он не только передавал сотрудникам резидентуры важную информацию, но и в 1929 году спас от смерти арестованного китайского генерала, также работавшего на советскую разведку. Однажды, получив доступ к следственным делам, Пентковский заменил изъятые при обыске агентурные сообщения от русских эмигрантов на любовную переписку, взятую из архива. Сами же сообщения были переданы им в резидентуру.

Пентковский Вячеслав Иванович

1886 — ?

Родился в Севастополе. Окончил Петроградскую практическую восточную академию (китайское отделение), юридический факультет Петербургского университета, военноморское училище. Лейтенант царского флота, служил в Адмиралтействе. Владел китайским, английским и французским языками.

С 1918 г. В. И. Пентковский служил в Амурской флотилии в Благовещенске. Был мобилизован в Белую армию, однако дезертировал и бежал в Китай. Принял китайское гражданство и занялся юридической практикой.

В 1924 г. В. И. Пентковский становится сотрудником ИНО ОГПУ. В этом качестве он пробыл в Китае больше 20 лет.

С 1936 г. жил в Шанхае, где открыл юридическую контору.

В разгар битвы под Москвой, наряду с Р. Зорге, передал, что Япония не будет нападать на СССР.

В 1946 г. вернулся на родину.

В 1954 г. защитил диссертацию «Условия труда рабочих и вопросы трудового законодательства в Китае в период господства гоминьдановской реакции (1927—1949)» на степень кандидата экономических наук в Институте востоковедения в Москве. Занимался научной работой.

Умер в Москве.

Жена, Анна Филипповна Трухина, помогала ему в разведывательной работе.

В целом о работе харбинской резидентуры в 20-е годы по Японии можно судить по докладу Карина начальнику ИНО ОГПУ М. Трилиссеру, направленному в Центр в 1925 году:

«Резидентура ИНО ОГПУ в Северной Маньчжурии с центром в Харбине... ведет регулярную и систематическую работу по перлюстрации дипломатических и других секретных почт целого ряда японских учреждений. Японский Генеральный штаб, военные японские миссии в Китае, японские армии: в Квантунской области (Порт-Артур), Корее (Сеул), Китае (Тяньцзинь) и другие вошли в сферу действия нашей разведки».

В начале 20-х годов советско-китайские отношения начали активно развиваться на государственном уровне. 26 января 1923 года Сунь Ятсеном и советским представителем в Китае Адольфом Абрамовичем Иоффе было подписано первое советско-китайское соглашение, пос-

ле чего для оказания помощи гоминьдановскому правительству в Гуанчжоу (Кантон) была направлена группа советских политических советников под началом Михаила Бородина (Грузенберга). Тогда же Москву посетила делегация Гоминьдана, которую возглавлял Чан Кайши. В результате 31 мая 1924 года в Пекине было подписано соглашение «Об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой», которое было первым равноправным международным соглашением Китая. Несколько позднее, 20 сентября 1924 года, в Мукдене был заключен договор с властями, осуществляющими фактический контроль в Северо-Восточном Китае, ставший частью пекинского соглашения. А уже в конце сентября, согласно достигнутым договоренностям, Советский Союз предоставил Китаю заем в 10 млн юаней и начал поставлять оружие для формирующейся Народно-революционной армии Китая. Более того, в октябре 1924 года в Гуанчжоу прибыли первые советские военные советники. Всего же в период с 1924 по 1927 год в Китае работало до 135 советских военных советников, которыми руководили такие известные военачальники, как П. А. Павлов, В. К. Блюхер, А. И. Черепанов и другие.

В 1925 году новым главным резидентом ИНО ОГПУ в Китае вместо отозванного в 1924 году Якова Давтяна был назначен Сергей Вележев. В Пекине он действовал под псевдонимом Ведерников.

Вележев Сергей Георгиевич

1885—1972.

Сын священника. Член РСДРП с 1905 г. Участник Первой мировой войны, прапорщик.

В 1917—1918 гг. — социал-демократ, интернационалист. Большевик с 1918 г. С августа 1917 г. — помощник командующего Омским военным округом. 12 октября 1917 г. арестован в Петрограде. В апреле 1918 г. кооптирован в состав Центросибири, был членом коллегии Сибирского военного комиссариата.

В октябре 1918 г. — апреле 1919 г. находился в плену у японских интервентов. С октября 1919 г. воевал в партизанском отряде. Помощник командира, затем командир эскадрона, действовавшего в районе Хабаровска. С марта 1920 г. — член Хабаровского райвоенкомата, с апреля — начальник штаба Хабаровского (Восточного) фронта. В июле — ноябре 1920 г. — член Военного совета Амурского фронта. С февраля 1921 г. — комиссар Оперативного управления, с июня — заместитель начальника, а с октября — начальник Разведупра штаба помощника главкома по Сибири.

С 1923 до апреля 1929 г. С. Г. Вележев — помощник начальника ИНО ОГПУ. Одновременно в 1925—1927 гг. — главный резидент ИНО в Китае. Работал под фамилией Ведерников и под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Пекине и генерального консульства в Ханькоу.

С 27 апреля по 6 ноября 1929 г. — начальник Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ. С 1930 г. — в аппарате ЦК ВКП(б).

С 1957 г. — персональный пенсионер, жил в Москве.

Тогда же при пекинской резидентуре было образовано представительство КРО ОГПУ, которое возглавил Сергей Лихаренко, принимавший активное участие в захвате атамана Анненкова. В этот период большое значение приобрела шанхайская резидентура. Возглавлял ее с 1922 года С. Л. Вильде, работавший под «крышей» советского консульства. Его заместителем в 1925—1927 годах был Наум Эйтингон. Сотрудники резидентуры оказывали большую помощь прибывавшим в Гуанчжоу советским военным советникам, а также добывали необходимую для Народно-революционной армии информацию. Интересно отметить, что в шанхайской резидентуре в 1926—1927 годах под прикрытием должности коменданта консульства работал Рудольф Абель, чьим именем в 1957 году воспользовался арестованный в США разведчик-нелегал Вильям Фишер.

1892—1967.

В 1918—1921 гг. — помощник бухгалтера шанхайской конторы Центросоюза. В 1921 г. — управляющий делами Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна. С 1921 по 1924 г. — главный бухгалтер шанхайской конторы Центросоюза. Вице-консул в Шанхае (1924—1927) и в Ханькоу (1927—1928).

Значительную помощь гоминьдановскому правительству в борьбе за объединение Китая оказывали и сотрудники внешней разведки, работавшие в Монголии в качестве инструкторов государственной внутренней охраны (ГВО) МНР и одновременно руководившие разведкой в Тибете, Внутренней Монголии и Северном Китае. Так, главный инструктор ГВО в 1926—1927 годах Яков Блюмкин при содействии монгольских разведчиков создал резидентуры в Хайларе (Внутренняя Монголия), Кобдо (Синьцзян) и Калгане (Северный Китай). А в январе 1927 года он получил задание Центра организовать поездку к генералу Фэн Юйсяну, который объявил себя сторонником Сунь Ятсена.

В это время армия Фэн Юйсяна вела тяжелые оборонительные бои с наступающими войсками северных милитаристов, и поэтому Блюмкин решил сам отправиться к нему. После тяжелого и опасного пути через безлюдную, занесенную снегом пустыню Гоби отряд Блюмкина в феврале 1927 года прибыл в Баотоу, где размещался штаб Фэн Юйсяна. Там Блюмкин оставался около месяца, собирая необходимую Центру информацию и оказывая Фэн Юйсяну помощь в организации разведки и контрразведки.

Однако во второй половине 20-х годов кремлевское руководство во главе со Сталиным после реорганизации в 1923—1924 годах Гоминьдана, вступления в него коммунистов и смерти 12 марта 1925 года Сунь Ятсена стало

настаивать на ускорении китайской революции. При этом главной задачей считалось направить Китай на «социалистические рельсы». Но такая близорукая политика привела к печальным результатам. В марте 1927 года Бородин, следуя указаниям из Москвы, предпринял попытку сместить главнокомандующего китайской армией Чан Кайши. По его указанию в Шанхае под руководством КПК началось формирование отрядов китайской Красной гвардии с целью организации вооруженного восстания, провозглашения революционного правительства и создания китайской Красной армии.

Но планы Бородина практически сразу стали известны Чан Кайши, и он немедленно предпринял наступление на Шанхай. 12 апреля 1927 года Шанхай был взят его войсками, начавшееся было восстание потоплено в крови, а 28 апреля были арестованы и казнены 25 функционеров КПК. После этого собравшиеся в Нанкине лидеры Гоминьдана создали новое правительство во главе с Ху Ханмином. Впрочем, фактическим главой нового гоминьдановского режима стал Чан Кайши, с ноября 1928 по январь 1932 года занимавший пост премьер-министра и сохранивший за собой должность главнокомандующего армией.

В результате этих событий советско-китайские отношения резко ухудшились. В апреле 1927 года по указанию Чан Кайши был проведен обыск в советском консульстве в Пекине, который нанес сильный удар по позициям советской разведки в Китае. В ходе обыска полиция изъяла большое количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и поставок оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи советским представителям в разведработе. Обострилась и обстановка в Маньчжурии в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а против сотрудников советского консульства в Харбине постоянно устраивались провокации. Фактический правитель северо-восточных провинций Китая генерал Чжан Цзолинь, с 1918 года державшийся у власти, иг-

рая на противоречивых интересах в Маньчжурии СССР, Японии и правительства Гоминьдана, был крайне обозлен деятельностью Бородина в 1927 году. Он занял откровенно прояпонскую позицию, а нормальное функционирование КВЖД было поставлено под угрозу из-за постоянных провокаций против советских служащих.

В 1928 году сотрудниками харбинской резидентуры, которой с 1927 по 1929 год руководил Наум Эйтингон, были добыты материалы о переговорах союзника Чжан Цзолия, лидера фынтяньской (мукденской) группы «провинциальных милитаристов» Чжан Сюэляна с японцами, целью которых было создание в Северо-Восточном Китае Независимой Маньчжурской республики на следующих условиях:

1) на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии образуется под протекторатом Японии буферное государство под названием Независимая Маньчжурская республика;

2) Япония берет на себя обязательство содействовать включению в новое буферное государство Внешней Монголии;

3) новое маньчжурское государство отказывается от активных действий против правительства собственно Китая, но одновременно обязуется бороться против коммунистического движения;

4) новое маньчжурское правительство обязуется вести агрессивную политику в отношении интересов СССР в Северной Маньчжурии.

В случае отказа Чжан Сюэляна от этих предложений японцы угрожали создать в Маньчжурии такую политическую и экономическую ситуацию, которая приведет к ее оккупации японской армией⁵.

Такое положение дел в Маньчжурии сильно обеспокоило советское руководство. Существует версия, что в 1928 году в Кремле приняли решение ликвидировать Чжан Цзолия. Проведение этой операции было поручено Науму Эйтингону и руководителю нелегальной рези-

дентуры Разведупра РККА в Харбине Христофору Салныню. Самым сложным в этой операции было то, что все подозрения в случившемся должны были пасть на японцев.

4 июня 1928 года на железнодорожном перегоне Пекин — Харбин специальный вагон, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван. Взрывчатка была заложена в виадуке Южно-Маньчжурской железной дороги около Мукдена. Чжан Цзолинь был тяжело ранен в грудь и через несколько часов скончался в мукденском госпитале. Кроме него во время взрыва погибло еще 17 человек, в том числе и генерал У Цзяншен. В связи с тем что железнодорожный узел на стыке Пекин-Мукденской и Южно-Маньчжурской железных дорог вблизи Мукдена охранялся не китайскими, а японскими солдатами, все посчитали, что покушение было организовано японцами. Более того, называли даже имя японского офицера, который привел в действие электрический детонатор, — майор Томи.

Однако ликвидация Чжан Цзолиня не привела к изменению ситуации в Маньчжурии. 27 мая 1929 года китайскими властями был произведен незаконный обыск в советском консульстве в Харбине, а провокации на КВЖД только участились. В результате 17 июля 1929 года советское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с гоминьдановским правительством. После этого легальные резидентуры ИНО и военной разведки в Китае фактически прекратили свою деятельность.

Салнынь Христофор Интович (Гришка)

25.08.1885 — 8.05.1939.

Родился в Риге в семье рабочего. В 1900 г. окончил двухклассную народную школу. Член РСДРП с 1902 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. Боевик. Участвовал в организации многих крупных выступлений боевиков в Прибалтике, в частности в освобождении смертников Лациса и

Слессара из Рижской тюрьмы, боевиков Люттера, Калныня и др. из Рижского сыскного отделения. Трижды арестовывался, однако всякий раз бежал из-под ареста. С 1908 г. — в Лондоне, содержал конспиративную квартиру. С 1912 г. — в США. В 1920 г. выехал на Дальний Восток, вступил во 2-ю Амурскую армию, затем на подпольной работе. После установления советской власти — в распоряжении штаба 5-й армии. В 1920—1921 гг. — в Шанхае под именем Христофор Фогель. В 1921 г. — в Петрограде в разведотделе. В 1921—1923 гг. — на Дальнем Востоке. В 1923 г. переброшен в Германию для работы по созданию нелегальной боевой организации КПГ, занимался организацией «красных сотен» в Тюрингии и сети скрытых складов и баз оружия. В 1924 г. отправлен с транспортом оружия в Болгарию. Около 4 месяцев под псевдонимом Осип в составе отряда Янчева участвовал в партизанской борьбе с правительственными войсками на юге Болгарии. В 1926—1929 гг. — резидент в Китае под именем Христофора Лауберга, гражданина США. Участник событий на КВЖД, руководил диверсионной работой в тылу китайских войск. Окончил Курсы усовершенствования начсостава по разведке в 1930 г. В 1930—1932 гг. — в странах Центральной и Восточной Европы. С октября 1932 г. — помощник начальника 4-го отдела штаба ОКДВА. В 1933—1935 гг. — начальник 3-го сектора 4-го отдела штаба ОКДВА. 10 октября 1935 г. «за исключительно добросовестную работу при выполнении особо ответственных заданий» награжден золотыми часами. С 10 февраля 1935 г. — помощник начальника разведотдела штаба ОКДВА. Бригадный комиссар (13.12.1935). С февраля 1936 г. — заместитель начальника спецотделения «А» (активная разведка) Разведупра. С июня 1937 по март 1938 г. — в Испании под именем Виктор Хугос, советник 14-го (партизанского) корпуса. Арестован 21 апреля 1938 г., расстрелян 8 мая 1939 г. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

В августе 1929 года глава нанкинского правительства Чан Кайши и правитель Северного Китая Чжан Сюэлян начали подготовку к прямому вооруженному конфликту

с СССР. Не видя другого выхода, советское руководство поручило командующему Особой Дальневосточной армии В. К. Блюхеру разгромить китайские войска. 12 октября 1929 года войска под командованием Блюхера перешли в наступление и разбили противника. А уже 22 декабря 1929 года был подписан Хабаровский протокол, восстановивший существовавшее ранее на КВЖД положение.

Во время конфликта на КВЖД сотрудники внешней разведки сделали все от них зависящее, чтобы помочь частям Красной Армии. Очень важную информацию в это время добывала харбинская резидентура ИНО ОГПУ, которой с 1929 по 1930 год руководил Василий Петрович Рошин.

Рошин Василий Петрович

22.08.1903 — 1988. Полковник (1943).

Родился в с. Жариково Ханкайской волости Николо-Уссурийского уезда Приморской области в крестьянской семье. Окончил Спасскую учительскую семинарию.

В 1920 г. вступил в партизанский отряд в Спасске, затем в 1-й Дальневосточный коммунистический отряд. Участник боев с японскими интервентами в Спасске и Хабаровске. По окончании боевых действий демобилизовался и перешел на комсомольскую работу в Хабаровске.

В ноябре 1925 г. В. П. Рошин направлен в Харбин по линии разведотдела штаба Сибирского ВО, действовал под прикрытием должности сотрудника генконсульства СССР. В декабре 1926 г. переведен в ИНО ОГПУ, работал в харбинской резидентуре ИНО под тем же прикрытием, затем под прикрытием служащего КВЖД. Во время советско-китайского конфликта в 1929 г. — сотрудник представительства ИНО ОГПУ по дальневосточным странам во Владивостоке. После завершения конфликта в 1929 г. вновь направлен в Харбин резидентом внешней разведки.

В ноябре 1930 г. В. П. Рошин был переведен в центральный аппарат разведки. В начале 1932 г. назначен заместителем начальника 5-го отделения ИНО ОГПУ. Занимался

обеспечением нелегалов конспиративной связью и документацией.

С июля 1932 г. — сотрудник берлинской резидентуры внешней разведки, действовал под фамилией Туманов. Отвечал за связь с нелегальными резидентами, изучал кандидатов для вербовки.

В мае 1935 г. переведен на должность резидента в Австрии. Работая в Вене, поддерживал контакт с группой Мейснера, передававшей советской разведке ценную документальную информацию: переписку МИД Австрии со своими посольствами, циркуляры Главной дирекции общественной безопасности, материалы Разведывательного бюро. Лично привлек к сотрудничеству пять ценных источников.

В феврале 1938 г. В. П. Рошин был отозван в Москву и уволен из разведки.

В 1940 г. окончил Вечерний институт марксизма-ленинизма при МК ВКП(б).

В начале 1941 г. восстановлен в рядах НКВД СССР, курировал работу нелегальной агентуры на территории оккупированной немцами Австрии.

После начала Великой Отечественной войны В. П. Рошин — начальник отделения Особой группы — 4-го управления НКВД СССР. Прodelал большую работу по подготовке и заброске в оккупированную Белоруссию оперативно-боевых групп, осуществлял руководство их деятельностью. Летом 1942 г. два месяца работал в осажденном Ленинграде, а после Сталинградской битвы несколько месяцев занимался работой с пленными генералами и полковниками армии Паулюса.

В 1943 г. переведен в аппарат 1-го управления НКГБ СССР и в конце года направлен резидентом в Стокгольм. Основной задачей В. П. Рошина в Швеции было получение информации по Германии и Финляндии. В 1945 г. переведен резидентом в Финляндию.

В 1947 г. вернулся в СССР, работал в центральном аппарате внешней разведки. В октябре того же года направлен резидентом в Берлин под фамилией В. Ф. Разин и прикрытием должности заместителя политического советника СВАГ. Возглавляемая В. П. Рошиным резидентура осуще-

ствила вербовку 27 агентов, от которых поступала ценная разведывательная информация.

В 1950—1953 гг. работал в центральном аппарате разведки на руководящих должностях.

В 1953 г. вышел в отставку по состоянию здоровья.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, многими медалями.

Кроме того, в 1928—1931 годах в Маньчжурии весьма успешно работала нелегальная резидентура разведотдела полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю во главе с Борисом Богдановым. После возвращения Богданова в Хабаровск в его аттестации было сказано следующее: «Богданов выдержан, умеет владеть собой и в сложных, неожиданных ситуациях. В период конфликта на КВЖД в условиях закордона, рискуя собой, сумел обеспечить работу подчиненного ему аппарата. Является хорошим востоковедом. Энергичный, любит свое дело и честно относится к нему»⁶.

Богданов Борис Давыдович

? — 10.02.1938.

Работал журналистом. Окончил Владивостокский политехнический институт. Владел английским, французским и немецким языками.

С начала 20-х гг. служил во Владивостокском оперсекторе ОГПУ. Начальник контрразведки Читинского окружного отдела ОГПУ.

В 1929—1931 гг. — в служебной командировке в Китае. В 1932—1937 гг. — заместитель начальника разведотдела полпредства ОГПУ-УНКВД по Дальневосточному краю. В июле — августе 1937 г. — начальник разведотдела.

Арестован 23 августа 1937 г. По обвинению в участии в право-троцкистской организации приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 10 февраля 1938 г.

Реабилитирован во второй половине 50-х гг.

18 сентября 1931 года на Южно-Маньчжурской железной дороге, принадлежавшей Японии, произошел взрыв, послуживший поводом для вторжения японской армии в Северный Китай. В результате этой агрессии Маньчжурия была оккупирована японцами, а на ее территории создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, номинальным главою которого стал Айснцзери Пу И, последний представитель китайской императорской династии Цинь. Таким образом, планы Японии, о которых советской разведке стало известно еще в 1928 году, осуществились. А выдвижение японской Квантунской армии к границам СССР и отказ Японии в декабре 1931 года от предложения советского правительства подписать японо-советский пакт о ненападении заставили резидентуру внешней разведки в Китае и разведывательный отдел Восточно-Сибирского полпредства ОГПУ активизировать работу по сбору сведений о военно-политических планах кабинета премьер-министра Танаки, а также усилить деятельность по нейтрализации белогвардейской эмиграции. Так, в директиве ИНО ОГПУ, направленной в резидентуры на Дальнем Востоке, в частности, говорилось:

«Желательно получать от вас периодические краткие обзоры настроений и планов белогвардейских группировок. Вскрываюте посредством более глубокого анализа действительную подоплеку тех или других мероприятий «белых вождей», специально заостряя внимание на командирах-партизанах, учитывая их конкретную работу по подготовке диверсионных и террористических актов... Выявляйте нити связи с Европой — какие оттуда поступают директивы, кто заинтересован в их осуществлении и т. д. Всегда надо пытаться выяснить, кто стоит за спиной той или иной белой группировки. Надо выявлять среди враждебно настроенной белой эмиграции английскую, французскую и особенно японскую агентуру»⁷.

Практически все положения этой директивы вскоре были воплощены в жизнь. В 1931 году на территории Маньчжурии сотрудниками разведотдела Восточно-Сибирского полпредства ОГПУ был захвачен и выведен в СССР крупный монгольский политический деятель Мэрсэ (Го Даофу). С начала 20-х годов он являлся лидером так называемого Движения молодых монголов и даже входил в руководство Профинтерна. Возглавлявшаяся им Народно-революционная партия Внутренней Монголии при поддержке властей Монгольской Народной Республики периодически устраивала вооруженные выступления. Однако в конце 20-х годов Мэрсэ вошел в состав гоминьдановского Комитета по делам Монголии и Тибета, а после оккупации японцами Барги вновь сменил хозяев, став сторонником японцев. Тогда нелегальная резидентура Дальневосточного полпредства ОГПУ в Маньчжурии, которой руководил Николай Шилов (Кук), провела спецоперацию по нейтрализации Мэрсэ. Косвенным результатом этой операции стало снятие с поста руководителя японской разведки в Маньчжурии полковника Уэда. А на следующий год Шилов провел очередную операцию, в результате которой китайскими властями был арестован японский агент Ушаков. Его показания были опубликованы в зарубежной печати и изобличали попытки японской разведки использовать военные формирования белой эмиграции против СССР. К сожалению, в 1933 году в резидентуре Шилова произошел провал. И хотя ему удалось вывести из-под удара большую часть агентуры, два его помощника, Ястребов и Курков, снабжавшие советскую разведку документами японской военной миссии, были арестованы и погибли при допросах.

Шилов Николай Петрович

1900 — 10.05.1939.

Родился в Угличе. С 1919 г. он в РККА. Участник боев под Петроградом и на польском фронте. Член РКП(б) с

1919 г. С 1920 г. — в ВЧК. В 1925—1928 гг. — в погранвойсках на Дальнем Востоке. С 1928 г. — в ИНО ПП ОГПУ ДВК. Начальник разведотдела ПП ОГПУ ДВК-УНКВД ДВК до июля 1937 г., когда был переведен в центральный аппарат НКВД. Арестован 29 августа 1937 г. без санкции прокурора, по запросу начальника УНКВД ДВК Г. С. Люшкова. В январе 1939 г. военным трибуналом ДВО приговорен к расстрелу. Расстрелян 10 мая 1939 г. Посмертно реабилитирован в 50-х гг.

В 1932 году красные партизаны и хунхузы, действующие на китайской территории, разгромили отряд белогвардейского «Братства Русской Правды» во главе с И. Стрельниковым близ станции Эхо. Из всего отряда спасся лишь один человек. В декабре 1932 года был убит руководитель Дальневосточного отдела все того же «Братства Русской Правды» полковник Горбунов, после чего деятельность этой организации сошла на нет.

В 1932 году разведотдел Восточно-Сибирского полпредства ОГПУ, который возглавил Борис Гудзь, начал проводить операцию «Мечтатели» (так называли белых эмигрантов, мечтавших о свержении советской власти). Разведчиками была создана мнимая подпольная антисоветская организация, роль связного в ней выполнял ничего не подозревающий сын репрессированного священника. Через бывшего белого генерала Лапшакова, который лояльно относился к советской власти, разведчики вышли на его брата, одного из руководителей белой эмиграции в Маньчжурии полковника Кобылкина. Вскоре через границу в адрес псевдоподполья начали поступать деньги, оружие и антисоветская литература. А затем через «окно» на территорию СССР попыталась проникнуть вооруженная группа во главе с Кобылкиным, которая была немедленно уничтожена. В 1933 году сотрудники Гудзя провели дерзкую операцию на территории Маньчжурии. Группой советских бурят — агентов ОГПУ — во время вспых-

нувшего на территории Китая очередного восстания был выкраден и вывезен на территорию СССР соратник атамана Семенова полковник Топхаев. А в августе 1935 года в Трехречье был убит ближайший помощник Семенова генерал Тирбах и ликвидированы действующие на советской территории фашистские группы Со-рокина и Комиссарова.

Не менее активно действовали разведчики полпредства и против японцев. В начале 30-х годов ими была начата операция «Маки-Мираж», направленная против резидентуры японской разведки, действовавшей в Маньчжурии. При этом, как ни странно, чекисты воспользовались составленной полковником японского генерального штаба Кандо Масатано инструкцией «План подрывной деятельности японских разведорганов против СССР», в которой, в частности, говорилось: «В том случае, если нельзя будет устроить официальные разведорганы, необходимо отправлять в Россию японских разведагентов под видом дипломатических чиновников. Если же и это будет невозможно, то тогда нужно будет отправлять переодетых офицеров на территорию СССР». Военным агентам, забрасываемым на территорию СССР, предписывалось: «Изучать особые организации, общества и отдельных видных лиц, которых можно использовать для получения разведывательной информации, пропаганды и подрывной деятельности»⁸.

Для проведения операции «Маки-Мираж» в 1931 году в маньчжурский город Сахалин был направлен сотрудник разведотдела полпредства ОГПУ по ДВК Владимир Нейман (Василий). Чуть позднее его помощник Летов, находившийся в Сахалине в качестве разъездного агента «Дальгосторга», вступил в контакт с резидентом японской военной разведки Кумазавай. Вскоре Кумазава пришел к выводу, что перед ним недолюбливающий советскую власть субъект, которого есть смысл использовать в разведывательной работе на территории СССР. «Завербованный» Кумазавай Летов,

получивший псевдоним Старик, разыскивал знакомых японского резидента, с которыми была потеряна связь, собирал информацию о воинских гарнизонах Хабаровска и Благовещенска, а также поставлял японской разведке дезинформацию от имени некоего Прозорова, командира взвода 6-го Волочаевского полка. Кумазава был настолько доволен Летовым, что ввел его в свой дом и даже делился с ним своими планами и указаниями генштаба, чтобы Старик тоже думал, как их лучше выполнить. Через некоторое время Прозорова «перевели» в Николаевск-на-Амуре, и Кумазава попросил Летова подыскать другого агента. Летов с этим поручением справился и «завербовал» для японцев сотрудника штаба ОКДВА, который прокутил с женщинами несколько тысяч казенных денег. Так у японской разведки появился новый агент под кличкой Большой Корреспондент, через которого хабаровские чекисты направляли тщательно подготовленную дезинформацию. А для того чтобы у японцев не возникло подозрений относительно Старика и Большого Корреспондента, одновременно с операцией «Маки-Мираж» была начата операция «Весна»: при помощи агента разведотдела Никитиной, проживавшей в Маньчжурии, в японские спецслужбы направлялась информация, подтверждавшая достоверность сообщений Большого Корреспондента. В 1934 году Нейман вернулся в Хабаровск. А через некоторое время в его личном деле появилась запись: «Провел разработку «Маки», давшую очень приличные результаты. Организовал выемку документов в японской военной миссии». Что же касается Летова и Большого Корреспондента, то они еще долго вводили в заблуждение японскую разведку. А всего во время проведения операции «Маки-Мираж» было обезврежено около 200 японских агентов⁹.

Большую работу по выявлению намерений японской военщины проводила и харбинская резидентура ИНО ОГПУ. В 1932—1935 годах ею руководил Освальд Янович

Нодев, которому помогали часто приезжавшие в Харбин бывший начальник ИНО Меер Абрамович Трилиссер и Сергей Михайлович Шпигельглаз. К 1932 году на связи у резидентуры находилось несколько ценных агентов, среди которых следует выделить Осипова, Фридриха и Брауна.

Шпигельглаз Сергей Михайлович

29.04.1897 — 29.01.1940. Майор ГБ.

Родился в местечке Мосты Гродненской губернии в семье бухгалтера. После окончания 1-го Варшавского реального училища поступил на юридический факультет Московского университета. Владел польским, немецким и французским языками.

В мае 1917 г. призван в армию с 3-го курса. Закончил школу прапорщиков в Петрограде, служил в 42-м запасном полку.

С апреля 1918 г. С. М. Шпигельглаз — заведующий финчастью Мосгубвоенкомата. После его упразднения с января 1919 г. работал в органах Военного контроля. После слияния Военного контроля с Военным отделом ВЧК и образования Особого отдела он автоматически оказался в рядах чекистов, получив должность начальника сметного (финансового) отделения ОО ВЧК. В 1919 г. вступил в РКП(б).

Являясь членом так называемой «экспедиции Кедрова», С. М. Шпигельглаз неоднократно выезжал с оперативными группами в города и районы Юга, Запада и Центра России, участвовал в карательных акциях, подавлении контрреволюционных заговоров и мятежей, в разработках подозреваемых в принадлежности к контрреволюции лиц. С 1921 г. работал в ЧК Белоруссии.

С января 1922 г. С. М. Шпигельглаз — уполномоченный 6-го отдела КРО ГПУ, а затем — ИНО ОГПУ. В 1922 г. он был направлен в спецкомандировку в Монголию, где оказывал содействие монгольским коллегам в работе по разоблачению и пресечению деятельности белоэмигрантских бандформирований. Используя агентурные возможности, инфор-

мировал Центр об обстановке в Монголии, а также о стратегических планах Японии и империалистических кругов Китая на Дальнем Востоке.

По возвращении в Москву С. М. Шпигельглаз был назначен на руководящую должность во внешней разведке: с сентября 1926 г. он помощник начальника ИНО ОГПУ, затем ИНО ГУГБ НКВД СССР, а с 25 декабря 1936 г. — заместитель начальника 7-го отдела ГУГБ НКВД.

В этот период С. М. Шпигельглаз неоднократно выполнял спецзадания за рубежом: в Китае, Германии, Франции. Так, под прикрытием владельца рыбной лавки возглавлял нелегальную разведсеть в Париже. В декабре 1937 г. С. М. Шпигельглаз (псевдоним Дуглас) руководил похищением возглавлявшего РОВС генерала Е. К. Миллера, организовал вывоз из Франции в Испанию ценного агента ИНО в РОВС генерала Н. В. Скоблина. Активно работал против ОУН. Под непосредственным руководством Дугласа советская разведка добыла секретные материалы германского Генерального штаба, известные как «Завещание Секта» и содержавшие военную доктрину Германии в отношении СССР.

Выезжая в Испанию в период гражданской войны, С. М. Шпигельглаз оказывал оперативную помощь резидентуре, руководил специальными операциями разведывательно-диверсионных «летучих отрядов» в тылу франкистов.

После смерти А. А. Слуцкого с февраля 1938 г. С. М. Шпигельглаз исполнял обязанности начальника 7-го отдела ГУГБ НКВД. С 28 марта 1938 г. он заместитель начальника 5-го отдела 1-го УГБ НКВД, с 29 сентября 1938 г. — 5-го отдела ГУГБ НКВД. Одновременно преподавал в Школе особого назначения (ШОН) ГУГБ НКВД СССР.

Арестован 2 ноября 1938 г. За измену родине, участие в заговорщической деятельности, шпионаж и связь с врагами народа осужден ВК ВС СССР к высшей мере наказания. 29 января 1941 г. расстрелян.

В ноябре 1956 г. определением ВК ВС СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Нодев Освальд Янович

1896—1938. Старший майор ГБ (1935).

Родился в имении Сепкуль Сепкульской волости Лифляндской губернии. В 1914 г. вступил в партию большевиков. В органах ВЧК с 1919 г. Работал в Карелии, Пензе, на Северном Кавказе, Урале.

С марта 1932 по июль 1935 г. — в спецкомандировке за рубежом по линии ИНО ОГПУ.

С июля 1935 г. — заместитель начальника УНКВД Азербайджанской ССР. С 19 января 1937 г. — заместитель начальника 7-го отдела ГУГБ НКВД.

С 20 июля 1937 г. он нарком внутренних дел Туркменской ССР.

Награжден двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (1925, 1935).

Арестован 17 декабря 1937 г. 29 августа 1938 г. по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации осужден ВК ВС СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

3 ноября 1954 г. определением ВК ВС СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Осипов, проживающий в Маньчжурии с 1923 года, был завербован в 1928 году и при помощи резидентуры устроился на работу в японскую жандармерию шофером. В дальнейшем, зарекомендовав себя лояльным и исполнительным работником, он стал сотрудником особого (политического) отдела жандармерии, работавшего против советских учреждений. В 1929 году при помощи Осипова сотрудникам резидентуры удалось подбросить японцам документы, из которых следовало, что, дескать, их агенты Шапакидзе, Карнаука, Голубев, Чистохин, Шабалин и другие (всего около 20 человек) подали заявление о восстановлении их в советском гражданстве. В результате все они были ликвидированы самими японцами. В 1932 году Осипов близко сошелся с

начальником жандармерии полковником Сасо, что позволило ему добывать материалы о противоречиях в кругах белой эмиграции. Летом 1936 года Осипов был вместе с полковником Сасо переведен в Тяньцзинь, где продолжил свою работу.

О деятельности Осипова можно судить по докладу резидентуры в Центр в 1936 году, в котором говорилось: «Положение Осипова в местной японской разведке укрепилось настолько, что вся работа полковника Сасо по белым, советским и иностранцам проходит сейчас через руки нашего помощника»¹⁰. К сожалению, связь с Осиповым прервалась в 1938 году и больше не восстанавливалась. А в 1945 году во время боевых действий в центральном районе Китая Осипов погиб.

Фридрих, бывший сначала офицером колчаковской армии, а затем одного из подразделений генерала Каппеля, появился в Маньчжурии в 1926 году. Будучи работником особого отдела жандармерии в Харбине, Фридрих в 1929 году предупредил сотрудников советского консульства о предстоящем налете на него китайской полиции. А с 1930 года он стал сотрудничать с советской разведкой на постоянной основе. От него резидентура регулярно получала информацию о засылке японцами агентуры на территорию СССР, подготовке японцами и белоэмигрантами враждебных акций против советских учреждений в Маньчжурии, создании фашистской партией группы боевиков для совершения террористических актов против советских представителей в Китае. В 1936 году Фридрих был арестован японцами по подозрению в связях с советской разведкой. Однако на допросах он категорически отрицал предъявленные ему обвинения и вскоре был отпущен на свободу. После освобождения Фридриха сотрудники харбинской резидентуры вывели его сначала в Тяньцзинь, а потом в Шанхай.

Браун, бывший офицер-каппелевец и полковник китайской армии, обосновался в Харбине в 1923 году, а в 1927 году был завербован советской разведкой. Он актив-

но работал в белоэмигрантских организациях «Братство Русской Правды», «Дружина русских соколов», РОВС и других и пользовался среди их руководства уважением. Благодаря этому обстоятельству от него в резидентуру поступала информация о деятельности этих организаций, а также о попытках японцев сформировать при помощи атамана Семенова казачьи части для будущей войны против СССР. В августе 1933 года от Брауна поступила информация о том, что в июле в Харбине побывал полковник оперативного отдела японского Генштаба, активный сторонник партии войны Исимото. В разговорах Исимото утверждал, что военная партия категорически настаивает на военной демонстрации против СССР в ближайшее время. Кроме того, Браун сообщил, что, будучи в Харбине, Исимото занимался разработкой плана военной кампании в Монголии против Советского Союза.

В 1932 году харбинская резидентура получила еще одного ценного агента. Им стал Хироси Отэ (Абэ), офицер японский контрразведки, в 1927 году завербованный сотрудниками резидентуры ИНО в Сеуле. В Харбине в служебные обязанности Отэ входило: сбор политической информации и составление разведывательных докладов для командования Квантунской армии, обработка сообщений русской агентуры, поддержание связи с японской военной миссией и полицией, работа с белоэмигрантскими организациями, обеспечение в Маньчжурии агентуры и разведывательных групп, забрасываемых в СССР.

Отэ передавал своему оператору Новаку информацию о японской агентуре и ее работе против советских учреждений в Маньчжурии, о формировании воинских отрядов из русских эмигрантов, о советских гражданах, за которыми установлена слежка. Кроме того, он сообщал о фактах перевербовки японцами агентов резидентуры из числа китайцев, а однажды предупредил о том, что японцы завербовали сотрудника резидентуры советской военной разведки, что помогло сорвать подготавли-

ваемую японцами провокацию. Также с помощью Отэ была получена документальная информация о прибытии и размещении в Маньчжурии японских войск, их вооружении и техническом оснащении и готовности к военным действиям против СССР.

В 1935 году, давая характеристику Отэ и оценивая его работу, находившийся в Харбине Трилиссер докладывал в Москву:

«Очень неглуп, ловок, изворотлив, требует серьезного к себе отношения. Работает с нами по двум мотивам — деньги и авантюризм. В сохранении связи с нами в данное время очень заинтересован отчасти в силу привычки, а главное потому, что нужны деньги для многочисленной родни. В смысле конспирации часто крайне неосторожен. Любит, когда внимательно относятся к его личным делам... Очень умело завязывает связи в японских учреждениях, и в этом отношении от него можно добиться результатов...

Дает ценный информационный и документальный материал по жандармерии, японской военной миссии и работе белоэмигрантов... Этот наиболее ценный среди японцев источник долгое время был единственным нашим японским агентом»¹¹.

Действовали в это время в Китае и разведчики-нелегалы. Так, в октябре 1930 года в Маньчжурию под видом русского эмигранта вместе с женой Александрой был направлен уже упоминавшийся Рудольф Абель. Для такой легенды были все основания. Дело в том, что брат и сестра жены Абеля Григорий и Нина Стокалич в 1919 году эмигрировали в Китай, в город Тиньзянь. В этой долгосрочной командировке, подробности которой до сих пор неизвестны, Абель находился до осени 1936 года, после чего вернулся в Москву.

С 1933 по 1935 год работал в Китае Исхак Абдулович Ахмеров. Он прибыл в Пекин под видом студента-востоковеда, гражданина Турции. Два года он обучался в американском колледже и занимался разработкой представителей иностранных колоний в Китае.

7.04.1901 — 1975. Полковник.

Родился в деревне Царевококшайского уезда, Казанской губернии. После смерти отца (крестьянина, затем приказчика) жил с матерью у деда — кустика-скорняка. В 1912 г. после смерти деда батрачил, служил мальчиком на побегушках в галантерейном магазине, работал подмастерьем, курьером, шлифовальщиком в типографии, учеником электромонтера, хлебопеком, батраком, приказчиком в мануфактурном магазине.

В 1918 г. окончил курсы счетоводов, поступил на работу в Наркомпрод Татарии. В 1919 г. вступил в РКП(б). В 1920 г. избирался депутатом Казанского горсовета. В 1920—1921 гг. — начальник губернского управления снабжения армии, затем начальник управления снабжения Наркомпроса Татарской Республики.

С 1921 г. учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, а с 1922 г. — на отделении внешних сношений 1-го МГУ. После его окончания, в 1923—1925 гг., — заместитель директора Московского педтехникума имени Профинтерна.

В 1925 г. направлен по линии НКВД в качестве дипломатического агента в Термез (Узбекская ССР). В том же году переведен на работу в Турцию секретарем генконсульства СССР в Стамбуле, а затем он временно исполняющий обязанности генерального консула в Трапезунде (1928—1929). Референт НКВД СССР (1929—1930). В совершенстве владел турецким, английским и французским языками.

В этот период начал сотрудничать с внешней разведкой. Привлек к работе с ИНО ОГПУ ряд ценных источников.

По возвращении в марте 1930 г. в СССР И. А. Ахмеров был зачислен в органы ОГПУ. В 1930—1931 гг. участвовал в борьбе с басмачеством в Бухаре. Учился в Институте красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики (1931—1932).

В 1932 г. переведен в штат ИНО ОГПУ.

После непродолжительной стажировки И. А. Ахмеров был направлен на нелегальную работу в Турцию, а затем в Китай под прикрытием студента-востоковеда, гражданина

Турции. Там он занимался разработкой представителей иностранной колонии в Пекине. Как турецкий студент прошел курс обучения в американском колледже, где совершенствовал знания английского языка.

В 1934 г. отозван в Москву и уже в 1935 г. направлен в США по турецкому паспорту в качестве заместителя руководителя вновь созданной нелегальной резидентуры, руководимой Б. Я. Базаровым (Норд) (незадолго до этого предыдущий нелегальный резидент в США В. Маркин погиб при загадочных обстоятельствах). Здесь Ахмерову (Юнг) удалось быстро легализоваться и приступить к работе в качестве заместителя нелегального резидента, а после отзыва Б. Я. Базарова в Москву летом 1938 г. возглавить резидентуру.

В США И. А. Ахмеровым было завербовано более 10 важных агентов. Он лично контролировал работу ценных источников: сотрудников Госдепартамента «19», или Френк, и Найджела; Лизы — дочери бывшего посла США в Германии Марты Додд; сотрудника Государственного казначейства Кассира и других. От этих агентов была получена ценная информация о планах и намерениях администрации США в отношении СССР, европейских государств, стран гитлеровского блока. Во время командировки Ахмеров женился на хозяйке конспиративной квартиры Хелен Лоури, племяннице лидера КП США Эрла Браудера. Для выполнения специальных заданий выезжал в европейские страны и Китай.

В ноябре 1939 г. Юнга отозвали в Москву для «проверки лояльности», устроенной новым наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берией. В итоге Ахмеров был разжалован и в январе 1940 г. переведен в американское отделение на самую низшую должность — стажера. Работу созданной им резидентуры сочли целесообразным свернуть.

В августе 1941 г. И. А. Ахмеров (Альберт, Мэр) вместе с женой (Вера, Ада, Мадлен) по американским документам прикрытия был вновь направлен в Нью-Йорк, для руководства законсервированной с 1939 г. агентурой. В марте 1942 г. поселился в Балтиморе, в часе езды от Вашингтона, где работали его основные агенты, занимавшие солидные посты в администрации, Госдепартаменте, министерстве

финансов, УСС. Прикрытием Ахмерова-Альберта служила небольшая фирма по пошиву готового платья и меховой салон, открытый совместно с агентом Хозяином.

За время пребывания в США И. А. Ахмеров внес весомый вклад в информирование руководства СССР о политике нацистской Германии, военных планах Гитлера, об экономическом положении и стратегических ресурсах фашистского блока, а также деятельности германских спецслужб, включая разоблачение немецких агентов (внедренных в советские учреждения), имена которых стали известны американской разведке. От И. А. Ахмерова шла подробная информация о замыслах и действиях реакционных кругов США, направленных на подрыв антигитлеровской коалиции, заключение сепаратного мира с Германией. В общей сложности Центр получил от резидентуры Ахмерова более 2,7 тыс. микропленок с разведывательной информацией.

В конце декабря 1945 г. после предательства агента-связника Элизабет Бентли (Умница, Мирна) возникла опасность провала и Ахмеров с женой были выведены в СССР.

По возвращении в Москву с января 1946 г. И. А. Ахмеров работал заместителем начальника отдела нелегальной разведки 1-го управления НКГБ — управления «1-Б» ПГУ МГБ СССР. Находясь на этих постах, принимал активное участие в создании нелегальных разведаппаратов за рубежом. Неоднократно выезжал в краткосрочные спецкомандировки для восстановления связи и оказания помощи разведчикам-нелегалам. В 1953—1954 гг. находился в командировке в Китайской Народной Республике.

В последующие годы занимался преподавательской работой в специальных учебных заведениях органов МГБ-МВД-КГБ СССР.

В 1955 г. был уволен из КГБ.

Награжден орденом Красного Знамени (1944), орденом Красной Звезды (1945), орденом «Знак Почета» (1943), многими медалями, знаком «Почетный чекист».

Жена И. А. Ахмерова Хелен, получившая в СССР имя Елена Джоновна, работала в ПГУ преподавательницей английского языка, готовила нелегалов, была награждена орденом Красной Звезды. Умерла в 1981 г.

В 1934 году из США в Китай был направлен разведчик-нелегал Евгений Петрович Мицкевич. Его задачей была организация работы против Японии и белой эмиграции. Обосновавшись в Маньчжурии, он создал оперативную группу, которая успешно пресекала деятельность белогвардейских вооруженных формирований, совершавших нападения на территорию СССР из Северного Китая. В Маньчжурии Мицкевич находился до 1937 года, после чего вернулся в США, а оттуда в СССР.

Мицкевич Евгений Петрович

24.12.1893 — 1959. Полковник.

Родился в Ровенском уезде Волынской губернии в крестьянской семье.

Во время Гражданской войны командовал полком РККА, участвовал в ликвидации банд в Белоруссии.

В 1924 г. окончил экономическое отделение МГУ и был направлен на работу в ИНО ОГПУ. С 1925 г. на нелегальной работе в Германии. Руководил созданием агентурной сети в Гамбурге.

С ноября 1927 г. по 1930 г. Е. П. Мицкевич — нелегальный резидент ИНО ОГПУ в Италии. Получил задание ликвидировать предателя и перебежчика Г. Агабекова, однако не смог его выполнить.

После возвращения в СССР работал в центральном аппарате. В 1931 г. направлен по линии нелегальной разведки в Великобританию. В 1932 г. назначен легальным резидентом в Лондоне.

В 1934 г. отозван в СССР. В том же году командирован в США, а затем в Китай для организации нелегальной разведработы против Японии и белой эмиграции в Маньчжурии. Под руководством Е. П. Мицкевича была создана оперативная группа для пресечения деятельности белогвардейских вооруженных формирований с территории Китая против СССР. В 1937 г. возвратился в США, где до 1938 г. возглавлял одну из нелегальных резидентур.

В 1939—1941 гг. работал в различных подразделениях контрразведки.

После начала Великой Отечественной войны Е. П. Мицкевич переведен в 1-е управление НКГБ, где возглавил один из отделов.

В 1944 г. направлен в Италию для восстановления нелегальной резидентуры. За короткий срок ему удалось создать агентурную группу, снабжавшую Центр важной политической и военно-технической информацией.

С 1946 г. Е. Мицкевич — начальник отдела ПГУ МГБ, а затем — КИ при СМ СССР. С 1948 г. он — начальник кафедры в ВРШ МГБ СССР.

В 1953 г. вышел в отставку по выслуге лет.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, многими медалями, знаком «Почетный чекист».

Действовали разведчики-нелегалы и в других районах Китая. Так, с 1934 по 1939 год нелегальным резидентом в Шанхае был Самуил Маркович Перевозников, сотрудник знаменитой «группы Яши». Его задачей было создание глубоко законспирированных резидентур на случай начала войны с Японией.

Разумеется, нельзя утверждать, что деятельность советской разведки в Китае состояла только из одних успехов. К сожалению, случались и провалы. Так, в 1935 году в Ханькоу был арестован нелегальный резидент советской военной разведки Яков Бронин, которого суд приговорил к 15 годам тюрьмы. После этого резидент Разведупра в Шанхае Абрам Гартман и легальный шанхайский резидент ИНО НКВД Эммануил Куцин попытались освободить Я. Бронина путем подкупа начальника тюрьмы. Однако операция провалилась. Более того, полицией был арестован агент ИНО НКВД Найдис, который должен был передать начальнику тюрьмы деньги. В результате Куцин и Гартман были вынуждены покинуть Китай. Что же касается Бронина, то в декабре 1937 года его обменяли на арестованного в Свердловске сына Чан Кай-ши Цзян Цзынго.

Бронин (Лихтенштейн) Яков Григорьевич
(Д-р Бош)

1900—1984.

Родился под Ригой в семье раввина. Сначала (до 15 лет) был ревностным приверженцем иудаизма, но под влиянием революционных событий стал страстным пропагандистом коммунистических идей. Экстерном сдал экзамены за курс гимназии в г. Кременчуге (1918). Член партии с 1920 г. Журналист, редактор газеты. В РККА с 1922 г. Политработник на Туркестанском фронте, редактор изданий РККА «Военный вестник», «Спутник политработника», «Военный корреспондент». За два года (1926—1927) его учебник «Политграмота комсомольца» выдержал 5 изданий. В 1928 (октябрь) — 1930 (октябрь) гг. он слушатель историко-партийного отделения Института красной профессуры. Владел еврейским, немецким и латышским языками. С 1930 г. в распоряжении 4-го управления Штаба РККА. В 1930—1933 гг. на нелегальной разведывательной работе в Германии. Готовясь к поездке на Дальний Восток, обсуждал обстановку там с находящимся в Берлине Рихардом Зорге (июнь 1933 г.). В 1933—1935 гг. — резидент Разведупра в Шанхае, сменил на этом посту Р. Зорге. В апреле 1934 г. ему прислали радистку Элли (Рене Марсо), которая стала потом его женой. В результате предательства был арестован и осужден на 15 лет тюрьмы. В 1935—1937 гг. он содержался в тюрьме г. Ханькоу (Ухань). А в Москве тем временем ему было присвоено воинское звание «бригадный комиссар» (1936). В декабре 1937 г. был обменян на сына Чан Кайши и вернулся в Москву.

В 1938—1940 гг. работал в центральном аппарате военной разведки, готовил разведчиков для зарубежной работы (в том числе А. М. Гуревича — Кента), в составе группы агентурного отдела занимался Чехословацким легионом, который отступил из Польши на территорию СССР, старший преподаватель по агентурной разведке кафедры разведки Высшей специальной школы Генштаба РККА.

В 1941—1945 гг. он преподаватель военных академий в Ташкенте и Москве. Арестован в 1949 г. и осужден 14 октября 1950 г. на 10 лет лишения свободы, срок отбывал в

Омской области. Освобожден и реабилитирован в 1955 г. Работал в ИМЭМО АН СССР, где защитил диссертацию «Шарль де Голль. Политическая биография». Умер в Москве.

Куцин Эммануил Соломонович

1899 — 10.1978.

Родился в семье служащего. Окончил гимназию в Житомире.

С 1919 г. — красноармеец украинского полка, в 1920 г. — курсант 4-й артиллерийской Киевской школы. В 1920 г. вступил в РКП(б).

С начала 20-х гг. Э. С. Куцин — сотрудник ОГПУ-НКВД, одновременно учился в Московском лесотехническом институте. Находился на разведработе в Иране, затем до 1935 г. — резидент в Шанхае.

В 1935 г. — помощник начальника отделения ИНО ГУГБ НКВД, затем работал в Турции под прикрытием должности вице-консула СССР в Стамбуле.

25 августа 1937 г. исключен из ВКП(б) за сокрытие от партии и НКВД активного участия в троцкистской оппозиции в 1923 г., снят с оперработы и переведен в систему ГУШОСДОР НКВД, где работал с марта 1938 по август 1942 г. С августа 1942 по июль 1944 г. по заданию НКГБ СССР находился в тылу противника, затем в резерве отдела кадров НКВД СССР.

8 февраля 1945 г. КПК отказал в восстановлении в ВКП(б), разрешив вступление на общих основаниях.

В последние годы жизни — персональный пенсионер.

Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Умер в Москве.

7 июля 1937 года японские войска спровоцировали вооруженный инцидент с китайскими частями у моста Лугоуцзя, около Пекина, что послужило поводом для

начала боевых действий. Начало наступления японской армии в глубь Китая и захват 28 июля Пекина, а 30 июля Тяньцзиня заставило правительство Чан Кайши, перебравшееся к тому времени в город Чунцин, пересмотреть свое отношение к сделанному еще в 1933 году Москвой предложению заключить между СССР и Китаем пакт о ненападении, а также к предложению КПК заключить союз для совместного отражения японской агрессии. Впрочем, в отношении союза с КПК у Чан Кайши не было особого выбора. Дело в том, что в декабре 1936 года разведка КПК провела в Сиане (провинция Шеньси) тщательно подготовленную операцию, в ходе которой влиятельные гоминьдановские генералы Чжан Сюэлян и Ян Сюйчен предложили своему главнокомандующему заключить союз с КПК для совместных действий против японских войск. А когда 12 декабря Чан Кайши решительно отверг это предложение, генералы арестовали его и предложили Мао Цзэду провести переговоры с пленным Чан Кайши, чтобы силой заставить его дать согласие на альянс Гоминьдана с КПК. Безусловно, данная операция проводилась с ведома руководства СССР и под контролем советской разведки. Об этом свидетельствует следующая телеграмма лидерам КПК, составленная лично Сталиным:

«Приписать «сианьское дело» проискам японских секретных служб, которые якобы действовали в окружении Чжан Сюэляна, чтобы ослабить Китай. Возродить идею антияпонского национального фронта, а главное — во что бы то ни стало добиться освобождения Чан Кайши, который может возглавить желательный для нас союз»¹².

В результате между Чан Кайши и представителем КПК Чжоу Энляем состоялись переговоры, на которых было достигнуто соглашение о временном прекращении огня, после чего 25 декабря генералиссимус был освобожден.

Так или иначе, но 21 августа 1937 года между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении, а в

сентябре 1937 года руководство Гоминьдана приняло решение о прекращении гражданской войны и создании в союзе с КПК антияпонского национального фронта. Тогда же части китайской Красной армии были переименованы в 8-ю армию Национально-революционной армии Китая (с начала 1938 года — 18-я армейская группа). Вслед за этим уже 14 сентября 1937 года между СССР и центральным китайским правительством была достигнута договоренность о поставках в Китай советского оружия. Правда, при этом оговаривалось, что оружие и военные материалы будут поставляться только Чан Кайши и ни в коем случае Временному революционному правительству Мао Цзэдуна.

Серьезность намерений Чан Кайши начать решительную борьбу против Японии была подтверждена сведениями, полученными советской разведкой агентурным путем. Главной резидентурой в Чунцине, возглавляемой в 1937—1939 годах И. Ивановым-Пересветом, было установлено, что Чан Кайши на секретном совещании в октябре 1937 года решительно отверг предложение прояпонской группировки в своем правительстве, возглавляемой Ван Цзинвеем, о заключении мира с Японией на любых условиях, а на совещании высшего руководства 14 декабря 1937 года заявил, что Советский Союз является единственным союзником Китая в войне с Японией, так как надежды на помощь Китаю в борьбе с Японией со стороны Англии и США оказались безосновательными. После этого из правительства были выведены некоторые прояпонски настроенные министры. Вместе с тем Чан Кайши не прекращал попыток найти поддержку со стороны Англии и США, а также добиться нейтралитета Германии и Италии.

В то же время Советский Союз начал оказывать Китаю посильную помощь в борьбе с японскими агрессорами. Поставки советского оружия в Китай начались уже в октябре 1937 года. А 1 марта 1938 года между СССР и Китаем был подписан первый договор о предоставлении китайскому правительству кредита на

50 млн долларов для закупки в СССР военных и других материалов. В соответствии с этим договором в марте 1938 года было подписано три контракта на поставку вооружений, по которым СССР поставил в Китай 287 самолетов, 82 танка, 390 орудий и гаубиц, 1800 пулеметов, 400 автомашин, 360 тыс. снарядов, 10 млн патронов для пулеметов, 10 млн винтовочных патронов и другие военные материалы.

1 июля 1938 года был подписан второй договор о предоставлении советским правительством Китаю кредита (50 млн долларов) для закупки вооружений. Тогда же в рамках этого договора был заключен контракт, по которому в Китай было поставлено 180 самолетов, 300 орудий, 2120 пулеметов, 300 грузовых машин, авиационные моторы и вооружение для самолетов, а также снаряды, патроны и другие военные материалы. А по следующему контракту СССР поставил в Китай 120 самолетов, запасные части и боекомплекты к ним, 83 авиамотора, снаряды, патроны и т. п.

Третий договор о предоставлении Китаю советского кредита (150 млн долларов) для закупки вооружений был подписан 13 июня 1939 года. По первому контракту от 20 июня 1939 года в Китай было поставлено 263 орудия, 4400 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 500 грузовых автомашин, около 16,5 тыс. авиабомб, 500 тыс. снарядов, 100 млн патронов и другие материалы. А по следующим трем контрактам, заключенным в соответствии с этим договором, в Китай было направлено более 300 самолетов, 350 грузовых автомашин и тракторов, 250 орудий, 1300 пулеметов, а также большое количество бомб, снарядов, патронов, электрооборудование, штурманское оборудование, горюче-смазочные и другие военные материалы. Все поставки оружия в Китай проходили под контролем Разведупра РККА и ИНО НКВД¹³.

Советский Союз также направил на помощь китайскому народу добровольцев, выразивших желание с оружием в руках защищать независимость Китая. Первые добровольцы стали прибывать в Китай с октября

1937 года. Это были прежде всего летчики, которые в первый период военных действий приняли на себя удары японских ВВС. А общее руководство действиями советских добровольцев и военными советниками осуществлялось аппаратом главного военного советника, которым с 1937 по 1942 год руководили М. Дратвин, А. Черепанов, К. Качанов и В. Чуйков.

Улучшение советско-китайских отношений и создание общекитайского фронта для борьбы с японскими захватчиками позволило начать сотрудничество между советскими и китайскими спецслужбами. В апреле 1938 года во время советско-китайских переговоров с советскими представителями начальник 2-го отдела Военного комитета (китайская внутренняя разведка) генерал Чжан Цзолин поднял вопрос о совместных разведывательных операциях. При этом он внес следующие предложения:

для совместной работы против Японии нелегальные резидентуры китайской и советской разведок в Шанхае будут связаны либо непосредственно, либо через связника;

китайцы станут передавать в Москву перехваченные ими японские шифротелеграммы, с тем чтобы после декодирования получать расшифрованные тексты;

китайская разведка передаст Москве материалы по белой эмиграции и троцкистам, а взамен получит список известных советской разведке японских агентов в Китае.

После тщательного рассмотрения эти предложения были приняты, и в мае 1938 года на паритетных началах было создано Объединенное бюро, куда вошли представители ИНО НКВД, Разведупра РККА и китайской разведки. Руководителем бюро стал генерал Чжан Цзолин, а его заместителем советский представитель. Организационно Объединенное бюро состояло из трех отделов:

1-й отдел (оперативный) отвечал за организацию агентурной работы, подготовку личного состава и оперативную технику;

2-й отдел (информационный) занимался обработкой полученных материалов;

3-й отдел — хозяйственный.

Расходы на финансирование Объединенного бюро были определены в 20 тыс. долларов в год, которые распределялись поровну между СССР и Китаем.

Первое время работа Объединенного бюро была весьма плодотворной. Так, от резидентур, действующих в Нинся, Ханькоу, Тяньцзине, Гонконге, Пекине и других городах, были получены сведения о дислокации японских войск, их вооружении, перебросках, подготовке боевых операций и т. д. Но при этом советские оперативные сотрудники отмечали, что в работе китайской разведки имелись серьезные недостатки. Так, слабой была подготовка забрасываемых в тыл противника агентов, а также регулярно нарушались требования конспирации как в самом бюро, так и в резидентурах. Все это приводило к частым провалам.

Более того, в период совместной работы китайская сторона предприняла несколько попыток завербовать советских разведчиков. А по прошествии некоторого времени китайцы, ограничив свою деятельность в рамках Объединенного бюро, стали требовать от советских представителей передачи им шифров, средств тайнописи, оперативной техники и т. п. В результате советских сотрудников пришлось отозвать, и в 1940 году Объединенное бюро прекратило свое существование. С этого времени сотрудничество с китайской разведкой носило эпизодический характер¹⁴.

Продолжая разговор о совместных действиях Китая и СССР против японских агрессоров, необходимо отметить, что советское оружие и военная техника поступала в центральные районы Китая через северо-восточную провинцию Синьцзян. А обстановка в этой провинции, имевшей важное стратегическое положение, богатой полезными ископаемыми и населенной исповедующими ислам уйгурами и дунганями, с начала 20-х годов была очень сложной. Кроме того, после поражения в Граждан-

ской войне в Синьцзяне нашли себе прибежище несколько тысяч солдат и офицеров белогвардейского генерала Дутова, а также басмачи и бежавшие от коллективизации крестьяне из советской Средней Азии. Нанкинский режим же, представленный наместником (дубанем) У Чжунсинем, фактически не контролировал провинцию, о чем советская разведка регулярно информировала Москву.

А в 1932 году ИНО ОГПУ получил данные о намерении Японии отторгнуть Синьцзян от Китая. Японские представители начали активно подталкивать местное население к вооруженным выступлениям против китайцев с требованием предоставления Синьцзяну автономии.

В апреле 1933 года наместник У Чжунсинь, ненавидимый местным населением, был свергнут и власть в столице Синьцзяна Урумчи захватил бывший начальник штаба Синьцзянского военного округа Шен Шицай. Однако и ему не удалось справиться с восставшими уйгурами. Тогда Шен Шицай стал искать пути сближения с Советским Союзом, а в конце 1933 года начал открыто конфликтовать с пекинским правительством. В ответ в Синьцзян была введена 36-я китайская дивизия, целиком состоящая из мусульман-дунган, что заставило Шен Шицая обратиться за военной помощью к СССР.

Советское руководство, опасаясь появления у границ СССР нового марионеточного государства под протекторатом Токио, как это случилось в Маньчжурии, в начале 1934 года решило оказать Шен Шицаю поддержку и ввело в Синьцзян свои войска. Кроме того, Шен Шицаю были переданы около 10 тыс. китайских солдат и офицеров, вытесненных японцами из Маньчжурии и интернированных в СССР. Из них была сформирована так называемая Алтайская добровольческая армия, куда кроме китайских отрядов и советских войск вошел и русский полк полковника Паппенгута, состоящий из бывших солдат генерала Дутова. В ходе боев 36-я дивизия была разгромлена и отступила на юг, в округ Хо-

тан, после чего урумчинское правительство (УРПРА) смогло перевести дух.

Но до полного спокойствия в Синьцзяне было еще далеко. Некоторое представление о положении в провинции может дать донесение разведотдела Среднеазиатского военного округа, датированное декабрем 1935 года, в котором говорилось:

«Положение Синьцзяна характеризуется враждебными отношениями двух военных группировок — Урумчинского правительства и 36-й дунганской дивизии, распространившей свою власть на Хотанский округ. 36-я дивизия пришла из провинции Ганьсу. После поражения у Урумчи и неудачных боев в других округах в мае 1934 г. вынуждена была отойти на юг, а ее командир после переговоров интернировался в СССР. К моменту отхода в Хотан дивизия насчитывала около 6 тыс. человек, 20—25 пулеметов и 10—12 старых пушек. За время своего пребывания в Хотанском округе дивизия основательно ограбила округ поборами и налогами. Этим она вызвала недовольство населения (уйгуры составляют абсолютное большинство).

В командований дивизии несколько группировок (по вопросу оставления Хотана и возвращения в Ганьсу). Тем не менее дивизия остается боеспособной и может противостоять силам УРПРА. С мая с. г. начались переговоры УРПРА с дивизией. Они окончились безрезультатно. Дивизия не хочет уступать в каких-либо вопросах и продолжает независимое существование...

Положение УРПРА за 1935 г. заметно укрепилось. Разоренное в результате войны сельское хозяйство восстанавливается, заметно оживление торговли. Благодаря предоставлению политических прав уйгурам, монголам и казахам национальные противоречия ослаблены. Вместе с тем уйгурское национальное движение усиливается. Идея независимого Уйгурстана продолжает занимать важное место в головах многих уйгурских руководителей, даже сторонников УРПРА...

Несмотря на увеличение жалования, обеспечение армии УРПРА нищенское, паек дает лишь около 100 калорий. Казармы не оборудованы, без постельных принадлежностей. Все солдаты — вшивые. В армии имеется около 16 тыс. винтовок, 107 ручных и 130 станковых пулеметов, 50 орудий (большой частью неисправны), 6 бронемашин и 6 самолетов. Оставленные «алтайцами» горные пушки и бронемашины без ремонта к бою непригодны...

В настоящее время удовлетворяется военный заказ УРПРА, заменяются самолеты, требующие ремонта, на новые. Кроме того, будет поставлено еще семь У-2 и Р-5, 2000 английских винтовок, 15 станковых и 30 ручных пулеметов, 4 бронемашины ФАИ. Снарядов — 5000 шт., патронов — 9 млн шт. Для поднятия боеспособности войск были приглашены командиры из частей РККА и НКВД. Сейчас их насчитывается 28 человек, из них 15 подлежат замене»¹⁵.

Ввод советских войск в Синьцзян и упрочение власти там просоветски настроенного Шен Шицая вызвал болезненную реакцию со стороны Англии. Поэтому после вывода советских войск из Синьцзяна уйгурские сепаратисты, поддерживаемые Англией и Японией, вновь подняли голову. В 1936 году английскими спецслужбами была предпринята попытка отторжения Синьцзяна от Китая. Однако сотрудники резидентуры ИНО НКВД в Урумчи своевременно вскрыли заговор панисламистской организации, благодаря чему китайским властям удалось его ликвидировать.

Однако англичане не успокоились и в 1939 году начали готовить восстание одного из полков, состоящего из киргизов. Но благодаря советской разведке и этот заговор удалось ликвидировать. Более того, на основании добытых материалов была доказана причастность к заговору секретаря и нескольких сотрудников английского консульства в Кашгаре, которым пришлось срочно покинуть Синьцзян.

Гораздо более активно и успешно действовали в Синьцзяне японские спецслужбы. Они постоянно засылали в Синьцзян агентуру из мусульман и русских эмигрантов, призывали местное население вести борьбу с правительством Шен Шицая, провоцировали воинские части, состоящие из уйгуров, к вооруженному мятежу.

В результате в конце 1936 года в Синьцзяне опять разгорелось восстание. Его при поддержке англичан и японцев поднял бывший командир 6-й уйгурской дивизии Мамут Сиджан, не веривший в помощь уйгурам со стороны СССР и утверждавший, что Москва поддерживает только китайцев. В конце марта 1937 года восставшие во главе с Мамутом Сиджаном вступили в крепость Янги-Гиссар, а к июлю овладели городами Меркет и Файзабад. Закрепившись там, они начали агитацию среди местного населения под лозунгом «Война за ислам, против урумчинского правительства и влияния СССР в Синьцзяне». При этом мятежники получали помощь не только от англичан и японцев, стремившихся создать «независимое исламское государство» на юге Синьцзяна, но и от командира 36-й дунганской дивизии Ма Хуншаня и начальника его штаба Бай Цзыля, которые направляли им оружие, боеприпасы и продовольствие.

Вскоре положение осложнилось настолько, что Шен Шицай был вынужден вновь обратиться за помощью к СССР. 9 июля 1937 года, через два дня после начала японского наступления в Китае, советские войска снова вступили в Синьцзян, после чего войска уйгурских и дунганских сепаратистов были разгромлены. При этом большую помощь частям Красной Армии и войскам урумчинского правительства оказывали сотрудники советской внешней разведки. Так, ими была проведена операция по дискредитации Ма Хуншаня и его окружения, действовавших по указке японцев. В результате к 12 октября 1937 года пехотная бригада 36-й дивизии перешла на сторону правительственных

войск, а сам Ма Хуншань с небольшой колонной награбленного у населения добра бежал в Индию под крыло англичан. В это же время сотрудникам резидентуры ИНО в Урумчи удалось раскрыть заговор, направленный против Шен Шицая.

К началу 1938 года обстановку в Синьцзяне удалось стабилизировать. Кроме того, из белоэмигрантов и казаков, которым обещали возвращение на родину, была создана дивизия под командованием генерала Бехтерева, которая помогала поддерживать порядок в регионе. А в городах Синьцзяна Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ, Хами, Кашгаре, Хотане и Аксу были образованы легальные резидентуры ИНО НКВД. Их сотрудники не только пресекали попытки японской и английской агентуры дестабилизировать положение в Синьцзяне, но и контролировали строительство и функционирование шоссе от Алма-Аты до контролируемых войсками Чан Кайши территорий, по которому шло снабжение анти-японских сил в Китае. Что касается советских войск, то они по просьбе китайского правительства оставались в Синьцзяне до 1948 года.

Во второй половине 30-х резидентуры ИНО НКВД в Китае уделяли самое пристальное внимание вооруженным силам Японии, и особенно частям Квантунской армии, расположенной непосредственно у дальневосточных границ СССР. Начиная с 1936 года советская разведка фиксировала наращивание ударной мощи Квантунской армии, выдвижение ее частей все ближе к советской границе, активизацию работы 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления японского Генштаба. Все это говорило о том, что японская армия, в которой огромным влиянием пользовались сторонники партии войны, планирует ряд вооруженных столкновений с частями РККА. А после бегства 13 июля 1938 года в Маньчжурию начальника Дальневосточного управления НКВД Генриха Люшкова, передавшего японцам сведения об охране советской государственной границы, командование Квантунской армии решило, что благо-

приятный момент для нападения настал. 29 июля 1938 года подразделения Квантунской армии вторглись на территорию СССР в районе озера Хасан. Однако благодаря добытой харбинской резидентурой ИНО информации о приведении в боевую готовность японских войск и приведении в действие их системы ПВО нападение у озера Хасан не стало неожиданным для Москвы. В результате уже 9 августа советские войска выбили японцев с территории СССР, а 10 августа была достигнута договоренность о прекращении боевых действий.

Следующий вооруженный конфликт, начавшийся в мае 1939 года в районе Халхин-Гола, также не стал неожиданностью для СССР. Уже в начале 1939 года в ИНО НКВД получили сведения об интенсивных работах на железнодорожной линии Харбин — Цицикар — Хайлар и строительстве железнодорожной ветки Ганьчжур — Солон, что в совокупности с поступившими данными о движении японских воинских эшелонов позволяло сделать вывод о намерении командования Квантунской армии вторгнуться в Монголию, с которой у СССР был заключен договор о взаимопомощи. Ценная информация о Квантунской армии была получена и от китайских партизан в Маньчжурии. Взаимодействие разведотделов управлений НКВД по Приморскому и Хабаровскому краям, пограничных войск, 1-й и 2-й отдельных краснознаменных армий с партизанами было налажено весной 1939 года, после указания наркома НКВД Л. П. Берии и наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова от 15 апреля 1939 года, в котором говорилось:

«В целях наиболее полного использования китайского партизанского движения в Маньчжурии и его дальнейшего организационного укрепления Военным советам 1-й и 2-й ОКА разрешается в случаях обращения руководства китайских партизанских отрядов оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой.

Из числа интернированных партизан — проверенных людей — небольшими группами перебрасывать обратно в Маньчжурию в разведывательных целях и [в целях] оказания помощи партизанскому движению...

Начальникам УНКВД Хабаровского и Приморского краев и Читинской области предлагается оказывать Военным советам полное содействие в проводимой работе, в частности в проверке и отборе из числа переходящих со стороны Маньчжурии и интернированных партизан и передаче их Военным советам для использования в разведывательных целях и переброски их обратно в Маньчжурию»¹⁶.

В результате неожиданного нападения у японцев не получилось, а в ходе контрнаступления советской армии 20—31 августа 1939 года японские войска были разбиты. Поражение японских войск вынудило подать в отставку не только командование Квантунской армии, но и находившийся у власти японский кабинет министров, а также осложнило дальнейшее развитие военного союза между Японией, Германией и Италией. Более того, поражение у Халхин-Гола побудило японское руководство приступить к реализации так называемого «южного варианта» стратегического плана военных действий и предложить СССР 7 апреля 1941 года заключить договор о ненападении с условием продажи Советским Союзом Японии Северного Сахалина. Стремление Японии заключить договор было настолько сильным, что ее не остановил категорический отказ Москвы обсуждать данное предложение. И 13 апреля 1941 года переговоры завершились подписанием пакта о нейтралитете. Однако заключение пакта о ненападении не снимало с внешней разведки задачи внимательно отслеживать военные приготовления Японии. По мере продвижения японских войск в глубь Китая перед рядом резидентур ИНО ставились задачи не только по добыванию военно-политической и военно-стратегической информации, но и по содействию в создании на оккупированных территориях партизанских и диверсионных отрядов. Всего же в конце 30-х годов в

Китае действовало 12 легальных резидентур: три в собственно Китае (в Чунцине, Ланьчжоу и Шанхае), одна в Маньчжурии (в Харбине) и восемь в Синьцзяне (в Урумчи, Хами, Аксу, Кульдже, Шара-Сумэ, Кашгаре, Чугучаке и Хотане). Кроме того, на случай войны с Японией по указанию Центра были созданы нелегальные резидентуры в Харбине и Шанхае, а в некоторые другие города были направлены нелегалы, снабженные радиопередатчиками.

Правильность этих решений была подтверждена в январе 1939 года, когда с помощью агентуры в белоэмигрантских организациях Маньчжурии было сорвано покушение на Сталина, подготовленное японской военной разведкой. По замыслу начальника 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления японского Генштаба полковника Хидэто Кавамото главную роль в покушении должен был сыграть бежавший в Маньчжурию начальник Дальневосточного УНКВД Генрих Люшков, который во время своей службы в Азово-Черноморском УНКВД сумел найти слабое место в охране Сталина, когда тот отдыхал в Мацесте. Там и предполагалось совершить покушение.

В помощь Люшкову японцами была подобрана группа из 6 человек — членов «Союза русских патриотов» в Маньчжурии. В нее вошли Безымянский, Лебеденко, Малхак, Смирнов, Сурков и Зеленин. В начале января группа в сопровождении японца Хасэбе прибыла в Дайрен, а оттуда через Неаполь отплыла в Турцию. Однако 25 января во время перехода советско-турецкой границы боевики попали в засаду, организованную советскими пограничниками. Шедшие впереди Лебеденко, Малхак и Сурков были убиты, а остальным удалось бежать. Люшкову и Хасэбе стало ясно, что операция провалилась, и остатки группы вернулись в Японию. Анализ провала операции, проведенный в японском Генштабе, так и не установил причин неудачи. Было лишь выяснено, что о ней советской разведке сообщил агент, действующий под псевдонимом Лео.

1900 — 19.08 1945. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935).

Родился в семье портного. Окончил начальное училище, вечерние общеобразовательные курсы, Гуманитарно-общественный институт в Одессе (1920). Член РСДРП(б) с 1917 г. Работал в одесском подполье в 1918—1919 гг. Участник Гражданской войны — рядовой, курсант, политработник 14-й армии. В ЧК с 1920 г. Работал в Тираспольской ЧК, Одесской Губчека, погранохране ГПУ Украины. С 1925 г. в центральном аппарате ГПУ УССР — начальник ИНФО, начальник секретного — секретно-политического отдела. С 1931 г. в ОГПУ — помощник начальника, заместитель начальника СПО ОГПУ-ГУГБ НКВД. Начальник УНКВД Азово-Черноморского края (1936—1937), Дальневосточного края (1937—1938). После побега работал в Токио и Дайрене в разведорганах японского Генштаба. Убит в Дайрене начальником Военной миссии Такеока.

Разумеется, в это время резидентуры ИНО в Китае занимались не только японскими проблемами, но и добывали иную необходимую Центру информацию. Свидетельством тому — дело агента Друг. Под этим псевдонимом в Центре проходил бывший ближайший соратник Гитлера Вальтер Стеннес, о котором следует рассказать более подробно.

Вальтер Стеннес родился в 1896 году. В возрасте 18 лет был призван в кайзеровскую армию и принял участие в сражениях Первой мировой войны. В боях он показал себя храбрым офицером, был отмечен наградами и закончил войну в должности полевого адъютанта в чине капитана. Как перспективный молодой офицер и фронтовик, Стеннес мог рассчитывать на быстрое продвижение по службе. Но неожиданно для всех в 1921 году он увольняется из армии и поступает в берлинскую полицию на должность командира роты особого назначения.

А незадолго до этого, в 1920 году, в берлинском салоне фрау Бехштейн он познакомился с Гитлером, где тот встречался с группой немецких политиков. Вероятно, программа Гитлера, направленная против кабальных условий Версальского договора, пришлась ему по душе, и в 1923 году он вступил в НСДАП и занялся организацией штурмовых отрядов (СА) в Берлине и на севере Германии. Вскоре Стеннес стал начальником штаба СА в одном из центральных округов, а затем был назначен фюрером НСДАП Северной Германии.

Но к 1931 году между Гитлером и Стеннесом возникли разногласия. Стеннес и ряд штурмовиков посчитали, что Гитлер предал партию и вступил в сговор с плутократами. Они отказались подчиняться Рему, назначенному Гитлером начальником штаба СА, и стали настаивать на том, чтобы фюрер приступил к реализации национал-социалистической программы. Возбешенный происходящим, Гитлер в конце марта 1931 года сместил Стеннеса со всех постов и исключил его из НСДАП. Но было уже поздно. 1 апреля Стеннес с преданными ему штурмовиками захватил типографию партийной газеты «Фелькишер беобахтер» в Берлине, ряд других учреждений и потребовал от Гитлера выполнения обещанной программы национализации экономики, а также ликвидации немецкого и иностранного монополистического капитала.

Бунт штурмовиков был подавлен отрядом верных Гитлеру людей, которым руководил лично Геринг. Но Гитлер не стал расправляться со Стеннесом, так как еще нуждался в поддержке Брюнинга и стоящих за ним деловых кругов. Поэтому он предложил Стеннесу предать забвению случившееся и продолжить совместную борьбу за власть.

Однако Стеннес отказался от этих предложений и после прихода Гитлера к власти был арестован в мае 1933 года. Он находился в заключении несколько месяцев. Однако в конце концов за него заступился Геринг, который покровительствовал бывшим фронтови-

кам. Он заявил Гитлеру, что смерть популярного капитана может произвести неблагоприятное впечатление на членов партии, и рекомендовал отправить Стеннеса за границу. В результате в конце 1933 года Стеннес в составе группы немецких военных советников выехал в Китай.

Находясь в Китае, Стеннес работал по контракту военным советником Чан Кайши, а затем стал начальником его личной охраны. Но в конце 1938 года Гитлер принял решение отозвать немецких советников из Китая, так как не считал Чан Кайши надежным союзником, а также опасаясь того, что контакты с ним могут негативно отразиться на германо-японских отношениях. Боясь возвращаться в Германию, где его могли арестовать или просто убить, Стеннес стал искать выход из создавшегося положения.

В январе 1939 года Николай Тищенко, сотрудник легальной резидентуры ИНО НКВД в Чунцине, встретился с агентом Генрихом, немцем, служившим военным советником у Чан Кайши. Во время беседы Генрих рассказал Тищенко о Стеннесе, упомянув о том, что тот не желает возвращаться в Германию и, возможно, не прочь посетить Москву. Обдумав состоявшийся разговор, Тищенко направил в Москву телеграмму, в которой говорилось: «Прошу проверить Вальтера Стеннеса по учетам Центра и высказать ваши соображения о целесообразности установления с ним контакта»¹⁷.

Телеграмма Тищенко была доложена начальнику разведки П. Фитину. Тот дал указание представить имеющиеся на Стеннеса материалы, а затем санкционировал встречу с ним. 14 марта 1939 года Тищенко посетил Стеннеса на его квартире. Во время состоявшейся беседы Стеннес заявил, что, по его мнению, мир стоит перед началом новой большой войны. А основным виновником этого является Гитлер, который, видя, что западные державы не оказывают на него серьезного давления, все больше наглеет. Более того, он активно начал готовиться к нападению на СССР.

На вопрос Тищенко, почему он столь откровенен, Стеннес ответил, что его основной целью является свержение Гитлера и создание демократической Германии. По убеждению Стеннеса, работа в этом направлении должна начаться с армии. А после начала войны лидерам антигитлеровской эмиграции следует создать правительство новой Германии и добиться его международного признания. В заключение разговора Стеннес сообщил Тищенко, что в его обязанности советника Чан Кайши помимо охраны входит и руководство его разведкой. Поэтому он мог бы на «джентльменской» основе делиться информацией с советскими представителями, но не раскрывая своих источников. За это он просит только одного: когда придет время, помочь ему приехать в Германию через СССР.

В Центре внимательно проанализировали содержание беседы между Тищенко и Стеннесом. В результате было высказано мнение, что тот открыто выразил желание сотрудничать с советской разведкой, но не хочет быть простым источником информации, а был бы не прочь установить с Москвой политические связи. В связи с этим на Стеннеса, получившего псевдоним Друг, было заведено оперативное дело. Но удачно начавшиеся контакты вскоре оборвались. Возможно, это было связано с тем, что Тищенко отозвали в СССР, а замены ему не прислали.

Очередная встреча Стеннеса с представителем советской разведки произошла в конце 1940 года. 25 ноября резидент ИНО НКВД в Токио Долбин, работавший под «крышей» представителя ТАСС, получил указание, подписанное Л. Берией, разыскать Стеннеса и восстановить с ним связь. В декабре Долбин встретился со Стеннесом в Чунцине. Тот был рад возобновлению контактов и сообщил, что по-прежнему хотел бы посетить СССР, хотя условия для этого еще не созрели. Долбин доложил о состоявшейся встрече в Центр и предложил воспользоваться предстоящим прибытием в Москву жены Стеннеса, которая через СССР направлялась к нему в Китай. По

мнению Долбина, она могла бы под предлогом «болезни» задержаться в Москве, а Стеннес получал повод навестить ее.

Предложение Долбина заинтересовало Берию. Он вызвал к себе заместителя начальника ИНО П. А. Судоплатова и попросил его высказать свое мнение. Судоплатов поддержал идею Долбина, и для ее реализации в Шанхай, где Стеннес проживал с весны 1940 года, был направлен представитель Центра Василий Зарубин.

Зарубин выехал в Китай в январе 1941 года под прикрытием сотрудника Госбанка СССР. Он встретился со Стеннесом на его вилле, расположенной во французском квартале Шанхая. Они обговорили условия приезда Стеннеса в Москву, после чего тот написал записку жене, рекомендовав ей Зарубина как своего хорошего друга по Китаю. Материальную помощь, предложенную Зарубиным, Стеннес решительно отверг, заявив, что сотрудничает с советской разведкой не ради денег, а в соответствии с собственными убеждениями.

Касаясь сложившейся в мире политической ситуации, Стеннес заявил, что Гитлер непременно нападет на СССР. Поэтому в интересах Москвы оказывать Китаю всестороннюю помощь, чтобы сковать японскую армию и не дать возможность Японии содействовать Германии в решении европейских вопросов, тем более что отношения между Берлином и Токио далеко не безоблачны. Полученную от Стеннеса информацию Зарубин передал в Центр 23 февраля 1941 года, добавив, что Друг пока не может выехать в Москву. Он также сообщил, что посетивший Шанхай токийский корреспондент немецкой газеты «Франкфуртер цайтунг» Рихард Зорге сообщил Стеннесу, что отношения между Германией и Японией носят исключительно напряженный характер.

Следующая встреча Зарубина и Стеннеса состоялась 9 июня 1941 года. На ней Стеннес сообщил, что по словам крупного немецкого чиновника, недавно прибыв-

шего из Берлина, Германия полностью закончила экономические и военные приготовления к нападению на Советский Союз. Само нападение было намечено на май, но отложено до середины июня. Согласно разработанному плану, война будет скоротечной и продлится не более трех месяцев. Эту информацию, учитывая ее важность, Стеннес просил немедленно передать в Москву. 20 июня 1941 года Зарубин отправил в Центр шифротелеграмму, в которой говорилось: «В беседе со мной Друг категорически утверждал: на основе достоверных данных ему известно, что Гитлер полностью подготовился к войне с Советским Союзом. Друг предупреждает нас, и мы должны из этого сделать соответствующие выводы»¹⁸.

Выполнив данное ему поручение, Зарубин вернулся в Москву. Прощаясь с ним, Стеннес сказал, что в связи со сложившимся положением он считает своим долгом информировать СССР по важнейшим политическим вопросам, и попросил дать ему для этого надежного связника. При этом он добавил, что не оставляет надежды приехать в СССР.

Однако 22 июня началась Великая Отечественная война, и поездка Стеннеса в СССР не состоялась. В то же время сотрудник внешней разведки в Токио Рогов периодически встречался со Стеннесом и получал от него информацию по вопросам германо-японских отношений, политике Японии и Германии в отношении Китая, и что самое важное — выступит ли Япония против СССР. В конце войны в Центр из Токио от одного из агентов в Китае поступило сообщение относительно Стеннеса. В нем предлагалось подключить его к работе антифашистских организаций «Свободная Германия» и «Свободные офицеры». Но в Москве один из руководителей разведки, не оставив своей подписи, наложил на сообщение следующую резолюцию: «Источник переоценивает личность Друга. Он уже не такая крупная фигура, чтобы его местопребывание влияло на политику и взаимоотношения государств»¹⁹.

Не чувствуя поддержки, Стеннес высказал Рогову сомнение в целесообразности своего возвращения в Германию. Кроме того, он сказал, что американцы предложили ему сотрудничать с ними. Стеннес категорически отказался от этого предложения и в 1948 году вместе с войсками Чан Кайши отбыл на Тайвань. В Германию Стеннес вернулся только в начале 50-х годов и сразу же включился в политическую деятельность. Тогда же с ним установили контакт сотрудники аппарата уполномоченного МГБ в Берлине. Стеннес заявил, что готов продолжать сотрудничество с советской разведкой в национальных интересах Германии. Однако Центр отклонил предложение Стеннеса о работе «на чисто немецкой основе», и в 1952 году контакты с ним были прекращены.

В сентябре 1939 года в Чунцин прибыл новый посол СССР Александр Семенович Панюшкин. Одновременно он был назначен и главным резидентом ИНО НКВД в Китае. Совмещение должностей было вызвано критическим положением в Китае и необходимостью сконцентрировать все усилия для противодействия японской агрессии и срыва ее планов по расколу Китая и создания на его территории марионеточных государств. Кроме того, советское руководство хотело получать выверенные оценки ситуации на Дальнем Востоке, которые могли бы помочь принимать верные политические решения в условиях приближающейся войны с Германией. Все эти задачи стали еще более актуальными после заключения в июле 1939 года англо-японского соглашения (соглашение Арита-Крейги — английского варианта «дальневосточного Мюнхена», фактически направленного против Китая), последующими уступками западных держав Японии и начала в сентябре 1939 года войны в Европе.

Одной из главных задач чунцинской резидентуры было не допустить усиления сепаратистских настроений в правительстве Чан Кайши и удержать его на позициях активного сопротивления японским захватчикам. С этой

целью Панюшкину удалось установить доверительные отношения с целым рядом гоминьдановских деятелей, стоявших на позициях укрепления дружбы с СССР и продолжения антияпонской войны. Среди них были маршал Фэн Юйсян, заместитель Чан Кайши в военном комитете центрального правительства, сын Сунь Ятсена Сунь Фо, председатель парламента и председатель китайско-советского общества, вдова Сунь Ятсена Сунь Цинлин, заместитель начальника Генерального штаба китайской армии Бай Чунси, видный политический и общественный деятель Шао Лицзы, руководитель отдела пропаганды в политуправлении военного комитета и начальник военной канцелярии Чан Кайши Хэ Яоцзу, представитель Чунцина в синьцзянском провинциальном правительстве Чжан Юаньфу, видный ученый Го Можо и другие. При непосредственном участии Панюшкина нашим военным советникам удалось убедить Чан Кайши принять действенные меры по срыву японского наступления, для чего был разработан план обороны города Чанша. В результате этой операции, продолжавшейся более 20 дней, японская армия потеряла около 30 тыс. солдат и офицеров. Достигнутый при обороне Чанша успех поднял боевой дух не только руководства Китая, но и всего китайского народа.

В это время особую важность приобрели поставки в Китай советского оружия. Понимая, что без современного вооружения китайская армия не сможет продолжать сопротивление и вскоре будет вынуждена капитулировать, Панюшкин весной 1940 года направил в Центр телеграмму, в которой рекомендовал срочно оказать Китаю дополнительную помощь вооружениями. А осенью 1940 года, когда Панюшкину стало известно, что Кун Сянси, Хэ Инцин, Вэнь Вэньхао, Шао Лицзы и другие деятели из ближайшего окружения Чан Кайши настроены пессимистично относительно советской помощи, он пригласил их на обед в советское посольство и заверил в том, что СССР готов и дальше содействовать Китаю в борьбе против Японии.

Другой заботой главной резидентуры в Чунцине стал наметившийся в 1940 году раскол между Гоминьданом и КПК. Поэтому сотрудники резидентуры использовали все возможности для того, чтобы не допустить развязывания гражданской войны и разрыва сотрудничества между Чан Кайши и Мао Цзэдуном. В частности, резидент Панюшкин неоднократно встречался с Фэн Юйсяном, Сунь Фо, Чжан Юаньфу, Сунь Цинлин и в доверительных беседах убеждал их приложить максимум усилий для того, чтобы смягчить напряженность между Гоминьданом и КПК, улучшить советско-китайские отношения и расширить Единый общенациональный фронт как гарант успеха в войне с Японией. Такие же беседы он проводил и с представителями КПК Бо Гу и Е Цзяньином.

Однако, несмотря на все усилия советской стороны, в 1941 году отношения между Гоминьданом и КПК вылились в открытую войну. После нападения гоминьдановских войск на 4-ю Новую армию КПК, в результате которого был ранен и взят в плен ее командующий Е Тин и убит начальник штаба, в январе 1941 года Чан Кайши объявил о ее роспуске. Но еще до начала наступления гоминьдановских войск на 4-ю армию резидентура по согласованию с Москвой передала одному из лидеров КПК Чжоу Эньлаю достоверную информацию о намерениях Чан Кайши потребовать от коммунистов отвести армию от района Шанхая и возможной военной операции против нее. Кроме того, во избежание резкого обострения отношений между Гоминьданом и КПК резидентура настоятельно рекомендовала Чжоу Эньлаю не считать Чан Кайши главным виновником вооруженного столкновения, а считать таковым Хэ Инциня, которого необходимо разоблачить как про-японского элемента и врага Единого общенационального фронта Китая.

Главная резидентура в Чунцине своевременно информировала Москву о внутренней и внешней политике Китая, о позиции Чан Кайши и его окружения в отно-

шении СССР, Японии, США, Англии, Франции, деятельности в Китае американцев, англичан и немцев, о пронемецкой и прояпонской группировках в правительстве и Гоминьдане, о борьбе между Гоминьданом и КПК, а также внутри самого Гоминьдана. Кроме того, резидентура через свои каналы добывала информацию о военных планах Германии. Так, в мае 1941 года в Центр были направлены данные о главных направлениях продвижения фашистских войск, полученные от военного атташе Китая в Берлине.

Здесь интересно отметить, что ИНО НКВД в этот период тесно сотрудничал с Отделом международных связей Коминтерна. Примером такого сотрудничества может служить письмо Г. Димитрова Л. Берии от 15 сентября 1939 года:

«Дорогой товарищ Берия, приехавший китайский товарищ Чжоу Эньлай привез с собой три вида шифра, которыми пользуется японская армия. Эти шифры захвачены 8-й армией в боях с японцами.

Полагая, что указанные шифры могут представлять интерес для Вас, посылаю Вам в приложении к этому письму.

С товарищеским приветом, Г. Димитров»²⁰.

После нападения Германии на Советский Союз главной задачей резидентур, действующих в Китае, стало не просмотреть возможность нападения Японии на СССР и создания второго фронта на востоке. В связи с этим Центр незамедлительно потребовал перестроить работу резидентур на обслуживание нужд Великой Отечественной войны. Для этого предлагалось:

пересмотреть всю имеющуюся агентурную сеть и всех подозрительных и малополезных информаторов срочно перевести на консервацию;

незамедлительно приступить к агентурному, а по возможности и к личному изучению служащих правительственных учреждений и крупных политических деятелей, выявляя те их черты, которые могли бы быть использованы для вербовки;

освещать исчерпывающим образом вопросы, имеющие принципиальное значение, отбрасывая мелочовку²¹.

Здесь надо отметить, что возможность нападения Японии была более чем реальна. Согласно плану «Кантокуэн», разработанному японским Генеральным штабом, численность Квантунской армии к 1942 году достигла 700 тыс. человек, были усилены группировки в Маньчжурии и Северном Китае, появилась новая группа войск в Корее. Оперативным планом предусматривался после переброски советских войск с Дальнего Востока на Западный фронт захват Приморского и Хабаровского краев.

Информация о военных планах Японии в отношении СССР стала поступать в Москву буквально на второй день после начала войны. Так, 23 июня 1941 года маршал Фэн Юйсян сообщил Панюшкину, что Япония намерена выступить против СССР в течение месяца. 27 июня генерал Бай Чунси передал Панюшкину данные не только о количестве японских дивизий, но и о числе войск Маньчжоу-Го, готовых к нападению на СССР. Затем сроки нападения постоянно менялись. По полученным осенью 1941 года чунцинской резидентурой данным, нападение связывалось с захватом фашистскими войсками Ленинграда и Москвы. Однако после поражения немцев под Москвой японский Генеральный штаб вновь обратил внимание на «южный вариант» военных действий. Информация об этом решении была добыта весной 1942 года от многих источников. Так, в мае уже упоминавшийся Пентковский, с 1936 года проживавший в Шанхае и открывший там адвокатскую контору, сообщил 11 мая 1942 года своему оператору из шанхайской резидентуры:

«Известный вам Смит после встречи с вернувшимся из Японии начальником политического отдела жандармского управления 29 апреля заявил, что вопрос о войне Японии с Советским Союзом отложен в долгий ящик,

так как перед японцами стоит задача наступления на Австралию и Индию. В связи с этим в Шанхае намечается открыть целый ряд японских фирм, организация которых была отложена на неопределенный срок ввиду ожидавшегося военного конфликта с СССР»²².

А на следующий день, 12 мая 1942 года, посол Японии в Москве генерал-лейтенант Такэкава представил в Токио доклад, перехваченный советской разведкой, в котором содержался следующий вывод: «Пусть идет война на истощение СССР и Германии. В это время Япония может выгодно завершить дела на юге»²³.

Впрочем, и после этого отслеживание военных планов Японии оставалось одной из главных задач резидентур внешней разведки в Китае. Информация о них поступала из разных источников — от представителей официальных китайских властей, коммунистов, дипломатов третьих стран, русских эмигрантов. Важные сведения на доверительной основе поступали в чунцинскую резидентуру и от брата Я. Свердлова Зиновия, усыновленного А. М. Горьким под фамилией Пешков, который в это время был послом Франции в Чунцине.

В Москве высоко оценили работу сотрудников чунцинской резидентуры, в которой насчитывалось всего шесть оперативных работников. В конце 1942 года за достигнутые успехи в разведывательной деятельности А. С. Панюшкин был награжден орденом Ленина. Также были удостоены государственных наград и все остальные сотрудники резидентуры — Л. М. Миклашевский, П. И. Куликов, В. А. Жунев, В. С. Смирнов и Ф. М. Щеглов.

Миклашевский Леонид Михайлович

1906—1970.

В 1939—1941 гг. — сотрудник Чунцинской легальной резидентуры внешней разведки, возглавляемой А. С. Панюшкиным.

В 1942—1950 гг. — советник посольства СССР в Китае.

В 1941—1945 годах кроме добывания информации о военных планах Японии сотрудники китайских резидентур ИНО внимательно отслеживали ситуацию, складывающуюся в гоминьдановском руководстве. А из агентурных данных следовало, что основная цель правительства Чан Кайши в этот период состояла в том, чтобы столкнуть СССР с Японией. Так, в сентябре 1941 года Панюшкин доложил в Центр: «Чан Кайши всеми способами старается спровоцировать выступление Японии против нас. Его аппарат работает в этом плане по всем направлениям»²⁴. А в 1943 году резидентура добыла секретную резолюцию ЦК Гоминьдана, в которой, в частности, говорилось:

«Исходя из нынешних дипломатических отношений, нам необходимо афишировать симпатии к СССР и сочувствие в том, что он подвергся агрессии, подталкивая его к тому, чтобы все свои силы СССР отдал войне. Что касается советско-японских отношений, то нам необходимо толкать СССР на войну с Японией, с тем чтобы получить передышку, пока не наступит благоприятный момент для контрнаступления против японцев»²⁵.

Поэтому неудивительно, что Чан Кайши стал добиваться от Москвы заключения секретного соглашения о военном союзе против Японии с явной целью торпедировать советско-японский пакт о нейтралитете. А несколько позднее резидентура в Чунцине получила информацию о том, что министр иностранных дел Китая заявил послу Великобритании о неправильной, по мнению его правительства, позиции СССР, который отказывается немедленно объявить войну Японии, и попросил довести эту точку зрения до Черчилля. Согласно докладу резидентуры, этот шаг был предпринят по настоянию Чан Кайши, который хотел получить возможность оказывать на СССР давление и со стороны союзников Москвы по антигитлеровской коалиции.

Отслеживала чунцинская резидентура и отношения между Гоминьданом и КПК, которые оставались крайне напряженными. Обе стороны балансировали на грани

гражданской войны, что делало практически невозможным ведение войны против Японии. В конце 1943 года Чан Кайши активизировал подготовку к наступлению против КПК и сосредоточил против ее войск 500-тысячную армию. Однако его планам уничтожения китайских коммунистов не суждено было сбыться, и в 1945 году он был вынужден возобновить переговоры с КПК.

Однако и позицию КПК в отношении СССР после начала войны тоже нельзя назвать лояльной. Так, в конце 1941 года руководство КПК разослало всем территориальным бюро ЦК и парторганизациям антияпонских баз директиву о необходимости «повсеместно экономить силы», то есть не вести активных боевых действий против японских войск. Впрочем, этой тактики Мао Цзэдун придерживался с самого начала японского вторжения в Китай, рассчитывая в благоприятный для себя момент захватить власть в стране. Вступление же во Вторую мировую войну СССР, а потом и США он рассматривал как позитивный фактор для реализации своих целей. В результате в то время, когда СССР вел тяжелую борьбу с Германией, а угроза нападения со стороны Токио оставалась более чем реальной, вооруженные силы КПК не вели активных боевых действий против японских войск.

Но, несмотря на такую позицию Мао Цзэдуна, резидентура в Чунцине регулярно сообщала руководителям КПК о позиции Гоминьдана в периоды обострения отношений между партиями и о планах Чан Кайши по нанесению внезапных ударов по вооруженным силам КПК. Одновременно сотрудники резидентуры прилагали максимум усилий для того, чтобы КПК проводила более гибкую политику по отношению к Гоминьдану. 8 августа 1945 года части Красной Армии, выполняя взятые на себя Советским Союзом на Ялтинской и Потсдамской конференциях обязательства, перешли в наступление против Квантунской армии. Успешные действия советских войск во многом стали возможными благодаря осве-

домленности командования о дислокации подразделений Квантунской армии. Разведывательную работу по вскрытию планов японского военного командования с самого начала Великой Отечественной войны вело не только 1-е управление НКГБ, но и органы госбезопасности Приморского и Хабаровского краев, Читинской области, разведывательные отделы пограничных округов, органы военной контрразведки Дальневосточного военного округа, Тихоокеанского флота и Амурской флотилии.

Так, в 1942 году разведотдел Хабаровского УНКВД забросил на территорию Маньчжурии 32 агента-вербовщика с целью приобретения агентуры из числа проживающих там китайцев, корейцев, тазов и удэгейцев. Они завербовали из местных жителей 20 агентов и 30 агентов-связников, а еще 5 агентов были направлены в Харбин на оседание. Для нелегальной заброски агентов в Маньчжурию на границе совместно с пограничниками были созданы переправочные пункты, а также организованы резидентуры, проводившие специальную и идеологическую подготовку агентов и руководившие работой по их заброске.

В 1941—1945 годах на территорию Маньчжурии неоднократно направлялись агенты Жэн, Охотник, Петров, Сережа, Трубка и многие другие. С их помощью была получена информация о дислокации, численном составе, вооружении и перемещении частей и подразделений Квантунской армии, а также о местоположении штабов, аэродромов и других военных объектов противника. Кроме того, были получены материалы об антисоветской деятельности белоэмигрантских организаций и о методах работы японских спецслужб.

С началом военных действий многие разведчики принимали непосредственное участие в боевых действиях в составе специально созданных оперативных групп, выполняя работу по разведывательному обеспечению подразделений дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота, а также по дезинформации японского командо-

вания, что в немалой степени способствовало быстрому наступлению советских войск.

Оперативные группы внешней разведки участвовали в захвате многих японских генералов, сотрудников разведки и контрразведки, их агентуры и секретных архивов. Так, были взяты в плен император Пу И, премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан Цзикуй и члены его кабинета, командующий Квантунской армией генерал Ямада, начальник его штаба генерал Хата, начальник разведотдела армии Асада, белогвардейский атаман Семенов и его заместитель Бакшеев, руководство белогвардейского «Российского фашистского союза» во главе с Родзаевским и многие другие.

3 сентября 1945 года подписанием на борту американского линкора «Миссури» акта о капитуляции Японии закончилась Вторая мировая война. Но противостояние Гоминьдана и КПК в Китае неизбежно должно было привести к новой, третьей по счету гражданской войне. Понимая это, руководство советской внешней разведки, пользуясь тем, что на территории Маньчжурии находятся советские войска, дало указание китайским резидентурам об активной вербовке проживающих там китайцев и японцев. Для связи со вновь приобретенной агентурой большое число сотрудников 1-го управления НКГБ было направлено в Маньчжурию под видом советских служащих на КВЖД.

Временное присутствие советских войск в Маньчжурии (они были полностью выведены по договоренности с гоминьдановским правительством к 3 мая 1946 года) позволило китайским коммунистам организовать так называемую маньчжурскую революционную базу и привести в порядок потрепанные гоминьдановцами воинские части, из которых в начале 1946 года была образована Народно-освободительная армия Китая (НОАК). Ей было передано практически все захваченное советской армией у японцев трофейное оружие и снаряжение: более 3700 орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 1200 пулеметов, 680 различных скла-

дов, а также корабли Сунгарийской военной флотилии. Помимо этого для частей НОАК из СССР поставлялось также советское вооружение, горючее, автомашины, обувь, медикаменты, продовольствие и т. д.²⁶

Благодаря поддержке Советского Союза КПК и ее НОАК удалось в ходе 3-й гражданской войны, начавшейся в 1946 году, одержать победу над режимом Чан Кайши. К концу июня 1949 года гоминьдановский фронт распался на отдельные изолированные группировки, а в сентябре правительство Чан Кайши и значительная часть его войск эвакуировались на остров Тайвань. В результате 1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика (КНР), а уже 2 октября СССР первым признал КНР.

После победы в гражданской войне КПК во главе с Мао Цзэдуном и образования КНР по указанию советского руководства вся разведывательная работа в Китае была прекращена. Более того, позднее по просьбе Мао Цзэдуна китайским органам безопасности была передана вся агентура как внешнеполитической, так и военной разведки. Этот необдуманный шаг привел к печальным результатам. Позднее все китайцы, сотрудничавшие с советской разведкой, были приглашены в местные органы власти якобы для получения советских орденов и там арестованы. Однако в первое время после образования КНР отношения между советскими и китайскими спецслужбами были партнерскими. Так, для координации деятельности советских и китайских разведслужб в Пекин в 1949 году был направлен Андрей Иванович Раина, занявший пост советника по разведке при Министерстве общественной безопасности (МОБ).

Раина Андрей Иванович

1906 — ? Полковник.

Родился в г. Краснокутск Харьковской губернии в семье каменщика.

Трудовую деятельность начал с 16 лет слесарем на заводе. С 1929 г. — на действительной службе в РККА, затем

поступил в Военно-воздушную академию им. Жуковского, которую окончил в 1939 г. В том же году по партнабору направлен на работу в НКВД СССР.

С февраля 1939 г. — начальник ОО НКВД 2-й воздушной армии ОСНАЗ в Воронеже, затем — ОО НКВД 63-го особого военно-воздушного корпуса.

В 1940 г. А. И. Раина был переведен в 5-й отдел ГУГБ НКВД и направлен в качестве резидента на Аландские острова, принадлежащие Финляндии.

В 1942—1946 гг. — заместитель резидента по линии научно-технической разведки в США. Приобрел ряд ценных источников, в том числе по вопросам создания атомного оружия.

В 1947 г. выезжал в краткосрочные командировки в Венгрию, Норвегию, Чехословакию, Швецию и Югославию.

В 1949 г. — советник по разведке при органах ГБ КНР.

После возвращения в СССР А. И. Раина работал в аппаратах КИ при СМ-МИД СССР, а затем ПГУ МГБ СССР, занимая посты начальника отдела, позднее — начальника управления. До марта 1953 г. являлся заместителем начальника ПГУ МГБ СССР.

В 1953 г. направлен в Пекин в качестве заместителя главного советника по разведке при МОБ КНР.

С 1956 г. — начальник факультета усовершенствования Школы № 101 ПГУ КГБ при СМ СССР. С 1963 г. — заместитель руководителя представительства КГБ СССР при МВД ПНР.

С 1963 г. на пенсии.

Награжден орденами Ленина (1949), Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» (1960).

Между тем начиная с 50-х годов советско-китайские отношения стали постепенно охлаждаться. Начало этому процессу положил, как ни странно, И. В. Сталин, который встретил приехавшего в декабре 1949 года в Москву Мао Цзэдуна не как лидера крупнейшего государства, в

котором только что свершилась революция, а как вассала, которого можно заставить ждать в передней. Еще больше обострились советско-китайские отношения в 1956 году, после XX съезда КПСС, на котором первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев выступил с разоблачением культа личности Сталина. Все это значительно осложняло взаимодействие между советскими и китайскими спецслужбами. Так, прибывший в Пекин в 1957 году старший советник КГБ по вопросам безопасности при МОБ КНР Владимир Иванович Вертипорох по заданию Центра внимательно отслеживал складывающуюся в Китае политическую ситуацию и регулярно информировал Москву об изменениях в политике в отношении СССР, проводимой китайским руководством. К сожалению, в январе 1960 года, находясь в Пекине, он внезапно умер от сердечного приступа.

Сменивший Вертипороха новый руководитель аппарата представительства КГБ СССР в Китае Евгений Петрович Питовранов, прибывший в Пекин в марте 1960 года, стал свидетелем дальнейшего ухудшения советско-китайских отношений. В своих донесениях в Центр он сообщал, что лидеры КНР отвергают советскую политику мирного сосуществования с капиталистическими странами, считая ее уступкой империализму. Отвергалась китайской стороной и советская концепция «мирного перехода к социализму» в экономически развитых странах. Кроме того, руководство КНР после начала в 1958 году политики «большого скачка» стало критиковать работавших в Китае советских специалистов за «техническую отсталость и ретроградство». В Москве на критику реагировали весьма болезненно, и в 1960 году все работавшие в Китае специалисты были отозваны в СССР.

Питовранов Евгений Петрович

20.03.1915 — 12.1999. Генерал-лейтенант (1956).

Родился в с. Князевка Петровского уезда Саратовской губернии в семье сельских учителей. С сентября 1930 г. рабо-

тал учеником токаря, а с февраля 1933 г. — секретарем комитета ВЛКСМ ФЗУ Рязано-Уральской ж. д. С сентября 1933 г. — токарь паровозоремонтного завода в Саратове, с марта 1934 г. — секретарь комитета ВЛКСМ ст. Саратов Рязано-Уральской ж. д.

В сентябре 1934 г. поступил в Московский электромеханический институт инженеров транспорта. В 1937 г. вступил в ВКП(б). Окончил четыре курса института, после чего 5 ноября 1938 г. был направлен ЦК ВКП(б) на работу в органы госбезопасности.

С ноября 1938 г. лейтенант госбезопасности Е. П. Питовранов работал оперуполномоченным 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР, однако спустя месяц был направлен в распоряжение УНКВД по Горьковской области. С декабря 1938 г. он — врид начальника 3-го отдела УГБ, с февраля 1939 г. — начальник 1-го отдела ЭКУ, с июня 1939 г. — начальник 2-го отдела ЭКУ. С мая 1940 г. — заместитель начальника, с 26 февраля 1941 г. — начальник, а с 23 августа 1941 г. — снова заместитель начальника УНКВД по Горьковской области.

В декабре 1942 г. Е. П. Питовранова переводят в Кировскую область начальником УНКВД, а с мая 1943 г. — УНКГБ. С марта 1944 г. он — начальник УНКГБ по Куйбышевской области, с 10 февраля 1945 г. — нарком, а с 14 марта 1946 г. — министр госбезопасности Узбекской ССР.

С 15 июня 1946 г. Е. П. Питовранов — заместитель начальника, а с 7 сентября 1946 г. — начальник ВГУ МГБ СССР. С 3 января 1951 г. он — заместитель министра и член Коллегии МГБ СССР.

28 октября 1951 г. арестован по «делу Абакумова». Обвинялся в антисоветской деятельности, вредительстве, участии в «сионистском заговоре в МГБ». До ноября 1952 г. находился под следствием. Из камеры направил И. В. Сталину письмо со своими предложениями по улучшению работы разведки. В ноябре 1952 г. по указанию И. В. Сталина выпущен на свободу и откомандирован в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. С 20 ноября 1952 г. — член Комиссии ЦК КПСС по организации ГРУ МГБ. С 5 января 1953 г. — начальник 1-го управления по разведке за границей создаваемого ГРУ МГБ СССР.

С 17 марта 1953 г. — заместитель начальника ВГУ, а с 21 мая 1953 г. — первый заместитель начальника ПГУ МВД СССР.

В июле 1953 г. Е. П. Питовранова направляют в Германию. С 16 июля 1953 г. он уполномоченный МВД СССР в Германии. С 10 мая 1954 г. — заместитель верховного комиссара СССР в Германии, с 18 мая 1954 г. — начальник Инспекции по вопросам безопасности при верховном комиссаре. С декабря 1955 г. — старший советник КГБ при МГБ ГДР.

После возвращения в СССР с 23 марта 1957 г. Е. П. Питовранов — начальник 4-го управления и член Коллегии КГБ при СМ СССР. С 20 февраля 1960 г. находится в распоряжении Управления кадров КГБ, 5 марта 1960 г. получает назначение на должность начальника Аппарата представительства КГБ при СМ СССР при внешней разведке КНР.

В феврале 1961 г. был отозван в распоряжение Управления кадров КГБ. С 27 февраля 1962 г. — начальник и председатель Совета Высшей школы КГБ им. Ф. Э. Дзержинского. 29 мая 1964 г. 49-летний Е. П. Питовранов заочно окончил ВПШ при ЦК КПСС.

14 декабря 1965 г. решением ЦК КПСС Е. П. Питовранов был освобожден от работы в КГБ и 1 февраля 1966 г. уволен в запас по сокращению штатов.

С марта 1966 г. работал заместителем председателя, а позднее — председателем президиума Торгово-промышленной палаты СССР, затем вышел на пенсию.

Награжден двумя орденами Красного Знамени (1943, 1954), орденом Трудового Красного Знамени (1941), двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (1946, 1948), тремя орденами Красной Звезды (1943, 1946, 1954), орденом «Знак Почета» (1942), медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» (1957).

В результате в начале 60-х годов отношения между СССР и КНР приобрели характер открытого противостояния. Более того, в 1963—1964 годах участились нарушения советско-китайской границы со стороны Китая.

Так, только в 1963 году было зарегистрировано более 4 тыс. таких нарушений, а число гражданских лиц и военнослужащих КНР, принимавших в них участие, превысило 100 тыс. человек. Еще больше подлил масла в огонь взрыв 16 октября 1964 года первой китайской атомной бомбы мощностью 20 кт.

В этой обстановке руководство ПГУ КГБ приняло решение возобновить разведывательную работу в Китае. Выполнять это решение было поручено Юрию Ивановичу Дроздову, прибывшему в Пекин в августе 1964 года. Несмотря на огромные трудности, немногочисленным сотрудникам вновь образованной пекинской легальной резидентуры удалось сделать достаточно много. Так, от представителя Швейцарской партии труда, работавшего в партийной школе в Шанхае, была получена информация о готовящейся большой чистке КПК и всего населения Китая. А представитель германской фирмы «Крупп», работавший в Пекине, поделился с Дроздовым информацией о том, что Китай увеличил закупки стали на Западе и усиливает группировку своих войск на границе с СССР. В 1967 году сотрудникам резидентуры удалось побывать в провинции Хейлунцзян и в Харбине, где они встретились с русскими эмигрантами. Один из них, старый казачий офицер, сообщил, что китайские власти выселили его с принадлежавшей ему пасеки и превратили ее в огромный ящик с песком, какие бывают в классах тактики военных академий. Изображенная же местность представляет собой сопредельную советскую территорию. Обо всем этом Дроздов доложил в Москву. Но ни к каким конкретным действиям со стороны советского руководства эта информация не привела. Вот что вспоминает об этом сам Дроздов: «Осенью 1967 г. я прилетел в Центр в отпуск, где мой прямой начальник заявил, что мои шифровки вгонят его в очередной инфаркт. Я промолчал. В нашем подразделении мне сказали, что тревожная шифровка была направлена в инстанции, откуда вернулась с грозной резолюцией: «Проверить, если не подтвердится, резидента наказать».

Проверили. Все подтвердилось. Не извинились. Не принято.

В 1969 г. в районе, близком к пасеке, произошел известный вооруженный конфликт»²⁷.

Дроздов Юрий Иванович

Род. 19.09.1925. Генерал-майор.

Родился в Минске в семье профессионального военного, офицера царской и Красной Армии, преподавателя военного училища в Харькове. Учился в Харьковской специальной артиллерийской школе, после начала Великой Отечественной войны эвакуирован вместе со школой в Актюбинск. После окончания 1-го Ленинградского артиллерийского училища в г. Энгельсе летом 1944 г. служил на 1-м Белорусском фронте командиром взвода в противотанковом артдивизионе. Участвовал в штурме Берлина, служил помощником начальника штаба артиллерийского полка в Германии и Прибалтийском военном округе. После окончания Военного института иностранных языков в 1956 г. был переведен из Советской Армии (в звании капитана) в ПГУ КГБ. С августа 1957 до лета 1963 г. работал в Берлине в аппарате уполномоченного КГБ при СМ СССР при МГБ ГДР, участвовал в операции по обмену В. Г. Фишера-Абеля на Ф. Пауэрса. После окончания курсов усовершенствования оперативного состава в Москве работал под дипломатическим прикрытием резидентом внешней разведки в Китае в 1964—1968 гг. В 1968—1975 гг. работал в центральном аппарате ПГУ заместителем начальника управления «С». Затем легальный резидент в Нью-Йорке в 1975—1979 гг. С ноября 1979 г. — начальник управления «С» — нелегальной разведки. Руководил (по линии КГБ) штурмом дворца Х. Амина в Кабуле (декабрь 1979 г.). В мае 1991 г. вышел в отставку по возрасту.

Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени и многими медалями, знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Впрочем, наладить действительно эффективную агентурную работу в Китае ПГУ КГБ так и не удалось. Это прежде всего было связано со спецификой местных условий и развернувшейся с 1966 года так называемой «культурной революцией». Достаточно сказать, что из-за шпиономании и ксенофобии хунвейбинов даже дипломатам было трудно передвигаться по Пекину. Так, например, в 1967 году Юрий Дроздов почти всю ночь провел недалеко от советского торгпредства в «Москвиче», оклеенном дацзыбао (листовками) и с выхлопной трубой, обмотанной соломой. Кроме того, сами китайцы старались избегать иностранцев, поскольку тех из них, у кого находили заграничные книги, заставляли ползать на коленях в знак раскаяния, а тех, кого заставляли за прослушиванием передач иностранного радио, сажали в тюрьму. Не менее жестко действовала и китайская контрразведка. Так, только за два года из Китая были высланы четыре сотрудника резидентуры, работавшие под «легальным» прикрытием: в 1966 году — Юрий Леонидович Косюков, а в 1967 году — Николай Гаврилович Наташин, Валентин Михайлович Пасенчук и Олег Александрович Еданов.

Напряженность между СССР и Китаем не спадала и в 70-х годах. В связи с этим ПГУ КГБ усилило свою работу по Китаю. К 1976 году, когда резидентом в Пекине был назначен Михаил Михайлович Турчак, пекинская резидентура стала одной из самых мощных разведывательных точек за рубежом. Поскольку иностранцам по-прежнему было невозможно спокойно передвигаться по Пекину, значительное число сотрудников резидентуры составляли лица среднеазиатского и монгольского происхождения, которые в соответствующей одежде вполне могли выдать себя за китайцев. Ночью их скрытно вывозили из посольства и оставляли в безлюдном месте. А утром они смешивались с толпой, читали дацзыбао и покупали так называемые «маленькие газеты», в которых печатались новости из Шанхая, Чунцина и Синьцзяна.

Активно работали по Китаю и разведцентры, расположенные в Хабаровске, Иркутске и Алма-Ате. В них готовились и перебрасывались через советско-китайскую границу разведчики-нелегалы среднеазиатского и монгольского происхождения. Однако ни они, ни работники пекинской и других резидентур не смогли получить доступ к источникам, которые имели информацию о принимаемых китайским руководством политических решениях. Поэтому главный упор в работе по Китаю был сделан на разведку с территории других стран, прежде всего Японии и Гонконга, а также на радио- и космическую разведки.

Улучшение советско-китайских отношений началось в 1985 году, после прихода к власти в Москве М. С. Горбачева. А после 1991 года отношения между Москвой и Пекином окончательно нормализовались. Это не могло не отразиться и на деятельности российской внешней разведки. В результате в 1993 году между СВР России и Министерством государственной безопасности (Гоаньбу) Китая был подписан протокол о сотрудничестве.

«Над всей Испанией безоблачное небо»

В апреле 1931 года в результате буржуазно-демократической революции в Испании была свергнута монархия. А на состоявшихся 16 февраля 1936 года выборах в парламент победу одержал Народный фронт, представители которого сформировали республиканское правительство во главе с Ларго Кабальеро. Испанские правые, получившие в парламенте всего 157 мест, решили добиваться власти насильственным путем, опираясь на поддержку со стороны германских и итальянских фашистов. Дело в том, что Гитлер и Муссолини были крайне недовольны приходом к власти в Испании демократического правительства левого толка. Кроме того, как Германия, так и Италия были заинтересованы в укреплении своего военно-политического положения на Пиренейском полуострове.

В ночь на 18 июля 1936 года радио города Сеуты в Испанском Марокко передало условную фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к началу мятежа командного состава испанских колониальных войск в Северной Африке, который возглавил генерал Франсиско Франко. Мятеж, поддержанный крайне правыми националистами, вылился в кровопролитную граж-

данскую войну, разделившую Испанию на две части. Севилья, Галисия, Наварра, часть Кастилии и Андалусии выступили на стороне Франко, а Каталония, Страна басков и большая часть Центральной Испании остались верны республиканскому правительству. Поднимая восстание против законного правительства, Франко прежде всего рассчитывал на помощь Германии и Италии. Муссолини надеялся, что победа Франко в Испании приблизит день восстановления Римской империи и превращения Средиземного моря в «итальянское озеро». О планах, которые вынашивал Гитлер, можно судить по записке министерства иностранных дел Германии. В ней, в частности, отмечалось, что положение Франции изменилось бы коренным образом, если бы под угрозой оказались ее пиренейская граница и коммуникации с колониями.

«Гибралтар утратил свое значение, свобода прохода английского флота через пролив зависела бы от Испании, не говоря уже о возможности использования Пиренейского полуострова как базы для действий подводных лодок и легких морских сил, а также авиации во всех направлениях»¹.

Кроме того, Германию и Италию привлекали природные богатства Испании: уголь, железная руда, ртуть, вольфрам, свинец и т. п.

Вскоре после начала гражданской войны генералу Франко в большом количестве стали поступать оружие и военные материалы из Германии и Италии. Эта помощь способствовала тому, что войска мятежников избежали быстрого разгрома летом 1936 года. Как отмечал в своем дневнике статс-секретарь германского МИД фон Вайцзеккер, «Франко одними собственными силами не в состоянии установить господство в Испании». Такой же точки зрения придерживался и американский посол в Испании Бауэрс, отправивший в конце 1936 года в Госдепартамент сообщение, в котором говорилось, что если бы франкисты «зависели полностью от испанцев, они давно потерпели бы поражение...

Франко не в состоянии, как видно, победить без открытой военной поддержки в широком масштабе со стороны Гитлера и Муссолини»².

За два с половиной года Гитлер направил в Испанию около 50 тыс. немецких военнослужащих, а всего помощь, которую Германия оказала Франко, оценивалась, по немецким источникам, в 500 млн марок (200 млн долларов). Участие Италии в гражданской войне в Испании было более значительным. Италия поставила Франко 1930 орудий, 7,5 млн артиллерийских снарядов, 240 тыс. винтовок, 325 млн патронов, 7633 автомашины, 930 танков и бронетранспортеров. В боевых действиях в Испании участвовало около 1000 итальянских самолетов, совершивших более 86 тыс. боевых вылетов и сбросивших 11 584 тонны бомб. На территории Испании воевало 150 тыс. итальянских военнослужащих. А всего расходы, связанные с итальянской интервенцией в Испании, составили 14 млрд лир (700 млн долларов).

Весьма активно действовал и итальянский флот. Италией были оккупированы Балеарские острова, где была создана база ВМФ с целью блокады берегов Испании. А в середине 1936 года Муссолини отдал приказ торпедировать все нейтральные корабли, которые перевозили грузы, предназначенные для республиканцев. При этом подводным лодкам запрещалось подниматься на поверхность и спасать тех, кто уцелел. Результаты этого преступного приказа оказались трагичными. Так, 30 августа 1937 года был потоплен советский пароход «Тимирязев», а 1 сентября — «Благоев». Но только после того как 31 августа «неизвестная» подводная лодка торпедировала английский эсминец «Хевок», была созвана конференция по борьбе с пиратством на Средиземном море. Она состоялась в Нионе (Швейцария) 10—14 сентября 1937 года и приняла решение уничтожать все подводные лодки, которые попытаются нападать на торговые суда. В результате подводное пиратство на Средиземном море сразу же прекратилось. Впрочем, участие Италии в войне не ограничивалось военными операци-

ями. По приказу Муссолини проводились и операции тайные, где главная роль отводилась СИМ (*Servizio informazioni militari* — служба военной разведки). В начале 1937 года начальник контрразведывательного отдела СИМ полковник Санто Эмануэле представил своему начальству план проведения террористических операций. Руководство ими поручалось туринскому центру контрразведки во главе с майором Роберто Навале, а непосредственное исполнение — лейтенанту Манлио Петраньяни, который проходил в оперативной переписке под псевдонимом Франческо. Среди прочего Франческо поручалось изучить «возможность спровоцировать эпидемию в Барселоне или в пограничной с Францией зоне с целью вызвать этим закрытие франко-испанской границы по санитарным причинам... Завербовать кого-нибудь из сотрудников Красного Креста в Марселе для подбрасывания на складах в провиант и материалы соответственно «подготовленных» партий товаров якобы от лица неких подрывных организаций, как итальянских, так и иностранных»³.

Позднее полковник Эмануэле, арестованный в 1944 году, дал следующие показания:

«В 1937 году от полковника Паоло Анджои (заместитель начальника СИМ. — А. К.) я получил приказ разработать план актов саботажа, распространения эпидемий и устранения неугодных лиц во Франции и Испании. Я выполнил задание с помощью моих сотрудников, прежде всего из туринского центра, возглавляемого Роберто Навале... Должен обратить внимание, что все было сделано с полного согласия командования СИМ, более того, по приказу начальника СИМ, каковым в то время являлся генерал Роатта. Он же, будучи одновременно командующим итальянским экспедиционным корпусом в Испании, осуществлял руководство СИМ через полковника Анджои»⁴.

Определенный интерес представляет шкала расценок разных видов терактов, а также компенсаций агентам, оказавшимся в «неприятной» ситуации:

«За уничтожение парохода — 25 000 лир; за уничтожение паровоза или крушение эшелона — 15 000; за уничтожение груженого товарняка, стоящего на станции, — 5000; за уничтожение грузовика с людьми — 10 000, с материалами — 5000; за распространение инфекционных заболеваний или нанесение вреда произведениям искусства, разрушение железных дорог и т. д. оплата будет соизмеряться с полученным результатом...

В случае «неприятностей», завершившихся арестом, каждый агент знает, что его семье будут перечисляться прожиточные средства вплоть до его освобождения. В случае смерти компенсация составит 50 000 лир»⁵.

Для перечисления всех спецопераций, проведенных СИМ, потребовалось бы много времени. Поэтому назовем только некоторые из них.

14 марта 1937 года с помощью взрывчатки был устроен пожар на корабле «Турия» в порту Ниццы. 30 мая 1937 года на рейде Джероны затонул после взрыва пароход «Читта ди Барселона». В феврале 1937 года в порту Марселя в результате взрыва ушел под воду пароход «Кап Феррат».

Но самым громким делом СИМ стало убийство братьев Карло и Нелло Росселли, лидеров организации итальянских эмигрантов-антифашистов «Справедливость и свобода». Карло Росселли был самым известным итальянским антифашистом и военным руководителем оппозиции в Испании. Поэтому их ликвидации в СИМ придавали большое значение. 11 июня 1937 года обезображенные трупы Карло и Нелло были обнаружены за придорожной изгородью на окраине нормандского городка Баньоль-сюр-Орн. Они ехали к городу, когда их остановили пассажиры другой машины. Карло был убит сразу, как только вышел из автомобиля. Его брат Нелло, более сильный, отчаянно сопротивлялся и умер только после того, как удары нападавших превратили его лицо в кровавое месиво. Непосредственными исполнителями убийства братьев Росселли были французские кагуляры (члены фашистской французской организации «Тайный ко-

митет революционных действий»), которыми руководил Жозеф Дарнан. В качестве платы за убийство СИМ передала кагулярам 100 полуавтоматических карабинов «беретта».

Возвращаясь к началу гражданской войны в Испании, следует отметить, что мятеж генерала Франко не был неожиданным для руководства Советского Союза. Но в Москве считали, что республиканское правительство без труда справится с мятежниками. Сталин и руководство Коминтерна полагали, что восстание будет подавлено в ближайшие дни, и поэтому не торопились оказать республиканцам реальную помощь. Такое благодушное настроение царило в Кремле и в первые недели боевых действий. Кроме того, Сталин надеялся, что вступление СССР 23 августа 1936 года в Лондонский комитет по невмешательству в дела Испании и подписание международного «Пакта о невмешательстве» предотвратит помощь Франко со стороны Германии и Италии.

В то же время Москва внимательно следила за всеми событиями, происходящими в Испании. Свидетельство тому — утверждение Политбюро 20 июля 1936 года кандидатуры ведущего сотрудника ИНО НКВД Александра Михайловича Орлова (Фельдбина) в качестве руководителя аппарата НКВД при республиканском правительстве Испании. Из всех старших офицеров НКВД он один обладал требуемым опытом в зарубежных операциях, контрразведке и партизанской войне. И хотя Орлов официально был направлен в Мадрид как атташе советского посольства, его специальное звание майора государственной безопасности давало ему полномочия, равные полномочиям генерала Красной Армии.

Орлов Александр Михайлович

21.08.1895 — 04.1973. Майор ГБ (1935).

Настоящая фамилия — Фельдбин Лейба Лазаревич, в органах НКВД — Никольский Лев Лазаревич.

Родился в г. Бобруйске Минской губернии в семье мелкого служащего по лесному делу. С 16-летнего возраста подрабатывал частными уроками. Закончив среднее учебное заведение в Москве в 1915 г., в 1916 г. поступил на юридический факультет Московского университета и одновременно в Лазаревский институт восточных языков. В том же году призван в армию, служил рядовым 104-го пехотного полка на Урале. В 1917 г. переведен в студенческий батальон в г. Царицыне, где служили неблагонадежные элементы. После Февральской революции закончил 2-ю школу прапорщиков. Тогда же вступил в партию социал-демократов (объединенных интернационалистов), позднее переименованную в Российскую социалистическую рабочую партию (интернационалистов), а затем — в группу «независимых» во главе с Соломоном Лозовским.

В 1917—1918 гг. Л. Л. Фельдбин — заместитель заведующего справочного бюро Высшего финансового совета, затем преподавал в школе в провинции. В 1919 г. он вступил в РККА и был зачислен в ОО 12-й армии, где работал следователем, уполномоченным по борьбе с контрреволюцией, старшим следователем. Участвовал в раскрытии контрреволюционных организаций в Киеве. Во время отступления армии во главе Отряда особого назначения боролся с повстанцами. В мае 1920 г. вступил в РКП(б).

С декабря 1920 г. — начальник агентурно-следственного отделения ОО ВЧК по охране северных границ, заместитель начальника СОЧ того же отдела, начальник следственно-розыскной части и заместитель заведующего СОЧ Архангельской Губчека. Одновременно особоуполномоченный по фильтрации белых офицеров на Севере.

С июля 1921 по 1922 г. Л. Л. Никольский — следователь Верховного трибунала при ВЦИК. Во время партийной чистки переведен на 6 месяцев из членов в кандидаты в члены РКП(б) «за незнание партийной программы». С января 1923 г. — помощник прокурора Уголовно-кассационной коллегии Верховного суда.

В 1924 г. Л. Л. Никольский завершает обучение в Школе правоведения при Московском университете и возвращает-

ся в органы госбезопасности. С мая 1924 г. он начальник 6-го отделения, с 1925 г. — начальник 7-го отделения и помощник начальника ЭКУ ОГПУ, затем начальник погранохраны Сухумского гарнизона.

В 1926 г. Л. Л. Никольский переводится в ИНО ОГПУ. В 1926—1927 гг. он резидент в Париже, действовал под фамилией Л. Николаев и под прикрытием должности сотрудника торгпредства СССР во Франции. В 1928 г. направлен в берлинскую резидентуру под фамилией Л. Фельдель и прикрытием должности торгового советника полпредства СССР в Германии.

В 1930 г. вернулся в СССР, начальник 7-го отделения (экономическая разведка) ИНО ОГПУ. В сентябре 1932 г. выезжал в краткосрочную командировку в США под прикрытием должности представителя Льноэкспорта, где смог приобрести подлинный американский паспорт на имя Уильяма Голдина.

Весной 1933 г. Л. Л. Никольский (псевдоним Швед) по документам У. Голдина был направлен в Париж во главе нелегальной оперативной группы «Экспресс» с задачей разработки 2-го бюро (разведка) французского Генштаба. В процессе командировки в декабре 1933 г. выезжал со спецзаданием в Рим. Весной 1934 г. был опознан бывшим сотрудником советского торгпредства, в связи с чем в мае 1934 г. покинул Францию.

С 15 июля 1934 г. — нелегальный резидент в Англии под прикрытием представителя «Америкэн рефрижерейтор компани, лтд.». Орлов прибыл в Лондон, где стал главным оператором выпускника Кембриджского университета К. Филби (Зенхен), завербованного незадолго до этого сотрудником резидентуры А. Дейчем (Ланг).

В конце октября 1935 г., по возвращении в СССР, назначен заместителем нач. ТО ГУГБ НКВД. Однако фактически работал в ИНО, где продолжал курировать деятельность «Кембриджской группы». В декабре 1935 г. по американским документам для выполнения вербовочного задания выезжал в Рим, а в 1936 г. — в Эстонию и Швецию, где успешно провел операцию по вербовке посла одной из западных стран.

Но еще за 20 дней до приезда в Мадрид Орлова 27 августа 1936 года в Испанию прибыл новый советский посол, опытный дипломат Марсель Розенберг, которого сопровождала делегация военных, военно-морских и военно-воздушных атташе во главе с Яном Карловичем Берзиным, в 1924—1935 годах возглавлявшим Разведупр РККА. Поступившие от них доклады показали советскому руководству, что фашистские страны не только оказывают Франко материальную и военную помощь, но и направляют в Испанию своих военнослужащих. В связи с этим в середине сентября Политбюро ЦК ВКП(б) постановило оказать республиканскому правительству всестороннюю поддержку.

18 сентября 1936 года было принято решение об отправке в Испанию добровольцев-коммунистов. 7 октября Советский Союз выступил с заявлением, что если немедленно не будут прекращены нарушения «Пакта о невмешательстве», то СССР будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из этого соглашения. С 20 октября в Испании началось создание интернациональных бригад, первую из которых под порядковым номером 11 возглавил Манфред Штерн, известный в то время как генерал Клебер. А 23 октября Советский Союз выступил с новым заявлением, в котором говорилось, что «Пакт о невмешательстве» превратился в пустую бумажку и фактически перестал существовать. Далее в заявлении указывалось, что СССР не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого пакта. Позиция Москвы в отношении Испании была изложена 21 декабря 1936 года в письме Сталина, Молотова и Ворошилова главе испанского правительства Ларго Кабальеро:

«Мы считали и считаем своим долгом в пределах имеющихся у нас возможностей прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-

фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил»⁶.

Советский Союз официально помогал законному правительству Испании вплоть до 27 февраля 1939 года, когда Англия и Франция признали правительство Франко и порвали дипломатические отношения с Испанской республикой.

Помощь, которую оказывал Советский Союз республиканской Испании, была весьма разносторонней. Но особенно важное значение имели поставки оружия и других военных материалов. Многочисленные ходатайства республиканского правительства о закупке в СССР оружия стали поступать с 25 июля 1936 года, но первое время Сталин оставлял их без ответа, считая, как уже говорилось, что лондонское соглашение о невмешательстве в дела Испании позволит законному испанскому правительству подавить мятеж генерала Франко без военной помощи СССР. И только в начале сентября 1936 года, когда стало известно, что Германия и Италия не только поставляют Франко оружие, но и направили в Испанию значительные контингенты своих военнослужащих, политическое руководство СССР приняло решение о поставках республиканцам оружия и военной техники.

После этого Политбюро поручило начальнику ИНО НКВД Абраму Слуцкому и начальнику Разведупра РККА Семену Урицкому разработать план мероприятий по так называемой линии «Х» (поставки оружия и военных материалов в Испанию). 14 сентября 1936 года на Лубянке состоялось совещание под председательством наркома НКВД Генриха Ягоды. На нем присутствовали Слуцкий, Урицкий, Фриновский (начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД) и другие руководители спецслужб. Главным вопросом, стоящим на повестке дня, была организация поставок оружия в Испанию. На совещании было решено, что поставки оружия будут производиться как

из СССР, так и из-за границы. Закупка вооружения за рубежом была возложена на нелегальные резидентуры ИНО НКВД и Разведупра, которые должны были через подставных лиц приобретать оружие у иностранных фирм якобы для третьих стран и нелегально переправлять его в Испанию. Для поставок военных материалов из Советского Союза предполагалось создать штаб из представителей Народного комиссариата обороны и НКВД.

29 сентября 1936 года Политбюро одобрило представленный план, и механизм поставок оружия начал действовать. При Разведупре был создан специальный штаб по перевозкам оружия, который возглавил начальник отдела техники полковник Григорий Григорьевич Шпилевский. В задачи штаба входило определение необходимого количества видов оружия и боевой техники, составление маршрутов следования транспортов по территории СССР и за его пределами, подбор военных советников и инструкторов и т. д.

Шпилевский Григорий Григорьевич

1900 — ? Полковник (1936).

Родился в Гомеле. Участник Гражданской войны. Политработник РККА. Служил в железнодорожных войсках. Слушатель Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе (1930—1933). С 1933 г. в РУ Штаба РККА — начальник сектора. Начальник штаба 51-й стрелковой дивизии (1934—1935). В 1935—1936 гг. помощник начальника отделения 1-го отдела РУ РККА. С августа 1936 г. начальник отделения «Х» (Испания) Разведупра РККА. В октябре 1938 г. уволен из РККА.

Чтобы избежать повода для обвинения Советского Союза в нарушении «Пакта о невмешательстве», НКВД организовал в Одессе нейтральную частную фирму, которой руководил капитан госбезопасности Уманский.

1899 — 21.06.1937. Капитан госбезопасности (1935).

Настоящее имя — Гюнзберг Маврикий Карлович.

Родился в Тернополе в семье служащего. В 1918—1919 гг. — член Бунда. С 1920 г. — член КП Галиции.

С 1921 г. — в ВЧК. Сотрудник ИНО ВЧК-ОГПУ-НКВД. В 1926 г. вступил в ВКП(б).

Арестован 27 апреля 1937 г. На момент ареста — заместитель заведующего отделом фотохроники «Союзфото».

Постановлением Комиссии в составе наркома внутренних дел, Прокурора СССР и Председателя ВК ВС СССР 20 июня 1937 г. осужден к высшей мере наказания. Расстрелян 21 июня 1937 г.

Реабилитирован 15 сентября 1961 г. определением ВК ВС СССР.

Именно через эту фирму до 23 октября 1936 года, когда Советский Союз отказался от участия в соглашении о невмешательстве, закупали республиканцы советское оружие.

Сначала оружие из СССР отправлялось исключительно на испанских кораблях, но вскоре их оказалось недостаточно. Поэтому было решено использовать советские суда, но под чужими флагами и другими названиями. Чтобы немецкая и итальянская агентура не заподозрила обмана, эти корабли снабжались фальшивыми судовыми документами. Изготовление этих документов было возложено на специальную лабораторию НКВД, начальником которой был Георг Миллер. Через некоторое время сотрудники спецлаборатории довели изготовление фальшивых судовых документов до совершенства, благодаря чему советские суда проходили Босфор без всяких затруднений. Позднее Миллер за успешное выполнение этого задания был награжден орденом Красной Звезды.

1898 — ? Старший лейтенант ГБ.

Родился в Австрии. Участник социал-демократического и коммунистического движения, один из руководителей Компартии Австрии. В 1924—1927 гг. — курьер представительства СССР в Вене. В 1927—1930 гг. на нелегальной работе в спецаппарате КП Австрии. С 1930 г. — в СССР. Работал в ОГПУ-НКВД до 1945 г. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалью «За боевые заслуги».

Первые грузовые суда с оружием из СССР прибыли в испанский порт Картахена в начале ноября 1936 года. А в течение осени и зимы 1936/37 года из черноморских портов в Испанию было отправлено 23 транспорта с военной техникой, оружием и боеприпасами. Эти поставки позволили вооружить регулярные бригады и дивизии Народной армии, отстоять Мадрид в ноябре 1936 — январе 1937 года, выиграть Харамское сражение и разбить в марте 1937 года под Гвадалахарой итальянский экспедиционный корпус. Всего же, по неполным данным, за 32 месяца войны Советский Союз поставил в Испанию 806 самолетов, 347 танков и более 600 бронев автомобилей, 1186 артиллерийских орудий, 20 486 пулеметов, 500 тыс. винтовок, 4 млн снарядов и огромное количество других боеприпасов и военного снаряжения. Кроме оружия СССР поставлял в Испанию необходимое ей сырье: нефть и нефтепродукты, хлопок, лесоматериалы и т. д. В 1936 году экспорт советских товаров составил 194,6 тыс. тонн на сумму 24 млн рублей, в 1937 году — 520,1 тыс. тонн на сумму 81 млн рублей, в 1938 году — 700 тыс. тонн на сумму 110 млн рублей, в начале 1939 года — 7 тыс. тонн на сумму 1,6 млн рублей⁷.

Перевозки оружия и других грузов из СССР в Испанию отнюдь не были обычными коммерческими рейсами: каждое судно могло подвергнуться нападению под-

водных лодок или самолетов фашистов. Так, с июля 1936 года по май 1937 года было совершено 86 нападений на советские корабли, потоплены суда «Комсомол», «Тимирязев», «Благоев», насильственно уведены в занятые мятежниками порты корабли «Петровский», «Вторая пятилетка», «Союз водников», «Смидович». А по данным официального итальянского агентства печати Стефани, итальянская военная авиация с 1936 по 1938 год атаковала 224 судна, принадлежащих разным странам.

Следует особо отметить, что поставки советского оружия и снаряжения в Испанию оплачивались за счет испанского золотого запаса, вывезенного в СССР в октябре — ноябре 1936 года. Испанское золото, упакованное в 7800 стандартных ящиков, имело общий вес 510,08 тонн. Руководил операцией по отправке золота в СССР Александр Орлов. Весь этот золотой запас, хранящийся в Москве, был израсходован к концу 1938 года, и в дальнейшем поставки в Испанию оплачивались за счет предоставленного СССР кредита на сумму 85 млн долларов.

Что касается закупки оружия для республиканского правительства Испании за рубежом, то этим, как уже говорилось, занимались крупнейшие нелегальные резидентуры ИНО НКВД и Разведупра. О масштабах проводимых операций по закупке оружия можно судить по докладу Ворошилова Сталину. Как следует из этого доклада, с октября 1936 по февраль 1937 года советскими разведчиками было закуплено и переправлено в Испанию большое количество фотоаппаратуры и противогазов из Франции, лицензия на производство немецкого самолета «Фоккер», 17 самолетов из США, 25 самолетов из Чехословакии, 12 самолетов из Франции, 16 самолетов (доставлено 12) из Голландии, 30 орудий из Франции и 8 из Швейцарии, 145 пулеметов и 10 тыс. винтовок из Чехословакии и т. д. на общую сумму 131 567 580 долларов.

Как проводились такого рода операции, можно увидеть из следующего примера. Осенью 1936 года особой группой НКВД, возглавляемой Яковом Серебрянским

(«группа Яши») и действовавшей автономно от ИНО, по заказу нейтральной страны Геджас у французской фирмы «Деуатин» были приобретены 12 новых самолетов. Самолеты доставили на приграничный с Испанией французский аэродром, где должны были состояться их летные испытания. Для проведения испытаний на аэродром прибыли летчики в французской военной форме. Они подняли самолеты в воздух и перелетели на них в Испанию, где приземлились на территории, контролируемой республиканской армией. Разумеется, во Франции разразился громкий скандал. Премьера Леона Блюма и военного министра Пернэ обвинили в покровительстве республиканской Испании. А 31 декабря 1936 года в СССР было опубликовано постановление ЦИК о награждении «за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов. Серебрянского Я. И. орденом Ленина».

Разумеется, этот эпизод лишь незначительная часть проводимых советской разведкой операций по доставке оружия и военного снаряжения войскам республиканской Испании. Но он дает представление о тех сложностях, с которыми эти операции были связаны. Необходимо привести слова генерала Игнасио Идальго де Сиснерос, заключившего от имени испанского правительства в Москве соглашение о поставках советского вооружения: «Имею право утверждать перед всем миром, что советская помощь была совершенно бескорыстной, не говоря уже о том, что советским людям эта помощь стоила многих жертв». А в заключение есть смысл процитировать отрывок из письма Ларго Кабальеро советскому правительству, датированного 12 января 1937 года:

«Помощь, которую Вы оказываете испанскому народу... была и продолжает оставаться очень полезной для нас. Могу Вас заверить, что мы высоко ценим ее.

От имени Испании, и в первую очередь от имени трудящихся, благодарим Вас от всего сердца и надеемся, что и в дальнейшем мы сможем рассчитывать на Вашу помощь и Ваши советы».

Разумеется, участие в гражданской войне в Испании советских спецслужб и в первую очередь внешней разведки поставками оружия не ограничилось. Сотрудники НКВД появились на территории Испании буквально с самого начала боевых действий. Как уже говорилось, через три дня после начала мятежа, 20 июля 1936 года, Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложение главы НКВД Генриха Ягоды направить в Испанию в качестве руководителя аппарата НКВД в Мадриде майора госбезопасности Александра Орлова, которому были даны неограниченные полномочия в руководстве разведкой и внутренней безопасностью. Заместителями и помощниками Орлова в Испании был Наум Маркович Белкин, Наум Исаакович Эйтингон, Григорий Сергеевич Сыроежкин, Лев Петрович Василевский, Станислав Алексеевич Ваупшасов и другие.

Белкин Наум Маркович

1893 — 03.1942. Старший лейтенант ГБ (1935).

Родился в г. Жлобине Могилевской губернии в мещанской семье. Окончил 3 класса частной гимназии в Гомеле.

Участник Первой мировой войны (солдат русской армии). В 1914—1918 гг. находился в германском плену. По возвращении из плена в октябре 1918 г. вступил в РКП(б).

В 1918—1919 гг. Н. М. Белкин находился на хозяйственной работе в Саратове, в 1919—1920 гг. — заведующий отделом Наркомата труда и социального обеспечения Туркестанской АССР (Ташкент). В 1920—1921 гг. — политком на Западном фронте.

После окончания Гражданской войны Н. М. Белкин некоторое время работал на железнодорожном транспорте: в 1921—1922 гг. — главный инспектор РКИ Средне-Азиатской ж. д. в Ашхабаде, а с 1922 г. — Ташкентской ж. д. в Оренбурге, затем Южной ж. д. в Харькове и Юго-Восточной ж. д. в Воронеже.

В 1924 г. Н. М. Белкина, владевшего арабским, французским, испанским и английским языками, направляют награничную работу по линии НКВД в Аравию. Там он

познакомился с востоковедом-дипломатом и советским разведчиком М. М. Аксельродом, вместе с которым впоследствии работал в ИНО ОГПУ.

В 1925—1931 гг. Н. М. Белкин работает по линии Наркомторга СССР в Йемене и Персии, а в июне 1931 г. его зачисляют в штат ИНО ОГПУ.

В 1933—1934 гг. он находился на нелегальной работе в Болгарии и Югославии, затем в течение полугода в Уругвае.

В 1935—1936 гг. Н. М. Белкин под псевдонимом Кади работал в берлинской резидентуре ИНО ГУГБ НКВД. Он являлся оператором Арвида Харнака (Корсиканец) — одного из организаторов подпольной антинацистской группы, ставшей впоследствии известной как «Красная капелла».

В сентябре 1936 г. переведен в Испанию в качестве заместителя резидента и заместителя официального представителя НКВД СССР при республиканской службе безопасности А. М. Орлова. В задачи Н. М. Белкина входила координация совместной деятельности с представителями испанского МВД, руководство особыми отделами республиканской армии, консультативная работа.

После бегства А. М. Орлова в августе 1938 г. Н. М. Белкин был отозван в Москву и в начале 1939 г. уволен из НКВД «за невозможностью дальнейшего использования». С 1939 г. работал начальником Бюро информации Всесоюзного радиокомитета.

Весной 1941 г. был подготовлен материал на арест Белкина, но нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов арест не санкционировал, посчитав данные недостаточными.

В первые дни Великой Отечественной войны призван в армию и направлен на политработу в Центральный военный госпиталь РККА в должности старшего политрука.

В ноябре 1941 г. восстановлен в кадрах НКВД и откомандирован в распоряжение 2-го отдела НКВД СССР. В декабре 1941 г. под псевдонимом Н. М. Марков по специальному поручению наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии Н. М. Белкин был направлен в Иран (по линии 4-го управления НКВД) для изучения «курдского вопроса», однако в марте 1942 г. скончался в Тавризе от сыпного тифа.

Награжден орденом Красного Знамени (1937).

6.12.1899 — 1981. Генерал-майор (1945).

Родился в г. Шклове, близ Гомеля, Могилевской губернии в семье конторщика бумажной фабрики. Окончил 7 классов Могилевского коммерческого училища.

С марта 1917 г. — инструктор отдела статистики Могилевской городской управы, затем — Пенсионного отдела Могилевского совета. В мае 1917 г. примкнул к левым эсерам, однако уже в августе, разочаровавшись, вышел из партии.

С весны 1918 г. — рабочий, а затем кладовщик на бетонном заводе. С ноября 1918 г. — сотрудник Могилевского губпродкома. В период «военного коммунизма» активно участвовал в продразверстках и подавлении кулацкого саботажа, затем работал по кооперации в тресте «Губпродукт».

В апреле 1919 г. был направлен в Москву на курсы при Всероссийском совете рабочих кооперации. Вернувшись в сентябре 1919 г. в Белоруссию, в составе коммунистического отряда принимал участия в защите Гомеля. Затем работал там инструктором по кооперации и профсоюзной работе.

Весной 1920 г. решением Гомельского губкома РКП(б) направлен на работу в органы ВЧК. С мая уполномоченный ОО Гомельского укрепрайона; затем уполномоченный по военным делам, член коллегии, заместитель председателя Гомельской Губчека.

Активно участвовал в борьбе с бандитизмом на Гомельщине: руководил агентурной разработкой и захватом известного авантюриста Оперпута, ликвидацией савинковской организации (агентурное дело «Крот») и бандформирований Булах-Булаховича. В октябре 1921 г. в бою был тяжело ранен.

После выздоровления, в марте 1922 г., переведен в г. Уфу на должность члена Коллегии Башкирского губотдела ГПУ.

В мае 1923 г. отозван в Москву и назначен уполномоченным, а затем заместителем начальника отделения Восточного отдела ОГПУ. Одновременно приступил к учебе на Восточном факультете ВА РККА.

В октябре 1925 г. после завершения учебы зачислен в ИНО ОГПУ и в том же году направлен резидентом внешней разведки в Шанхае.

С 1926 г. под прикрытием консула СССР возглавлял резидентуры в Пекине, а с 1927 г. — и в Харбине. Во время работы в Китае Эйтингону удалось добиться освобождения группы советских военных советников, захваченных китайскими националистами в Маньчжурии, сорвать попытку захвата советского консульства в Шанхае агентами Чан Кай-ши. В 1928 г. совместно с резидентом РУ РККА в Шанхае Х. Салныным организовал устранение фактического диктатора пекинского правительства маршала Чжан Цзолиня.

Весной 1929 г., после разгрома китайской полицией советского консульства в Харбине, отозван в Москву и направлен в Турцию на должность легального резидента в Стамбуле под прикрытием атташе консульства СССР Леонида Александровича Наумова. Резидентура ОГПУ в Турции не работала против страны пребывания, а сосредоточила усилия на добывании информации в иностранных посольствах в Константинополе.

По возвращении в Центр Эйтингон, сделавший псевдоним Леонид Александрович Наумов своим именем, был назначен заместителем у Я. И. Серебрянского — начальника Особой группы при председателе ОГПУ («группа Яши»).

В период работы в ОГ Эйтингон несколько раз выезжал за рубеж, в том числе в Калифорнию, где руководил созданием там глубоко законспирированной нелегальной агентурной сети. Однако сработаться с Яшей Эйтингону не удалось, и в 1931 г. он перешел на должность начальника 8-го отделения ИНО ОГПУ и в скором времени командирован во Францию, а затем в Бельгию.

По возвращении в Москву, с марта 1933 г., — начальник 1-го отделения (нелегальная разведка) ИНО, и во второй половине 1933 г. вновь направлен за рубеж для работы в нелегальных резидентурах в США.

В 1936 г. после начала гражданской войны в Испании Наумов-Эйтингон под именем Леонида Александровича Котова направлен в Мадрид в качестве заместителя А. М. Орлова (Швед) — резидента НКВД и главного советника по безопасности республиканского правительства. В

задачи «генерала Котова» входила подготовка испанских сил госбезопасности, руководство партизанскими операциями республиканцев в тылу противника. Он также участвовал в ликвидации руководителей испанской Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ).

После побега на Запад Шведа в июле 1938 г. Котов возглавил резидентуру. Центр поручил ему восстановить связь с одним из членов «кембриджской пятерки» Гаем Берджессом (Медхен).

После поражения республиканцев в 1939 г. Эйтингон руководил эвакуацией советских специалистов и добровольцев из Испании в СССР, затем перебрался во Францию, где в течение нескольких месяцев реорганизовывал и восстанавливал остатки испанской агентурной сети НКВД. В Париже Л. А. Эйтингон (Пьер) наладил работу с Медхен, который в марте 1939 г. был передан на связь легальному резиденту НКВД в Лондоне А. В. Горскому. Во Франции Пьеру удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой племянника главы испанской Фаланги Примо де Риверы, который до 1942 г. был важным источником информации о планах Франко и Гитлера.

Еще в 1937—1938 гг. И. В. Сталин принял решение положить конец международному троцкистскому движению путем физического устранения его лидера — Л. Д. Троцкого (Старика), однако целый ряд попыток внедриться в его окружение и осуществить указание вождя по различным причинам не увенчались успехом. В марте 1939 г. общее руководство операцией, получившей кодовое наименование «Утка», было поручено П. А. Судоплатову. Тот в свою очередь предложил возложить непосредственную организацию и осуществление операции на месте на Наумова-Эйтингона.

Первая попытка ликвидировать Старика, предпринятая 20 мая 1940 г. во время нападения на его виллу в Койоакане группы боевиков во главе с известным художником Давидом Сикейросом, закончилась неудачей. Тогда был приведен в действие второй вариант, где главная роль отводилась молодому испанскому коммунисту Рамону Меркадеру, привлеченному Эйтингоном к сотрудничеству с советской разведкой еще в Испании.

Меркадеру (по легенде — бельгийскому журналисту Жаку Морнару) удалось войти в ближайшее окружение Троцкого. 20 августа 1940 г. Меркадер, находясь в кабинете Троцкого, нанес ему удар ледорубом по голове. На следующий день Старик скончался. Сам Меркадер был задержан охраной и арестован. Эйтингону и матери Рамона — Каридад Меркадер — удалось покинуть Мексику.

После успешного завершения операции через Кубу, Китай, Дальний Восток весной 1941 г. Эйтингон вернулся в Москву.

17 июня 1941 г. закрытым Указом Президиума ВС СССР от 17 июня 1941 г. Эйтингон был награжден орденом Ленина.

В первые дни Великой Отечественной войны, 5 июля 1941 г., назначен заместителем начальника Особой группы (ОГ) при наркоме ВД СССР, возглавляемой П. А. Судоплатовым. Основной задачей группы была организация диверсий в тылу противника.

Осенью 1941 г. Л. А. Эйтингон вместе с разведчиками Г. Мордвиновым, И. Винаровым и группой боевиков выехал в Турцию, где по заданию Сталина должен был организовать ликвидацию германского посла в Анкаре Франца фон Папена. Покушение сорвалось, и в августе 1942 г. Эйтингон вернулся в Москву.

С 20 августа 1942 г. заместитель начальника 4-го управления НКВД-НКГБ СССР. Наряду с П. А. Судоплатовым, Эйтингон являлся одним из организаторов партизанского движения и разведывательно-диверсионной работы на оккупированной территории СССР, а позже — в Польше, Чехословакии, Болгарии и Румынии, сыграл ведущую роль в проведении ставших легендарными оперативных радиоигр против немецкой разведки «Монастырь» и «Березино». За выполнение специальных заданий в годы Великой Отечественной войны Л. А. Эйтингон был награжден полководческими орденами Суворова 2-й степени и Александра Невского.

С 27 сентября 1945 г. заместитель начальника отдела «С» НКВД СССР (по совместительству), занимавшегося координацией разведывательной работы по созданию атомного оружия.

После окончания войны принимал активное участие в разработке и осуществлении агентурных комбинаций по ликвидации польских и литовских националистических бандформирований.

В конце 1946 г. специальным решением И. В. Сталина на Эйтингона было возложено проведение операции по оказанию помощи органам безопасности КП Китая в подавлении сепаратистского движения мусульман-уйгуров в провинции Синьцзян (Восточный Туркестан). В итоге к 1949 г. уйгурские сепаратисты потерпели полное поражение.

С 15 февраля 1947 г. заместитель начальника отдела «ДР» (диверсии), а с 9 сентября 1950 г. — бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей (у П. А. Судоплатова).

В октябре 1951 г. Эйтингон, как и многие другие работники МГБ, был арестован по так называемому «делу о сионистском заговоре в МГБ».

После смерти Сталина, в марте 1953 г., по распоряжению Л. П. Берии освобожден из тюрьмы и восстановлен в органах госбезопасности. В мае 1953 г. назначен заместителем начальника 9-го (разведывательно-диверсионного) отдела МВД СССР.

21 июля 1953 г. арестован по «делу Берии». В 1957 г. осужден к 12 годам лишения свободы. С марта 1957 г. отбывал срок во Владимирской тюрьме.

В 1964 г. вышел на свободу. С 1965 г. старший редактор издательства «Международные отношения».

Скончался в московской ЦКБ от язвы желудка, и только в апреле 1992 г. последовала его посмертная реабилитация.

Сыроежкин Григорий Сергеевич

25.01.1900 — 26.02.1939. Майор ГБ (1936).

Родился в с. Волково Балашовского уезда Саратовской губернии в крестьянской семье. В 1905 г. его семья переехала в Тифлис. Отец служил младшим каптенармусом в Тифлисском гарнизоне.

В 1915 г. Г. Сыроежкин ушел добровольцем в армию, однако, как несовершеннолетний, был возвращен домой. Увлекался спортом и цирком: изучал искусство фокусника;

джигитовку, был учеником знаменитых русских борцов И. Поддубного и И. Заикина, однако вынужден был отказаться от спортивной карьеры из-за травмы. Работал писемоводителем в Управлении Закавказской железной дороги. Экстерном сдал экзамен за 4 класса гимназии.

В марте 1918 г. возвратился с семьей в родное село. Летом того же года ушел добровольцем в РККА. Воевал на Южном фронте в дивизии Киквидзе, служил писарем в Ревтрибунале 9-й армии. В декабре 1919 г. назначен комендантом Ревтрибунала армии.

Весной 1920 г. Г. С. Сыроежкин был откомандирован в Новочеркасскую ЧК, затем направлен следователем в Ревтрибунал Кавказского фронта.

С августа 1921 г. — следователь ревтрибунала республики в Москве. Участвовал в подавлении антоновского мятежа на Тамбовщине и ликвидации банды Попова в Балашовском уезде Саратовской губернии.

В сентябре 1921 г. переведен в КРО ВЧК. Принимал непосредственное участие в контрразведывательной операции «Синдикат-2», нацеленной на уничтожение подпольной белогвардейской организации «Союз защиты Родины и свободы» и арест ее лидера Б. В. Савинкова. Под псевдонимом Серебряков дважды пересекал польскую границу, входил в контакт с польской разведкой в качестве курьера легендированной организации «Либеральные демократы». Участвовал в задержании эмиссара «Союза» полковника Павловского.

В сентябре 1925 г. Г. С. Сыроежкин активно участвовал в операции «Трест» по выводу в СССР и аресту английского разведчика и авантюриста С. Рейли. Действовал под именем Щукина — боевика ранее разгромленной чекистами «Монархической организации Центральной России».

Осенью 1925 г. переведен в ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В составе оперативно-разведывательного отряда участвовал в спецоперации РККА по разоружению Чечни.

В 1928 г. направлен в Якутию, где японские агенты из числа бывших белогвардейцев готовили вооруженное восстание с целью отделения Якутии от СССР. Благодаря успешной контрразведывательной операции, проведенной

Г. С. Сыроежкиным и его группой, заговор был ликвидирован.

Во время конфликта на КВЖД боролся с бандитизмом в Бурятии. В 1930—1931 гг. участвовал в подавлении восстаний в Монголии.

В 1932 г. направлен в Белоруссию, где руководил борьбой с подрывной деятельностью подпольных националистических организаций. За ликвидацию в 1933 г. «Союза освобождения Белоруссии» награжден золотыми часами.

В 1933 г. Г. С. Сыроежкин был направлен в Ленинград, где участвовал в контрразведывательной операции по ликвидации шпионских и террористических групп, созданных немецкими спецслужбами и действовавших под прикрытием нескольких германских коммерческих представительств. При проведении оперативных мероприятий выезжал в Германию, Норвегию, Финляндию и Швецию для встреч с агентурой. В Финляндии поддерживал связь с одним из бывших руководителей Кронштадтского мятежа С. М. Петриченко, который дал подробную информацию о военных приготовлениях на советско-финской границе.

Во время гражданской войны в Испании Г. С. Сыроежкин — старший военный советник 14-го корпуса республиканской армии, осуществлявшего разведывательно-диверсионные операции в тылу франкистов. Неоднократно лично участвовал в выполнении специальных заданий.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, именным оружием от Коллегии ОГПУ (1932), золотыми часами.

В конце 1938 г. отозван в Москву. 8 февраля 1939 г. арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши и участии в контрреволюционной организации. 26 февраля 1939 г. осужден ВК ВС СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В феврале 1958 г. приговор отменен и дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Василевский Лев Петрович

1904—1979. Полковник.

В 20-е годы работал в КРО ГПУ ГССР. До 1936 г. сотрудник ОГПУ-НКВД ЗСФСР.

С 1936 по 1938 г. — руководитель линии «Д» (разведывательно-диверсионные операции) резидентуры НКВД СССР в Испании, старший советник ОО Мадридского фронта, начальник опергруппы НКВД. Владел французским и испанским языками.

В 1939—1941 гг. Л. П. Василевский — резидент внешней разведки в Париже (под прикрытием генерального консула Тарасова). В этот период он участвовал в подготовке и проведении операции по ликвидации Л. Д. Троцкого в Мексике.

В 1941—1942 гг. — заместитель резидента НКВД в Анкаре (Турция). С 1942 г. — заместитель начальника 4-го управления НКВД СССР.

В 1943—1945 гг. — резидент НКВД-НКГБ в Мексике, действовал под именем Л. А. Тарасова и прикрытием должности советника посольства СССР в Мексике. Василевскому удалось восстановить связи с агентурой в США и Мексике, привлеченной Эйтингоном и Григулевичем для проведения операции по ликвидации Троцкого.

С 8 декабря 1945 г. Л. П. Василевский — заместитель начальника отдела «С» НКГБ-МГБ СССР. С 1945 г. он заместитель начальника, а с 1946 г. — начальник 11-го отдела (научно-технической разведки) 1-го управления НКГБ-ПГУ МГБ СССР, а затем — Отдела НТР КИ при СМ СССР.

В 1947 г. уволен из разведки. В 1948—1953 гг. — пенсионер МГБ, заместитель директора Главкинопроката Комитета по кинематографии.

В 1951—1953 гг. находился под следствием по делу о так называемом «еврейском заговоре в МГБ».

В апреле 1953 г. освобожден из заключения, полностью реабилитирован и назначен помощником начальника 9-го отдела МВД СССР (служба диверсий за границей).

В июле 1953 г. уволен из МВД СССР и в 1954 г. исключен из партии за связи с Берией и «политические ошибки», допущенные в загранработе. Лишен воинского звания.

Однако в 1959 г. Л. П. Василевский сумел добиться восстановления в КПСС, политической реабилитации и был восстановлен в воинском звании.

Автор более 50 книг и статей по истории гражданской войны в Испании.

В соавторстве с А. В. Горским (в годы войны — резидент в Англии) — переводчик знаменитой книги Рафаэля Саббатини «Одиссея капитана Блада».

Умер в Москве.

Награжден орденом Красного Знамени (1941), медалями.

Ваупшасов Станислав Алексеевич

15(27).07.1899 — 19.11.1976. Полковник.

Родился в д. Грузджай Шяуляйского уезда Ковенской губернии в семье рабочего. Трудовую деятельность начал батраком в родной деревне. С 1914 г. проживал в Москве, работал землекопом, арматурщиком на заводе «Проводник». После кратковременного пребывания в Литве вернулся в Москву.

С 1918 г. в Красной гвардии, затем в РККА. Воевал сначала на Южном фронте, потом против войск генерала Дутова и белочехов, затем на Западном фронте.

С 1920 по 1925 г. находился на подпольной работе по линии так называемой «активной разведки» в западных областях Белоруссии, оккупированных Польшей. Организатор и командир партизанских отрядов. За работу в Белоруссии С. А. Ваупшасов был награжден почетным оружием и орденом Красного Знамени.

После сворачивания «активной разведки» отозван в СССР. С 1925 г. находился на административно-хозяйственной работе в Москве. В 1927 г. окончил Курсы комсостава РККА.

В 1937—1939 гг. С. А. Ваупшасов находился в командировке в Испании в качестве старшего советника при штабе 14-го партизанского корпуса республиканской армии по разведывательно-диверсионным операциям (под псевдонимами Шаров и Тов. Альфред). После поражения республики, рискуя жизнью, вывез республиканские архивы.

С 1939 г. — в центральном аппарате НКВД СССР. Во время советско-финской войны 1939—1940 гг. участвовал в формировании разведывательно-диверсионных групп. За успешное выполнение заданий командования и проявленную доблесть был награжден именовым оружием.

В 1940 г. вступил в ВКП(б).

Накануне Великой Отечественной войны С. А. Ваупшасов был вновь направлен на разведработу за границу. Знание испанского, английского и шведского языков, большой жизненный и боевой опыт способствовали успешному выполнению заданий Центра.

После возвращения в СССР был направлен в распоряжение Особой группы — 2-го отдела НКВД СССР. С сентября 1941 командир батальона ОМСБОНа НКВД СССР, принимал участие в битве под Москвой.

С марта 1942 по июль 1944 г. под псевдонимом Градов — командир партизанского отряда НКГБ СССР «Местные», действовавшего в Минской области. За время пребывания в тылу противника партизанским соединением под командованием С. А. Ваупшасова было уничтожено свыше 14 тыс. немецких солдат и офицеров, совершено 57 крупных диверсий. В их числе взрыв столовой СД, в результате чего было убито несколько десятков высокопоставленных немецких офицеров. С. А. Ваупшасов лично участвовал в наиболее ответственных операциях.

После освобождения Белоруссии некоторое время работал в центральном аппарате в Москве.

В августе 1945 г. участвовал в боевых операциях против Японии, затем — начальник опергруппы НКГБ по очистке тыла в освобожденной Маньчжурии.

После окончания Второй мировой войны С. А. Ваупшасов продолжал работать в органах госбезопасности. В 1958 г. уволен на пенсию.

Опубликовал несколько книг, посвященных подвигу партизан в годы Великой Отечественной войны.

Герой Советского Союза (1944). Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Трудового Красного Знамени БССР (1932), медалями.

Умер в Москве после продолжительной и тяжелой болезни.

Орлов прибыл в Испанию 16 сентября 1936 года и немедленно приступил к делу. Его первый доклад в Москву, датированный 15 октября 1936 года, так характери-

зует состояние и деятельность испанских республиканских спецслужб:

«Общая оценка: единой службы безопасности нет, так как правительство считает это дело не очень моральным. Каждая партия создала свою службу безопасности. В том учреждении, что есть у правительства, много бывших полицейских, настроенных профашистски. Нашу помощь принимают любезно, но саботируют работу»⁸.

В связи с этим Орлов и его аппарат первым делом занялись реорганизацией СИМ (Servicio de Investigacion Militar — служба военных расследований), органа, занимающегося контрразведкой, а также других спецслужб республиканцев. Реорганизация СИМ, проведенная по образцу советского НКВД, была закончена в 1937 году. Официально она подчинялась министру обороны, а фактически руководителям компартии, Коминтерна и НКВД. Ее начальником был А. Баса, а затем М. Барутель. Структура СИМ выглядела следующим образом:

высшее руководство;

генеральный секретариат: шеф технических служб, начальник внутренних служб, начальник юридических служб;

1-й отдел: иностранные вопросы;

2-й отдел: авиация;

3-й отдел: сухопутная армия;

4-й отдел: морской флот;

5-й отдел: общественные работы;

6-й отдел: вооружение;

7-й отдел: экономические вопросы;

8-й отдел: юридические вопросы;

9-й отдел: транспорт и связь;

10-й отдел: общественное и специальное обучение;

11-й отдел: политические партии и профсоюзные организации;

12-й отдел: гражданское население;

13-й отдел: бригада специального назначения.

Помимо СИМ к концу 1937 года были созданы следующие спецслужбы:

СИЕП (служба периферийной разведки) — орган военной разведки, подчинявшийся 2-му отделу центрального штаба и занимавшийся разведкой в пользу армии. Его отделы существовали в каждом армейском корпусе;

СЕ (специальная служба) — орган Генерального штаба, отвечавший за контрразведывательные операции в войсках;

СИЕЕ (специальная служба зарубежной информации) — органграничной разведки.

Результаты работы такого профессионала, как Орлов, дали свои плоды уже через два месяца. Так, к концу декабря 1936 года сотрудники Орлова с помощью испанцев ликвидировали резидентуру французской военной разведки (2-го бюро Генштаба) в Барселоне, где было обнаружено более 6000 важных документов. А в сообщении Орлова в Центр от 5 марта 1937 года говорилось: «В Мадриде при нашем участии раскрыты две организации фашистов: 27 и 32 человека. В Валенсии на основании архива итальянского консула арестованы итальянцы — братья Богани и Карлоти Полити и тринадцать испанцев. Полити сознались, что вели разведывательную работу с 1930 года в Валенсии по поручению итальянского консула»⁹.

По мере прибывания в Испанию новых сотрудников НКВД Орлов расширял контрразведывательные операции. К маю 1937 года представители НКВД находились в четырех местных отделениях СИМ: в Мадриде, Барселоне, Бильбао и Альмерии. Благодаря этому к лету 1937 года был арестован агент гестапо Максим Старр. Он проник в интербригады, а до этого успешно действовал в качестве провокатора в рядах Компартии Германии. Вслед за ним были обезврежены немецкие шпионы Эрнст Клемент и Мюллер, причем при аресте у них был изъят радиопередатчик. Чуть позднее в голландском посольстве в Мадриде был арестован резидент абвера в Испании, бывший атташе германского посольства Алекс.

О том, как велась оперативная работа по выявлению фашистской агентуры, можно судить по разоблачению нелегального резидента абвера в Мадриде Отто Кирхнера. Кирхнер вместе с женой проживал в Мадриде как аргентинский гражданин Кобард. Его прикрытием был антикварный магазин, где можно было купить или продать старинные картины, фарфор, скульптуру и т. д. В ходе операции по разоблачению мнимого антиквара к нему подвели сотрудника СИМ испанца Санчеса Ортиса, выступавшего под видом молодого и богатого польского бездельника пана Кобецкого. Ортис, познакомившись с Кирхнером, посетовал, что не располагает в данный момент необходимыми средствами для поездки в Аргентину к родственникам, и предложил «антиквару» купить картину Дега из своей коллекции. Убедившись, что предложенная ему картина действительно подлинник Дега, Кирхнер согласился. Во время дальнейших встреч, решив, что молодой «поляк» не представляет для него опасности, Кирхнер попросил его доставить в Аргентину посылку для родственников. «Поломавшись», пан Кобецкий согласился. В полученных от Кирхнера сувенирах сотрудниками СИМ были обнаружены зашифрованные донесения о состоянии вооруженных сил Испанской республики, о ее экономическом положении, псевдонимы, адреса и пароли агентов и т. д. В результате были арестованы не только Кирхнер и его жена, но и вся агентура резидентуры, действовавшая на территории Испании.

Надо отметить, что контрразведывательные операции в Испании велись не только против испанских, немецких и итальянских фашистов, но и против агентуры других государств, действовавшей на контролируемой республиканцами территории. Так, в донесении от 8 июня 1937 года Орлов сообщил в Москву об арестах ряда английских агентов:

«Арестован агент Интеллидженс сервис индус Эриу Эдуард Дут, прибывший из Саламанки в Валенсию по заданию руководителя ИС в Гибралтаре — Мерфи. В Са-

ламанке Дут был связан с руководителем гестапо — Фишером. При обыске у Дута найдена копия секретного доклада, посланного из Саламанки в ИС, о его деятельности за время пребывания на территории Франко. На основе имевшихся агентурных данных арестован также английский разведчик Кинг, у которого обнаружен вопросник Интеллидженс сервис для заполнения данными о состоянии республиканских войск. Арестованный по этому делу информатор Кинга немец Рудольф Ширман состоял в Интернациональной бригаде»¹⁰.

Еще одним важным источником информации об Испании были для ИНО НКВД члены так называемой «кембриджской пятерки» Дональд Маклин и Ким Филби. Маклин в 1935—1938 годах работал в Лондоне третьим секретарем западного отдела МИДа и обрабатывал материалы, относящиеся к Испании. Какую информацию получал от Маклина Центр, может проиллюстрировать его донесение от 25 апреля 1938 года:

«...Мы отправили (в Москву. — А. К.) меморандум Коллера, начальника Северного отдела, об общей британской политике в отношении Испании, а также комментарии к нему высшего руководства министерства иностранных дел. Коллер придерживается более или менее левой, антифашистской, линии, тогда как все остальные, комментировавшие меморандум: Галифакс, Момсей, Плимут и Кадоган, как и следовало ожидать, единогласно поддерживают нынешнюю политику примирения с Италией и последующего признания победы Франко...»¹¹.

Что касается Филби, то он, в то время начинающий журналист, получил в декабре 1936 года от своего куратора Арнольда Дейча задание поехать в Испанию в качестве корреспондента-стажера для сбора информации о военной и политической обстановке в лагере Франко. «Моя первоочередная задача, — рассказывал позднее Филби, — заключалась в том, чтобы добывать информацию из первых рук обо всех аспектах фашистской военной деятельности».

В Испании в качестве корреспондента влиятельной английской газеты «Таймс» Филби побывал дважды: первый раз с февраля по май 1937 года, второй — с июня 1937 по август 1939 года. Посылая в Лондон статьи, написанные с позиций сторонника Франко, Филби быстро завоевал доверие франкистов. В марте 1938 года он получил из рук Франко Красный крест за военную доблесть — за храбрость, проявленную при артиллерийском обстреле. После этого перед Филби открыты все двери. У него завязались хорошие отношения с резидентом абвера в Испании майором ван дер Остером. Благодаря этому, по словам Филби, «сотрудники абвера часто приглашали меня в свой штаб, причем даже не убрали карт с обозначением расположения своих войск и продолжали за шнапсом обсуждение всех планов и проблем». Собранную информацию Филби передавал Орлову, с которым встречался во Франции: сначала в Нарбонне в кафе гостиницы «Мирамар», а потом в Париже и других французских городах. С июля 1938 года контакты с Филби осуществлял Наум Эйтингон, который после бегства Орлова в США был назначен резидентом ИНО в Испании.

Еще одной важной сферой деятельности сотрудников НКВД в Испании была охрана лидеров Испанской компартии. Дело в том, что, согласно агентурным данным, полученным по каналам разведки, в Берлине и Риме было принято решение о физической ликвидации наиболее популярных лидеров республиканцев. В связи с этим по согласованию с ЦК Компартии Испании из 14-го (партизанского) корпуса был временно отозван сотрудник НКВД Станислав Ваупшасов (Альфред), имевший большой опыт подпольной и диверсионной работы. Именно ему было поручено организовать охрану членов ЦК Долорес Ибаррури, Висенте Урибе и Педро Чека. В своей книге «На тревожных перекрестках» Ваупшасов так рассказывает о принятых им мерах:

«Из числа коммунистов и членов социалистического союза молодежи мы отобрали 20 курсантов и офицеров

спецшколы нашего партизанского корпуса, дислоцировавшейся в окрестностях Барселоны, тщательно всех проинструктировали. Затем я связался с товарищами Урибе и Чека и членами их семей, изучил расположение квартир, характер и политическую физиономию соседей, определил пароли, пропуска и договорился о методах поддержания со мной непрерывной связи. Все было сделано быстро, оперативно, как того требовала тогдашняя тревожная обстановка. Затем на квартирах наших подопечных мы установили круглосуточное дежурство бойцов охраны. Лишь после этого я с представителем горкома партии и моим неизменным спутником переводчиком П. Науменко отправился в здание ЦК Компартии Испании на улицу Пасео де Гарсия...

После внимательного осмотра помещения ЦК я попросил Долорес Ибаррури предоставить охране соседнюю с ее кабинетом комнату и обеспечить нас прямой телефонной связью с ее кабинетом и городом. Мою просьбу она выполнила.

Надо сказать, что Ибаррури аккуратно выполняла требования охраны: перед выездами ставила в известность, сообщала сроки и маршруты поездок, заранее предупреждала, где и когда собирается публично выступить, в каком помещении. Такой непосредственный контакт и понимание наших задач дали нам возможность обеспечить ее охрану и охрану других руководящих работников ЦК»¹².

Кроме организации эффективной контрразведки сотрудники НКВД во главе с Орловым приложили немало усилий для создания разведки, действующей как на территории Испании, контролируемой Франко, так и в других европейских странах. В результате уже к маю 1937 года разведка республиканцев встала на ноги и начала добывать важную информацию, необходимую для принятия как военных, так и политических решений. Вскоре в Москву были направлены следующие сведения, касающиеся немецкой помощи Франко, о:

7-м армейском корпусе в Мюнхене, который являлся базой для германской интервенции в Испании и имел в своем составе специальную офицерскую школу для франкистов;

горных бригадах германской армии, их формировании, местонахождении, количестве и т. д.;

вербовке и отправке в Испанию частей СА морского стандарта в Хемнице и об отправке из Баварии в Испанию 1200 саперов из 7, 10, 15, 17 и 47-го саперных батальонов вермахта;

племяннице фон Бломберга Лидии Марии Атцель де Борозон, которая руководила шпионской работой в Барселоне;

другой германской разведчице, Ади Эйнберг, действовавшей в Марселе и передававшей добытые сведения Франко;

испанском консуле в Монпелье Рочо, являвшемся резидентом франкистской разведки.

С помощью испанцев Орловым была также создана крупная агентурная сеть в Валенсии, что позволило испанской резидентуре ИНО НКВД распространить свою деятельность на Испанское Марокко, Гибралтар и Францию.

Большое внимание уделялось республиканскими спецслужбами организации разведывательно-диверсионной работы в тылу франкистов. Этим занимались подразделения 14-го (партизанского корпуса), о создании и деятельности которого стоит рассказать более подробно.

В конце 1936 года по указанию главного военного советника Яна Карловича Берзина в республиканской армии была создана специальная разведгруппа из 5 человек, которой командовал капитан Доминго Унгрия. Военным советником и инструктором группы был опытный специалист-подрывник Разведупра РККА Илья Григорьевич Старинов (Родольфо). Действия группы в тылу франкистов были настолько успешны, что очень скоро она превратилась в отряд, насчитывающий уже 12 человек. Самой значительной и прогремевшей на весь мир

операцией отряда было уничтожение в феврале 1937 года под Кордовой поезда со штабом итальянской авиадивизии. Эшелон из 8 вагонов был пущен под откос с 15-метрового обрыва при помощи мощной мины.

Советские военные советники и командование испанской республиканской армией очень скоро поняли важность диверсионной деятельности в тылу противника. Поэтому батальон в быстром порядке был развернут в бригаду, а в начале 1938 года — 14-й партизанский корпус численностью свыше 5000 человек. Корпус состоял из семи бригад трехбатальонного состава, которые после завершения формирования были распределены по фронтам следующим образом: три бригады находились в Каталонии на Восточном фронте, а четыре бригады действовали на Центральном и Южном фронтах в тесном контакте с Андалусской и Эстремадурской армиями. Кроме того, корпус имел специальные школы в Барселоне, Валенсии, Бильбао и Архене, где готовились кадры снайперов, минеров-подрывников, радистов и войсковых разведчиков. Все курсанты были обязаны в совершенстве изучить особенности действия в тылу врага, военную топографию, движение по азимуту, маскировку и т. п. Учитывая исключительно тяжелые условия, в которых приходилось действовать личному составу корпуса, все его бойцы получали двойной паек и двойное жалованье. Резидент ИНО НКВД Александр Орлов не только поддержал идею создания партизанского корпуса, но и сам приложил много усилий для его организации, считая, что действия разрозненных диверсионных групп уже не могут обеспечить надлежащих результатов. Так, после взятия в декабре 1937 года республиканскими войсками города Теруэля, который был главным опорным пунктом франкистов в горах Арагона, он направил в Москву рапорт (Орлов — Центру, 3 декабря 1937 года), в котором писал: «Диверсионная работа остается очень важной. Работать становится невероятно трудно. Враг перешел к серьезной охране дорог, мостов, ж.-д. путей, электромагистралей. Не бросая

работы в ближнем тылу, ставим перед собой задачи «квалифицированных» операций: налетов на концентрационные лагеря противника для освобождения арестованных коммунистов, социалистов и революционных рабочих, захвата небольших городов, не имеющих сильных гарнизонов и т. д.»¹³.

В ноябре 1937 года Старинова на посту советника сменил другой военный разведчик — Христофор Интович Салнынь. С апреля 1938 года старшим советником корпуса стал Николай Кириллович Патрахальцев, а с июня 1938 года — Василий Аврамович Троян. Советниками корпуса были также Станислав Алексеевич Ваупшасов, Кирилл Прокофьевич Орловский, Николай Архипович Прокопюк, Андрей Иванович Эмильев, Жан Андреевич Озолю, Александр Маркович Рабцевич, Никон Григорьевич Коваленко и другие. В резидентуре ИНО НКВД действиями 14-го корпуса руководили Наум Эйтингон и Лев Василевский.

Орловский Кирилл Прокофьевич

18(30).01.1895 — 1968. Полковник.

Родился в д. Мышковичи Могилевской губернии в семье крестьянина. В 1906 г. поступил в Поповщинскую приходскую школу, которую окончил в 1910 г. В 1915 г. призван в армию. Служил сначала в 251-м запасном пехотном полку рядовым, а с 1917 г. он унтер-офицер, командир саперного взвода 65-го стрелкового полка на Западном фронте.

В январе 1918 г. К. П. Орловский демобилизовался из армии и вернулся в родную деревню Мышковичи. Однако «мирная передышка» в его жизни длилась недолго: после прихода немецких оккупантов К. П. Орловский связывается с подпольным комитетом РКП(б) в Бобруйске, создает партизанский отряд, которым командует с августа по декабрь 1918 г.

В декабре 1918 — мае 1919 г. работал в Бобруйской ЧК. С мая 1919 по май 1920 г. учился на Первых московских пехотных курсах комсостава, одновременно, будучи курсантом, участвовал в боях против войск Юденича, в советско-

польской войне. С мая 1920 по май 1925 г. руководил партизанскими отрядами в Западной Белоруссии по линии «активной разведки». Под руководством К. П. Орловского было совершено несколько десятков боевых операций, в результате которых было уничтожено свыше 100 польских жандармов и помещиков.

После возвращения в СССР К. П. Орловский учился в Коммунистическом университете нацменьшинств Запада им. Мархлевского, который окончил в 1930 г. Затем в течение пяти лет находился на работе по подбору и подготовке партизанских кадров по линии Особого отдела ОГПУ БССР.

С января 1936 по январь 1937 г. — начальник участка на строительстве канала Москва — Волга.

В 1937—1938 гг. выполнял специальные задания по линии советской внешней разведки во время войны с фашистами в Испании.

С января 1938 г. по февраль 1939 г. — студент спецкурсов НКВД в Москве.

С 1939 г. К. П. Орловский — помощник директора Сельскохозяйственного института в Чкалове (ныне Оренбург). С 1940 г. вновь в органах госбезопасности.

С марта 1941 по май 1942 г. находился в заграникомандировке по линии НКВД в Китае.

После возвращения в СССР К. П. Орловский — в 4-м управлении НКВД СССР. 27 октября 1942 г. направлен с группой десантников в тыл врага в район Беловежской пуши, участвовал в организации партизанских отрядов и сам возглавил отряд особого назначения «Соколы». В 1943 г. во время операции по уничтожению заместителя гаулейтера Белоруссии Ф. Фенса К. П. Орловский был тяжело ранен.

С августа 1943 по декабрь 1944 г. — в НКГБ Белоруссии, затем вышел в отставку по состоянию здоровья.

С января 1945 г. — председатель колхоза «Рассвет» в с. Мышковичи Могилевской области БССР.

Делегат XX, XXII и XXIII съездов КПСС. В 1956—1961 гг. — кандидат в члены ЦК КПСС.

Герой Советского Союза (1943). Герой Социалистического Труда (1965). Награжден пятью орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени БССР (1932), многими медалями.

Прокопюк Николай Архипович

7.06.1902 — 1975. Полковник (1948).

Родился на Волыни в с. Самчики Каменец-Подольской губернии в многодетной семье столяра. После окончания церковно-приходской школы батрачил у помещика. В 1916 г. сдал экстерном экзамены за 6 классов мужской гимназии.

После революции работал на заводе в слесарном и токарном цехах. В 1918 г. добровольно вступил в вооруженную дружину завода. В 1919 г. участвовал в восстании против белополяков, затем воевал в РККА в 8-й дивизии Чертвоного казачества.

В 1921 г. направлен на работу в органы госбезопасности. Сотрудник Шепетовского окружного отделения ГПУ, принимал непосредственное участие в ликвидации диверсионно-террористических групп, засылаемых польской разведкой на советскую территорию.

В 1924—1931 гг. служил в Славутском, затем в Могилевском погранотрядах.

В 1935 г. Н. А. Прокопюк был зачислен в аппарат ИНО ГУГБ НКВД СССР. В 1937 г. направлен помощником резидента в Барселону.

В 1938 г., по возвращении в Москву, исключен из партии и значительно понижен в должности. Перед войной находился на оперативной работе в Хельсинки под прикрытием должности сотрудника хозгруппы полпредства СССР в Финляндии.

В конце лета 1941 г. по рекомендации своего резидента Е. Т. Синицына восстановлен в кандидатах в партию и направлен по линии Особой группы НКВД СССР в партизанский отряд Ковпака. В августе 1942 г. заброшен в тыл врага во главе опергруппы 4-го управления «Охотники», на базе которой создал партизанское соединение, действовавшее на территории Украины, Польши, Чехословакии и совершившее 23 крупные боевые операции. Бойцы соединения уничтожили 21 эшелон с живой силой и техникой противника, вывели из строя 38 немецких танков, захватили много оружия и боеприпасов. Благодаря разведанным отряда авиация дальнего действия Красной Армии осуществила ряд успешных воздушных налетов на военные объекты врага.

В 1944 г. «Охотники» и действовавшие рядом с ними парти-

занские отряды попали в окружение. Н. А. Прокопюк принял командование на себя. В ходе продолжительных боев партизаны прорвали кольцо окружения, нанеся противнику серьезный урон. Под командованием Н. А. Прокопюка отряды прошли с боями более 300 км. В июне 1944 г. Н. А. Прокопюк руководил действиями советско-польских партизан в Яновских лесах (южнее г. Люблина, Польша). В конце сентября 1944 г. отряд захватил Русский перевал (Южные Карпаты) и удерживал его до прихода войск 4-го Украинского фронта.

5 ноября 1944 г. Н. А. Прокопюку присвоено звание Героя Советского Союза, он был восстановлен в ВКП(б).

С декабря 1944 по июль 1946 г. Н. А. Прокопюк участвовал в гражданской войне в Китае. При его непосредственном участии совместно с китайскими коммунистами были образованы разведывательно-диверсионные группы, которым удалось организовать эффективное сопротивление восставшим в провинции Синьцзян уйгурским сепаратистам, финансируемым и снабжаемым оружием правительством Чан Кайши.

После возвращения из Китая несколько лет возглавлял один из отделов советской военной администрации в Германии, участвовал в ряде специальных операций.

В 1950 г. вышел в запас по болезни.

Герой Советского Союза (1944). Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и медалями, а также восемью иностранными орденами, именным оружием (1923).

Эмильев Андрей Иванович

(Контров Сава Драганов, Драганов Сава, Шмит К.)

4.04.1904 — 1970.

Родился в с. Георге (Добруджа, Румыния) в крестьянской семье, болгарин. Член Болгарской компартии с 1923 г. Окончил гимназию в Варне (1924). В 1924—1930 гг. учился в университете г. Грац в Австрии, изучал промышленную химию. Активист болгарских коммунистических организаций. Входил в состав нелегальной партийной группы содействия БКП (такие группы создавались для помощи СССР в случае войны). Член Компартии Австрии. С 1930 г. советский военный разведчик по линии «активки» (что означало разведывательно-диверсионную деятельность), работал в стра-

нах Европы и центральном аппарате. 1930—1934 гг. состоял в распоряжении Разведупра РККА, работал в резидентуре И. Винарова в Австрии. С января 1935 г. по февраль 1936 г. — начальник отделения Школы Разведупра РККА. С февраля 1936 г. по июнь 1938 г. — секретный уполномоченный специального отделения «А» («активка») Разведупра РККА, военный советник в 14-м (партизанском) корпусе республиканской армии Испании. Постановлением ЦИК СССР (не подлежащим оглашению) от 2 ноября 1937 г. награжден орденом Красного Знамени. С июня 1938 г. по июль 1939 г. находился в запасе РККА, состоял в распоряжении Управления по комнатному составу РККА. С июля 1939 г. по сентябрь 1940 г. — начальник учебного отделения ЦШПКШ Разведупра. С сентября 1940 г. — начальник 3-го курса 3-го факультета Высшей специальной (разведывательной) школы Генштаба. Военный инженер 1-го ранга (1940). Впоследствии продолжал работу в военной разведке. В годы Великой Отечественной войны его рекомендации специалиста-химика передавала для подпольщиков Болгарии нелегальная радиостанция «Христо Ботев». В последние годы жизни замзавкафедрой редких языков Высших курсов иностранных языков МИД СССР. Умер в Москве.

Патрахальцев Николай Кириллович

1908. Генерал-майор.

Родился в рабочей семье. Член партии и в РККА с 1931 г. Прошел курс обучения в команде одногодичников (1932). Служил на Дальнем Востоке и в Монголии, командир роты 11-го отдельного саперного батальона 51-й стрелковой дивизии. Военный советник в Испании, старший советник командира 14-го (партизанского) корпуса. В 1938—1940 гг. замначальника разведывательно-диверсионной службы: специального отделения «А», специального отдела «А», 5-го (специального) отдела 5-го управления РККА — Разведупра Генштаба Красной Армии. Выполнял задания в тылу врага во время советско-финской войны. Награжден орденом Красного Знамени (1940). С декабря 1940 по июль 1941 г. — секретарь военного атташе в Румынии. В 1941—1944 гг. занимался разведывательно-диверсионной подготов-

кой разведчиков для работы в тылу врага. В 1944—1945 гг. — представитель командования Красной Армии в Главном штабе войск Народно-освободительной армии Югославии в Словении. В октябре 1950 г., когда по директиве военного министра СССР начал создаваться военный спецназ, возглавил спецназовское направление в 5-м управлении ГРУ.

Рабцевич Александр Маркович

14.03.1897 — 11.04.1961. Полковник.

Родился в д. Лозовая Буда Бобруйского уезда Минской губернии в крестьянской семье.

В 1916 г. призван в армию. Рядовой, затем унтер-офицер.

В 1918 г. — партизан отряда, действовавшего в Бобруйском уезде против корпуса Довбор-Мусницкого и немецких оккупантов. С конца 1918 г. — в РККА. В октябре — ноябре 1919 г. воевал на Петроградском фронте. В 1920 г. окончил Школу комсостава РККА.

В 1921—1924 гг. участвовал в партизанском движении в Западной Белоруссии по линии «активной разведки».

С 1925 г. А. М. Рабцевич работает в органах ОГПУ.

Во время гражданской войны в Испании командовал разведотрядом 18-й бригады республиканской армии. За успешное проведение специальных операций и руководство деятельностью боевой группы награжден орденом Красной Звезды.

После возвращения из Испании в 1938 г. работал в Минске в НКВД БССР. В 1939 г. вступил в ВКП(б).

После начала Великой Отечественной войны А. М. Рабцевич с июня 1941 г. — командир роты, а затем командир батальона ОМСБОН НКВД СССР.

С июля 1942 г. и до полного освобождения Белоруссии — командир партизанского отряда особого назначения «Храбрецы». Под непосредственным руководством А. М. Рабцевича отряд провел ряд крупных операций в Могилевской, Полесской и Пинской областях по дезорганизации коммуникаций противника и уничтожению его живой силы и техники, вел детальную разведку военных объектов немецкой армии. В частности, бойцам отряда удалось добыть данные о строительстве оборонительных рубежей, распо-

ложении складов, аэродромов и функционировании железнодорожных коммуникаций по Витебской, Могилевской и Гомельской областям.

В 1945—1952 гг. А. М. Рабцевич работал в органах МГБ БССР.

Герой Советского Союза (1944). Награжден орденами Ленина (1944), Красной Звезды (1937), Отечественной войны 2-й степени (1943), медалями.

Создание особого партизанского корпуса было своевременным и важным мероприятием республиканского командования. К сожалению, на дальнейшее развитие боевых действий в тылу Франко оно не пошло. Советские военные советники неоднократно предлагали организовать партизанские отряды, которые дислоцировались бы на занятой фашистами территории. Но все эти предложения так и остались без ответа.

Несмотря на некоторые разногласия, количество диверсионных операций в тылу франкистов значительно увеличилось. Например, только в начале 1938 года южнее города Уэски одним из отрядов корпуса был подорван мост, уничтожено 9 автомашин и свыше 100 солдат. Но главное, вместо эпизодических рейдов небольших подразделений за линию фронта начались систематические боевые операции в тылу франкистов, в которых участвовали и мелкие разведывательно-диверсионные группы, и батальоны, и даже бригады. А некоторые операции осуществлялись силами даже двух бригад. Большую часть заданий партизанскому корпусу давал непосредственно Генеральный штаб республиканской армии, и поэтому проводимые им операции имели большое значение для всего хода военных действий.

Помимо разведывательной и контрразведывательной деятельности сотрудники НКВД в Испании занимались отслеживанием политической ситуации, складывавшейся в республиканском правительстве. Оказывая помощь Испании, Сталин хотел знать, как этой помощью рас-

порядятся и какие вообще перспективы имеют республиканцы в ближайшем будущем. А перспективы эти, по мнению Орлова и других сотрудников НКВД в Испании, были далеко не радужными. Так, еще 27 февраля 1937 года, когда военная обстановка складывалась в пользу народной армии, Орлов направил в Москву доклад, в котором говорилось:

«Правительство Испании обладает всеми возможностями для победоносной войны. Оно имеет хорошее вооружение, прекрасную авиацию, танки, громадный резерв людей, флот и значительную территорию с базой военной промышленности, достаточной для такой «малой» войны (заводы Испано-Суиза и др.), продовольственную базу и прочее. Численность правительственных войск значительно превосходит войска неприятеля.

Вся эта машина, все эти ресурсы разъедаются:

1) межпартийной борьбой, при которой главная энергия людей употребляется на завоевание большего авторитета и власти в стране для своей партии и дискредитирования других, а не на борьбу с фашизмом;

2) гнилым составом правительства, часть которого, ничего общего с революцией не имеющая, пассивно относящаяся к событиям и думающая лишь о своевременном бегстве в случае крушения;

3) притуплением у правительства чувства подлинной опасности положения, как результат пережитых не раз тревог и чрезмерных паник. Настоящая угроза судьбе республиканской Испании, нависшая сейчас, воспринимается ими как привычная тревога;

4) безответственностью и саботажем правительственных аппаратов и штабов по обеспечению армии и ее операций;

5) неиспользованием сотен тысяч здоровых мужчин, проживающих в городах (Мадриде, Барселоне, Валенсии и ряде других), для тыловых работ и возведения укреплений...

7) внутренней контрреволюцией и шпионажем»¹⁴.

Впрочем, и в дальнейшем характер донесений Орлова в Москву мало изменился, так как республиканцев продолжали раздирать внутрипартийные противоречия, отрицательно сказывающиеся на ходе военных действий. Главными виновниками сложившегося положения были лидеры ПОУМ (Рабочая партия марксистского единства) и прежде всего сторонник Льва Троцкого Андрес Нин, занимавший пост министра юстиции в автономном правительстве Каталонии.

Когда же началась гражданская война, Нин и другие лидеры ПОУМ отвергли предложенную Коминтерном линию на укрепление Народного фронта и взяли курс на осуществление в Испании социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. Но в условиях гражданской войны эта программа неизбежно должна была привести к поражению республиканцев. Поэтому неудивительно, что советские руководители, и прежде всего Сталин, развернувший в это время бескомпромиссную борьбу с Троцким и его сторонниками по всему миру, вскоре стали относиться к ПОУМ и ее лидерам более чем отрицательно. Враждебность эта возрастала по мере усиления активности в Испании сторонников Троцкого, призывавших ПОУМ к открытой борьбе с Народным фронтом.

Последней каплей, переполнившей чашу, стало произошедшее в мае 1937 года в Каталонии вооруженное выступление сторонников ПОУМ и анархистов, более известное как Барселонский мятеж. Поводом для него послужил приезд в Барселону президента Асаньи и его обращение к провинциальному совету Каталонии. На следующий день, 3 мая, воспользовавшись постановлением совета взять под контроль телефонную станцию, анархисты при активной поддержке ПОУМ подняли вооруженный мятеж против республиканского правительства Народного фронта. Буквально в одночасье начались ожесточенные бои, продолжавшиеся три дня.

Волнения также произошли и на фронте в поумовских и анархистских частях. Подавить восстание в Барсе-

лоне смогли только при помощи частей штурмовой гвардии, которые прибыли из Валенсии и из других мест. Прямым результатом барселонского мятежа была гибель только в одной Барселоне 350 человек при 2600 раненых. Но гораздо более тяжелыми были военно-политические последствия этой акции: срыв тщательно подготовленного наступления на Северном фронте и потеря республиканцами Басконии, подрыв международного авторитета республики, кризис Народного фронта, в результате чего Ларго Кабальеро 15 мая 1937 года был вынужден уйти в отставку.

Новый премьер-министр Хуан Негрин обвинил поумовцев и анархистов в саботаже усилий, направленных на победу в войне, после чего ПОУМ была запрещена, а ее имущество конфисковано. Однако в Москве посчитали, что опасность повторного мятежа не устранена окончательно. И 16 июня Негрин отдал приказ об аресте Нина и сорока других руководителей ПОУМ.

17 июля Нин и другие лидеры ПОУМ были отправлены в тюрьму города Алькала-де-Энарес, где они подверглись интенсивным допросам с целью добиться признания в шпионской деятельности в пользу Франко. Допросы вели Орлов и представитель Коминтерна Витторио Видали. Однако Нин категорически отрицал свою связь с фашистами и так и не сделал признаний, необходимых для организации публичного процесса. Поскольку выпустить его на свободу было невозможно, в Москве приняли решение о его ликвидации. Нин был расстрелян у отметки «17-й километр» на шоссе около Алькала-де-Энарес и захоронен в поле в ста метрах от дороги. А на вопросы о его местонахождении министерство юстиции республиканского правительства дало 5 апреля 1938 года следующий ответ:

«После надлежащего расследования выяснилось, что г-н Нин вместе с другими руководителями ПОУМ был арестован полицией Сегуридад, его перевели в Мадрид и заключили в предварительную тюрьму, специально подготовленную комиссаром мадридской полиции. Из

этой тюрьмы он исчез, и до сих пор все, что было сделано, чтобы найти его и его охрану, оказалось безрезультатным»¹⁵.

Ни в коем случае не оправдывая развязанный Сталиным и его сторонниками террор в Испании, следует отметить, что в их действиях была своя железная логика, очень схожая с той, которая двигала большевиками во время левоэсеровского мятежа в Москве в 1918 году. Поэтому репрессии против ПОУМ и троцкистов имели определенные резоны, если к тому же учесть, что СССР был единственной страной, не побоявшейся бросить вызов Германии и Италии и до самого последнего момента оказывавшей помощь республиканской Испании.

Сталинские репрессии коснулись не только испанских троцкистов и анархистов, но и советских советников, воевавших в Испании. Трагично сложилась судьба Яна Берзина, главного советского военного советника в Испании в 1936—1937 годах, выступавшего там под псевдонимом генерал Гришин. Как бывший начальник Разведупра РККА, он занимался в Испании вопросами военной разведки и на этой почве часто сталкивался с резидентом ИНО НКВД Орловым. Так, в 1937 году он направил на имя наркома обороны Ворошилова и главы НКВД Ежова доклад, в котором сообщал о растущем недовольстве в испанском правительстве действиями НКВД. В докладе указывалось, что своим вмешательством в работу правительства сотрудники НКВД компрометируют советскую власть в глазах испанцев. В заключение Берзин предлагал немедленно отозвать Орлова.

Но отозван был не Орлов, а Берзин. Он покинул Испанию в мае 1937 года. За выполнение ответственного правительственного задания его наградили орденом Ленина, присвоили звание армейского комиссара 2-го ранга, а 9 июня 1937 года он вновь был назначен начальником Разведупра. Но долго проработать в этой должности ему не пришлось. В ноябре 1937 года он был арестован, обвинен в организации латышской контрреволюцион-

ной организации и шпионаже в пользу латвийского Генштаба и 29 июля 1938 года расстрелян.

Судьбу Берзина разделили и многие другие командиры РККА, воевавшие в Испании. Так, главный военный советник в Испании в 1937—1938 годах Григорий Штерн перед самой Великой Отечественной войной был арестован и 28 октября 1941 года расстрелян в поселке Барбаш под Куйбышевом. Вместе с ним были расстреляны и другие военачальники, воевавшие в Испании: Яков Смушкевич, Павел Рычагов, Иван Проскуров и многие другие. Только чудом избежал ареста другой герой испанской войны — Илья Старинов. Осенью 1937 года он вернулся из Испании в Москву и был представлен к правительственной награде. Его доклад о работе в Испании выслушал сам Ворошилов и дал ему высокую оценку. Однако через некоторое время Старинова вызвали в НКВД и в течение трех часов допрашивали о вредительской деятельности по заданиям Ионы Якира и Яна Берзина. Конкретно его обвиняли в подготовке банд для реставрации власти капиталистов и кулаков, имея в виду его работу в начале 30-х годов по организации подпольных складов оружия на Украине на случай ее оккупации во время вероятной войны. Но Старинов, воспользовавшись тем, что был лично представлен Ворошилову, обратился к нему за помощью. И, как ни странно, это спасло его — НКВД оставил Старинова в покое. Вскоре его назначили начальником испытательного полигона Наркомата обороны. Это было понижением, но Старинов не жаловался — не в привычках Ворошилова было заступаться за кого-либо.

Коснулись репрессии и находившихся в Испании сотрудников ИНО НКВД. Так, заместитель Орлова Наум Белкин в августе 1938 года был отозван в Москву и через полгода уволен из НКВД с формулировкой «за невозможностью использования». Но ему еще повезло. А вот другой помощник Орлова, Григорий Сыроежкин, летом 1938 года был вызван в Москву, награжден орденом Ленина, а затем арестован как польский шпион и расстре-

лян. Многие работавшие в Испании разведчики не стали дожидаться ареста. Так, в личном деле сотрудницы ИНО Инны Натановны Беленькой имеется датированная 1938 годом запись: «Подлежала аресту. Не была арестована, т. к. покончила жизнь самоубийством»¹⁶.

Собирались арестовать и резидента ИНО НКВД в Испании Александра Орлова. 9 июля 1938 года он получил телеграмму от наркома НКВД Ежова, в которой ему предписывалось выехать в Антверпен, где 14 июля на борту советского парохода «Свирь» должна была состояться встреча с неназванным человеком, известным Орлову лично. Опытный профессионал, Орлов сразу понял, что на «Свири» его ждет арест, отправка в СССР и неизбежный расстрел. Поэтому он принял решение бежать вместе с семьей в Америку. Послав в Москву телеграмму: «Прибуду в Антверпен в назначенный день», он 12 июля, прихватив из сейфа резидентуры 60 тыс. долларов, вместе с женой и дочерью выехал в Париж. В Париже Орлов обратился в канадское консульство, где, предъявив дипломатические паспорта, попросил въездную визу под предлогом, что хотел бы отправить семью в Квебек провести там летний отпуск. Получив визу, он в тот же день на пароходе «Монклер» отплыл из Шербура за океан.

Прибыв в Канаду, а затем перебравшись в США, он прекрасно понимал, что скоро по его следу пойдут оперативники НКВД, имеющие приказ ликвидировать его. Чтобы избежать неминуемой смерти, он отправил Ежову письмо, в котором потребовал гарантий личной безопасности в обмен на молчание обо всех известных ему агентах НКВД. После недолгих размышлений требование Орлова было принято. Дело в том, что он действительно много знал. Достаточно будет упомянуть «кембриджскую пятерку», берлинскую сеть «Красной капеллы» и, наконец, убийцу Льва Троцкого Рамона Меркадера. Как это ни покажется странным, но стороны полностью выполнили взятые на себя обязательства. Москва ни разу не предприняла попыток ликвидировать Орлова, а он до

самой своей смерти в 1973 году молчал о том, что ему было известно.

Бегство Орлова нанесло серьезный удар по испанской резидентуре. Однако новый резидент, Наум Эйтингон, приложил максимум усилий для того, чтобы резидентура продолжала нормально функционировать. Эту задачу он решил довольно успешно, хотя с конца 1938 года взаимодействие советской разведки с испанскими спецслужбами начало постепенно сворачиваться. С начала 1939 года резидентура ИНО, перебравшаяся из Мадрида в Барселону, действовала практически во фронтовых условиях. Для обеспечения надежной связи с Москвой радиостанцию резидентуры разместили в пригороде Барселоны, но, несмотря на это, радист Николай Ильич Липовик каждый раз во время выхода в эфир рисковал жизнью. Одной из последних успешных операций испанской резидентуры была конспиративная переброска в СССР большой группы руководителей Компартии Испании и принадлежавших партии материальных ценностей. А в феврале 1939 года испанская резидентура внешней разведки прекратила свое существование.

Заканчивая рассказ о действиях советской внешней разведки в Испании в годы гражданской войны, необходимо сказать, что в то время были привлечены к сотрудничеству с советскими спецслужбами многие разведчики, чьи имена позднее стали известны всему миру.

Одним из наиболее известных советских агентов, завербованных в то время в Испании, был американский коммунист Моррис Коэн. После начала гражданской войны в Испании Коэн одним из первых подал заявление о вступлении в интербригады. Вот как говорится об этом в его автобиографии, хранящейся в деле № 13676 бывшего КГБ СССР:

«Тридцать шестой год. Это было время митингов и демонстраций в поддержку республиканской Испании. В Америке, как и во всем мире, шла поляризация сил: с одной стороны — силы мира, прогресса и демократии, с другой — приверженцы реакции, угнетения и тирании.

Каждому надлежало тогда сделать выбор, на чьей он стороне. У меня тогда иного выбора, чем добровольно встать на защиту республики, быть не могло: это соответствовало моим политическим убеждениям. На митинге в Мэдисон-сквер-гарден я, не задумываясь... подал заявление о вступлении в интернациональную бригаду имени Авраама Линкольна...»¹⁷.

В конце 1937 года в сражении при Фуэнтес-де-Эрбо Коэн, занимавший должность политкомиссара батальона Маккензи Панино и числившийся в списках как Израэль Олтман, был ранен в обе ноги и отправлен в барселонский госпиталь. В первых числах июля 1938 года после выздоровления его пригласил на беседу в барселонскую разведшколу резидент ИНО НКВД Орлов, выступавший под именем Браун. В ходе беседы Орлов сделал Коэну предложение о сотрудничестве с советской разведкой, на что тот ответил согласием. Но не надо думать, что это решение далось Коэну легко. О трудности его выбора можно судить по рапорту Орлова о вербовке Коэна. Вот выдержки из него:

«После моих объяснений (о перспективах сотрудничества с советской разведкой. — А. К.) Олтман погрузился в глубокое раздумье. Чтобы вывести его из этого состояния, я заговорил с ним о возможности развязывания Гитлером новой мировой войны, что с приходом фашистов к власти Германия превратилась в агрессивное государство, что для советской разведки нет сейчас важнее задачи, как своевременное выяснение планов нападения Гитлера на Советский Союз...

Давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, Луис (псевдоним Коэна. — А. К.) прекрасно понимал, на что он идет. Уверен, что им двигала не любовь к приключениям, а политические убеждения...»¹⁸.

Дав согласие работать на советскую разведку, Коэн вернулся в США, где в конце 1941 года с ним установил связь резидент ИНО НКВД в Нью-Йорке Василий Зарубин. С этого момента Коэн и его жена Леонтина (урожденная Петка) до 1961 года являлись одними из самых

успешных агентов советской внешней разведки. Достаточно сказать, что они участвовали в операции «Энормоз» по проникновению в американский атомный проект, работали в США вместе с нелегалом Вильямом Фишером (Рудольфом Абелем), а в Англии — с Кононом Молодым (Гордоном Лонсдейлом).

Коэн Леонтина

11.01.1913 — 23.12.1993.

Родилась в Массачусетсе в семье выходца из Польши Владислава Петке. Была членом Компартии США, была профсоюзной активисткой.

В 1941 г. вышла замуж за М. Коэна, вместе с которым стала сотрудничать с советской разведкой. В 1941—1945 гг. агент-связник резидентуры в Нью-Йорке. Добыла в Канаде образцы урана.

В августе 1945 г. участвовала в получении информации по атомному проекту в городе Альбукерке, расположенном неподалеку от секретной атомной лаборатории США в Лос-Аламосе.

После войны вместе с мужем была агентом-связником нью-йоркской резидентуры. В 1945 г. связь с ними была прекращена и восстановлена в 1948 г., когда они стали работать в нелегальной резидентуре В. Фишера (Рудольфа Абея).

В 1950 г. из-за угрозы провала супруги Коэн были выведены в Москву, где работали в подразделении нелегальной разведки.

В 1954 г. вместе с мужем была направлена связником-радиостом нелегальной резидентуры К. Молодого в Англии с новозеландскими паспортами на имя Питера и Хелен Крогер.

В купленном ими доме (в районе базы ВВС в пригороде Лондона Нортхолте) организовали радиоквартиру для связи с Центром.

Из-за предательства сотрудника польской разведки М. Голеневского, завербованного ЦРУ, в январе 1961 г. Л. Коэн была арестована вместе с мужем английской контрразведкой.

13 марта того же года в ходе судебного процесса в уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли Хелен Крогер была приговорена к 20 годам тюремного заключения, несмотря на то что ее причастность к советской разведке не была доказана.

В 1969 г. Л. Коэн вместе с мужем была обменена на агента британских спецслужб Джералда Брука и 25 октября переехала в Москву.

До конца жизни Л. Коэн работала в Управлении нелегальной разведки.

Она выезжала в краткосрочные заграникомандировки для встреч с разведчиками-нелегалами, участвовала в подготовке молодых сотрудников нелегальной разведки.

Награждена орденами Красного Знамени и Дружбы народов.

Умерла в Москве. Похоронена на Новокунцевском кладбище.

Коэн Моррис

2.07.1910 — 23.06.1995.

Родился в Нью-Йорке в семье выходцев из России (отец — выходец из Киевской губернии, мать — уроженка Вильно). Окончил колледж и Колумбийский университет (1935). Работал преподавателем истории в средней школе.

В 1937—1938 гг. участвовал в гражданской войне в Испании в составе интернациональной бригады им. А. Линкольна, был ранен. В 1938 г. сотрудничал с советской разведкой. В ноябре того же года по заданию был направлен в США в качестве агента-связника.

В 1942 г. призван в американскую армию. Участвовал в боевых действиях против немцев в Европе. В ноябре 1945 г. был демобилизован и возвратился в США. В декабре того же года возобновил сотрудничество с советской разведкой. Вскоре связь с ним была прекращена и восстановлена в 1948 г. Вместе с женой Леонтиной он поддерживал связь с некоторыми особо ценными источниками информации резидентуры.

В 1949—1950 гг. вместе с женой работал в нелегальной резидентуре В. Фишера, из-за угрозы провала вместе с ней был переправлен в Москву.

Работал в Управлении нелегальной разведки.

С 1954 г. вместе с женой работал в Англии агентом-связником К. Молодого (Гордона Лонсдейла) под видом новозеландских граждан Питера и Хелен Крогер.

Способствовали передаче в Москву секретной информации по ракетной технике.

Вследствие предательства польского разведчика М. Голневского, ставшего агентом ЦРУ, в начале января 1961 г. был арестован (вместе с Л. Коэн) английской контрразведкой.

На судебном процессе в уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли (13 марта 1961 г.) на основании сообщенных американцами сведений был приговорен к 25 годам тюремного заключения.

В августе 1969 г. с согласия английского правительства супруги Коэн-Крогер были обменены на агента британских спецслужб Джералда Брука, арестованного в СССР. В октябре того же года они возвратились в Москву, где работали в управлении «С» — нелегальной разведке.

Похоронен на Новокунцевском кладбище в Москве.

Герой Российской Федерации (1995, посмертно). Награжден орденами Красного Знамени и Дружбы народов.

Эрас де лас

(Де Эрнандес Дарбат де лас Эрас) Мария (Мария Луиза) (Патрия, Зной, Африка, де Марчетте Мария Луиза, Де ла Сьерра Мария, Мария Павловна)

26.04.1910 — 8.03.1988. Полковник.

Испанка.

Родилась в г. Тетуан (по другим данным в Сеуте) в Испанском Марокко в семье опального испанского офицера, военного архивариуса, отправленного в ссылку в Марокко за его оппозиционные настроения по отношению к существовавшему в Испании режиму (умер в 1926 г.).

В начале 30-х гг. Патрия переезжает в Испанию, вступает в компартию и вскоре принимает участие в подготовке восстания горняков в провинции Астурия. После подавления восстания более года находилась на нелегальном положении.

С началом гражданской войны в Испании в 1936 г. ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев.

В 1937 г. в Испании начала сотрудничать с советской разведкой. В 1937—1939 гг. внедрена в секретариат Троцкого, работала с ним в Норвегии и Мексике.

В 1939 г. была нелегально выведена в Советский Союз. В первые дни Великой Отечественной войны зачислена на действительную службу в органы государственной безопасности и направлена в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКГБ СССР. В мае 1942 г. закончила курсы спецподготовки радистов и в начале июня была переброшена в тыл противника. До апреля 1944 г. являлась радисткой партизанского отряда специального назначения «Победители», которым командовал Герой Советского Союза Д. Н. Медведев.

С лета 1944 г. в нелегальной разведке. С января 1946 по декабрь 1948 г. проходила промежуточную легализацию во Франции, выдавала себя за беженку из Испании. С декабря 1948 по июнь 1956 г. — радистка резидентуры в Латинской Америке под именем Мария Луиза де Марчетте. 28 июля 1956 г. в Уругвае зарегистрировала брак с итальянцем Валентином Маргетти (Джованни Бертони, Марко). Была его радисткой. Продолжала работу и после его смерти (1 сентября 1964 г.) и покинула страну 21 октября 1967 г. Впоследствии выезжала в краткосрочные командировки за границу, готовила молодые кадры разведки.

Награждена орденом Ленина (1976), двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Похоронена на Хованском кладбище в Москве.

Еще одним известным нелегалом, чья работа в советской разведке началась в Испании, был Иосиф Ро-муальдович Григулевич, вступивший в интербригады осенью 1936 года. В Испании на него обратили внимание сотрудники НКВД, в результате чего он был завербован в качестве агента и проходил в резидентуре под псевдонимом Юзик. После поражения республиканцев он некоторое время выполнял отдельные задания ИНО

НКВД в Европе, а потом был переправлен в Мексику, где принял участие в знаменитом вооруженном нападении на виллу Троцкого, которым руководил Давид Сикейрос.

После покушения на Троцкого Григулевич долгое время в качестве нелегала работал в Латинской Америке, а в 1949 году, используя свои связи в Коста-Рике, становится посланником этой страны в Ватикане. Оценить в должной мере этот успех Григулевича невозможно. Дело в том, что практически все нелегалы используют в качестве «крыши» коммерческие предприятия. А Григулевич сумел стать дипломатом — не почетным консулом, а официальным посланником. Это в истории советской нелегальной разведки является пока единственным известным случаем.

Григулевич находился в Ватикане до лета 1953 года, когда его отозвали в СССР. В Москве в это время арестовали Берию, и Григулевич был уволен из разведки. Но он не стал делать из этого трагедии, а целиком отдался научной работе. О его успехах на этом поприще говорит тот факт, что он стал первым историком-латиноамериканистом, удостоенным избрания в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Разумеется, операции советских разведслужб в период гражданской войны в Испании не ограничивались несколькими перечисленными выше эпизодами. Но приведенные примеры дают представление о той работе, которая была проведена разведкой, и о характере информации, которую она передавала руководству страны. Гражданская война в Испании стала первой пробой сил в надвигающейся бескомпромиссной борьбе Советского Союза и фашистской Германии. И хотя в марте 1939 года республиканское правительство потерпело поражение и к власти пришли фашисты во главе с генералом Франко, уроки войны не прошли даром как для командиров Красной Армии, так и для руководителей советских спецслужб.

Григулевич Иосиф Ромуальдович

Настоящая фамилия — Григулявичюс.

5.05.1913 — 2.06.1988.

Караим. Родился в Вильно в семье фармацевта. Помимо родного, с детства владел литовским, русским и польским языками. С 1922 г. учился в гимназии г. Паневежиса, куда семья переехала после окончания Первой мировой войны. В 1924 г. отец И. Григулевича потерял работу и эмигрировал в Аргентину, а Иосиф вместе с матерью поселился в г. Тракай, а затем в г. Вильно (в то время оккупированном Польшей). Там И. Григулевич продолжил учебу в гимназии им. Витовта, где подружился с активистами Компартии Западной Белоруссии и в 1926 г. вступил в нелегальный Коммунистический союз молодежи. В 1930 г. стал членом Компартии Польши, с 1931 г. вошел в состав Литовского бюро ЦК КПЗБ. 25 февраля 1932 г. был арестован польской полицией, в мае того же года приговорен к двум годам заключения условно, после чего в августе 1933 г. выслан из Польши.

По решению Литовского коммунистического бюро и ОК КПЗБ И. Григулевич выехал во Францию. В начале октября 1933 г. поступил в парижскую Высшую школу социальных наук, стал членом комфракции Сорбонны, а также вошел в редколлегия журнала МОПР, выходившего в Париже на польском языке.

В августе 1934 г. по предложению представителя Коминтерна во Франции Э. Герека направлен на работу в Аргентину. Работал продавцом радиоаппаратуры, страховым агентом, журналистом. Затем был избран в исполком МОПР и членом редколлегии нелегального журнала «Сокорро рохо». По поручению Компартии Аргентины должен был участвовать в организации побега руководителей подготовки восстания 1935 г. в Бразилии Л. К. Престеса и Р. Гиольди. 19 июля 1936 г. был арестован по доносу.

В начале сентября 1936 г. ЦК КП Аргентины направил И. Р. Григулевича в Испанию. Он служил адъютантом по международным поручениям комиссара 5-го полка В. Видали, адъютантом начальника штаба армии Мадридского фронта генерала Рохо. Затем работал переводчиком советс-

кого полпредства в Мадриде, а начиная с марта 1937 г. выполнял задания резидента НКВД в Испании А. Орлова-Никольского. В мае 1937 г. И. Р. Григулевич участвовал в подавлении Барселонского мятежа и ликвидации лидера ПОУМ Андреса Нина.

В конце 1937 г. Григулевич был отозван в Москву и в апреле 1938 г. вместе с другим разведчиком, Марио, направлен в Мексику с целью ликвидации Л. Д. Троцкого. Однако в связи с побегом А. Орлова он был в августе 1939 г. отозван в СССР и вернулся в Мексику лишь в феврале 1940 г. Лично участвовал в нападении группы боевиков во главе с Давидом Сикейросом на виллу Троцкого в Койоакане в ночь на 24 мая 1940 г.

По возвращении из Мексики И. Р. Григулевич принимал участие в ликвидации агентов охраны в Литве, обеспечивая выход боевиков на объекты операций.

В конце 1940 г. вернулся в Аргентину в качестве руководителя нелегальной разведывательно-диверсионной группы.

После начала Великой Отечественной войны руководство внешней разведки поставило перед Григулевичем задачу организовать в Аргентине диверсионную работу по срыву снабжения Германии горючим, продовольствием, сырьем, другими стратегическими материалами из латиноамериканских стран. В общей сложности группой было заложено более 150 мин, потоплены многие транспорты, направлявшиеся в германские порты, уничтожено несколько складов в портах Аргентины. В результате к середине 1943 г. вывоз чилийской селитры через Буэнос-Айрес резко сократился.

В 1943 г. И. Р. Григулевич на короткий срок был отозван в Москву, где состоял в негласном штате 4-го управления НКГБ СССР, после чего вернулся в Аргентину, где его группа продолжала боевую работу вплоть до середины 1944 г., когда из Центра пришло указание свернуть диверсионную деятельность.

После окончания войны И. Р. Григулевич проживал в Мексике под именем Теодоро Б. Кастро. Там он сблизился с представителями коста-риканского революционного движения Хосе Фигереса Феррера, которые, находясь в эмиграции, готовили государственный переворот. В 1948 г. он

содействовал им в подготовке идеологической платформы. После захвата власти в Коста-Рике эмигранты предложили Т. Кастро перебраться в Сан-Хосе и занять любой пост в правительстве.

От предложения он отказался, но, используя связи с новым правительством, создал для себя уникальное прикрытие: в октябре 1951 г. стал временным поверенным в делах Коста-Рики в Риме, а с ноября 1951 г. — официальным советником делегации республики на VI Генеральной ассамблее ООН. 14 мая 1952 г. Т. Кастро вручил верительные грамоты Чрезвычайного посланника и Полномочного министра Республики Коста-Рика президенту Италии. Одновременно он являлся посланником при папском престоле в Ватикане и по совместительству — посланником в Югославии.

В начале 1953 г. И. Р. Григулевич был срочно отозван в СССР. Высшие инстанции решили поручить ему ликвидацию руководителя СФРЮ Иосипа Броз Тито. Операция не состоялась из-за смерти И. В. Сталина.

Осенью 1953 г. И. Р. Григулевич был уволен из органов, после чего занялся научной работой. Первая крупная работа — монография «Ватикан. Религия, финансы, политика» (1957) — стала его кандидатской диссертацией. В 1957—1960 гг. И. Р. Григулевич — заместитель заведующего латиноамериканским отделом Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами при СМ СССР. С 1960 г. — старший научный сотрудник, а с 1970 г. — заведующий сектором Института этнографии АН СССР. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию по своей монографии «Культурная революция на Кубе». Член-корреспондент АН СССР (1979). Был главным редактором журнала «Общественные науки в СССР».

Основные научные труды И. Р. Григулевича: «Тень Ватикана над Латинской Америкой» (1961), «Кардиналы идут в ад» (1961), «Колонизаторы уходят — миссионеры остаются» (1963), «Прикладная миссионерская этнография» (1963), «Боги в тропиках. Религиозные культы Антильских островов» (1967), «История инквизиции» (1970), «Мятежная церковь в Латинской Америке» (1972), «Есть ли у антропологии будущее» (1975), «Крест и меч. Католическая церковь в

Испанской Америке XVI—XVII вв.» (1977), «Папство. Век XX» (1978), «Индейцы Америки: пути порабощения, пути освобождения» (1979), «Церковь и олигархия в Латинской Америке (1810—1959)» (1981), «Расы и общество» (1982).

Кроме того, И. Р. Григулёвичем были написаны биографии С. Боливара, Ф. де Миранды, Б. Хуареса, П. Вильи, Х. Марти, Э. Че Гевары, А. Сесара Сандино, К. Фонсеки Амадора, С. Альенде, Д. А. Сикейроса, У. Фостера и других, а также многочисленные брошюры и статьи. Многие работы И. Р. Григулёвича были опубликованы под псевдонимом Иосиф Лаврецкий.

Награжден орденами Красного Знамени (1945), Красной Звезды (1941), Дружбы народов, венесуэльским орденом Франсиско де Миранды, кубинской медалью «XX лет Монкады».

«Лига Вольвебера»

В конце 30-х годов в Скандинавии действовала группа советских разведчиков-нелегалов, основной задачей которых была подготовка диверсий на морских судах Германии и ее союзников, базировавшихся в Европе и используемых для поставок оружия и сырья режиму генерала Франко в Испании. Возглавлял эту сеть Эрнст Вольвебер, человек, достигший в ГДР властных высот, а затем волею Хрущева и Ульбрихта оказавшийся в опале.

Эрнст Вольвебер родился 28 октября 1898 года в городе Ганновер-Мюнден, в рабочей семье, все члены которой придерживались крайне левых взглядов. После окончания школы он работал в различных портах Северного моря грузчиком, а в 1915 году примкнул к социалистическому молодежному движению. Когда Вольвеберу исполнилось 19 лет, он добровольцем пошел служить на военно-морской флот кочегаром, однако, в соответствии со своими политическими взглядами, вел там активную антивоенную пропаганду.

Во время службы на флоте Вольвебер вступил в «Союз Спартака», из которого позднее выросла Коммунистическая партия Германии. А в конце 1918 года молодой кочегар становится одним из руководителей матросского восстания в Киле. По приказу кильского рево-

люционного комитета он поднял красный флаг на крейсере «Хельголанд», который стоял на входе в Кильский канал, и тем самым подал сигнал к вооруженному выступлению моряков. Это восстание явилось той искрой, из которой разгорелась ноябрьская революция 1918 года в Германии. Вольвебер был активнейшим ее участником, являясь председателем Совета рабочих и солдат Киля.

В 1920 году Вольвебер перебрался в Гамбург, который в это время был ключевым пунктом коммунистического движения на севере Германии. Здесь он руководил организацией красных моряков, здесь же началась его политическая карьера, когда в 1921 году его избрали политическим секретарем коммунистической организации в Касселе в округе Гессен-Вальдек. Рассказывая о том времени в своих воспоминаниях, советская разведчица Зоя Рыбкина утверждает, что Вольвебер был одним из первых немцев, привлеченных к сотрудничеству с советской разведкой. Однако, как она считает, после того как Вольвебера избрали в руководство Компартии Германии, он отошел от этой деятельности.

Если это утверждение Рыбкиной верно, то получается, что Вольвебер первый раз сотрудничал с советской разведкой в самом начале 20-х годов, так как уже в 1921 году на VII съезде Компартии Германии был избран, а в 1923 году на VIII съезде переизбран в ее Центральный комитет и его руководящее ядро — «Централе». А так как известно, что в 1920—1921 годах Вольвебер был активным участником революционных выступлений в Средней Германии, то можно предположить, что в этот период он имел дело с сотрудниками советской военной разведки (Разведупром РККА), которые активно участвовали в организации и вооружении боевых отрядов германской компартии.

В 1922 году Вольвебер впервые побывал в Москве — как делегат IV конгресса Коминтерна. Возможно, именно в это время он прошел военное обучение в СССР. А уже в 1923 году Вольвебера направляют в Германию для

подготовки будущего всеобщего восстания. В этот период он переходит с работы в округе в центральный аппарат компартии. Однако «германский Октябрь» так и не состоялся, а вооруженное выступление рабочих Гамбурга было подавлено войсками Веймарской республики. В результате Вольвебер был вынужден перейти на нелегальное положение. Но это его не спасло: в июле 1924 года он был арестован и в декабре 1925 года приговорен к трем годам тюремного заключения. Впрочем, весь назначенный ему срок он не отсидел и уже в начале марта 1926 года вышел на свободу.

Сразу же после освобождения Вольвебер активно включился в политическую деятельность КПП. В 1926 году он начал работать профсоюзным секретарем Компартии Германии, а с начала 1929 года — политическим руководителем компартии в округе Силезия. В 1928 году Вольвебер был избран депутатом прусского ландтага, а в 1929 году — ландтага Нижней Силезии. С 1930 года он один из руководителей профсоюза компартии, так называемой «красной профсоюзной оппозиции» в северном округе Вассерканте, с ноября 1932 года — депутат рейхстага.

В том же, 1932 году политическая лояльность Вольвебера партийному руководству КПП была по достоинству вознаграждена — его назначают руководителем Орготдела ЦК. Таким образом, к моменту прихода к власти Гитлера Вольвебер входил в обойму высших руководителей Компартии Германии. Но судьбе было угодно, чтобы он оставил политику и стал разведчиком.

В декабре 1932 года Вольвебер выезжает в Данию, где под прикрытием архитектурно-инженерного бюро «А. Сальво & К» создает филиал Западноевропейского бюро Коминтерна в Копенгагене. Можно предположить, что в это время он действовал вместе с польским коммунистом Брониславом Бортновским, который в начале 20-х годов был резидентом советской военной разведки в Германии, с 30-х годов работал в Берлине, а затем в Копенгагене по линии Коминтерна.

В августе 1933 года Вольвебер перебрался в Париж. В этот период он известен как Шульц, Андерсон и Курт Шмидт. Но вскоре он возвращается в Копенгаген, где продолжает вести организационную работу в Западноевропейском бюро Коминтерна. Здесь же летом 1933 года Вольвебер получает назначение, которое сделало его всемирно известным персонажем «невидимого фронта». Он становится секретарем, на первый взгляд, довольно невинной организации — Международного союза моряков и портовых рабочих. Эта организация имела свои филиалы по всему миру, однако наибольшим влиянием пользовалась в портах Северного моря. Союз эффективно действовал через свои так называемые интернациональные клубы моряков, раскиданные по всему миру (были они и в портовых городах СССР). Эти клубы являлись хорошим прикрытием для нелегальной работы. Здесь планировались операции, инструктировались агенты, передавалась информация, фальшивые паспорта и самые что ни на есть настоящие бомбы.

Советская разведка и раньше использовала немецких и скандинавских моряков в своих целях, в основном в качестве курьеров. Теперь же перед Вольвебером, который окончательно отошел от партийной работы, стояла гораздо более серьезная задача. ИНО НКВД поручил ему создать из особо доверенных членов Международного союза моряков и портовых рабочих боевое ядро для проведения акций саботажа и диверсий. Вскоре такая группа диверсантов-моряков численностью 25 человек была создана и приступила к работе.

Одной из первых успешных диверсий, совершенной группой Вольвебера, было уничтожение японского судна «Таимо мару», следовавшего из Роттердама на Дальний Восток с грузом оружия, предназначенного для японской армии в Маньчжурии. Считается также, что в этот период агенты Вольвебера затопили в заливе Таранто итальянский корабль «Фельце», а также устроили пожар на французском лайнере «Джодж Филлипар». Но скорее всего, это одна из многочисленных легенд о «ве-

ликом диверсанта», тем более что непонятно, зачем потребовалось топить эти суда. В конце 1933 года в группе Вольвебера произошел провал. Один из его агентов был арестован в Роттердаме, когда пытался установить мину на одном из стоящих в порту судов. В результате группа временно прекратила свою деятельность, а сам Вольвебер в начале 1934 года выехал в СССР, где некоторое время был инструктором по работе среди иностранных рабочих в Ленинграде. Но в «колыбели революции» он не задержался и вскоре получил новое задание — отправиться в Скандинавию и возобновить руководство своим нелегальным разведывательно-диверсионным аппаратом. И уже весной 1935 года Вольвебер вместе с норвежкой Рагнхильд Вииг, с которой он познакомился в Ленинграде, выехал в Норвегию.

В 1935—1940 годах Вольвебер проживал в Осло, откуда руководил небольшими, но чрезвычайно эффективными боевыми группами в Нарвике, Бергене, Амстердаме, Копенгагене, Риге, Ревеле и других портовых городах Северной Европы. Ближайшими его помощниками в этот период являлись латыш Эрнест Ламберт (настоящее имя Эрнст-Александр Давидович Аватин), действовавший в Копенгагене, норвежец Мартин Расмуссен Хьельмен в Осло и голландец Йозеф Римбертус Шаап, директор интернационального клуба моряков в Роттердаме.

Через год после приезда Вольвебера в Норвегию в Испании начался фашистский мятеж генерала Франко, вскоре вылившийся в кровопролитную гражданскую войну. Мятежников с первых дней боев активно поддерживали Германия и Италия. Они не только посылали Франко оружие, боеприпасы и военную технику, но и направили в Испанию свои воинские контингенты. Вмешательство Германии и Италии в испанскую войну вызвало соответствующую реакцию Советского Союза, который с сентября 1936 года официально начал оказывать помощь республиканскому правительству Испании. Тогда же Вольвебер получил из Москвы указание активизиро-

вать свою диверсионную деятельность. Используя всеобщее сочувствие к героической борьбе испанских республиканцев против франкистов среди традиционно революционно настроенных моряков, Вольвебер быстро расширил свою сеть, которая с того времени получает наименование «Лига Вольвебера».

В результате количество поврежденных кораблей, осуществлявших перевозки оружия для Франко, резко возрастает. Так, в результате взрывов были серьезно повреждены датское грузовое судно «Вестплейн», японский грузовой пароход «Казу мару», германское судно «Клаус Беге», польское судно «Стефан Баторий», румынский сухогруз «Бессарабия» и другие корабли, перевозившие в Испанию оружие. Как правило, диверсии совершались на судах, находившихся в портах или доках. Помимо диверсий агенты Вольвебера занимались организацией актов саботажа. Например, в Швеции им удалось остановить работу электростанции, от которой зависела добыча и поставка железной руды в Германию. Кроме того, «Лига Вольвебера» организовала нелегальную доставку оружия испанским республиканцам. Всего же, согласно утверждениям французских исследователей Р. Фалиго и Р. Коффера, авторов книги «Всемирная история разведывательных служб», организацией Вольвебера в этот период было уничтожено или повреждено около 20 немецких кораблей, три итальянских, два японских и одно румынское судно.

Диверсии, совершаемые группой Вольвебера, вызвали серьезную озабоченность у гестапо. В конце концов Гейдрих отдал приказ любым путем арестовать Вольвебера. И это едва не произошло летом 1937 года, когда Вольвебер нелегально приехал в Гамбург на встречу с руководителем местной диверсионной группы доктором Михаэлсом. Во время встречи на конспиративную квартиру неожиданно нагрянули агенты гестапо, в результате чего были арестованы практически все члены гамбургской группы, работавшие в местных доках. Но самому Вольвеберу удалось бежать и, несмотря на орга-

низованную гестапо погоню, благополучно пересечь датскую границу.

Начиная с 1935 года связь с Вольвебером поддерживала сотрудница резидентуры ИНО НКВД в Финляндии, а потом в Швеции Зоя Рыбкина, так как в самой Норвегии резидентуры внешней разведки не было. Об одной из таких встреч она рассказала в своих мемуарах:

«Шел 1938 год. Понадобилось снабдить группу Антона (псевдоним Вольвебера в то время. — А. К.) новыми паспортами, шифрами, деньгами, инструкциями. Я была тогда представителем советского «Интуриста» в Финляндии. Поехала в Норвегию через Швецию, куда добралась пароходом, а оттуда поездом в Осло...

На одной из тропинок Холменколен (пригород Осло. — А. К.) еще издали увидела Антона. Он смотрел на часы и с беспокойством озирался вокруг. Я пришла на место встречи с опозданием на одну минуту. Антон, увидев позади меня какого-то прохожего, взял меня под руку и увлек в лес.

— Изобразим влюбленную парочку.

Мы уселись на пеньке. Он очень тщательно прочитал шифр, пролистал паспорта, проворчал, что одному из членов группы прибавили возраст на три года, поставили вместо «24 года» «27 лет».

— Узнаю русское «авось». Сойдет, мол. Ты мне скажи, как вы готовитесь к войне с Германией. Или все еще исповедуете заповедь «чужой земли не хотим, но и пяди своей никому не отдадим»?..

— Милый Антон, ты мне не нравишься, желчный, раздражительный. Я таким тебя не знаю.

— Признаюсь, я болен, у меня *Norbes soster*, опоясывающий лишай.

— Лекарство есть?

— Вот оно, лучшее лекарство, — похлопал он по паспортам. — Ребята примутся за дело, и я сумею пару деньков полежать. У нас все готово к операции. Будем хоронить немецкий транспорт с оружием для Франко...

Скажи в Москве, чтобы на честность фюрера не рассчитывали. Я подготовил здесь письменный отчет о работе группы и финансовых расходах.

Антон вручил мне коробку игральных карт. В ней вместо карт была вложена его докладная записка. Я ее прочитала, записала содержание своим кодом в блокнот. Отчет посоветовала немедленно сжечь»¹.

После того как весной 1940 года Норвегия была оккупирована войсками фашистской Германии, группа Вольвебера была переориентирована на работу против кораблей немецкого военно-морского флота, дислоцированных в норвежских портах. Его агенты действовали также в портах Гамбурга, Бремена, Данцига, Амстердама и Копенгагена. Что касается взрывчатки, то ее добывали на железных рудниках Швеции и доставляли в порты под видом скобяного товара. А на случай предполагаемой войны Германии с СССР группа имела базы на островах Даго и Эзель в Балтийском море. В результате за год было потоплено несколько немецких кораблей путем установки на них мин замедленного действия. Но 18 мая 1940 года, после предательства члена группы Густава Антона Седера, Вольвебер был арестован шведской полицией. 17 июня того же года он был приговорен к 6 месяцам штрафных работ за использование фальшивого паспорта и высылке из Швеции после отбытия наказания.

После ареста Вольвебера гестапо потребовало его выдачи Германии, ссылаясь на то, что он являлся германским подданным. Но советская разведка предприняла ряд ответных шагов. Вот что рассказывает о них Зоя Рыбкина:

«Кин (Борис Рыбкин, резидент советской внешней разведки в Швеции. — А. К.) добился разрешения на свидание с Антоном в тюрьме и посоветовал ему «признаться» в шпионской деятельности против Швеции. «Об остальном мы позаботимся сами», — добавил Кин. Антон этот маневр принял и дал показания, что занимался в

Швеции шпионажем в пользу советской разведки. Тем временем в Москве оформлялось советское гражданство Вольвебера.

Переговоры со шведами закончились тем, что они отказались выдать его немцам, мотивируя свой отказ так — он должен быть судим по шведским законам»².

Рыбкин Борис Аркадьевич

19.06.1899 — 27.11.1947. Полковник (1943).

Родился в Екатеринославской губернии в семье мелкого ремесленника. В 1909 г. после окончания 4 классов сельской школы переехал в Екатеринослав, где работал учеником, а затем наборщиком в типографии. Окончил коммерческое училище. После революции, сдав экстерном экзамены за курс вечерней школы, был принят в Петроградскую горную академию. В 1920—1921 гг. — в РККА.

В июле 1921 г. по путевке губкома мобилизован на работу в Екатеринославскую ЧК. С 1923 г. учился в ЦШ ОГПУ. В 1924—1929 гг. помощник начальника отделения КРО ОГПУ, затем помощник начальника Сталинградского окротдела ОГПУ.

С 1931 г. — представитель ИНО в ПП ОГПУ по Средней Азии в Ташкенте. В декабре 1931 г. направлен в Иран под прикрытием сотрудника закупочной комиссии НКВТ, а затем вице-консула СССР в г. Мешхеде. За время работы приобрел нескольких надежных агентов. После этого побывал в командировках во Франции, Болгарии, Австрии. С 1934 г. работал в центральном аппарате ИНО, участвовал в разработке планов и осуществлении разведывательных мероприятий.

25 сентября 1935 г. Б. А. Рыбкин (Кин) в качестве легального резидента ИНО прибыл в Хельсинки под прикрытием консула, а затем второго секретаря полпредства СССР в Финляндии Бориса Николаевича Ярцева. В это время заместителем резидента в Хельсинки работала З. И. Воскресенская (Ирина), ставшая женой и помощником Кина. В начале апреля 1938 г. отозван в Москву. 7 апреля 1938 г. был принят И. В. Сталиным, от которого получил задание: в ходе сек-

ретных переговоров попытаться настроить финское руководство на оборонительный договор с СССР, направленный на недопущение немецких войск в случае войны на финскую территорию, а также предложить финнам обмен территориями. В апреле 1938 г. Кин вернулся в Хельсинки в качестве временного поверенного в делах СССР в Финляндии.

В связи с начавшейся советско-финской войной в 1939 г. Б. А. Рыбкин вернулся в Москву, где был назначен начальником отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД, а в феврале 1941 г. — начальником отдела 1-го управления НКГБ СССР. В сентябре 1941 г. направлен резидентом в Стокгольм под прикрытием советника миссии, а затем посольства СССР в Швеции Б. Н. Ярцева.

По возвращении в СССР в июле 1943 г. зачислен в «ДР» на должность заместителя начальника отдела 4-го управления НКГБ СССР. В 1944 г. назначен начальником отдела 4-го управления. Курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы. В феврале 1945 г. являлся офицером связи со службами безопасности союзников на Ялтинской конференции.

С февраля 1947 г. в отделе «ДР» (спецслужба) МГБ СССР у П. А. Судоплатова. Выезжал в Турцию и другие страны для восстановления связи с нелегальной агентурой на Ближнем Востоке и в Восточной Европе и осуществления оперативных мероприятий. Во время спецкомандировки в Чехословакию 27 ноября 1947 г. «при исполнении служебных обязанностей» погиб в автокатастрофе под Прагой. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Награжден орденами и медалями, знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ», маузером с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» и грамотой от Коллегии ОГПУ (1931).

Рыбкина (Воскресенская) Зоя Ивановна

28.04.1907 — 8.01.1992. Полковник (1945).

Родилась на ст. Узловая Тульской губернии в семье железнодорожника. Детство провела в г. Алексине. В 1920 г., после смерти отца, вместе с матерью и братьями переехала

на жительство в Смоленск. С 1921 г., в четырнадцатилетнем возрасте, библиотекарь и переписчица 42-го батальона ВЧК, затем боец штаба ЧОН Смоленской губернии. В 1923—1925 политрук в колонии малолетних преступников в с. Старожище под Смоленском. В 1927 г. по комсомольской путевке направлена на завод им. М. И. Калинина. Там работала паяльщицей, была организатором пионерских отрядов. В 1928 г. — заведующая учетно-распределительным подотделом орготдела Заднепровского РК ВКП(б) Смоленска.

Осенью 1928 г. по партийной путевке приехала в Москву для работы в Педагогической академии им. Н. К. Крупской, однако была направлена в распоряжение ТО ОГПУ. С ноября 1928 г. машинистка отделения ДТО ОГПУ на Белорусском вокзале. В мае 1929 г. приглашена на оперативную работу в ИНО ОГПУ.

Работала в организациях прикрытия: с мая 1929 г. — завмашбюро Главконцесскома СССР и с ноября 1929 г. — заместителем заведующего секретной частью Союзнефтиндиката. В мае 1930 г., пройдя стажировку в Восточном отделении ИНО, направлена на оперативную работу в Китай. С мая 1930 г. — сотрудник харбинской резидентуры ИНО, под прикрытием заведующей секретно-шифровальным отделом представительства Союзнефти. В 1932 г. для изучения обстановки и ознакомления с жизнью за границей выезжала в краткосрочные командировки в Ригу, Берлин, Вену. Находясь в Германии и Австрии, совершенствовала знания немецкого языка и его региональных диалектов.

По возвращении в СССР в 1933 г. она переводчик, а затем начальник отделения ИНО ПП ОГПУ ЛО, работала по странам Прибалтики.

В 1935 г. под прикрытием представителя ВАО «Интурист» направлена в Хельсинки в качестве заместителя легального резидента (Ирина). Отвечала за связь с нелегалами. Неоднократно выезжала в Скандинавские государства для контактов и восстановления связи с источниками. Привлекла к сотрудничеству ряд лиц, в том числе жену сотрудника японского посольства в Финляндии. Руководила работой ценного нелегального источника — одного из бывших руководителей Кронштадтского восстания С. М. Петричен-

ко. Выезжала в Норвегию для координации работы нелегальной разведывательно-диверсионной группы Антона (Э. Вольвебера). Во время командировки в 1936 г. вышла замуж за руководителя резидентуры Б. А. Рыбкина (Кин).

По возвращении в Москву в 1939 г. она в резерве назначения. С 1940 г. — оперуполномоченный 2-го отделения, а затем, в январе 1941 г., — старший оперуполномоченный 1-го отделения 5-го отдела (ИНО) ГУГБ НКВД. Отвечала за информацию, поступавшую из Германии от нелегальных источников. Входила в возглавляемую П. М. Журавлевым аналитическую группу, занимавшуюся оценкой планов и намерений гитлеровской Германии в отношении СССР, руководила направлением «внешняя политика Германии». С мая 1941 г. — заместитель начальника информационного отделения 1-го отдела 1-го управления НКГБ СССР.

В июле 1941 г. переведена в распоряжение Особой группы при НКВД СССР, занималась отбором и подготовкой к переброске в тыл противника разведывательно-диверсионных групп. Участвовала в создании первого партизанского отряда, сама готовилась к заброске в немецкий тыл под прикрытием сторожихи на маленькой железнодорожной станции.

В конце 1941 г. вернулась во внешнюю разведку. С конца 1941 по 1944 г. вместе с мужем, резидентом НКВД-НКГБ, работала в стокгольмской резидентуре под прикрытием пресс-атташе миссии СССР в Швеции Александры Николаевны Ярцевой. Находясь в Стокгольме, с присущей ей энергией Ирина развернула пропагандистскую работу по информированию шведской общественности и дипкорпуса о жизни и борьбе советского народа, истинном положении дел на советско-германском фронте. По поручению посланника СССР в Швеции А. М. Коллонтай издавала «Информационный бюллетень».

Основной задачей советской разведки в Швеции был сбор информации о политическом и экономическом положении Германии, ее военных планах. Подчиненные резидентуре разведывательные группы, как в самой Швеции, так и в Норвегии, регистрировали переброску в Финляндию немецкой военной техники и воинских частей, наблюдали за взаимными германо-шведскими поставками.

В сложнейшей оперативной обстановке Ирина проводила плодотворную разведывательную работу, привлекла к сотрудничеству несколько ценных источников, в том числе Альму — бойца норвежского Сопротивления, которая передала советской разведке информацию чрезвычайной важности о немецких работах по созданию «сверхоружия», в частности о расширении производства на территории Норвегии «тяжелой воды». На регулярной основе Альма через своих курьеров сообщала в резидентуру о передвижениях в Норвегии немецких войск и военно-морских судов.

После того как Б. А. Рыбкин был отозван в Москву в 1943 г., Ирина еще 9 месяцев работала в Стокгольме в качестве и. о. резидента.

По возвращении в Москву, с марта 1944 г., — на руководящих должностях в немецком направлении внешней разведки: в 1944—1945 гг. — начальник 1-го отделения 1-го отдела 1-го управления НКГБ; с 1946 г. — 3-го отделения отдела «5-А» ПГУ МГБ. В 1947—1949 гг. — заместитель начальника 3-го (немецкого) отдела 2-го (европейского) управления КИ при СМ-МИД СССР. С 1950 г. — начальник 3-го отдела ПГУ МГБ, с марта 1953 г. — ВГУ МВД СССР. Весной 1953 г. выезжала в спецкомандировку в Берлин.

В сентябре 1953 г. была выдвинута в партком ВГУ МВД, однако выступила в поддержку арестованного в августе 1953 г. П. А. Судоплатова, после чего была уволена из разведки «по сокращению штатов». В декабре 1953 г. по собственной инициативе была переведена в систему Гулаг и направлена в Воркутлаг начальником спецотдела лагеря. Затем возглавляла Оперотдел объединения лагерей, насчитывавшего в 1954 г. около 60 тыс. заключенных.

С 1956 г. — в запасе МВД.

Член ВКП(б) с апреля 1929 г. В 60—80-е гг. — ведущая отечественная детская писательница, автор «Рассказов о Ленине».

В результате Вольвебер был осужден шведским судом на три года тюремного заключения. А в 1944 году был освобожден и передан представителям советского правительства.

Группой Вольвебера после его ареста руководил норвежский коммунист Асбьерн Сюнде (Освальд).

С 1944 по 1946 год Вольвебер находился в Москве, а затем выехал в Восточную Германию. В ГДР он с 1946 по 1953 год официально занимал пост начальника дирекции морского флота в Департаменте транспорта. Но его главной задачей было воссоздание «Лиги Вольвебера» под прикрытием навигационной школы в Вустрове. В результате с 1950 года в портах Западной Европы вновь начались диверсии. Так, в апреле 1950 года в топливных танках британского авианосца «Иллюстриос» была обнаружена вода, а в мае в машинном отделении французского лайнера «Оран», находившегося в Марсельском порту с грузом военного снаряжения для французских войск в Индокитае, взорвалась термитная бомба.

После начала, в июне 1950 года, войны в Корее диверсии на морских коммуникациях Европы участились. Уже в июле в английской гавани Портсмут был взорван караван из девяти барж с артиллерийскими снарядами, предназначенными для военных кораблей, направляющихся на Дальний Восток. Через две недели около Ферт-о-Форт потерпел аварию английский миноносец «Кавендиш», в машинном отделении которого были обнаружены «посторонние предметы». А в сентябре 1951 года на якорной стоянке близ Сен-Мало был взорван французский миноносец «Лапас». Вал диверсий пошел на убыль только после начала мирных переговоров в Корее.

Очередной поворот в карьере Вольвебера произошел в 1953 году, после печально известного восстания рабочих в Восточном Берлине. После этого тревожного сигнала руководство СЕПГ во главе с Вальтером Ульбрихтом приняло решение реорганизовать органы госбезопасности. В результате в июле 1953 года Вольвебер был назначен госсекретарем государственной безопасности и заместителем министра внутренних дел, а в

ноябре 1955 года — министром государственной безопасности.

Заняв этот пост, Вольвебер сосредоточил основные усилия на противодействии агентуре западногерманской разведки, которой в то время руководил Рейнгард Гелен. Уже в сентябре 1953 года по всей территории ГДР была проведена хорошо скоординированная молниеносная операция, в результате которой было арестовано 98 агентов организации Гелена. 14 ноября 1953 года в Западном Берлине сотрудниками Вольвебера был похищен начальник пункта связи с агентурой в Восточной Германии майор Вернер Хаазе. А в декабре в средствах массовой информации были опубликованы данные о структуре организации Гелена, ее личном составе и проводимых ею подрывных операциях. Все это заставило западногерманскую разведку надолго прекратить агентурную работу в ГДР.

На посту министра госбезопасности Вольвебер проработал до 1957 года. К этому времени у него возник конфликт с Ульбрихтом, который был очень недоволен тем, что Вольвебер сосредоточил основные усилия МГБ на контрразведывательных операциях, а не на слежке за собственными гражданами. Кроме того, рвущийся к власти заместитель Вольвебера Эрих Мильке поведал Ульбрихту, что его начальник поддерживает контакты с оппозиционной последнему группой в ЦК СЕПГ, которую возглавлял член Политбюро Карл Ширдеван. Развязка наступила после того, как Вольвебер во время одной из встреч с председателем КГБ СССР Иваном Серовым пожаловался на разногласия среди руководства ГДР, назвав их проявлением прозападных настроений, противоречивших линии международного коммунистического движения. Серов сообщил об этом разговоре Хрущеву. А тот на обеде, сопровождавшемся обильной выпивкой, сказал Ульбрихту:

— Почему вы держите министра госбезопасности, который сообщает нам об идеологических разногласиях

внутри вашей партии? Это же продолжение традиции Бери и Меркулова, с которым ¹¹ Вольвебер встречался в сороковых годах, когда приезжал в Москву.

Ульбрихт понял, что руки у него развязаны, и немедленно потребовал от Вольвебера подать в отставку, обвинив его в «антипартийном поведении». В результате 1 ноября 1957 года Вольвебер был вынужден написать заявление с просьбой об отставке, сославшись при этом на плохое здоровье. В тот же день министром госбезопасности был назначен Мильке. А на следующий год Вольвебер был исключен из СЕПГ «за нарушение ее устава».

Умер Вольвебер, будучи в опале, 3 мая 1967 года.

Герои «Красной капеллы»

Название «Красная капелла» прочно пристало к нескольким резидентурам советской разведки, действовавшим на территории Западной Европы во время Второй мировой войны. Человек, недостаточно знакомый с историей советских спецслужб, может подумать, что речь идет о некой сети, руководимой единым резидентом и подчиненной одному московскому Центру. Но это не так. На самом деле эти резидентуры, работавшие в Германии, Бельгии, Франции и Швейцарии, подчинявшиеся одни — разведотделу НКВД, другие — Разведуправлению Генерального штаба РККА, не составляли единой сети, а их контакты между собой были вызваны крайними обстоятельствами и носили единичный характер. Что же касается названия «Красная капелла», то первоначально так именовалась зондеркоманда СС (SS-Zondercomander Rote capelle), в задачу которой входила организация радиоперехвата сообщений нелегальных передатчиков на оккупированных Германией территориях. Позднее такое же название получила операция нацистских спецслужб по борьбе с советской разведкой в Западной Европе.

После окончания войны название «Красная капелла», возможно во многом после издания мемуаров

Вальтера Шелленберга, стало ассоциироваться с теми, с кем боролась зондеркоманда. Многие чудом уцелевшие немецкие антифашисты категорически возражали против отождествления их с «Красной капеллой». Так, жена одного из руководителей берлинского подполья Грета Кукхоф в своих воспоминаниях писала: «Так нас назвал наш непримиримый враг, и мы с этим не можем согласиться, ибо это неточно и унижает нас». Но название продолжало жить своей жизнью, и скоро именем «Красная капелла» называли только подпольные антифашистские группы и отдельные резидентуры советской разведки, в большинстве своем разгромленные гестапо. А французский писатель Жиль Перро свою книгу о Леопольде Треппере, нелегальном резиденте ГРУ в Бельгии и Франции, вышедшую в 1967 году, так и озаглавил — «Красная капелла». По этому поводу один из членов так называемой «Красной капеллы» Генрих Шель сказал следующее:

«В истории немало примеров, когда противник, желая дискредитировать своих антагонистов, давал им унижительные прозвища и клички. Но затем из проклятья они становились символами совершенно иного звучания. Так произошло и с «Красной капеллой». О зондеркоманде едва ли кто сейчас помнит, а о делах тех, за кем она вела охоту, все непредубежденные люди говорят с уважением и восхищением»¹.

В связи с тем что термин «Красная капелла» устоялся, мы в данном очерке также будем называть им агентов внешней разведки, действовавших в Германии в 1935—1942 годах. Что же касается конкретных агентурных групп ИНО НКВД, то, на наш взгляд, будет правильным называть «Красной капеллой» группы Арвида Харнака, Харро Шульце-Бойзена и Адама Кукхофа.

Нелегальная сеть «Красной капеллы» в Германии берет свое начало в августе 1932 года, когда член немецкой делегации ассоциации «АР-ПЛАН» Арвид Харнак посетил с визитом Москву.

Арвид Харнак родился 24 мая 1901 года в городе Дармштадт в семье известных ученых. Он учился в университетах Йены и Граца и в 1924 году получил ученую степень доктора юриспруденции. В 1925 году он выехал для продолжения образования в США, где изучал политическую экономию. Там познакомился с Милдред Фиш и в 1926 году женился на ней. Вернувшись в 1928 году в Германию, Харнак поступил в Гессенский университет и в 1931 году защитил диссертацию на тему «Домарксистское рабочее движение в Соединенных Штатах».

Глубокое изучение истории рабочего движения, большой практический опыт и интерес к проблемам построения социализма в СССР привели его в лагерь коммунистов. Но подобно многим представителям немецкой интеллигенции, Харнак предпочитал не демонстрировать свои коммунистические убеждения путем вступления в КПГ, а стал членом «Союза работников умственного труда», под чьим прикрытием КПГ действовала среди служащих, ученых, учителей. Зимой 1931 года Харнак стал одним из основателей ассоциации «АР-ПЛАН», ставящей своей целью изучение советской плановой экономики, а в августе 1932 года организовал ознакомительную экскурсию 24 экономистов и инженеров по индустриальным центрам СССР.

Именно тогда на Харнака обратили внимание сотрудники советской разведки, работавшие под «крышей» ВОКС («Всесоюзное общество культурных связей с заграницей»). При помощи дипломата Александра Гиршфельда, советника по культуре советского посольства в Германии, с которым Харнак поддерживал контакты в Берлине, началась осторожная работа по вовлечению председателя «АР-ПЛАН» в агентурную сеть ИНО НКВД. После прихода к власти Гитлера эта работа была ускорена. И в июле 1935 года начальник внешней разведки Артур Артузов санкционировал вербовку Харнака, которая была проведена 8 августа 1935 года в Берлине Гирш-

фельдом. После трехчасовой беседы Харнак согласился работать на советскую разведку, хотя для этого ему пришлось порвать с КППГ, что противоречило его принципам. Первым оператором Балта (такой псевдоним получил Харнак) стал сотрудник берлинской резидентуры ИНО Наум Белкин (Кади).

Гишфельд Александр Владимирович

1897—1962.

Родился в г. Юрьев Эстляндской губернии в семье врача. Окончил гимназию в Москве (1915). Член РКП(б) с 1918 г. Служил в Красной Армии (1918—1931) — начальник оперативного отделения оперотдела Наркомвоенна, военком оперативного управления Полевого штаба РВСР (1918—1919), комиссар роты, начальник штаба ударной группы (в составе 25-й и 49-й дивизий на Восточном фронте в 1919 г.), начальник отделения Разведупра Полевого штаба РВСР (1920), военком Инспекции пехоты РККА (1920—1922), командир роты и батальона в МВО (1922—1924), начальник отдела Штаба РККА (1924—1926), начальник мобилизационного отдела Наркомфина СССР и военный советник при наркоме (1926—1929), старший руководитель кафедры, адъюнкт курсов усовершенствования начсостава Военной академии им. Фрунзе (1929—1931). Окончил Академию Генштаба РККА (1922) и 1-й МГУ (1926).

С 1931 г. на дипломатической работе — секретарь полпредства в Берлине (1931—1935), генконсул в Кенигсберге (1935—1938), одновременно поверенный в делах в Риге (1937—1938), в резерве НКВД (1938). Затем на научной работе — старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Участник Великой Отечественной войны, командир полка в дивизии народного ополчения. Далее вновь находился на научной работе в Институте истории АН СССР, Библиотеке АН СССР (завсектором мировой политики и экономики), МГУ (старший преподаватель) и научной библиотеке МГУ (главный библиограф). Кандидат исторических наук.

Выполняя задание советской разведки по организации надежного прикрытия, Харнак вступил в Национал-социалистический союз юристов и возглавил в нем секцию, функционирующую в имперском министерстве хозяйства, где он служил в должности старшего правительственного советника. Кроме того, он стал членом Геррен-клуба (Клуба господ), в который входили многие видные немецкие промышленники, аристократы, чиновники и высшие чины армии, флота и ВВС. Позднее многие из них стали для Харнака ценными источниками информации. Среди тех, кто поставлял Харнаку важные сведения, необходимо в первую очередь отметить следующих:

барон Вольцоген-Нойхаус (Грек), высокопоставленный сотрудник технического отдела ОКВ (Верховного военного командования);

Ганс Рупп (Турок), главный бухгалтер концерна «И. Г. Фарбен»;

Вольфганг Хавеманн (Итальянец), офицер военноморской разведки в Верховном командовании ВМС;

Карл Беренс (Штральман, Лучистый), работал в проектно-конструкторском отделе концерна «АЭГ»;

Тициенса (Албанец), выходец из России, промышленник, имевший большие связи в высших кругах ОКВ;

Бодо Шлезингер (Степной), переводчик иностранной литературы в министерстве авиации;

Герберт Гольнов, сотрудник реферата контрразведки ОКВ (Гольнову, как и некоторым другим, разведка псевдоним не дала).

Сведения, которые Харнак получал от своих информаторов, были очень важны для СССР. Например, Беренс предоставил советской разведке многочисленные технические чертежи, которые позволили быстро наладить в СССР такую промышленную отрасль, как электромашиностроение. Кроме того, как высокопоставленный чиновник имперского министерства хозяйства, Харнак сам был важнейшим источником информации. Вот, например, краткий перечень информации, полученной

от Корсиканца (новый псевдоним Харнака), составленный в Москве в июне 1938 года:

«Ценные документальные материалы по валютному хозяйству Германии, секретные сводные таблицы всех вложений Германии за границей, внешней задолженности Германии, секретные номенклатуры товаров, подлежащих ввозу в Германию, секретные торговые соглашения Германии с Польшей, Прибалтийскими странами, Ираном и другими, ценные материалы о заграничной номенклатуре министерства пропаганды, внешнеполитического ведомства партии и других организаций. О финансировании разных немецких разведывательных служб в валюте и т. д...»².

Однако кровавая чистка в советской разведке, начавшаяся в конце 30-х годов, оставила с июня 1938 года Харнака без связи. Из восьми офицеров ИНО, связанных с Корсиканцем, пятеро было расстреляно. Поэтому для восстановления контактов с Харнаком потребовалась консультация с его первым оператором Белкиным, находившимся в это время в Испании в качестве заместителя резидента внешней разведки. Восстановить связь с Корсиканцем было поручено опытному сотруднику внешней разведки Александру Короткову (Степанов), направленному в Берлин в августе 1940 года под прикрытием должности третьего секретаря советского посольства. Первая встреча Харнака и Короткова, впоследствии известного в гестапо как советский дипломат Александр Эрдберг, состоялась 17 сентября 1940 года. Тогда же Коротков узнал, что за время, которое Харнак находился без связи, его организация значительно выросла. Об этом свидетельствует доклад Короткова в Центр:

«Корсиканец, потеряв в 1938 году связь с нами, возобновил свою работу среди интеллигенции в духе «Союза работников умственного труда», не будучи связанным с КПП. Он объединял вокруг себя своих старых знакомых, известных ему по работе в «Союзе», осторожно выискивая и привлекая к себе новых. В настоящее

время в круге образовались небольшие «центры», каждый из которых работает над воспитанием и подготовкой своей небольшой группы людей. Так что Корсиканец сам уже не знает всех лиц, входящих в этот круг, равно как и цифру 60 человек определяет приблизительно. Организационно взаимоотношения всей этой группы состоят исключительно в поддержании хороших отношений знакомых между собой людей, стоящих примерно на одной и той же общественной ступеньке и одинаково мыслящих. Такова, по описанию Корсиканца, организационная форма этой группы, маскирующая проводимую работу. Не все лица, входящие в этот круг, знают друг друга, а существует как бы цепочка. Сам Корсиканец старается держаться в тени, хотя и является душой организации. Цель организации состоит в подготовке кадров, которые могли бы после переворота занять командные должности. Сам Корсиканец никаких связей с компартией не поддерживает»³.

Коротков Александр Михайлович

22.11.1909 — 27.06.1961. Генерал-майор (1956).

Родился в Москве. Вскоре после его рождения отец, работавший до революции служащим Русско-Азиатского банка, ушел из семьи, забрав старшего сына, и мать воспитывала Александра и дочь одна.

После окончания 9 классов средней школы (1927) работал подручным у электромонтера. Свободное от работы время проводил на стадионе «Динамо» на Петровке. Там он и встретился с Вениамином Герсоном, бывшим секретарем Ф. Э. Дзержинского, обратившим внимание на незаурядные физические качества А. Короткова во время футбольного матча.

В октябре 1928 г. по личной рекомендации В. Л. Герсона принят на работу в Комендатуру АХУ ОГПУ монтером по лифтам и лифтером. Однако уже в декабре 1928 г. А. Коротков был переведен в ИНО ОГПУ, где работал делопроизводителем, а затем старшим делопроизводителем. С января 1930 г. он помощник оперуполномоченного, а затем опер-

уполномоченный 2-го, 7-го, а затем снова 2-го отделений ИНО ОГПУ.

Весной 1932 г. прошел краткосрочную оперативную и языковую подготовку. В 1933 г. направлен на нелегальную разведработу в Париж через Австрию и Швейцарию в составе оперативной группы «Экспресс», возглавляемой Л. Л. Никольским (А. М. Орловым). Задачей группы была разработка Второго бюро (разведка) французского Генерального штаба, проведение вербовок в его важнейших подразделениях.

Выдавая себя за австрийца чешского происхождения Районецкого, А. М. Коротков поступил в Сорбонну на курс антропологии. Одновременно начал учебу в школе радиоинженеров. В университете пытался завербовать студента, работавшего фотографом во Втором бюро, однако этот контакт попал в поле зрения французской контрразведки. Чтобы избежать провала, А. М. Коротков был временно выведен в Германию, а оттуда в СССР. С 1935 г. он уполномоченный резерва отдела кадров, затем оперуполномоченный 7-го отделения ИНО ГУГБ НКВД СССР.

В апреле 1936 г. под именем Владимира Петровича Коротких и прикрытием должности представителя Наркомтяжпрома при торгпредстве СССР в Германии направлен в долгосрочную командировку в Берлин. На месте принял на связь ряд ценных агентов.

В декабре 1937 г. А. М. Коротков получил задание выехать во Францию для нелегальной работы. Он должен был возглавить группу, созданную для ликвидации ряда предателей. В марте 1938 г. возглавляемая А. М. Коротковым группа ликвидировала предателя Г. Агабекова (Жулик), в июле того же года — секретаря международного объединения троцкистов Р. Клемента.

В 1938 г. отозван в Москву и переведен в резерв назначения. В 1939 г. уволен из органов НКВД. Однако после письма на имя Л. П. Берии А. М. Коротков был восстановлен на службе в разведке: с апреля 1939 г. он старший уполномоченный, а с мая 1939 г. — заместитель начальника 1-го (немецкого) отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД. В том же году был принят в члены ВКП(б).

В конце 1939 г. выехал в заграникомандировку в Данию и Норвегию под прикрытием должности дипкурьера НКВД.

В июле 1940 г. А. М. Коротков был направлен на месяц в Германию под прикрытием работника по обслуживанию советских выставок в Кенигсберге и Лейпциге для восстановления связи с особо ценными источниками, работа с которыми была законсервирована в 1936—1938 гг.

В конце августа 1940 г. А. М. Коротков вновь возвращается в Берлин, на этот раз в качестве заместителя резидента легальной резидентуры под прикрытием должности третьего секретаря полпредства СССР в Германии. Там он активизировал восстановленные связи, в частности с Вилли Леманом (Брайтенбах), установил личные контакты с руководителями антифашистского подполья Харро Шульце-Бойзенем (Старшина), Адамом Кукхофом (Старик), Куртом Шумахером (Тенор). От этих антифашистов резидентура получала наиболее ценную информацию о подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

В первые дни войны, когда здание советского полпредства в Берлине было блокировано гестапо, А. М. Коротков, рискуя жизнью, сумел несколько раз выехать в город для проведения встреч с агентурой, постановки задач и передачи радиостанции для связи с Центром и питания к радиостанции. Вскоре в числе интернированных сотрудников полпредства СССР в Германии он вернулся в Москву.

С августа 1941 г. — заместитель начальника, а с октября 1941 г. — начальник 1-го отдела (разведка в Германии и на оккупированных ею территориях) 1-го управления НКВД-НКГБ СССР. Координировал операции по организации связи с агентурой, руководил подготовкой агентов-нелегалов и их выводом на территорию противника.

В 1943—1944 гг. выезжал в Тегеран и дважды в Афганистан для выполнения специальных заданий по ликвидации германской агентуры в этих странах, действуя под фамилией полковника Михайлова.

С 20 октября 1945 г. по 19 января 1946 г. находился в Берлине в качестве резидента объединенной резидентуры внешней разведки в Германии и заместителя политического советника при главноначальствующем СВАГ.

С мая 1946 г. А. М. Коротков — начальник управления «1-Б» (нелегальная разведка) и заместитель начальника ПГУ МГБ СССР. С 29 июля 1947 г. он начальник 4-го управления (нелегальная разведка) КИ при СМ СССР, с 19 мая 1949 г. одновременно член КИ.

С 9 сентября 1950 г. — заместитель начальника Бюро № 1 МГБ СССР по разведке и диверсиям за границей. С ноября 1952 г. — заместитель начальника ПГУ МГБ СССР и начальник управления «С» (нелегальная разведка). С марта 1953 г. — заместитель начальника, с 28 мая 1953 г. — и. о. начальника ВГУ МВД СССР. С 17 июля 1953 г. — начальник отдела НР ВГУ.

С марта 1954 г. — и. о. начальника спецуправления (НР), врио заместителя начальника ПГУ. С 6 сентября 1955 г. — начальник спецуправления и заместитель начальника ПГУ КГБ при СМ СССР.

В ноябре 1956 г. А. М. Коротков был направлен в Венгрию в качестве заместителя руководителя опергруппы КГБ И. А. Серова. Участвовал в оперативно-чекистских мероприятиях по подавлению венгерского восстания, в задержании активных повстанцев и изъятии оружия у населения, а также в захвате и выводе в Румынию бывшего премьер-министра Венгрии Имре Надя.

С 23 марта 1957 г. — уполномоченный КГБ по координации и связи с МГБ и МВД ГДР, действовал под прикрытием должности советника посольства СССР в ГДР.

Награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, знаком «Почетный сотрудник органов госбезопасности», чехословацким орденом «Боевой Крест 1939 г.», югославским орденом «Партизанская звезда» 1-й степени (1946), орденом ГДР «За заслуги перед Отечеством» в золоте (1958), государственными наградами Польши.

В середине июня 1961 г. А. М. Коротков был срочно вызван в Москву. 27 июня на теннисном корте московского комплекса «Динамо» во время игры с начальником ГРУ ГШ И. А. Серовым скончался от разрыва аорты.

Подобное положение дел вызвало обеспокоенность в Центре, поскольку Харнак нарушил главный принцип — разделение сети на изолированные друг от друга части, что резко снижало возможность полного провала. Но в связи с войной в Европе Москве ничего не оставалось делать, как использовать сеть Корсиканца такой, какой она была. Ведь менее чем через неделю после восстановления контакта, 26 сентября 1940 года, Коротков получил от Харнака первое сообщение, говорящее о начале военных приготовлений Германии к нападению на СССР:

«Офицер из Верховного командования (ОКВ) рассказал Тициенсу, что в начале следующего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом является военная оккупация Румынии, намеченная на ближайшее время. Целью войны является отторжение от Советского Союза его западноевропейской части по линии Ленинград — Черное море и создание на этой территории государства, целиком и полностью зависящего от Германии. Что касается остальной части Советского Союза, то там должно быть создано дружественное Германии правительство. На заседании комитета экономической войны возглавляющий этот комитет контр-адмирал Гросс сделал намеки, что генеральные операции против Англии откладываются»⁴.

Но еще более важными стали поступающие от Харнака сообщения после того, как в декабре 1940 года он установил контакт с лейтенантом люфтваффе Харро Шульце-Бойзенем.

Харро Шульце-Бойзен родился 2 сентября 1909 года в городе Киль в аристократической семье потомственного военного. Он был сыном капитана ВМС, внучатым племянником и крестником адмирала фон Тирпица, создателя военного флота Германии в Первую мировую войну. Однако молодой Шульце-Бойзен не пошел по военной стезе, а стал изучать право в университетах Фрайбурга и Берлина. Во время учебы он всту-

пил в националистическую организацию «Орден молодых немцев», но вскоре вышел из нее и примкнул к коммунистам.

Будучи студентом юридического факультета, в начале 30-х годов он поселяется в рабочем квартале Берлина и начинает издавать антинацистский журнал «Противник». В апреле 1933 года, после прихода к власти, нацисты запретили журнал, а вскоре арестовали и самого Шульце-Бойзена. Он подвергся допросу в гестапо, во время которого под пытками погиб один из сотрудников его редакции, после чего был заключен в концлагерь. Но арест Шульце-Бойзена был непродолжительным, и вскоре он был освобожден — благодаря вмешательству Геринга, который был близким другом семьи Шульце-Бойзен.

Жестокое обращение и все пережитое во время ареста только усилило ненависть Шульце-Бойзена к нацизму. Но появившийся опыт научил его быть осторожным. Сделав вид, что принимает нацизм, Шульце-Бойзен по рекомендации самого Геринга поступил в Школу транспортной авиации в Варнемюнде, которую закончил с отличием как летчик-наблюдатель. После окончания школы он был направлен в контрразведывательный отдел люфтваффе, где хорошее знание иностранных языков помогло сделать ему карьеру. В 1936 году он женился на Либертас Хаас-Хейе, внучке по материнской линии графа Ойленбург унд Хертефельд, близкого друга кайзера Вильгельма II. Почетным гостем на свадьбе был Геринг.

Но успешная карьера не отвлекала Шульце-Бойзена от последовательной борьбы с фашизмом. Он установил связь с членами КППГ Вальтером Хуземанном, Вальтером Кюхенмейстером, Куртом и Элизабет Шумахерами (Тенор и Ида), Одой Шотмюллер и другими коммунистами, впоследствии вошедшими в его подпольную организацию. А в 1937 году во время гражданской войны в Испании он анонимно передал в советское посольство в Берлине сведения о тайных приго-

товлениях испанских и немецких фашистов к военному мятежу в Барселоне.

Хотя Харнак был знаком с Шульце-Бойзенем с 1935 года, он привлек его к работе на советскую разведку только в декабре 1940 года. К тому времени организация Шульце-Бойзена насчитывала около 20 человек, объединенных намерением свергнуть Гитлера. В их число входили такие высокопоставленные военные, как, например, начальник контрразведки в министерстве авиации полковник Эрвин Гертц и офицер связи при Геринге майор Грегор, отвечающий за контакты с министерством иностранных дел. Весьма важным источником Шульце-Бойзена был личный адъютант командующего немецкими войсками на Балканах фельдмаршала фон Листа, известный под псевдонимом Швед.

Военная информация, поступающая от Старшины (такой псевдоним был дан Шульце-Бойзену), была очень важной. Вот только некоторые донесения, полученные от него в январе — марте 1941 года:

«В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается и Ленинград».

«Позиции Геринга все больше и больше склоняются к заключению соглашения с Америкой и Англией. Геринг дал распоряжение о переводе «русского реферата» министерства авиации в так называемую активную часть штаба авиации, разрабатывающую и подготовляющую военные операции».

«Операции германской авиации по аэрофотосъемке советских территорий идут полным ходом. Немецкие самолеты действуют с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и из Северной Норвегии — Киркенес. Съемки производятся с высоты 6000 метров. В частности, немцами заснят Кронштадт».

«Геринг является главной движущей силой в разработке и подготовке действий против Советского Союза».

«Германский Генеральный штаб авиации ведет интенсивную подготовку против СССР. Составляются планы бомбардировки важнейших объектов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга, Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки городов и промышленных объектов. Германский авиационный атташе в Москве выясняет расположение советских электростанций, лично объезжая на машине районы расположения электростанций»⁵.

Понимая всю важность поступающей от Шульце-Бойзена информации, Центр 15 марта 1941 года приказал Короткову установить прямой контакт со Старшиной и поощрить его к созданию самостоятельной агентурной сети. После выполнения распоряжения Центра и освобождения Харнака от роли промежуточного связующего звена работа обоих источников стала более продуктивной. Именно это позволило советской разведке через Харнака установить контакт с Адамом Кукхофом, получившим псевдоним Старик.

Адам Кукхоф родился 30 августа 1887 года в Аахене и был единственным сыном известного рейнского фабриканта. Учась в университете, он изучал политэкономия, германистику и философию, а в 1912 году в университете в Галле за работу «Шиллеровская теория трагического» получил ученую степень доктора философии. Позднее, стремясь сделать более доступными для трудящихся творения великих драматургов, он основал Франкфуртский художественный театр. В 1928—1929 годах был редактором газеты «Ди тат», в которой часто предоставлял место журналисту-коммунисту Йону Зигу. После прихода к власти Гитлера Кукхоф возглавил антифашистский кружок, в состав которого входили представители творческой интеллигенции. Всего группа Кукхофа насчитывала около 20 человек. Кроме того, он поддерживал контакты с известным социал-демократом Адольфом Гримме (Новый), Карлом Герделером (Голова), бывшим мэром Лейпцига, возглавлявшим тайную социал-демократическую оппозицию Гитлеру (в 1944 году был

казнен за участие в заговоре против фюрера), графом Вольфом фон Хельдорфом, шефом берлинской полиции, собиравшим компрометирующие материалы на нацистское руководство, видным профсоюзным деятелем Вильгельмом Лейшнером и другими оппозиционерами.

19 апреля 1941 года состоялась встреча Короткова с Кукхофом, на которой тот согласился сотрудничать с советской разведкой и снабжать ее информацией. Через Кукхофа Москва также планировала внедриться в антигитлеровскую оппозицию в Германии. После передачи в Центр досье, собранных Хельдорфом, Кукхофу было дано задание установить прочные связи с антигитлеровскими группами Герделера и Лейшнера, используя в качестве связника Адольфа Гримме. К сожалению, эти планы не были претворены в жизнь из-за начавшейся войны.

Таким образом, к весне 1941 года берлинская сеть советской разведки, получившая впоследствии название «Красная капелла», состояла из трех независимых друг от друга групп Харнака (Корсиканца), Шульце-Бойзена (Старшины) и Кукхофа (Старика), которые объединяли 28 отдельных групп. Независимо от них действовали нелегальная резидентура военной разведки «Альта» во главе с Ильзой Штебе, курирующая дипломата фон Шелию и еще шесть источников в министерстве иностранных дел Германии, и агент ИНО НКВД в гестапо Вилли Леман (Брайтенбах), связь с которым поддерживал сотрудник легальной резидентуры ИНО в Берлине Борис Журавлев (Николай).

Журавлев Борис Николаевич

Род. 1915 г. Полковник.

Окончил МВТУ им. Баумана. В течение года работал на Московском электрозаводе, после чего был направлен на работу в органы НКВД. Окончил ШОН.

С 1938 г. — в ИНО НКВД. В 1939—1941 гг. — сотрудник резидентуры внешней разведки в Германии, действовал под

прикрытием должности заведующего консульским отделом, а затем представителя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей в дипломатическом ранге атташе. Имел на связи ряд агентов в Берлине, в том числе Брайтенбаха (В. Леман) и двух агентов в Гамбурге и Данциге, куда выезжал нелегально.

Во время войны — старший уполномоченный в отделе, занимавшемся Германией и ее союзниками.

В 1949—1951 гг. — первый секретарь советского посольства в Венгрии. В 1954—1957 гг. — первый секретарь посольства СССР в Нидерландах.

Поступающая от них в Москву информация все больше убеждала руководство советской разведки в том, что Германия в недалеком будущем начнет агрессию против Советского Союза. Поэтому 10 апреля 1941 года резиденту НКВД в Берлине Амаяку Кобулову (Захар) была послана шифротелеграмма, в которой, в частности, говорилось:

«По вопросам авиации озадачить Старшину, через Шведа выяснить дислокацию немецких частей в Румынии, через Испанца получить сведения о личном составе ВВС. Корсиканцу поручить собрать сведения о положении в военно-химической промышленности, используя в этих целях Турка, добыть военно-технические новинки с помощью Грека. О состоянии военно-морского флота получить сведения через Итальянца. Ориентировать Брайтенбаха на выявление дислокации германских военных частей и строительство укреплений на границе, прилегающей к СССР. Использовать Франкфурта по вопросам состояния военной промышленности и положения военно-морского флота»⁶.

Кобулов Амаяк Захарович

1906 — 26.02.1955. Генерал-лейтенант (1945).

Родился в Тифлисе в семье портного. Брат Б. З. Кобулова. Окончил 5 классов Тифлисской торговой школы.

В апреле — октябре 1921 г. — красноармеец 237-го, затем 250-го этапного батальона участка ст. Акстафа.

С мая 1922 г. — безработный в Тифлисе. С августа 1923 г. — секретарь нарсуда Ахалцихского района. С января 1924 г. — кассир-счетовод Боржомского РИК. С февраля 1925 г. — слушатель курсов кооперации. С июня 1925 г. — бухгалтер-инструктор рабочего кооператива, а с июня 1926 г. — счетовод-статистик стеклозавода в Боржоми. С июля 1927 г. — бухгалтер завода им. 26 бакинских комиссаров в Тифлисе.

С октября 1927 г. — счетовод, с октября 1928 г. — помощник бухгалтера, с марта 1929 г. — врид бухгалтера Финотдела ПП ОГПУ ЗСФСР и ГПУ Грузии. С августа 1929 г. — уполномоченный, старший уполномоченный, оперуполномоченный 1-го отделения ЭКО ПП ОГПУ ЗСФСР.

С июля 1934 г. — оперуполномоченный, с декабря 1934 г. — начальник 1-го отделения ЭКО УГБ НКВД ЗСФСР и ГССР. С июля 1935 г. — начальник 4-го отделения СПО, с января 1937 г. — 3-го отделения 4-го отдела (СПО), с марта 1937 г. — 2-го отделения 1-го отдела УГБ НКВД ГССР.

С августа 1937 г. — начальник Ахалцихского РО НКВД ГССР, а в мае — декабре 1938 г. — Гагринского РО НКВД ГССР. Одновременно с ноября 1938 г. — начальник УНКВД, затем врид наркома ВД Абхазской АССР.

С декабря 1938 г. — первый зам и врид НКВД УССР.

С августа 1939 г. — легальный резидент НКВД СССР в Берлине под прикрытием секретаря, а затем первого советника полпредства СССР в Германии (Захар).

С июля 1941 г. — нарком ГБ, а с августа 1941 г. — ВД Узбекской ССР.

С января 1945 г. — начальник оперотдела, а с февраля 1945 г. — начальник 3-го управления, одновременно — первый замначальника ГУПВИ НКВД-МВД СССР. С октября 1945 г. (по совместительству) — замначальника отдела «С» НКВД СССР. С апреля 1950 г. — замначальника и начальник оперуправления, с ноября 1950 г. — первый зам и и. о. начальника ГУПВИ МВД СССР. С июня 1951 г. — начальник УПВИ, первый замначальника Гулага МВД СССР.

С мая 1953 г. — замначальника Контрольной инспекции при МВД СССР.

Член ВКП(б) с мая 1932 г. (в РКСМ с 1923 г.).

Награжден четырьмя орденами Красного Знамени (1940, 1943, 1944, 1944), орденами Кутузова 2-й степени (1945), Трудового Красного Знамени (1942), Красной Звезды (1944), медалями, знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (1937) и «Заслуженный работник МВД» (1948).

А. З. Кобулов 27 июня 1953 г. был арестован в ГДР и доставлен в Москву. В сентябре 1954 г. исключен из КПСС. 1 октября 1954 г. осужден ВК ВС СССР к высшей мере наказания и 26 февраля 1955 г. расстрелян.

В Москве для обработки поступающей информации согласно личному указанию И. Сталина наркому госбезопасности Всеволоду Меркулову и начальнику разведки Павлу Фитину, данному 17 июня 1941 года, была создана специальная информационная группа. В группу входили Павел Журавлев, которого потом сменил Михаил Аллахвердов, и Зоя Рыбкина. Ими была проделана огромная работа по сравнительному анализу сведений и перепроверке надежности информационных источников.

Аллахвердов Михаил Андреевич

14.11.1900 — 30.12.1968. Генерал-майор (1945).

Армянин. Родился в г. Шуша (Нагорный Карабах) в семье торговца лесом. Учился в гимназии в Андижане.

В 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию. В составе 3-го Туркестанского стрелкового полка участвовал в боях с басмачами. Затем слушатель педагогических курсов, учитель гимнастики и конторщик.

С конца 1919 г. — в органах ВЧК. С 1920 г. — член РКП(б). Секретарь военкома отряда особого назначения при Особом отделе (Ош, Фергана).

С июня 1921 г. М. А. Аллахвердов — заместитель начальника ОО Памирской военно-политической экспедиции, задачей которой было установление советской власти на Па-

мире. В январе 1923 г. как хорошо зарекомендовавший себя сотрудник местных органов госбезопасности, имеющий опыт практической работы в Средней Азии, переведен на работу в Восточный отдел ОГПУ в Москве. Владел армянским, узбекским, персидским, французским, английским языками.

По окончании в 1925 г. заочного отделения восточного факультета Военной академии РККА (с конца 1925 г. — им. Фрунзе) направлен на разведывательную работу в Иран (под дипломатическим прикрытием — секретарь консульства в Керманшахе). В 1928 г. М. А. Аллахвердов становится резидентом ИНО в Иране. В этом качестве он ведет большую работу по проникновению в ряды антисоветской эмиграции и действовавших с территории Ирана против СССР турецкой, германской, японской и польской разведок, приобретает ценную агентуру в иранских правящих кругах.

В 1930 г. возвращается в СССР, работает в центральном аппарате ИНО ОГПУ.

После прихода Гитлера к власти в условиях резко обострившейся международной обстановки в 1933—1934 гг. М. А. Аллахвердов — нелегальный резидент в Австрии (Вена), Швейцарии (Цюрих) и Франции (Париж). В 1934—1936 гг. он легальный резидент в Афганистане; в 1936—1938 гг. — легальный резидент в Турции. Находясь в этих странах, он проделал большую работу по пресечению подрывной работы антисоветской эмиграции и иностранных разведок против СССР.

С 1938 г. — в центральном аппарате, затем в немецком отделении 5-го отдела.

В феврале — марте 1941 г. М. А. Аллахвердов выезжает в Белград, где участвует в подготовке и осуществлении переворота против прогермански настроенного правительства Югославии. С апреля 1941 г. он начальник информационного отделения 1-го (немецкого) отдела 1-го управления НКГБ СССР.

С началом Великой Отечественной войны М. А. Аллахвердов под оперативным псевдонимом Заман вновь становится легальным резидентом в Афганистане. Под его руководством была раскрыта сеть германской агентуры и в тес-

ном взаимодействии с британской разведкой парализована деятельность германских и японских спецслужб в этом регионе.

По возвращении в Москву в декабре 1943 г. М. А. Аллахвердов стал первым начальником вновь созданного информационного отдела 1-го управления НКГБ СССР.

В 1945 г. выезжал в Швейцарию для выполнения специального задания.

С ноября 1947 г. по 1955 г. — заместитель начальника по учебной и научной части Высшей разведывательной школы КИ при СМ СССР, МГБ СССР, МВД СССР, КГБ при СМ СССР.

В 1955 г. уволен в отставку по выслуге лет.

Скончался в Москве. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почета», Отечественной войны 1-й степени, многими медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Полученная сводка, имевшая название «Календарь сообщений Корсиканца и Старшины», представляла собой десять страниц убористого машинописного текста, где были перечислены даты получения Корсиканцем и Старшиной наиболее важной информации, указаны лица, от которых она поступала, и дано ее краткое содержание. К сожалению, советское руководство не полностью использовало поступающую по каналам разведки информацию. Возможно, немалую роль сыграли в этом акции по дезинформации, которые активно велись немцами и в которых участвовали лично Гитлер, Геринг и Геббельс. Так, через подставленного гестапо резиденту НКВД в Берлине Амаяку Кобулову (Захар) агента Ореста Берлинкса (Лицеист), которого контролировал лично Риббентроп, в Москву была подброшена дезинформация относительно концентрации немецких войск у границы СССР. Согласно ей войска сосредоточиваются на Востоке, чтобы нанести внезапный и решительный удар по Великобритании. «Мы во время мировой войны умели путем колоссальных перебросок

войск замаскировать действительные намерения немецкого командования». Именно такое официальное объяснение, по словам Лицеиста, он получил 4 марта 1941 года от полковника Блау из ОКВ.

Попадались на дезинформацию и Харнак с Шульце-Бойзенем. В апреле 1941 года Корсиканец сообщил Короткову, «что на одном из совещаний ответственных должностных лиц из министерства экономики представитель отдела печати Кролл заявил следующее: «СССР будет предложено присоединиться к державам оси Берлин — Рим и напасть на Англию. В качестве гарантии будет оккупирована Украина и, возможно, Балтийские государства тоже»⁷.

А в мае 1941 года было получено сообщение от Старшины, подтверждавшее предположение Москвы, что нападению Германии будет предшествовать некий ультиматум:

«Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии удовлетворения этих требований в промышленные и хозяйственные центры и предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы немецкой армией. Представлению этого ультиматума будет предшествовать «война нервов» в целях деморализации Советского Союза»⁸.

16 июня Коротков передал в Москву донесение Старшины о том, что люфтваффе получила боевой приказ. Сообщение заканчивалось следующими словами: «Все германские военные мероприятия по подготовке вооруженного нападения на Советский Союз полностью закончены, и удара можно ожидать в любое время». Руководство НКВД немедленно передало сообщение И. Сталину. Но тот наложил на донесение следующую резолюцию: «Товарищу Меркулову. Можете послать свой источник из военно-воздушных сил Германии к... матери. Это не источник, а дезинформатор. И. Сталин»⁹.

На следующий день, 17 июня, Сталин вызвал к себе наркома госбезопасности Меркулова и начальника внешней разведки Фитина. По словам Фитина, встреча происходила следующим образом:

«В кабинете Сталин был один. Когда мы вошли, он сразу обратился ко мне: «Начальник разведки, не надо пересказывать спецсообщение, я внимательно его прочитал. Доложите, что за источники это сообщают, где они работают, их надежность и какие у них есть возможности для получения столь секретных сведений». Я подробно рассказал об источниках информации. Сталин ходил по кабинету и задавал различные уточняющие вопросы, на которые я отвечал. Потом он долго ходил по кабинету, курил трубку и что-то обдумывал, а мы с Меркуловым стояли у дверей. Затем, обратившись ко мне, он сказал: «Вот что, начальник разведки. Нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить. Ясно?» Я ответил: «Ясно, товарищ Сталин». Далее он сказал нам: «Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне»¹⁰.

Разумеется, фраза Сталина о Вильгельме Пике не означает, что тот имел сведения, отличные от получаемых советской разведкой. Просто этим Сталин отметил, что информаторы ИНО были не коммунистами, а членами НСДАП, офицерами вермахта, и поэтому их сведения могут быть дезинформацией.

Так почему же Сталин до последней минуты не верил во внезапное немецкое нападение, которое должно вот-вот начаться и о котором ему докладывали как ИНО НКВД, так и Разведупр РККА, направившие с июля 1940 по июнь 1941 года в общей сложности около 120 сообщений о военных приготовлениях Германии? Здесь, как нам кажется, надо учесть следующие факторы.

В июне 1932 года канцлер Франц фон Папен вел тайные переговоры с Францией о возможности тайного соглашения между Германией, Францией и Польшей против СССР. Советская разведка получила сведения о ходе переговоров от агента в окружении известного пред-

принимателя Флик-Штегера, известного своими близкими связями с фон Папеном, и 24 июня 1932 года доложила Сталину следующее:

«За уступки Германии Польшу обещают вознаградить в широкой мере в сторону Советской Украины.

Если вообще начнется крестовый поход против СССР, то он начнется как раз по направлению Украины... Как сказал Флик-Штегер, Англия, видимо, вначале останется доброжелательным наблюдателем в случае союза Франции, Германии и Польши против Советского Союза, но если эти страны пойдут походом на Украину, Англия постарается захватить Кавказ и под видом освобождения Грузии овладеть нефтеисточниками Кавказа. В этом отношении в Лондоне продолжается обработка грузинских и других кавказских эмигрантов, а Детердинг приобрел старые акции кавказских нефтяных полей и предприятий»¹¹.

Следующее сообщение разведки датировано 1 июля 1932 года:

«Рейхсканцлер фон Папен ведет в Лозанне тайные переговоры, конечная цель которых объединить европейские страны и Англию для похода против СССР с целью свержения советской власти. Хотя сейчас и незаметно непосредственной опасности нападения на СССР, но, как утверждает информатор, война против СССР не заставит себя долго ждать»¹².

Как известно, из этой затеи ничего не вышло, но подозрительный Сталин вынес для себя предметный урок: Англия никогда не откажется от идеи уничтожения СССР.

Следующий фактор, влиявший на ход рассуждений Сталина, возможно, исходит из спецсообщения советской разведки от 17 февраля 1937 года о переговорах президента США Франклина Рузвельта со специальным представителем правительства Англии Рэнсименом:

«Содержание главной части переговоров было посвящено вопросу о нейтралитете США, ибо Лондон ждет войны не позднее 1938 года, и если получение военных

материалов из США не представляется возможным, то необходимо начать постройку больших заводов в Англии, Франции и Чехословакии... Рузвельт заявил Рэнсимену, что Америка прилагает усилия к тому, чтобы как можно дольше сохранять нейтралитет. Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и по настоянию Рузвельта Америка сохранит свой нейтралитет. Если СССР окажется под угрозой германских чисто империалистических, т. е. территориальных, устремлений, тогда должны будут вмешаться европейские страны и Америка станет на их сторону...»¹³.

В свете этих фактов Сталин имел право опасаться как немецкой, так и английской провокации, причем последней особенно, так как находящаяся в состоянии войны Англия испытывала тяжелые экономические и военные трудности и была бы не прочь переложить их на СССР. А вот предупреждение о предстоящем немецком ультиматуме, связанном с оккупацией Украины, наоборот, имело под собой давнюю историческую почву и не казалось странным. Поэтому сходящиеся в кабинете Сталина сообщения разведки, контрразведки и Народного комиссариата иностранных дел подталкивали его к следующему видению ситуации:

если Советский Союз спровоцирует войну, то США останутся нейтральны;

если США останутся нейтральны, то Англия начнет переговоры о заключении сепаратного мира на условиях, которые привез Гесс 10 мая 1941 года;

Англия всегда подталкивала Германию к войне с Советским Союзом, а сейчас эта война для нее жизненная необходимость;

Германия завершила развертывание огромной армии у границ СССР;

Германия имеет намерение предъявить СССР тяжелый ультиматум с целью втянуть Советский Союз в вой-

ну на своей стороне, выполнение которого невозможно. Значит, война вполне возможна, но только после предъявления ультиматума и заключения сепаратного мира между Германией и Англией.

Последнее предположение должно было казаться Сталину наиболее важным. И дело даже не в том, что Германия никогда не выигрывала войны, которые вела на два фронта. Просто ведение войны требовало создания необходимого запаса материальных ресурсов, в том числе боеприпасов и другого воинского снаряжения. А на лето 1939 года по данным советской разведки в Германии было запасено (если считать за 100 % четыре месяца боевых действий):

снарядов для танковых орудий — 5 %;

мин для тяжелых минометов — 10 %;

мин для легких минометов — 12 %;

снарядов для горных орудий — 15 %;

патронов — 36 %;

снарядов для тяжелых полевых гаубиц — 50 %.

В период с лета 1939 по лето 1941 года немецкая армия вела активные боевые действия, и германская промышленность, так и не переведенная на военные рельсы, просто не могла восполнить все потери. Кроме того, материальное оснащение немецкой армии не было готово к войне в условиях российских просторов и морозов. Поэтому Сталин мог считать внезапное нападение немецкой армии на СССР летом 1941 года невозможным.

Однако Сталиным явно не учитывалась немецкая теория молниеносной войны (блицкрига), которая получила практическое подтверждение в ходе захвата Польши, Франции, Греции, Норвегии, Югославии. Разрабатывая план нападения на СССР, стратеги из немецкого Генерального штаба рассчитывали разгромить Красную Армию у границ и за шесть недель закончить восточную кампанию. А для ведения блицкрига немецкой армии по замыслам ее генералов не требовался большой запас боеприпасов и воинского снаряжения, в том числе

бензина, зимнего обмундирования и не замерзающей на морозе оружейной смазки.

Таким образом, недооценка Сталиным немецкой военной мощи, его подозрительность и недоверие к информации, поступающей по каналам разведки, переоценка своего понимания политической ситуации в мире привели к катастрофическим последствиям.

Между тем в Центре были составлены планы на случай возможного внезапного нападения Германии на СССР. Согласно им, в случае начала войны Харнак должен был осуществлять прямую радиосвязь с Москвой, являясь одновременно нелегальным резидентом и радистом. Но Харнак, согласившись заниматься сбором информации, отказался отвечать за ведение радиопередач. Поэтому организация радиосвязи была возложена на Шульце-Бойзена. В апреле и мае 1941 года из Москвы в Берлин дипломатической почтой были доставлены два радиопередатчика — один маломощный, с батарейным питанием, а другой более мощный, с питанием от сети. Вместе со вторым радиопередатчиком в берлинскую резидентуру были направлены шифр и описание способа кодирования радиোগрам. После этого в период с 12 по 16 июня Коротков передал передатчики и шифр связной Шульце-Бойзена Элизабет Шумахер (Ида).

22 июня 1941 года посол СССР в Берлине Владимир Деканозов был вызван в министерство иностранных дел Германии, где ему было объявлено о начале войны. После этого сотрудники советского посольства и торгпредства были лишены права перемещения по городу и были обязаны безотлучно находиться в здании полпредства. Исключение составлял лишь первый секретарь полпредства Валентин Бережков, которому Деканозов по согласованию с протокольным отделом германского МИД поручил поддерживать связь с ведомством Риббентропа. В поездках на Вильгельмштрассе его сопровождал начальник охраны советского посольства гауптштурмфюрер СС Хейнеман.

Такое положение не оставляло ни единого шанса Короткову выйти в город и встретиться со связником Харнака и Шульце-Бойзена. Тогда на совещании с участием посла Деканозова, резидента ИНО Кобулова, Короткова, Бережкова и военного атташе генерала Тупикова было решено попробовать найти подход к Хейнеману. Операция, блестяще проведенная Бережковым, удалась. Хейнеман, пожилой, уравновешенный, далеко не фанатичный эсэсовец, не отказался отужинать с Бережковым в посольстве, согласился взять предложенные ему 1000 марок и благосклонно отнесся к просьбе помочь молодому сотруднику посольства попрощаться с полюбившей его немкой. Таким образом, Короткову удалось 24 июня выехать в Берлин, передать Элизабет Шумахер 20-тыс. марок, новое расписание радиосвязи и новые шифры.

Но радисту Шульце-Бойзена Гансу Коппи (псевдоним Кляйн, позывной радиопередатчика D6) не удалось наладить связь с Москвой, так как передатчики сломались, а возможности починить их не было. В ИНО НКВД, прождав напрасно более трех месяцев сообщений от Старшины, обратились за помощью в восстановлении связи к Разведупру РККА. В результате 11 сентября 1941 года в Москве были подписаны приказы об установлении сотрудничества между НКВД и Разведупром, а нелегальному резиденту военной разведки в Бельгии Анатолию Гуревичу (Кент) было приказано выехать в Германию. 11 октября 1941 года ему была послана радиограмма, подписанная начальником Разведупра Алексеем Панфиловым и комиссаром Иваном Ильичевым и завизированная начальником ИНО НКВД Павлом Фитиным:

«Во время Вашей уже запланированной поездки в Берлин зайдите к Адаму Кукхофу или его жене по адресу: Вильгельмштрассе, дом 18, телефон 83-62-61, вторая лестница слева, на верхнем этаже, и сообщите, что Вас направил друг Арвида. Напомните Кукхофу о книге, которую он подарил Эрдбергу незадолго до войны, и о его

пьесе «Тиль Уленшпигель». Предложите Кукхофу устроить Вам встречу с Арвидом и Харро, а если это окажется невозможным, спросите Кукхофа:

1. Когда начнется связь и что случилось?
2. Где и в каком положении все друзья, — в частности, известные Арвиду: Итальянец, Штральман, Леон, Каро и другие?
3. Получите подробную информацию для передачи Эрдбергу.
4. Предложите направить человека для личного контакта в Стамбул или того, кто сможет лично установить контакт с торгпредством в Стокгольме в [советском] консульстве.
5. Подготовьте конспиративную квартиру для приема людей.

В случае отсутствия Кукхофа пойдите к жене Харро Либертас Шульце-Бойзен, по адресу Альтенбургеналлее, 19, телефон 99-58-47. Сообщите, что Вы пришли от человека, с которым ее познакомила Элизабет в Маркварте. Задание то же, что и для встречи с Кукхофом»¹⁴.

Приказ Гуревичу наладить связь с берлинской агентурой НКВД совпал во времени с полученным им от Разведупра указанием выяснить, почему перестали поступать сообщения от радиста Ильзы Штебе Курта Шульце (Берг). Достав необходимые документы, Гуревич выехал из Брюсселя и прибыл в Берлин 26 октября 1941 года. За те две недели, что он находился в столице Германии, ему удалось установить контакт с Шульце, а через Либертас встретиться с Шульце-Бойзенем.

В результате он выяснил, что Коппи (Кляйн) и Шульце (Берг) работают вместе — их свел общий знакомый коммунист Вальтер Хуземанн. Совместными усилиями они пытались починить испортившиеся передатчики сети Старшины, а когда это не удалось сделать, безуспешно старались установить связь с Москвой через передатчик Шульце, пока тот тоже не сломался. Оказать техническую помощь радистам Гуревич не смог. Поэтому он передал Шульце новые шифры и взял полученные Стар-

шиной и Корсиканцем в последнее время разведанные, с тем чтобы передать их через свой радиопередатчик. Таким образом, Гуревич, находясь в сложных условиях, блестяще выполнил важнейшее задание Центра.казалось, что с этого времени перед советской разведкой открылась блестящая перспектива получения ценной информации непосредственно из Берлина. Но на самом деле принятое Москвой решение оказалось роковым для берлинских подпольных групп.

Вернувшись в Брюссель, Гуревич в серии радиogramм, посланных 21, 23, 25, 26, 27 и 28 ноября 1941 года, доложил о выполнении задания и передал разведывательные сведения, полученные им от Старшины и Корсиканца. Эти сообщения имели исключительную важность. Например, следующее сообщение Старшины:

«Запасов горючего, имеющихся сейчас у немецкой армии, хватит только до февраля или марта будущего года. Те, кто отвечает за снабжение немецкой армии горючим, озабочены положением, которое может возникнуть в связи с этим после февраля — марта 1942 года, прежде чем немецкое наступление достигнет Кавказа, и прежде всего Майкопа, взять который предполагается в первую очередь. Немецкая авиация понесла серьезные потери и сейчас насчитывает только 2500 пригодных к использованию самолетов. Вера в быструю победу Германии испарилась. Эта потеря уверенности в наибольшей степени затронула высший состав офицерского корпуса»¹⁵.

Но передача сообщений берлинских резидентур НКВД в дополнение к собственной информации требовала от радистов резидентуры Гуревича слишком часто выходить в эфир. Они были так перегружены, что в последнюю неделю своей работы передавали более пяти часов в день, что делало их легкой добычей для немецких пеленгаторов. Кроме того, радисты не всегда успевали уничтожать зашифрованные тексты.

Между тем немецкая контрразведка, обеспокоенная активностью нелегальных передатчиков в Бельгии,

Франции и Берлине, усилила свою деятельность. В результате 13 декабря 1941 года подразделение зондеркоманды «Красная капелла» под началом штурмбаннфюрера СС Фридриха Панцингера совершило налет на конспиративную квартиру резидентуры Кента в Брюсселе на улице Артебатов, 101, и арестовало радиста Михаила Макарова (Хеймниц), шифровальщицу Софи Познанску (Ферунден), радиста-стажера Давида Ками (Деми) из парижской резидентуры Разведупра, которой руководил Леопольд Треппер (Отто), и хозяйку конспиративной квартиры Риту Арну (Джюльетта). Таким образом, нелегальная резидентура военной разведки в Бельгии, которой руководил Гуревич, была разгромлена, а он сам, чудом избежав ареста, скрылся на юге Франции, в Марселе.

Но что самое страшное, гестапо захватило зашифрованные тексты передававшихся сообщений, которые радисты не успели уничтожить. Теперь немцам требовалось только время и упорство, чтобы расшифровать сообщения передатчика Гуревича и выяснить имена и адреса берлинских подпольщиков, содержащиеся в радиограмме от 11 октября 1941 года.

Тем временем руководство внешней разведки искало другие пути для установления связи с берлинскими группами. В апреле 1942 года агент стокгольмской резидентуры ИНО Адам выехал в Берлин и установил контакт с Шульце — радистом Штебе Шульце. Во время встречи с Адамом Шульце сообщил, что радиостанции не работают по причине их неисправности и отсутствия батарей питания. Вернувшись в Стокгольм, Адам доложил о результатах поездки резиденту Борису Рыбкину (Кин), который немедленно информировал Москву. Тогда в Центре было принято решение о заброске в Германию агентов-парашютистов с рациями, которым предстояло выйти на связь с группой Старшины и наладить радиопередачи.

5 августа 1942 года в тылу немецко-фашистских войск в районе Брянска были сброшены с парашютами два агента: Альберт Хесслер (Франц), старый член КПГ и

боец испанских интербригад, прошедший обучение в разведшколе НКВД, и Роберт Барт (Бек), коммунист, попавший в плен в начале войны и согласившийся сотрудничать с советской разведкой. Оказавшись в Германии, они должны были раздельно направиться в Берлин, где Хесслеру предстояло вступить в контакт с радистом резидентуры Разведупра «Альта» Шульце или членами сети Старшины Шумахерами, а Барту — установить связь с агентом ИНО НКВД в гестапо Вилли Леманом (Брайтенбах). Прибыв в Берлин, Хесслер установил контакт с Шумахерами, а через них — с радистом Старшины Коппи. Они вместе принялись приводить в действие радиопередатчики, не подозревая, что гестапо уже вышло на их след.

Между тем кропотливая многомесячная работа гестапо по расшифровке перехваченных радиосообщений и захваченных при аресте радистов Гуревича шифрограмм в августе 1942 года увенчалась успехом. В результате были установлены личности и адреса Харнака, Шульце-Бойзена и радиста Штебе Шульце, за которыми было установлено постоянное наблюдение.

В конце августа член группы Шульце-Бойзена Хорст Хальнеманн, имевший связи в шифровальном отделе ОКВ, узнал о том, что гестапо подобрало ключи к радиопередачам советских подпольных агентов. Он попытался предупредить Старшину, но было уже поздно. Среди подпольщиков начались аресты. 31 августа 1942 года был арестован Х. Шульце-Бойзен, 3 сентября арестован А. Харнак и жена Шульце-Бойзена Либертас, 12 сентября арестована И. Штебе. Вслед за ними были арестован А. Кукхоф, В. Леман, а также другие члены групп Корсиканца, Старшины и Старика. Более того, воспользовавшись тем, что в Центре не смогли понять сигнал Барта и Хесслера о работе под контролем, немецкая контрразведка начала сложную радиоигру «функшпиль» с Москвой.

8 октября 1942 года гестапо якобы от имени «Альты» послало в Москву сообщение с просьбой выслать деньги

и новые инструкции для ее агента в министерстве иностранных дел, чтобы активизировать его деятельность, ставшую в последнее время несколько пассивной. В Разведупре приняли это сообщение за чистую монету. Поэтому в середине октября агент Разведупра Генрих Кенен (Генри) был сброшен с парашютом в Восточной Пруссии. Он должен был под видом направляющегося в краткосрочный отпуск солдата-фронтовика прибыть в Берлин и установить контакт со Штебе и фон Шелией. В качестве вещественного пароля к Арийцу у него была расписка последнего на полученные в 1938 году 6500 долларов.

Но по приезде в Берлин Кенен сразу же попал в руки гестапо, сотрудники которого обнаружили у него передатчик, деньги и расписку. Получив необходимые доказательства, немецкая контрразведка в конце октября немедленно арестовала только что вернувшегося из Швейцарии фон Шелию. Он был подвергнут допросу с применением пыток и рассказал все, что знал. Кроме того, он был использован для очных ставок со Штебе, которая до этого категорически отрицала свою причастность к подпольной деятельности. Несмотря на жестокие пытки, она не выдала никого. Поэтому все остальные члены ее подпольной группы избежали ареста и дожили до конца войны.

В ходе следствия по берлинским подпольным группам гестапо было арестовано 130 человек. Причем многие из них не занимались разведывательной работой в пользу СССР, а являлись антифашистами. Но руководство нацистских спецслужб, и прежде всего начальник гестапо Генрих Мюллер и начальник внешней разведки СД Вальтер Шелленберг, всех арестованных причислили к советским агентам. Уже после войны, пытаясь как-то оправдаться, Шелленберг, характеризуя деятельность берлинских подпольных групп, в своих воспоминаниях писал:

«Русские благодаря регулярно поставленной информации были лучше осведомлены о нашем положении с

сырьем, чем даже начальник отдела военного министерства, до которого такая информация не доводилась вследствие бюрократических рогаток и трений между различными ведомствами... Фактически в каждом министерстве рейха среди лиц, занимавших ответственные посты, имелись агенты русской секретной службы, которые могли использовать для передачи информации тайные радиопередатчики»¹⁶.

Гитлер, Геринг и Гиммлер лично следили за ходом следствия. Чтобы дело «Красной капеллы» не получило огласки, его объявили совершенно секретным. На допросах в гестапо от пыток погибли семь человек, а еще трое покончили жизнь самоубийством. Состоявшийся в декабре 1942 года суд приговорил руководителей подполья к смертной казни, огласив 6 января 1943 года следующий приговор:

«Имперский военный суд

2-я судебная коллегия

Секретное дело командования

ПРИГОВОР ВОЕННО-ПОЛЕВОГО СУДА

именем немецкого народа!

2-я судебная коллегия имперского военного суда на заседании 19 декабря 1942 года на основании устного судебного разбирательства 15—19 декабря 1942 года постановила приговорить подсудимых Х. Шульце-Бойзена, Л. Шульце-Бойзен, д-ра А. Харнака, Г. Гольнова, Х. Хальнеманна, К. и Э. Шумахер, Г. Коппи, К. Шульце, И. Грауденца к смертной казни, за исключением Э. фон Брокдорф и М. Харнак, приговоренных к 10 и 6 годам каторжной тюрьмы соответственно, длительному поражению в гражданских правах; а в отношении военнослужащих, кроме того, лишению воинских званий и знаков отличия.

Имущество подсудимых Харро Шульце-Бойзена, доктора Арвида Харнака, Курта Шумахера и Иоганнеса Грауденца конфискуется.

Кроме того, с подсудимого Ганса Коппи взыскивается 2500 германских марок, с подсудимого Курта Шульце — 2100 германских марок...»¹⁷.

Всего по приговору суда было казнено 49 антифашистов. Более 25 человек приговорены в общей сложности свыше чем к 130 годам каторги, а еще пятеро получили вместе 40 лет тюремного заключения. Восемь осужденных были направлены для «искупления вины» на фронт. Но далеко не все участники берлинской сети «Красной капеллы» были схвачены гестапо. Как следует из документов, хранящихся в архиве Службы внешней разведки России, больше половины подпольщиков остались на свободе и продолжили борьбу в рядах организаций Сопротивления, возглавляемых Антоном Зефковым, Францем Якобом, Бернхардом Бестляйном и другими коммунистами.

В Советском Союзе не забыли отважных подпольщиков. После войны за помощь, оказанную в разгроме гитлеровской Германии, Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен были посмертно награждены орденами Красного Знамени.

Наш человек в гестапо

Рассказывают, что когда генсек Леонид Ильич Брежнев первый раз посмотрел фильм «Семнадцать мгновений весны», то немедленно дал распоряжение представить Исаева-Штирлица к званию Героя Советского Союза. И каково же было его удивление, когда ему сообщили, что такого разведчика не существовало, а образ Штирлица — собирательный. Несмотря на это, многих до сих пор интересует: был ли у советской разведки свой человек в нацистских спецслужбах?

Здесь надо ответить прямо — советского разведчика-нелегала в VI управлении (внешняя разведка) Главного имперского управления безопасности (РСХА) не было. Дело в том, что VI управление, или внешняя СД — служба безопасности СС, было органом нацистской партии, а кандидаты на работу там проходили всестороннюю тщательную проверку. И при всем желании невозможно было создать для разведчика легенду, которая такую проверку выдержала бы. А вот завербованные агенты в РСХА у советской разведки имелись. Одним из них был Вилли Леман, кадровый сотрудник IV управления (гестапо), о котором и пойдет речь.

Вилли Леман родился в 1884 году в Саксонии недалеко от Лейпцига в семье учителя. После школы стал уче-

ником столяра, но, когда ему исполнилось 17 лет, круто поменял профессию и добровольцем поступил на службу в имперский военно-морской флот. Получив специальность артиллериста, Леман побывал во многих дальних морских походах, а в мае 1905 года даже наблюдал знаменитое Цусимское сражение.

В 1911 году Леман демобилизовался в чине старшины-артиллериста и поступил на службу в берлинскую полицию. Будучи весьма способным человеком и добросовестным служакой, он быстро сделал карьеру и к 1914 году из простого полицейского стал сотрудником политического отдела берлинского полицей-президиума, который занимался в числе прочего и контрразведкой. Прекрасно зарекомендовав себя во время Первой мировой войны, Леман в 1920 году был назначен на должность дежурного по контрразведывательному отделу, что позволяло ему быть в курсе наиболее важных операций, проводимых немецкими спецслужбами.

Мотивы, по которым Леман стал сотрудничать с советской разведкой, не вполне ясны. Он не был тщеславен и не имел каких-либо пагубных привычек, так как страдал заболеванием почек на почве диабета. В 1915 году он женился, но брак был бездетным. А в 20-е годы его жена Маргарита получила в наследство гостиницу и ресторан на одной из железнодорожных станций в Силезии, из чего можно сделать вывод, что в деньгах он особо не нуждался. Существует две точки зрения, почему Леман предложил свои услуги советской разведке. Первая принадлежит Вальтеру Шелленбергу, который в конце 30-х годов руководил контрразведывательным отделом гестапо. Рассказывая о Лемане в своих мемуарах, он поведал следующее:

«В нашем отделе, ведавшем промышленным шпионажем, служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть — лошадиные бега. В 1936 году он впервые

начал играть на ипподроме, и сразу же его увлекла эта страсть, хотя он проиграл большую часть своего месячного заработка. Знакомые дали потерпевшему неудачу новичку хорошие советы, и дядюшка Вилли утешился возможностью скоро отыграться. Он сделал новые ставки, проиграл и остался без денег.

В отчаянии, не зная, что делать, он хотел тут же покинуть ипподром, но тут с ним заговорили двое мужчин, которые явно видели его неудачу. «Ну и что ж с того, — произнес тот, кто назвал себя Мецгером, — со мной такое раньше тоже случалось, так что нечего вешать голову».

Мецгер проявил понимание к страстишке дядюшки Вилли и предложил ему в виде помощи небольшую сумму денег, с условием, что он будет получать пятьдесят процентов от каждого выигрыша. Дядюшка Вилли согласился, но ему опять не повезло — и он проиграл. Он получил новую субсидию и на этот раз выиграл. Но эти деньги ему теперь были крайне необходимы для семьи. Однако Мецгер предъявил ему счет. Он потребовал вернуть все полученные за игру деньги, и, поскольку дядюшка Вилли не в состоянии был расплатиться, пригрозил заявить об этом вышестоящему начальству. Во время этого разговора Л. был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного «друга». За предоставление новой ссуды он обещал передавать ему информацию из центрального управления нашей разведки. Отныне он состоял на службе у русских»¹.

Впрочем, безоговорочно доверять словам Шелленберга было бы неразумно. Во-первых, он известен своими фантазиями, порожденными его непомерным тщеславием. А во-вторых, вербовка Лемана в изложении Шелленберга не имеет ничего общего с действительностью. Правда, этому есть объяснение, но о нем позже. Другая точка зрения принадлежит последнему оператору Лемана Борису Журавлеву, который считает, что тот начал работать на советскую разведку по идейным соображениям. В интервью писателю Теодору Гладкову он заявил:

«Я и сегодня не сомневаюсь, что Леман работал исключительно на идейной основе. Хоть и кадровый полицейский, он был антинацистом. Возможно, даже именно поэтому. Тем более что, очутившись в гестапо, видел изнутри, насколько преступен гитлеровский режим, какие несчастья он несет немецкому народу.

В самом деле, после временного разрыва с нами связи он сам восстановил ее в 1940 году, прекрасно сознавая, что в случае разоблачения ему грозит не увольнение со службы, не тюрьма, а мучительные пытки в подвалах своего ведомства и неминуемая казнь. Такой судьбой никого ни за какие деньги не соблазнишь. К тому же Леман был человеком в годах, без юношеской экзальтации и романтизма, он все прекрасно понимал и шел на смертельный риск совершенно осознанно»².

Но, думается, что истина лежит где-то посередине. Действительно, к набирающему силу нацизму Леман относился отрицательно, но в то же время не испытывал симпатий и к коммунистам. Будучи свидетелем ужасов Первой мировой войны, он был сторонником мира с Россией, но во время его первых контактов с советской разведкой Гитлер еще не пришел к власти. Как и всякий немец, он умел считать деньги и понимал, что его жалованья не хватит, чтобы поддерживать доставшиеся жене в наследство гостиницу и ресторан в надлежащем состоянии. Кроме того, после выхода на пенсию он собирался открыть в Берлине частное сыскное бюро. Поэтому с советской разведкой Леман начал сотрудничать исключительно по материальным соображениям. Об этом говорит и тот факт, что с 1934 по 1938 год он получал от своих операторов 580 марок ежемесячно.

Первый раз Леман встретился с сотрудником берлинской резидентуры ИНО ОГПУ в 1929 году, но этому предшествовал целый ряд длительных и взаимных проверок. Все началось в 1923 году, когда сотрудник контрразведывательного отдела полиции-президиума Берлина

в чине криминальoberвахмистра Эрнст Кур за дисциплинарное нарушение был уволен со службы без права на получение пенсии. Оставшись без работы, Кур перебивался тем, что красил берлинские крыши, да еще время от времени ему помогали бывшие сослуживцы. Жена Кура, не желая терпеть материальные лишения, подала на развод. Но так как Куру некуда было уходить, то они продолжали жить под одной крышей. Однажды бывшая жена Кура обнаружила среди его вещей служебные бумаги и сообщила об этом в полицию. У Кура был произведен обыск, в результате которого были изъяты секретные документы. Как они к нему попали, Кур уже не помнил, но, несмотря на это, ему грозил суд. Однако полиция не захотела выносить сор из избы, и дело замяли.

Приблизительно в это же время Кур попросил в долг у Лемана, который помогал ему и раньше. Леман не отказал, но неожиданно посоветовал поискать источник доходов в советском полпредстве. Последовав совету, Кур в конце 1928 года отправил в полпредство СССР в Берлине письмо, в котором предложил свои услуги. А в начале 1929 года состоялась его первая встреча с работником резидентуры ИНО ОГПУ в Берлине. Во время обстоятельного разговора Кур выразил согласие за материальное вознаграждение работать на советскую разведку, сообщая сведения, которые мог узнать от своих знакомых в полиции. Центр одобрил вербовку Кура, который получил псевдоним А/70 (позднее Раупе).

Леман, к которому Кур стал обращаться за интересующими его сведениями, понял, что тот стал работать на русских. Убедившись в безопасности таких контактов, Леман в конце лета 1929 года и сам через Кура установил связь с берлинской резидентурой ИНО. В Москве вербовку Лемана, которому был присвоен псевдоним А/201 (позднее Брайтенбах), сочли большой удачей. 7 сентября Центр направил в Берлин телеграмму, в которой говорилось:

«Ваш новый агент А/201 нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест, где при малейшей неосторожности со стороны А/201 или А/70 может произойти много бед. Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201»³.

В Берлине тоже понимали необходимость соблюдения максимальной осторожности при контактах с Леманом. В ответной телеграмме в Москву по этому поводу говорилось: «Опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается, и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей»⁴.

В результате было решено, что связь с Леманом станет поддерживать через Кура нелегальный резидент внешней разведки в Германии Эрих Такке (Бом). Но, как выяснилось, такая организация связи оказалась ненадежной. Дело в том, что Кур имел склонность сорить деньгами, увлекался женщинами и вином, иногда бывал излишне болтлив. Кроме того, Леману стало известно, что полиция начала проявлять интерес к Куру в связи с тем, что его вторая жена распространяла журнал МОПР (Международная организация помощи борцам революции). Поэтому было решено вывести Кура из цепочки связи. В 1932 году по указанию начальника ИНО Артура Артузова он был передан на связь нелегалу Карлу Гурскому (Монгол), а также сменил прикрытие, став при помощи советской разведки совладельцем небольшого кафе. Что же касается Лемана, то связь с ним после отъезда Такке из Германии поддерживал сотрудник легальной берлинской резидентуры Израилович (Генрих).

Гурский Карл

1902 — ?

Родился в Брауншвейге (Германия). После окончания школы приехал в Китай к брату-коммерсанту. В Харбине был завербован С. М. Шпигельглазом. До 1937 г. работал в нелегальной резидентуре в Берлине. Отозван в Москву. Награжден именным оружием.

Разведывательные возможности Лемана были огромны. В 1930 году ему была поручена «разработка» советского посольства в Берлине, а в конце 1932 года переданы все дела по польскому шпионажу в Германии, которые представляли большой интерес для советской разведки. Сведения, передаваемые им, трудно переоценить. Например, в марте 1933 года он по заданию Москвы сумел посетить берлинскую тюрьму Моабит и подтвердить, что лидер немецких коммунистов Эрнст Тельман находится именно там. А в справке о работе Лемана, составленной в 1940 году начальником немецкого отделения Павлом Журавлевым, говорилось: «За время сотрудничества с нами с 1929 г. без перерыва до весны 1939 г. Брайтенбах передал нам чрезвычайно обильное количество подлинных документов и личных сообщений, освещавших структуру, кадры и деятельность политической полиции (впоследствии гестапо), а также военной разведки Германии. Брайтенбах предупреждал о готовящихся арестах и провокациях в отношении нелегальных и «легальных» работников резидентуры в Берлине... Сообщал сведения о лицах, «разрабатываемых» гестапо, навел также справки по следственным делам в гестапо, которые нас интересовали...»⁵.

26 апреля 1933 года, после прихода нацистов к власти, Геринг учредил государственную тайную полицию (гестапо), в которую вошел и отдел Лемана. Через год в день рождения фюрера Леман был принят в СС, где получил звание гауптштурмфюрера и повышен в должности до криминалькомиссара. О доверии, которым Леман пользовался у нацистов, говорит тот факт, что Геринг включил его в свою свиту во время «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года, когда по приказу Гитлера было ликвидировано руководство штурмовых отрядов (СА) во главе с Ремом. А в канун 1936 года Леман в числе четырех сотрудников гестапо был награжден портретом фюрера с его автографом.

В 1934 году оператором Лемана стал прибывший в Германию разведчик-нелегал Василий Зарубин. Следуя

указаниям Центра, он ориентировал Лемана прежде всего на работу по освещению деятельности СД, гестапо и абвера. И уже через некоторое время в Москву был направлен годовой отчет гестапо. Кроме того, от Лемана поступала важная информация о техническом оснащении и вооружении вермахта. Так, от него были получены описания новых типов артиллерийских орудий, в том числе дальнобойных, минометов, бронетехники, бронебойных пуль, специальных гранат и твердотопливных ракет для газовых атак. В 1936 году он сообщил о создании фирмой «Хейнкель» нового цельнометаллического бомбардировщика, о новом цельнометаллическом истребителе, специальной броне для самолетов, огнеметном танке, строительстве на 18 су-доверфях Германии подводных лодок, предназначенных для операций в Северном и Балтийском морях. Не менее важной была переданная Леманом информация о том, что под личным контролем Геринга на заводах фирмы «Браваг» в Силезии в обстановке строжайшей секретности проводятся опыты по получению бензина из бурого угля.

Огромное значение имели поступившие от Лемана в конце 1935 года сведения о начале работ по созданию ракет на жидком топливе под руководством Вернера фон Брауна. В докладе объемом 6 страниц Леман, в частности, писал: «В лесу, в отдаленном месте стрельбища, устроены постоянные стенды для испытания ракет, действующих при помощи жидкости. От этих новшеств имеется немало жертв. На днях погибли трое». Доклад Лемана в декабре 1935 года был направлен Сталину и наркому Ворошилову, а в январе 1936 года — начальнику вооружения РККА Михаилу Тухачевскому. Начальник Разведупра РККА Семен Урицкий, которого также ознакомили с докладом, возвратив его, приложил к нему вопросник. В первом пункте вопросника говорилось:

«Ракеты и реактивные снаряды.

1. Где работает инженер Браун? Над чем он работает? Нет ли возможности проникнуть к нему в лабораторию?

2. Нет ли возможности связаться с другими работниками в этой области?»⁶.

Эти вопросы были переданы Леману, и уже в мае 1936 года он сообщил дислокацию 5 секретных полигонов для испытания нового вида оружия, в том числе особо охраняемого лагеря Дебериц около Берлина.

Тогда же Леман внезапно оказался на грани провала. Арестованная гестапо некая Дильтей на допросах заявила, что советская разведка имеет в политической полиции своего агента по фамилии Леман. За Леманом было установлено наблюдение, но вскоре выяснилось, что Дильтей оговорила своего бывшего любовника, тоже Лемана, который также работал в гестапо.

В марте 1937 года Зарубин вернулся в СССР, и контакты с Леманом стала поддерживать Мария Вильковская (Маруся), жена сотрудника легальной резидентуры в Берлине Александра Короткова. Связь осуществлялась через хозяйку конспиративной квартиры Клеменс. Она была иностранкой, практически не владела немецким языком и поэтому использовалась только в качестве «почтового ящика». Леман оставлял у нее материалы в запечатанном пакете, который потом забирала Вильковская. Так продолжалось до октября 1937 года, когда Вильковскую и Короткова отозвали в Москву. Ее сменил оставшийся единственным оперативным работником берлинской легальной резидентуры Александр Агаянц (Рубен). Но и он в ноябре 1938 года покинул Берлин в связи с резко ухудшившимся состоянием здоровья.

Агаянц Александр Иванович

1900 — 12.1938.

Старший брат И. И. Агаянца. Родился в Елизаветпольской губернии (ныне г. Гянджа, Азербайджан) в семье счетовода (позднее отец стал сельским учителем и священником, в 1924 г. отрекся от духовного сана). В 1918 г. окончил 8-классную Елизаветпольскую гимназию.

Член РКП(б) с 1919 г. Во время Гражданской войны работал в подполье в Азербайджане. Член Елизаветпольского окружного комитета РКП(б). После установления советской власти с мая 1920 г. — секретарь отдела по работе в деревне при уездном комитете партии.

В 1920—1922 гг. — в органах ЧК, затем на партийной работе в Азербайджане. Окончил два курса Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

С 1926 г. вновь в органах ОГПУ. Уполномоченный, начальник 7-го отделения ИНФО и ПК ОГПУ (1929—1931), начальник отделения ОО полпредства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю (Иркутск, 1932—1934). В 1934—1937 гг. работал в Париже. В мае 1937 г. возглавил берлинскую легальную резидентуру. Восстановил связь с агентом в гестапо Брайтенбахом (Вилли Леман) и агентом в МИДе Винтерфельдом.

Леман, крайне обеспокоенный создавшейся ситуацией, в одном из последних сообщений, переданных через Клеменс, писал: «Как раз когда я мог бы заключать хорошие сделки, тамошняя фирма совершенно непонятным для меня образом перестала интересоваться деловой связью со мной». Эти слова можно назвать пророческими. В декабре 1938 года Агаянц умер во время операции — и связь с Леманом прервалась на долгие два года.

Между тем разведывательные возможности Лемана продолжали увеличиваться. 27 сентября 1939 года приказом Гиммлера было создано Главное имперское управление безопасности (РСХА) во главе с Рейнгардом Гейдрихом, куда на правах управлений были включены: внутренняя СД (III управление), гестапо (IV управление), криминальная полиция (V управление) и внешняя СД (VI управление). На гестапо, начальником которого был назначен Генрих Мюллер, кроме политического сыска были возложены и функции контрразведки. В связи с этим в октябре 1939 года по указанию Гейдриха в гестапо был создан новый отдел — IV-Е, на который и воз-

лагались контрразведывательные задачи. Начальником реферата IV-E-1, занимающегося общими вопросами контрразведки и контрразведкой на заводах рейха, был назначен Леман.

Однако связи с представителями советской разведки не было, и в июне 1940 года Леман решился на отчаянный шаг — подбросил в почтовый ящик советского посольства в Берлине письмо, адресованное военному атташе или его заместителю. В нем он просил возобновить прерванный с ним в 1939 году контакт. «Если это не будет сделано, — писал он, — то моя работа в гестапо потеряет всякий смысл». В письме были указаны место и время встречи и пароль для вызова по телефону. Письмо Лемана попало в Разведуправление РККА, откуда было направлено в ИНО НКВД с припиской: «Возможно, здесь идет речь о человеке, который Вас интересует». Прочитав письмо, заместитель начальника ИНО Павел Судоплатов отправил его в немецкое отделение, наложил резолюцию: «Журавлеву, Короткову. Известен ли вам он? Не о нем ли говорил т. Зарубин?»⁷.

Ознакомившись с письмом и материалами оперативного дела Брайтенбаха, начальник отделения Павел Журавлев составил справку, на основании которой руководство разведки приняло решение возобновить контакт с Леманом. В августе 1940 года в Берлин под прикрытием должности третьего секретаря посольства был направлен Александр Коротков (Степанов), перед которым была поставлена задача возобновить контакты с Леманом и Арвидом Харнаком (Корсиканец), одним из руководителей агентурной сети «Красная капелла». В первых числах сентября 1940 года связь с Леманом была восстановлена. А 9 сентября нарком внутренних дел СССР Берия лично направил Короткову указания о направлениях работы с Брайтенбахом. В частности, он писал: «Никаких специальных заданий Брайтенбаху давать не следует, а нужно брать пока все, что находится в непосредственных его возможностях и, кроме того, то,

что будет знать о работе разных разведок против СССР, в виде документов, не подлежащих возврату, и личных докладов источника»⁸.

Журавлев Павел Матвеевич

29.12.1898 — 1.07.1956. Генерал-майор (1945).

Родился в с. Красная Сосна Корсунского уезда Симбирской губернии в зажиточной крестьянской семье. В 1910 г. окончил сельскую школу, поступил в Симбирскую гимназию. В 1914 г. перевелся в Казанскую гимназию, которую и окончил в 1917 г. За время учебы неоднократно исключался за участие в социал-демократических кружках.

В 1917 г. работал переписчиком во время сельскохозяйственной переписи в г. Тетюши.

С ноября 1917 г. — в Красной гвардии. В 1917—1918 гг. работал делопроизводителем в штабе Казанского ВО (муж его сестры — комиссар штаба округа Родионов), одновременно окончил два курса медицинского факультета Казанского университета. Владел французским и итальянским языками.

В феврале — августе 1918 г. — член Военно-окружной коллегии РККА.

В августе 1918 г., после занятия Казани белогвардейцами, П. М. Журавлев бежал из города, однако был ими мобилизован санитаром в плавучий госпиталь. В сентябре 1918 г., при эвакуации белых, вновь бежал, скрывался, перешел линию фронта и присоединился к частям 27-й дивизии РККА в районе г. Бугульмы.

С осени 1918 г. — в органах ВЧК. С декабря 1918 г. — секретарь агентуры ОО 5-й армии. С марта 1919 г. — младший военный контролер и военный цензор при Приволжском ВО. Затем помощник начальника Казанского отделения военной цензуры РВСР. В мае 1919 г. вступил в РКП(б). С 1920 г. — начальник военной цензуры ОО Западного фронта.

С мая 1921 г. П. М. Журавлев работает в Татарском отделе ГПУ: оперуполномоченный, начальник ОО, с 1922 г. — начальник КРО, с 1923 г. — начальник СОЧ.

В 1924—1925 гг. — заместитель начальника СОЧ ГПУ Крыма. В 1925 г. — начальник Севастопольского окротдела ОГПУ и заместитель начальника ОО Черноморского флота.

В декабре 1925 г. направлен в Ковенскую резидентуру КРО под прикрытием должности второго секретаря полпредства СССР в Литве. Работая в Литве и других странах под дипломатическим прикрытием, числился в кадрах НКВД как П. М. Днепров. В 1926 г. переведен в ИНО ОГПУ (псевдоним Макар), продолжая работать в Ковно.

В июле 1927 г. отозван в СССР. Работал уполномоченным в центральном аппарате ИНО ОГПУ.

С декабря 1927 г. П. М. Журавлев — резидент в Праге под прикрытием должности второго секретаря полпредства СССР в Чехословакии. В феврале 1931 г. переведен резидентом в Анкару под прикрытием должности атташе полпредства СССР в Турции. В ноябре 1932 г. отозван в СССР.

С января 1933 г. — резидент в Риме под прикрытием должности второго секретаря, а затем и. о. первого секретаря полпредства СССР в Италии. В 1936 г. возглавляемая П. М. Журавлевым резидентура добилась больших успехов: были получены списки агентурной сети итальянской разведки в черноморских портах Советского Союза, сведения об использовании ею украинских националистов против СССР, налажено регулярное получение почты английского посольства. Также удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой первого секретаря посольства Болгарии в Риме Ивана Стаменова.

В 1938 г. отозван в Москву, получил звание капитана госбезопасности. Работал в 5-м отделе ГУГБ НКВД заместителем начальника 3-го, а затем 7-го отделений, начальником 2-го, с 1939 г. — 1-го (немецкого) отделения.

П. М. Журавлев создал и возглавлял группу аналитиков по определению планов Германии в отношении СССР. В 1940 г. он восстановил контакт с И. Стаменовым, назначенным послом Болгарии в СССР. Через него шла информация о политике Болгарии накануне Второй мировой войны. После нападения Германии на СССР И. Стаменов представлял интересы Германии в СССР.

В 1941 г. П. М. Журавлев — начальник 2-го отделения 1-го отдела 1-го управления НКВД, а с февраля того же года — начальник 1-го отдела 1-го управления НКГБ (затем НКВД) СССР, старший майор госбезопасности.

5 апреля 1942 г. он был направлен в Тегеран в качестве руководителя одной из резидентур, действовал под прикрытием должности первого секретаря советского полпредства. С 1943 г. — главный резидент внешней разведки в Иране. При непосредственном участии П. М. Журавлева была раскрыта попытка немецкой разведки организовать покушения на глав держав антигитлеровской коалиции, находившихся на Тегеранской конференции.

Интересна следующая фраза из служебной характеристики на П. М. Днепрова (Журавлева) от 14 июня 1944 г., подписанной советским послом в Иране Смирновым: «К делу относится без особой любви, ставя непосредственно посольскую работу на второй план. Все внимание уделяет спецработе, которую считает основной».

В октябре 1943 г. П. М. Журавлев был переведен легальным резидентом в Каир, действовал под прикрытием должности первого секретаря советской дипломатической миссии. Некоторое время исполнял обязанности поверенного в делах СССР в Египте. Для выполнения разведывательных заданий Центра выезжал в Ливан и Сирию. 31 мая 1945 г. ему был присвоен дипломатический ранг советника 2-го класса.

После возвращения из Египта П. М. Журавлев работал начальником ИНФО ПГУ МГБ СССР (с 1947 г.). После реорганизации внешней разведки был назначен начальником Управления дезинформации и заместителем председателя Комитета информации при СМ СССР В. М. Молотова. С января 1952 г. он заместитель начальника ПГУ МГБ СССР (с марта 1953 г. — ВГУ МВД СССР).

В 1954 г. вышел на пенсию.

Награжден орденом Ленина (1945), двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом «Знак Почета», многими медалями, знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (1924).

Умер в Москве.

Коротков поддерживал связь с Леманом до конца 1940 года, а потом его оператором стал сотрудник легальной берлинской резидентуры Борис Журавлев (Николай). Информация, поступающая от Лемана в этот период, носила крайне тревожный характер. Так, в середине марта 1941 года он сообщил, что в абвере срочно усиливаются отделы, работающие против СССР, а 28 мая — о том, что в его отделе составляется график круглосуточного дежурства сотрудников. А во время последней встречи с Журавлевым, состоявшейся 19 июня, Леман сообщил, что в РСХА получен приказ вермахту 22 июня в 3 часа начать военные действия против СССР.

После начала войны связь с Леманом прервалась окончательно. А единственная попытка наладить ее, предпринятая в 1942 году, закончилась трагически. 5 августа 1942 года в тылу немецких войск в районе Брянска были сброшены с парашютами два агента: Артур Хесслер (Франц) и Роберт Барт (Бек). Перед ними была поставлена задача проникнуть в Берлин, где Хесслеру предстояло установить связь с членами агентурной сети «Красная капелла», а Барту — с Леманом. Но гестапо уже вышло на след «Красной капеллы», и в конце августа начались аресты ее членов. Вместе с ними был арестован и Барт. На допросах в гестапо он не выдержал, выдал Лемана и, более того, согласился участвовать в радиоигре с Москвой.

Лемана арестовали в начале декабря 1942 года. Как рассказала после войны его жена Маргарита, Лемана срочно вызвали на службу, и больше она его не видела. В архивах гестапо по делу «Красная капелла» Леман не упоминается, хотя Барт там фигурирует. Сохранилась лишь его регистрационная карточка в архиве тюрьмы Плетцензее в Берлине. Вполне возможно, что дело Лемана было уничтожено, дабы не бросать тень на гестапо, в рядах которого оказался советский агент. Поэтому неизвестно, что следователи смогли вытянуть из него. Но,

судя по мемуарам Шелленберга, Леману удалось основательно их запутать. В безнадежной попытке спасти себе жизнь Леман объяснил свое предательство шантажом со стороны члена КПП немца Мецгера, а также сумел убедить гестапо в том, что начал работать на него только в 1936 году.

Однако участь Лемана была решена. И в том же 1942 году один из сослуживцев Лемана тайком сообщил его жене, что ее муж почти сразу после ареста был расстрелян.

Охота на генерала Власова

Имя генерал-лейтенанта Власова хорошо известно всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны. Перешедший на сторону немцев, он выступил с инициативой организации Русской освободительной армии, задачей которой была бы борьба с советской властью. Разумеется, такая инициатива вызвала жесткую и справедливую реакцию со стороны руководства СССР. В результате органам госбезопасности было поручено ликвидировать Власова любым способом. Но прежде чем перейти к рассказу о многочисленных операциях, имевших целью обезвредить предателя, стоит коротко остановиться на его биографии.

Андрей Андреевич Власов родился 1 января 1901 года в селе Ломакино Покровской волости Сергачевского уезда Нижегородской губернии. Его отец был крестьянином-середняком, бывшим кирасиром лейб-гвардии, старший брат, Иван Андреевич Власов, был расстрелян ЧК в 1918 году за участие в контрреволюционном заговоре.

Первоначально Власов учился в духовном училище, а потом в Нижегородской духовной семинарии. Затем поступил в Нижегородский университет на аграрный факультет, 1-й курс которого окончил в 1919 году.

Несмотря на трагическую смерть старшего брата, Власов в 1920 году поступил добровольцем в Красную Армию и был зачислен на Нижегородские пехотные курсы. Он принимал активное участие в Гражданской войне, воевал против Врангеля, Махно и др. В 1928 году Власов был направлен на учебу на стрелковые тактические курсы им. Коминтерна, после чего служил командиром батальона в 26-м полку 9-й Донской дивизии. В 1933 году после окончания Высших тактических курсов комсостава РККА «Выстрел» он был переведен в штаб Ленинградского ВО, а в феврале 1938 года назначен командиром 133-го полка 72-й стрелковой дивизии. Тогда же ему было присвоено звание «полковник».

Осенью 1938 года Власова направляют в Китай в качестве военного советника Чан Кайши, где он находился под фамилией Волков. Первоначально был начальником штаба главного военного советника А. Черепанова, а затем советником генерала Ян Сишана. В мае 1939 года, после возвращения Черепанова в СССР, Власов исполнял обязанности главного военного советника при Чан Кайши и был награжден им орденом Золотого Дракона и золотыми часами. В ноябре 1939 года Власов вернулся в СССР и был назначен командиром 72-й дивизии. В дальнейшем генерал-майор Власов командовал поочередно несколькими дивизиями, был награжден орденом Ленина, а войну встретил в должности командира 4-го механизированного корпуса КОВО. В июле 1941 года его корпус попал в окружение под Бердичевом, но с боями вышел к своим. После этого Власов был назначен командующим 37-й армией и принимал участие в обороне Киева. Будучи вновь окружен, он со своими частями успешно вырвался из окружения, сохранив значительное число личного состава и техники вверенной ему армии.

В ноябре 1941 года, после личной встречи со Сталиным, Власова назначают командующим 20-й армией

Западного фронта, которая сыграла большую роль в остановке немецкого наступления под Москвой. В январе 1942 года его награждают орденом боевого Красного Знамени и производят в генерал-лейтенанты. В марте Власова назначают заместителем командующего Волховским фронтом, а в апреле — командующим 2-й Ударной армией.

В июне 1942 года 2-я армия начала наступление, которое сейчас признано неоправданным и полностью неподготовленным, но на котором настаивала Ставка. Будучи окруженными, солдаты армии героически сражались, о чем свидетельствуют ее потери — 10 000 человек было убито, 10 000 человек вырвались к своим и около 10 000 человек пропало без вести (из них часть ушли к партизанам, часть попали в плен). Такая же участь постигла и Власова, которого вместе с поваром Марией Вороновой 12 июля 1942 года в деревне Туховичи местный староста выдал немецкому патрулю 28-го пехотного корпуса.

Здесь надо отметить, что факт пленения Власова не вызвал в Москве особых эмоций. Сотрудники Особого отдела, докладывая о судьбе Власова, сообщали, что «на последних этапах вывода 2-й Ударной армии из окружения тов. Власов проявил некоторую растерянность». О его пленении в Ставке узнали из сообщения немецкого радио. 10 октября 1942 года приказом ГУК НКО № 0870 генерал-лейтенант Власов был объявлен пропавшим без вести, после чего о нем не вспоминали до весны 1943 года.

Что касается Власова, то его 13 июля 1942 года доставили в штаб 18-й армии вермахта. Там он был допрошен, после чего отправлен в Винницу, в Особый лагерь для пленного высшего состава РККА. Находясь в лагере, Власов в августе 1942 года вместе с полковником Боярским составили доклад на имя верховного командования вермахта, в котором утверждали, что население СССР приветствовало бы свержение сталинского режима. После

этого Власова в сентябре 1942 года перевозят в Берлин в распоряжение отдела пропаганды вермахта. В Берлине Власов и генерал Малышкин издают так называемый «Смоленский манифест». В апреле 1943 года Власов посетил Ригу, Псков, Гатчину, Остров, где выступал перед местным населением от имени «Русского комитета» и призывал к созданию Русской освободительной армии, призванной бороться со сталинским режимом и советской властью.

Безусловно, подобные выступления и заявления Власова не могли не быть замеченными компетентными органами. Одно из первых сообщений о Власове на имя Сталина поступило в Москву 7 апреля 1943 года из Белоруссии:

«Верховному главнокомандующему
Маршалу Советского Союза
товарищу Сталину И. В.

Партизанской разведкой установлено, что изменник, бывший командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Власов взял на себя руководство т. н. Русской народной армией.

В последних числах марта месяца Власов посетил части РНА в г. Борисов.

21 марта в издающихся в Белоруссии фашистских газетах помещена его статья «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом».

Нами даны указания Власова держать в поле зрения и организовать его ликвидацию.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии,

начальник Белорусского штаба
партизанского движения П. Калинин»¹.

Разумеется, это было далеко не единственное разведывательное донесение о деятельности Власова. Так, летом 1943 года военной разведкой на основе агентурных сведений был составлен следующий документ:

«Секретно

Народный Комиссариат Обороны Союза ССР
Главное Разведывательное Управление
Главного Политического
Управления Красной Армии
Начальнику 7-го отдела
полковнику тов. Бурневу
3 июня 1943 г. № 2372

Сообщаю дополнительные данные, полученные из агентурных источников, относительно т. н. Русской освободительной армии, возглавляемой Власовым.

Власов предложил германским военным властям создать антисоветскую армию из в/п (военнопленных. — А. К.) вскоре после своей сдачи в плен. Однако ход этому делу был дан только после разгрома германских войск под Сталинградом. В марте 1943 г. состоялась встреча Власова с Гитлером. Затем была созвана конференция в/п, проходящая под председательством Власова. Конференция приняла обращение к в/п о создании Русской освободительной армии. Немцы обещали «добровольцам» хорошее питание, одежду и т. д. Поступило 100 тыс. заявлений. По мнению информатора, заявление подавало подавляющее большинство в/п, т. к. из 3 млн в/п 1,3 млн к тому времени умерли от голода, болезней или были убиты.

Как одного из ближайших помощников Власова информатор называет б. Див. Комиссара Зык (правильно Зыков. — А. К.), якобы ранее работавшего в редакции газеты «Известия ЦИК». Зык будто бы заявил: «Я пошел против Сов. Союза, потому что не согласен с большевиками и являюсь сторонником Троцкого».

В штабе Власова работает бывший майор Николаев, который в беседе с информатором сказал, что он и многие другие приняли участие в создании Русской освободительной армии, чтобы спасти от верной смерти сотни тысяч в/п и улучшить условия их жизни. «Но мы

никогда не будем воевать против Кр. А., — сказал Николаев, — а когда получим оружие, то посмотрим еще, как его использовать».

Штаб Русской освободительной армии находится в Берлине (Викториештрассе, 51). Общий отдел штаба долгое время находился в Смоленске, а позднее — в Пскове.

Информатор сообщил, что помимо армии Власова немцы сформировали армию для борьбы с партизанами. Эта армия набрана из немцев, поляков, жителей оккупированных областей СССР и частью из в/п. Численность армии якобы 300 тыс. чел. Личный состав носит значки с буквами ЕКВД (значение этих букв неизвестно). Власов ходатайствовал о том, чтобы ему подчинили и эту армию, но немцы на это не согласились.

Нач. 2-го Управления
Главного Разведуправления Красной Армии
ген.-майор танковых войск Клопов
Зам. Нач. 1-го Отдела 2-го Управления
ГРУ Красной Армии
полковник Ткаченко»².

Эти и другие сообщения не могли не вызвать жесткой реакции со стороны Сталина. В результате Военная коллегия Верховного суда СССР заочно вынесла Власову смертный приговор, а в НКГБ СССР было заведено оперативное дело «Ворон». После этого на Власова началась планомерная охота. Задание обнаружить и ликвидировать Ворона получили практически все руководители разведывательных отрядов НКГБ, находящихся за линией фронта, — Карасев, Лопатин, Медведев и другие. Кроме того, для ликвидации Власова на оккупированные территории были заброшены специальные мобильные группы и агенты НКГБ. О масштабах охоты на Власова можно судить по следующему документу:

«Сов. секретно

экз. № 1

СССР

Народный Комиссариат
Государственной Безопасности
Государственный Комитет Оборона

27 августа 1943 г.

товарищу Сталину И. В.

№ 1767/м

г. Москва

Созданный немцами Русский комитет, как известно, возглавляется изменником Родины бывшим генерал-лейтенантом Красной Армии Власовым А. А. (впредь именуемым — Ворон).

Ворон, проживая постоянно в районе гор. Берлина, периодически посещает города Псков, Смоленск, Минск, Борисов, Витебск, Житомир и другие, где немцами организованы отделения Русского комитета и части Русской освободительной армии.

В целях ликвидации Ворона НКГБ СССР проводятся следующие мероприятия:

I. По гор. Пскову.

а) Редактором газеты Русского комитета — «Доброволец», издающейся в Пскове, является Жиленков Г. К., выдающий себя за генерал-лейтенанта Красной Армии.

Руководитель действующей в тылу противника оперативной группы НКГБ СССР т. Рабцевич донес, что Жиленков в Красной Армии являлся членом Военного совета 32-й армии.

Проверкой установлено, что Жиленков Г. Н., 1910 года рождения, по специальности техник, быв. секретарь Ростокинского райкома Московской организации ВКП(б), действительно являлся членом Военного совета 32-й армии в звании бригадного комиссара и с октября 1941 года считался пропавшим без вести.

В феврале — марте т. г. на некоторых участках фронта немцами разбрасывалась листовка с изображением фото-

графий членов Русского комитета во главе с Вороном. В одном из лиц, снятых на этой фотографии, опознан упомянутый выше Жиленков.

Для изучения возможности установления связи с Жиленковым, в целях его последующей вербовки и возможного привлечения к делу ликвидации Ворона, нами в район Псков — Порхов заброшена оперативная группа НКГБ СССР под руководством начальника отделения майора государственной безопасности тов. Корчагина, снабженного письмом от жены Жиленкова, проживающей в Москве и рассчитывающей, несмотря на то что она получает пенсию за «пропавшего» мужа, что он жив и находится в партизанском отряде.

Письмо жены, по нашим расчетам, должно:

1) напомнить Жиленкову о семье, в целях склонения его к принятию наших предложений участвовать в ликвидации Ворона;

2) убедить Жиленкова, что семья его пока не репрессирована и что от его дальнейшего поведения будет зависеть ее судьба;

3) доказать, что лицо, которое свяжется с Жиленковым от нашего имени, действительно прибыло из Москвы и не является подставой гестапо.

Если Жиленков согласится и примет участие в ликвидации Ворона, ему будет обещана возможность возвращения на нашу сторону и прощение его измены.

б) На случай, если Жиленков откажется от участия в деле ликвидации Ворона, НКГБ СССР подготовлена группа испанцев в 5 человек из быв. командиров и бойцов испанской республиканской армии, проверенных нами на боевой работе. Группу возглавляет тов. Гуйльон.

Гуйльон Франциско, 22-х лет, капитан Красной Армии, дважды направлялся в тыл противника со специальными заданиями, награжден орденом Ленина. Будучи мальчиком, состоял в рядах испанской республиканской армии и проявил себя в борьбе с фашистами положительно.

Группа Гуйльона будет придана тов. Корчагину и, в случае прибытия Ворона в район Пскова, использована для его ликвидации следующим образом.

На одном из участков Ленинградского фронта дислоцируется Голубая дивизия, подразделения которой часто выходят в район Пскова. Появление в Пскове нашей оперативной группы испанцев, одетых в форму Голубой дивизии, знающих испанский язык и снабженных соответствующими документами, не привлечет особого внимания со стороны местной администрации.

Перед испанцами поставлена задача проникнуть под благовидным предлогом к Ворону и ликвидировать его.

Наряду с этим перед оперативной группой тов. Корчагина поставлена задача изыскать на месте и другие возможности для выполнения задания.

II. По гор. Смоленску.

а) Для подготовки необходимых мероприятий и проведения операции в Смоленске нами заброшен в тыл противника старший оперуполномоченный НКГБ СССР, старший лейтенант государственной безопасности тов. Волков, в помощь которому выделены следующие агенты:

1. Клере <...> 1898 года рождения, русский, беспартийный, инженер-электрик, с органами НКВД-НКГБ сотрудничает с 1930 года. Использовался по диверсионной работе в Испании, неоднократно успешно выполнял боевые задания. Смелый, решительный человек, владеет немецким языком.

2. Густов <...> 1905 года рождения, немец, член германской коммунистической партии, политэмигрант, участвовал в гражданской войне в Испании и зарекомендовал себя как честный, боевой человек. Выполнял ряд специальных заданий НКГБ СССР и проявил себя с положительной стороны.

Перед оперативной группой т. Волкова поставлена задача связаться с заброшенной нами в октябре — ноябре 1942 года в гор. Смоленск группой резидентов, располагающих необходимыми связями.

Клере и Густав, знающие немецкий язык, нами снабжаются формой немецких офицеров и, в случае прибытия Ворона в гор. Смоленск, должны проникнуть к нему под видом германских офицеров.

Тов. Волкову также придана оперативная группа НКГБ в составе 22 человек под командованием ст. лейтенанта тов. Погодина, которая нами направлена в район города Невель, где, по имеющимся данным, дислоцируется штаб Ворона на случай его приезда в Невель.

б) Управлением НКГБ по Смоленской области для проведения подготовительной работы по ликвидации Ворона в район Рославля заброшена оперативная группа в составе 5 человек.

Руководитель группы Скобелев Александр Андреевич, 1916 года рождения, член ВЛКСМ, уроженец Тульской области, быв. работник жел. дор. милиции Смоленской области, в 1942 году находился на оккупированной противником территории Смоленской области и проявил себя положительно.

в) В Руднянский район Смоленской области заброшен агент Максимов с рацией и радисткой.

Максимов <...> 1919 года рождения, член ВЛКСМ со средним образованием, педагог, уроженец Руднянского района Смоленской области. Имеет опыт работы в тылу противника.

Максимову дано задание установить связь и использовать для работы вокруг Ворона заброшенного в июне 1942 г. в тыл противника УНКГБ по Смоленской области и осевшего в гор. Смоленске резидента Дубровский.

III. По гор. Минску.

а) НКГБ Белорусской ССР переброшена в район Минска оперативная группа из ответственных работников и проверенной агентуры НКГБ БССР, возглавляемая подполковником государственной безопасности тов. Юриным С. В. Для выполнения поставленной задачи в гор. Минске группа располагает следующими возможностями:

1) В Минске проживает агент НКГБ БССР Иванов <...>

Иванов, 1909 года рождения, белорус, с высшим образованием, литератор, профессор, в прошлом участник контрреволюционной организации «Союз вызволения Белоруссии». Иванов немцами произведен в академики и назначен заместителем генерального комиссара Белоруссии Кубэ <...>

2) В Минске также проживает агент НКГБ Пегас <...>

Пегас, 1896 года рождения, композитор, быв. начальник музыкального отдела управления по делам искусств Белорусской ССР. Пегас пользуется доверием у немцев и по их заданиям выступает по радио с профашистскими докладами.

Группе тов. Юрина дано задание тщательно проверить перечисленных выше агентов и, в зависимости от результатов проверки, использовать их для выполнения задачи.

Независимо от результатов проверки и переговоров с упомянутой агентурой, тов. Юрину дано задание установить связь и использовать для участия в операции по Ворону созданные НКГБ Белорусской ССР семь резидентур, в составе 27 осведомителей, в том числе:

1) резидент Саша <...> работает заведующим гаражом «Белорусской газеты», владеет немецким языком, пользуется доверием у немецких властей;

2) агент Заря <...> белорус, работает в отделе пропусков генерального комиссариата Белоруссии, имеет связи среди работников комиссариата и обеспечивает агентуру НКГБ БССР пропусками для прохода в гор. Минск.

В состав оперативной группы тов. Юрина входит также агент Учитель, уже бывший в Минске по заданию НКГБ Белорусской ССР.

Учитель <...> 1912 года рождения, беспартийный, уроженец гор. Хвалынска Саратовской области, с высшим образованием, окончил Белорусский педагогичес-

кий институт, до войны преподаватель средней школы в Сиротинском районе Минской области.

После оккупации Белоруссии остался работать в Сиротинской районной управе на должности инспектора школ. В сентябре 1942 года ушел в партизанский отряд Короткина, которым был выведен за линию фронта и после вербовки НКГБ БССР заброшен в гор. Минск с заданием создания агентурной сети.

По заданию НКГБ БССР Учитель через завербованного агента осуществил ликвидацию одного из видных деятелей «Белорусской национальной самопомощи»...

Кроме того, в распоряжение тов. Юрина для обеспечения подготовки ликвидации Ворона приданы четыре оперативные группы НКГБ БССР, общей численностью 37 человек, действующие в районе Минска и имеющие опыт боевой работы в тылу противника.

б) НКГБ Белорусской ССР переброшена в район гг. Орши и Борисова оперативная группа в 5 человек, возглавляемая полковником государственной безопасности тов. Сотиковым.

Для выполнения поставленной задачи по Ворону тов. Сотикову предложено использовать:

1) оперативную группу НКГБ СССР в составе 8 человек, возглавляемую лейтенантом Соляником Ф. А., создавшим в Борисовском и Минском районах Белоруссии 2 резидентуры. Группа тов. Соляника успешно провела в тылу противника ряд диверсионных актов и имеет опыт боевой работы;

2) действующую в Оршанском районе Белоруссии оперативную группу НКГБ СССР в составе 47 человек, возглавляемую тов. Рудиным Д. Н., активно проявившим себя в тылу противника в борьбе с немецкими захватчиками.

IV. По гор. Витебску.

В районе Полоцк — Витебск действует оперативная группа НКГБ СССР под руководством майора тов. Морозова, располагающая до 1900 человек бойцов и командиров.

Группа тов. Морозова проводит активную подрывную работу в тылу противника.

В апреле с. г. в опергруппу явились следующие перебежчики из «Боевого союза русских националистов»:

1) Ведерников Федор Васильевич, 1911 года рождения, быв. командир батареи 23-й стрелковой дивизии 11-й армии, в августе 1941 года под Великими Луками, будучи ранен, был захвачен немцами в плен;

2) Леонов Дмитрий Петрович, 1912 года рождения, быв. радиотехник 599-го противотанкового полка, быв. военнопленный;

3) Нагорнов Петр Афанасьевич, 1922 года рождения, быв. боец противотанковой части № 1638, быв. военнопленный.

Перечисленные лица располагают связями среди бойцов и командиров создаваемых немцами частей Русской освободительной армии, дали ценные показания о разведывательной работе, проводимой немцами посредством участников этих частей, и изъявили желание принять активное участие в борьбе против немцев.

Ведерников, Леонов и Нагорнов назвали ряд лиц из состава РОА, которые настроены патриотически и намереваются перебежать на нашу сторону.

Тов. Морозову дано задание установить связь с названными Ведерниковым, Леоновым и Нагорновым лицами, запретить им переход на нашу сторону и использовать их для подготовки и осуществления необходимых мероприятий в отношении Ворона.

V. По районам Калининской области.

Управлением НКГБ по Калининской области сформирована оперативная группа в составе 20 человек, возглавляемая старшим лейтенантом государственной безопасности тов. Назаровым, которая переброшена на оккупированную территорию Калининской области с задачей ведения работы по Ворону в Невельском, Ново-Сокольническом, Идрицком и Пустошкинском районах, с использованием имеющейся в этих районах нашей агентуры.

VI.

Задания о подготовке необходимых мероприятий по ликвидации Ворона нами даны также следующим оперативным группам НКГБ СССР, действующим в тылу противника:

1) оперативной группе тов. Лопатина, находящейся в районе гор. Борисова БССР;

2) оперативной группе тов. Малюгина, находящейся в районе гор. Жлобин — Могилев БССР;

3) оперативной группе тов. Неклюдова, находящейся в районе Вильно — Молодечно БССР;

4) оперативной группе тов. Рабцевича, находящейся в районе Бобруйск — Калинковичи БССР;

5) оперативной группе тов. Медведева, находящейся в районе гор. Ровно УССР;

6) оперативной группе тов. Карасева, находящейся в районе Овруч — Киев.

Руководителям перечисленных оперативных групп предложено изучить условия жизни и быта Ворона, состояние его охраны, своевременно выявлять и доносить в НКГБ СССР данные о местопребывании и маршрутах следования Ворона.

VII.

3 июля 1943 года на базу оперативной группы НКГБ СССР в районе Борисова, руководимой капитаном госбезопасности тов. Лопатиным, явились бежавшие из немецкого плена майоры Красной Армии Феденко Ф. А., 1904 года рождения, член ВКП(б), в Красной Армии занимал должность начальника штаба инженерных войск 57-й армии, и Федоров И. П., 1910 года рождения, член ВКП(б), в Красной Армии занимал должность заместителя начальника отдела кадров Приморской армии.

Федоров и Феденко рассказали, что в начале 1943 года они учились на организованных немцами в Борисове хозяйственных курсах для старших офицеров из числа советских военнопленных и что начальником штаба этих курсов являлся комбриг, именуемый немца-

ми генерал-майором, Богданов Михаил Васильевич, который настроен против немцев, но маскируется.

Проверкой установлено, что

Богданов Михаил Васильевич, .1907 года рождения, беспартийный, с высшим образованием, в Красной Армии с 1918 года, в начале войны занимал должность начальника артиллерии 8-го стрелкового корпуса, считается пропавшим без вести с 1941 года. Компрометирующих данных на него нет. Семья его в составе жены и дочери проживает в Баку.

В результате предпринятых опергруппой мероприятий с Богдановым была установлена связь, и он был 11 июля т. г. завербован.

По сообщению начальника опергруппы тов. Лопатина, Богданов с «большой радостью стал нашим агентом, чтобы смыть позор пленения и службы у немцев».

Богданову дано задание влиться в ставку Ворона, войти к нему в доверие и организовать с нашей помощью ликвидацию его.

На последней явке с Богдановым 16 августа Богданов сообщил, что ему удалось получить согласие Ворона на работу в ставке и что 19 августа он выезжает в Берлин для личной встречи с Вороном.

Кроме изложенного выше, НКГБ СССР разрабатывает ряд других мероприятий по ликвидации Ворона, о которых будет доложено дополнительно.

Народный Комиссар Государственной
Безопасности Союза СССР (Меркулов)

Разослано:

тов. Сталину

тов. Молотову

тов. Берия»³.

Карасев Виктор Александрович

Род. 26.03.1918. Подполковник.

Родился в г. Елец (ныне Липецкая область) в семье рабочего. Работал помощником машиниста паровоза. С 1935 г.

служил в погранвойсках. Окончил пограничное училище в Орджоникидзе (1939). Член ВКП(б) с 1941 г. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. С августа 1941 г. командир истребительного батальона, в сентябре того же года преобразованного в спецотряд. С февраля 1943 г. командир отряда спецназначения «Олимп» (130 операций в Белоруссии, на Украине, в Польше, Чехословакии, Венгрии).

Герой Советского Союза (1944).

Окончил Военную академию им. Фрунзе, работал в МГБ. С 1950 г. — в запасе. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, медалями.

Лопатин Петр Григорьевич

5.01.1907 — 9.07.1974. Капитан ГБ.

Родился в с. Излегоще (ныне Усманский район Липецкой области) в крестьянской семье. Работал в деревне. Служил в РККА (1929—1934) и в НКВД (1935—1936). С 1936 г. работал на железной дороге.

С августа 1942 г. командир партизанской бригады в Минской области (операции на железной дороге, взорвано 5 ж. д. мостов).

Герой Советского Союза (1944). С 1944 г. на советской и хозяйственной работе, с 1962 г. на пенсии. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды, медалями.

Медведев Дмитрий Николаевич

22.08.1898—14.12.1954. Полковник.

Родился в м. Бежица Брянского уезда Орловской губернии в семье квалифицированного сталелитейщика. Окончил гимназию. После Октябрьской революции переехал в Брянск, где работал секретарем отдела Брянского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии (в формировавшуюся в г. Брянске 3-ю бригаду 4-й Орловской стрелковой дивизии) и принимал активное участие в боях против армии Юденича.

Возвратившись в мае 1920 г. в Брянск, Д. Н. Медведев поступает на работу в органы ВЧК. Сначала работал в Брянской уездной ЧК, затем на Украине участвовал в ликвидации банд Каменюки, Белокобыльского, Балабы и Блохи, являлся председателем ЧК г. Старобельска. В середине 1922 г. переведен на работу в Одессу.

За успешную работу в органах государственной безопасности Д. Н. Медведев в 1921 г. был награжден золотыми часами, в 1927 и 1929 гг. личным именованным оружием, а в 1932 г. — знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ».

В 1936 г. после окончания курсов высшего начальствующего состава НКВД Д. Н. Медведев работает инспектором при начальнике УНКВД Харьковской области. В 1937 г. был исключен из партии и снят с работы. В 1938 г. восстановлен в партии, работал в Медвежьегорске на Беломорско-Балтийском комбинате и Норильске (Норильскстрой).

В конце 1939 г. по состоянию здоровья вышел на пенсию, жил под Москвой.

С началом Великой Отечественной войны Д. Н. Медведев по его личной просьбе направляется на ответственный участок — за линию фронта. Он дважды выводился в тыл немецко-фашистских войск. С августа 1941 по январь 1942 г. возглавлял партизанский отряд, проводивший операции в Смоленской, Брянской и Могилевской областях. За пять месяцев его отряд провел свыше 50 боевых операций, совершая налеты на гарнизоны противника и диверсии на железных дорогах.

С июня 1942 по сентябрь 1944 г. командовал отрядом специального назначения «Победители», действовавшим в Ровенской и Львовской областях.

Бойцы отряда провели более 120 операций, уничтожив в боях до 2000 немецких солдат и офицеров, 11 генералов и высших государственных чиновников фашистской Германии, свыше 6000 украинских националистов и полицейских, служивших у гитлеровцев. Подрывники отряда взорвали 81 эшелон противника с живой силой и техникой.

В отряде «Победители» сражался прославленный разведчик — Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов.

Оперативный состав отряда, используя связи в учреждениях и организациях оккупантов, получал обширную раз-

ведывательную и контрразведывательную информацию, которая своевременно передавалась в Центр.

За время нахождения во вражеском тылу Дмитрий Николаевич был дважды ранен, получил контузию.

За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника и проявленные при этом мужество и героизм Д. Н. Медведеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и многими медалями.

В 1946 г. Д. Н. Медведев в звании полковника вышел в отставку и занялся литературным трудом. Его перу принадлежат широко известные произведения «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга», посвященные боевым действиям отряда «Победители» и героическим подвигам партизан-патриотов.

О первой попытке ликвидировать Власова упоминает его ближайший помощник Штрик-Штрикфельд. В своих воспоминаниях он пишет о поимке летом 1943 года трех парашютистов, направленных для убийства Власова.

Другая попытка устранить Власова связана с именем Марии Вороновой, шеф-повара столовой Военного совета 2-й армии, о которой следует рассказать чуть подробнее. Она родилась в 1909 году и в феврале 1942 года поступила на службу в армию в качестве вольнонаемной. Служила шеф-поваром в 20-й армии, которой командовал Власов. Когда его назначили командующим 2-й Ударной армией, он взял ее с собой в качестве шеф-повара Военного совета армии. 13 июля 1942 года она вместе с Власовым попала в плен и была заключена в лагерь для военнопленных в местечке Малая Выра. А летом 1944 года Воронова объявляется в Риге, разыскивает прибывшего туда офицера связи при Власове С. Фрелиха и благодаря его содействию выезжает в Берлин. Там на торжественном ужине она сообщает присутствующим, что была завербована органами госбезопасности и направлена в

Берлин с заданием отравить Власова. После признания Воронова была прощена и до самого конца войны продолжала выполнять обязанности кухарки.

Но вот что интересно. Как выяснилось позднее, Воронова вместе с одним из шоферов штаба Власова, который стал ее мужем, проводила агентурную работу в пользу советской разведки. А после окончания войны вернулась в СССР и проживала в городе Барановичи.

Осенью 1943 года для ликвидации Власова был направлен майор С. Капустин. Согласно легенде, Капустин «дезертировал» из Красной Армии и вступил в РОА. Однако в конце 1943 года был разоблачен, арестован и направлен в Шарлотенбургскую тюрьму, после чего его следы теряются.

Еще одна попытка убить Власова была предпринята летом 1943 года, когда уже упоминавшийся выше сотрудник НКГБ Лопатин, действовавший под именем майора госбезопасности Пастухова, завербовал в июле 1943 года комбрига М. Богданова. В 1941 году Богданов был командующим артиллерией 8-го корпуса 26-й армии. В августе 1941 года он попал в плен и в ноябре 1942 года, находясь в Хаммельбургском лагере, добровольно вступил в немецкую строительную организацию ТОДТ. Богданова назначили начальником штаба школы для подготовки строительных кадров из числа советских военнопленных, которая находилась в городке Борисов под Минском.

Лопатин знал, что Богданов до войны был близко знаком с Власовым, и поставил перед ним задачу внедриться в РОА и попытаться физически уничтожить Власова. Первую часть задания Богданов выполнил и даже занял должность начальника артиллерии РОА. Но вот ликвидировать Власова он не сумел. В результате в мае 1945 года Богданов был арестован сотрудниками Смерша.

На следствии его обвинили в нежелании выполнить партизанский приказ и в том, что он из-за шкурных интересов связался с Власовым и перешел к нему на

службу. Богданов пытался оправдываться. «Я получил задания, но не мог выполнить их, так как мне не помогли, — заявил он на суде. — А помогли бы хотя немного, я мог бы и выполнить задание — уничтожить Власова. Что я мог сделать один в Берлине?» Впрочем, судьба Богданова была решена заранее, и 19 апреля 1950 года его расстреляли.

Что касается Власова, то он счастливо избежал всех покушений и в мае 1945 года вместе с частями 1-й (600) дивизии РОА, дислоцированной в Чехословакии, собирался сдаться в плен американцам. О том, как происходил его захват, говорится в следующем документе:

«Секретно

СПРАВКА

Командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Конев и члены Военного совета фронта Крайнюков и Петров № 13857/ш от 15.5.45 г. донесли Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза тов. Сталину следующие обстоятельства захвата изменника Родины Власова.

12.5 с/г командир мотострелкового б-на 162 т. бр. 25 т. к. капитан Якушов Михаил Иванович получил приказ командира бригады полковника Мищенко задержать части власовской дивизии генерала Буняченко, которые, по данным разведки, находились в районе Катовицы, в 40 км ю-в г. Пильзен и стремились выйти в расположение американских войск.

Выполняя это задание, капитан Якушов привлек на свою сторону командира власовского б-на капитана Кучинского Петра Николаевича. Кучинский указал, где находится штаб Буняченко, и предупредил, что там Власов.

Вместе с Кучинским <...> капитан Якушов обогнал штаб Буняченко, поставил поперек дороги машину, задержал движение этого штаба и быстро один отыскал машину, в которой был Власов, накрытый одеялом.

Власов сопротивлялся и пытался из машины уйти, но с помощью его же шофера Комзолова Ильи Никитовича был водворен в машину, и на ней Власова вывезли из общей колонны.

Основным и непосредственным исполнителем захвата Власова был командир батальона 162 т. бр. 25 т. к. капитан Якушов.

По представлению командира 162 бр. и командира 25 т. к. содействовали оперуполномоченный отдела Смерш 162 т. бр. ст. лейтенант Игнашкин Илья Петрович и начальник отдела Смерш 162 т. бр. майор Виноградов Пахом Тимофеевич.

Вся работа по ликвидации и пленению власовцев проводилась под личным руководством командира 162 т. бр. полковника Мищенко. Общее руководство по ликвидации власовцев в распоряжении 25 т. к. осуществлял командир 25 т. к. генерал-майор Фоминых.

Из власовцев пленению Власова особо активно содействовал капитан Кучинский и помогал шофер Кучинского — Довгас Александр, шофер машины Власова — Комзолов. Комзолов и Довгас находятся в 25 т. к., а Кучинский вместе с колонной сдавшихся власовцев из расположения 25 т. к. убыл, и место его нахождения уточняется.

Тов. Конев просит наградить:

- 1) Якушова Михаила Ивановича,
- 2) ст. лейтенанта Игнашкина Илью Петровича,
- 3) майора Виноградова Пахома Тимофеевича,
- 4) полковника Мищенко Ивана Петровича,
- 5) генерал-майора танковых войск Фоминых Е. И. <...>

Утехин. 17.5.45 г.»⁴.

Эту справку стоит несколько дополнить. Вот что рассказывает о поимке Власова ее непосредственный участник капитан Якушов:

«Утром 15 мая 1945 г. я — командир батальона автоматчиков 162-й танковой бригады — выехал на разведку в зону, контролировавшуюся на тот момент американс-

кими войсками. Дело происходило в Чехословакии, недалеко от деревни Брежи...

Проезжая мимо леса, я заметил группу людей в немецкой форме. Несмотря на предостережения моего шофера Андреева, подошел к ним. Со мной заговорил офицер, оказавшийся командиром батальона 1-й дивизии власовцев капитаном Кучинским. Я стал агитировать его не сдаваться американцам, а переходить на нашу сторону.

После короткого совещания со своими офицерами Кучинский построил батальон и приказал двигаться на территорию, занятую Красной Армией... Тем временем мы с Кучинским заметили небольшую колонну легковых автомашин, двигавшихся на запад в сопровождении двух американских «виллис». Я спросил: кто это? Кучинский ответил, что это штаб дивизии...

Кучинский подсказал мне, что вместе со штабом 1-й дивизии часто ездит сам генерал Власов. Я несколько раз прошелся вдоль колонны, агитируя водителей ехать сдаваться Красной Армии. Один из них посоветовал обратить внимание на громадную черную «шкоду». Подойдя к ней, я увидел в салоне, не считая водителя, одну женщину и двух мужчин. Про женщину я позднее узнал, что она была «фронтовой женой» генерала Власова, а мужчины оказались начальником контрразведки 1-й дивизии власовцем Михальчуком и личным переводчиком Власова Росслером.

Я открыл заднюю боковую дверь и вывел переводчика из машины, намереваясь осмотреть салон. В этот момент из-под груды одеял высунулся человек в очках, без погон. На вопрос, кто он такой, ответил: «генерал Власов». От неожиданности я обратился к нему «товарищ генерал», хотя какой он мне товарищ.

Власов тоже явно оторопел. Однако вскоре пришел в себя, вылез из автомобиля и, игнорируя меня, направился к американцам — просить их связаться по рации со штабом армии. Вскоре к нашей колонне подъехал еще один «виллис», где сидели американские офицеры. Я

сказал им то же самое, что сказал бы и сейчас кому угодно: генерал Власов нарушил воинскую присягу, поэтому он должен предстать перед нашим судом.

На мое счастье, американцы оказались общевойсковыми офицерами, а не офицерами контрразведки, иначе история могла бы получить совсем иное развитие. Видя, что со стороны американцев сопротивления не будет, я сделал вид, что еду вместе с Власовым назад — в штаб американской дивизии. Сев позади Власова в его «шкоду», я приказал водителю разворачиваться и гнать вперед. Пока разворачивались остальные машины колонны, мы успели отъехать довольно далеко.

Власов пытался приказывать водителю, куда ехать, но водитель, смекнув, что к чему, уже его не слушал. Генерал почувствовал неладное и на берегу красивого озера, где машина немного сбавила скорость, попытался выпрыгнуть на ходу. Однако я успел схватить его за воротник и, приставив пистолет к виску, сказал: «Еще одно движение, и я вас застрелю». После этого он вел себя спокойно...

В 8 часов вечера я сдал Власова командиру 25-го танкового корпуса генерал-майору Фоминых. Больше я Власова не видел»⁵.

Надо ли говорить, что Сталин очень хотел поймать и примерно наказать Власова. Поэтому когда это случилось, он не пожалел наград для тех, кто захватил изменника. Уже 19 июня 1945 года был издан следующий Указ Президиума Верховного Совета СССР:

«За успешное выполнение особого задания командования на фронте наградить:

Орденом Суворова II степени

- 1) майора Виноградова Пахома Тимофеевича,
- 2) старшего лейтенанта Игнашкина Илью Петровича,
- 3) полковника Мищенко Ивана Петровича,
- 4) генерал-майора танковых войск Фоминых Евгения Ивановича,
- 5) капитана Якушова Михаила Ивановича.

Орденом Отечественной войны I степени
Капитана Кучинского Петра Николаевича.

Орденом Отечественной войны II степени

1) Довгаса Александра Степановича,

2) Комзолова Илью Никитовича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин»⁶.

Дальнейшая судьба самого Власова была незавидна. После ареста его доставили в Москву, где он содержался во внутренней тюрьме на Лубянке как секретный арестант № 31. На следствии Власов виновным в измене родине себя не признал и заявил, что боролся против сталинского террористического режима. То же самое он заявил и на начавшемся в июле 1946 года закрытом судебном процессе под председательством В. Ульриха. 30 июля 1946 года Военной коллегией Верховного суда СССР Власов А. А. и 11 его сподвижников за измену родине и открытую шпионско-диверсионную деятельность были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в ночь на 1 августа во дворе Бутырской тюрьмы.

Выпускники Кембриджа

«Кембриджская пятерка», «великолепная пятерка», «лондонская пятерка» — эти названия прочно приклеились к группе агентов советской разведки, работавших в Англии в 30—50-х годах. Сейчас уже трудно установить, кто пустил в жизнь термин «пятерка». Но его неумная творческая фантазия родила, наверное, самую известную в мире спецслужб загадку, равную теореме Ферма, название которой «кто был пятым?». Над ее решением бились многие, но никто, даже профессор Кембриджского университета Кристофер Эндрю, считающийся крупным знатоком истории спецслужб, не задался вопросом: а почему, собственно, «пятерка»? Почему не «тройка» или «семерка»? Ведь нельзя же, в самом деле, делать вывод о существовании пресловутой «пятерки» на основании трех статей Эрнста Генри (Семена Николаевича Ростовского), опубликованных в 1933 году, как это делают К. Эндрю и О. Гордиевский в своей нашумевшей книге «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева».

Агентурная сеть не армейское отделение, и мысль о том, что в Кембриджском университете по некоему уставу создавались так называемые «группы» или «кольца

из пяти», должна показаться странной любому здравомыслящему человеку. Поэтому правильно было бы говорить о выпускниках Кембриджа, в свое время завербованных советской разведкой и раскрытых по той или иной причине. В их число входят К. Филби, Д. Маклин, Г. Берджесс, Э. Блант, М. Стрейт, Д. Кернкросс, Л. Лонг, В. Ротшильд. Возможно, список «кембриджских» агентов на этом не заканчивается. Но строить догадки дело неблагодарное. Поэтому остановимся на тех из известных восьми, кто когда-либо работал в английских спецслужбах, а там работали все, кроме Д. Маклина и М. Стрейта.

В начале 30-х годов перед советской разведкой встала задача по проникновению в политическую верхушку ведущих европейских государств. Это было обусловлено тем, что советское руководство во главе со Сталиным считало достоверной только ту информацию, добытую разведкой, которая поступала от агентов в правительственных учреждениях. А так как большинство действующих источников были мелкими служащими, не имеющими доступа к кругам, где принимались решения, то основные усилия вербовщиков было решено направить на молодых людей из состоятельных семей, могущих со временем занять высокое положение в политической элите своей страны. Вот как пишет об этой концепции один из ее авторов А. Орлов:

«В начале тридцатых годов резидентуры НКВД сосредоточили усилия на вербовке молодых людей из влиятельных семей. Политический климат тех лет благоприятствовал этому. Молодое поколение было восприимчиво к идеям свободы и стремилось спасти мир от фашизма и уничтожить эксплуатацию человека человеком. На этом НКВД и строил свой подход к молодым людям, уставшим от бессмысленной жизни, удушающей атмосферы своего класса. И когда эти молодые люди созревали для вступления в коммунистическую партию, им говорили, что они могут принести гораздо больше пользы, если

будут держаться подальше от партии, скроют свои политические взгляды и примкнут к революционному подполью».

Одним из этих молодых людей был К. Филби. Гарольд Адриан Рассел Филби, прозванный в честь героя книг Киплинга Кимом, родился 1 января 1912 года в Амбале, штат Пенджаб, где его отец Сент-Джон Филби служил в английской колониальной администрации. В 1924 году К. Филби поступил в Вестминстерскую школу, а после ее окончания в 1929 году — в Кембриджский университет в колледж Тринити на отделение истории. В те годы в таких крупных университетских центрах, как Кембридж и Оксфорд, помимо традиционных чисто студенческих организаций возникало множество различных леворадикальных, социалистических и коммунистических организаций, ассоциаций и обществ. Быть левым тогда считалось нормой. Конечно, со временем большинство выпускников отказались от своих былых студенческих взглядов, но известная часть пополнила ряды коммунистической партии. Хотел поступить так и К. Филби, побывавший в 1934 году в Австрии и своими глазами увидевший кровавую расправу над рабочими Вены. Но уже в Австрии на него обратили внимание представители советской разведки. Дело в том, что, стремясь спасти дочь хозяина квартиры, где он жил, Литци Колман, К. Филби женился на ней, что дало ей возможность покинуть Австрию как британской подданной. По возвращении К. Филби в Лондон агент ИНО НКВД Эдит Тюдор Харт, убедившись, что его коммунистические взгляды не изменились, а происхождение позволяет претендовать на высокий государственный пост, познакомила его с нелегалом Арнольдом Дейчем. А. Дейч, работавший в лондонской нелегальной резидентуре под руководством А. Орлова, сразу же оценил высокий потенциал К. Филби и в июне 1934 года предложил ему присоединиться к борцам с фашизмом.

Дейч Арнольд Генрихович

21.05.1904 — 7.11.1942.

Известен в кадрах разведки как Ланг Стефан Григорьевич.

Родился в Вене в семье сельского учителя из Словакии, а затем мелкого коммерсанта в Вене. С 1910 г. учился в начальной школе, а с 1915 г. — в гимназии в Вене. Осенью 1923 г. поступил на философский факультет Венского университета, одновременно также изучал физику и химию. Защитил с отличием диссертацию на тему «О серебряных и ртутных солях амидобензотиазолов и новом методе количественного анализа серебра». В июле 1928 г. окончил университет с дипломом доктора философии и химии. Владел немецким, английским, французским, итальянским, голландским и русским языками.

С 1920 г. — член Социалистического студенческого союза, с 1922 г. — член Австрийского коммунистического союза молодежи, работал в Центральном отделе пропаганды союза. В 1924 г. вступил в КП Австрии, тогда же поступил в австрийское отделение МОПР, являлся членом его ЦК.

В 1928 г. А. Дейч побывал в Москве в составе австрийской рабочей делегации. После возвращения в Вену три месяца работал инженером-химиком на текстильной фабрике. С декабря 1928 по октябрь 1931 г. он сотрудник подпольного аппарата ОМС Коминтерна в Вене. Выполняя поручения руководства, выезжал в качестве курьера и связника в Грецию, Германию, Чехословакию, Румынию, Сирию, Палестину.

В декабре 1931 г. в связи с провалом венского бюро ОМС А. Дейч был отозван в Москву, переведен из КПА в ВКП(б) и направлен в аппарат ОМС Коминтерна. Несколько месяцев спустя по рекомендации Коминтерна он переходит на работу в ИНО ОГПУ.

В январе 1933 г. А. Дейч вместе с женой был направлен на нелегальную работу в Париж в распоряжение резидента Ф. Я. Карина (Крутянского). Работал в качестве курьера, помощника, а затем замрезидента (псевдоним Отто). Успешно выполнял специальные задания в Бельгии, Голландии, Австрии и Германии.

В феврале 1934 г. переведен на нелегальную работу в Лондон (псевдоним Стефан), где для прикрытия поступил на психологический факультет Лондонского университета, работал лектором и исследователем.

За период работы в Англии А. Дейч привлек к сотрудничеству с СССР свыше 20 человек, в том числе членов знаменитой «кембриджской пятерки» (Ким Филби, Гай Берджесс и др.). В 1934 г. совместно с Д. А. Быстролетовым он завербовал шифровальщика Управления связи британского МИД капитана Дж. Кинга (Mag), в результате чего советская разведка получила доступ к секретам британской дипломатии. Ценные источники информации Бэр, Аттила и Нахфолгер (Наследник), завербованные А. Дейчем, так и не были раскрыты британской контрразведкой. В июне — июле 1935 г. работал под руководством нелегального резидента в Лондоне А. М. Орлова-Никольского.

В августе 1935 г. А. Дейч был отозван в Москву, где работал в группе «Г» ИНО, но уже в ноябре 1935 г. вернулся в Лондон. До апреля 1936 г. работал самостоятельно, а затем до августа 1936 г. — под руководством резидента Теодора Малли (Манн). Совместно с последним участвовал в создании глубоко законспирированной «оксфордской группы» агентов. В 1936 г. защитил диплом доктора психологии Лондонского университета.

В сентябре 1937 г. А. Г. Дейч возвратился из Лондона в Москву. В ноябре того же года выезжал в Лондон для консервации агентурной сети, после чего сразу же вернулся в СССР.

В 1938 г. А. Г. Дейч и его супруга получают советское гражданство и паспорта на фамилию Ланг — Стефана Григорьевича и Жозефины Павловны. Через некоторое время он становится научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР.

Как и многие другие советские разведчики того времени, А. Г. Дейч обладал разносторонними знаниями. Еще в Англии он зарегистрировал четыре патента, включая тренажер для обучения пилотов, которые он отправил в Москву. Ему также принадлежало авторство ряда оперативных устройств и приспособлений, рецептов симпатических чернил.

В декабре 1940 г. начальник разведки НКВД П. М. Фитин предложил Л. П. Берии направить А. Дейча в качестве нелегального резидента в США, по легенде — еврейского беженца из Прибалтики, однако этот план не был реализован.

После начала Великой Отечественной войны А. Г. Дейч был направлен в ноябре 1941 г. нелегальным резидентом в Аргентину вместе с группой разведчиков, однако в связи с началом войны между Японией и США первоначально выбранный маршрут через Иран, Индию и страны Юго-Восточной Азии стал опасен — и 8 месяцев спустя группа возвратилась в Москву. Был разработан новый вариант поездки, на этот раз через Северную Атлантику.

7 ноября 1942 г. транспорт «Донбасс», на котором находился разведчик, был потоплен немецким крейсером. По словам очевидцев, А. Г. Дейч героически погиб, спасая жизни других.

Свое первое задание — подобрать среди выпускников Кембриджа такого же, как и он, убежденного антифашиста и сторонника коммунистической партии — К. Филби выполнил блестяще. Этим человеком оказался Гай Берджесс, о котором речь пойдет дальше. Следуя указаниям своих кураторов из ИНО НКВД, К. Филби отошел от коммунистической партии и занялся журналистикой. При помощи знакомого своего отца он устроился помощником редактора газеты «Ревю оф ревюз», стал членом общества англо-германской дружбы, активно сотрудничал с германским посольством и с фашистским журналом «Геополитик». После начала гражданской войны в Испании Филби в числе немногих журналистов в качестве корреспондента газеты «Таймс» получил аккредитацию при штабе Франко. Там он был единственным журналистом, которой получил Красный крест за военную доблесть из рук генерала Франко.

Пребывание в Испании и профранкистские корреспонденции упрочили репутацию Филби — реакционно

настроенного человека, отошедшего от коммунистических идей как от увлечения молодости. Это сыграло большую роль при его приеме в английскую разведку, которой было известно о левых политических взглядах К. Филби в студенческие годы. Приглашение работать в СИС К. Филби получил в июле 1940 года при помощи Г. Берджесса, который попал в СИС раньше него. Сыграла здесь свою роль и начавшаяся война с Германией. Первоначально К. Филби был сотрудником отдела «Д» (диверсии), а затем руководителем испанского отделения контрразведывательного отдела СИС. Здесь он проявил себя инициативным, вдумчивым работником и смог добиться хороших результатов по нейтрализации немецкой агентурной сети в Испании. Кроме того, Филби отличали внимательное отношение к сослуживцам и точность при выполнении распоряжений начальства. Благодаря этому уже в 1943 году он получил предложение остаться в кадрах СИС и после войны (до этого он числился сотрудником военного времени) и был выдвинут на должность помощника начальника контрразведывательного отдела СИС. В 1944 году К. Филби становится начальником нового, 9-го отдела СИС, в задачу которого входила работа против советской разведки и коммунистического движения.

За время работы в контрразведывательном отделе Филби передал своим операторам в Лондоне массу важнейшей секретной информации. Прежде всего это касается списков агентов СИС во всех странах, и прежде всего в Советском Союзе. В мае 1941 года он передал информацию о перелете заместителя Гитлера Р. Гесса в Англию. Немаловажное значение имели сообщения К. Филби о переговорах в Испании в 1943 году между начальником абвера адмиралом Канарисом и англичанами. А в конце войны он представил документальные материалы о секретных переговорах представителей английских и американских спецслужб с некоторыми немецкими генералами и политически-

ми деятелями на предмет заключения сепаратного мира.

После окончания войны К. Филби, уже штатный сотрудник СИС, был в 1946 году направлен резидентом в Турцию под прикрытием должности первого секретаря посольства Великобритании. В круг его обязанностей входила подготовка и заброска агентов на территорию Украины, юга России и в Закавказье. Об этом, как и о многом другом, К. Филби регулярно ставил в известность сотрудников советской разведки, благодаря чему вся работа англичан по созданию в СССР агентурной сети пошла насмарку. Также при помощи полученной от К. Филби информации удалось сорвать высадку в октябре 1949 года вооруженных отрядов в Албанию, где англичане собирались устроить восстание с целью свержения правительства коммунистов.

В конце 1949 года К. Филби был направлен в Вашингтон в качестве офицера связи между СИС и ЦРУ. Это назначение свидетельствовало о том, что К. Филби готовили на должность начальника СИС. Руководство американских спецслужб относилось к нему с большим уважением, а начальник контрразведывательного отдела ЦРУ Д. Энглтон прямо называл К. Филби своим учителем. Полное доверие к К. Филби со стороны американцев позволило по возможности локализовать провал в английской сети МГБ, начало которого уходит в 1944 год. Именно тогда финнам удалось захватить на фронте советскую шифровальную книгу, которую они после войны передали американцам. Появление в середине 40-х годов быстродействующих вычислительных машин позволило ЦРУ начать операцию «Венона», целью которой была дешифровка перехваченных советских сообщений. К началу 1950 года была расшифрована телеграмма, отправленная в 1944 году из советского посольства в Вашингтоне в Москву, в которой содержались сведения, известные ограниченному кругу лиц. К середине апреля 1951 года было ус-

тановлено, что данные материалы могли быть переданы русским одним из трех человек, в число которых входил и Д. Маклин.

Сложившаяся ситуация требовала срочно предупредить о возможном провале Маклина и куратора кембриджской группы в Лондоне Юрия Модина. По телефону это было сделать невозможно, и К. Филби принял решение направить в Лондон Г. Берджесса, работавшего в Вашингтоне первым секретарем посольства Великобритании и проживавшего на квартире у К. Филби. Для того чтобы его внезапный отъезд не вызвал подозрений, Берджесс ухитрился всего за один день трижды нарушить правила дорожного движения. Вслед за этим последовал протест Госдепартамента США, и разгневанный посол выслал Берджесса в Англию. В Лондоне Берджесс установил контакт с Модиным и предупредил Д. Маклина. Было принято решение организовать побег Д. Маклина в СССР. Несмотря на многочисленные трудности, 25 мая 1951 года, накануне первого допроса Маклина в МИ-5, ему и Берджессу удалось совершить побег и благополучно добраться до Советского Союза.

Модин Юрий Иванович

Род. 1918.

Родился в Суздале в семье военнослужащего. Окончил среднюю школу в Липецке. В 1940 г. поступил в Высшее инженерно-строительное училище ВМФ в Ленинграде, после начала войны эвакуировался вместе с училищем в Ярославль, затем в Кострому. В октябре 1942 г. направлен в Москву на курсы Смерша. Как знающий английский язык, переведен на ускоренную языковую подготовку (10 месяцев) и в декабре 1943 г. — в разведку. В 1944—1947 гг. работал в английском отделе 1-го управления НКГБ-МГБ. С июня 1947 по май 1953 г. — в лондонской резидентуре под прикрытием должности шифровальщика посольства. В 1955 г. прибыл в Лондон со спецзаданием (подготовка визита Хру-

шева и Булганина), был оставлен в резидентуре до мая 1958 г. (исполняющий обязанности резидента). В 1967 г. в командировке в Индии. Преподавал в ВРШ. Кандидат исторических наук, доцент. Полковник в отставке.

Но после этого на карьере К. Филби в СИС был поставлен крест. Бегство Г. Берджесса, близкого друга Филби, к тому же жившего в Вашингтоне у него на квартире, сразу бросило на него тень подозрения. К. Филби был отозван из США, уволен из разведки и подвергся многочисленным допросам, которые продолжались с незначительными перерывами до 1953 года. Следствие по делу К. Филби вели опытные сотрудники МИ-5 Х. Мильмо и Д. Скардон. Но они не имели никаких доказательств сотрудничества К. Филби с советской разведкой, и в 1955 году дело было закрыто, а правительство публично в палате общин сняло с него все обвинения. К этому времени Филби устроился корреспондентом «Экономист» и «Обсервер». Его многочисленные друзья в СИС, не верящие в то, что он был советским агентом, помогли ему вернуться на работу в разведку. В 1956 году под журналистским прикрытием он был командирован в Ливан. Но когда начальником СИС был назначен бывший глава МИ-5 Д. Уайт, кольцо вокруг К. Филби вновь началось сжиматься, и в январе 1963 года он был вынужден бежать в СССР на борту советского судна «Долматов». 27 января 1963 года К. Филби впервые ступил на советскую землю.

В Москве к Филби был приставлен специальный сотрудник, помогавший ему на первых порах обустроиться. Филби была назначена зарплата 500 рублей, и, кроме того, он получал ежемесячно 2000 фунтов стерлингов для оказания помощи оставшимся в Англии детям. Первое время он жил под фамилией Федоров, но так как ему было трудно ее произносить, Филби выдали паспорт на имя Андрея Федоровича Мартинса. Что же касается его дальнейшей работы во внешней разведке КГБ, то

здесь Филби ожидало разочарование. Руководство разведки никогда не доверяло провалившимся сотрудникам и агентам. Поэтому до оперативных дел Филби не допускали и лишь изредка приглашали для консультаций и чтения лекций по оперативной обстановке в Англии. Такое отношение глубоко ранило Филби, и он все чаще уходил в запой. Об этом одинаково свидетельствуют столь разные люди, как М. Любимов, О. Калугин, О. Гордиевский. От непрекращающихся запоев Филби спасла Руфина Ивановна Пухова, ставшая в декабре 1971 года его четвертой женой. С этого времени его жизнь обрела смысл.

Умер К. Филби 11 мая 1988 года. Не дождавшись признания при жизни, он был удостоен торжественных похорон с тремя прощальными ружейными салютами и некрологом, переданным по каналам ТАСС. И это все. В заключение хочется привести слова М. Любимова, сказанные им обозревателю «Московских новостей» Н. Геворкян по поводу состоявшегося 18 июля 1994 года в Лондоне аукциона «Сотбис», на котором были проданы некоторые личные вещи К. Филби:

«Что касается вещей и материалов Филби, хранящихся в СВР (Служба внешней разведки), то их хватит на десять домов-музеев. Увы, КГБ бездарно обошелся с памятью Филби: не сделал ни одного фильма (кажется, есть одна любительская пленка), не написал ни одной приличной книги».

Вторым в «пятерке» считается Дональд Маклейн.

Маклейн Дональд Дьюарт

25.05.1913 — 6.03.1983.

Родился в Лондоне в семье видного политического деятеля шотландского происхождения, бывшего членом парламента, лидером «независимых либералов», вице-спикером палаты общин.

Учился в качестве стипендиата в Тринити-колледже Кембриджа, где был членом социалистического общества студентов.

Окончил факультет политической истории и филологии Кембриджского университета (1934). В том же году в Лондоне был завербован на идеологической основе сотрудником нелегальной резидентуры советской разведки И. Рейфом.

С октября 1935 г. работал в министерстве иностранных дел Англии в должности третьего секретаря, позднее в посольствах Англии во Франции, США и Египте. В 1950—1951 гг. руководил американским отделом МИДа.

Передал советской разведке зашифрованную переписку МИДа Англии со своими посольствами за границей, протоколы заседаний кабинета министров, планы США и Англии по вопросам использования атомной энергии в военных целях.

В 1951 г. в связи с угрозой провала Д. Маклейн был переправлен в Москву.

Работал старшим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Автор ряда научных работ по проблемам международных отношений. Монография «Внешняя политика Англии после Суэца», изданная в СССР, Англии и США, была защищена им в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Умер в Москве. Согласно завещанию, его тело было кремировано, а урна с прахом помещена в семейный склеп в Лондоне.

Как уже говорилось выше, в самом начале своей работы на советскую разведку К. Филби по указанию резидента А. Орлова привлек к подпольной антифашистской деятельности Гая Берджесса. По установившейся традиции он считается третьим человеком в кембриджской группе ИНО НКВД.

Гай Френсис де Монси Берджесс родился в 1911 году в семье кадрового морского офицера. После смерти отца его мать вторично вышла замуж за отставного полковника Джона Реталлака Бассета. Свое образование Г. Берд-

жесс начал в самой знаменитой британской школе-интернате Итоне, по окончании которого он по желанию матери был зачислен в Дартмутское военно-морское училище. Но Г. Берджесс не желал быть морским офицером и, сославшись на ухудшение зрения, добился отчисления из училища, после чего в 1930 году поступил в Кембридж в Тринити-колледж, где начал заниматься историей. Интеллектуал, Г. Берджесс в то же время был бесстыдным гомосексуалистом и с юности злоупотреблял алкоголем. В политике он придерживался левых взглядов и уже на первом курсе стал членом одной из подпольных коммунистических ячеек Тринити. Летом 1934 года Г. Берджесс вместе с оксфордским коммунистом Дерекком Блейки посетил Советский Союз, откуда вернулся еще более убежденным в неизбежной победе коммунизма. В декабре 1934 года с Г. Берджессом встретился по указанию А. Орлова А. Дейч. После состоявшегося разговора А. Орлов, несмотря на скандальную известность Г. Берджесса и широко рекламируемые им коммунистические взгляды, принял решение включить его в агентурную сеть, что было утверждено Центром в январе 1935 года.

Следуя указаниям А. Дейча, Г. Берджесс использовал поездку в СССР для того, чтобы широко объявить о своем разочаровании в коммунизме. Уйдя из Кембриджа, где он занимался научной работой, Г. Берджесс в конце 1935 года становится личным секретарем прогермански настроенного члена парламента капитана Д. Макнамары. Позднее он некоторое время был финансовым советником матери своего друга Виктора Ротшильда. Затем ему удалось устроиться корреспондентом в Би-би-си, справедливо считая, что эта должность даст ему возможность расширить круг полезных знакомств и наилучшим образом решить поставленные перед ним советской разведкой задачи. И действительно, вскоре он завязал близкое знакомство с Эдуардом Пфейфером, начальником канцелярии французского премьер-министра Даладье, и вместе с ним выполнял

роль курьера в тайной переписке между Даладые и премьер-министром Великобритании Чемберленом. Кроме того, в круг его знакомых входили руководители английской разведки и контрразведки Мензис, Вивиан, Футман, Лиддел, постоянный заместитель министра иностранных дел Ванситтарт и многие другие руководящие чиновники английского правительства. Надо ли говорить, что поступающая от Г. Берджесса информация высоко оценивалась в Москве.

Выполняя поставленную перед ним задачу по проникновению в английские спецслужбы, Г. Берджесс в январе 1939 года устроился на работу в отдел «Д» СИС. Отдел «Д», который возглавлял майор Лоуренс Гранд, должен был заниматься так называемыми активными операциями, цель которых заключалась в оказании влияния на иностранные правительства и общественное мнение, а также «специальными» операциями, то есть диверсиями в тылу противника. Работая в отделе «Д», Берджесс регулярно передавал сведения о его деятельности своему оператору А. В. Горскому.

Горский Анатолий Вениаминович

Род. 1907 г. Полковник (1945).

Родился в д. Меньшиково Канского округа Енисейской губернии. Получил среднее образование.

В органах госбезопасности с 1928 г. Работал в ЭКУ ОГПУ.

В 1936 г. переведен в ИНО ГУГБ НКВД и направлен на оперативную работу в Лондон в качестве помощника резидента (псевдоним Кап). Действовал под прикрытием должности технического сотрудника полпредства СССР в Великобритании. В марте 1940 г. был отозван в Москву и некоторое время работал в английском отделении 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В ноябре того же года снова направлен в Лондон, теперь уже в качестве резидента (псевдоним Вадим). Действовал под прикрытием должности атташе, а затем второго секретаря полпредства СССР в Великобритании.

В 1940—1944 гг. А. В. Горский являлся главным оператором знаменитой «кембриджской пятерки» (Ким Филби, Энтони Блант, Гай Берджесс, Дональд Маклейн, Джон Кернкросс), а также других крупных агентов. В 1941—1942 гг. лондонская резидентура являлась основным источником информации советского руководства по Германии и странам антигитлеровской коалиции. Ею было добыто и направлено в Центр свыше 10 тыс. документальных материалов по политическим, военным, экономическим вопросам. Среди них был переданный Д. Маклейном в сентябре 1941 г. доклад «уранового комитета» Уинстону Черчиллю, в котором сообщалось о начале работ в Великобритании и США по созданию ядерного оружия.

После возвращения в СССР в январе 1944 г. А. В. Горский был назначен заместителем начальника отдела 1-го управления НКГБ СССР, однако уже в октябре того же года снова направлен за границу, на этот раз резидентом в Вашингтоне, где действовал под фамилией А. Б. Громова и под прикрытием должности первого секретаря, а затем советника полпредства СССР в США. Там он курировал переведенного на дипломатическую работу в США Д. Маклейна, а также агентурную сеть Голоса — Бентли. Внес значительный вклад в обеспечение Центра информацией по созданию атомной бомбы.

С 1946 г. А. В. Горский — начальник 1-го отдела 1-го управления НКГБ — ПГУ МГБ СССР — КИ при СМ/МИД СССР. В 1947—1950 гг. он неоднократно выезжал в кратковременные заграникомандировки для выполнения ответственных разведывательных заданий.

В 1953 г. А. В. Горский был переведен на руководящую работу во 2-е Главное управление МГБ СССР, где трудился до выхода в отставку. В 60-х гг. он выполнял ответственные оперативные поручения по линии 2-го Главного управления КГБ СССР.

В соавторстве с Л. П. Василевским перевел книгу Рафаэля Саббатини «Одиссея капитана Блада».

Награжден орденом Ленина (1949), орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени (1945), Красной Звезды, «Знак Почета» (1943), многими медалями, знаком «Заслуженный работник НКВД» (1944).

Но все же главным успехом Берджесса за время службы в СИС было устройство туда К. Филби в июле 1940 года. Осенью того же года отдел «Д» был расформирован и Г. Берджесс, в отличие от К. Филби, был уволен из СИС. Причиной тому являлись его личные качества, которые, по мнению руководства СИС, были несовместимы с работой в разведке: недисциплинированность и полное непонимание субординации. Он был переведен на негласную работу в МИ-5, где занимался контрразведывательной работой против европейских правительств в изгнании, находящихся в Лондоне. С двумя агентами, завербованными им для МИ-5, он проработал до конца войны.

С 1940 по 1944 год Г. Берджесс работал корреспондентом на Би-би-си. Не имея доступа к документальной информации, он тем не менее получал ценные сведения почти по любому вопросу, используя свои обширные связи в самых верхах английского правительства. Записывая высказанные в частной беседе мнения и предположения высокопоставленных чиновников, он весьма часто добывал сенсационный материал, позволяющий по-новому взглянуть на поставленную проблему.

В 1944 году Г. Берджесс перешел на работу в управление информации Форин Оффис, а в 1946 году стал личным помощником Гектора Макнейла, государственного министра в министерстве иностранных дел лейбористского правительства. С 1945 по 1948 год Г. Берджесс, по свидетельству шифровальщика лондонской резидентуры Ф. В. Кислицина, «приносил полные портфели документов министерства иностранных дел. Их переснимали в посольстве и возвращали ему». Но столь напряженная двойная жизнь отрицательно сказалась на Г. Берджессе. Он начал много пить и совершенно перестал следить за собой. Дело дошло до того, что однажды утром сослуживец Берджесса Ф. Уорнер был вынужден вытаскивать его из ночного бара в Сохо, где он лежал на полу с разбитой головой и без сознания. Но все же

благодаря своему природному обаянию Берджесс не был уволен из Форин Оффис. Более того, в августе 1950 года он был направлен в Вашингтон первым секретарем посольства Великобритании. В Вашингтоне Г. Берджесс жил на квартире своего близкого друга К. Филби, человека, которого он безмерно уважал и которому безропотно подчинялся. И хотя его запои стали не столь продолжительны, полностью избавиться от привычки к алкоголю он не смог.

В 1951 году, как уже говорилось, К. Филби с помощью Г. Берджесса предупредил Д. Маклина о подозрениях МИ-5 относительно его работы на советскую разведку. Так как Д. Маклин находился в этот момент на грани нервного срыва, всю работу по организации побега в СССР взял на себя Г. Берджесс, которым руководил последний оператор кембриджской группы Ю. Модин. 25 мая 1951 года Г. Берджесс и Д. Маклин благополучно покинули Англию и вскоре уже находились в Советском Союзе.

В СССР Берджессу была предоставлена квартира и приличная зарплата. Одно время они вместе с Д. Маклином жили в Куйбышеве, но вскоре вернулись в Москву. В отличие от Д. Маклина, Г. Берджесс не сумел освоиться в советской действительности и большую часть времени проводил дома, читая книги, слушая музыку, выпивая и испытывая все большую тоску по Англии. В начале 1963 года он серьезно заболел, лег в госпиталь и 19 августа 1963 года умер от печеночной недостаточности и сужения артерий.

Четвертым человеком в кембриджской сети НКВД считается Энтони Фредерик Блант. Он родился 26 сентября 1907 года в известной английской семье. Его отец Артур Вон-Стенли Блант был англиканским священником с большими связями в высшем свете, а мать — женщиной очень знатного происхождения, кузиной графа Стрэтмора. Дочь графа Стрэтмора — леди Элизабет Боус Лайон — была супругой короля Георга VI и матерью королевы Елизаветы II. В 1926 году Э. Блант

становится студентом Тринити-колледжа Кембриджского университета. Там он, как и многие другие, попал под влияние марксизма и стал одним из членов студенческой организации «Апостолы», исповедующей коммунистические идеалы. В 1930 году он познакомился с Г. Берджессом, которого как старший товарищ ввел в общество «Апостолов». Хотя Э. Блант и старался не афишировать свою симпатию к коммунизму, но все же осенью 1935 года он по линии Интуриста вместе с братом Уилфредом и группой выпускников Кембриджа и Оксфорда посетил Советский Союз. Побывав в Москве и Ленинграде, он был восхищен тем, что «искусство в стране поставлено на службу решению социальных проблем... оно более чем когда-либо со времени Средневековья связано с жизнью». Поездка в СССР сделала Бланта убежденным сторонником первой страны социализма.

К работе на советскую разведку Э. Бланта привлек Г. Берджесс. В начале 1937 года Э. Блант встретился с А. Дейчем и дал согласие на сотрудничество. На первом этапе основной задачей Э. Бланта была вербовка новых перспективных агентов. С его помощью стали сотрудничать с советской разведкой Д. Кернкросс, М. Стрейт и Л. Лонг. Позднее перед ним, как и перед остальными, была поставлена задача по проникновению в английские спецслужбы. В конце 1938 года, оставив работу в Уорбургском институте в Лондоне, Э. Блант пошел добровольцем в армию. В октябре 1939 года он окончил курсы военной разведки в Минли и в звании капитана полевой охраны был направлен во Францию. После эвакуации английской армии из Дюнкерка Э. Блант при помощи своего друга В. Ротшильда переводится в МИ-5 в управление «В» (контрразведка), где начинает заниматься наблюдением за посольствами нейтральных государств. В это время он передает советской разведке огромное количество весьма важных документальных материалов. Во-первых, он передал самую подробную информацию о МИ-5, вклю-

чая списки агентов и отчеты по результатам наблюдения за установленными советскими разведчиками в Лондоне. Во-вторых, им были переданы материалы наблюдения МИ-5 за посольствами иностранных государств. В-третьих, он передавал важнейшие разведданные о дислокации и составе немецких войск и о намечаемых боевых операциях. Особенно важными были его сообщения в мае 1943 года перед сражением на Курской дуге. Недаром в личном деле Э. Бланта, хранящемся в архиве СВР, весьма часто встречаются очень редкие для любого агента сообщения: «Генеральный штаб выражает агенту искреннюю благодарность». После окончания войны в ноябре 1945 года Э. Блант уволился из МИ-5. Руководство НКГБ, понимая, что за годы войны он много потрудился, не возражало. В деле Э. Бланта сохранилась следующая резолюция начальника ИНУ П. М. Фитина: «Этот агент провел в годы войны столь огромную, титаническую работу, что, должно быть, совершенно измотан. Мы должны оставить его в покое на пять — десять лет».

В апреле 1945 года, еще числившийся в штатах МИ-5, Э. Блант получил очень лестное предложение занять пост хранителя, или инспектора, королевских картин, находящихся в Букингемском, Виндзорском и других дворцах. Кроме того, весной 1945 года ему было поручено вывезти из Гессена обнаруженные там документы, которые могли обвинить английскую королевскую династию в связях с руководством нацистской партии и государства. Э. Блант блестяще справился с поручением, чем привел в восхищение королевскую семью. Он был еще более приближен ко двору и в 1947 году награжден орденом Виктории. Кроме того, ему был присвоен дворянский титул и он стал именоваться сэр Энтони. Откуда англичанам было тогда знать, что обо всех основных материалах Э. Блант подробно информировал Москву.

Казалось, что факт работы Э. Бланта на советскую разведку навсегда останется тайной. Но побег в 1951 году

в СССР Д. Маклина и Г. Берджесса бросил на него первую тень. Дело в том, что хотя Э. Блант и «почистил» квартиру Берджесса после его побега, но ему не удалось уничтожить все улики. В частности, там были обнаружены документы, подписанные Д. Кернкроссом, которого Э. Блант привлек к работе на советскую разведку. Подозрения укрепились после побега на Запад заместителя резидента КГБ в Хельсинки А. Голицына, передавшего МИ-5 обширную информацию о работе КГБ в Англии. А после побега в СССР К. Филби, с которым Э. Блант встречался в Бейруте, для того чтобы предупредить о начале нового расследования, подозрения обрели под собой реальную почву. Но все же главная «заслуга» в разоблачении Э. Бланта принадлежит Майклу Стрейту, завербованному в свое время Блантом в Кембридже. В 1964 году начались первые допросы Э. Бланта в МИ-5. Э. Бланту сообщили о показаниях М. Стрейта, дали понять, что располагают достоверными фактами, уличающими его в сотрудничестве с советской разведкой, после чего объявили решение генерального прокурора: если Блант признается и даст показания, то ему предоставят полный иммунитет от судебного преследования, факт его сотрудничества с советской разведкой останется в тайне и его положение не претерпит никаких изменений. Э. Блант согласился. Но его показания коснулись лишь тех агентов, которые либо покинули Англию, либо уже умерли.

Но английское правительство не сдержало своего обещания. 15 ноября 1979 года премьер-министр М. Тэтчер на заседании парламента неожиданно сделала заявление, что сэр Энтони Блант был советским шпионом и признался в этом в 1964 году. Причиной этого заявления был тот факт, что в 1979 году в Англии вышла книга А. Бойла «Климат предательства», в которой на основе американских источников была раскрыта деятельность советского агента Мариуса, в котором без труда можно было узнать Э. Бланта. После этой публикации скрывать факты не имело смысла. После речи

Тэтчер в парламенте королева лишила Э. Бланта рыцарского звания, а чуть позднее его лишили почетной степени доктора наук Тринити-колледжа, присвоенной в 1967 году.

Э. Блант был не просто рассержен, а взбешен выступлением Тэтчер. Он справедливо считал, что этим правительство нарушает данное ему слово о полном иммунитете. Единственное, что хоть как-то его успокоило, было то, что правительство резко отклонило предложение парламента о проведении дальнейшего расследования по делу Бланта. В последние годы жизни Э. Блант много болел и 26 марта 1983 года умер от сердечного приступа. 29 марта он был кремирован на лондонском кладбище Путни. Попрощаться с ним пришло около 30 человек, а к гробу было возложено 11 венков. Позднее братья Бланта развеяли его прах на горе около Мальборо, где он учился в школе.

Джон Кернкросс с легкой руки перебежчика О. Гордиевского считается пятым человеком в пресловутой «пятерке». На самом деле он был завербован шестым после К. Филби, Д. Маклина, Г. Берджесса, Э. Бланта и М. Стрейта. Джон Александр Керклэнд Кернкросс родился в 1913 году в Глазго в семье рабочего. Одаренный интеллектуально, он победил на конкурсе и поступил с правом получения стипендии в Академию Хамилтон близ Глазго, а в 1930 году в университет Глазго, где изучал французский и немецкий языки и политэкономия. В 1933—1934 годах он учился в парижской Сорбонне, а затем поступил в Кембридж в Тринити-колледж для продолжения изучения французского и немецкого языков. В Кембридже Д. Кернкросс, как и остальные, находился под влиянием коммунистических идей. Более того, курс французского языка ему читал Э. Блант. И хотя отношения между ними были весьма натянутыми, Блант счел необходимым включить Д. Кернкросса в список кандидатов на вербовку. Он побеседовал с Кернкроссом и свел его с Г. Берджессом, который после соответствующей обработки в конце

1935 года познакомил его А. Дейчем. Окончательно Д. Кернкросс был включен в агентурную сеть НКВД в апреле 1937 года.

В 1936 году Д. Кернкросс поступает на работу в Фортин Оффис третьим секретарем Американской секции. Но из-за неуживчивого характера он то и дело переходит из отдела в отдел: Американский, Лиги Наций, Западный, Центральный. Правда, это не мешало ему приносить своему оператору А. Дейчу секретные материалы в таких количествах, что возникали определенные трудности в их транспортировке. В октябре 1938 года Д. Кернкросс перешел на работу в министерство финансов, а в сентябре 1940 года стал личным секретарем члена правительства лорда Хэнки, имеющего доступ ко всем документам кабинета. Среди «буквально тонн документов, переданных Кернкроссом, следует отметить, например, отчет Хэнки «Оценка возможности войны», датированный сентябрем 1940 года, в котором говорилось о том, что Гитлер не имеет возможности вторгнуться на Британские острова. Не менее важное значение для советской разведки имели документы из Комитета по науке, который курировал лорд Хэнки. В марте 1942 года Д. Кернкросс перешел на работу в самое секретное подразделение английской разведки — ШШПС (Школа шифровальщиков правительственной связи) в Блечли-парке, которое занималось дешифровкой перехваченных немецких сообщений. Он проработал там около года, но объем передаваемых им материалов был огромен. Д. Кернкросс привозил их своему оператору А. Горскому в выходные дни на стареньком автомобиле, купленном на деньги резидентуры. Накануне Курской битвы он передал дислокацию 17 немецких аэродромов, на которых внезапным воздушным ударом были уничтожены 500 самолетов противника. За помощь Красной Армии в период сражения на Курской дуге Д. Кернкросс был награжден советской медалью. В начале 1943 года Д. Кернкроссу предложили работать в СИС. Там он первое время работал в немецкой службе 5-го

отдела, а потом в 1-м отделе (политическая разведка). После окончания войны был демобилизован и вернулся на работу в министерство финансов, продолжая активно сотрудничать с советской разведкой. В министерстве финансов он работал в управлении обороны и имел отношение ко всему, что касалось военного бюджета. Занимаясь в 1947 году принятием «Закона о радиоактивных элементах», сообщил о решении англичан создать свою атомную бомбу. В 1949 году он участвовал в разрешении финансовых проблем, связанных с НАТО, о чем также информировал советскую разведку. Конец карьеры Д. Кернкросса как советского агента пришел в 1951 году после бегства Д. Маклина и Г. Берджесса. На квартире у Берджесса сотрудники МИ-5 обнаружили несколько писем Д. Кернкросса. За ним было установлено наружное наблюдение, но оно не выявило его контактов с советской разведкой. На допросах в МИ-5 Кернкросс не отрицал факта передачи Берджессу конфиденциальной информации, но утверждал, что не знал о работе того на русских. Не доказав его вины, МИ-5 отказалось от судебного преследования. Но Д. Кернкросс был уволен со службы без всякой пенсии. Он уехал из Англии в США, а потом в Рим, где работал в продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. В 1963 году после бегства К. Филби начались допросы Э. Бланта. В ходе допросов Блант подтвердил факт работы Д. Кернкросса на русских. В Рим на беседу с Кернкроссом прибыл сотрудник МИ-5 А. Мартин, который пообещал ему гарантию неприкосновенности в обмен на признание. Кернкросс не стал отрицать своих связей с советской разведкой, но особо подчеркнул, что делал это ради победы над фашизмом.

Конец жизни Д. Кернкросс провел во Франции в Провансе. Но и тут после бегства Гордиевского в 1985 году ему не дали спокойно жить репортеры, преследовавшие его вопросом: «Это правда, что вы были пятым?» В начале 90-х годов он вернулся в Англию — умирать. Смерть настигла его в октябре 1995 года.

Еще одним выпускником Кембриджа, работавшим на советскую разведку, был Леонард Генри Лонг. Выходец из рабочей семьи, он поступил в Тринити-колледж в октябре 1935 года с отличными оценками в учебе и дипломом по современным языкам. Его наставником по французскому языку был Э. Блант, который в 1937 году ввел Л. Лонга в общество «Апостолов». Тогда же Блант завербовал Лонга для работы на НКВД. В отличие от других агентов из Кембриджа, Лонг лично не встречался с сотрудниками лондонской резидентуры, а передавал добытую информацию через Э. Бланта.

В 1938 году Л. Лонг окончил Тринити-колледж и уехал преподавать в Германию, во Франкфурт, с тем чтобы лично ознакомиться с фашистской Германией. Он вернулся в Англию в середине 1939 года перед самым началом Второй мировой войны. А когда она началась, то записался добровольцем в легкую кавалерию. Но так как Лонг великолепно владел немецким языком, то его после соответствующих курсов в звании лейтенанта направили в военную разведку. В декабре 1940 года он начал работать в отделе МИ-4 министерства обороны, который занимался сопоставлением и анализом боевых порядков немецких войск. В начале 1941 года Л. Лонг возобновил прерванные контакты с Э. Блантом и начал передавать ему информацию, к которой имел доступ в силу своего служебного положения. В 1942 году, после того как англичане «раскололи» немецкие шифры, Л. Лонг стал передавать через Э. Бланта расшифрованные тексты радиоперехватов, которые получал из Блечли-парка. В 1943 году на Л. Лонга самостоятельно вышли сотрудники советской военной разведки (ГРУ) в Англии с предложением о сотрудничестве. Удивленный и расстроенный, Л. Лонг попросил Э. Бланта узнать, на кого он должен работать. Э. Блант через своего оператора А. Горского переслал запрос Л. Лонга в Москву, откуда незамедлительно пришел ответ, гласящий, что Лонг по-прежнему должен передавать информацию через Бланта в НКВД.

После окончания войны Л. Лонг перешел из МИ-4 в Британскую контрольную комиссию в Германии, где стал заместителем директора по разведке. А в 1946 году Э. Блант рекомендовал его на руководящую должность в МИ-5. Но кандидатура Л. Лонга была отклонена незначительным числом голосов. После этого Л. Лонг отошел от сотрудничества с советской разведкой и стал противиться попыткам Центра установить с ним постоянный контакт. Здесь сыграла свою роль и неудачная первая женитьба Л. Лонга на девушке-коммунистке. После развода с ней он в 1946 году женился вторично и был занят устройством семейной жизни.

Л. Лонг был первым, над кем нависла угроза разоблачения. Дело в том, что бежавший в сентябре 1945 года в Оттаве шифровальщик резидентуры ГРУ И. Гузенко на допросах в канадской контрразведке рассказал о существовании в английских спецслужбах советского шпиона, скрывающегося под псевдонимом Элли. Из слов Гузенко следовало, что Элли был важной фигурой и сумел изъять из МИ-5 досье, относящееся к русским в Лондоне. Более того, когда от Элли в Москву поступали телеграммы, то специальный сотрудник читал их прямо в шифровальной, и если там было что-нибудь важное, то относил расшифровки прямо Сталину. К счастью для Л. Лонга, который и был этим самым Элли, злоупотребляющий алкоголем Гузенко не смог ничего добавить к ранее сказанному, и начавшееся было расследование быстро сошло на нет. Окончательно раскрыл тайну Л. Лонга перебежчик из ПГУ КГБ О. Гордиевский. Работая над секретной историей ПГУ, он сумел получить доступ к архивам и в 1981 году сообщил англичанам, что под псевдонимом Элли скрывался Л. Лонг.

В начале 80-х годов в результате развернувшейся в Англии шумной охоты на пятого из «кембриджской пятерки» прозвучали обвинения в адрес лорда В. Ротшильда, главы знаменитой банковской династии. Правда, никто не рискнул выдвинуть против него прямых обвине-

ний, опасаясь судебного иска за клевету. Но в подозрениях действительно была доля истины.

Натаниель Мейер Виктор Ротшильд родился в 1910 году. В 1930 году он поступил в Кембриджский университет, где близко сошелся с К. Филби, Э. Блантом, Г. Берджессом и Петром Леонидовичем Капицей, работавшим в лаборатории у Резерфорда. Надо отметить, что он не имел никакого желания непосредственно заниматься банковским делом, а хотел посвятить себя научной деятельности. Но и он не избежал влияния коммунистических идей. В августе 1934 года он по предложению К. Филби встретился с неким Отто, который на самом деле был Теодором Малли, сотрудником нелегальной резидентуры А. Орлова. После первой встречи они продолжили знакомство, и вскоре В. Ротшильд дал согласие помогать СССР, единственной, по его мнению, стране, способной разгромить Гитлера.

Малли Теодор Степанович

1894 — 20.09.1938. Майор ГБ.

Венгр. Родился в г. Темешваре в Австро-Венгрии (ныне г. Тимишоара в Румынии) в семье чиновника министерства финансов. После окончания гимназии вступил в католический монашеский орден. Учился на философском и богословском факультетах семинарии, принял духовный сан дьякона, однако впоследствии расстригся.

После начала Первой мировой войны поступил на службу в австро-венгерскую армию в качестве вольноопределяющегося. В декабре 1915 г. окончил военное училище в чине фенриха. В июле 1916 г. в чине подпоручика попал в русский плен, до мая 1918 г. содержался в лагерях для военнопленных в Полтаве, Харькове, Ростове, Пензе, Астрахани, Оренбурге, Челябинске. Являлся активным участником движения военнопленных-интернационалистов.

В 1918 г. Т. Малли вступил добровольцем в РККА, участвовал в боях с белочехами под Челябинском. В ноябре 1918 г. схвачен колчаковской контрразведкой. Содержался в тюрьме в Красноярске, затем в лагере, откуда в декабре

1919 г. освобожден Красной Армией. В составе 1-й бригады дивизии им. III Интернационала участвовал в боях с войсками Колчака, Врангеля, Махно. В 1920 г. вступил в РКП(б).

В 1921 г. направлен на работу в органы ВЧК. В 1921—1926 гг. служил в органах ЧК-ГПУ Крыма в должностях регистратора, делопроизводителя, помощника уполномоченного по борьбе с бандитизмом, следователя по особо важным делам, секретаря СОЧ, начальника Секретариата, начальника Восточного отдела.

С 1926 г. Т. Малли работает в отделе политэмигрантов ЦК МОПР в Москве, затем его переводят в центральный аппарат ОГПУ. С 1926 г. он уполномоченный, затем помощник начальника отделения КРО, а с 1930 г. — оперуполномоченный ОО ОГПУ.

В конце 1932 г. переведен на работу во внешнюю разведку и назначен помощником начальника 3-го отделения ИНО ОГПУ. В 1932—1934 гг. неоднократно выезжал в спецкомандировки в Германию, Австрию, Францию (псевдоним Ланг). Участвовал в Венском восстании 1934 г., где познакомился с молодым английским антифашистом К. Филби и привлек его к работе в качестве агента Коминтерна.

С июня 1934 г. Т. Малли — нелегальный резидент в Париже, откуда курировал разведработу в Голландии. В январе — марте 1935 г. находился в Москве. В мае 1935 г. нелегально выезжал в Лондон для завершения разработки завербованного советской разведкой шифровальщика МИД Великобритании Дж. Кинга. В октябре — ноябре 1935 г. снова вернулся в Москву.

С января 1936 г. — в Лондоне, в апреле того же года сменил Л. Л. Никольского (А. М. Орлова) на посту руководителя лондонской нелегальной резидентуры, проживал по документам на имя австрийца Пола Хардта. Руководил работой знаменитой «кембриджской пятерки».

В июле 1937 г. Т. Малли был отозван в СССР для консультаций. В связи с предательством Игнатия Порецкого-Рейсса и Вальтера Кривицкого, хорошо знавших Т. Малли, вопрос о возвращении разведчика за границу был снят с повестки дня. В итоге Т. Малли продолжил работу в аппарате 7-го отдела ГУГБ НКВД.

Награжден Нагрудным знаком ЦИК Крыма (1924), Почетной грамотой и серебряным портсигаром от Коллегии ОГПУ (1927), знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (1932).

Арестован по обвинениям в злостном нарушении конспирации, разглашении государственной тайны, отказе от выполнения приказа в боевой обстановке. На предварительном следствии показал, что является немецким шпионом и в течение ряда лет вел активную работу, направленную против СССР.

20 сентября 1938 г. осужден ВК ВС СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В апреле 1956 г. определением ВК ВС СССР приговор отменен.

В 1937 году В. Ротшильд после смерти своего дяди занял его место в палате лордов и стал таким образом лордом Ротшильдом. Работа в палате лордов и близкие отношения с У. Черчиллем давали В. Ротшильду возможность информировать советскую разведку по важнейшим политическим вопросам. Кроме того, В. Ротшильд был одним из видных ученых Англии, досконально знавшим проблемы ядерной физики и биологии. Поэтому до войны он работал в научно-технической лаборатории в Портон-Дауне, занимавшейся разработкой химического и биологического оружия.

В 1939 году, после начала Второй мировой войны, В. Ротшильд поступил на работу в МИ-5 в отдел коммерческого шпионажа, а в 1940 году стал начальником отдела по борьбе с саботажем. Здесь он становится главным экспертом по немецким взрывным устройствам, а также отвечает за проверку пищи, которая поступала на стол к У. Черчиллю. (Дело в том, что у англичан имела информация о попытках немцев отравить британского премьера.) В силу своего положения В. Ротшильд лично не встречался с сотрудниками советской разведки в Лондоне, а передавал получаемую им информа-

цию через Э. Бланта. А передавать ему было что. Так, в 1942 году он, проводя инспекцию в лаборатории Бирмингемского университета, работавшей над созданием магнетрона, необходимого для радара, просто-напросто положил магнетрон себе в карман и вывез из Бирмингема. Через день он вернул его специальным курьером вместе с письмом, в котором настаивал на усилении мер безопасности. А во время инспекционной поездки в лабораторию лондонского Имперского колледжа он получил доступ к информации о методах получения плутония. Все полученные в ходе этих инспекторских поездок материалы он через Э. Бланта передал в Москву. В августе 1944 года после освобождения Парижа В. Ротшильд командирован во Францию для допроса важных немецких военнопленных. Среди них был и оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени, начальник спецгруппы VI управления РСХА, отвечавший за проведение специальных операций.

В 1945 году В. Ротшильд уволился из МИ-5 и продолжил работу в палате лордов. Одновременно он занимался научными исследованиями в Кембридже, был директором британской авиакомпания BOAC и целого ряда других фирм. В палате лордов он лоббировал интересы сионистов, стремящихся создать государство Израиль, чему противились представители Форин Оффиса и, наоборот, весьма благоволил Сталин.

После бегства в СССР Д. Маклина и Г. Берджесса В. Ротшильд перестал поддерживать контакты с советской разведкой, опасаясь разоблачения. В Центре, понимая всю щекотливость ситуации, не стали настаивать на продолжении работы, и нелегальная связь В. Ротшильда с Москвой прекратилась. В последующие годы он был членом правления нефтяной компании «Шелл» и директором дочерней «Шелл кемикалс», директором «мозгового треста» правительства Эдварда Хита, а в последние годы жизни возглавлял банк «Ротшильд».

Умер В. Ротшильд в 1990 году. В отличие от остальных членов кембриджской группы, СВР никак не комменти-

рует появившиеся в последнее время публикации о работе В. Ротшильда на советскую разведку, следуя золотому правилу: предоставлять материалы только по раскрытым агентам, виновность которых доказана судом.

Совсем недавно стало известно, что кроме мужчин была еще и женщина.

Скандал разразился внезапно — в сентябре 1999 года западные газеты и журналы запестрели заголовками типа «Прекрасная старая леди предместий защищает свои сорок лет измены», «Наследство коммунизма остается безнаказанным», «Шпион против шпиона» и даже «Маленькая старая вошь». Во всех статьях, вышедших под этими хлесткими заголовками, речь шла об англичанке Мелите Норвуд, которая, как оказалось, была агентом советской разведки аж с 1937 года.

Однако пожилая, 87-летняя женщина держалась с удивительным самообладанием. Она не только не отрицала факта своего сотрудничества с советскими спецслужбами, но и выступила перед журналистами с заявлением, в котором, в частности, сказала: «Я надеюсь, что пресса отнесется с уважением к моей частной жизни и жизни моих соседей. Я соглашусь с любым решением, которое правительство примет по этому делу».

Такая стойкость Мелиты Норвуд становится понятна, если ознакомиться с ее биографией, которая при видимой будничности таит в себе немало героического.

Мелита Норвуд (урожденная Зирнис) появилась на свет в 1912 году в Англии недалеко от портового города Саутхемптона. Ее отцом был латышский политэмигрант большевик Александр Зирнис, а матерью — англичанка, активистка женского социалистического движения. Зирнис (товарищ Саша), переплетчик по профессии, приехал в Великобританию, спасаясь от преследования царской охранки, и вскоре занял видное место в британском коммунистическом движении. Главным в его деятельности в Англии был перевод на английский язык

работ Ленина и других лидеров РСДРП. Мелита Норвуд, до сих пор относящаяся к отцу с восхищением, в разговорах с журналистами отмечала: «Это была его работа — организовать дешевую печать этих брошюр и их распространение».

Кроме того, Зирнис был основателем и первым редактором еженедельной газеты «The Southern Worker» («Южный рабочий») и журнала «Labour and Socialist Journal» («Трудовой и социалистический журнал»). Но в мае 1919 года 37-летний Александр Зирнис умер. В некрологе, опубликованном на первой странице майского номера «Трудового и социалистического журнала», о нем было сказано и такое:

«Его переводы работ товарищей Либкнехта, Ленина и Троцкого были своевременными и обеспечили тысячам английских читателей возможность читать в подлиннике этих мастеров мирового социализма».

Оставшись после смерти мужа с двумя дочерьми на руках, мать Мелиты переехала в городок Крайстчерн под Борнмутом, где проживала весьма значительная по численности колония русских политэмигрантов. Именно там Мелита, которую прозвали Маленькая Летти («Little Lettie» — Латышечка), получила первые уроки политической грамоты. А в 19 лет она стала членом женского профсоюза конторских работников и секретарш, в котором ее тетушка занимала один из руководящих постов.

Разразившаяся в начале 30-х годов Великая депрессия заставила Мелиту оставить учебу в Саутхемптонском университете, где она изучала латынь и логику, и отправиться в Лондон в поисках работы. Столица Великобритании встретила ее огромными очередями безработных, стоявших в ожидании раздачи бесплатного супа, и другими прелестями затяжного кризиса. И, несмотря на то что ей удалось в 1932 году устроиться на работу секретаршей в Британскую ассоциацию по исследованию цветных металлов (БАИЦМ), Мелита только укрепилась в своих политических пристрастиях. В

1933 году она вступила в Независимую партию труда (НПТ), а когда в 1935 году НПТ распалась — в полуподпольную Коммунистическую партию Великобритании. К Советскому Союзу как к первой стране социализма Мелита относилась с восхищением. «Я обожала русских, — вспоминает она сейчас, — но старательно скрывала это. Я была просто влюблена в Ленина. Стари-на Джо (И. Сталин) оказался не таким душкой, он не был на сто процентов правильным».

В 1937 году Мелита вышла замуж за учителя математики Хилари Норвуда, который также был коммунистом. И в этом же году произошло событие, перевернувшее ее жизнь: по рекомендации одного из основателей Компартии Великобритании с ней встретился сотрудник Разведупра — советской военной разведки. Встреча эта закончилась тем, что Норвуд стала агентом советских спецслужб. Причем работала она исключительно по идейным соображениям, категорически отказываясь от любого материального вознаграждения, хотя в это время вместе с мужем переехала в собственный дом в южном пригороде Лондона Бекслихесе, содержание которого требовало определенных средств.

Первоначально Норвуд не входила в число основных агентов, хотя была личным секретарем директора БАИЦМ. Но когда в сентябре 1941 года в Англии начались работы по созданию атомной бомбы (так называемый проект «Тьюб эллойз»), ее ценность для советской разведки значительно возросла. Дело в том, что ассоциация проводила в рамках программы «Тьюб эллойз» исследования свойств цветных металлов, в частности урана. При этом большая часть документов, касающихся атомного проекта, проходила через руки начальника Норвуд. В результате она могла передавать своему оператору (вероятно, это была Урсула Кучински (Соня), нелегальный резидент ГРУ в Англии с мая 1941 года) большое число секретных документов, относящихся к программе «Тьюб эллойз». Позднее, говоря о причинах, по которым она пошла на этот шаг, Норвуд заявила:

«Я хотела, чтобы Россия могла говорить с Западом на равных. Я делала все это, потому что ожидала, что на русских нападут, как только война с немцами закончится. Чемберлен же еще в 1939 году хотел, чтобы на них напали, это же он толкал Гитлера на восток. Я думала, что русские должны быть тоже способны защищаться, потому что весь мир был против них, против их замечательного эксперимента. И потом, они перенесли такие страдания от немцев... В войне они воевали на нашей стороне, и было бы нечестно не дать им возможности создать собственное атомное оружие».

Сейчас на Западе утверждают, что с помощью Норвуд советская разведка знала то, чего не знали даже члены тогдашнего британского кабинета министров, и что с ее помощью СССР создал свою атомную бомбу на пять лет раньше, чем предполагалось. Однако такие заявления не соответствуют истине. Ведь кроме Норвуд советская разведка имела других, более информированных в английской и американской ядерных программах агентов. Это прежде всего ученые-физики Клаус Фукс, в 1941—1943 годах работавший в Бирмингемской лаборатории в Англии, а затем в Оук-Ридже и Лос-Аламосе в США, Аллан Мей, работавший сначала в Кавендишской лаборатории в Кембридже, а потом в Монреальской лаборатории Национального научно-исследовательского совета Канады, а также Бруно Понтекорво и Теодор Холл, участвовавшие в создании американской атомной бомбы в рамках «Манхэттенского проекта». Да и советская атомная бомба была создана на три года раньше английской.

Впрочем, это обстоятельство несколько не умаляет заслуг Норвуд. Недаром Зоя Зарубина, дочь известного советского разведчика Василия Зарубина, сама долгое время работавшая в разведке, считает, что личное мужество Норвуд достойно всяческой похвалы. «Это была трудная и опасная задача, — сказала она в интервью корреспонденту английской газеты «Обсервер». — Мели-

та чувствовала, что поступает правильно, когда делилась информацией о британских ядерных секретах с пролетарским государством».

Информацию об английском ядерном проекте Норвуд продолжала передавать и после войны. Это было особенно важно в связи с тем, что из-за предательства шифровальщика канадской резидентуры ГРУ И. Гузенко английской контрразведкой МИ-5 были арестованы А. Мей (в марте 1946 года) и К. Фукс (в январе 1950 года). В это же время между ГРУ и внешней разведкой МГБ развернулось соперничество за контроль над Норвуд. При поддержке Л. Берии победило МГБ, после чего оператором Холы (псевдоним Норвуд) стал сотрудник лондонской резидентуры ПГУ МГБ Николай Павлович Островский. Когда же в мае 1947 года ГРУ и ПГУ МГБ были объединены в Комитет информации (КИ), военная разведка вернула себе контроль над Норвуд и ее операторами стали сотрудники ГРУ Галина Константиновна Туревич и Евгений Александрович Олейник.

Однако в апреле 1950 года, после осуждения К. Фукса и расследования МИ-5 по делу успевшей уехать в ГДР Сони, оператора Фукса и Норвуд во время войны, Хола в целях ее безопасности была временно законсервирована. Контакт с ней был возобновлен только в ноябре 1951 года, после расформирования КИ. Тогда же Норвуд вновь была передана на связь легальной лондонской резидентуре ПГУ МГБ.

В октябре 1952 года на островах Монте-Белло возле северо-западного побережья Австралии прошли успешные испытания первой английской атомной бомбы. Но во многом благодаря усилиям Норвуд в СССР были осведомлены как о ее конструкции, так и о ходе и результате самих испытаний. Разумеется, информация, передаваемая Холой, не ограничивалась атомными секретами. Документальные материалы, добываемые Норвуд в БАИЦМ, практически всегда находили применение в

советской промышленности. Недаром в 1958 году ее наградили орденом Красного Знамени.

Норвуд также действовала и как агент-вербовщик. Так, в 1965 году она начала разработку некоего гражданского служащего, проходившего в ПГУ КГБ под псевдонимом Хант. Его вербовка состоялась в 1967 году, после чего он в течение 14 лет передавал в Москву научно-техническую документацию и сведения о продажах Великобритании оружия. В конце 70-х годов лондонская резидентура выплатила Ханту 9000 фунтов стерлингов, для того чтобы он смог основать собственный бизнес. При этом расчет делался на то, что он сможет использовать открывшиеся в результате этого возможности для передачи советской разведке подпадающих под эмбарго западных технологий.

Из соображений безопасности Норвуд встречалась со своими операторами для передачи материалов только четыре-пять раз в году, обычно на юго-восточных окраинах Лондона. В период с 1952 по 1972 год связь с ней поддерживали следующие сотрудники лондонской легальной резидентуры: Евгений Александрович Белов, Георгий Леонидович Трусевич, Николай Николаевич Асимов, Виталий Евгеньевич Цейров, Геннадий Борисович Мякинков и Лев Николаевич Шерстнев. Однако в конце 1958 года оператором Холы некоторое время был известный впоследствии разведчик-нелегал Конон Трофимович Молодой (Бен).

Шерстнев Лев Николаевич

1927—1993. Полковник.

Сотрудник ПГУ, инженер. В 1952—1953 гг. работал в Канаде по легальной линии. В 1959—1963 гг. работал в Норвегии по легальной линии. В 1968—1971 гг. первый секретарь посольства СССР в Великобритании, руководитель линии «Х» (научно-техническая разведка) резидентуры ПГУ. Летом 1971 г. выслан из страны в составе большой группы сотрудников советских учреждений в Великобритании.

Молодой Конон Трофимович

17.01.1922 — 9.10.1970. Полковник.

Родился в Москве в семье научных работников (отец, умерший в 1929 г., — преподаватель МГУ и МЭИ, заведующий сектором научной периодики Госиздата; мать — профессор ЦНИИ протезирования, во время Великой Отечественной войны — военный хирург).

В 1932 г. с разрешения советского правительства Конон выехал в США к тетке, жившей там с 1914 г. Учился в средней школе в Сан-Франциско. В 1938 г. возвратился в Москву, где окончил школу (1940).

В октябре 1940 г. был призван в РККА. Участвовал в Великой Отечественной войне, служил во фронтовой разведке. Помощник начальника штаба отдельного разведывательного дивизиона. Ходил в тыл противника, брал «языков».

Демобилизовался из армии в 1946 г. в звании лейтенанта. Окончил юридический факультет Московского института внешней торговли (1951), работал там же преподавателем китайского языка. Участник авторского коллектива учебника китайского языка.

С конца 1951 г. во внешней разведке, в ШОН готовился к нелегальной работе за границей. В 1954 г. нелегально выведен в Канаду, после промежуточной легализации там под видом канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла приехал в Лондон, где возглавил нелегальную резидентуру под прикрытием владельца фирмы по продаже и обслуживанию игровых автоматов (оперативный псевдоним Бен).

Его агентами-связниками были известные советские разведчики-нелегалы Питер и Хелен Крогеры (Моррис и Леоantina Коэны), а также Мелита Норвуд.

В 1961 г. после измены сотрудника польской разведки М. Голеневского, перебежавшего в США, ЦРУ сообщило британским спецслужбам полученные от него сведения об агентах нелегальной резидентуры, работавших на базе ВМС в Портленде. 13 января 1961 г. Молодой был арестован, в марте лондонским уголовным судом приговорен к 25 годам тюремного заключения. Во время ареста, следствия и суда свою принадлежность к советской разведке не признал.

В 1964 г. с согласия английского правительства был осуществлен обмен Молодого на агента английской разведки Гревилла Винна, арестованного в Москве. После возвращения в Москву Молодой работал в центральном аппарате ПГУ.

Награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, многими медалями.

Скоропостижно скончался от инсульта. Похоронен на Донском кладбище в Москве.

Молодой приехал в Лондон в марте 1955 года с паспортом на имя гражданина Канады Гордона Лонсдейла. Что же касается Норвуд, то первый раз она встретилась с Молодым 23 декабря 1958 года и, как обычно, передала ему пакет документов из сейфов БАИЦМ. Однако уже спустя два месяца Холу вновь передали под контроль лондонской легальной резидентуры. Благодаря этому обстоятельству Норвуд избежала провала, когда 7 января 1961 года Молодой был арестован сотрудниками МИ-5.

В 1962 году Норвуд получила от ПГУ КГБ пожизненную пенсию в размере 20 фунтов стерлингов в месяц. Но, как уже говорилось, она работала не ради денег, а из идейных соображений. Поэтому в 1972 году, после выхода на пенсию, она отказалась получать деньги, заявив, что у нее достаточно средств и она не нуждается в пенсии. Когда после подписания в 1975 году Хельсинкского соглашения между Востоком и Западом наступил период «разрядки», Норвуд дважды посетила СССР в качестве туриста. В 1979 году, во время второй поездки, ей вручили орден Красного Знамени, которым она была награждена еще в 1958 году.

Прекратив в 1972 году отношения с советской разведкой, Норвуд продолжала оставаться убежденной коммунисткой. Живя одна после смерти мужа в

1986 году, она по-прежнему активно участвовала в левом движении, а также каждую субботу покупала три десятка экземпляров коммунистической газеты «Морнинг стар» и раздавала знакомым. Все соседи считали ее милой пожилой леди, имеющий небольшой коммунистический «пунктик». Но в субботу 11 сентября 1999 года эта идиллия рухнула. В этот день лондонская «Таймс» вышла с огромной фотографией Норвуд на первой полосе и статьей, в которой говорилось о ее работе на советскую разведку. А узнали журналисты об этом из только что опубликованной книги «Архив Митрохина: КГБ в Европе и на Западе», авторами которой были профессор Кембриджского университета Кристофер Эндрю и бывший сотрудник ПГУ КГБ Василий Митрохин, о котором необходимо рассказать более подробно.

Родившийся в 1932 году Василий Никитович Митрохин работал в ПГУ КГБ на скромной должности — начальником архивного отдела, который возглавил в 80-х годах. Однако еще в 1972 году, воспользовавшись тем, что разведка переезжала в новое здание в Ясенева, он решил обеспечить себе старость и начал скрупулезно копировать все документы, к которым у него был доступ. В течение более чем 10 лет он выбирал наиболее интересные дела и переписывал их мелким почерком на листах бумаги, после чего прятал в ботинки или носки и выносил из управления. Дома он перепечатывал свои записи на пишущей машинке, помещал в пакеты из-под молока и закапывал на дачном участке в алюминиевом контейнере. Созданный таким образом «архив» охватывал операции советской внешней разведки в период с 1930 по 1984 год и насчитывал 25 тыс. страниц текста. В 1985 году товарищи проводили полковника Митрохина на пенсию, после чего он затаился на целых семь лет.

В 1991 году Советский Союз приказал долго жить, а на следующий год Митрохин решил податься на Запад. Этот свой шаг он позднее объяснил чисто идейными

соображениями — давней и застарелой ненавистью к советскому режиму, а также желанием открыть миру глаза на его преступления. В августе 1992 года Митрохин сел на поезд и отправился в столицу ставшей независимой Латвии. Оказавшись в Риге, он сразу же направился в посольство США, где показал небольшую часть своего архива сотрудникам ЦРУ. Но американцам в то время досаждали многочисленные желающие уехать в США, да еще не с пустыми руками. Поэтому, переговорив с Митрохиным и бегло просмотрев его бумаги, они посчитали его техническим работником и просто «архивной крысой». Кроме того, бумаги Митрохина представляли собой не подлинные документы, а сомнительные с точки зрения американцев копии и поэтому вполне могли быть сфальсифицированы. В результате они дали Митрохину от ворот поворот, по поводу чего не раз потом кусали себе локти.

Однако Митрохин не стал расстраиваться и сразу же направился в расположенное неподалеку посольство Великобритании. Там ему оказали более радужный прием. Сотрудница СИС провела с Митрохиным несколько интенсивных бесед, просмотрела представленные документы и сразу же поняла их ценность. В Лондон была направлена телеграмма с отчетом, после ознакомления с которым руководство СИС дало добро на вывоз Митрохина, получившего псевдоним Керб, и его жены в Англию. И уже 7 сентября 1992 года Митрохин с супругой оказались в Лондоне, где им сменили документы, предоставили пенсию и поселили в безопасном месте.

Но в то время как сам Митрохин уже находился в Англии, большая часть его архива все еще оставалась закопанной на подмосковной даче. Поэтому в первые несколько недель сотрудники СИС опрашивали Митрохина по поводу местонахождения архива, а затем разработали операцию по его доставке в Лондон. С этой целью в Москву был направлен офицер МИ-6 Ричард Томлинсон, сейчас известный тем, что, разругавшись со своим

начальством, поместил в Интернете сотни имен сотрудников и агентов английской разведки, а в январе этого года опубликовал в России свою книгу, в которой рассказал о многих тайных операциях СИС. Но тогда он под дипломатическим прикрытием благополучно прибыл в Москву, откопал на даче Митрохина 6 алюминиевых контейнеров и без происшествий доставил их в британское посольство. Ну а переправить их на Британские острова не составило никакого труда.

В Лондоне над разбором «бумаг Митрохина» работали сначала англичане, потом американцы, а затем и представители других разведок. По словам эксперта по разведке Рональда Кесслера, который работал с архивом Митрохина, прочтение документов создавало странный эффект — открывалось все то, что делал все эти годы противник. Причем детализация материала и его точность были просто удивительны. А другой сотрудник МИ-6 заявил, что если бы на Запад бежал глава КГБ, то и он обладал бы меньшей информацией.

Через некоторое время английский гражданин Митрохин стал настаивать на публикации хотя бы части его архива. И в 1996 году министр иностранных дел Великобритании Малькольм Рифкинд санкционировал публикацию части «бумаг Митрохина». С этой целью доступ к архиву получил историк профессор Кембриджского университета Кристофер Эндрю, в свое время успешно работавший с другим советским перебежчиком — полковником Олегом Гордиевским. Совместно с Митрохиным Эндрю должен был написать книгу по материалам архива. В результате после нескольких лет работы в сентябре 1999 года в Лондоне вышла в свет книга К. Эндрю и В. Митрохина «Архив Митрохина: КГБ в Европе и на Западе». Среди советских агентов, работавших в Англии, в книге была упомянута и Мелита Норвуд.

Как уже говорилось, Норвуд достойно встретила разоблачения перебежчика. В тот же день она вышла к журналистам, осаждавшим ее дом, и зачитала заявление, в котором говорилось:

«Я уже стара, поэтому не могу полагаться на свою память, я была всего лишь клерком, а не специалистом; я хотела предотвратить поражение той системы, которая дала простым людям хлеб, образование и медицинскую помощь. Я считала, что документы, к которым я имела доступ, могут быть полезны для России и она сможет быть наравне с Великобританией, США и Германией. Вообще я не одобряю шпионаж против собственной страны; я делала то, что делала, из лучших побуждений, хотя многим трудно это понять».

После этого в Англии разразился скандал. «Теневой» министр внутренних дел консерватор Энн Виддекомб потребовала от правительства немедленно представить разъяснения по делу Норвуд. В результате министр внутренних дел Джек Стро был вынужден признать, что британская разведка еще в 1992 году узнала имена, адреса и послужные списки бывших советских агентов, но не сообщала о них, так как ее руководству очень не хотелось признавать, что под носом у английских спецслужб работали шпионы, о которых они ничего не знали. Что же касается Мелиты Норвуд, то власти решили не привлекать ее к суду, учитывая ее преклонный возраст.

Публикация «архива Митрохина» вызвала шпионские скандалы как в самой Англии, так и во Франции и Италии. Поэтому неудивительно, что в ближайшее время готовятся к печати второй и третий тома «Архива Митрохина». Сам же Митрохин получил то, к чему так стремился, — мировую скандальную известность и неплохие деньги. Поэтому ему не придется, как другому перебежчику из КГБ Виктору Макарову, устраивать голодные забастовки у стен английского парламента или идти на мошенничество, как это сделал бывший майор ПГУ КГБ Михаил Бутков, бежавший в Англию в 1991 году.

На этом в рассказе о выпускниках Кембриджского университета, сотрудничавших с советскими спецслужбами и работавшими в разное время в английских спец-

службах, можно поставить точку. Хочется только добавить, что до конца узнать всю правду о событиях тех лет вряд ли будет возможно в ближайшее время. Из архивов СВР, ставших частично доступными в последние годы, стало известно о существовании в Англии в 30—50-х годах параллельно с «кембриджской» группой агентурной сети из выпускников Оксфорда, «первый человек» (Филби) которой имел псевдоним Скотт (Шотландец). Поэтому говорить о том, что все тайны советской разведки давно распроданы и известны на Западе, явно преждевременно.

В Стране восходящего солнца

Отношения России с ее дальневосточным соседом — Японией, — имеют давнюю историю. Еще в середине XVII века российские представители пытались наладить с ней контакты. Но проводимая феодальными правителями (сёгунами) Японии политика самоизоляции привела к тому, что подлинно добрососедские отношения были установлены лишь после 1855 года, когда Россия получила право на торговлю в японских портах. Однако в дальнейшем положение изменилось. При поддержке Англии, которая имела свои далеко идущие планы на Дальнем Востоке, Япония в 1875 году отторгла от России Курильские острова. Начавшаяся в 1904 году русско-японская война закончилась для России тяжелым поражением. А в 1918 году японские войска оккупировали Приморье, Забайкалье и Северный Сахалин, сосредоточив на русском Дальнем Востоке 21 пехотную дивизию и другие части.

Начиная с 1922 года, когда российский Дальний Восток был освобожден от оккупировавших его японских войск, молодое советское правительство неизменно выражало готовность к установлению с Японией политических, торгово-экономических и других связей. Но руководящие круги Японии, проводя активную милита-

ристскую политику, направленную на захват большей части Азии, вынашивали планы отторжения от СССР территорий за Уралом. Поэтому деятельность советской внешней разведки в Японии и на оккупированных ею территориях была крайне важна и необходима для обеспечения безопасности молодого Советского государства.

Здесь надо отметить, что хотя после заключения в январе 1925 года Пекинского договора в Токио начало функционировать советское полпредство, постоянной резидентуры ИНО ОГПУ при нем не было. Некоторое время обязанности резидента исполнял некто Сверчевский. Но его деятельностью в Центре были недовольны, так как он в основном занимался интригами внутри полпредства, и в конце 1926 года Сверчевский был отозван в Москву.

Первая постоянная легальная резидентура ИНО ОГПУ появилась в Токио в марте 1928 года, когда туда прибыл Владимир Павлович Алексеев. Под фамилией Железняков он стал первым резидентом внешней разведки в Японии. Алексеев пробыл в Токио до 1931 года, когда его сменил Иван Иванович Журба (Шебеко), до этого с января 1928 года бывший резидентом ИНО в Дайрене под прикрытием должности консула. Но в связи со специфическими особенностями японского общества и жестким контрразведывательным режимом особых успехов в конце 20-х годов токийская резидентура не достигла. Впрочем, Алексееву неоднократно удавалось получать важную информацию во время официальных приемов и конфиденциальных бесед с аккредитованными в Токио дипломатами. Но все же гораздо более продуктивно работали по Японии резидентуры, действовавшие в Сеуле, Харбине, Шанхае и других городах Китая.

Алексеев Владимир Павлович

1900—1988.

Член РКП(б) с 1919 г. Председатель Гомельского укома ВЛКСМ, сотрудник Земельного отдела уездного исполкома.

В 1919—1920 гг. служил в РККА, затем в органах ВЧК-ОГПУ, уполномоченный Восточного отдела ОГПУ.

В 1925 г. окончил восточный факультет Военной академии РККА, после чего был направлен на заграничную разведработу в Харбин.

С 1928 г. работал в полпредстве СССР в Токио под именем Владимира Владимировича Железнякова: с апреля 1928 по апрель 1931 г. — второй секретарь, в 1932—1934 гг. — первый секретарь полпредства и генконсул.

В 1935—1937 гг. — референт по Японии секретаря ИККИ О. В. Куусинена. Был репрессирован. Находился в заключении. Освобожден и реабилитирован.

Шебеко (Журба) Иван Иванович

1896 — 2.02.1940.

Родился в с. Смородинка в Белоруссии в крестьянской семье. В августе 1915 г. призван на военную службу. В 1919 г. вступил в РКП(б).

В 1919 г. (с января по апрель) служил в РККА. С мая 1919 г. — в ВЧК-НКВД, был уполномоченным ОГПУ в Туркесреспублике по Восточному отделу ОГПУ. Окончил восточный факультет Военной академии РККА (1925) и назначен в распоряжение ОГПУ. Секретарь консульства в Кобе (Япония) в 1925—1927 гг., вице-консул в Сеуле (Корея) в 1927—1928 гг., консул в Дайрене (Китай) в 1928—1930 гг. В 1931—1932 гг. — агент НКВД во Владивостоке.

В 1933—1938 гг. — второй секретарь полпредства СССР в Японии.

Арестован 27 марта 1939 г. Расстрелян 2 февраля 1940 г. Реабилитирован в 1956 г.

Так, еще в 1923 году харбинская резидентура получила информацию о наличии у Японии планов создания в Северной Маньчжурии независимого мусульманского района с целью развертывания разведывательной работы в мусульманском движении в советской Средней Азии. В 1924 году через горничную чиновника японского гене-

рального консульства в Харбине были получены важные японские документы, в том числе около 20 шифров. А в 1928 году сотрудники харбинской резидентуры достали материалы о планах Токио образовать в Маньчжурии Независимую Маньчжурскую республику.

Однако наибольшего успеха по раскрытию военных планов Японии в отношении СССР в конце 20-х годов удалось достичь сеульской резидентуре ИНО ОГПУ, которой в 1927—1929 годах руководил Иван Андреевич Чичаев.

Чичаев Иван Андреевич

1896 — 15.11.1984. Полковник.

Родился в с. Ускляй Кокчетавского уезда Акмолинской области в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу. С 1911 г. проживал в Москве, работал рассыльным, грузчиком, книгоношей.

В 1916 г. призван в армию, воевал на Юго-Западном фронте. После Февральской революции 1917 г. являлся членом полкового Совета солдатских депутатов, избирался председателем дивизионного комитета.

С 1919 г. И. А. Чичаев — сотрудник ВЧК, председатель ревкомиссии и ЧК г. Рузаевки. С 1920 г. — председатель ЧК на станции Алатырь. В 1921—1923 гг. — представитель ГПУ на Московской ж. д., обеспечивал восстановление железнодорожного транспорта.

В декабре 1923 г. командирован по линии КРО ОГПУ в Монголию под прикрытием должности зав консульским отделом полпредства СССР. В 1924 г. переведен в ИНО ОГПУ. С 1924 г. — резидент внешней разведки в Тувинской Республике под прикрытием должности консула СССР в Кызыле.

В 1925—1927 гг. — референт НКВД.

С сентября 1927 г. И. А. Чичаев — резидент ИНО ОГПУ в Корее под прикрытием должности генерального консула СССР в Сеуле. В сложной обстановке оккупации страны японцами привлечен к сотрудничеству офицера японской политической полиции Абэ, который передал в резидентуру

множество материалов о планах японского правительства. Наиболее важным из них был так называемый «Меморандум Танаки» — сверхсекретное письмо премьер-министра Японии императору Хирохито, в котором излагались основные направления внешней политики возглавляемого Танакой кабинета министров на длительный период, включавшие оккупацию Китая, МНР, Индии, Малой и Центральной Азии, а также планы агрессии против Советского Союза.

В 1930 г. И. А. Чичаев вернулся в СССР, работал в аппарате НКВД, затем — начальником отделения ИНО ОГПУ.

С 1932 г. — резидент в Выборге под прикрытием должности генерального консула. В 1934 г. — резидент в Эстонии. В 1935—1938 гг. — в центральном аппарате разведки.

С августа 1938 по апрель 1939 г. — резидент в Риге.

В октябре 1940 г. под прикрытием советника полпредства СССР в Швеции направлен резидентом в Стокгольм.

21 июня 1941 г., за несколько часов до начала Великой Отечественной войны, И. А. Чичаев был отозван в Москву и назначен начальником 5-го (англо-американского) отдела 1-го управления НКГБ СССР. С началом войны переведен в Особую группу при наркоме, где стал готовиться к работе резидентом в оккупированных северо-западных районах страны по развертыванию там партизанского движения. Однако накануне заброски в тыл врага получил приказ наркома ГБ В. Н. Меркулова заниматься эвакуацией сотрудников аппарата разведки и членов их семей в Новосибирск.

После возвращения в Москву совместно с В. М. Зарубиным принимал участие в переговорах с миссией британской разведки СИС о взаимодействии в борьбе против нацистских спецслужб. В результате переговоров было подписано соглашение о сотрудничестве.

С сентября 1941 г. — представитель НКВД в Лондоне, одновременно с 1944 г. — поверенный в делах СССР при союзных эмигрантских правительствах.

В мае 1945 г. получил назначение резидентом в Хельсинки. Однако по пути из Лондона в СССР поступило новое назначение, и И. А. Чичаев отправился в Прагу в качестве резидента и советника НКГБ под прикрытием

чрезвычайного и полномочного посланника СССР в ЧСР И. Тихонова.

В 1947 г. по возвращении в Москву работал начальником отдела, а затем, с 1948 г., — заместитель начальника Управления КИ при СМ-МИД СССР. Одновременно преподавал в ВРШ. В 1951 г. командирован в Берлин во главе специальной оперативной группы по работе с перебежчиками из западных оккупационных зон.

В 1952 г. после перенесенного инфаркта вышел на пенсию по состоянию здоровья.

После отставки занимался литературным трудом. Автор трех книг («Незабываемые годы», «Страницы минувших дней», «Рузаевка на заре Октября»), многочисленных статей и очерков.

Умер в Москве.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета», многими медалями. Чрезвычайный и полномочный посланник 2-го ранга (1945).

Прибыв в Сеул в сентябре в качестве консула, Чичаев через некоторое время обратил внимание на молодого японского офицера Хироси Отэ. Будучи специалистом по России, Отэ принимал участие в оккупации советского Дальнего Востока, а с 1923 года служил в Корее в Главном жандармском управлении в Сеуле. Его задачей было поддержание контактов с представителями белой эмиграции и вербовка среди русских, китайцев и корейцев агентуры для разведывательной деятельности на территории СССР.

Отэ привлек к себе внимание Чичаева тем, что не скрывал своего желания подзаработать на перепродаже земельных участков, принадлежавших царской миссии в Корее. И однажды, в 1927 году, по указанию Чичаева сотрудник резидентуры Василий Васильевич Кузнецов под благовидным предлогом пригласил Отэ к себе домой. В ходе доверительной беседы Отэ согласился сотрудничать с советской разведкой. При этом он сослался на

материальные затруднения. Так в сеульской резидентуре ИНО появился ценный источник, которому присвоили оперативный псевдоним Абэ.

Среди переданных Отэ материалов необходимо назвать документы Генерального штаба японской армии, штабов Квантунской и Корейской армий, Главного жандармского управления, полиции, генерал-губернаторства Кореи, японской разведки и контрразведки. Но самое главное — он передал Чичаеву документ, имевший высшую степень секретности, содержание которого было немедленно доложено И. Сталину. Это был меморандум, составленный в 1927 году премьер-министром и министром иностранных дел Японии генералом Танакой, в котором излагалась программа японской военной экспансии и борьбы за мировое господство. Позднее эту программу называли «Меморандум Танаки». Для того чтобы понять важность этого документа, необходимо ознакомиться с некоторыми выдержками из него:

«Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить США... Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать весь мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами...

Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом».

Относительно СССР в «Меморандуме Танаки» высказывались следующие планы:

«В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии».

Чуть позднее текст «Меморандума Танаки» был передан в Москву и харбинской резидентурой внешней разведки. В Кремле были обеспокоены агрессивными планами Токио и поэтому пошли на беспрецедентный шаг. В 1929 году «Меморандум Танаки» был опубликован в китайском журнале «Чайна критик». Несмотря на официальные опровержения японского правительства, эта публикация на некоторое время вынудила Токио отказаться от провокаций в отношении СССР. Что касается дальнейшей судьбы программы Танаки, то в 1946—1948 годах она фигурировала на Токийском международном трибунале по делу японских военных преступников в качестве документа № 169.

Однако, понимая всю серьезность угрозы со стороны Японии дальневосточным территориям СССР, кремлевское руководство требовало от резидентур внешней разведки в Японии, Китае и Корее новые сведения о планах и практических действиях Токио в Китае, Маньчжурии и Монголии. Например, в Сеул было направлено следующее указание:

«В дальнейшей работе особенное внимание обращайте на выявление всяких фактов подготовки агрессии против СССР вообще и советских интересов в Северной Маньчжурии, Монголии и на Дальнем Востоке в частности»¹.

Выполняя это указание, сотрудники сеульской резидентуры активизировали работу по приобретению источников в японской армии и спецслужбах. Так, при помощи Отэ в период с 1928 по 1932 год были завербованы офицеры штаба Корейской армии Чон и Тур, сотрудники Главного жандармского управления Сай и Ли, служащий Корейского генерал-губернаторства Мак, военнослужащий Кан и другие. О ценности поступающей от них информации можно судить по характеристике агента Тура, которую дал в 1935 году резидент ИНО НКВД в Сеуле Георгий Павлович Каспаров:

«Завербован в 1932 году... Регулярно дает большое количество материалов, исключительно подлинников.

Дал много ценных материалов по японской разведке в СССР, подготовке Японии к войне, международной политике Японии и т. д. Основные группы добываемых материалов:

1) секретные сводки и журналы Генерального штаба и других центральных органов;

2) сводки и оперативные документы японских органов в Маньчжурии — штаба Квантунской армии, Харбинской военной миссии и других военных миссий;

3) сводки и другие разведывательные и оперативно-стратегические материалы штаба Корейской армии;

4) описание маневров, руководства по боевой подготовке и т. п. материалы военного министерства»².

Каспаров Григорий Павлович

1906 — ?

Успешно работал в Корее.

С мая 1944 по январь 1945 г. — резидент внешней разведки в США под прикрытием должности вице-консула в Сан-Франциско.

С января 1945 по конец 1946 г. — резидент в Мексике под прикрытием должности первого секретаря посольства.

В 1949—1952 гг. — резидент в Японии.

Что же касается Отэ, то в 1932 году он по указанию своего оператора Евгения Михайловича Калужского добился перевода в Харбин в местное жандармское управление.

Калужский Евгений Михайлович

1902 — 2.02.1940. Лейтенант ГБ.

Родился в г. Екатеринославе. В 1930—1932 гг. работал в Японии, вел ценного агента Абэ.

Арестован 28 марта 1939 г. в должности переводчика НКВД СССР. Расстрелян 2 февраля 1940 г.

Реабилитирован в 1956 г.

Это было связано с тем, что в 1931 году Япония оккупировала Маньчжурию, а в 1932 году создала на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-Го. Именно там размещались теперь основные японские службы, осуществляющие проведение в жизнь «Меморандума Танаки». Поэтому в Центре решили, что Отэ лучше всего находиться там. Сотрудничество Абэ с советской разведкой продолжалось до января 1939 года, после чего из Москвы поступило указание прекратить с ним всякие контакты. Причиной тому стали репрессии, обрушившиеся в это время на разведку, и охватившая всех и вся шпиономания. В Москве Отэ обвинили в том, что он вербовал шпионов в пользу японской разведки, и над ним нависла угроза физической ликвидации. Правда, опасность вскоре миновала, а в 1945 году сотрудники внешней разведки разыскали Отэ в одном из советских лагерей для военнопленных, после чего его дело было пересмотрено, а сам он полностью реабилитирован.

В начале 30-х годов руководство внешней разведки во главе с Артуром Христиановичем Артузовым предприняло ряд усилий для активизации работы токийской резидентуры. Для этого в 1934 году из Японии был отозван резидент И. И. Журба (Шебеко). Он, как уже говорилось, был резидентом с 1931 года, но не сумел организовать продуктивную работу. А на его место был назначен Борис Игнатьевич Гудзь, перед которым была поставлена задача найти агента в японской контрразведке с целью полностью лишить японцев возможности проникать в полпредство.

Гудзь Борис Игнатьевич

Род. 08.1902. Полковой комиссар (1937).

Родился в семье агронома, социал-демократа, а позднее коммуниста. Учился в Тульском коммерческом училище.

В 1919 г. вступил добровольцем в Красную Армию, слу-

жил в нестроевых частях на Западном и Юго-Западном фронтах. В 1921 г. окончил Школу военных мотористов. После демобилизации в 1922 г. приехал в Москву, работал на автобазе Наркомата путей сообщения и учился в Горной академии.

В 1923 г. по рекомендации А. Х. Артузова, лично знавшего родителей Б. И. Гудзя, принят на работу в ОГПУ. Работал в 5-м отделении КРО, которое занималось агентурной охраной границы, и в 6-м отделении, которое боролось с белогвардейским подпольем. Принимал участие в операции «Трест».

В 1925 г. вступил в ВКП(б).

В 1932—1934 гг. Б. И. Гудзь — начальник контрразведывательного и иностранного отделений ОО ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в Иркутске. Руководил в течение двух лет операцией «Мечтатели» по легендированию на советской территории подставной контрреволюционной организации с целью войти в доверие к белоэмигрантским центрам.

В 1934—1936 гг. — помощник резидента ИНО ГУГБ НКВД в Японии под именем Гинце Борис Александрович и прикрытием должности третьего секретаря полпредства СССР. Успешно выполнял задания по обеспечению безопасности полпредства и приобретению агентуры в японской контрразведке.

В апреле 1936 г. по просьбе А. Х. Артузова, ставшего к тому времени заместителем начальника Разведупра, Б. И. Гудзь был переведен в военную разведку. Работал на японском направлении, занимался делом Зорге.

В июне 1937 г. уволен в запас РККА. Работал шофером автобуса, начальником колонны.

В настоящее время на пенсии, живет в Москве.

Почетный сотрудник органов госбезопасности.

Прибыв в Токио, Гудзь первым делом постарался наладить нормальные, деловые отношения с полпредом Константином Константиновичем Юрневым, что в дальнейшем не раз помогало ему в работе. Потом он

провел анализ лиц, причастных к работе полпредства, и решил приступить к разработке жандармского унтер-офицера Аримур, охранявшего советское консульство. Так как в это время в Японии действовало большое число террористических экстремистских группировок, было решено обратиться к нему за помощью в организации безопасной работы и проживания сотрудников советского полпредства. Аримура согласился помочь. А через некоторое время он принес Гудзю очень ценный документ, озаглавленный «Информация о деятельности агентуры в советском посольстве». Так сотрудники резидентуры получили список агентов японской контрразведки, работавших в полпредстве. Со временем от них под благовидными предложениями удалось избавиться. От Аримур также были получены сведения о том, что агенты японской контрразведки собирают из мусорных корзин в посольстве вырезки из газет, рисунки схем и карт, которые выбрасывали туда сотрудники военного атташе. И хотя эти бумаги не были секретными, японская контрразведка собирала их, надеясь использовать для возможных провокаций. Гудзь немедленно сообщил об этом полпреду Юреневу. Тот переговорил с военным атташе, и после этого использованные бумаги стали не выбрасывать, а сжигать.

Со временем объем передаваемой от Аримур информации увеличился, и было решено включить его в агентурную сеть. Но в Москве выразили подозрения, не «подстава» ли он японской контрразведки. Для проверки Аримур в Токио прибыл опытный разведчик, заместитель резидента в Шанхае Куцин. Проверка установила благонадежность Аримур, и он был включен в агентурную сеть под псевдонимом Кротов.

От Аримур был получен разработанный в 1932 году японским Генеральным штабом стратегический план «Оцу». Согласно этому плану, на советской границе должна быть развернута крупная армейская группировка из 30 дивизий, которые предполагалось сформировать в Маньчжурии. Из них 24 дивизии выде-

лялись для действий против СССР. Наступательная операция при этом разбивалась на две части — прорыв границы, продвижение на восток и удар на северо-запад, в район озера Байкал. Позднее в дополнение к плану «Оцу» был разработан план «Хэй», также ставший достоянием советской разведки. Он предусматривал на первом этапе боевых действий против СССР захват Николаевска-Уссурийского, Владивостока, Имана с дальнейшим наступлением на Хабаровск и Благовещенск. Одновременно с этим предполагалось нанесение удара в Монголии. Помимо этих документов Аримура передавал в резидентуру ежегодные мобилизационные планы военных округов, схемы дислокации воинских частей как в самой Японии, так и в Корее и Маньчжурии, данные о настроениях в японской армии, шифровальные таблицы, сведения о разработках новых видов оружия и о кадровых перестановках в военном руководстве и т. п.

Так как Аримура работал в японских спецслужбах, то имел доступ к документам 3-го отдела Главного жандармского управления, который обрабатывал все сведения об СССР. Более того, он получил возможность посещать созданную при отделе фотолабораторию, благодаря чему добывание секретных документов было поставлено на плановую основу. С помощью фотоаппарата, полученного в резидентуре, Аримура сначала фотографировал только оглавления документов, из которых потом выбирались самые необходимые.

О том, какое значение придавали в Центре информации Аримуры, свидетельствует следующая инструкция по работе с ним:

«Использовать его в качестве наводчика для новых вербовок запрещаем. Следует нацелить его именно на получение документальных материалов, т. к. они особенно ценны для нас... Конечно, следует учесть все трудности документальной работы и максимально облегчить К. эту работу путем назначения удобных явок, технических средств»³.

Работа с Аримурой продолжалась и после отъезда в 1936 году Гудзя из Токио. С ним продолжали встречаться Журба, вновь назначенный токийским резидентом и пробывший на этой должности до 1938 года, сменивший его Косухин и, наконец, прибывший в Токио в январе 1940 года Григорий Григорьевич Долбин. Но к 1944 году появились подозрения относительно честности Кротова. Во-первых, он стал пренебрегать элементарными мерами безопасности. Во-вторых, начал пропускать встречи, ссылаясь на занятость. В-третьих, он уже больше 10 лет работал на одном месте, что при практически ежегодной ротации государственных служащих, принятой в Японию, было странно. И, наконец, в некоторых документах, которые он приносил своим операторам, замечалось отсутствие самых важных страниц. Анализ сложившейся ситуации показал, что он перевербован японской контрразведкой и стал агентом-двойником, и поэтому работу с ним решили прекратить.

Во второй половине 30-х годов вооруженные провокации на советско-японской границе участились. Связано это было с заключением 25 ноября 1936 года Японией и фашистской Германией так называемого «Антикоминтерновского пакта», направленного против Советского Союза. Через год к пакту присоединилась Италия, после чего возник агрессивный фашистский блок Берлин — Рим — Токио. В том же 1937 году Япония, поощряемая своими союзниками, развязала крупномасштабную войну в Китае и начала готовить военные провокации против СССР.

В этой обстановке руководство внешней разведки приложило максимум усилий для своевременного вскрытия планов японских милитаристов. И уже начиная с 1936 года советская разведка стала фиксировать увеличение подразделений Квантунской армии в Маньчжурии и их выдвижение к советской границе, а также активизацию работы 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления японского Генштаба. Эти

данные, поступавшие из различных резидентур (харбинской, сеульской, токийской и других), говорили о том, что японская военщина не отказалась от проведения в жизнь плана «Оцу». А бегство 13 июля 1938 года в Маньчжурию начальника Дальневосточного управления НКВД Генриха Люшкова, который передал японцам сведения об охране советской государственной границы, только утвердило командование Квантунской армии в том, что их планы будет легко осуществить. Но японское командование глубоко заблуждалось. Резидентуры внешней разведки, прежде всего харбинская, разведотделы территориальных органов НКВД, погранвойск совместно с военной разведкой своевременно предупредили о приведении японских войск в Маньчжурии в боевую готовность. Поэтому вторжение трех японских дивизий 29 июля 1938 года на территорию СССР, в районе озера Хасан, не было для Красной Армии неожиданным. В результате уже 9 августа советские войска под командованием Василия Блюхера выбили японцев с территории СССР, а 10 августа была достигнута договоренность о прекращении боевых действий.

Однако японское руководство при активной поддержке Германии и Италии и молчаливом попустительстве Англии, США и Франции продолжало осуществлять военные приготовления против СССР. Генеральный штаб японской армии разработал «План операция № 8». В соответствии с ним на этот раз было решено нанести удар по СССР через территорию Монголии в районе реки Халхин-Гол, неподалеку от советского Забайкалья, с тем чтобы сначала отрезать Восточную Сибирь, Приамурье и Приморье от центральных районов СССР, а затем, развернув наступательные операции из Маньчжурии и Кореи, полностью оккупировать советский Дальний Восток.

Но и эти планы не стали секретом для советской разведки. Уже в начале 1939 года в ИНО НКВД получили сведения об интенсивных работах на железнодорожной

линии Харбин — Цицикар — Хайлар и строительстве железнодорожной ветки Ганьчжур — Солон, приспособленной для быстрой переброски войск. Кроме того, были получены данные о движении японских воинских эшелонов к границам Монголии. Все это в совокупности позволяло сделать вывод о готовящемся ударе в район советского Забайкалья. Ценная информация о планах Квантунской армии была получена и от китайских партизан в Маньчжурии, которые взаимодействовали как с разведотделами территориальных органов НКВД и погранвойск, так и с резидентурами, действующими в Маньчжурии и Китае. Взаимодействие разведотделов управлений НКВД по Приморскому и Хабаровскому краям, пограничных войск, 1-й и 2-й отдельных краснознаменных армий с партизанами было налажено весной 1939 года, после указания наркома НКВД Л. Берии и наркома обороны СССР К. Ворошилова от 15 апреля 1939 года.

В результате вторжение частей Квантунской армии на территорию Монголии 11 мая 1939 года не получилось неожиданным, а после контрнаступления Красной Армии 20—31 августа 1939 года японские войска были разбиты. Поражение японских войск вынудило Токио признать, что Япония еще не готова к успешной войне против СССР. Кроме того, в Токио были разочарованы позицией Германии, которая не пришла на помощь Японии, а, наоборот, в августе 1939 года заключила с СССР Договор о ненападении. Все это вызвало осложнения в отношениях между Японией и Германией. Другим следствием поражения на Халхин-Голе стала отставка японского кабинета министров и командования Квантунской армией. К тому же поражение у Халхин-Гола усилило позиции сторонников так называемого «южного варианта» стратегического плана военных действий японской армии и флота, что привело к заключению 13 апреля 1941 года Пакта о нейтралитете между СССР и Японией.

Заключение Пакта о нейтралитете не означало, что Япония окончательно отказалась от своих планов в отношении СССР. Наоборот, подписывая пакт, японские правящие круги рассматривали его лишь как тактический маневр. Еще до подписания пакта японское руководство поставило Германию в известность, что если вермахт нападет на Советский Союз, то Япония выступит на ее стороне. А в марте 1941 года министр иностранных дел Японии в беседах с Гитлером и Риббентропом заверил их, что пакт, который он предполагает заключить с Москвой, будет отброшен в сторону, как только начнется война Германии против СССР.

Понимая всю сложность обстановки на Дальнем Востоке в связи с началом войны в Европе, советское руководство дало указание разведке внимательно следить за военными и политическими планами Японии. В связи с этим руководство внешней разведки решило усилить токийскую резидентуру. И в январе 1940 года в Токио прибыл новый состав резидентуры, состоявший из резидента Григория Григорьевича Долбина и оперативных сотрудников Гerasима Мартыновича Баласанова и Владимира Николаевича Рогова.

Баласанов Герасим Мартынович

21.07.1903 — 22.01.1976. Полковник.

Родился в г. Дербент (Дагестан) в крестьянской семье. В 1913—1918 гг. вместе с отцом занимался виноградарством. В июле 1918 г. переехал в г. Кизляр, батрачил, работал курьером ВРК. В 1921 г. окончил школу 2-й ступени в Пятигорске.

В апреле 1921 г. призван в РККА, служил в частях СКВО в Пятигорске, Нальчике, Майкопе и снова в Пятигорске. В сентябре 1923 г. демобилизовался, работал грузчиком на складе «Хлебопродукт» в Пятигорске. С июня 1924 г. — секретарь сельсовета Юцких Хуторов Горячевского района Терского округа. С марта 1926 г. — секретарь райкома ВЛКСМ,

К ОЧЕРКУ
«ЩУПАЛЬЦА СПРУТА»

Давтян Я.Х.

Трилиссер М.А.

Мессинг С.А.

Артузов А.Х.

К ОЧЕРКУ
«ЩУПАЛЬЦА СПРУТА»

Фитин П.М.

Савченко С.Р.

Панюшкин А.С.

Мортин Ф.К.

К ОЧЕРКУ
«ЩУПАЛЬЦА СПРУТА»

Сахаровский А.М.

Крючков В.А.

Шебаршин Л.В.

Примаков Е.М.

К ОЧЕРКУ
«ЩУПАЛЬЦА СПРУТА»

Пузицкий С.В.

Аллахвердов М.А.

Агаянц И.И.

К ОЧЕРКУ
«НЕЛЕГАЛ ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ»

Серебрянский Я.И.

Афанасьев Б.М.

Зйтингон Н.И.

Гудимович П.И.

К ОЧЕРКУ
«НА ЗЕМЛЕ ПОДНЕБЕСНОЙ»

Ахмеров И.А.

Карин Ф.Я.

Пудин В.И.

Рошин В.П.

К ОЧЕРКУ
«НА ЗЕМЛЕ ПОДНЕБЕСНОЙ»

Шпигельглаз С.М.

Агент советской разведки
В.Стеннес

Тищенко Н.С.

Тубала И.Ф.

К ОЧЕРКУ
«НАД ВСЕЙ ИСПАНИЕЙ»

Белкин Н.М.

Прокопюк Н.А.

Старинов И.Г.

с января 1927 г. — председатель райкома Союза сельскохозяйственных рабочих того же района.

В 1928 г. вступил в ВКП(б).

С мая 1928 г. Г. М. Баласанов — председатель сельсовета Юцких Хуторов, с мая 1930 г. — секретарь партколлектива хуторских ячеек. С апреля 1931 г. — инструктор райкома партии в Ессентуках и секретарь парткома ст. Бекемевской Ессентукского района. С февраля по сентябрь 1932 г. — председатель райколхозсоюза в Ессентуках.

В 1932 г. Г. М. Баласанов направили учиться на дипломатический факультет (японский сектор) Института востоковедения им. Нариманова в Москве, который он окончил в 1935 г. С сентября 1935 по октябрь 1937 г. — слушатель восточного отделения Института красной профессуры. Владел английским, японским, тюркским языками.

С октября 1937 г. Г. М. Баласанов — сотрудник НКВД СССР. С марта по ноябрь 1943 г. он заместитель начальника отдела УНКВД по Читинской области.

С августа 1944 по сентябрь 1945 г. Г. М. Баласанов — резидент внешней разведки в Токио. С сентября 1945 по февраль 1949 г. — в Северной Корее.

После возвращения в СССР — сотрудник КИ при СМ СССР, начальник 2-го отдела 3-го управления.

С февраля 1951 по март 1954 г. — резидент в Индии. С мая 1954 г. по сентябрь 1959 г. — заместитель начальника отдела КГБ при СМ СССР.

В октябре 1959 г. вышел на пенсию, однако в ноябре 1962 г. вновь вернулся в органы госбезопасности — сначала младшим преподавателем, а затем и. о. начальника кафедры и старшим преподавателем Высшей школы КГБ им. Ф. Э. Дзержинского.

С августа 1973 г. — на пенсии, жил в Москве.

Награжден орденами Красной Звезды и «Знак Почета», медалями.

Рогов Владимир Николаевич

1906 — ? Майор.

Родился в Астрахани. В 1919—1921 гг. работал курьером-делопроизводителем Епатыевского уездного исполкома. В

1921—1923 гг. — член бюро укома и Астраханского губкома комсомола. С апреля по сентябрь 1923 г. — сотрудник астраханской газеты «Коммунист». В сентябре 1923 г. поступил на рабфак Академии коммунистического воспитания в Москве, по окончании которой, в сентябре 1926 г., поступил в Институт востоковедения. В 1927 г. вступил в ВКП(б).

С августа 1930 по август 1934 г. — в спецкомандировке ЦК ВКП(б) в Китае. С августа 1934 по декабрь 1936 г. — научный сотрудник Института мирового хозяйства. С декабря 1936 по апрель 1940 г. — корреспондент ТАСС в Чунцине (Китай).

Вернувшись из Китая, В. Н. Рогов вновь работает в Институте мирового хозяйства. Однако в ноябре 1940 г. вновь возвращается в Китай, на этот раз заведующим отделением ТАСС. В апреле 1943 г. его переводят заведующим отделением ТАСС в Англию, в июне 1946 г. — обратно заведующим отделением ТАСС в Китай. С июня 1951 г. он ответственный выпускающий ТАСС в Китае.

И хотя в анкете указал, что знает китайский язык слабо, в характеристике, данной заместителем главного редактора, говорится: «Весьма полезен своим отличным знанием жизни Китая и китайского разговорного и письменного языка».

В октябре 1953 г. В. Н. Рогов возвращается в Москву и становится заместителем редактора иностранной информации газеты «Известия».

Новым работникам резидентуры удалось в короткий срок наладить работу и в период 1940—1941 годов завербовать трех агентов-иностранцев, которые работали в Японии. Через некоторое время был получен доступ к информации о направлении разведывательной деятельности против СССР из японских военных и политических кругов. Самыми важными оказались сведения о том, что если командование сухопутной армии Японии стоит за вступление в войну против СССР на стороне Германии, то представители военно-морского флота выступают за войну с США и дальнейшие боевые действия в Азии.

Вопрос о вступлении Японии в войну после внезапного нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года стал особенно важным. Сообщения о намерениях Японии поступали в Москву буквально с первого дня начала Великой Отечественной войны. Причем информация поступала не только из Токио, но и из Шанхая, Харбина, Лондона. Почему-то считается, что об избрании Японией «южного варианта» военных действий первым Москву предупредил нелегальный резидент советской военной разведки Рихард Зорге. Это во многом справедливо. Но по этому вопросу он был не единственным источником информации. Поэтому есть смысл привести некоторые радиограммы из других источников, чтобы показать, чем руководствовалось советское правительство, принимая те или иные решения, затрагивающие положение на Дальнем Востоке.

Еще 17 июня, за пять дней до начала войны, шанхайская резидентура ИНО НКГБ сообщала: «...на заседании японского правительства не было принято окончательного решения о войне с Советским Союзом»⁴. Далее в этом важном донесении говорилось, что в ближайшее время вмешательство в войну считают в Токио нецелесообразным и что Япония нападет на СССР только в том случае, если Москва проявит признаки слабости.

А уже через два дня после начала войны, 24 июня 1941 года, токийская резидентура внешней разведки НКГБ направила в Центр сообщение о телеграмме английского посла в Японии министру иностранных дел Великобритании Идену:

«Германский посол оказывает сильнейшее воздействие на Мацуоку, пытаясь добиться активного вступления Японии в войну на стороне Германии. Он обещает японцам Приморскую область и все, что он может только придумать»⁵.

26 июня 1941 года резидент Долбин направляет из Токио в Москву сообщение, в котором, в частности, говорится:

«Источник резидентуры сообщает: «В связи с советско-германской войной внешняя политика Японии будет следующая: Япония сейчас не имеет активных намерений против СССР, как то: объявить войну и встать на сторону Германии. Хотя не известно, как в дальнейшем изменится эта политика... Япония не готова воевать с СССР. Руководство страны считает, что не следует спешить с войной, так как если это нужно будет сделать, то чем позднее это будет, тем меньше жертв понесет Япония»⁶.

5 июля токийская резидентура ИНО НКГБ сообщила:

«Политика в отношении СССР пока определяется следующими факторами: заключен договор о нейтралитете, нарушение которого вызовет возмущение населения; не закончены приготовления для похода на север, вследствие этого Япония должна занять позицию нейтралитета. Успешно выполнив задачи по созданию нового порядка в Азии, Япония все же вступит в войну против СССР на стороне Германии, поэтому военные приготовления для движения на север должны быть ускорены, с тем чтобы в любой момент можно было бы начать операции против СССР»⁷.

Поскольку на западных фронтах положение Красной Армии становилось все хуже и хуже, Москву все больше тревожил вопрос — не ударит ли Япония в спину на востоке. В связи с этим весьма своевременными были две телеграммы токийской резидентуры от 7 июля. В первой из них говорилось:

«Японское правительство заранее было уведомлено о нападении немцев на СССР, и его позиция давно определена: встать на сторону Германии, но выбрать для этого подходящее время. Общее мнение таково: воевать с СССР рано или поздно нужно, но сейчас еще не время, следует получить необходимое с минимальными потерями»⁸.

Во второй телеграмме сообщалось:

«Японское правительство решило не предпринимать прямых военных действий против Сибири и вместо этого решило продвинуться на юг. Среди депутатов парламента 70 процентов было за провижение на юг, 30 — на север. Источник добавил, что как бы японцы ни хотели начать движение на север, для его подготовки потребуется не менее двух-трех месяцев»⁹.

17 июля в Государственный комитет обороны было направлено сообщение шанхайской резидентуры, которое уточняло позицию японского правительства в отношении нападения на СССР. В нем говорилось:

«Источник резидентуры указывает, что какого-либо окончательного решения в отношении Советского Союза японским правительством вынесено не было. Однако на правительственном уровне решено:

- 1) облегчить решение операций против СССР без непосредственного вмешательства в войну по крайней мере в течение ближайшего времени;

- 2) не допускать увеличения американского влияния на Дальнем Востоке, которое может произойти в результате решения Америки помочь Советскому Союзу;

- 3) привести в полную готовность вооруженные силы, и если Советский Союз окажет признак общей слабости, то использовать эту слабость для овладения, путем ли дипломатического нажима с целью получения выгод на Дальнем Востоке или же путем быстрого военного выступления против некоторых районов советского Дальнего Востока.

В одном из правительственных докладов отмечается, что если СССР войдет в союз с Англией и США, то для Японии не будет возможности каких-либо самостоятельных стремлений против СССР. Особенно если сопротивление СССР Германии окажется продолжительным и успешным»¹⁰.

Как видно из приведенных выше сообщений советской разведки, вопрос — вступит ли Япония в войну против СССР или нет — оставался для советского руководства открытым, тем более что вермахт продол-

жал наступление и захватил значительные территории страны. По мере того как росли успехи Германии на советском фронте, активизировались военные приготовления Японии для нападения на СССР на востоке. Об этом красноречиво свидетельствуют донесения советской разведки в августе — декабре 1941 года. Так, в августе токийская резидентура сообщила, что в Японии с 12 июля по 18 августа проведена всеобщая мобилизация примерно 4,5 млн человек, а в Харбине оборудована типография для печатания листовок на русском языке. А 20 сентября шанхайская резидентура ссылкой на германские источники донесла в Центр: «Военные руководители Японии считают вопрос войны с СССР решенным и ждут удобного случая. Немцы уверяют, что Япония выступит после занятия ими Ленинграда. В Маньчжурии сосредоточено до 20 дивизий и танковые части. Все пехотные войска с Формозы, Зайнани и провинции Фуцзянь отправлены в Северный Китай»¹¹.

И действительно, командование Квантунской армии разработало к этому времени план нападения на СССР под кодовым названием «Кантонкуэн», аналогичный германскому плану «Барбаросса». Он предусматривал соединение японской и германской армий в районе Урала и оккупацию Японией всего советского Дальнего Востока, Приморья и Сибири. Однако японское руководство не было до конца уверено в быстрой и окончательной победе. Об этом можно судить по сообщению лондонской резидентуры, отправленному в Центр в ноябре 1941 года. В нем, в частности, говорилось:

«Японский посол в Синцзяне послал телеграмму, в которой говорится: русские отозвали с Дальнего Востока 100 тыс. солдат, однако до сих пор имеют здесь около миллиона человек, 2700 самолетов, 2500 танков и 3000 броневых автомобилей. Маньчжурская армия может выставить только 800 тыс. бойцов. Совершенно очевидно, что блицкриг на этом фронте против русских невозможен»¹².

Еще больше утвердить японское руководство в этом мнении должно было успешно начавшееся 5 декабря контрнаступление Красной Армии под Москвой. Оно сыграло не последнюю роль в окончательном принятии Японией «южного варианта» стратегического наступления. И после внезапного нападения японцев 7 декабря на Пёрл-Харбор в Москве смогли наконец перевести дух.

Впрочем, вероятность японского нападения на СССР еще оставалась достаточно высока, тем более что Гитлер усилил нажим на Японию. Поэтому советская разведка продолжала внимательно отслеживать все колебания в планах и политике японского руководства. Так, 15 декабря 1941 года токийская резидентура сообщила в Центр содержание телеграммы японского министра иностранных дел Мацуоки послу Японии в Берлине, в которой говорилось: «Объясните Гитлеру, что основные усилия Японии будут сосредоточены на юге, и мы предполагаем воздержаться от преднамеренного начала действий на севере»¹³.

А буквально через девять дней, 24 декабря, в донесении харбинской резидентуры сообщалось:

«В авторитетных японских кругах говорят, что вопрос войны с Японией полностью зависит от позиции СССР. Если СССР предоставит базы Америке и примет даже пассивное участие на англо-американской стороне, японцы начнут войну с СССР немедленно»¹⁴.

В начале 1942 года Берлин вновь потребовал от Токио вступления в войну против СССР. При этом Гитлер рассчитывал на то, что успешное весеннее и летнее наступление вермахта подтолкнет Японию к активным боевым действиям на севере. И действительно, группировка японских военных во главе с генералом Араки стояла за выполнение требований Берлина. Советская разведка своевременно, 25 февраля и 4 марта 1942 года, информировала советское руководство об этом требовании Гитлера, сообщив притом, что на совещании кабинета министров Японии во главе с генералом Тодзио было принято решение о нецелесообраз-

ности развертывания боевых действий против Москвы до завершения операций против американцев на Тихом океане.

Однако экспансия на юг оказалась для японской армии далеко не легкой прогулкой. Так, в письме из японского Генштаба военно-морскому атташе в СССР Ямагучи, перехваченном советской разведкой, признавалось:

«Кажется, господа из Квантунской армии наконец-то стали понимать, какие трудности приходится испытывать флоту при проведении операций такого масштаба, как сейчас»¹⁵.

В своем ответном письме, датированном сентябрем 1942 года, когда немцы вели успешное наступление на юге, Ямагучи писал в Токио тем, кто торопился начать войну против СССР: «...как бы ни торопились — надо все-таки выждать, пока немцы влепят им еще разок. В общем, придется после будущего лета»¹⁶. Все это прекрасно видели и сотрудники токийской резидентуры. О том свидетельствует донесение резидента Долбина в Центр, направленное в сентябре 1942 года. В нем, в частности, говорится:

«1. Приготовления японцев к войне с нами (в том, что касается армии) в основном были закончены к началу 1942 года. Сейчас продолжается укрепление северной армии путем подбрасывания ей пополнений и вооружения. Это факт, который нельзя отрицать. Было бы непростительной глупостью со стороны японского Генштаба, чтобы они, находясь в таком положении, оставили без внимания свои стратегические позиции на Севере. Но это еще не значит, что Япония обязательно остановится на войне против нас.

2. Тщательный и объективный анализ международного и внутреннего положения Японии, состояния ее экономики и, главное, хода развития войны на Тихом океане дает основание сделать вывод о том, что выступление против СССР было бы для Японии самым худшим выходом из создавшегося положения. Японии невыгодно сей-

час начинать войну против нас... Выступление Японии против США и Англии в декабре прошлого года было не просто авантюристическим, а тонким ударом, рассчитанным на неожиданность и неподготовленность. Сейчас же японское правительство понимает, что война с СССР в теперешнем положении была бы самой худшей авантюрой...

Я тщательно взвесил все обстоятельства, призвал на помощь мой небольшой трехлетний опыт проживания в Японии, посоветовался с товарищами и пришел к выводу, что Японии сейчас крайне невыгодно выступать против нас и что это может случиться только в том случае, если на смену здравому рассудку придет безрассудство, чего пока нельзя сказать о теперешнем правительстве Японии»¹⁷.

Эта оценка была принята в Москве и получила подтверждение в дальнейшем. Советской разведкой в феврале 1943 года была перехвачена телеграмма И. Риббентропа министру иностранных дел Японии, в которой он отчаянно пытался оказать на Токио давление и вынудить Японию начать военные действия против СССР. Но японское руководство оставалось на прежних позициях. Окончательно же вопрос о нападении Японии на СССР был снят летом 1943 года после победы Красной Армии в сражении на Курской дуге. Более того, с конца 1943 года японцы осторожно стали прощупывать почву для продления советско-японского Пакта о нейтралитете.

С начала 1944 года главной задачей резидентур внешней разведки в Китае и Японии стал сбор информации о дислокации, численности и вооружении Квантунской армии. С этой задачей они справились успешно. Тем временем на Ялтинской конференции 11 февраля 1945 года СССР, США и Англия подписали соглашение о своем вступлении в войну против Японии через два-три месяца после разгрома Германии. Выполняя взятые на себя обязательства, СССР 5 апреля денонсировал заключен-

ный 13 апреля 1941 года Пакт о нейтралитете. А 26 июля Англия, США и Китай в потсдамской декларации потребовали от Японии немедленной капитуляции, на что Токио ответил категорическим отказом.

Тогда советское правительство, верное союзническому долгу, 8 августа 1945 года объявило Японии войну. В результате в боях, продолжавшихся с 9 по 14 августа, Квантунская армия была разгромлена, а Япония была вынуждена капитулировать. Акт о капитуляции был подписан 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури», что ознаменовало окончание Второй мировой войны.

После окончания войны Япония была оккупирована американскими войсками. Согласно достигнутому в декабре 1945 года в Лондоне соглашению, контролировать выполнение Японией условий капитуляции до вывода оккупационных войск должны были Союзнический совет и Дальневосточная комиссия. Но фактическая власть в стране принадлежала командующему оккупационным корпусом американскому генералу Макартуру. А начавшееся в 1946 году противостояние СССР и Запада привело к тому, что в создавшихся условиях советская разведка не могла действовать в Японии легально, под прикрытием лишь формально сохранившегося со времени капитуляции представительства СССР в Токио. Прибывший в Японию в 1949 году резидент внешней разведки Григорий Павлович Каспаров и сменивший его в 1952 году Александр Федорович Носенко оказались под жестким прессингом как японской, так и американской контрразведок. В результате связь с большей частью агентуры была утеряна. Такое положение привело к тому, что руководством внешней разведки было принято решение о работе в Японии с нелегальных позиций.

Одними из таких нелегалов были Шамиль Абдуллазянович Хамзин и Ирина Каримовна Алимова. Профессиональный разведчик, татарин по национальности, Хам-

зин с начала 50-х годов работал на Ближнем Востоке, а в 1952 году по указанию Центра обосновался в Китае, в Тяньцзине. Будучи по легенде уйгуром Энвером Садыком, он быстро вошел в местную мусульманскую общину, стал одним из ее руководителей и даже выполнял при ней почетную роль муллы. Переезд Хамзина, работавшего под псевдонимом Халеф, в портовый город Тяньцзинь, который являлся последним перевалочным пунктом для китайских эмигрантов, был связан с тем, что ему предстояло стать нелегальным резидентом в Японии. А задержался он в Тяньцзине потому, что должен был ехать в Японию не один, а с «женой», Ириной Алимовой.

Ирина Алимова, узбечка по национальности, начала работать в нелегальной разведке с 1947 года. После соответствующей подготовки она в 1953 году была направлена в Урумчи, где компактно проживали китайские мусульмане. Там Бир (псевдоним Алимовой в Центре) окончательно изучила свою легенду, по которой она, дочь богатого торговца-уйгура, в скором времени собиралась выехать в Тяньцзинь к своему жениху Энверу Садыку, уроженцу соседнего города Кульча. Так Ирина Алимова превратилась в Хатычу Садык.

Встретившись в Тяньцзине, Энвер и Хатыча вскоре сыграли свадьбу. (Здесь надо заметить, что, хотя это была «свадьба по приказу», их брак оказался удачным и крепким — они прожили вместе счастливую и долгую жизнь.) Новоявленная супружеская пара показала себя радушными и гостеприимными хозяевами, не чурющимися благотворительности. Их большой дом на голландской территории Тяньцзиня всегда был полон нуждающимися эмигрантами-мусульманами. Все это создало им прекрасную репутацию. Более того, одна их знакомая, которая владела землей в Японии, испытывая нужду в деньгах, продала свой участок супругам Садык. Это обстоятельство значительно облегчило их переезд в Японию.

Вскоре супруги Садык переехали в Гонконг, где обратились в американскую миссию Красного Креста с просьбой помочь перебраться в Японию, где у них был участок земли. Сотрудники миссии, учитывая их общественное положение и связи, помогли Садыкам получить въездную визу. Перед своим отъездом Халеф и Бир встретились со связником из Центра Борисом Лавровым, который дал им последние инструкции и сказал:

— Мы потеряли в Японии связь со всей своей агентурой. Информация из наших японских нелегальных источников не поступает в Москву вот уже несколько лет. На вас возлагаются большие надежды...

Оказавшись в японском городе Кобо, Садыки продали свой участок земли и на вырученные деньги купили двухэтажный дом, часть комнат которого они сдали внаем американцам. Это обстоятельство вскоре оказалось очень кстати. Дело в том, что некий русский эмигрант Старков написал на них донос в японскую полицию, в котором утверждал, что Энвер и Хатыча Садык являются русскими шпионами. Но так как поселившиеся в доме американцы были сотрудниками ЦРУ, то донос остался без последствий.

В Кобо Энвер занялся бизнесом, начав с мелкой торговли подержанными вещами. А перебравшись в Токио, нашел компаньона, с которым они основали импортно-экспортную фирму «Мухит и Садык компани» и открыли двухэтажный магазин. Магазин оказался не только отличным прикрытием, но и стал местом получения важной информации. Дело в том, что его часто посещали турецкие офицеры, служившие в войсках ООН, которые находились в Корее в последний период корейской войны. Энвер всегда приглашал их в свой офис, щедро угощал спиртным и за праздничным разговором узнавал о военных планах войск ООН на корейской демаркационной линии, которые тут же передавал в Центр.

Надо сказать, что проживавшие в Японии турки не-

вольно оказались поставщиками ценной информации. Так как Энвер и Хатыча Садык вели светский образ жизни, их дом часто посещали высокопоставленные гости, в том числе и аккредитованные в Токио иностранные дипломаты. Среди них особенно часто бывали турки: военно-морской атташе, инженеры, которые принимали с заводов Йокогамы заказанные Турцией в Японии военные суда, и другие. С их помощью нашим разведчикам удалось узнать, что Япония приступила к строительству собственных подводных лодок. В Центр немедленно было отправлено следующее сообщение:

«Георгу (псевдоним куратора Халефа и Бир в Москве Аликпера Мамедова. — А. К.). Стало известно, что в обстановке секретности спущена на воду подводная лодка нового типа, оснащенная новейшим оборудованием. Бир»¹⁸.

О том, какие задания получали нелегалы за время своего пребывания в Японии, можно судить по следующей радиограмме из Москвы: «После того как мы убедились, что дела у вас идут неплохо, просим внимательно следить за внутренними событиями в Японии, попытайтесь определить расстановку внутривнутриполитических сил через агента Комацу. Кроме того, необходимо приобрести источники в наиболее влиятельных организациях или в государственных политических ведомствах. Предметом особой заинтересованности на ближайшее время должны стать следующие вопросы:

1. Взаимоотношения Японии с США, насколько они тесны, в каком русле будут впредь развиваться.

2. Политика Японии в отношении СССР.

3. Насколько сильны тенденции милитаризации экономики и воссоздания армии — ее структура, финансирование, вооружение, возможные планы совместных учений и боевых действий с США. Для получения информации по этому разделу используйте турецких офицеров, посещающих ваш офис.

Сообщаемую вами информацию необходимо переносить на микроточки и, закамouflировав ее, закладывать в тайник № 6. Кольцов»¹⁹.

А о том, какая информация уходила в Центр, говорят такие донесения:

«Георгу. Под видом создания новых полицейских отрядов началось интенсивное увеличение армии. Планы милитаризации держат в глубокой тайне, ибо это является серьезным нарушением взятых страной обязательств. В ближайшие годы предполагается увеличить таким образом численность армии вдвое. Заключены секретные контракты на развитие военной промышленности. В прессе по этим вопросам не появляется никакой информации. Бир»²⁰.

«Георгу. Хорошо информированный источник сообщает о планах создания новой замкнутой военно-политической группировки, в которую могут войти Южная Корея, Южный Вьетнам, Тайвань, Япония, Таиланд, Филиппины, Новая Зеландия, Австралия, Малайзия. Переговоры, возможно, состоятся в Сеуле или Бангкоке. Это явится серьезным дестабилизирующим фактором в Юго-Восточной Азии. Бир»²¹.

Здесь надо отметить, что это сообщение полностью подтвердилось. 14—16 июля 1966 года в Сеуле министры иностранных дел указанных стран на конференции подписали договор о создании Азиатско-Тихоокеанского совета (АЗПАК).

Благодаря безупречной репутации и блестящему положению в обществе супруги Садык могли чувствовать себя в безопасности. Они стали гражданами Японии, а Хатыча на одной из выставок икебаны даже сфотографировалась рядом с женой императора. Этот снимок обошел все японские газеты, после чего перед ней открылись двери престижного Американского женского клуба. Но в начале 1967 года она неожиданно обнаружила за собой слежку. Получив сообщение об этом, в Центре решили не рисковать. Летом 1967 года Энвер Садык сообщил своему компаньону, что собирается провести отпуск в Турции. После этого он вместе с женой вылетел в Париж, откуда по маршруту Италия — Швеция — Швейцария — Болгария направился в Москву. В Москве пол-

ковника Хамзина и майора Алимову тепло встретили коллеги из управления «С» ПГУ КГБ. На этом их японская одиссея окончилась.

К началу 1956 года отношения между СССР и Японией стали нормализовываться, и 19 октября 1956 года была подписана Советско-японская совместная декларация, после ратификации которой обе страны восстановили нормальные дипломатические отношения. А уже 12 декабря в Токио было открыто посольство СССР. Благодаря этому ПГУ КГБ могло действовать в Японии легально. Новые легальные резиденты в Токио — Анатолий Анатольевич Розанов (с 1957 по 1960 год) и Петр Андреевич Выгонный (с 1960 по 1963 год) — приложили немало сил для того, чтобы наладить работу в новых условиях. Основными направлениями работы токийской резидентуры с начала 60-х годов стали политическая и научно-техническая разведка, а также работа по Китаю и США с территории Японии. Наибольших успехов добилась научно-техническая разведка, которой занимались сотрудники линии «Х» токийской резидентуры. Так, в начале 60-х годов от японского бизнесмена, проходившего под псевдонимом Молчун, были получены материалы по производству каучуков для сверхнизких температур. А с помощью молодого ученого, который работал в лаборатории одного из японских университетов (псевдоним Яги), было получено большое число научных работ, касающихся исследований в области высокоимпульсного горения синтетических веществ, в том числе и пороха, а также производства твердых ракетных топлив. Причем работы эти были не только японские, но и американские.

Бывали у сотрудников линии «Х» и такие случаи, где надо было полагаться только на собственную интуицию. Однажды осенью 1963 года в советское торгпредство в Токио пришел пожилой японец и попросил поговорить с кем-нибудь, кто разбирается в нефтепереработке. Его принял сотрудник линии «Х» резидентуры Анатолий Борисович Максимов. Японец предложил ему

купить за две тысячи долларов ноу-хау одного из современных процессов переработки нефти — платформингу — и передал для ознакомления часть соответствующей документации, предупредив, что сделка разовая. Изучив ее, Максимов пришел к выводу, что материалы подлинные и заслуживают самого серьезного внимания, о чем и рассказал резиденту и его заместителю по НТР. Была послана срочная шифровка в Центр, но ответ был уклончив: решайте сами. В конце концов было принято решение рискнуть. Максимов встретился с японцем, получившим псевдоним Посетитель, передал ему деньги и получил материалы. Более того, ему удалось уговорить Посетителя встретиться еще раз. А в Москве, изучив полученные документы, направили в Токио следующую телеграмму:

«Полученные материалы внесли вклад в нефтяную промышленность своей новизной и экономией средств при создании аналогичного отечественного процесса платформинга»²².

Помогали сотрудники линии «Х» токийской резидентуры и разобраться с такими ноу-хау, внедрение которых в нашей стране принесло бы только вред. Например, на запрос из Центра узнать о возможности производства автопокрышек из полиуретана с целью внедрения данной технологии в промышленное производство была собрана соответствующая информация. На ее основе в Москву было направлено сообщение, суть которого сводилась к следующему: японская фирма «Исибаси» в качестве эксперимента «одела» одну из машин такими покрышками. Но результаты полевых испытаний оказались неутешительными. Усовершенствование автошины займет не менее пяти лет. Что же касается американцев, то они относятся к созданию подобных автошин весьма скептически. В результате в Советском Союзе отказались от работы над этой проблемой, и совершенно правильно — полиуретановых автопокрышек нет и сегодня.

Но, к сожалению, в Москве не всегда прислушивались к докладам разведчиков. Так, в 1963 году из Центра поступило задание добыть секретную информацию о перспективах использования ядов (пестицидов, гербицидов, инсектицидов и фунгицидов) в качестве ядохимикатов для уничтожения насекомых на колхозных полях. Через некоторое время с помощью агента Специалист, работавшего в одной японской фирме — партнере американских «Дау кемикл» и «Юнисон карбайд», производящих данные ядохимикаты в США, — был получен секретный доклад. В нем говорилось, что хотя данные ядохимикаты и облегчают сельскохозяйственный труд, но зато наносят непоправимый вред окружающей среде. Более того, в районах их интенсивного применения повысилась смертность среди населения. В заключении доклада отмечалось, что применение этих ядохимикатов в сельском хозяйстве США может подорвать генофонд нации.

Полученные материалы были немедленно направлены в Москву, но там их положили в дальний ящик. В стране набирала ход программа «Большая химия», а перечить партийным указаниям никто не хотел. Вскоре было принято государственное решение о закупке за рубежом заводов по производству ядохимикатов, и в следующие десятилетия сотни тонн яда оказались в земле. Результаты такой «заботы» об урожае прекрасно видны сегодня.

Активно действовала в Токио и так называемая американская линия. Уже упоминавшемуся Максимову вместе с другим сотрудником резидентуры удалось сфотографировать спутник, на котором американцы впервые доставили человека в космос. Спутник этот доставили на одну из авиабаз недалеко от Токио для демонстрации американским военнослужащим и их семьям. Разведчикам не только удалось проникнуть на авиабазу, но и сфотографировать спутник с Максимовым внутри, что помогло определить габариты аппарата.

В конце 1964 года был установлен контакт с лейтенантом военно-воздушных сил США, служившим на авиабазе Тачикава. Вскоре от него была получена информация о подготовке США к войне с Вьетнамом и о конкретных сроках ее начала. Позднее лейтенант передавал сведения о создании в Южном Вьетнаме базы для стратегических бомбардировщиков и о методах их использования в боевых действиях.

Здесь надо отметить, что американцы тоже не сидели сложа руки и активно пытались противодействовать деятельности советских разведчиков в Японии. Примером такого противодействия может служить случай, имевший место с Георгием Петровичем Покровским, который был резидентом в Токио в 1963—1969 годах.

Покровский Георгий Петрович

Род. 1924 г. Генерал-майор.

С 1945 г. работал в системе внешней разведки.

В 1948—1953 гг. — сотрудник резидентуры в США под дипломатическим прикрытием (с января 1950 г. — атташе советского посольства).

В 1958—1963 гг. — сотрудник резидентуры СССР в Индии под дипломатическим прикрытием.

В 1964—1969 гг. — резидент в Японии под прикрытием должности первого секретаря посольства СССР.

После возвращения в СССР Г. П. Покровский работал начальником отдела ПГУ.

С 1983 г. в отставке.

Став резидентом, Покровский, как и прежде, много внимания уделял работе с американцами. Однажды ему удалось установить контакт с шифровальщиком американской военной базы. Но на месте встречи с ним в гостинице «Нью-Отани» к Покровскому вместо шифровальщика подошел незнакомый американец. Он показал удостоверение сотрудника военной контрразведки и

предложил побеседовать. В ходе беседы американец сделал Покровскому вербовочное предложение, которое Георгий Петрович отверг.

Через некоторое время после этого в доме, где проживал Покровский, поселился американский коммерсант Калдерон, который начал оказывать ему повышенные знаки внимания. Покровский понял, что ЦРУ готовит против него провокацию, и не ошибся. Однажды Калдерон, притворившись, что у него сердечный приступ, стал настойчиво просить Покровского зайти к нему в квартиру и принести лекарство. А когда Покровский отказался, на него неожиданно напали трое американцев. Вырвавшись, Покровский бросился в посольство и через несколько минут вернулся с двумя сотрудниками резидентуры, которые, на его счастье, оказались в клубе. Американцы еще не успели уйти и были задержаны до приезда японской полиции. Один из американцев попытался было бежать, чем еще более усилил подозрения полицейских. В результате сотрудники ЦРУ (а это были именно они) были доставлены в полицейский участок, а сам инцидент получил широкую огласку в прессе. Тем самым ЦРУ был нанесен ощутимый удар, от которого американские разведчики долго не могли оправиться.

Впрочем, противостояние с американцами не всегда заканчивалось столь благополучно. Примером тому может служить задержание 12 мая 1976 года майора ГРУ Александра Мачехина, работавшего под прикрытием корреспондента АП «Новости». Мачехин был задержан японской полицией после встречи со своим агентом — американским офицером с авианосца «Мидуэй». Как выяснилось впоследствии, американцы знали о проводимой операции и сообщили о ней японской полиции. И хотя Мачехину удалось избавиться от полученной микроплёнки, его десять суток продержали в тюремной камере, пытались завербовать, но не предъявили при этом никакого обвинения. Однако под давлением как советских представителей, так и аккредитованных в Японии

журналистов японские власти были вынуждены выпустить Мачехина на свободу, и он благополучно вернулся в Москву.

В 70—80-х годах токийская резидентура становится одной из наиболее важных зарубежных точек советской внешней разведки. В это время ее возглавляют такие опытные разведчики, как Юрий Иванович Попов (с 1969 по 1973 год), Дмитрий Александрович Ерохин (с 1973 по 1975 год), Олег Александрович Гурьянов (с 1975 по 1979 год), Анатолий Николаевич Бабкин (с 1980 по 1983 год), Александр Александрович Шапошников (с 1983 по 1985 год). Благодаря их усилиям и слаженной работе сотрудников резидентуры советской внешней разведке удалось добыть большое количество важных материалов.

В мае 1978 года резидентурой был получен совершенно секретный документ «Проект предложений, формулируемых премьер-министром Фукудой на предстоящих переговорах с президентом Картером». А несколько раньше, в конце 1976 года, был добыт статистический отчет о количестве, национальности и месте жительства всех иностранцев, прибывающих в Японию. Здесь надо отметить, что этот отчет был крайне необходим управлению «С» ПГУ для определения пунктов, в которые следует внедрять разведчиков-нелегалов. Однако наибольшим успехом токийской резидентуры следует считать вербовку в 1975 году одного из руководителей разведотдела Управления национальной обороны (УНО) генерал-майора Киити Миенаги. Миенага был подпольным членом Коммунистической партии Японии, но при этом входил во фракцию «Сига», которая в противовес другой группе — «Миятото», поддерживаемой Москвой, считалась «предателем» интересов рабочего класса. Впрочем, данное обстоятельство не мешало Миенаге согласиться с предложением сотрудника

линии «Х» токийской резидентуры начать работать на советскую разведку.

В разведуправлении УНО Миенага специализировался на работе по Китаю, и поэтому он передавал своему оператору материалы не только по Японии, но и по Китаю тоже. Более того, будучи своего рода «сэмпаем» (учителем), он привлек к сбору интересующей советскую разведку информации своих учеников («кохай»). Однако вскоре после вербовки по указанию ЦК КПСС Миенага был передан на связь сотруднику ГРУ полковнику Козлову, который работал с ним до самого провала. Арестовали Миенагу в 1979 году. Почему произошел провал, доподлинно неизвестно. Но так как в Японии нет закона о шпионаже, то генерала осудили на один год тюрьмы за служебные нарушения.

Значительных успехов достигла токийская резидентура и по так называемой китайской линии. Например, в начале февраля 1979 года от агента-японца резидентура первая получила документальные сведения о том, что 17 февраля китайские войска планируют начать агрессию против Вьетнама. Причем в документе указывались три участка границы, на которых произойдет нападение, силы, стянутые для атаки, и ее тактические цели. В конце 1979 года от агента Васина был получен 100-страничный документ под грифом «совершенно секретно», который содержал боевое расписание вооруженных сил Китая. В этом документе указывались численность военных подразделений китайской армии, их дислокация, вооружение и т. д. А в приложении была дана оценка боеспособности армейских соединений и качества командного состава на основе опыта недавнего столкновения с Вьетнамом. По отзыву Центра полученный документ представлял совершенно исключительную ценность.

Надо отметить, что токийская резидентура занималась вербовкой и собственно китайцев, которые проживали или обучались в Японии. Это было связано с тем,

что в самом Китае оперативная агентурная работа была практически невозможна. К сожалению, особых успехов на этом направлении достигнуто не было. Более того, попытки вербовать китайцев приводили к досадным провалам. Примером тому может служить провал сотрудника линии «Х» токийской резидентуры Константина Преображенского.

В 1985 году Преображенский, следуя указаниям Москвы наращивать усилия по вербовке китайцев, начал осторожно заводить контакты в Токийском университете. При этом его интересовали проходившие там стажировку китайцы. Через некоторое время ему удалось познакомиться со стажировавшимся в университете ученым-химиком. Знакомство это продолжилось под предлогом обучения Преображенского китайскому языку и вскоре закончилось вербовкой. Более того, Хан (такой псевдоним получил новый агент) даже написал обязательство сотрудничать с советской разведкой.

За недолгий период работы Хан передал Преображенскому материалы, касающиеся кадровой политики посольства КНР в Японии применительно к китайским стажерам, написал доклад о конфликтах между коренными китайцами и монголами и о фактах идейного брожения среди китайских студентов. Позднее он представил справку о своих научных исследованиях и даже достал образец химического вещества, namного увеличивающего скорость химических реакций.

Однако работа с Ханом продолжалась всего несколько месяцев, и виной тому были бюрократы из Центра. По непонятным причинам они потребовали от Преображенского, чтобы тот научил Хана принимать радиопередачи из Москвы. Приказ был выполнен, но японская контрразведка сразу установила, что Москва ведет передачи, предназначенные для своего агента в Японии. В результате вечером 15 июля 1985 года Преображенский был задержан японской полицией в момент ожидания своего агента в токийском парке Сэндзоку. После непродолжительного допроса в полицейском участке он был

отпущен и в скором времени был вынужден покинуть Японию. Что же касается Хана, то его дальнейшая судьба неизвестна²³.

Заканчивая разговор о работе советской внешней разведки в Японии, следует отметить, что разведка все время, начиная с 1922 года, действовала в исключительно сложных условиях. Но, несмотря на это, сотрудники разведки, находившиеся в Японии, смогли обеспечить руководство страны информацией, необходимой для выработки правильной политики на Дальнем Востоке. Особенно это относится к периоду Великой Отечественной войны, когда от правильной и своевременно переданной информации о военных планах Японии зависела судьба Советского Союза.

Ученые в борьбе за мир

Среди операций советской внешней разведки особняком стоит операция «Энормоз», цель которой состояла в добывании секретных материалов по создаваемой в Англии и США атомной бомбе. Об этой операции написано много статей в периодических изданиях и немало книг. Поэтому мы решили не повторять известное, а рассказать о судьбах тех ученых, которые помогали советским разведчикам раскрыть секрет атомной бомбы. Речь пойдет о таких ученых, как Клаус Фукс, Аллан Мей, Бруно Понтекорво, Теодор Холл, Сэвил Сакс, Нильс Бор, Джоэл Бар и Альфред Сарант.

Одиссея Клауса Фукса

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 года в Германии в деревне Рюссельхайм под городом Дартштадт. Его отец служил лютеранским священником и был сторонником идеи так называемого «христианского социализма». В 1912 году он вступил в Социалистическую партию Германии. После окончания гимназии «Оденвальдшуле» в Эйзенахе Клаус в 1928 году поступил в Лейпцигский университет, где начал заниматься мате-

матикой и теоретической физикой. В мае 1931 года семья Фуксов переехала в Киль, и Клаус продолжил свое образование в Кильском университете. Там он вступил в Социалистическую партию, а в 1932 году — в Компартию Германии.

В 1933 году пришедший к власти Гитлер запретил компартию и по Германии прокатилась волна арестов и убийств коммунистов. Не избежал опасности и Фукс, которого штурмовики Кильского университета заочно приговорили к смертной казни. В результате он был вынужден перейти на нелегальное положение и в июле 1933 года эмигрировать во Францию. Там он активно включился в работу антифашистского комитета, которым руководил Анри Барбюс. Впрочем, во Франции Фукс не задержался и уже 24 сентября 1933 года по приглашению английского промышленника Рональда Ганна, с которым был знаком его отец, выехал в Англию. Вскоре по протекции Ганна Фукс был принят на работу в Бристольский университет в лабораторию известного физика Невилла Мотта, где начал заниматься вопросами теоретической физики. Будучи талантливым ученым, Фукс уже в декабре 1936 года защитил докторскую диссертацию на тему «Связующие силы металлической меди и эластические константы моновалентных металлов». После защиты Мотт рекомендовал Фукса профессору Максу Борну, который руководил лабораторией в Эдинбургском университете. В результате в феврале 1937 года Фукс переезжает в Эдинбург, а в июле 1937 года становится стипендиатом фонда Карнеги. Работая под руководством Борна, он написал ряд статей, которые были отмечены в ученом мире.

Здесь надо особо отметить, что все эти годы Фукс продолжал оставаться нелегальным членом КПП и не скрывал своих прокоммунистических взглядов. Однако заключение советско-германского Пакта о ненападении вызвало у него двойное чувство. Позднее по этому поводу он говорил следующее: «Советско-германский пакт было

трудно понять, но все же я пришел к выводу, что СССР сделал это, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к войне».

После начала Второй мировой войны Фукс, как «враждебный» иностранец, предстал перед комиссией по проверке лояльности. Профессор Борн ходатайствовал за сотрудника своей лаборатории. Благодаря этому Фукс получил так называемую льготную категорию «С» и должен был лишь периодически отмечаться в местном полицейском участке. Но после того как Германия оккупировала Данию, Бельгию, Голландию и Францию, политика Англии по отношению к немцам-эмигрантам ужесточилась. В мае 1940 года Фукс был интернирован в лагерь для иностранцев на острове Мэн. А через два месяца интернированных немцев и итальянских военнопленных из этого лагеря отправили в Канаду, где разместили в пригороде Квебека Шербруке. Там Фукс находился до декабря 1940 года, пока благодаря усилиям Борна и Ганна не был освобожден. Он вернулся в Англию и продолжил работу в Эдинбургском университете.

В начале 1941 года Фукс принял английское гражданство, а в мае получил приглашение от Рудольфа Пайерлса, руководителя английской программы создания атомной бомбы, участвовать «в одном военном проекте». После недолгих раздумий Фукс ответил согласием и с июня начал работать в Бирмингемской лаборатории в рамках проекта «Тьюб эллойз» по созданию английской атомной бомбы. После нападения фашистской Германии на Советский Союз Фукс принимает решение помочь нашей стране. Осенью 1941 года во время одной из поездок в Лондон он связался со своим знакомым, эмигрантом из Германии Юргеном Кучински. По мнению Фукса, Кучински мог бы вывести его на сотрудников советской разведки. И здесь он не ошибся. Юрген Кучински, один из руководителей Компартии Германии, был хорошо знаком с послом СССР в Лондоне Иваном Михайловичем Майским, а его сестра Ур-

сула Кучински была кадровой сотрудницей советской военной разведки.

Юрген Кучински сообщил о просьбе Фукса послу Майскому, а тот в свою очередь рассказал о Фуксе резиденту ГРУ Ивану Склярову. Причиной такого решения было то, что отношения между Майским и резидентом ИНО НКВД Анатолием Горским не сложились. Что касается Склярова, то он поручил встретиться с Фуксом своему помощнику Семену Кремеру.

Во время следующего приезда Фукса в Лондон Кучински передал ему, что он может встретиться с советским представителем в один из ближайших вечеров на одной из улочек западного Лондона. А для того чтобы Фукс был твердо уверен, что встретился с нужным человеком, тот скажет ему пароль: «Привет от Кучинского».

Здесь надо сделать небольшое уточнение. Почему-то считается, что в 1941 году Фукс сам пришел в советское посольство и лично обратился к послу Майскому. Но это не соответствует действительности. Семен Кремер, поддерживавший контакт с Фуксом в это время, утверждает:

«Я хорошо помню, что в советское посольство Фукс никогда не приходил. О встрече с ним мы договорились через доктора Кучински. Она состоялась на одной из улиц западного Лондона ночью. К этой встрече я готовился очень тщательно, постоянно проверялся»¹.

Во время этой встречи Фукс рассказал Кремеру о начале работ по созданию атомной бомбы в Англии и США. А на вопрос, почему он решил передать эти сведения Советскому Союзу, ответил, что СССР необходимо иметь свою бомбу для обеспечения собственной безопасности. «В это время, — рассказывал позднее Фукс, — у меня не было ни малейших сомнений в правильности советской внешней политики и я был уверен в том, что западные союзники сознательно способствуют тому, чтобы Советский Союз и Германия полностью истощили себя в смертельной схватке.

Я не испытывал ни малейших колебаний, передавая советским представителям всю известную мне информацию, хотя я старался, по крайней мере вначале, сообщать им только результаты моих собственных исследований»².

Во время следующей встречи с Кремером Фукс передал ему большой блокнот с материалами об английском проекте «Тьюб эллойз». Но весной 1942 года связь Фукса с резидентурой ГРУ в Лондоне прервалась из-за того, что Кремер был отозван в Москву. В результате Фукс был вынужден вновь обратиться за помощью к Юргену Кучински. На этот раз Кучински связал его со своей сестрой, Урсулой Кучински (Соня), которая в начале 1941 года прибыла из Швейцарии в Англию с заданием организовать работу нелегальной резидентуры.

Их первая встреча состоялась летом 1942 года. Оператором Фукса Соня была до ноября 1943 года и за это время передала в Центр через своего связника, работника легальной лондонской резидентуры ГРУ Николая Аптекаря (Сергей), большое количество важной информации. Об объеме и характере переданной Фуксом информации можно судить по секретному меморандуму директора ФБР Э. Гувера специальному помощнику президента США контр-адмиралу С. Сауэрсу от 2 марта 1950 года:

«В соответствии со своим намерением передавать Советскому Союзу только результаты своих собственных работ Фукс передавал советскому агенту копии всех докладов, подготовленных им в Бирмингемском университете...

Помимо копий документов, автором которых он был сам, Фукс действительно сообщил советскому агенту в общих чертах о научно-исследовательских работах в рамках программы «Тьюб эллойз» в Великобритании и о создании небольшой экспериментальной станции по изучению процессов диффузии урана на базе одного из заводов министерства снабжения в Северном Уэльсе

(объект «Долина»). Он сказал, что никакой проектно-конструкторской информации по этой экспериментальной станции и используемому на ней инженерному оборудованию он советским агентам не передавал. Кроме того, он сообщил русским, что аналогичные исследования проводятся также в Соединенных Штатах и что между двумя странами существует сотрудничество в этой области»³.

Фукс работал в Бирмингеме до ноября 1943 года. А его дальнейшую судьбу определило соглашение, подписанное Черчиллем и Рузвельтом 19 августа 1943 года в Квебеке, по которому Великобритания и США объединяли свои усилия в создании атомной бомбы. И уже вскоре Фукс получил приглашение от руководителя лаборатории в Лос-Аламосе Роберта Оппенгеймера продолжить свою работу в США. Фукс согласился и 22 ноября 1943 года получил въездную визу в США. После этого он встретился с Урсулой Кучински и сообщил ей о предстоящей поездке в Америку. Во время следующей встречи Кучински передала ему инструкцию по установлению контактов с американским связником Раймондом. Встреча с ним должна была произойти в первую субботу февраля 1944 года в Нью-Йорке. Обговорив условия связи, Фукс 28 ноября на американском корабле «Андрес» вместе с тридцатью другими английскими учеными отплыл из Ливерпуля в Норфолк, штат Виргиния.

3 ноября 1943 года Фукс прибыл в Норфолк, получил подъемные и через четыре дня был в Нью-Йорке, где располагалась британская научная миссия. В Нью-Йорке он сначала поселился в «Тафт-отеле», а потом переехал в меблированные комнаты на 77-й улице. С декабря 1943 года Фукс начал работать в Колумбийском университете, где занимался разработкой математического аппарата газодиффузионного процесса и решением конкретных технологических проблем строящегося комплекса в Оук-Ридже. В январе 1944 года он был внесен в список ученых, которым разрешалось

посещать различные исследовательские центры «Манхэттенского проекта» без специального разового разрешения. Правда, ему по-прежнему было запрещено посещение без специального разрешения военной контрразведки закрытых исследовательских центров и ознакомление во время этих посещений с секретной документацией.

В субботу 4 февраля 1944 года Фукс, как было условлено, встретился со своим связником Гарри Голдом (Раймонд), являвшимся агентом советской внешней разведки. Причиной передачи Фукса на связь с ИНО НКВД было решение руководства СССР сосредоточить работу по атомной проблеме в руках внешней разведки.

Фукс коротко проинформировал Голда о работах по созданию атомной бомбы в США и своем участии в них, а также договорился о следующих встречах. Всего с февраля по июль 1944 года Фукс встречался с Голдом пять раз и передал ему информацию об опытной промышленной установке в Оук-Ридже, о мембранах, используемых в газодиффузионном процессе, их композиционном составе. Кроме того, он передал Голду копии всех докладов, подготовленных английской научной миссией. Все сведения, полученные от Чарльза (такой псевдоним дали Фуксу в нью-йоркской резидентуре), были срочно отправлены в Москву и получили высокую оценку.

Летом 1944 года после запуска промышленной установки по производству металлического урана в Оук-Ридже американцы предложили Фуксу принять участие в работах на объекте, расположенном на юге страны. На сборы было дано всего несколько дней, и уже 14 августа 1944 года Фукс оказался в Лос-Аламосе, где стал сотрудником группы Т-1 («Термодинамика имплозивных процессов») отдела теоретической физики. О своей работе в группе Т-1 он впоследствии вспоминал так:

«В конце 1944 года я начал заниматься теоретическими расчетами величины необходимой массы плутониевого ядерного горючего и разработкой метода имплозии

(взрыва, сходящегося внутрь) для перевода заряда в надкритическое состояние. Моей задачей как раз стала разработка математического аппарата, способного объяснить возникавшие в ходе экспериментальной фазы исследования колебаний, нарушавшие одновременное протекание имплозивного эффекта, в результате чего запал в самом центре плутониевой бомбы взрывался слишком быстро, и ядерного взрыва всей надкритической массы плутония не происходило. Этой проблемой, оказавшейся исключительно сложной как в техническом, так и в теоретическом плане, я занимался вплоть до Аламогордо. И разумеется, я подробно проинформировал советских товарищей о том, как была решена эта задача и на какой теоретической базе»⁴.

Отъезд Фукса в Лос-Аламос был для него полной неожиданностью, и поэтому он не сумел предупредить о нем Голда. В результате связь с Фуксом прекратилась, и для ее восстановления руководством нью-йоркской резидентуры внешней разведки было принято решение направить Голда к сестре Фукса Кристель Хейнеман, проживающей в пригороде Бостона Кембридже. Голд дважды, в сентябре и ноябре, побывал в Кембридже. В первый раз служанка сказала ему, что супруги Хейнеман находятся в отпуске и вернутся не раньше середины октября. Во время второго посещения Голду удалось поговорить с Кристель Хейнеман и оставить письмо для Фукса с просьбой позвонить по указанному телефону и сказать: «Я приехал в Кембридж и пробуду здесь столько-то дней».

Однако Фуксу удалось побывать у своей сестры только в феврале 1945 года. Тогда она и рассказала ему о визите некоего друга и передала письмо. Фукс позвонил по указанному телефону и через два дня встретился с Голдом в доме своей сестры. Во время этой встречи Фукс кратко проинформировал Голда о лаборатории в Лос-Аламосе и передал письменный отчет, в котором суммировал все, что было ему известно о завершающей стадии создания американской атомной бомбы. Кроме

того, они условились о следующей встрече в июне в городе Санта-Фе.

После возвращения в Лос-Аламос Фукс 4 июня 1945 года присутствовал на расширенном заседании координационного совета под председательством Оппенгеймера, на котором было доложено о готовности всех лабораторий к предстоящему испытанию атомной бомбы под кодовым названием «Тринити». Через несколько дней Фукс выехал на встречу с Голдом в Санта-Фе. Он передал ему доклад, где содержалось полное физико-математическое описание плутониевой бомбы, которую предстояло испытать на полигоне, ее чертежи и расчетную мощность. Кроме того, Фукс сообщил предполагаемую дату испытаний — 16 июля, приблизительное местонахождение полигона, а самое главное — что США твердо намерены использовать атомную бомбу для окончательной победы над Японией.

За все время сотрудничества Фукса с советской разведкой у англичан и американцев не возникло и тени подозрения в его лояльности. Но 5 сентября 1945 года произошло событие, которое сыграло роковую роль в судьбе Фукса. В этот день Игорь Гузенко, шифровальщик резидента ГРУ в Оттаве Николая Заботина, попросил у канадских властей политического убежища. Последствия этого побега оказались катастрофическими для советской разведки. Канадская королевская комиссия по вопросам шпионажа выявила имена 19 агентов ГРУ в Канаде, в том числе физика Аллана Мея. Он был арестован в Англии 4 марта 1946 года, признался в передаче советским представителям материалов по атомной бомбе и был осужден на 10 лет каторжных работ. Разоблачение Мея явилось сильной пощечиной ФБР и МИ-5 и заставило их начать проверку всех лиц, имеющих отношение к созданию атомной бомбы.

Аллан Нанн Мей родился в 1912 году в Бирмингеме в семье обеспеченного меднолитейщика. Это обстоятельство позволило ему поступить в Кембриджский университет в Тринити-колледж, где он сделал блестя-

шую карьеру. Будучи серьезным, хотя и несколько замкнутым физиком-экспериментатором, он уже в 1933 году получил докторскую степень по физике. Обучаясь в Тринити-колледже, он вступил в коммунистическую ячейку, в которой состояли будущие агенты советской разведки Гарольд (Ким) Филби и Дональд Маклин. А несколько позднее Мей стал членом кембриджского филиала Союза научных работников, профсоюзной организации, объединяющей людей умственного труда.

Своих коммунистических взглядов и симпатий к Советскому Союзу Мей никогда не скрывал. Более того, в 1935 году в составе группы выпускников Кембриджа и Оксфорда он посетил СССР и несколько недель провел в Ленинграде. А вернувшись в Англию, он становится членом редакционного совета газеты «Сайентифик уокер» — печатного органа Союза научных работников. Впрочем, все это не помешало молодому доктору физики работать сначала в Кембридже, а перед самой Второй мировой войной получить место преподавателя в Лондонском университете.

После начала Второй мировой войны английские ученые-физики, в первую очередь профессора Бирмингемского университета Отто Фриш и Рудольф Пайерлс, подняли перед правительством Великобритании вопрос о создании атомной бомбы. Уже в марте 1940 года на стол председателя Комитета по научным вопросам военно-воздушной обороны Г. Тизарда легла трехстраничная записка, получившая позднее название «Меморандум Фриша — Пайерлса». Только один ее заголовок — «О создании «супербомбы», основанной на ядерной цепной реакции» — произвел переворот в головах тех, кто отвечал за научно-техническое обеспечение обороны Англии. В результате в октябре 1940 года вопрос о создании атомной бомбы обсуждался в Британском комитете по науке, возглавляемом лордом Хэнки, а несколько позднее был основан Урановый комитет, который на своем заседании 16 апреля 1941 года пришел к выводу, что атомная

бомба может быть разработана в течение двух лет. 20 сентября 1941 года Комитет начальников штабов на своем совещании принял решение о немедленном начале строительства завода по изготовлению атомных бомб, а 24 сентября доклад Уранового комитета рассмотрел военный кабинет. В итоге в рамках проекта, получившего название «Тьюб эллойз», в Англии начались работы по созданию атомной бомбы.

Для работы в проекте «Тьюб эллойз» были привлечены многие известные английские физики. Среди них был и Аллан Мей, получивший в апреле 1942 года приглашение от сэра У. Эйкерса, отвечавшего за безопасность «Тьюб эллойз», поработать «в одном секретном проекте». Мей ответил согласием и с начала мая присоединился к группе физиков, работавших в Кавендишской лаборатории в Кембридже.

Тем временем советская разведка уже была в курсе, что в Великобритании начались работы по созданию нового оружия на основе расщепления ядра урана. Резидентура внешней разведки НКВД в Лондоне еще в сентябре 1941 года получила от своего агента Дональда Маклина (Гомер) информацию о разработке английскими учеными атомной бомбы. А несколько ранее, 3 августа 1941 года, сведения о начале работ по созданию атомной бомбы в Англии и США получил сотрудник лондонской легальной резидентуры ГРУ полковник Семен Кремер (Барч). Его информатором был Клаус Фукс, с июня 1941 года работавший в Бирмингемской лаборатории в рамках проекта «Тьюб эллойз». Поэтому нет ничего удивительного в том, что 10 июня 1942 года директор Радиевого института академик В. Хлопин направил начальнику ГРУ генерал-майору А. Панфилову следующую записку:

«...Если Разведывательное управление располагает какими-либо данными о работах по проблеме использования внутриатомной энергии урана в каких-нибудь институтах или лабораториях за границей, то мы просили бы сообщить эти данные в спецотдел АН СССР...»

В ГРУ внимательно проанализировали свои агентурные позиции в Англии и в июле 1942 года направили нелегальному резиденту в Лондоне Яну Черняку (Джен) указание приступить к вербовке сотрудника Кавендишской лаборатории Кембриджского университета Аллана Мея, который ранее придерживался левых взглядов и с симпатией относился к СССР.

То, что Центр в качестве вербовщика Мея выбрал Черняка, не было случайным. А поэтому о нем следует рассказать особо. Ян Петрович Черняк родился 6 апреля 1909 года в австро-венгерской провинции Буковина. Детство его было безрадостным, так как родители маленького Яна пропали без вести в Первую мировую войну и его отдали в детский дом. В 1927 году после окончания средней школы он поступил в Высшее технологическое училище в Праге, где вскоре стал одним из лучших учеников. Получив диплом, Черняк некоторое время работал на электротехническом заводе, но, после того как разразился мировой экономический кризис, был уволен и оказался не у дел. Тогда, решив продолжить образование, Черняк выехал в Германию, где поступил в Берлинский политехнический колледж.

В июне 1930 года у Черняка состоялся разговор с сотрудником Разведупра РККА. Советский разведчик предложил Яну посодествовать в борьбе против фашизма, на что тот ответил согласием. С этого времени судьба Черняка оказалась надолго связана с советской военной разведкой. С 1930 по 1934 год он работал в Румынии, где создал агентурную сеть, собирающую военную и научно-техническую информацию по Германии. В 1936 году после обучения в разведшколе в Москве Черняк выехал в Швейцарию в качестве официального корреспондента ТАСС. Через некоторое время, освоившись и получив необходимые средства, он приступил к организации новой агентурной сети. И вскоре среди его источников были такие фигуры, как секретарь министра, глава исследовательского отдела авиационной фирмы, офицер разведки, высокопоставленный военный в штабе, круп-

ный банкир и т. д. Соответствующей была и информация, которую Черняк направлял в Центр. О работе Черняка в это время можно судить по следующей записи в его характеристике: «Находясь в зарубежной командировке, Я. Черняк провел исключительно ценную работу по созданию нелегальной резидентуры и лично завербовал 20 агентов».

В октябре 1938 года после заключения Мюнхенского соглашения Черняк переезжает в Париж, но уже не как корреспондент ТАСС, а в качестве нелегала. Однако обстановка там была крайне напряженной, и поэтому перед оккупацией Франции гитлеровскими войсками летом 1940 года Черняк возвращается в Цюрих, а затем перебирается в Англию.

После нападения Германии на Советский Союз нелегальная резидентура Черняка не только не прекратила работу, но стала источником важнейших материалов по фашистской Германии. К середине войны она превратилась в мощную разведывательную организацию, включающую в себя около 35 источников ценной информации, в большинстве своем работавших бескорыстно.

Будучи опытным вербовщиком, к тому же хорошо разбирающимся в технических вопросах, Черняк успешно выполнил задание Центра. Он установил с Меем контакт и сумел убедить его в том, что, передавая советским представителям сведения об английском атомном проекте, тот окажет СССР посильную помощь в борьбе с фашизмом. В итоге до конца 1942 года Черняк провел с Меем, получившим псевдоним Алек, несколько тайных встреч, во время которых получил документальную информацию об основных направлениях научно-исследовательских работ по урановой проблеме в Кембридже. Кроме того, Мей передал ему данные по установкам по отделению изотопов урана, описание процесса получения плутония, чертежи «уранового котла» и описание принципов его работы — всего около 130 листов документации. Однако в отличие от К. Фукса, К. Филби, Г. Берджесса и других ведущих советских

агентов, Мей не испытывал ни малейшего удовольствия от тайной деятельности. Позднее он вспоминал об этом времени так: «Вся эта история причиняла мне огромную боль, и я занимался этим лишь потому, что считал это своим посильным вкладом в безопасность человечества».

Мей находился на связи у Черняка лишь до конца 1942 года, так как в декабре его перевели в Монреальскую лабораторию Национального научно-исследовательского совета Канады. На последней встрече с Меем Черняк оговорил условия восстановления контактов в Канаде, но без уточнения сроков, так как в это время дипломатических отношений между СССР и Канадой еще не было.

Мей прибыл в Канаду в январе 1943 года и присоединился к монреальской исследовательской группе англо-канадских физиков-атомщиков, возглавляемой профессором Джоном Кокрофтом. А когда в августе 1943 года в Квебеке Черчиллем и Рузвельтом было подписано соглашение, по которому Англия и США объединяли свои усилия в создании атомной бомбы, Мей перевели в Чок-Ривер, где союзники намеревались построить реактор для производства обогащенного урана. В результате Мей получил возможность бывать в Аргоннской лаборатории Чикагского университета, где находился первый ядерный реактор, запущенный в декабре 1942 года Энрико Ферми.

Первый раз Мей побывал в Чикаго в январе 1944 года, второй раз — в апреле 1944 года, когда проводил там ряд экспериментов как на первом графитовом реакторе, так и на более новом, работающем на тяжелой воде. В августе 1944 года Мей приехал в Чикагский университет в третий раз. Целью этой поездки были консультации с сотрудниками Аргоннской лаборатории по поводу установки реактора в Чок-Ривере. Последняя поездка Мей в Чикаго состоялась осенью 1944 года и продолжалась с 25 сентября по 30 октября. Столь частое общение Мей с американскими учеными

позволило ему быть в курсе основных достижений «Манхэттенского проекта».

По неизвестным причинам ГРУ долгое время не выходило на связь с Меем, хотя легальная резидентура военной разведки начала действовать в Оттаве с июня 1943 года. И только в феврале 1945 года ее резидент полковник Николай Заботин (Грант) получил приказ Центра установить с ним контакт через Сэма Карра (Шмуля Когана). Карр, национальный секретарь Компартии Канады, в 1924 году был завербован ОГПУ, а в 1943 году передан на связь канадской резидентуре ГРУ, где проходил под псевдонимами Сэм и Фрэнк. Заботин, не желая, чтобы НКГБ был в курсе оперативной деятельности его резидентуры, послал в Москву телеграмму, в которой просил разрешения установить связь с Меем при помощи своего сотрудника, и в конце концов добился приказа действовать самостоятельно.

В мае 1945 года сотрудник оттавской резидентуры лейтенант Павел Ангелов (Бакстер) получил задание встретиться с Меем. Приехав в Монреаль, Ангелов установил адрес Мея и направился прямо к нему домой. Мей, явно не ожидавший, что и в Канаде ему придется сотрудничать с советской разведкой, сделал попытку уклониться от контакта, сославшись на то, что старая связь с Москвой оборвалась и что он находится под наблюдением контрразведки.

Но Ангелов был настойчив. «Довольно грубо, — вспоминал потом Ангелов, — я ему сказал, что не верю этому. Во-первых, пришло для него задание из Москвы, а во-вторых, если доктор Мей откажется, то у него самого возникнет повод для серьезного беспокойства». В результате Мей согласился на продолжение сотрудничества и получил указание подготовить доклад о проводимых в Канаде и США исследованиях по атомной бомбе.

Выполняя указания своего оператора, Мей в мае 1945 года вновь обратился за разрешением посетить Аргоннскую лабораторию. Однако на этот раз руководитель

«Манхэттенского проекта» генерал Лесли Гровс отказал ему в этом. Позднее он так мотивировал это решение:

«Хотя у меня не было причин подозревать его (Мея. — А. К.), — он прошел проверку на благонадежность еще в Британии, — мне не хотелось, чтобы он так много знал о самых последних разработках. Именно по этой причине весной 1945 года я не дал ему разрешения посетить лабораторию».

Но, несмотря на все трудности, Мей успешно выполнил поставленное перед ним задание. С мая по сентябрь он несколько раз встречался с Ангеловым и передал ему много ценных материалов. Здесь, как кажется, имеет смысл привести воспоминания самого Мея относительно его контактов с сотрудниками ГРУ в Канаде: «Когда я находился в Канаде, со мной вступил в контакт человек, личность которого я раскрывать воздержусь. Очевидно, он знал, что я работаю в Монреальской лаборатории, и хотел получить от меня информацию по атомной энергии.

Я тщательно проанализировал вопрос о правомерности того, что развитие атомной энергетики должно быть прерогативой лишь США. Я принял очень болезненное для себя решение о том, что следует предать общей гласности информацию по атомной энергии, и был серьезно уверен в том. По этой причине я решил принять предложение этого человека. После предварительной встречи я еще несколько раз виделся с ним в Канаде. Он потребовал от меня представить образцы урана и общую информацию.

На одной из встреч я передал ему микроскопические образцы урана-233 и урана-235. Уран-235 был немного обогащен, находился в небольшой стеклянной трубочке и представлял собой миллиграмм окиси. Уран-233 составлял десятую часть миллиграмма и был нанесен тончайшим слоем на платиновую фольгу.

Я также передал этому человеку письменный доклад о ядерных исследованиях — все, что было мне известно...»

Доклад, составленный Меем и переданный им Ангелову в конце июня, был предельно четким и исчерпывающим. В нем была описана конструкция бомбы, ее детали и отдельные узлы, а также технологические процессы их изготовления. В нем также была представлена подробная схема организации атомного проекта в США и Канаде: структура проекта, фамилии ученых и военных и т. д., были перечислены сверхсекретные объекты и заводы в Оук-Ридже, Чикаго, Лос-Аламосе, Хэнфорде, Чок-Ривере, дано их четкое описание, назначение, состав выпускаемой продукции. Отдельно прилагался список ученых, через которых можно было установить контакт с участниками атомного проекта. Получив доклад Мея, Заботин 9 июля 1945 года послал в Центр телеграмму:

«Директору № 241

Факты, переданные Алеком:

1. Испытания атомной бомбы были проведены в Нью-Мехико. Бомба, сброшенная на Японию, сделана из урана-235. Известно, что выход урана-235 на заводе магнитного разделения в Клинтоне составляет 400 граммов в день... Планируются к публикации научно-исследовательские работы в этой области, но без технических подробностей. Американцы уже выпустили книгу об этом.

2. Алек передал нам пластину с 162 микрограммами урана в форме окиси на тонкой пленке...»

Сам доклад Мея и образцы урана было решено отправить в Москву не с дипломатической почтой, которую посчитали ненадежной, а с заместителем Заботина подполковником Петром Мотиновым (Ламонт), который должен был возвращаться в СССР для получения нового назначения в США. Прилетевшего в Москву Мотинова на аэродроме встречал лично начальник ГРУ генерал-лейтенант Кузнецов. Вот как вспоминает об этом сам Мотинов:

«На аэродроме меня встречал сам Директор [Кузнецов]. С большими предосторожностями я достал из-за

пояса драгоценную ампулу и вручил ее Директору. Он немедленно отправился к черной машине, которая стояла тут же, на аэродроме, и передал ампулу в машину.

— А кто там был? — спросил я потом Директора.

— Это Берия, — прошептал Директор.

А от ампулы с ураном у меня до сегодняшнего дня мучительная рана — и приходится менять кровь по нескольку раз в год».

Сотрудничество Мея с оттавской резидентурой ГРУ продолжалось до сентября 1945 года, когда его в связи с окончанием работ в Чок-Ривере отозвали в Англию. Узнав об этом, Заботин оговорил с Меем условия встречи в Лондоне и сообщил о них в Москву:

«...Условия встречи — 7, 17 или 27 октября на улице перед Британским музеем. Время 11 часов вечера. Оповестительный знак — газета слева под мышкой. Пароль: сердечный привет Майклу».

В середине сентября Мей благополучно прибыл в Англию и в скором времени устроился на работу преподавателем в Королевском коллеже в Лондоне. А за несколько дней до этого, 5 сентября, из оттавской резидентуры ГРУ бежал шифровальщик лейтенант Игорь Гузенко (Кларк). Предатель передал канадской контрразведке множество документов, среди которых были копии донесений агента Алека в Москву и условия связи с ним в Лондоне. Полученная от Гузенко информация была немедленно доведена до руководителя особого отдела Скотленд-Ярда подполковника Леонарда Барта, который получил указание срочно установить личность таинственного Алека. Барту, который работал в плотном контакте с МИ-5, не составило труда выяснить, что под псевдонимом Алек скрывается доктор Аллан Мей.

За Меем, получившим у английских контрразведчиков кличку Первоцвет, было установлено круглосуточное наблюдение. Однако и 7, и 17, и 27 октября он находился дома. Не было также замечено никаких признаков появления в эти дни советского агента у Британского музея. Но подполковник Барт продолжал вы-

ждать. И лишь после того как 3 февраля 1946 года американское радио сообщило о раскрытии в Канаде советской шпионской группы, а 15 февраля премьер-министр Канады Маккензи выступил с официальным заявлением по этому поводу, он решил действовать. 15 февраля Барт позвонил Мею на работу в Шелл-Макс-Хаус и пригласил посетить Управление по атомной энергии, сказав, что ему надо навести некоторые рутинные справки. Во время беседы за чашкой чая Барт заявил Мею, что ему известно о его сотрудничестве с советской разведкой и о несостоявшейся встрече у Британского музея. Несколько растерявшийся Мей после продолжительного раздумья признался, что действительно, находясь в Канаде, встречался с русским в период с января по сентябрь 1945 года и передал ему образцы урана. Однако, несмотря на признание, арестовали Мея только 4 марта.

Суд над Меем начался 1 мая 1946 года. Государственный прокурор сэр Хартли Шоукросс обвинил его в нарушении закона о государственной тайне посредством «передачи между 1 января и 30 сентября 1945 года неизвестному человеку информации, которая предназначалась для прямого или косвенного использования врагом». Несмотря на возражения адвоката, судья Оливер вынес Мею обвинительный приговор — 10 лет тюремного заключения.

Свой срок Мей отбывал в Уэйкфилдской тюрьме в Йоркшире. В январе 1953 года его за примерное поведение досрочно освободили, после чего он устроился на малозначительную работу в Кембридже. Позднее он вновь начал заниматься физикой, в частности исследованиями по теории усталости металла, а его статьи стали появляться в одном из ведущих научных журналов мира — «Нейча» («Природа»). В 1962 году он покинул Англию и перебрался в Гану, где ему предоставили место специального профессора физики в местном университете.

Но самое главное — Мей никогда не раскаивался в содеянном. Это очень верно подметил известный анг-

лийский научный обозреватель Г. Пинчер, сказавший: «Он сумел вернуться в научный мир и получить признание, не дав ни малейшего повода заподозрить его в раскаянии или компромиссе с обществом, чьей безопасности он угрожал, когда передавал секреты атомной бомбы русским, политическому делу которых он был тайно предан».

Пока в Канаде шел процесс над русскими шпионами, Фукс продолжал работать в Лос-Аламосе. В сентябре 1945 года было решено, что члены британской научной миссии покинут США и продолжат свою работу в Англии. Фукс должен был вернуться в Англию в феврале 1946 года. Поэтому во время его последней встречи с Голдом 19 сентября 1945 года он получил условия связи в Лондоне: Морнингтон-Кресент, первая суббота каждого месяца в 8 часов вечера. Однако по просьбе американцев Фукс задержался в США до июня 1946 года. Все это время он вместе с Эдвардом Теллером работал над проблемами создания термоядерного оружия.

Вернувшись в Англию, Фукс вновь был привлечен к программе создания атомной бомбы, на этот раз английской. В июле 1946 года он возглавил отдел теоретической физики в британском научном центре в Харуэлле (рядом с Оксфордом). К сожалению, в это время связь Фукса с советской разведкой вновь оборвалась. Причиной тому было предательство Гузенко, после которого Центр принял решение временно заморозить контакты с агентурой, занимавшейся атомной проблемой. Тогда, как и в прошлый раз, Фукс начал восстанавливать связь сам. К этому времени Юрген Кучински уже покинул Англию, поэтому Фукс обратился к его жене, которая направила его к Ханне Клопшток. Ей Фукс рассказал, что работает на секретном объекте и связаться с ним по телефону невозможно. Клопшток передала слова Фукса руководителю немецкого землячества коммунисту Гансу Зиберту, который и связался

с сотрудником резидентуры внешней разведки в Лондоне Ерзиным.

Однако в Центре не торопились устанавливать контакт с Фуксом. Поэтому он обратился за помощью к своей давней знакомой, сотруднице газеты «Дейли уокер» Анджеле Такетт. В свою очередь Такетт передала просьбу Фукса о встрече с «большой Ханной» все тому же Зиберту, после чего в Москве было решено связаться с Фуксом через Клопшток. Их встреча состоялась 19 июля 1946 года и прошла без осложнений. Фукс рассказал, что в Харуэлле он занимает весьма ответственный пост и уверен, что находится вне всяких подозрений. Получив отчет об этой встрече, в Центре решили, что с Фуксом должен работать кадровый офицер разведки. С этой целью в Лондон в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке был командирован Александр Феклисов, который официально занял должность второго секретаря посольства.

Первая встреча Фукса с Феклисовым произошла 27 сентября 1947 года. Их дальнейшие встречи происходили регулярно, а о важности переданной Фуксом информации можно судить по следующему отзыву: «Полученные материалы очень ценные и позволят сэкономить 200—250 млн рублей и сократить сроки освоения проблемы».

Вот перечень только части материалов, переданных Фуксом с осени 1947 по май 1949 года:

- детальные данные о реакторах и химическом заводе по производству плутония в Уидскейле;

- сравнительный анализ работы урановых котлов с воздушным и водяным охлаждением;

- планы строительства завода по разделению изотопов;

- принципиальная схема водородной бомбы и теоретические данные по ее созданию, которые были разработаны учеными США и Англии в 1948 году;

- результаты испытаний американцами ураново-плутониевой бомбы в атолле Эниветок;

справка о состоянии англо-американского сотрудничества в области производства атомного оружия⁵.

Последняя встреча Фукса с Феклисовым произошла 25 мая 1949 года. А 3 февраля 1950 года в лондонской резидентуре и в Москве, прочитав вечерние английские газеты, узнали, что накануне Фукс был арестован сотрудниками особого отдела Скотленд-Ярда по предписанию контрразведки МИ-5. При аресте Фуксу были предъявлены два обвинения:

передача неизвестному лицу в 1947 году секретной информации, касающейся атомной энергетики;

передача информации, касающейся научных исследований в области атомной энергетики, неизвестному лицу в США в феврале 1945 года.

Что же послужило причиной провала Фукса?

Прежде всего отметим, что после предательства Гузенко и ареста Аллана Мея американская и английская контрразведки начали отрабатывать каналы возможной утечки атомных секретов в Советский Союз. Их усилия утроились после того, как 29 августа 1949 года в СССР была испытана первая советская атомная бомба. К сентябрю 1949 года сотрудники МИ-5 пришли к выводу, что среди английских ученых ответственным за утечку информации является Клаус Фукс. Это косвенно подтверждалось и тем, что в записной книжке Мея было обнаружено имя Фукса. А изучение материалов о прошлом Фукса выявило его принадлежность к Компартии Германии. Кроме того, американцы в 1946 году приступили к расшифровке перехваченных радиосообщений советских представительств в США. К 1949 году в рамках операции «Венона» (так в американских спецслужбах обозначили декодирование советских сообщений) был достигнут значительный успех, что позволило установить псевдонимы агентов советской разведки и время передачи ими добытых материалов своим операторам. В результате в декабре 1949 года в МИ-5 решили форсировать разработку Фукса. Его первый допрос со-

стоялся 21 декабря 1949 года. В ходе допроса следователь контрразведки Уильям Скардон играл на лояльности Фукса к его английским друзьям и апеллировал к его чувству благодарности Англии, которая предоставила ему убежище и возможность заниматься наукой. В результате он добился от Фукса признания в принадлежности в прошлом к коммунистической партии. Однако свою причастность к атомному шпионажу Фукс категорически отрицал. Поэтому допросы были продолжены и в январе 1950 года. В конце концов переживающий тяжелый внутренний кризис Фукс, которому объявили, что он отстранен от работы в Харуэлле, 24 января сделал признание о передаче информации по атомной бомбе советским представителям и был немедленно арестован.

Суд над Фуксом состоялся 1 марта 1950 года в центральном уголовном суде Олд Бейли. Председествовал на процессе верховный судья Англии лорд Годдард, а главным обвинителем был генеральный прокурор Шоукросс. Защищал Фукса известный адвокат Бенетт. В ходе судебного разбирательства, которое продолжалось два часа, Фукс был признан виновным в нарушении государственной тайны и приговорен к 14 годам тюремного заключения. От смертной казни его спасло то обстоятельство, что в годы войны Советский Союз был союзником Великобритании.

Сведения, полученные во время процесса над Фуксом, помогли ФБР установить личность его связника Раймонда. В результате 20 мая 1950 года в США был арестован Гарри Голд, а затем и другие советские агенты — Дэвид Грингласс и супруги Розенберг. Судьба последних оказалась трагичной. В угоду ФБР и политической конъюнктуре они 19 июня 1953 года были казнены на электрическом стуле.

По существующей тогда традиции СССР отказался от своего агента. 8 марта 1950 года ТАСС выступило со следующим заявлением:

«Агентство Рейтер сообщило о состоявшемся на днях в Лондоне судебном процессе над английским ученым-атомщиком Фуксом, который был приговорен за нарушение государственной тайны к 14 годам тюремного заключения. Выступивший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто бы Фукс передавал атомные секреты «агентам Советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Первые месяцы заключения были для Фукса очень тяжелыми: заключенные считали его предателем. Но со временем отношение к нему изменилось. В свободное от работы время он организовал курсы по повышению грамотности, где вел все предметы. Кроме того, сам он много читал: как специальную литературу, так и художественные произведения.

Через девять с половиной лет, 24 июня 1959 года, Фукс был досрочно освобожден за примерное поведение. Оказавшись на свободе, он немедленно выехал в ГДР, где ему предоставили гражданство. Вскоре Фукс был назначен заместителем директора Института ядерной физики и вновь начал заниматься любимым делом. Через некоторое время он женился на Маргарите Кейлсон и поселился в Дрездене. Помимо работы в Институте ядерной физики Фукс преподавал в Высшей технической школе. В 1972 году его избрали членом Академии наук, а в 1975 году он получил Государственную премию первой степени. Кроме того, в 1979 году он был награжден орденом Карла Маркса. Летом 1968 года Фукс побывал в СССР, где посетил ряд научно-исследовательских институтов и встретился с советскими учеными. Однако советское руководство так и не отметило его заслуг в получении СССР атомных секретов.

Умер Клаус Фукс 28 февраля 1988 года. Как член ЦК

СЕПГ, он был похоронен на Кладбище социалистов в Берлине. На траурной церемонии присутствовало много народу, но, к сожалению, не было ни одного советского представителя.

Вернер Рут
(Кучински Урсула, Гамбургер, Бертон, Соня)

15.05.1907 — 7.07.2000. Подполковник.

Родилась в г. Фриденау (Германия) в семье крупного немецкого статистика Рене Кучински. Активистка немецкого комсомола и Компартии Германии, работала в книжном магазине Прагера в Берлине и издательстве Ульштейн в Германии и США. Член Компартии Германии с 1926 г. В 1930 г. вместе с мужем Рольфом Гамбургером отправилась в Китай, где Рольф получил должность архитектора в Шанхайском муниципальном совете. В конце 1930 г. привлечена к разведработе Рихардом Зорге, который дал ей псевдоним Соня. В 1930—1933 гг. выполняла задания сначала Зорге, а потом сменившего его К. Римма (Пауль). В 1933—1934 гг. проходила обучение премудростям разведывательного дела в Москве. В 1934—1935 гг. вместе с мужем Эрнстом Отто опять работает в Китае — Мукдене и Пекине. Связь с Москвой по радио, на рации работает Урсула. В 1935—1938 гг. с Рольфом Гамбургером работает в Польше. В 1938—1940 гг. возглавляет разведгруппу в Швейцарии, один из членов которой — Леон Чарльз Бертон — становится ее мужем. В 1939 г. ее люди по приказу Центра входят в состав группы Ш. Радо (Дора). В 1940—1950 гг. живет и работает с мужем в Англии. До 1946 г., когда связь с Центром прервалась, связная между легальной резидентурой военной разведки и ее агентами в стране. Среди них был и ученый-атомщик Клаус Фукс. Вскоре после того как он был арестован, вернулась в ГДР (март 1950 г.). Работала в прессе и системе внешней торговли. Под именем Урсулы Бертон публиковала книги по экономике. С 1956 г. писательница, автор ряда художественных произведений. Ее литературный псевдоним Рут Вернер. Награждена двумя орденами Красного Знамени (1937, 1969). Умерла в Берлине.

Кремер Семен Давыдович (Александр, Сергей)

10.02.1900 — 1990.

Родился в г. Гомеле Могилевской губернии в рабочей семье. Окончил 3-классное еврейское училище (1911). Работал в швейной мастерской. В 1917—1918 гг. — боец в Гомельском красногвардейском отряде. В РККА с ноября 1918 г. Участник Гражданской войны на Западном фронте. Член партии с 1919 г. Окончил военный факультет Коммунистического университета им. Свердлова (1922), политработник. С октября 1923 по май 1931 г. — командир эскадрона кавалерийского полка, окончил Кавалерийские курсы усовершенствования комсостава (1926). Окончил основной факультет Военной академии им. Фрунзе (1934). С мая 1934 по сентябрь 1936 г. — помощник начальника 1-го отдела штаба 11-го механизированного корпуса. С сентября 1936 по январь 1937 г. — в распоряжении Разведупра РККА. С января 1937 по август 1942 г. — секретарь военного атташе СССР в Англии. Через Соню (Урсулу Бертон) поддерживал связь с Клаусом Фуксом. С августа 1942 по июль 1943 г. — начальник западного факультета Военного института иностранных языков. С июля 1943 по 1945 г. воевал на Брянском, Центральном, 1-м Украинском, 3-м Белорусском, 1-м Прибалтийском фронтах — командир механизированной бригады, замкомандира механизированного корпуса. Участвовал в освобождении Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии. Герой Советского Союза (1944). Освобождал Северо-Западный Китай. В 1945—1956 гг. — замкомандира корпуса, окончил Военную академию Генерального штаба (1952). Генерал-майор (1944). В 1956 г. вышел в запас и жил в Одессе. Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями. Умер в Одессе.

Заботин Николай Иванович (Грант)

21.04.1904 — ? Полковник.

Родился в с. Лучинском Лучинской волости Воскресенского уезда Московской губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу (1916) и 3 класса Высшего на-

чального училища (школы 2-й ступени). Работал в хозяйстве своего отца. В сентябре 1921 г. добровольно вступил в РККА. Окончил 2-ю Московскую артиллерийскую школу (1924). В 1924—1933 гг. — на командных должностях в артиллерийских частях. Окончил специальный факультет Военной академии им. Фрунзе (1936). В 1936—1940 гг. состоял в распоряжении Разведупра РККА, в 1937—1940 гг. работал в Разведуправлении Монгольской народной армии. В 1940—1943 гг. работал в центральном аппарате Разведупра Генштаба РККА-ГРУ, старший инспектор 2-го отделения 7-го отдела, инспектор пограничной разведки 1-го отделения 4-го отдела Разведупра Генштаба РККА. С июля 1943 по сентябрь 1945 г. — военный атташе СССР и резидент военной разведки в Канаде. Создатель разветвленной разведсети в этой стране, которая во многом была провалена из-за бегства шифровальщика военного атташе И. Гузенко в сентябре 1945 г. Вопреки установленным правилам Заботин обеспечил доступ Гузенко ко многим материалам резидентуры, к которым он не должен был иметь отношения. В Москве Заботин был арестован, но через некоторое время освобожден. Умер в провинции.

Гузенко Игорь Сергеевич

1919—1985.

Образование незаконченное высшее. Участник Великой Отечественной войны. Лейтенант Советской Армии. С августа 1943 г. — в Канаде. Сотрудник советской военной разведки. Шифровальщик. 6 сентября 1945 г. вместе со своей женой стал невозвращенцем. Передал американцам секретные документы.

Неизвестный Бруно Понтекорво

Рассказ о Бруно Понтекорво мы считаем необходимым предварить следующими замечаниями. Прежде всего надо сказать, что представители Службы внешней разведки России никогда не делали официальных заяв-

лений о том, что Понтекорво работал на советскую разведку. Но в то же время о его сотрудничестве с советской разведкой довольно подробно рассказывают в своих книгах Серго Берия (Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994) и Павел Судоплатов (Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля, М., 1997). Кроме того, в книге Владимира Чикова «Нелегалы», изданной в 1997 году, упоминается некий агент Мур, обстоятельства работы которого дают возможность предположить, что под этим псевдонимом скрывается именно Бруно Понтекорво.

Бруно Макс Понтекорво родился в 1913 году в Италии в городе Пиза в благополучной многодетной семье. Его отец, Массимо Понтекорво, был промышленником, а мать — дочерью медика. У Бруно было пять братьев и три сестры, из которых наиболее известны биолог Гвидо и кинорежиссер Джилло.

Родители Понтекорво были люди консервативные и довольно авторитарные. По воспоминаниям Понтекорво они имели весьма определенное мнение (которое тщательно скрывали) о каждом из своих детей. Так, по их мнению, Гвидо был самым умным из детей, Паоло — самым серьезным, Джулиана — самой воспитанной, а Бруно — самым добрым, но и самым ограниченным. «Думаю, — рассказывал позднее Понтекорво, — что этому мнению я обязан своей застенчивостью, комплексом неполноценности, который преследовал меня почти всю мою жизнь»⁶.

Большое влияние на формирование характера и мировоззрения юного Понтекорво оказал его отец, которого отличало стремление к справедливости. Понтекорво всю жизнь относился к отцу с любовью и уважением. А в своих автобиографических заметках вспоминает о следующем случае:

«Мой отец очень уважал некоего человека по имени Данило, рабочего, который работал на заводе Понтекорво и который в начале фашизма организовал забас-

товку. В связи с этим к моему отцу пришел чиновник (человек, впоследствии ставший министром внутренних дел Республики Сало) — Гуидо Буффарини Гуиди, — который хотел узнать имена зачинщиков забастовки. На отказ моего отца быть шпионом Буффарини вызвал его на дуэль (которая, к счастью, не состоялась). Этот эпизод с дуэлью очень нас развеселил и еще более укрепил наше уважение к отцу»⁷.

В школе Понтекорво учился хорошо, но особыми успехами не блистал. Главным его увлечением в ту пору был теннис. Любовь к этому виду спорта он пронес через всю жизнь и считал себя настоящим его знатоком. В 1929 году после окончания школы Понтекорво поступил на инженерный факультет университета города Пизы. Там он проучился два года. И хотя, по словам самого Понтекорво, у него «были приличные отметки, после второго курса он решил оставить инженерные науки и перейти на третий курс физического факультета». Причиной такого решения, как это ни странно, оказалась нелюбовь Понтекорво к черчению. Брат Понтекорво Гвидо, узнав о его решении, одобрительно заявил: «Физика! Значит, тебе придется ехать в Рим. Там находятся Ферми и Разетти!»

Приняв решение изучать физику, Понтекорво в 1931 году отправился в Рим для поступления в Римский университет. Там он обратился к работавшему вместе с Ферми Разетти, в свое время учившемуся в университете в Пизе и хорошо знавшему семью Понтекорво. В автобиографии Понтекорво так описывает этот эпизод своей жизни:

«Я поехал в Рим, где Ферми и Разетти устроили мне неофициальный экзамен. После экзамена, во время которого я, очевидно, показал весьма посредственные знания, Ферми высказал некоторые замечания, которые определили выбор моей профессии и которые стоит здесь привести: «Физика одна, но, по несчастью, сегодня физики делятся на две категории — теоретиков и экспериментаторов. Если теоретик не обладает исключительны-

ми способностями, то его работа лишена смысла. Что же касается экспериментальной физики, здесь существует возможность полезной работы, даже если человек обладает средними способностями»⁸.

Таким образом, Понтекорво поступил на третий курс физико-математического факультета Римского университета, причем подразумевалось, что в будущем он должен заниматься исследованиями экспериментального направления. Это оказалось самым важным событием в его научной жизни. С 1931 по 1936 год он сначала как студент, а потом как сотрудник работал в группе, руководимой Ферми, в которую входили Разетти, Амальди, Сегре и другие известные итальянские физики. По словам Понтекорво, Ферми не только обучал физику своих учеников, но и своим личным примером передавал свою глубокую страсть к этой науке, в которой он прежде всего любил и подчеркивал простоту. «У Ферми, — вспоминал Понтекорво, — я научился презирать научный авантюризм и субъективизм, не одобрять атмосферу «охоты за открытиями», царящую в некоторых исследовательских институтах, и относиться с антипатией к тем, кто в физике усложняет дела, вместо того чтобы их упрощать. Те, кому посчастливилось заниматься исследованиями вместе с Ферми и работать под его руководством, всегда вспоминают его как непогрешимого «папу» физиков, как его называли все сотрудники института»⁹.

В 1933 году в возрасте двадцати лет Понтекорво защитил диплом и стал ассистентом профессора Орто Марио Корбино. В это время он принимал участие в экспериментальных исследованиях Ферми и его группы, в частности в открытии медленных нейтронов. Эти исследования открыли дорогу известным практическим применениям нейтронов (ядерной энергии, изотопам в медицине и, разумеется, в военных целях).

Как вспоминает Понтекорво, «последствия этих исследований для некоторых членов группы Ферми оказались следующие: они принесли Нобелевскую премию

Ферми, определенная слава досталась даже младшему участнику группы, все получили патент на изобретение, который спустя много лет был продан правительству Соединенных Штатов Америки за внушительную сумму, давно уже выплаченную изобретателям (всем, кроме меня), мне была присуждена премия министерства национального образования, благодаря которой я поехал в 1936 г. в Париж работать с Ф. Жолио-Кюри»¹⁰.

В Институте радия, а потом в Коллеж де Франс Понтекорво заинтересовался ядерной изомерией, над которой работал практически в одиночку (но пользуясь ценными советами своего второго учителя Ф. Жолио-Кюри), движимый некоторыми своими теоретическими идеями. Он предсказал существование стабильных (относительно бета-радиоактивности) ядерных изомеров и экспериментально нашел в 1938 году первый пример: кадмий, возбужденный быстрыми нейтронами. Он также предсказал, что переходы между изомерами должны, в общем, иметь очень большие коэффициенты внутренней конверсии, и независимо, но несколько раньше Г. Сиборга и Э. Сегре, занялся поиском и в 1938 году нашел на примере родия радиоактивные ядра нового типа. Наконец, совместно с А. Лазардом ему в 1938 году удалось получить бета-стабильные изомеры путем облучения стабильных ядер непрерывным спектром рентгеновского излучения высокой энергии.

Ф. Жолио-Кюри очень понравился эффект, открытый Понтекорво, и он назвал его «ядерной фосфоресценцией». Понтекорво послал свою работу, посвященную «фосфоресценции», Ферми, которому не было свойственно выражать излишнюю похвалу. Но в данном случае он прислал Понтекорво поздравление с «отличным результатом исследования». Это доставило Понтекорво откровенную радость, поскольку он был убежден, что Ферми, который в Риме называл его «большим чемпионом», прислушивался к нему только как к эксперту по теннису. Вскоре за исследование изомерии Понтекорво получил премию Кюри — Карнеги.

В 1938 году Понтекорво женился на шведке Марианне Нордблом, невысокой светловолосой девушке. Через год у них родился первенец, которого они называли Джиль. Позднее в США у Понтекорво родились еще двое сыновей — Тито и Антонио.

10 мая 1940 года немецкие войска начали стремительное наступление на Западном фронте. В результате армии союзников были разгромлены, и 14 июня передовые части вермахта вступили в Париж. Понтекорво оставался в столице Франции до самого последнего момента. На велосипеде ему удалось пробраться на юг страны, где он встретился с женой, проделавшей этот путь по железной дороге. Из Франции Понтекорво с семьей перебрался в Испанию, а затем в Португалию. В Лиссабоне они сели на пароход, отплывавший в Америку, и 20 августа 1940 года сошли на берег в Нью-Йорке.

Оказавшись в США, Понтекорво устроился на работу руководителем научного отдела в одну частную геологическую фирму, находившуюся в городе Тулсе (Оклахома). Там в течение двух лет он занимался реализацией геофизического метода зондирования нефтяных скважин, так называемого метода нейтронного каротажа, который до сих пор применяется в нефтяной промышленности. Однако денег Понтекорво заработал мало, и поэтому, когда в конце 1942 года ему предложили принять участие в «Манхэттенском проекте», он ответил согласием.

В начале 1943 года Понтекорво приехал в Канаду, где начал работать в Монреальской лаборатории в рамках англо-канадского уранового проекта. Несколько позднее он был назначен научным руководителем физического проекта создания ядерного реактора типа NRX в лаборатории в Чок-Ривере.

Теперь надо немного отвлечься и сказать о политических взглядах Понтекорво. Впрочем, лучше предоставить слово ему самому.

«Я придерживался левых политических убеждений, — писал Понтекорво в своей автобиографии. — С самого

начала это было прежде всего связано с моей ненавистью к фашизму и, как я теперь думаю, с чувством справедливости, привитым мне моим отцом. С середины 30-х годов вплоть до 70-х мои представления определялись категорией нелогичной, которую я сейчас называю «религией», каким-то видом «фанатичной веры» (которая уже отсутствует), гораздо более глубокой, чем культ какой-либо одной личности...

Тогда, как и сегодня, я считал ужасно несправедливым и аморальным крайне враждебное отношение, которое Запад развертывал в конце войны к Советскому Союзу, который за счет неслыханных жертв внес решающий вклад в победу над нацизмом»¹¹.

Поэтому не стоит удивляться, что с первых дней своего участия в атомном проекте Понтекорво, посоветовавшись с женой, принял решение информировать Советский Союз о работах по созданию атомной бомбы. Но сам он не мог вступить в контакт с советскими представителями и попросил сделать это свою старую знакомую, члена Компартии Италии. Она известна под именем Джемми и проживала в то время в Нью-Йорке. Понтекорво передал ей письмо, в котором подробно сообщал обо всем, что было ему известно о «Манхэттенском проекте».

Весной 1943 года Джемми пришла в советское консульство в Нью-Йорке и оставила дежурному запечатанный конверт с надписью: «Его превосходительству Генеральному консулу СССР. Лично». Ознакомившись с содержанием письма, консул Евгений Киселев немедленно передал его резиденту внешней разведки Василию Зарубину. Зарубин и его заместитель по научно-технической разведке Леонид Квасников сразу же оценили всю важность полученной информации. В Москве также не сомневались в точности сведений, полученных от неизвестного доброжелателя, которого окрестили Икс, и поставили перед Зарубиным следующую задачу: «...не упустить появившуюся возможность приобретения источника информации для более полного освещения

проблем создания атомного оружия и разработать детальный план операции по установлению оперативного контакта с ним»¹².

Квасников Леонид Романович

2.06.1905 — 15.10.1993. Полковник (1949).

Родился на ст. Узловая Тульской губернии в семье железнодорожника. С 1922 г. — чернорабочий на строительстве ж.-д. моста Сызранско-Вяземской ж. д. в г. Пензе. В 1926 г. окончил железнодорожный техникум в г. Туле. С 1926 г. — помощник машиниста, с 1928 г. — техник-чертежник, с 1929 г. — машинист паровоза на Московско-Курской ж. д.

В 1930 г. Л. Р. Квасников поступил на механический факультет Московского института химического машиностроения, который закончил с отличием в 1934 г. С 1934 г. — инженер на Чернореченском химическом комбинате в г. Дзержинске Горьковской области. С 1935 г. — аспирант МИХМ, в 1938 г. участвовал в работе специальной комиссии Наркомата оборонной промышленности СССР.

В сентябре 1938 г. направлен по партийной линии на работу в органы государственной безопасности. С 1938 г. — старший оперуполномоченный 10-го (американского) отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД, с 1939 г. — старший оперуполномоченный, а затем — заместитель начальника 16-го отделения (НТР). В 1939 г. становится членом ВКП(б). В 1939—1940 гг. являлся представителем НКВД СССР в Советско-германской контрольно-пропускной комиссии, неоднократно выезжал в немецкую зону оккупации бывшей Польши.

С февраля 1941 г. Л. Р. Квасников — начальник 4-го отделения (НТР) НКГБ СССР, а с 2 октября 1942 г. — 3-го отделения 3-го (англо-американского) отдела 1-го управления НКВД-НКГБ СССР, являлся одним из инициаторов начала работы по атомной проблематике.

В январе 1943 г. направлен заместителем резидента (начальником подрезидентуры) научно-технической разведки в Нью-Йорке. Под руководством и при непосредственном

участии Л. Р. Квасникова были добыты особо важные разведданные по атомной энергии, ее использованию в военных целях, а также информация и образцы техники в области авиации, реактивной техники, химии, медицины, электроники.

В декабре 1945 г. вернулся в СССР. С 1946 г. — заместитель начальника 11-го отдела (НТР), а затем — отдела «1-Е» ПГУ МГБ СССР. С 1947 г. — начальник 4-го отдела 5-го управления КИ при СМ СССР. С 1950 г. — начальник 2-го отдела КИ при СМ СССР. При реализации разведывательной информации поддерживал тесные связи с ведущими учеными-атомщиками, в том числе с академиком И. В. Курчатовым. Неоднократно выезжал в краткосрочные заграничные командировки.

С 1952 г. Л. Р. Квасников — начальник 4-го отдела ПГУ МГБ СССР. С марта 1953 г. он начальник 11-го отдела, а с мая 1953 г. — заместитель начальника 6-го отдела ВГУ МВД СССР. С марта 1954 г. — начальник 10-го отдела ПГУ КГБ при СМ СССР.

В 1963—1966 гг. — старший консультант при начальнике ПГУ КГБ по научно-технической разведке. В декабре 1966 г. вышел на пенсию.

Награжден орденом Ленина (1949), двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. Почетный сотрудник Службы внешней разведки РФ. 15 июня 1996 г. Л. Р. Квасникову посмертно присвоено звание Героя России.

Однако сотрудникам нью-йоркской резидентуры не был известен не только автор письма, но и человек, который принес его в консульство. Поэтому было принято решение не пропускать никого в консульство без заполнения специальной карточки посетителя, в которой должны быть указаны имя, фамилия, адрес и цель посещения. При этом Зарубин и Квасников были уверены, что доброжелатель обязательно должен посетить консульство еще раз.

Зарубин и Квасников оказались правы. Ровно через месяц Джемми, проходившая в оперативных документах как Игрек, снова пришла в консульство и потребовала встречи с Киселевым. Однако карточку посетителя она заполнять отказалась, заявив, что у нее официальное поручение к генеральному консулу. И только когда к разговору подключилась сотрудница резидентуры Ольга Шимель, сказавшая, что консул без выяснения цели визита никого не принимает, Джемми заполнила карточку, оставила очередной конверт и сразу же ушла.

Проверив данные, которые были оставлены в карточке, сотрудники резидентуры установили, что имя и фамилия посетительницы оказались фальшивыми, а по указанному адресу она не проживает. Однако Шимель запомнила ее внешность, что в дальнейшем сыграло важную роль в установлении контактов с Понтекорво. Что же касается письма, то в нем сообщалось о работах по созданию ядерного реактора в Чок-Ривере, а также о теоретических и практических исследованиях, которые велись в Чикагском университете.

После получения второго письма начались интенсивные поиски таинственной незнакомки. Так как по внешнему виду она не была похожа на американку, а в ее английском был замечен итальянский акцент, было решено, что она принадлежит к эмигрантам-антифашистам, приехавшим в США в 30-х годах. Поэтому основные усилия Шимель, которой поручили это дело, были сосредоточены на членах нью-йоркского филиала общества «Друзья СССР». Успех пришел в августе 1943 года, когда на митинге в Нью-Йорке по поводу разгрома немецких войск под Орлом и Белгородом Шимель удалось встретить Джемми и установить ее личность.

Вскоре между ними состоялся откровенный разговор, в ходе которого Джемми сообщила, что письма в советское консульство ее попросил передать старый знакомый, имя которого она назвать отказалась. Но при

этом она заверила Шимель, что информация от ее друга будет поступать и в дальнейшем, хотя и нерегулярно, так как он работает на режимном объекте. Шимель поблагодарила Джемми за помощь, которую та оказала Советскому Союзу, и попросила, чтобы она больше не приходила в консульство, так как это может привлечь внимание ФБР. Было условлено, что последующие встречи состоятся в городе в местах, где они не привлекут лишнего внимания. В резидентуре и Центре были довольны установлением контактов с Джемми и автором письма, которые теперь в оперативной переписке проходили как Эстер и Мэр.

В дальнейшем встречи Шимель и Эстер стали постоянными, но новая информация по «Манхэттенскому проекту» поступала от Понтекорво нерегулярно из-за строгого режима секретности. Чаще всего он передавал материалы Эстер лично, но иногда роль связника выполняла его жена Марианна, проходившая в резидентуре под псевдонимом Мери. Что до оценки данных, передаваемых Понтекорво, то они неизменно получали в Москве самую высокую оценку. В переданной им информации содержались сведения о ходе разработки конструкции ядерных реакторов и системы их охлаждения, о технологических установках по извлечению плутония из облученного урана-238, о биологической защите и допустимых для человека дозах облучения. Информация Понтекорво давала полное представление о программе строительства в Чок-Ривере комплекса по производству плутония, в который входили реакторы и предприятия по химической экстракции делящегося материала в жидкой среде, примерных сроках готовности этого комплекса к эксплуатации и его производительности. Эти данные давали возможность с большой степенью вероятности определить сроки изготовления первой атомной бомбы и ее испытания на полигоне. По утверждению Павла Судоплатова, который в то время был начальником отдела «С»

НКВД, где аккумулировались все сведения по атомной проблематике, поступавшие от внешней и военной разведки, Понтекорво в сентябре 1945 года передал своим операторам подробное описание конструкции атомной бомбы, полностью совпадающее с описанием, переданным Фуксом¹³. По мнению специалистов, вклад Понтекорво в обеспечение Советского Союза разведывательной информацией по атомной бомбе был никак не меньше вклада Фукса.

В сентябре 1945 года связь с Понтекорво прервалась. Это было вызвано целым рядом причин. Во-первых, Джемми неожиданно заявила, что в скором времени отбывает в Рим, где собирается бороться за ликвидацию в Италии остатков фашизма. Удержать ее от возвращения на родину было невозможно: отсутствовали убедительные аргументы. А во-вторых, бегство 5 сентября 1945 года шифровальщика канадской резидентуры ГРУ И. Гузенко заставило руководство разведки принять максимальные меры конспирации. В результате связь Понтекорво с советской разведкой была восстановлена лишь в 1949 году через его жену, посетившую Италию.

Сам Понтекорво до конца 1948 года продолжал работать в Чок-Ривере, а в начале 1949 года переехал из Канады в Англию, где после тщательной проверки английскими спецслужбами был назначен руководителем проекта системы газового охлаждения урано-графитовых реакторов для производства плутония в лаборатории в Харуэлле. В Москве понимали, что в условиях жесткого режима обеспечения безопасности Мэру нельзя встречаться с советскими представителями в Англии. Поэтому через его жену Марианну, гостившую в начале 1949 года в Италии, ему было предложено встречаться в Риме два раза в год. Контакты с Мери осуществлял резидент внешней разведки в Италии Николай Горшков, который просил передать Мэру пожелание соблюдать особую осторожность при сборе и хранении секретной информации.

Горшков Николай Михайлович

3.05.1912 — 1.02.1995. Полковник.

Родился в с. Воскресенское Нижегородской губернии в бедной крестьянской семье.

В 1929 г. после окончания сельской школы участвовал в ликвидации неграмотности в деревне. В 1930 г. поступил рабочим на радиотелефонный завод в Нижнем Новгороде, избран членом заводского комитета комсомола.

В марте 1932 г. по путевке ВЛКСМ Н. М. Горшков был направлен на учебу в Казанский авиационный институт, который успешно закончил в 1938 г. по специальности «инженер-механик по самолетостроению». В студенческие годы избирался секретарем комитета комсомола института, членом райкома ВЛКСМ.

После окончания института Н. М. Горшков решением ЦК ВКП(б) был направлен на учебу в ЦШ НКВД, а оттуда — в ШОН ГУГБ НКВД. С весны 1939 г. он сотрудник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

В 1939 г. направлен на разведработу в Италию под дипломатическим прикрытием. Перед началом Великой Отечественной войны 13 июня 1941 г. был отозван в Москву.

Во время Великой Отечественной войны Н. М. Горшков работал в центральном аппарате 1-го управления НКВД СССР, занимаясь подготовкой разведчиков-нелегалов, которых переправляли за границу с помощью английской разведки.

С 1943 г. Н. М. Горшков — резидент в Алжире. Лично привлек к сотрудничеству видного чиновника из окружения генерала де Голля Жоржа Пака, от которого советская разведка в течение последующих 15 лет получала важную политическую информацию по Франции, а затем и по НАТО.

После освобождения Италии в 1944 г. Н. М. Горшков (псевдоним Мартын) был направлен туда резидентом под прикрытием члена дипломатической миссии. В качестве дипломата он организовал работу посольства, помогал советским военнопленным, возобновил связь с руководством Компартии Италии. Одновременно добился больших результатов по всем видам разведывательной деятельности,

лично провел ряд важных вербовок иностранцев, от которых поступала важная политическая и научно-техническая информация, в частности документация по самолетостроению, образцы радиоуправляемых снарядов, материалы по атомным реакторам.

После возвращения в СССР в 1950 г. работал в центральном аппарате КИ при МИД СССР — ПГУ МГБ — ВГУ МВД СССР в качестве начальника отдела, а затем заместителя начальника Управления нелегальной разведки.

В 1954—1955 гг. Н. М. Горшков — резидент КГБ в Швейцарии, после чего снова работал в центральном аппарате разведки.

В 1957—1959 гг. работал в представительстве КГБ при МВД ГДР в Берлине. С 1959 г. — в центральном аппарате ПГУ КГБ при СМ СССР.

В 1964 г. Н. М. Горшков работал в Краснознаменном институте внешней разведки, до 1970 г. был начальником кафедры специальных дисциплин.

В 1970 г. направлен в Прагу в представительство КГБ при МВД ЧССР.

Вернувшись в СССР в 1973 г., Н. М. Горшков до 1980 г. вновь преподавал в Краснознаменном институте.

Является автором ряда учебных пособий, монографий, статей по разведывательным проблемам.

Награжден орденом Красного Знамени (1945), двумя орденами Красной Звезды (1954, 1959), многими медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Однако от встреч в Риме вскоре было решено отказаться, так как там Понтекорво мог попасть в поле зрения как местной, так и английской контрразведки. В результате местом контактов была выбрана Северная Италия. При этом в Центре и римской резидентуре исходили из следующих соображений:

1. Для проведения встреч с Мэром наиболее удобны маленькие итальянские курортные городки, расположенные вблизи швейцарской границы. Упрощенный пограничный режим и постоянный наплыв туристов не

привлечет к Мэру внимания местных жителей. Более всего для встреч с Мэром подходит курортный городок Брунатэ.

2. Брунатэ удобен и для посещения советскими разведчиками, действующими под дипломатическим прикрытием, так как расположен недалеко от Милана.

3. В Брунатэ на склонах горы Сан-Маурицио находится множество гостиниц и пансионатов, где встречу можно провести без лишних помех. А наличие фуникулера и серпантинных дорог позволяет без труда выявить наружное наблюдение¹⁴.

Впрочем, первая встреча Понтекорво с сотрудником внешней разведки Львом Василевским произошла не в Брунатэ, а в Милане. Но, к сожалению, Василевский не владел итальянским языком, и поэтому профессионального разговора на научно-технические темы у них не получилось. Между Василевским и Понтекорво была достигнута договоренность об очередной встрече в Милане в конце 1949 года.

По возвращении Василевского в Москву был разработан план дальнейших контактов с Понтекорво, которому теперь дали псевдоним Каспар. Согласно этому плану для проведения следующей встречи с Каспаром в Милан направлялся Владимир Барковский, который в свое время работал в лондонской резидентуре по атомному направлению, а также хорошо владел английским языком. Кроме того, было решено обеспечить надежную связь с Каспаром на территории Великобритании и «обучить его фотографированию секретных материалов и правилам использования маскировочных контейнеров для перевозки их из Англии в непроявленной пленке». Тогда же было решено провести встречу не в Милане, а в Северной Италии, в городке Сан-Маргерита, расположенном в курортной зоне Тигуллио на Лигурийском побережье. Снять виллу, на которой должна была состояться встреча, было поручено заместителю римского резидента Михаилу Цимбалу.

Встреча Понтекорво и Барковского состоялась в декабре 1949 года и продолжалась два дня. Понтекорво передал своему оператору большое количество документов, касающихся проблем конструирования, строительства и эксплуатации ядерных реакторов смешанного типа. Но наибольший интерес для советских ученых, как оказалось, представляли переданные Понтекорво расчеты каналов циркуляции теплоносителя, подробные данные о конструкции тепловыделяющих элементов и о различных нормативах и параметрах контроля испытаний и эксплуатационного режима реакторов. Барковский обучил Понтекорво, как пользоваться фотоаппаратом и пересылать материалы на не проявленной фотопленке.

Вернувшись в Москву, Барковский составил отчет о командировке, в котором, говоря о Каспаре, написал следующее:

«Каспар оказался очень интересным человеком: доброжелательным, подвижным и коммуникабельным. Обмен мнениями по затрагивавшимся научно-техническим вопросам показал его хорошие разведывательные возможности в добывании информации, в частности по замедлению нейтронов, ядерной изометрии и другим аспектам атомной физики.

В процессе беседы было также установлено, что каких-либо подозрений к себе или тайных попыток применить к нему режимные ограничения он не замечал»¹⁵.

После этой встречи в Центре решили, что работа с Понтекорво вышла на новый, многообещающий этап. Но неожиданный арест Фукса в конце января 1950 года спутал все карты. Так как Фукс работал вместе с Понтекорво, то над последним нависла серьезная угроза провала. Поэтому в Москве решили не рисковать, а вывести Понтекорво вместе с семьей на территорию СССР.

Впрочем, и сам Понтекорво понимал, что после ареста Фукса английская контрразведка начнет тщательно проверять всех работающих в Харуэлле ученых и со временем установит его принадлежность к коммунистичес-

кой партии. Поэтому в июле 1950 года он уволился из Харуэлла и перешел в Ливерпульский университет, где должен был приступить к работе в январе 1951 года. В начале августа 1950 года он приехал в Италию в отпуск.

Тем временем советская разведка разработала операцию по выводу Понтекорво в Москву. Окончательно все детали были согласованы с ним 22 августа в Риме. 1 сентября Понтекорво с женой и детьми сел на самолет шведской авиакомпании и вылетел в Копенгаген, а оттуда на поезде поехал в Стокгольм, якобы навестить родителей Марианны. Но, оказавшись в Стокгольме, Понтекорво не поехал к родителям жены, а на самолете 2 сентября вылетел вместе с семьей в Хельсинки. В хельсинкском аэропорту их встретила машина советского посольства, на которой они добрались до советско-финской границы и пересекли ее без всяких осложнений. После этого Понтекорво и его близкие на поезде приехали в Ленинград, где на несколько дней остановились в гостинице, а затем поездом отбыли в Москву.

В Москве Понтекорво сразу же была предоставлена пятикомнатная квартира со всеми удобствами в доме на улице Горького (ныне Тверская). А спустя три месяца, в начале ноября 1950 года, вся семья прибыла в Дубну. В Дубне Понтекорво поселился в двухэтажном коттедже на главной улице этого научного городка, где в таких же коттеджах жили другие ведущие ученые-физики.

Приехав в Дубну, Понтекорво практически сразу начал работу в лаборатории Института ядерных проблем АН СССР. О том, как к нему относились советские ученые, можно судить по воспоминаниям Венедикта Петровича Желепова, в то время заместителя начальника лаборатории:

«Бруно и члены его семьи не говорили по-русски, а все мы могли читать по-английски, но говорили очень плохо. Это создавало определенные трудности. Однако Бруно сразу же покорила нас своим внешним обаянием и манерой держаться в обществе. В России принято обра-

щаться друг к другу по имени и отчеству, и нам, фактически сверстникам Бруно (мне было столько же лет, сколько и ему, а Мещеряков был старше всего на три года), было неудобно называть его только по имени. Что касается молодых сотрудников, то они считали это просто невозможным. Поэтому в первую же встречу я спросил Бруно, как звали его отца. Он ответил: «Массимо». Тогда мы договорились, что будем называть его Бруно Максимовичем. С тех далеких лет он стал известен в научных и общественных кругах России как Бруно Максимович Понтекорво»¹⁶.

Работая в СССР, Понтекорво достиг замечательных научных результатов. Так, в 1951—1953 годах он провел исследования процессов образования нейтральных пионов при соударениях нейтронов с протонами и ядрами на пятиметровом синхроциклотроне. За эту работу ему в 1953 году была присуждена Сталинская премия СССР.

Впрочем, рассказ о научных достижениях Понтекорво не входит в нашу задачу.

Достаточно сказать, что в 1958 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР и награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1961—1966 годах был профессором кафедры элементарных частиц Московского государственного университета, а в 1962 году награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1963 году Понтекорво была присуждена Ленинская премия за цикл работ по физике слабых взаимодействий и нейтрино. Тогда же его наградили орденом Ленина, избрали членом бюро Отделения ядерной физики АН СССР, а на следующий год — действительным членом Академии наук СССР.

С 1966 по 1986 год Понтекорво заведовал кафедрой элементарных частиц Московского государственного университета, с 1967 по 1993 год являлся членом научно-координационного совета Института физики высоких энергий, с 1969 по 1986 год был председателем Научного совета АН СССР по нейтринной физике, а с 1971 по 1990 год начальником научно-экспериментального отде-

ла слабых и электромагнитных взаимодействий Лаборатории ядерных проблем Объединенного института ядерных исследований. За это время его работы были отмечены медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), орденом Ленина (1973), орденом Трудового Красного Знамени (1975), орденом Октябрьской Революции (1983). В последние годы жизни, с 1990 по 1993 год, Понтекорво являлся научным консультантом дирекции Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ).

Впрочем, не надо думать, что Понтекорво был таким сухим ученым, вечно погруженным в научные проблемы. Наоборот, он обладал живым темпераментом, любил шутки и розыгрыши. Вот что он пишет в своей автобиографии о том, как проводил свободное время:

«До 1978 года у меня было отличное здоровье, и спорт и путешествия были моим любимым времяпровождением. Я прилично играл в теннис и имел первый разряд. Я был одним из зачинателей и пропагандистов подводного спорта в России. Занимаясь подводной охотой, я погружался на глубину до двенадцати метров не только на Черном море, но также и на Тихом океане в весьма экзотических местах, куда можно было добраться только на вертолете или военно-морском судне для чтения лекций пограничникам. Я был страстным любителем водных лыж»¹⁷.

Долгие годы судьба не предоставляла Понтекорво возможности посетить родину. Но в своей душе он не терял надежды и сохранял любовь к родной стране — Италии. С 1969 года и до самой смерти он являлся сопредседателем общества «СССР — Италия». А когда в конце 70-х годов в связи с разрядкой международной обстановки у него появилась возможность выезжать за границу, он первым делом поехал в Италию.

«В 1978 г., в связи с семидесятилетием Эдуардо Амальди, — вспоминал Понтекорво, — я вернулся в Италию на несколько дней после долгих 28 лет отсут-

ствия! У меня нет слов, чтобы описать эмоции, которые я испытал, когда вновь оказался в Институте физики Ферми и Амальди, Разетти и Сегре, Майораны и Вика... Впоследствии я приезжал в Италию почти каждый год и на значительно более длительное время. Я нашел страну совершенно отличной от той, в которой жил прежде. Вот самые первые впечатления. Италия полна не только иностранных туристов, но и иностранных рабочих, среди которых много цветных. Нет больше голода, нет портретов дуче, нет пыли в маленьких городах, автостреды в отличном состоянии и напоминают американские. Но движение автотранспорта, насыщенное, но терпимое еще в 1978 г., сегодня в Риме стало невыносимым. Забыта организация общественного транспорта; автобусы и такси (когда их находишь) движутся как улитки, а метро практически отсутствует. Кроме того, к моему стыду, я впервые, в возрасте 65 лет, был поражен прелестью маленьких итальянских городов, которые, как и тройку великих (Венецию, Флоренцию, Рим), я вновь посетил: Пизу, Лукку, Сиену, Сан-Джиминьяно, Урбино, Губбио, Ассизи, Монтепульчано, Орвието, Совану...»¹⁸

Думается, следует сказать и несколько слов о сыновьях Понтекорво. Его старший сын, Джиль, окончил физфак МГУ и с тех пор работает в лаборатории ядерных проблем в Дубне. Второй сын, Тито, окончил географический факультет МГУ по специальности «океанология», некоторое время работал в экспедициях, а затем резко изменил свои жизненные планы и поблизости от Дубны построил прекрасную конную ферму по разведению ахалтекинских скакунов. Младший сын, Антонио, окончив факультет радиоэлектронной аппаратуры Нейфтяного института, работает в коммерческой фирме в Москве.

Бруно Понтекорво прожил долгую и счастливую жизнь. Он умер в возрасте восьмидесяти лет 24 сентября 1993 года в Дубне.

Теодор Холл и Сэвил Сакс

Теодор Элвин Холл родился в 1925 году в штате Нью-Йорк в семье скорняка. Он был одаренным ребенком и с детства проявлял исключительные способности. Это позволило ему уже в 19 лет окончить знаменитый Гарвардский университет. Что касается его политических взглядов, то Холл увлекался левыми идеями и с симпатией относился к Советскому Союзу. Симпатии эти возросли после вероломного нападения на СССР фашистской Германии. Как вспоминал позднее американский физик Арнольд Крамиш, работавший вместе с Холлом в Лос-Аламосе, «все просто считали, что голова у Тэда забита какими-то безумными идеями. Он был мистиком, увлекался марксизмом и восточной философией»¹⁹.

Осенью 1943 года в Гарвард приехал вербовщик, подбиравший талантливых молодых специалистов для участия в «Манхэттенском проекте». Он обратил внимание на Холла и сделал ему предложение поработать над одной важной и интересной проблемой. При этом он туманно намекнул, что придется заниматься некими «оборонными исследованиями». Холл согласился и рассказал о сделанном ему предложении своему другу и однокурснику Сэвилу Саксу, с которым жил в одной комнате. Сакс, так же как и Холл, был марксистом и даже состоял в Молодежной коммунистической лиге. Он одобрил решение Холла, но при этом заявил: «Если речь пойдет о каком-то страшном оружии, ты должен сообщить о нем русским».

В результате в начале 1944 года Холл получил освобождение от военной службы и начал работать в святой святынях ядерной программы США — Лос-Аламосской лаборатории в штате Нью-Мексико. В первые же месяцы своей деятельности он принял участие в исследованиях по определению критической массы урана, а летом 1944 года был назначен руководителем группы, которая занималась разработкой собственно конструкции атом-

ной бомбы. В Лос-Аламосской лаборатории Холл имел доступ практически во все подразделения. Это объяснялось тем, что руководитель «Манхэттенского проекта» Роберт Оппенгеймер был уверен, что только свободный обмен мнениями между учеными внутри лаборатории может ускорить процесс создания бомбы. Поэтому для ведущих исследователей, к числу которых принадлежал Холл, вся информация была открытой. К тому же его поведение внутри лаборатории не вызывало подозрений ни со стороны спецслужб (которые, кстати говоря, усиленно опекали самого Оппенгеймера), ни со стороны его коллег.

В октябре 1944 года Теодор Холл окончательно сделал свой выбор. Позднее в записке, адресованной Джозефу Олбрайту и Марсии Кунстел (о них рассказ пойдет дальше), он писал:

«Мое решение вступить в контакт с Советским Союзом... было исключительно моим собственным. Меня никто не вербовал... Я с ранних лет размышлял и читал о политике и убедился, что в капиталистическом обществе экономическая депрессия может привести к фашизму, агрессии и войне, как это случилось в Италии и Германии. За время работы в Лос-Аламосе я осознал разрушительную силу атомной бомбы и задался вопросом, что может случиться, если после Второй мировой войны в Соединенных Штатах наступит депрессия, а они при этом будут атомными монополистами».

Из этого следует, что Холл и Сакс стали работать на Советский Союз, так как, несмотря на юный возраст, осознали необходимость ядерного сдерживания. Они считали, что если только у одной стороны, в данном случае США, будет ядерное оружие, то оно будет представлять слишком большую опасность для всего человечества. В той же записке Холл также писал:

«В некоторых кругах меня называют предателем, хотя в то время Советский Союз был не врагом, а союзником Соединенных Штатов. Советский народ героически сражался с нацизмом, заплатив огромную цену в челове-

ческих жизнях, что, возможно, спасло западных союзников от поражения.

Полагают даже, что я «изменил ход истории». Однако если бы «ход истории» остался бы без изменений, совершенно не исключено, что в минувшие 50 лет разразилась бы ядерная война. Атомная бомба, например, могла быть сброшена на Китай в 1949 или в начале 50-х годов. Что ж, если я помог предотвратить это, то я принимаю обвинение».

Хотя Холл далее и признает, что он «мог легко заблуждаться... и действительно ошибался в некоторых вещах, в частности во взглядах на характер Советского государства». Однако, как подытоживает он в своем заявлении, «с тех пор мир сильно изменился, конечно, вместе с ним и я сам. Но в целом, с высоты своих лет, я по-прежнему думаю, что дерзкая юность была права. Я уже давно другой человек, но ничуть не стыжусь того, кем я был»²⁰.

Как бы там ни было, но когда в октябре 1944 года Холл приехал в Нью-Йорк в двухнедельный отпуск, он первым делом встретился с Саксом. Рассказав ему о своей работе, Холл попросил друга помочь связаться с русской разведкой. При этом молодые люди договорились при последующей переписке и назначении встреч между собой использовать собственный секретный код, для чего выбрали стихи из знаменитого сборника Уолта Уитмена «Листья травы».

После этого начались судорожные поиски советских разведчиков. Найти их оказалось делом непростым. Первоначально Сакс отправился в советскую организацию, занимавшуюся распространением на Западе художественных кинофильмов, — «Арткино». Там он заявил несколько ошалевшему президенту, что у него есть друг, который участвует в создании супербомбы и хочет раскрыть ее секрет Советскому Союзу. Решив, что имеет дело либо с сумасшедшим, либо с провокатором ФБР, президент «Арткино» решил перестраховаться и дал Саксу телефон Сергея Курнакова. Это был русский эмигрант, который

печатался в нью-йоркской коммунистической прессе и активно работал в американских организациях, занимавшихся помощью СССР.

Не удовлетворенный посещением «Арткино» и имея широкие связи среди американских коммунистов, Сакс направился непосредственно к лидеру Компартии США Эрлу Браудеру. Браудер, который и сам, и через своих родственников был с середины 20-х годов тесно связан с советской разведкой, к этому времени думал об отходе от просоветской линии в коммунистическом движении и поэтому отказался принять Сакса.

В это же самое время Холл отправился в знаменитый «Амторг» — советскую торговую организацию, штаб-квартира которой располагалась в Нью-Йорке. Там он обратился к первому же встречному сотруднику, рассказал об американском ядерном проекте и попросил связать его с советской разведкой. Как ни странно, но этот человек также дал ему телефон все того же Сергея Курнакова.

Сергей Николаевич Курнаков, он же Курнаков-Козельский, русский дворянин, офицер царской армии, театральный деятель и журналист, с 30-х годов работавший на советскую разведку, принял Холла в своей нью-йоркской квартире на Манхэттене. В своем донесении в Центр, содержащемся в рассекреченном досье «Веноны», Курнаков охарактеризовал Холла как человека «исключительного ума, широких взглядов и хорошо разбирающегося в политике». Холл передал Курнакову копию научного отчета, который он перед отъездом в отпуск написал для своего начальника в Лос-Аламосе, а также список ученых, работавших вместе с ним. Курнаков немедленно передал полученные от Холла материалы своему оператору Анатолию Яцкову. И уже в ноябре 1944 года нью-йоркская резидентура направила в Москву донесение, в котором сообщалось о Холле, получившем псевдоним Млад, и Саксе, соответственно обозначенного Стар.

Первое время непосредственным руководителем Хол-

ла и Сакса был Сергей Курнаков. Но затем в Центре решили, что работать со столь ценными агентами должен разведчик-профессионал. Им стал уже упомянутый Анатолий Яцков. Курнаков весьма ревниво воспринял это решение, но понял, что безопасность агентов превыше всего, и это перевесило обиду. Один раз связной Холла была Леонтина Коэн, агент-групповод нью-йоркской резидентуры. Она встретила с Холлом в Альбукерке в 1945 году и получила от него очередной пакет материалов по атомной бомбе. Иногда, как это случилось в октябре 1944 года, Холл и сам доставлял документы в нью-йоркскую резидентуру.

О важности материалов, получаемых от Млада, можно судить по следующему донесению, направленному куратору советской ядерной программы Л. Берии в июне 1945 года:

«Из нескольких достоверных агентурных источников НКГБ СССР получены сведения, что в США на июль месяц с.г. назначено проведение первого экспериментального взрыва атомной бомбы. Ожидается, что взрыв должен состояться 16 июля.

Имеются следующие данные об этой бомбе: бомба изготовлена из элемента 94 (плутония), который по своей способности к атомному распаду аналогичен урану-235...»²¹

Как известно, это донесение полностью подтвердилось, и 16 июля 1945 года на испытательном полигоне Аламогордо в пустыне штата Нью-Мексико действительно было взорвано первое в мире ядерное устройство.

А по свидетельству американских экспертов, информация, ушедшая в Москву только в расшифрованных донесениях Млада (здесь надо отметить, что АНБ удалось расшифровать не более пятой части всех сообщений), сократила в СССР срок работ по созданию атомной бомбы на два года. В частности, американцы утверждают, что именно Млад передал советской разведке секрет производства высокообогащенного урана, документы о создании и подготовке испытания взрывного атом-

ного устройства, а также описал принцип «имплозии», или «направленного внутрь взрыва», на котором основано действие атомной бомбы.

Взрыв советской атомной бомбы 29 августа 1949 года вызвал активизацию действий американских спецслужб по выявлению советской агентурной сети в Лос-Аламосе. После частичного успеха операции «Венона» некоторые из советских агентов были арестованы и впоследствии осуждены. Тогда же ФБР, используя досье «Веноны», начало проверку деятельности Сэвила Сакса и Теодора Холла.

Интересно отметить, что после опубликования расшифровок АНБ по делу «Венона» журналист газеты «Вашингтон пост» Майкл Доббс подробно изучил историю советского атомного шпионажа и пришел к выводу, что, хотя обработка советских шифровок завершилась в конце 70-х годов, ФБР имело все основания арестовать обоих гарвардцев одновременно с Клаусом Фуксом и супругами Розенберг.

Действительность оказалась совершенно иной. Ни в 1950 году, ни позднее Сакс и Холл арестованы не были. В 1950 году они оба работали в университетской лаборатории в Чикаго под руководством «отца американской водородной бомбы» Эдварда Теллера и создателя первого ядерного реактора нобелевского лауреата Энрико Ферми. Занятые Фуксом, Гринглассом, супругами Розенберг и другими, агенты ФБР решили не трогать Холла и Сакса.

Высказывалось предположение, что причиной этого решения послужило их открытое общение с известными членами Коммунистической партии США. Считается, что ФБР тогда сделало вывод, что Холл и Сакс не могут работать на советскую разведку, поскольку в таком случае они должны были бы отказаться от контактов с открытыми коммунистами. ФБР не могло себе представить, что советские агенты могут вести себя так нагло. Ведь тот же Фукс хотя и состоял с 1932 года в Компартии Германии, но отнюдь не афишировал это. Холл же и

впоследствии не скрывал своих пацифистских убеждений. Вместе с Джозефом Ротблаттом, другим участником «Манхэттенского проекта», он являлся активистом движения сторонников мира и неоднократно публично заявлял о своей ненависти к ядерному оружию.

В 1961 году криптографы АНБ полностью расшифровали ключевое сообщение советской разведки, в котором шла речь о Младе. Однако в это время арестовать Холла тоже не представлялось возможным. Ведь на судебном процессе пришлось бы предоставить доказательства его вины, и тогда всем стало бы ясно, что американские спецслужбы сумели подобрать ключи к советским шифрам.

Почувствовав пристальный интерес к себе со стороны ФБР, Холл начал разрабатывать план побега в СССР. Однако надобности в этом не возникло. Его контакты с Москвой продолжались еще в течение 10 лет. В 1949 году, после испытаний в Советском Союзе атомного оружия, он посчитал свою задачу выполненной и хотел прекратить контакты с советской разведкой. Но советский нелегальный резидент в США Вильям Фишер (Абель) лично встретился с ним в нью-йоркском центральном парке и убедил его не делать этого.

Для характеристики самого Холла весьма типичен следующий эпизод. После осуждения супругов Розенберг он, для того чтобы спасти их, хотел добровольно сдать-ся ФБР и рассказать о своей роли в краже ядерных секретов, так что сотрудникам советской резидентуры в Нью-Йорке пришлось приложить немало усилий, чтобы его переубедить.

Личная жизнь и научная карьера Холла протекали весьма успешно. В 1947 году он женился на Джоан Крекоувер и стал отцом троих детей. Еще в период работы в Чикаго он получил докторскую степень и стал одним из крупнейших специалистов по биологическому микроанализу. В 1962 году он вместе с семьей переехал в Англию, где устроился на работу в лабораторию Кембриджского университета. Что же касается его друга и сподвижника

Сэвила Сакса, то он все время благополучно жил в США и скончался в штате Иллинойс в 1980 году в возрасте 56 лет.

Возможно, имена Холла и Сакса так бы и остались неизвестными широкой публике, если бы АНБ в середине 90-х годов не предало гласности ряд материалов по операции «Венона». Ознакомившись с ними, некоторые западные журналисты и историки пришли к выводу, что таинственный Млад и есть Холл. Об этом, в частности, написал в газете «Вашингтон пост» американский журналист М. Доббс. Холл, страдавший к тому времени неоперабельным раком почки, первоначально не опроверг и не подтвердил этих обвинений. В своем заявлении, которое было передано в печать через поверенного, он отметил, что в статье Доббса содержатся многочисленные неточности и что он отказывается что-либо комментировать или сообщать о том времени, когда работал в числе сотрудников «Манхэттенского проекта» в Лос-Аламосе. А позднее, в эксклюзивном интервью, данном корреспонденту газеты «Гардиан», он отметил: «Мы с женой были членами Движения за ядерное разоружение, однако это членство было только на бумаге. Мы не ходили на демонстрации»²².

Но все-таки в 1996 году он сделал признание о своем сотрудничестве с советской разведкой американским журналистам Джозефу Олбрайту и его жене Марсии Кунстел. Ссылаясь на его воспоминания, они в 1997 году выпустили в издательстве «Тайм букс — Рэндом хаус» книгу «Бомба: тайная история атомного шпионажа в Америке».

«Допрос Нильса Бора»

Датский физик Нильс Бор никогда не был советским агентом. Однако, будучи великим ученым, он еще до появления ядерного оружия понял, что сделать мир безопасным от нового средства массового уничтожения

могут только честный диалог и желание решать вопросы, связанные с его производством и применением, в духе равноправного сотрудничества ученых и правительств всех стран.

В 1943 году Бор бежал при помощи английской разведки из оккупированной немцами Дании в Швецию и эмигрировал в США, где принял участие в «Манхэттенском проекте». Осознав, какие цели преследуют американцы, Бор открыто усомнился в разумности их политики — достигнуть абсолютного военного превосходства над потенциальным противником. Еще более насторожило его стремление Вашингтона и Лондона скрыть от СССР сам факт работы над созданием атомной бомбы, так как Бор увидел в этом подрыв принципа согласованности действий союзников и опасный вызов надежде на будущий мир без войн.

Занимая такую принципиальную позицию, Бор в марте 1944 года имел беседу с президентом США Т. Рузвельтом, а в мае 1944 года — с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, в ходе которых призвал обоих политиков к совместному и согласованному с СССР решению атомной проблемы. Однако и Рузвельт, и Черчилль наотрез отказались обсуждать этот вопрос.

В то же время в СССР еще в октябре 1942 года академики В. И. Вернадский и А. Ф. Иоффе предложили И. Сталину обратиться к западным физикам, в том числе и к Бору, с просьбой поделиться информацией и начать совместные работы по атомной энергии. Сталин отнесся к этому предложению весьма скептически, однако согласился, что официальный зондажный подход к западным специалистам, в том числе и к Бору, от имени наших ученых может оказаться полезным.

В 1945 году в советской атомной программе настал критический момент. Надо было приступать к строительству первого атомного реактора, но среди ученых не было единого мнения по вопросу — создавать реактор графитовый или работающий на тяжелой воде. Полученные разведкой данные тоже не могли дать одно-

значный ответ, так как были достаточно противоречивыми. В сложившейся ситуации руководитель советского атомного проекта академик Курчатов предложил провести консультацию с Бором, который вернулся из США в Данию.

Предложение Курчатова было поддержано Л. Берией и начальником отдела «С» П. Судоплатовым. Было решено послать в Данию заместителя начальника отдела «С» по науке профессора Якова Петровича Терлецкого. Через некоторое время заместитель Судоплатова Лев Василевский подготовил и доложил ему план операции под кодовым названием «Миссия Т». Планом предусматривалось:

1. Командировать профессора Терлецкого и полковника Василевского в Копенгаген для встречи с Нильсом Бором.

2. Заблаговременно через друзей из датского Сопротивления и по возможности из нашего посольства в Дании получить согласие Бора на встречу с советским ученым.

3. Подготовить для Терлецкого текст вопросника, с помощью которого можно было бы получить от Бора дополнительные данные об американском атомном проекте.

4. Для установления и закрепления Терлецким личного контакта с датским ученым заполучить рекомендательное письмо и подарки от П. Л. Капицы, который был хорошо знаком с Нильсом Бором и его семьей.

5. В связи с тем что знаний английского языка для беседы с Бором у Терлецкого недостаточно, предусмотреть возможность использования переводчика из советского посольства в Дании.

6. При ответах Бора на поставленные вопросы не вести никаких записей, а по возвращении в посольство восстановить все по памяти и в отпечатанном виде доставить материалы в Центр.

7. Ответственность за проведение операции, хранение и доставку материалов от Нильса Бора возложить на

полковника Л. Василевского (в Копенгагене он будет играть роль водителя посольской машины)»²³.

План Василевского понравился не только начальнику отдела «С» Судоплатову, но и самому Берии. 24 октября он вызвал к себе Судоплатова и Терлецкого, поинтересовался у последнего его биографией и, узнав, что Терлецкий не особенно хорошо говорит по-английски, предложил, чтобы с ним поехал переводчик наркома внешней торговли Арутюнов.

31 октября 1945 года Терлецкий, Василевский и Арутюнов прибыли в Данию. Однако Бор в течение двух недель не принимал прибывшую в Копенгаген делегацию, но в конце концов свою роль сыграло рекомендательное письмо его давнишнего друга академика Капицы. В результате состоялись две встречи Бора с советскими представителями (14 и 16 ноября 1945 года), на которых он в присутствии своего сына Оге, немного говорившего по-русски, ответил на заданные ему через Арутюнова вопросы:

«1. Каким методом практически был получен уран-235 в больших количествах и какой метод считается сейчас наиболее обещающим (диффузионный, магнитный или какой-либо другой)?

О т в е т. Теоретические основы получения урана-235 хорошо известны ученым всех стран, они были разработаны еще до войны и никакого секрета не представляют. Война не внесла ничего принципиально нового в теорию этой проблемы <...>. Для отделения урана-235 используется хорошо известный диффузионный метод, а также метод масс-спектрографический. Никакой новый метод не применяется. Успех американцев заключается в практическом осуществлении принципиально хорошо известных физикам установок в невообразимо больших масштабах. Я должен предупредить вас, что, находясь в США, я не участвовал в инженерной разработке проблемы, и поэтому мне неизвестны ни конструктивные особенности, ни размеры этих аппаратов или даже какой-либо части их <...>. Могу заявить, что американцы при-

меняют как диффузионные, так и масс-спектрографические установки.

2. Каким образом может быть скомпенсирован объемный заряд ионного пучка в масс-спектрографе?

О т в е т. Если газ из вакуумной камеры выкачать полностью, нам придется думать о способе компенсации объемного заряда ионного пучка. Но если газ из камеры выкачать не полностью, о компенсации объемного заряда беспокоиться не следует <...>.

3. Возможно ли применить урановый котел, работающий на естественной смеси изотопов и простой воды в качестве модератора?

О т в е т. Вопрос возможности применения простой воды в качестве модератора возникал, однако практического осуществления не получил. Урановый котел с простой водой не применяется. Я думаю, что применение простой воды в качестве модератора является нецелесообразным, так как легкий водород хорошо поглощает нейтроны, превращаясь в тяжелый водород. Эта идея непопулярна в Америке. Американцы вначале рассчитывали строить котлы с тяжелой водой в качестве модератора, однако производство тяжелой воды требует колоссальных затрат. Во время войны американцами было обнаружено, что графит может служить хорошим модератором. Эта идея была ими практически разработана и осуществлена в гигантских масштабах. Конструктивная сторона, устройство и размеры этого котла мне неизвестны.

4. Какое вещество применяется для охлаждения собственно урановых блоков?

О т в е т. Для охлаждения урановых блоков применяется простая вода. Проблема охлаждения урановых котлов чрезвычайно сложна, так как для охлаждения котлов требуются буквально целые реки. Заметим, что охлаждающая вода доводится почти до кипения.

5. Каков температурный ход фактора мультипликации, чему численно равен температурный коэффициент фактора мультипликации? Или какой вид имеет кривая зависимости фактора мультипликации от температуры?

О т в е т. Сам факт, что урановый котел работает, говорит о том, что зависимость фактора мультипликации от температуры не существенна. В противном случае в результате бурного разгорания котла должен был бы произойти взрыв котла. Цифровое значение этой зависимости я назвать не могу, но очевидно, что оно незначительной величины. Однако этим фактором пренебрегать нельзя <...>.

6. Имеются ли другие дополнительные методы регулирования уранового котла?

О т в е т. Для этой цели применяется опускание в котел регулирующих веществ, которые являются поглотителями нейтронов.

7. Какое вещество применяется в качестве поглотителя?

О т в е т. Кажется, стержни поглотителя изготавливаются из кадмия.

8. Какое число нейтронов вылетает из каждого разделившегося атома урана-235, урана-238, плутония-239 и плутония-240?

О т в е т. Больше двух нейтронов.

9. Не можете ли вы указать точное число?

О т в е т. Нет, я не могу, однако очень важно, что нейтронов вылетает больше двух. Это бесспорное основание для того, чтобы думать, что цепная реакция наверняка будет иметь место. Точные же значения этих цифр существенного значения не имеют. Важно, что их больше двух.

10. Чему равно число самопроизвольных распадов в единицу времени для всех перечисленных веществ (уран-235, уран-238, плутоний-239, плутоний-240)?

О т в е т. Самопроизвольных распадов происходит мало, и при расчетах принимать их во внимание не следует. Период самопроизвольных распадов около 7000 лет. Точные цифры я назвать не могу <...>.

11. Используется ли только диффузионный и масс-спектрографический методы для получения урана-235 в больших количествах или также применяется комбинация этих двух методов?

О т в е т. Американцы употребляют оба метода и, кроме того, комбинацию этих двух методов. Я думаю, что комбинация этих двух методов является наиболее эффективной <...>.

12. Какова устойчивость многоступенчатой машины?

О т в е т. То положение, что диффузионные каскады очень многих ступеней уже работают в США, показывает, что процесс может происходить и происходит. Да это и не ново. Как вы знаете, еще немецкий ученый Герц задолго до войны доказал возможность этого процесса, разделив гелий, неон.

13. Каким образом достигается большая производительность при масс-спектрографическом методе, путем ли строительства большого числа обычных спектрографов или путем строительства нескольких мощных спектрографов?

О т в е т. И то и другое. Вы себе не представляете, какое огромное количество колоссальных спектрографов построили американцы. Я не знаю их размера и количества, но знаю, что это нечто невероятное. Из тех фотографий, которые я видел, можно заключить, что это колоссальные здания с тысячами установленных в них аппаратов, и таких заводов построено много <...>.

14. Каким образом можно получить большие ионные токи урана или его соединений?

О т в е т. Путем постройки большого и мощного масс-спектрографа.

15. Происходил ли процесс затухания котла за счет образования шлаков при делении легкого изотопа урана?

О т в е т. Засорение котла шлаками как результат деления легкого изотопа урана происходит. Но, насколько мне известно, американцы специальных остановок для очистки котлов не производят. Чистка котлов присовокупляется к моменту замены стержней для удаления полученного плутония.

16. Как часто вынимается плутоний из машины и чем определяются сроки выемки?

О т в е т. Мне неизвестно точно. По непроверенным слухам, выемка стержней производится один раз в неделю.

17. Делится ли плутоний-240 под действием медленных нейтронов? Доказана ли экспериментальным путем возможность деления плутония-240?

О т в е т. Известно, что все четные изотопы, уран-234, уран-238 и плутоний-240, требуют для расщепления значительно большей энергии, чем нечетные изотопы (вспомним принцип Паули), а энергия, выделяемая плутонием-240, должна быть такая же, как и энергия, выделяемая при делении урана-239. (Здесь Бор подробно обосновал, иллюстрируя свои высказывания кривыми из своих работ, почему вопрос использования плутония-240 не имеет большого смысла. — *Я. Терлецкий*.) Экспериментально делимость плутония-240 еще никем не доказана.

18. Существует ли урановый котел, работающий с тяжелой водой в качестве модератора, или все работающие котлы уранграфитовые?

О т в е т. В США все котлы работают с графитовым модератором. Вам, очевидно, известно, что производство тяжелой воды требует колоссального количества электроэнергии. До войны производство тяжелой воды было организовано только в Норвегии. И мы все покупали тяжелую воду там. Заметим, что немцы во время войны приложили много усилий для производства работ с тяжелой водой, но им так и не удалось собрать достаточное для пуска котла количество тяжелой воды. Американцы нашли возможным применить графит в качестве модератора и осуществили эту идею весьма успешно. Поэтому, насколько мне известно, они отказались от применения котлов с тяжелой водой для промышленного производства <...>.

19. Из какого вещества были изготовлены атомные бомбы?

О т в е т. Я не знаю, из какого именно вещества были изготовлены бомбы, сброшенные над Японией <...>. Как

ученый, могу сказать, что эти бомбы, очевидно, были изготовлены из плутония или урана-235.

20. Известны ли вам какие-либо методы защиты от атомных бомб? Существует ли реальная возможность защиты от атомных бомб?

Ответ. Я уверен, что никакого реального метода защиты от атомной бомбы нет. Скажите, как вы можете приостановить процесс расщепления, уже начавшийся в сброшенной с самолета бомбе? Можно, конечно, перехватить самолет, не допустив его приближения к цели, но это задача сомнительного порядка <...>. Единственным методом борьбы с атомной бомбой надо считать установление международного контроля над всеми странами. Надо, чтобы все человечество поняло, что с открытием атомной энергии судьбы всех наций сплетаются чрезвычайно тесно. Только международное сотрудничество, обмен открытиями науки, интернационализация достижений науки могут привести к уничтожению войн, а значит, и к уничтожению самой необходимости применения атомной бомбы. Это единственно правильный метод защиты. Я должен заметить, что все ученые без исключения, работавшие над атомной проблемой, в том числе и американцы и англичане, возмущены тем, что великие открытия становятся достоянием группы политиков. Все ученые считают, что это величайшее открытие должно стать достоянием всех наций и служить беспрецедентному прогрессу человечества. Вам, очевидно, известно, что знаменитый Оппенгеймер в знак протеста подал в отставку и прекратил свои работы над этой проблемой. А Паули в беседе с корреспондентами демонстративно заявил, что он ядерный физик, но ничего общего не имеет и не хочет иметь с атомной бомбой <...>. Надо ведь учесть, что атомная энергия, будучи открытой, не останется достоянием одной нации, так как страна, не обладающая этим секретом, может очень скоро самостоятельно открыть его. И что тогда? Или победит разум, или опустошительная война, подобная концу человечества.

21. Справедливо ли появившееся сообщение о работах по созданию сверхбомбы?

О т в е т. Я думаю, что разрушающая сила уже изобретенной бомбы достаточно велика, чтобы смести с лица Земли целые нации. Но я был бы рад открытию сверхбомбы, так как тогда человечество, быть может, скорее бы поняло необходимость сотрудничества. По существу же, я думаю, что эти сообщения не имеют под собой достаточной почвы. Что значит сверхбомба? Это или бомба большего веса, чем уже изобретенная, или бомба, изготовленная из какого-то нового вещества. Что же, первое возможно, но бессмысленно, так как, повторяю, разрушающая сила бомбы и так очень велика, а второе, я думаю, нереально.

22. Используется ли при взрыве бомбы явление переуплотнения вещества под действием взрыва?

О т в е т. В этом нет необходимости. Дело в том, что при взрыве частицы урана движутся со скоростью, равной скорости движения нейтронов. Если бы это было не так, то бомба при разрыве корпуса дала бы хлопок и рассыпалась. Теперь же именно благодаря этой равной скорости процесс разложения урана продолжается и после взрыва».

Ответив на все вопросы, Нильс Бор попросил сына принести книгу Смита «Атомная энергия для военных целей» и подарил ее Терлецкому со словами: «В ней вы найдете более подробные ответы на интересующие советских ученых вопросы»²⁴.

О результатах поездки Терлецкого в Копенгаген Берия доложил Сталину, а ответы Бора на поставленные вопросы были переданы Курчатову. Через некоторое время тот дал следующую их оценку:

«Нильсу Бору были заданы 2 группы вопросов:

- 1) касающиеся основных направлений работ;
- 2) содержащие конкретные физические данные и константы.

Определенные ответы Бор дал по первой группе вопросов. Бор дал категорический ответ на вопрос о приме-

няемых в США методах получения урана-235, что вполне удовлетворило члена-корреспондента Академии наук проф. Кикоина, поставившего этот вопрос.

Нильс Бор сделал важное замечание, касающееся эффективности использования урана в атомной бомбе. Это замечание должно быть подвергнуто теоретическому анализу, который следует поручить профессорам Ландау, Мигдал и Померанчук. Академик Курчатов»²⁵.

Заканчивая разговор о так называемом «допросе Бора», стоит отметить, что датский ученый старался не афишировать свои контакты с советскими представителями, имевшие место в 1945 году. Так, посетив в 1961 году Москву по случаю студенческого праздника «День физика», он сделал вид, что не узнал присутствовавшего там Терлецкого. Но, думается, это не означает того, что он раскаивался в совершенном поступке.

Любители Баха Джоэл Барр и Альфред Сарант

Джоэл Барр родился в 1916 году в Нью-Йорке в семье российского еврея, перебравшегося в США в начале века в поисках лучшей доли. После школы он поступил в нью-йоркский Сити-колледж на факультет электроники, науки в то время совершенно новой. Во время учебы в колледже Барр вступил в Лигу молодых коммунистов, где познакомился с известным впоследствии Джулиусом Розенбергом. Несмотря на то что они были совершенно разными по характеру — Барр флегматик, а Розенберг холерик, — они быстро подружились. Во многом это произошло из-за их взаимной симпатии к Советскому Союзу, где, по их мнению, осуществляется вековая мечта человечества.

Из-за своей медлительности, стремления к уединению и привычке все тщательно обдумывать и взвешивать Барр долго оставался холостым. Но это не значит, что он был угрюмым и нелюдимым человеком. Он увлекался

симфонической музыкой, часто ходил на концерты и сам играл на пианино и скрипке. Любимым его композитором был великий Иоганн Себастьян Бах.

После окончания Сити-колледжа Барр был принят на работу в качестве инженера в «Вестерн электрик компани» — одну из ведущих американских фирм, занимающихся разработкой электронного оборудования и новейших видов вооружения для армии США. Он быстро заслужил уважение со стороны руководства фирмы и рекомендовал себя способным и перспективным специалистом. Благодаря этому он был привлечен к таким важным программам, как, например, производство радаров для бомбардировщиков серии «Б».

Когда гитлеровская Германия 22 июня 1941 года напала на Советский Союз, Барр, прекрасно понимавший, что несет миру фашизм, стал активно пропагандировать идею открытия второго фронта. Его настроения не остались незамеченными Розенбергом, и в конце 1942 года между ними состоялась откровенная беседа, после которой Барр согласился на сотрудничество с советской разведкой.

Первоначально Барр передавал секретные документы Розенбергу, который в свою очередь относил их сотруднику нью-йоркской резидентуры Семену Семенову. В резидентуре они попадали к Александру Феклисову, который их перефотографировал, а затем по той же цепочке материалы возвращались к Барру. Через Розенберга Барр, получивший псевдоним Мэтр, передал советской разведке чертежи радарных установок и их техническое описание, а также материалы об устройстве «свой — чужой», разработанном для американских ВВС.

В конце 1943 года резидент Зарубин принял решение исключить из этой цепочки Розенберга. С этого времени оператором Барра стал Феклисов. Тогда же было решено, что Барр будет самостоятельно переснимать выносимые им документы у себя на квартире. Это, конечно, было связано с известной долей риска, так как ФБР всегда могло произвести у него обыск и обнаружить

принадлежности для документальной фотосъемки. Но с другой стороны, снижалась возможность провала во время передачи документов. Отснятые фото пленки Барр не проявлял и передавал их Феклисову во время личных встреч.

Феклисов Александр Семенович

Род. 9.03.1914. Полковник.

Родился в Москве в семье железнодорожного стрелочника, выходца из крестьян Тульской губернии. В 1929 г. окончил железнодорожную школу-семилетку. Был безработным, подрабатывал на разгрузке вагонов, грузчиком и разносчиком товаров в частных лавках. В августе 1929 г. по направлению биржи труда поступил в ФЗУ при заводе им. Войтовича, где учился на слесаря по ремонту ж.-д. вагонов. В 1930 г. переведен в ФЗУ им. Ф. Э. Дзержинского при паровозном депо «Москва-1» Курской ж. д. Учебу совмещал с работой в депо. После окончания училища поступил на завод по изготовлению металлических конструкций для мостов в Карачарово.

В сентябре 1930 г. поступил на вечерние годичные курсы при Московском институте инженеров связи (МИИС), а после их окончания — на дневное отделение радиофакультета МИИС. В 1936—1937 гг. по заданию МГК ВЛКСМ выезжал в колхозы для разъяснения решений Пленума ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству.

В июне 1939 г. А. С. Феклисов был направлен на работу в органы государственной безопасности и зачислен на учебу в ШОН ГУГБ НКВД. В октябре 1940 г. принят стажером в американское отделение 5-го отдела ГУГБ НКВД. С февраля 1941 г. по октябрь 1946 г. — оперработник нью-йоркской резидентуры научно-технической разведки (псевдоним Калистрат), действовал под фамилией А. С. Фомин и прикрытием должностей стажера, вице-консула и третьего секретаря генерального консульства СССР.

Через находившихся на связи у А. С. Феклисова ценных источников из числа руководящего научно-технического персонала заводов и лабораторий компаний Ар-си-эй, «Вес-

терн электрик», «Вестингауз», «Дженерал электрик» и др. Центром были получены ценные сведения в области военной авиации и зарождающейся ракетной техники, электроники, в том числе по новейшим в то время различным видам сонаров, радаров, прицельным системам, зенитным радиовзрывателям, компьютерам, добыты секретные материалы о технологии производства клистронов, магнетронов, других электровакуумных приборов.

С октября 1946 г. А. С. Феклисов — в центральном аппарате ПГУ МГБ СССР под прикрытием должности третьего секретаря отдела по делам ООН МИД СССР.

С августа 1947 г. по апрель 1950 г. — заместитель резидента по линии научно-технической разведки в Лондоне (псевдоним Юджин) под прикрытием должности второго секретаря посольства СССР в Великобритании, являлся оператором советского агента физика-ядерщика К. Фукса, от которого была получена важнейшая информация по атомной тематике, в том числе по устройству водородной бомбы.

С лета 1950 г. — заместитель начальника, с 1951 г. — начальник 2-го (английского) отдела 1-го (англо-американского) управления КИ при СМ-МИД СССР; затем — в ПГУ МГБ-ВГУ МВД СССР.

С 25 июня 1953 г. — заместитель главного советника МВД-КГБ по разведке при МВД ЧССР.

С декабря 1955 г. по август 1960 г. А. С. Феклисов — начальник американского отдела ПГУ КГБ при СМ СССР, осуществлявшего разведывательную работу с легальных позиций в Западном полушарии. В 1959 г. — член специальной группы при председателе КГБ при СМ СССР по обеспечению безопасности визита Н. С. Хрущева в США. Участвовал в визите под прикрытием заместителя начальника Протокольного отдела МИД СССР.

С августа 1960 г. А. С. Феклисов — резидент ПГУ в Вашингтоне под фамилией А. С. Фомин и прикрытием должности советника посольства СССР в США. Во время Карибского кризиса 26—27 октября 1962 г. провел ряд встреч с американским журналистом Дж. Скали, неофициальным представителем Администрации США, которые серьезно способствовали разрешению кризиса и нормализации отношений между СССР и США.

С марта 1964 г. работал на руководящих должностях в ПГУ КГБ СССР, преподавал в Краснознаменном институте. Кандидат исторических наук.

В 1974 г. вышел в отставку. С 1986 г. на пенсии.

Опубликовал книги воспоминаний «За океаном и на острове» (1994) и «Признание разведчика» (1999) о своей жизни и работе.

Герой России (1996). Награжден орденом Ленина (1949), двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, тремя орденами «Знак Почета», знаком «Почетный сотрудник внешней разведки».

Приблизительно в это же время Барр рассказал Феклисову о своем друге Альфреде Саранте, с которым учился в Сити-колледже. Сарант родился в 1918 году в семье православного грека Нонда Георгия Саранта (Эпаминонда Георгия Сарантопулоса), эмигрировавшего в США. Так же как и Барр, Сарант придерживался левых взглядов и был членом коммунистической ячейки Розенберга. Кроме того, он увлекался классической музыкой и хорошо играл на гитаре.

После того как США вступили во Вторую мировую войну, Сарант был призван в армию и направлен в секретную научно-исследовательскую лабораторию войск связи, расположенную в Форт-Монмартр (штат Нью-Джерси). Будучи талантливым инженером, имевшим несколько изобретений, он возглавил исследовательскую группу, разрабатывающую систему точного местонахождения артиллерии противника при помощи определения траектории и скорости полета снаряда. В конце 1943 года друзья встретились и поговорили по душам. Оказалось, что Сарант, как и Барр, был возмущен тем, что правительство США скрывает от своих русских союзников новые научно-технические разработки, которые могли бы оказать существенную помощь в разгроме вермахта.

Узнав о таких настроениях Саранта, Феклисов попросил Барра осторожно узнать, что тот думает о со-

трудничестве с советской разведкой. Вскоре такой разговор состоялся и Сарант не только одобрил действия Барра, но и сам выразил согласие передавать русским секретные материалы, к которым имел доступ. А так как с 1944 года Сарант начал работать в лаборатории ядерной физики Корнеллского университета (г. Итака, штат Нью-Йорк), то от него советская разведка получала и материалы по атомной проблематике. В частности, он передал сведения о строительстве в Корнелле циклотрона, в котором принимал непосредственное участие.

Начав работать в лаборатории ядерной физики, Сарант поселился на квартире у Барра. Это значительно облегчило их сотрудничество с советской разведкой. Они помогали друг другу перефотографировать документы, а также проверять, ведется ли за ними наружное наблюдение со стороны агентов ФБР. С Феклисовым по-прежнему продолжал видаться только Барр. Эти контакты происходили раз в месяц, по утрам. Во время краткой встречи Барр обычно передавал Феклисову моток непроявленной пленки с материалами объемом 300—500 страниц. Кроме того, раз в месяц Феклисов встречался с Барром вечером и проводил инструктаж. Время от времени Феклисов передавал Барру небольшую сумму денег на покрытие необходимых расходов. Чаще всего тот отказывался брать деньги, и тогда Феклисов объяснял ему, что это просто знак благодарности и уважения советского народа за их ценную помощь. После таких слов Барр нехотя брал деньги, говоря, что потратит их вместе с Сарантом на покупку необходимой литературы, а также пластинок²⁶. Материалы, поступающие от Барра и Саранта, представляли большой интерес для научно-исследовательских институтов и промышленности СССР. А их тематика была весьма разнообразна. В своей книге «Признания разведчика» Феклисов описывает следующий случай:

«Однажды, когда немцы стали обстреливать Лондон ракетами «Фау-2», резидентура получила срочное конк-

ретное задание следующего содержания: «Вблизи Лондона эффективно действует радарно-компьютерная установка SCR-564, которая определяет скорость и траекторию полета снаряда «Фау-2» и автоматически управляет огнем зенитных батарей. Примите срочные меры к получению материалов по этой радарно-компьютерной установке».

На другой день была моментальная встреча с Барром. Квасников велел мне передать новое задание для источника. В семь утра Барр пришел со свертком непроявленных пленок. Не успел я изложить ему суть дела, Барр улыбнулся: «Мы уже пять дней назад прочитали, как Нострадамус, Ваши мысли и достали все наставления по этой штуке. До двух ночи фотографировали более 600 страниц текста и чертежей». Передав мне моток из 20 пленок, он отправился на работу.

Через два дня дипломатическая авиапочта отправлялась в Центр через Аляску. Отправив этой почтой в Москву только что полученные секретные материалы, Квасников телеграммой сообщил руководству Центра, что их срочное задание выполнено. Таким образом, через семь дней на столе у руководителя советской разведки лежали требуемые документы о новейшей американской радарно-компьютерной установке»²⁷.

Всего же в течение 1943—1945 годов от Барра и Саранта в резидентуру поступило 9165 страниц подробных материалов по более чем 100 научным разработкам. Все они получили высокую оценку специалистов, в том числе и руководителя Комитета по радиолокации академика А. И. Берга.

В апреле 1945 года Барр уволился из «Вестерн электрик компании» и поступил в аспирантуру. В 1946 году он получил звание магистра инженерных наук и начал работать в компании «Сперри джироскоп». Что же касается Саранта, то он в 1946 году женился на Луизе Росс и уехал в город Итака. Там, не найдя работу по специальности, он стал строителем. В связи с этими обстоятельствами, а также потому, что война окончилась, связь с

Барром и Сарантом по решению Москвы была законсервирована.

Между тем после окончания войны отношения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стали ухудшаться. В 1946 году на Западе поднялась волна антикоммунизма. В результате Барр, работавший в компании «Сперри джироскоп», был уволен в 1948 году за принадлежность к Компартии США. Тогда он устроился в Колумбийский университет, где начал писать диссертацию по вычислительной технике. Но антикоммунистическая истерия, раздуваемая сенатором Маккарти, не дала ему возможности продолжить работу в США. И в 1950 году Барр уезжает во Францию.

Но еще раньше, в 1944—1945 годах, произошел ряд событий, сыгравших в дальнейшем трагическую роль в судьбе Барра и Саранта. В 1944 году разведка США получила от финнов 1,5 тыс. страниц шифровальных блокнотов НКГБ, захваченных в ходе боев. В том же году агенты ФБР, тайно проникнув в нью-йоркскую контору «Амторга», выкрали еще один шифроблокнот. И хотя его использованные страницы в соответствии с инструкцией были уже уничтожены, шифровальщики по неосторожности оставили копии некоторых сообщений как в зашифрованном, так и в открытом виде. Но даже это обстоятельство не помогло бы американцам вскрыть шифры советской разведки, если бы не побег И. Гузенко. Бежал он не с пустыми руками, а прихватил с собой копии секретных донесений и шифры резидентуры. Именно предательство Гузенко, получение от финнов шифровальных блокнотов, ошибки советских шифровальщиков и операция ФБР в Нью-Йорке привели к тому, что американцы вскрыли часть шифров советской разведки. В результате этой операции, получившей название «Венона», были установлены некоторые агенты из числа граждан США. В их числе оказались и супруги Розенберг.

Арест 17 июля 1950 года супругов Розенберг поставил под угрозу многих советских агентов, в том числе Саранта

и Барра. Последний, имевший с Розенбергом непосредственные контакты, хотя и находился в это время в Париже, сразу же понял всю опасность положения. Он направился в посольство СССР во Франции, где попросил политического убежища. Его немедленно переправили в Швейцарию, а оттуда в Чехословакию. В Праге при помощи советской разведки он становится сначала гражданином ЮАР Джоном Мором, а затем получает документы на имя Джозефа Берга. В результате агентам ФБР, настойчиво искавшим Барра в Париже, так и не удалось его допросить.

Саранту, проживавшему в это время в США, не удалось избежать допросов в ФБР. Но прямых улик против него не было, и поэтому он был отпущен под подписку о невыезде. Но ему удалось добиться разрешения на посещение больной сестры в Нью-Йорке, после чего он вместе с новой женой, Кэрол (с Луизой он разошелся незадолго до этого), не теряя времени, направляется в Мексику. Им удалось благополучно пересечь границу и с помощью польских дипломатов установить связь с сотрудниками советской разведки в Мексике, которые переправили их в Прагу.

В Чехословакии Барр и Сарант прожили до 1956 года, а затем переехали в СССР. В Москве они получили новые документы: Барр стал Иосифом Вениаминовичем Бергом, а Сарант — Филиппом Георгиевичем Старосом. В дальнейшем талантливые инженеры-электронщики работали по своей специальности в Ленинграде в закрытом КБ (п/я 233, фирма «Ленинец»). Основным направлением их деятельности было создание электронных вычислительных машин. Так, под руководством Саранта была создана первая в Советском Союзе настольная ЭВМ «УМ-1», на базе которой были разработаны микроЭВМ «УМ-2К» и «УМ-2С», обеспечивавшие полет в космос Юрия Гагарина. За эту разработку Барр и Сарант были удостоены Государственной премии СССР. Здесь кажется не лишним привести слова ветерана фирмы «Ленинец» Виктора Петровича Кукушкина, хорошо знавшего как и Барра, так и Саранта:

«Что по-настоящему поражало в Старосе — это его феноменальный инженерный талант. Он словно предугадал рождение современной микроэлектроники и смог определить пути ее развития. Иосиф Вениаминович Берг был отличен от него. Человек невероятного темперамента, он буквально фонтанировал идеями, самыми невероятными, доходившими порой до авантюры. Но вместе они составляли великолепный тандем»²⁸.

В начале 60-х годов Саранту при помощи Д. Устинова и заместителя министра Минрадиопрома А. Шокина удалось организовать визит Н. Хрущева в Ленинград, где его убедили в необходимости создания в СССР мощного специализированного центра микроэлектроники. После долгих совещаний и согласований было решено разместить Центр в подмосковном городе Зеленограде. Но в 1964 году, в разгар строительства Центра, Хрущев был снят со своих постов, после чего Саранта и Барра отстранили от этого проекта. Причиной тому стали разногласия между Сарантом и Шокиным.

В дальнейшем доктор наук, профессор Сарант продолжал работать в Ленинграде, а потом переехал во Владивосток в Дальневосточный филиал Академии наук. Знающие его люди шутили по этому поводу: «Старос заканчивает кругосветное путешествие — США, Мексика, Чехословакия, Ленинград, Владивосток. Остался только Тихий океан». В 1979 году Сарант избирался в Академию наук СССР, но не успел. Он умер в Москве 16 марта 1979 года, внезапно, когда ехал на такси от вокзала к зданию Академии. После смерти Саранта его жена Кэрол, более известная в СССР как Анна Петровна Старос, выехала с детьми в США, где и живет до сих пор.

Что же касается Барра, то он продолжал работать в Ленинграде, занимаясь научно-исследовательскими работами, связанными с военно-морским флотом. В начале 90-х годов он даже смог посетить США. Дело в том, что сведения о работе Барра на советскую разведку были получены в результате засекреченной до сих пор опера-

ции «Венона», и поэтому американцы решили не преследовать его в судебном порядке. В США Барр встретился со своими родственниками, а также провел ряд переговоров с американскими бизнесменами, пытаясь уговорить их вложить деньги в совместные предприятия в России. Но желающих рискнуть своими капиталами так и не нашел. В последние годы жизни он сильно страдал от диабета, в начале 1998 года лег в одну из московских клиник, где и умер 1 августа 1998 года.

Так закончилась удивительная одиссея двух американцев, во время войны работавших на советскую разведку, а после нее вынужденных бежать в СССР. Люди огромного таланта, они смогли найти себя даже в условиях социализма, что удавалось немногим. И это кажется самым удивительным в их судьбе.

Удивительная одиссея нелегала Марка

14 октября 1957 года на здании федерального суда Восточного округа Нью-Йорка появилась надпись: «Здесь слушается дело № 45094 — Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Абеля». Ход судебного процесса широко освещался средствами массовой информации всего мира (кроме СССР, разумеется), и с тех пор имя Рудольфа Абеля прочно вошло в историю «холодной войны». Но тогда, да и много лет спустя тоже, мало кто знал, что человека, назвавшего себя Рудольфом Абелем, на самом деле зовут Вильям Генрихович Фишер.

Вильям Фишер прожил сложную жизнь. Его отец, Генрих Матвеевич Фишер, родился в Ярославской губернии в семье обрусевших немцев. В 16 лет он приехал в Петербург в поисках работы и вскоре стал членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Если открыть первое издание Большой советской энциклопедии, то можно прочитать о Генрихе Фишере следующее:

«Фишер, Генрих Матвеевич (1871—1935), один из первых русских рабочих-демократов, с.-д., металлист. С начала 90-х гг. входил в рабочие кружки Петербурга; знал В. И. Ленина. Руководил рабочими пропагандистс-

кими кружками. В 1889 г. арестован и привлечен к дознанию по делу группы народовольцев. Отбыл три года гласного надзора в Архангельской губ. и выехал в Саратов, где входил в «рабочий комитет» из ссыльных рабочих и участвовал в 1900 г. в издании печатавшейся на гектографе «Рабочей газеты». В 1901 г. уехал за границу и поселился надолго в Англии, где принимал участие в рабочем движении. Участвовал в организации склада оружия для отправки его в Россию. С образованием английской компартии вошел в ее ряды. В 1921 г. вернулся в СССР, вступил в ВКП(б). Работал на хозяйственных должностях».

В Англии в городе Ньюкасл-эпон-Тайн у Генриха Фишера и его жены Любови Васильевны 11 июля 1903 года родился сын, которого назвали Вильямом. Учеба давалась молодому Вилли легко, но из-за финансовых затруднений в семье он был вынужден оставить среднюю школу и поступить учеником чертежника в конструкторское бюро. Но, несмотря на это, в 1919 году он сдает вступительные экзамены в Лондонский университет.

С ранних лет юный Вилли помогал отцу в его профессиональной революционной деятельности. Еще мальчишкой он раздавал листовки, бегал на явки, обеспечивая связь, вел пропаганду среди солдат и населения как член движения «Руки прочь от России». А в 1920 году вместе с семьей уезжает в Россию, получив 21 июля английский паспорт за номером 207393 на имя Вильяма Августа Фишера, родившегося от принявших британское подданство родителей.

В Москве Вилли вместе со старшим братом Генрихом первое время работает в качестве переводчика в Отделе международных связей Исполкома Коминтерна (ОМС ИККИ), а в 1924 году он поступает на индостанское отделение Института востоковедения им. Нариманова. Но уже через год Фишера призывают в армию и зачисляют в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа. После демобилизации он поступает на

работу в НИИ Военно-воздушных сил РККА, а вскоре знакомится со студенткой Московской консерватории Еленой Лебедевой, которая стала его женой. Через два года у них родилась дочь, которую родители назвали Эвелина.

В 1927 году по рекомендации Московского комитета комсомола Фишер поступает на работу в ИНО ОГПУ. В беседе с начальником ИНО Меером Трилиссером он говорит, что принял это решение только после обстоятельной беседы с отцом, когда у него отпали многие сомнения относительно деятельности ОГПУ. В ИНО Фишер был назначен на должность помощника уполномоченного, а затем старшего уполномоченного 8-го (научно-техническая разведка) отделения, которым в то время руководил Александр Орлов (Фельдбин). Его работа заключалась в обработке поступающей от зарубежных источников информации, написании аннотаций к опубликованным в зарубежной прессе статьям и т. д. В его первой аттестации было записано:

«Хороший технический работник. Очень добросовестный и аккуратный. Используется не только как переводчик, но и как пом. референта. Работник перспективный. Партийно активен. Много работает над своим образованием»¹.

В начале 1931 года Фишера перевели в 1-е отделение (нелегальная разведка) ИНО, где его начальником стал Яков Серебрянский. Личность в ИНО легендарная, Серебрянский позднее был назначен руководителем Особой группы при наркоме НКВД. Именно его Фишер считал своим учителем.

В 1931 году было принято решение направить Фишера нелегалом в Европу. Для него была подготовлена легенда, в основу которой было положено его иностранное происхождение. Поэтому 27 апреля 1931 года британский гражданин Вильям Фишер официально обратился в генконсульство Великобритании в Москве с просьбой о выдаче английского паспорта. Мотивы этого решения, изложенные в заявлении, были следующими: рассорился

с вернувшимися в СССР родителями и мечтает вместе с женой и дочерью вернуться в родную Европу. В июне 1931 года паспорта были получены и Фишер с семьей выехал из СССР. Через Финляндию и Швецию он прибыл в Лондон, где обратился к властям с просьбой о предоставлении вида на жительство.

В Англии Фишер выдавал себя за радиоинженера и изобретателя, открыл свою мастерскую и начал выполнять заказы на изготовление измерительных приборов для проверки и испытания радиоприемников. Что касается его жены, то она преподавала балет в частной школе. В оперативном плане Франк (таков был псевдоним Фишера) исполнял обязанности радиста нелегальной резидентуры, деятельность которой охватывала несколько европейских стран. Так, при его участии в Англии и Скандинавии была развернута сеть радиопередатчиков, которая была ликвидирована по неизвестным причинам перед самой войной.

Был в его первой командировке один эпизод, о котором он не любил вспоминать. Связан он с именем Петра Леонидовича Капицы. Молодой способный физик Капица в 1921 году выехал из России в Лондон. В Англии он сделал блестящую карьеру, стал научной звездой мировой величины, работал в Кембридже у Резерфорда и возвращаться в СССР не собирался. Но в связи с началом индустриализации лично И. Сталиным было принято решение о необходимости вернуть Капицу на родину. Но уговоры посланцев из России, письма друзей цели не достигали — Капица в Москву ехать не хотел. Но вскоре в круг его знакомых вошел молодой инженер Вилли Фишер, недавно приехавший из России. Толковый техник, работяга, он несколько лет проработал в СССР по контракту, был женат на русской девушке и очень прилично говорил по-русски. При этом о стране, где Капица родился и вырос и где оставил столько друзей, он говорил исключительно положительно. Из его рассказов складывалось впечатление, что в СССР теперь лучше живется, а главное — свободнее дышится.

Поскольку это говорил не человек, лично заинтересованный в поездке Капицы в Москву, а англичанин Вильям Фишер, то знаменитый физик стал по-другому воспринимать аргументы своих московских друзей. В конце концов он принял решение поехать в СССР. За границу его больше не выпустили.

В 1934 году Фишер в качестве радиста-шифровальщика был введен в состав нелегальной лондонской резидентуры, которую возглавил его бывший начальник Орлов (Швед). В этом качестве он работал со ставшими впоследствии известными советскими агентами Гарольдом (Кимом) Филби, Дональдом Маклином и Гаем Берджессом. Однако в январе 1935 года Фишер возвращается в Москву. С чем это было связано — неизвестно, но вполне возможно, что английские власти почему-то отказали ему в продлении разрешения на работу.

Однако в Москве Фишер не засиживается и в июне 1935 года выезжает вместе с семьей во вторую зарубежную командировку. Но прежде чем прибыть в страну назначения, семья Фишеров два месяца прожила в Бельгии, в небольшом городке, для того чтобы маленькая Эвелина избавилась от «славянизмов», которых она успела набраться в Москве за шесть месяцев. Во Франции, которая и была его конечной целью, Фишер сменил профессию радиотехника на профессию свободного художника. Организовав дома студию, он начал заниматься живописью и одновременно вел подготовку к организации оперативной работы: оборудовал радиоквартиру и приступил к сборке радиопередатчика. Но по причинам, до сих пор неизвестным, его командировка была неожиданно прервана в мае 1936 года. Правда, это не отразилось на его служебном положении, и вскоре после возвращения в Москву Фишеру было присвоено звание лейтенанта государственной безопасности.

Беда пришла с неожиданной стороны. 14 июля 1938 года покинул свой пост и бежал в США полномочный представитель НКВД в Испании Александр Орлов, с которым Фишер в свое время работал в Англии. И только

тот факт, что, находясь за океаном, Орлов хранил молчание о своей работе в НКВД, спасает Фишера от ареста. Но по традиции того времени его 31 декабря 1938 года увольняют из органов государственной безопасности за связь с «врагом народа». Долгие пять месяцев поисков работы не увенчались успехом. Везде, как только его документы попадали в отдел кадров и там узнавали, что он уволен из НКВД, следовал отказ под различными предложениями. Доведенный до отчаяния, Фишер написал письмо в ЦК ВКП(б) с просьбой о трудоустройстве:

«В секретариат ЦК ВКП(б)
от члена ВКП(б) В. Г. Фишера
партибилет № 1872061

31 декабря 1938 г. я был уволен из НКВД, где работал в 5-м отделе. С тех пор я не могу получить работу по специальности (радиотехника и смежные с ней области). Причина этого, видимо, кроется в том, что я родился за границей, где мои родители были в эмиграции.

В отделе кадров НКВД при увольнении меня пом. нач. отдела не дал мне никаких объяснений причин моего увольнения. Однако с тех пор я не могу найти себе работу по специальности...

Прошу Вас разобраться в этом деле и помочь мне получить работу по специальности. В настоящее время я подал заявление и анкеты в патентное бюро Всесоюзной торговой палаты. Хотя эта работа меня мало интересует, но к этому меня вынуждает материальное положение.

В течение последних пяти месяцев мне приходилось заниматься переводами, но, как член партии, я считаю необходимым выполнять более полезную для своей страны работу по специальности.

*3 июня 1939 г. 2-й Троицкий пер., 6-а, кв. 48
член ВКП(б) Фишер»².*

Письмо возымело результат — по высочайшему распоряжению Фишер был принят на работу во Всесоюзную торговую палату. Но работа там не приносила ему

удовлетворения. И поэтому вскоре он перевелся старшим инженером на завод № 230 Наркомата авиапромышленности, где работал до начала Великой Отечественной войны.

После 22 июня 1941 года о нем вспомнили. В сентябре 1941 года Фишеру предложили вновь вернуться в органы государственной безопасности. Он был зачислен старшим оперуполномоченным в 4-е управление НКГБ под начало Павла Судоплатова. Управление занималось организацией разведывательно-диверсионных операций в тылу немецко-фашистских войск. Именно в это время капитан госбезопасности Фишер вновь встретился со своим старым другом, с которым вместе начинал работать во внешней разведке, — Рудольфом Ивановичем Абелем. Семья Фишера была в эвакуации в Куйбышеве, и Абель часто оставался ночевать в его квартире. Вместе с Фишером там одно время жил еще один сотрудник 4-го управления, Кирилл Хенкин, который под руководством Фишера готовился к заброске в оккупированную Европу. Суровые годы войны сблизили этих людей. Их даже окрестили «тремя мушкетерами».

Существует мнение, что в годы войны Фишер неоднократно забрасывался в немецкий тыл, где выступал под видом офицера вермахта. Более того, кое-кто утверждает, что однажды во время одного из заданий в тылу врага Фишер спас от ареста другого разведчика — Конона Молодого, также впоследствии ставшего нелегалом внешней разведки и арестованного в Англии в 1961 году как канадец Гордон Лонсдейл. Но эти рассказы не имеют ничего общего с действительностью. На самом деле Фишер в годы войны занимался подготовкой сотрудников 4-го управления перед заброской в тыл немцев, а также принимал активное участие в радиоиграх с абвером и СД, которые велись при помощи перевербованных немецких агентов. В частности, он обеспечивал радиосвязь в таких известных операциях, как «Монастырь» и «Березино». В связи с этим Фишер и работавший вместе с ним

Абель неоднократно выезжали на фронт, в расположение действующей армии.

День Победы Фишер встретил в Москве, в кругу семьи. А его работа во время войны была отмечена орденом Красной Звезды и медалями «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За победу над Германией» и «За оборону Москвы».

После окончания Великой Отечественной войны Фишера переводят в 1-е управление МГБ (внешняя разведка), а 2 апреля 1946 года он подает рапорт с просьбой зачислить его в Управление нелегальной разведки:

«Я, Фишер Вильям Генрихович, вполне сознавая важность для моей Родины — Союза ССР — нелегальной разведывательной работы и отчетливо представляя себе все трудности и опасности этой работы, добровольно соглашаюсь стать в ряды нелегальных работников Министерства государственной безопасности СССР.

Я понимаю, что работа в нелегальных условиях является самой почетной и ответственной для чекистов.

Я обязуюсь, став нелегальным разведчиком, подчинить всю свою дальнейшую жизнь, все свои стремления и поведение интересам моей Родины.

Я обязуюсь строго, точно и беспрекословно выполнять все указания моих руководителей по нелегальной работе.

Я обязуюсь строго соблюдать конспирацию, ни при каких обстоятельствах не раскрою врагам доверенных мне тайн и лучше приму смерть, чем предам интересы моей Родины»³.

Рапорт был принят, и Фишер начинает готовиться к главному заданию своей жизни. В 1947 году было принято решение о направлении Фишера нелегальным резидентом в США. О важности поставленных перед ним задач говорит тот факт, что перед отъездом его инструктировал и напутствовал не кто-либо, а руководитель Комитета информации, куда с 1946 по 1951 год входила внешняя разведка, Вячеслав Молотов. Причем напут-

ствие заключалось не в произнесении набора ничего не значивших фраз типа «Родина вам доверяет...». Молотов не просто принял Фишера и долго с ним беседовал, он дал в его честь прощальный ужин, на который были приглашены — явление небывалое! — жена Елена Степановна и дочь Эвелина. Считается, что главным в работе Фишера в США был атомный шпионаж. Но тогда вряд ли Молотов стал бы уделять ему столько времени. Главным в работе нелегального резидента Марка (таким был новый псевдоним Фишера) была реорганизация всей агентурной сети, вызванная окончанием войны против фашизма и началом противостояния СССР и Запада. Кроме того, перед ним были поставлены следующие три задачи:

выявить степень возможности вооруженного конфликта с США;

создать надежные нелегальные каналы связи с Центром, с тем чтобы исключить использование разведкой официальных советских представителей;

добывать любую информацию, представляющую интерес для внешней разведки.

14 ноября 1948 года к причалу Квебека пришвартовался пароход «Скифия», прибывший из Германии. В числе прочих на берег сошел Эндрю Кайотис. По паспорту он родился в Литве в 1895 году, давно жил в США, имел американское гражданство и проживал в Детройте. В 1947 году он решил навестить родину, а теперь возвращался назад. И никто в Квебеке не знал, что настоящий Кайотис умер в 1948 году в больнице в Литве, а по его паспорту прибыл в Канаду Фишер. Пройдя таможенный досмотр и паспортный контроль, Кайотис без помех пересек границу с США и затем бесследно исчез. А через некоторое время в Нью-Йорке появился свободный художник Эмиль Роберт Голдфус, гражданин США, родившийся в Нью-Йорке 2 августа 1902 года в семье немца-малыра, прибывший с Запада Америки. Свидетельство о рождении Голдфуса, которое использовал для своей легализации Фишер, было под-

линным. И только позднее выяснится, что настоящий Эмиль Голдфус прожил чуть больше года и умер в октябре 1903 года.

Сняв на имя Голдфуса квартиру в доме № 216 по 99-й улице, Фишер начинает вживаться в среду и решать многочисленные организационные вопросы. Вскоре он убедился, что звание «свободный художник», за которого он собирался себя выдавать, не внушает людям доверие. Поэтому он стал называть себя изобретателем, который, имея небольшие сбережения, хочет запатентовать ряд изобретений и открыть свое дело. К концу мая 1949 года все организационные вопросы были решены, и Фишер доложил в Центр, что готов приступить к выполнению возложенных на него задач.

В скором времени Фишер устанавливает связь с группой «Волонтеры», которой руководил Луис, и связником Лесли. Под этими псевдонимами скрывались американцы Моррис Коэн и Лона-Тереза Петка (Элен Коэн). Фишер принял от них на связь ученого-ядерщика Теодора Холла (Млад), лично уговорил его в 1949 году не прерывать контактов с советской разведкой и сумел наладить доставку из американского центра ядерных исследований в Лос-Аламосе сверхсекретных материалов.

Кроме того, Фишер создал новую агентурную сеть на Западном побережье США (в Калифорнии) и в Бразилии. От этой нелегальной сети, в которую входила разведчик-нелегал Патрия, она же де лас Эрас Африка, а также нелегалы Гринченко и Филоненко, к Марку поступала важная информация об американских поставках военной техники и оборудования режиму Чан Кайши. Другая агентурная сеть была создана Фишером на Восточном побережье США. В нее входили немецкие эмигранты, в частности Курт Визель, помощник знаменитого диверсанта Эрнста Вольвебера. Ему удалось занять должность инженера судостроительной компании в Норфолке и в 1949—1950 годах сколотить надежную группу для проведения в случае необходимости дивер-

сионных актов. Эти успехи Марка не остались незамеченными, и в августе 1949 года его награждают орденом Красной Звезды.

Выполняет Марк и вторую часть своего задания. В 1950 году Моррис и Элен Коэны были выведены из США в СССР. И сделано это было далеко не случайно. Моррис Коэн был известен как боец испанских интербригад, и это могло привлечь к нему ненужное внимание в США, где поднималась волна маккартизма. Как показали дальнейшие события, Коэны покинули Америку вовремя, так как уже 17 июля 1950 года ФБР арестовало супругов Розенберг по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Изъятие же Коэнов из атомной сети позволило избежать дальнейших провалов.

Важность работы Марка растет с каждым годом, и в начале 50-х годов Центр направляет ему помощника — разведчика-нелегала Роберта. Однако случилось непредвиденное. Корабль, на котором Роберт плыл, потонул в Балтийском море, а сам он погиб. Тогда в 1952 году Центр направляет в помощь Фишеру другого разведчика-нелегала майора Рейно Хейханена.

Так как Хейханен сыграл важную роль в судьбе Фишера, то о нем следует рассказать особо. Он родился 14 мая 1920 года в деревне Каскисаари под Ленинградом. Карел по национальности, он окончил сначала школу, а потом педагогический техникум. Но учителем Хейханен проработал всего три месяца. В ноябре 1939 года в связи с началом советско-финской войны он был призван для работы в НКВД. Прослушав десятидневные курсы, на которых говорилось, как допрашивать военнопленных и выявлять антисоветски настроенных лиц, он был прикомандирован в качестве переводчика к оперативной группе, действующей на оккупированной в ходе войны финской территории.

По окончании боевых действий Хейханен был переведен в Карелию, где продолжил работу в качестве переводчика, а потом и кадрового сотрудника в территориальных органах НКВД-НКГБ-МГБ. К 1948 году лейте-

нант госбезопасности Хейханен был женат и имел сына.

В 1948 году его вызвали в Москву, где предложили стать разведчиком-нелегалом. Он ответил согласием и был командирован в Эстонию, где в течение года проходил профессиональную подготовку. В 1949 году, вернувшись в Москву, Хейханен получил очередное звание «майор» и узнал, что работать ему предстоит в США под именем Юджина Маки. Для закрепления легенды он был нелегально переброшен в Финляндию, где легализовался как Юджин Маки, проживающий здесь с 1943 года. 3 июля 1951 года он обратился в посольство США в Хельсинки с ходатайством о выдаче ему паспорта как коренному американцу для поездки в США. В посольстве Хейханен сказал, что он родился 30 мая 1919 года в Энавилле, штат Айдахо, и предъявил свидетельство о рождении. В ходатайстве он написал, что его мать Лилиан Луома Маки была американкой (родилась в Нью-Йорке), а отец, Август, натурализованный американец, родился в Оулу в Финляндии. В отдельном документе, объясняя причины длительного пребывания за границей, Хейханен указал, что в восьмилетнем возрасте он вместе со своим братом Алленом Августом и матерью приехал в Валгу в Южной Эстонии, где и жил до смерти матери в 1941 году. Он также указал, что его отец умер в марте 1933 года.

25 ноября 1951 года Хейханен женился на 27-летней финке Ханне. А получив 28 июля 1952 года американский паспорт, возвращается в Москву. В Москве он получает дополнительный инструктаж и узнает, что местом его работы будет Нью-Йорк, где он под псевдонимом Вик будет помощником и радистом нелегального резидента Марка.

Проинструктированный таким образом Хейханен был снова нелегально переброшен в Финляндию, откуда вместе с женой Ханной отплыл на пароходе и прибыл в США 20 октября 1952 года как американский

гражданин Юджин Маки. В конце ноября он установленным порядком доложил в Центр о своем прибытии и готовности приступить к организации прикрытия, а летом 1953 года, осмотревшись и убедившись, что не привлек к себе внимания, дает знак резиденту Марку, что готов встретиться с ним и приступить к выполнению задания. Следует особо подчеркнуть, что Вик не только не знал настоящего имени Марка, но и не был поставлен в известность, под каким именем действует Фишер в США. Ему было лишь известно, что Марк кадровый разведчик в звании полковника, легализованный в Нью-Йорке под видом американца, занимающегося живописью и фотографией. В Нью-Йорке Марк и Вик периодически встречаются друг с другом. Кроме того, они три раза выезжали вместе в Нью-Хайд-Парк (Лонг-Айленд), Атлантик-сити (Нью-Джерси) и Поукипси (штат Нью-Йорк). Целью этих поездок был поиск хорошего места для передачи радиосообщений в Москву. Однако все осмотренные ими места Марк отклонил. Помимо этого Марк дважды посылал Вика в командировки. Первый раз Вик отправился в Куинси (штат Массачусетс), чтобы определить местожительство одного шведского инженера-судостроителя по имени Олаф Карлсон. Вторая командировка весной 1955 года была связана с определением местонахождения сержанта армии США Роя Роудса по кличке Казбек, завербованного в Москве в январе 1952 года.

В начале 1955 года Марк дает поручение Вика открыть магазин фотопринадлежностей. Выполняя поручение, Хейханен снимает помещение в доме № 806 по Берген-стрит в Нью-Йорке и 29 марта 1955 года подписывает договор об аренде сроком на три года. Он замазывает окна мастикой, покупает кое-какое оборудование, сваливает его в один из углов, но дальше этого дело не идет. Объясняется это исключительно его пристрастием к алкоголю. К весне 1955 года эта привычка стала вызывать нехватку денег, и Вик залез в карман государства, присвоив 5000 долларов, которые передал ему Марк для

помощи Элен Сובель, жене Мортон Собея, осужденного по делу супругов Розенберг.

Пьянство Хейханена стало привлекать к нему внимание соседей и полиции, и, видя дальнейшую непригодность Вика к работе, Марк неоднократно ставил вопрос перед Центром о его отзыве. Центр обратил внимание на требования Марка и передал Хейханену известие о присвоении тому звания подполковника. По словам одного из сотрудников ПГУ КГБ, это было сделано для того, чтобы безболезненно отозвать Вика в Москву. Так или иначе, но весной 1957 года Хейханен отбыл в СССР в отпуск. 24 апреля 1957 года на французском лайнере «Либерте» он отправился в Гавр, а оттуда в Париж, где 1 мая имел контрольную встречу с сотрудником парижской резидентуры КГБ, работающим под «крышей» советского посольства. На следующий день он должен был отправиться в Западный Берлин, а затем в Москву. Но вместо этого Хейханен идет в американское посольство в Париже, где говорит, что он сотрудник КГБ в звании подполковника, и просит политического убежища. В доказательство своих слов он заявляет, что в США был помощником нелегального резидента КГБ по имени Марк.

Дело о советском шпионе Марке было передано в ФБР, сотрудники которого 6 мая сняли первый допрос с Хейханена в Париже, а еще через две недели отправили его самолетом в Нью-Йорк — ловить Марка. Собственно говоря, о Марке ФБР почти ничего не было известно: Хейханен не назвал ни его настоящего имени, ни имени, под которым он жил в США. Были сведения только о том, что у него есть студия на Фултон-стрит № 252, куда он однажды заходил, попросив Вика подождать его на улице. Поэтому за домом на Фултон-стрит и всеми местами встреч и проведения тайниковых операций Вика и Марка было установлено круглосуточное наблюдение.

Что же касается Фишера, то после отъезда Вика он уехал во Флориду и вернулся в Нью-Йорк 17 мая, где

зарегистрировался под именем Мартина Коллинза в гостинице «Латам», в которой жил и раньше. 28 мая агенты ФБР заметили человека, по внешним данным походившего на описанного Хейханеном советского резидента, сидевшего на скамейке как раз напротив входа в дом № 252. За ним было установлено наблюдение. Однако Марк, заметив за собой слежку, с трудом, но отрывается от «хвоста», и его личность не была установлена агентами ФБР. Но 20 июня Марк вторично приходит на Фултон-стрит и, так как дело было вечером, зажигает свет в студии, чем привлекает внимание наружного наблюдения. Теперь агенты ФБР не только фотографируют его, но и устанавливают, что посетитель в настоящее время живет в гостинице «Латам» под именем Мартина Коллинза. Сделанные фотографии показывают Хейханену, и он уверенно подтверждает, что на них снят Марк. Ранним утром 21 июня Марк, он же Мартин Коллинз, он же Эмиль Голдфус, был арестован. После ареста Фишер назвалс я именем своего уже умершего друга Рудольфа Абе ля.

14 октября 1957 года в Нью-Йорке начался громкий судебный процесс по обвинению в шпионаже советского полковника Рудольфа Абе ля. В качестве основного свидетеля со стороны обвинения выступал Хейханен. В обвинительном акте Р. Абе ля вменялся в вину «заговор с целью передачи СССР военной информации», что грозило ему смертной казнью. Однако адвокату Абе ля Джеймсу Доновану удалось отвести эту угрозу. Через месяц судья объявил приговор: 30 лет каторжной тюрьмы. Апелляция, поданная Донованом в Верховный суд, осталась без последствий. Срок наказания Абель отбывал в федеральной исправительной тюрьме в Атланте. Здесь он занимался математикой, живописью, работал в тюремной шелкографической мастерской. Любопытен и тот факт, что он пользовался уважением среди заключенных. Что же касается Хейханена, то 17 февраля 1964 года в «Нью-Йорк джорнел америкэн» и других американских газетах появилось сообщение о том, что он погиб в автомобиль-

ной катастрофе. Представители ЦРУ утверждали, что он умер естественной смертью. Но в городе Нью-Хемшир, где он жил, никаких следов его кончины нет, а в том месте, где, по сообщению печати, произошла катастрофа, никаких дорожных происшествий в тот день не зафиксировано.

Этот факт и еще ряд подозрительных моментов заставляют предположить, что в деле Абея, несмотря на кажущуюся ясность, очень многое покрыто тайной. Действительно, почему резидентура ПГУ КГБ в Берлине не забила тревогу, когда Вик не прибыл в установленное время? Почему об этом не была предупреждена нью-йоркская легальная резидентура, с которой поддерживал контакт Марк. Почему, наконец, не был предупрежден сам Фишер? Ведь с момента исчезновения Вика и до приезда Марка из Флориды в Нью-Йорк прошло 17 дней.

Бывший начальник Фишера полковник в отставке Дмитрий Тарасов утверждает, что Марка не смогли предупредить потому, что вдруг стали плохо проходить радиосигналы из-за помех в эфире. Допустим. Но почему тогда, с большим трудом освободившись от «хвоста» 28 мая, Марк 20 июня вновь возвращается на Фултон-стрит? Кому-кому, а ему должно было быть известно, что в Америке просто так не следят за пенсионером-фотографом. Важно здесь и свидетельство К. Хенкина, утверждающего, что уже в Москве, после освобождения, на вопрос, почему он назвался именем Абея, Фишер в числе других причин сказал, что так он проверял Шведа (Орлова). Из этого можно сделать вывод, что арест Марка не только не был неожиданным провалом, но, наоборот, планировался. А так как со дня приезда Марка в Нью-Йорк до его ареста прошло чуть больше месяца, то есть время, за которое в СССР не принимались столь важные решения, то напрашивается вывод, что предательство Хейханена и арест Фишера были звеньями одной тщательно продуманной операции. Конечно, проверка благонадежности

Орлова, который с 1938 года продолжал хранить молчание, не являлась главной задачей. Но вполне возможно, что таким образом советская разведка пыталась убедить американцев в том, что вся ее нелегальная сеть на территории США разгромлена.

После ареста Фишера Центр стал прорабатывать варианты по его освобождению. В отделе собственной безопасности Управления нелегальной разведки была создана специальная группа под руководством полковника Дмитрия Тарасова. Большую роль в этой операции сыграл и Юрий Дроздов, легендированный в ГДР как родственник Абеля Дривс. В результате 10 февраля 1962 года на мосту Глиникербрюкке под Берлином полковник Рудольф Абель был обменян на американского летчика Френсиса Пауэрс, сбитого над территорией СССР 1 мая 1960 года.

Тарасов Дмитрий Петрович

1913 — 22.08.1998. Полковник.

Работал в Управлении контрразведки НКВД-КГБ СССР — в 1952—1953 гг. заместитель начальника отдела, в 1953—1959 гг. начальник отдела. С 1959 г. в ПГУ КГБ — и. о. начальника отдела, начальник отделения отдела. С 1974 г. в отставке.

Адвокат полковника Абеля Джеймс Донован был убежден, что после возвращения в СССР тот будет назначен начальником североамериканского отдела разведки. Но этого не произошло. Руководство КГБ никогда не доверяло своим сотрудникам, арестованным за границей. Даже в тех случаях, когда этими сотрудниками были такие разведчики, как Вильям Фишер и Конон Молодой. Фишера назначили на должность заместителя начальника отдела внутренней безопасности, но до настоящих оперативных дел не допускали. Он разъезжал по СССР с докладами, выступал в областных управлениях

и школах КГБ, бывал за границей в соцстранах, где выступал в роли консультанта. Об этом периоде его жизни лучше всего свидетельствуют такой случай. В 1965 году в Москве Фишер случайно встретился на улице около здания КГБ со своим сослуживцем по радиотелеграфному полку знаменитым полярником Эрнстом Кренкем. И на вопрос, чем он сейчас занимается, Фишер, показывая на здание КГБ, ответил: «Работаю здесь музейным экспонатом».

Когда в 1968 году на экраны вышел фильм «Мертвый сезон», в котором Фишер был консультантом и даже сказал несколько слов с экрана о разведке, на Западе поползли слухи о том, что Абелю присвоено звание Героя Советского Союза и что у него открытый счет в банке. Как далеко все это было от действительности. За работу в США он был награжден орденом боевого Красного Знамени. Что же касается счета в банке, то жил знаменитый разведчик исключительно на должностной оклад.

В 1971 году руководством КГБ было принято решение отправить Фишера на пенсию. Об этом он узнал случайно, подавая заявление об очередном отпуске. Обязательная сотрудница отдела кадров неожиданно сказала ему:

— Зачем же в отпуск, Вильям Генрихович. Мы оформляем ваш уход на пенсию. Вот уйдете, тогда и отдыхайте всласть.

Он воспринял увольнение как незаслуженную обиду. Возможно, это обстоятельство ускорило его болезнь. 25 октября 1971 года он лег в больницу, а 15 ноября 1971 года его не стало.

Отдельно хочется немного рассказать о близком друге Вильяма Фишера, чьим именем он назвался в 1957 году в США, — о Рудольфе Ивановиче Абеле. Об этом разведчике пишут и говорят, только когда касаются ареста Фишера. А зря. Ибо в жизни у них было много общего.

Рудольф Иванович Абель родился 23 сентября 1900 года в Риге. Его отец был трубочистом, а мать —

домашней хозяйкой. После окончания 4 классов элементарного училища юный Рудольф с 14 лет работает мальчиком-рассыльным. В 1915 году он уезжает на заработки в Петроград. Здесь он встретил Октябрьскую революцию, будучи уже матросом Балтийского флота. В Гражданскую войну Абель на миноносце «Ретивый» участвовал в боях за Казань, воевал под Царицыном. Демобилизовавшись после войны, он закончил курсы радистов, после чего продолжал плавать на судах Морфлота и одно время даже заведовал радиостанцией на Беринговых островах. А в 1925 году Абель женился на Александре Антоновне Стокалич.

В 1926 году Абель по линии Народного комиссариата иностранных дел был командирован в Китай на должность коменданта консульства в Шанхае. Именно здесь на него обратили внимание сотрудники ИНО ОГПУ, и с 1927 года он начинает работать в разведке. До разрыва дипломатических отношений с Китаем в 1929 году Абель работал радистом в посольстве СССР в Пекине, а после возвращения в Москву был зачислен в Особую группу ОГПУ, которой руководил Я. Серебрянский. Эта группа была создана в 1929 году как параллельная, не подчиняющаяся ИНО ОГПУ, разведывательная служба, задачей которой было глубокое агентурное внедрение на объекты военно-стратегического характера и подготовка диверсионных операций в Западной Европе и Японии в случае войны. Возможно, что именно тогда встретились и подружились Рудольф Абель и Вильям Фишер, пришедший в разведку также в 1927 году.

В октябре 1930 года уполномоченный ИНО ОГПУ Рудольф Абель под видом русского эмигранта вместе с женой Александрой был направлен в качестве нелегала в Маньчжурию. Для такой легенды были все основания. Дело в том, что сестра и брат жены Абеля — Нина и Григорий Стокалич — в 1919 году эмигрировали в Китай в город Тяньцзинь. В этой долгосрочной командировке Абель находился до осени 1936 года, после чего вернулся в Москву.

Начавшиеся в середине 30-х годов репрессии не обошли стороной и Абеля. В 1937 году был арестован и осужден к высшей мере наказания его родной брат Вольдемар, работавший начальником политотдела Балтийского морского пароходства. Его обвинили в участии в латвийском контрреволюционном националистическом заговоре и в шпионско-диверсионной деятельности в пользу Германии и Латвии и в феврале 1938 года расстреляли. О том, что пережил в это время Абель, можно судить по рассказу Кирилла Хенкина:

«Мне почему-то запомнился рассказ Рудольфа (его в те годы не выгнали, и он каждый день, умирая от страха, регулярно ходил на службу). За несколько месяцев из кабинета, в котором их было пятеро, исчезло четверо. Одного из сослуживцев Рудольфа вызвали к начальству. Он больше никогда не вернулся. И долго на вешалке висела его форменная фуражка. Никто не решался снять. И никто, разумеется, не решался спросить, куда делся их товарищ»⁴. А в марте 1938 года Абель в связи с арестом брата был уволен из органов НКВД. И это можно посчитать удачей, так как ему вполне могли вспомнить кроме брата и жену-дворянку, чей отец до 1917 года имел помещичью усадьбу в фольварке Осиповка Витебского пригородного района и был чиновником казенной палаты, и эмигрировавших в Китай родственников жены, не говоря уже о том, что непосредственный начальник Абеля — Серебрянский — в ноябре 1938 года также был арестован как «враг народа», французский и английский шпион и приговорен к смертной казни.

В том же 1938 году, но в декабре, из разведки был уволен и Фишер. Как уже говорилось, Фишер долго не мог никуда устроиться на работу, пока, отчаявшись, не написал письмо в ЦК ВКП(б). Абелю повезло больше — ему назначили хоть мизерную, но пенсию. И до самого начала войны он жил как пенсионер, исключая небольшой промежуток времени, когда ему удалось устроиться стрелком военизированной охраны.

Как и о Фишере, об Абеле вспомнили после июня 1941 года. Тогда, чтобы восстановить кадры разведки, обескровленной в годы репрессий, из тюрем и лагерей были освобождены многие оставшиеся в живых сотрудники ИНО НКВД. Среди них был и Серебрянский, назначенный начальником 3-го отделения 4-го управления НКВД, в задачу которого входила вербовка агентуры по глубокому оседанию в странах Западной Европы и США. Именно Серебрянский настоял на том, чтобы Абель и Фишер были возвращены в разведку. С 15 декабря 1941 года майор госбезопасности Абель снова в строю, на должности заместителя начальника 3-го отделения 4-го управления НКВД-НКГБ.

Однако и в тяжелое военное время «бдительные» кадры не спускали с него глаз. Свидетельством тому следующий документ из личного дела Р. И. Абеля № 308797:

«В отдел кадров НКВД СССР.

РАПОРТ

Довожу до сведения, что на временно оккупированной немцами территории Латвийской ССР в г. Риге остались проживающие там мои родители и младший брат. О судьбе моих родных мне ничего не известно.

Зам. нач. 3-го отделения 4-го управления НКГБ СССР
майор госбезопасности Р. Абель»⁵.

Как уже говорилось, вместе с Абелем вернулся в разведку и Фишер. Их дороги снова пересеклись. Кирилл Хенкин, воевавший в Испании, а потом учившийся в Москве в школе радистов НКГБ, так вспоминает о первой встрече с ними: «Познакомьтесь, — сказал начальник курсов радистов Женя Геништа, — товарищи Абель и Фишер».

Геништа и сам, вероятно, не знал, кто из них кто. Неразлучные товарищи, которых — как выяснилось потом — за глаза называли «Фишерабель» или «Абель-фишер», были в штатских пальто, из-под которых

выглядывали заправленные в сапоги галифе. Один был атлетического сложения блондин со слегка выющейся шевелюрой, другой — сильно полысевший тощий брюнет с длинным, красноватым, постоянно шмыгающим носом»⁶.

Так как семья Фишера была в эвакуации в Куйбышеве, то Хенкин, готовящийся к заброске в Западную Европу, по распоряжению начальства жил дома у Фишера. Там, когда выдавалась свободная минута, часто появлялся и Абель. Война сблизила этих людей, и их часто называли «тремя мушкетерами».

Что же касается конкретной работы, которой занимался Абель в годы войны, то о ней известно немного. Так, с августа 1942 года по январь 1943 года Абель в составе опергруппы находился на Кавказском фронте, а в дальнейшем неоднократно выезжал на выполнение специальных заданий и участвовал в подготовке и выброске разведгрупп в тыл противника. За время войны он был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией». А в «Аттестации от 16.04.45» говорится:

«Обладает одной из специальных отраслей агентурно-оперативной работы. Тов. Абель на практической работе успешно выполнял порученные ему ответственные задания».

Однако почти сразу после окончания войны подполковник Абель был отправлен в отставку. В приказе МГБ СССР № 1867 от 27.09.1946 об увольнении Р. И. Абеля написано:

«Уволен из органов безопасности по возрасту»⁷.

Причины увольнения в запас 46-летнего опытного сотрудника неизвестны. Но стоит обратить внимание на такой факт: в мае 1946 года министром госбезопасности был назначен Абакумов и почти сразу же был отправлен на пенсию непосредственный начальник Абеля Серебрянский. Что же касается Фишера, то после войны он был переведен в ПГУ (внешняя развед-

ка) и, скорее всего, именно поэтому избежал повторного увольнения.

После увольнения Абель продолжает поддерживать дружеские отношения с Фишером и его семьей. По воспоминаниям дочери Фишера Эвелины Вильямовны, «дядя Рудольф появлялся у нас часто. Он был добрый и общительный человек, который очень любил возиться с детьми. Играл с нами в прятки, в салочки»⁸. Последний раз друзья виделись весной 1955 года, когда Фишер приехал в отпуск из США. К сожалению, возвращения друга из командировки, принесшей ему всемирную известность, он не дождался. В конце 1955 года Рудольфа Ивановича Абеля не стало.

Джордж Блейк

После бегства в СССР в 1951 году Д. Маклина и Г. Берджесса и последовавшего за этим увольнения из СИС К. Филби позиции советской разведки в высших эшелонах власти Великобритании, и в частности в спецслужбах, были сильно ослаблены. Но вскоре МГБ удалось осуществить новое проникновение в СИС. На этот раз был завербован резидент английской разведки в Корее Джордж Блейк.

Джордж Блейк (Жорж Бехар) родился 11 ноября 1922 года в Роттердаме, в Голландии. Его отец, Альберт Бехар, происходил из семьи испанских евреев, обосновавшихся в Стамбуле. Во время Первой мировой войны он воевал в рядах британской армии в Месопотамии и, получив английское гражданство, поселился в Роттердаме. Мать Блейка происходила из старой голландской семьи государственных служащих и священников. После смерти отца Блейк некоторое время прожил в Каире у родственников, где закончил французский лицей и английскую школу для детей госслужащих. В 1939 году он начал готовиться к экзаменам в Лондонский университет, но начавшаяся война перечеркнула его планы.

После оккупации в 1940 году Голландии немцами Блейк, как английский подданный, был интернирован в лагерь, но вскоре его освободили, так как он не достиг призывного возраста. Получив свободу, Блейк весной 1941 года вступил в ряды голландского Сопротивления. Пользуясь тем, что выглядел гораздо моложе своего возраста, он в качестве курьера перевозил и распространял подпольную газету «Врий Нидерланд» и выполнял другие задания руководства подполья. Но когда весной 1942 года умерла его бабушка, которую он очень любил, Блейк решил бежать в Англию и там продолжить борьбу с фашизмом. При помощи участников Сопротивления он пересек Бельгию, Францию и Испанию, откуда в начале 1943 года на лайнере «Повелительница Австралии» добрался до Лондона. В Англии Блейк поступил добровольцем в военно-морской флот и после собеседования и экзаменов был зачислен в офицерскую школу, которую окончил в 1944 году. По окончании школы он был направлен для прохождения службы на подводные лодки, но здесь во время одной из тренировок потерял сознание и был отчислен. Через некоторое время Блейка пригласили в Лондон, где после очередного собеседования объявили, что он принят на работу в СИС. Вероятно, в этом назначении свою роль сыграло его участие в голландском Сопротивлении.

Свою службу в СИС Блейк начал в отделе «П-8» Управления Северной Европы, который занимался Голландией. Руководил отделом майор Симур, а непосредственным начальником Блейка стал капитан-лейтенант Чайлд. В обязанности Блейка входила подготовка и отправка забрасываемых в Голландию агентов. Кроме того, он занимался разбором и анализом поступающих от агентов радиogramм и прочей конторской работой. После окончания войны Блейк был направлен в Роттердам сотрудником голландской резидентуры СИС. Первое время он выяснял судьбу заброшенных в Голландию агентов, а после назначения начальником разведывательной части ВМФ в Гамбурге — допросами бывших немецких

офицеров-подводников, выбирая из них тех, кто мог бы быть полезен в организации агентурной сети в советской зоне оккупации Германии. В 1947 году Блейк был отозван из Германии и направлен на курсы русского языка для офицеров вооруженных сил в Кембридж в Даунинг-колледж. Именно там у него впервые появился неподдельный интерес к России и тем преобразованиям, которые происходили в СССР. В 1948 году Блейк окончил курсы с высшими отметками и был рекомендован на должность резидента СИС в Корее. В октябре 1948 года он вылетел в Сеул, где под прикрытием должности вице-консула приступил к созданию агентурной сети на советском Дальнем Востоке. Здесь его и застала начавшаяся 25 июня 1950 года корейская война. После захвата Сеула северокорейскими войсками Блейк вместе с другими представителями иностранных посольств был интернирован в лагерь Манпхо.

Находясь в лагере, он, как знающий русский язык, стал читать единственную имеющуюся книгу — «Капитал» К. Маркса — и под ее влиянием полностью принял идеи коммунизма. Осенью 1951 года он через охрану лагеря связался с представителями МГБ СССР в Северной Корее, сказал им, что является кадровым сотрудником СИС, и предложил свои услуги. Такова версия самого Блейка. Несколько иначе рассказывал о тех событиях полковник МГБ Николай Андреевич Лоенко, человек, завербовавший Блейка в лагере. По его словам, он сразу отметил Блейка из числа остальных интернированных, так как тот резко выделялся умом и обаянием. Пытаясь наладить с ним контакт, Лоенко стал потихоньку подкармливать Блейка, поскольку корейцы держали своих пленников впроголодь. Принося Блейку хлеб, консервы, шоколад, он втягивал его в разговоры. Понимая, что англичанин интеллектуально превосходит его, Лоенко, при обсуждении серьезных тем, в основном поддакивал, но его спасало исключительное чувство юмора, которым обладал и Блейк. «Никогда ни до, ни после не рассказывал я столько баек, пришлось вспомнить даже школь-

ные, — рассказывал Н. Лоенко. — Джордж не отставал, «травил баланду» не хуже заправского владивостокского моремана... Так, слово за слово, мы потихоньку двинулись вперед — к серьезному разговору, когда англичанин сделал свой выбор»¹.

Весной 1953 года интернированные иностранцы были отправлены на родину. Англичан на машине отвезли в Пекин, а оттуда на поезде Пекин — Москва в СССР. По дороге под видом проверки документов и заполнения анкеты с Блейком установил контакт его будущий первый оператор в Лондоне Николай Борисович Родин, позднее работавший в Англии под псевдонимом Коровин.

Родин Борис Николаевич

25.08.1907 — 1976. Генерал-майор.

Родился в Москве в рабочей семье. Окончил школу 2-й ступени в г. Раменское.

В 1927 г. пошел добровольцем в РККА. В 1928 г. окончил Военно-техническую школу ВВС, в 1928—1931 гг. младший, затем старший авиатехник 54-й авиаэскадрильи. В 1930 г. вступил в ВКП(б).

В 1937 г. Б. Н. Родин закончил Военно-воздушную академию им. Жуковского и был направлен на работу в Разведывательное управление Красной Армии. Дважды выезжал в краткосрочные командировки за рубеж, а с 1939 по 1944 г. работал в США в резидентуре военной разведки.

В начале 1947 г. переведен во внешнюю разведку. В ноябре того же года направлен в Великобританию в качестве заместителя главного резидента. Б. Н. Родин в условиях обострения обстановки в стране, вызванной известной речью У. Черчилля в Фултоне, умело организовал работу оперсостава. Располагая агентурными источниками в британских спецслужбах, он знал о планируемых ими акциях против советских разведчиков и принимал меры по их нейтрализации.

Благодаря умело организованной Б. Н. Родиным работе с тремя членами «кембриджской пятерки», которые нахо-

дились у него на связи, Центр постоянно был в курсе планов и намерений США и Англии в отношении СССР и предпринимал меры по их срыву.

В 1952—1956 гг. работал в центральном аппарате разведки.

В 1956—1961 гг. Б. Н. Родин — резидент внешней разведки в Англии (оперативный псевдоним Коровин). Его резидентура вела ряд ценных агентов, в том числе Дж. Блейка.

После возвращения в СССР работал начальником управления ПГУ КГБ при СМ СССР.

Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны, Красной Звезды и многими медалями.

В ходе контакта была достигнута договоренность о встрече в Гааге в июле 1953 года. В Лондоне Блейка спросили в СИС и, признав его ответы удовлетворительными, направили на работу в отдел «У» центрального управления СИС. Весной 1954 года Блейк был командирован в Женеву, где СИС подключилось к телефонным линиям советской и китайской делегаций, приехавших в Швейцарию на переговоры по урегулированию военных конфликтов в Индокитае. В его задачу входил перевод и анализ перехваченных разговоров. Но так как Блейк через своего оператора заранее предупредил КГБ о предстоящей операции, то англичане не получили никакой важной информации.

Второй важной операцией, проводимой совместно СИС и ЦРУ и сорванной благодаря предупреждению Блейка, была попытка прослушивать телефонную линию советских войск в Восточном Берлине. Операция, получившая название «Голд» (Золото), была предложена весной 1954 года резидентом СИС в Берлине Питером Ланном. С этой целью предполагалось прорыть 550-метровый туннель из американского сектора и подсоединиться к линии связи. Блейк, присутствовавший при совместном заседании представителей СИС и ЦРУ, принявших

окончательное решение о строительстве тоннеля, перенял утвержденные документы и передал их Родину. Таким образом, когда в конце 1954 года тоннель был построен, советская разведка стала передавать по прослушиваемой телефонной линии тщательно подготовленную дезинформацию, а наиболее секретные переговоры велись по другой линии. Чтобы у американцев и англичан не возникли подозрения об утечке информации о проводимой ими операции, никаких действий по пресечению прослушивания советская контрразведка не предпринимала. Поэтому тоннель был «обнаружен» лишь 22 апреля 1956 года во время плановой проверки кабеля связи военными связистами. На устроенной после обнаружения тоннеля пресс-конференции западных журналистов провели по нему и показали, что он заканчивается в американской зоне. Восхищенные журналисты писали о тоннеле как о величайшей победе СИС и ЦРУ в «холодной войне», не догадываясь, что на самом деле это было их сокрушительное поражение. В начале 1955 года Блейк получил назначение в берлинскую резидентуру СИС. Берлин, не разделенный в то время знаменитой стеной, представлял собой идеальное место для разведывательной деятельности. Поэтому берлинская резидентура была самым крупным подразделением СИС за рубежом. Блейк входил в отдел политической разведки резидентуры, и его основной задачей была вербовка советских служащих в Берлине, а также проникновение в штаб Группы советских войск в Германии. Используя это обстоятельство, руководство ПГУ КГБ решило провести нестандартную операцию, цель которой заключалась в передаче противнику политической и экономической дезинформации, могущей повлиять на выработку английским правительством внешнеполитических решений. Для этого был использован агент Блейка немец Микки, работавший в Западном Берлине в магазине готового платья. Летом 1956 года переводчик советского экономического представительства в Берлине Всеволод Иванович Савва был приглашен к представителю КГБ в ГДР генерал-

майору А. М. Короткову, который попросил его установить знакомство с голландским журналистом Максом ван Врисом (под этим именем работал в Берлине Блейк). Инструктируя В. Савву, Коротков рекомендовал ему вести разговоры на свободные темы как на немецком, так и на русском языке, но о работе рассказывать немногословно, не касаясь секретной информации. Первая встреча Бориса (так представился В. Савва) и Блейка произошла в магазине у Микки. В дальнейшем они стали встречаться постоянно, что дало повод Блейку доложить начальству о вербовке им высокопоставленного советского чиновника.

«Это было моим большим успехом, — вспоминает Блейк в своих мемуарах. — Я был единственным сотрудником СИС, у которого имелся настоящий, живой русский. Разведывательные данные, которые я получил от него, были с энтузиазмом восприняты нашими лондонскими заказчиками. Руководство СИС было в восторге и сочло, что Бориса следует тщательно разрабатывать. Хотя он и не был нашим человеком в Кремле, но имелись немалые основания полагать, что он может стать таковым»².

Блейк продолжал вести Бориса до тех пор, пока тот не получил повышение и не был отправлен в Москву. И все это время в Лондон шла информация, представлявшая СССР в выгодном свете.

Летом 1959 года Блейк был переведен в Лондон в русский отдел Оперативного директората СИС, а в сентябре 1960 года послан на 18-месячные курсы арабского языка в Ливан в Ближневосточный центр арабских исследований с дальнейшей перспективой назначения резидентом в одну из ближневосточных стран. Но в 1961 году карьере Блейка как агента КГБ пришел конец. Дело в том, что в 1959 году в США бежал заместитель начальника польской военной разведки полковник М. Голеневский, проходивший в ЦРУ под псевдонимом Снайпер. В ходе его допросов было установлено, что у КГБ в Англии есть два важных агента: один в СИС, а

другой в военно-морском флоте. Продолжительный поиск указанных агентов, получивших шифр «Лямбда-1» и «Лямбда-2», привел к аресту советского нелегала Гордона Лонсдейла (Конона Молодого) и его группы и вывел контрразведку на Блейка.

В марте 1961 года Блейка неожиданно для него вызвали в Лондон под предлогом обсуждения его нового назначения. И хотя у него были подозрения насчет истинных причин столь неожиданного вызова, Блейк считал, что для провала нет оснований. 4 апреля он прилетел в Лондон и доложил руководству о своем прибытии. В этот же день начался допрос Блейка, которым руководил эксперт СИС по вопросам СССР Г. Шэрголд. Он продолжался в течение трех дней, и все это время Блейк категорически отрицал свою вину. Но когда Г. Шэрголд сказал Блейку, что тот был завербован в результате пыток и шантажа, возмущению последнего не было предела. «Нет, — сорвался Блейк. — Никто не пытал меня. Я обратился к Советам и предложил им свои услуги по собственной воле». После этой сорвавшейся фразы Блейку ничего не оставалось делать, как признать факт своей работы на КГБ.

Состоявшийся через месяц суд признал Блейка виновным в шпионаже в пользу СССР и приговорил его к 42 годам тюремного заключения. Столь крайне несправедливый приговор вызвал возмущение Блейка. И не только его. Майкл Рэндл и Патрик Поттл, отбывающие в одной тюрьме с Блейком срок за организацию антивоенной демонстрации и проникновение на военные объекты, также были возмущены несправедливостью вынесенного ему приговора. Именно они, а также ирландец Шон Берк и священник англиканской церкви Рев Джон Папуот организовали 22 октября 1966 года побег Блейка из тюрьмы Уормвуд-Скрабс в Лондоне. 17 декабря 1966 года Блейк в тайнике, оборудованном в прицепе машины М. Рэндла, покинул Англию на пароме, после чего без остановок направился в ГДР. На пограничном КПП ему повезло: в это время в Берлине находился

один из сотрудников КГБ, знавший Блейка в лицо. Поэтому проблем с переходом границы у него не возникло. В Москве Блейк в отличие от других перебежчиков очень быстро включился в необычную для него советскую жизнь. Первое время он работал консультантом в КГБ, а в 1974 году Георгий Иванович Бехтер (такое имя было записано в советском паспорте Блейка) начал работать в Институте мировой экономики и международных отношений, специализируясь на проблемах Ближнего Востока. Не менее удачно сложилась и его личная жизнь. В 1969 году он женился, а через год у него родился сын Миша. Заслуги Блейка перед СССР не были забыты: он был награжден орденом Ленина, орденом боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За личное мужество» и другими наградами. Несмотря на некоторое разочарование в достижениях первой страны социализма, он до сих пор уверен в правоте выбранного им пути.

На земле обетованной

За последние несколько лет в нашей стране было опубликовано множество статей и книг о деятельности советской внешней разведки в таких государствах, как США, Великобритания, Франция, Германия, а также в других странах мира. И в то же время о работе наших разведчиков в Израиле практически ничего не сообщалось. Между тем на протяжении всей истории независимого еврейского государства значительную долю его населения составляют выходцы из царской России и СССР. Кроме того, Советский Союз сыграл важную роль в самом возникновении государства Израиль. В начале его драматической истории, связанной с арабо-израильской войной, Кремль оказывал большую военную и политическую помощь Тель-Авиву. Деятельность эта велась методами «секретной дипломатии», и разведка играла здесь первостепенную роль. Однако после развернувшейся в СССР в начале 50-х годов кампании против «безродных космополитов» и разрыва в 1967 году советско-израильских отношений всякие упоминания о поддержке Москвой государства Израиль, не говоря уже о деятельности советской разведки в Палестине, оказались под запретом.

Интерес к Палестине и к сионистскому движению возник у руководства Советской России практически

сразу после окончания Гражданской войны. Но для того чтобы понять политику, проводимую Москвой в этом ближневосточном регионе, необходимо рассмотреть взаимоотношения между большевиками и российскими евреями. Прежде всего надо отметить, что утверждение о том, что большевистское руководство с самого начала состояло из евреев и поэтому пользовалось широкой поддержкой еврейской общины, не соответствует действительности. Разумеется, такие видные большевики, как Лев Троцкий (Бронштейн), Григорий Зиновьев (Радомысльский), Лев Каменев (Розенфельд), Яков Свердлов и многие другие родились евреями. Однако все они были далеки от иудейской традиции и культуры, не имели корней в еврейском рабочем движении и были полностью ассимилированы. Среди собственно еврейских политических организаций были сторонники и русских кадетов, и русских эсеров, и меньшевиков. Союзных же с большевиками групп практически не существовало.

Неудивительно, что еврейское население поначалу восприняло власть большевиков без энтузиазма, несмотря на то что Октябрьская революция фактически благоприятствовала евреям. Ведь новое большевистское правительство не только гарантировало им установленное Февральской революцией равенство перед законом, но и повело решительную борьбу с антисемитизмом. Положение резко изменилось в ходе Гражданской войны, когда на территориях, контролируемых белогвардейцами и украинскими националистами, начались еврейские погромы, принявшие массовый характер. Так, только на Украине таких погромов было около двух тысяч. При этом прямые потери еврейского населения составили около 50 тыс. человек, а общее количество жертв, учитывая тех, кто позже умер от ран, достигло 150 тыс. человек.

Хотя погромы проводились также и некоторыми красноармейскими частями, их количество было столь незначительным, что еврейское население быстро сделало

вывод, с кем ему по пути. В результате огромные массы российского еврейства к 1919 году перешли от позиции враждебности большевикам к полной поддержке нового режима. В связи с этим весьма характерны рассуждения чекиста еврея Михаила Шрейдера. Обращаясь к одному из своих соплеменников, который отказался сдать валюту государству, он следующим образом пытался воздействовать на его совесть:

«Скажите, неужели вы храните золото и валюту, ожидая возвращения царя? Неужели вы хотите вернуть страну к проклятому прошлому, когда ваши дети, которые забыли, что такое «жидовская морда», будут опять преследоваться, так же как преследовались ваши отцы и деды? Как вы могли забыть все то, чему еврейский народ подвергался при царском режиме. Как могли вы забыть погромы, черту оседлости?»¹

Неслучайно и то, что во время Гражданской войны традиционные еврейские левосоциалистические организации Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) и Еврейская СДРП «Поалей-Цион» фактически развалились, а подавляющее большинство их членов растворилось в РКП(б). Обе эти организации имели свои международные секции (каждая примерно в 20 странах), которые в начале 20-х годов раскололись, образовав своеобразный мини-Коминтерн — Еврейский коммунистический всемирный союз «Поалей-Цион». И только близорукая политика руководства Коминтерна, отказавшегося принять «Поалей-Цион» в свои ряды, оттолкнула последний от полного перехода на коммунистические позиции.

В самом СССР в 20-е и 30-е годы наблюдался расцвет еврейской культуры. Была создана сеть еврейских школ (в начале 30-х годов 339 школ на идише в Белоруссии и 831 на Украине). В Киеве был открыт еврейский университет. В 1933 году в СССР вышло 668 книг на идише общим тиражом 2,5 млн экземпляров. Открывались еврейские народные дома, театры. В то же время антисемитская пропаганда если и велась, то исключительно

представителями еврейской секции РКП(б). Все это способствовало тому, что советские спецслужбы могли без труда действовать и вербовать агентов среди еврейского населения как в СССР, так и в Палестине.

С первых дней существования Советского государства большевистское руководство проводило весьма дружественную политику по отношению к сионистскому движению. При этом большая роль отводилась внешней разведке. Так, в 1925 году председатель ОГПУ Феликс Дзержинский направил своим заместителям Вячеславу Менжинскому и Генриху Ягоде секретную записку, в которой говорилось, что чекисты должны дружить с сионистами, уметь завоевать их расположение и использовать движение в своих целях. Предполагалось, что сионистское движение можно будет использовать для противодействия британской разведке на Ближнем Востоке, а также для нейтрализации попыток англичан вовлечь мусульман Средней Азии в борьбу против советской власти. Кроме того, Палестину намеревались использовать как плацдарм для проникновения в «жемчужину британской короны» — Индию.

Впрочем, первоначально в Палестине в основном действовали представители Коминтерна. Так, сразу после окончания Гражданской войны в Палестину, в основном с Украины, выехала большая группа еврейских большевиков или членов союзных с ними организаций. Среди них надо отметить Иосифа Бергера, известного также как Барзилай.

Он выехал в Палестину в 1919 году и вступил там в левосионистскую организацию «Хашомер хацаир», где вскоре достиг высокого положения: в 1923 году он стал членом секретариата партии. Начиная с 1924 года Бергер регулярно посещал Москву, где встречался с руководством Коминтерна. В своих мемуарах он довольно много пишет о деятельности советской разведки на Ближнем Востоке, утверждая, что руководил агентурной сетью не только в Палестине, но также в Ливане и Турции.

В 1929 году Бергер становится генеральным секретарем Компартии Палестины и остается на этом посту до 1931 года, когда его отозвали в СССР. В Москве он под псевдонимом Барзилай некоторое время работал в аппарате Коминтерна, а в конце 1931 года был послан в Берлин на должность секретаря «Антиимпериалистической лиги». В 1932 году он вернулся в СССР и работал в Ближневосточной секции Коминтерна. В январе 1935 года Бергер был арестован НКВД и более 20 лет провел в советских тюрьмах и лагерях. На свободу он вышел только в 1956 году и сразу же выехал в Польшу. Через год он эмигрировал в Израиль, где и умер в 1978 году.

В своих мемуарах Иосиф Бергер рассказывает еще об одном советском агенте — Иерахмиеле Лукачере (Хозро). В 20-е годы Лукачер был помощником создателя еврейских сил самообороны Исраеля Шойхета и вместе с ним в 1924 году участвовал в совместной с советской разведкой операции по доставке из Берлина в Палестину партии оружия. В 1926 году Лукачер вместе с руководителями «рабочих батальонов» («гдут гаавода») Менахемом Элькингом и Довом Мехонаи посетил СССР, где вел переговоры с ОГПУ. Интересные подробности этих переговоров сообщает Георгий Агабеков:

«В беседах с иностранным отделом сионисты указывали на разногласия палестинского еврейства с англичанами и просили помочь им добиться государственной независимости Палестины. Они просили снабдить их оружием и денежными средствами для ведения пропаганды. Советское правительство очень заинтересовалось предложением, однако, когда шли переговоры, были получены сведения, что привезшие предложения сионисты являются английскими агентами и подосланы с целью спровоцировать и скомпрометировать советское правительство. Так как фактических улик против этих лиц не имелось, то иностранный отдел просто прекратил с ними сношения и предложил им выехать из СССР»².

Однако позднее подозрения с Лукачера и его товарищей были сняты. И когда Элькинда выслали из Палестины, он вместе с группой евреев (около 150 человек) приехал в СССР, где основал в Крыму коммуну «Виа Нова».

Что касается Лукачера, то он в 1931 году был выслан англичанами из Палестины и выехал с семьей в СССР. В Москве он окончил Военную академию им. Фрунзе и был направлен на нелегальную работу в Европу. В 1937 году он был отозван в СССР и арестован как английский шпион. На следствии Лукачер категорически отрицал предъявленные ему обвинения, но, несмотря на это, был осужден за шпионаж. Позже Бергер встретил его в одном из сибирских лагерей, уже совершенно изможденного, без зубов. Но в 1942 году, когда Красная Армия терпела поражения, Лукачер был освобожден и в офицерском звании направлен на фронт под Сталинград, где пропал без вести.

Среди других палестинских коммунистов, выполнявших специальные задания по линии разведки и Коминтерна, стоит выделить Вольфа Авербуха, Йехеля Коссоя и Наума Лещинского.

Вольф Авербух, он же Абуссям, он же Даниэль, родился в 1890 году. Получив медицинское образование, он работал хирургом-дантистом и рано включился в русское революционное движение. В 1905 году участвовал в революции, а в годы Первой мировой войны был мобилизован в армию и попал в немецкий плен. После освобождения в 1918 году стал лидером левого крыла партии «Поалей-Цион». В начале 20-х годов Авербух выехал на Ближний Восток и в 1923 году возглавил Компартию Палестины, одновременно являясь руководителем агентурной сети Коминтерна.

В 1929 году Авербух вернулся в СССР и стал работать в аппарате Коминтерна. С 1930 года он по заданию Коминтерна работал в Румынии, был арестован, подвергнут пыткам, однако совершил побег и вернулся в

СССР. По возвращении он был направлен инструктором райкома партии в российскую глубинку, а в 1936 году арестован, осужден как английский шпион и сионистский агент и отправлен в лагерь на Колыму. В 1941 году его этапировали в Москву и в октябре 1941 года расстреляли.

Уроженец Украины, бывший бундовец Иехель Косой, он же Александр Михайлович Ави́гдор, выехал на Ближний Восток в 1919 году. Будучи сотрудником Коминтерна, он действовал не только в Палестине, но и в Египте. Вернувшись в СССР, он в марте 1936 года был арестован по обвинению в шпионаже и расстрелян 14 апреля 1938 года.

Наум Лещинский (Надав) прибыл в Палестину из СССР в начале 20-х годов. В 1924 году он стал членом секретариата Компартии Палестины, ответственным за идеологию. Его активная деятельность в качестве функционера Коминтерна привлекла внимание англичан, и в 1931 году вместе с другим агентом Коминтерна, Моше-Меиром Куперманом, он был выслан из страны. В 1931 году его в качестве представителя Коминтерна направили в Египет для руководства местным коммунистическим движением. По возвращении в СССР Лещинский был в 1936 году арестован по обвинению в шпионаже. Находясь на Лубянке, он сошел с ума и умер в 1939 году.

Что касается работы в Палестине собственно сотрудников внешней разведки, то первым известным резидентом ИНО ОГПУ там был Яков Григорьевич Блюмки́н. Именно он 6 июля 1918 года совершил покушение на посла Германии в Москве графа фон Мирбаха. При назначении Блюмкина резидентом в Палестину, несомненно, учитывалось прекрасное знание им как идиша, так и иврита, а также еврейских нравов и традиций. Он выехал в Палестину в декабре 1923 года и обосновался в Яффе (ныне Тель-Авив) под именем Моисея Гурфинке́ля, владельца прачечной. Вместе с ним в качестве заместителя резидента в Палестину был направлен не менее

известный впоследствии разведчик-нелегал Яков Исаакович Серебрянский.

Главной задачей нелегальной резидентуры Блюмкина был сбор информации о планах Англии и Франции на Ближнем Востоке, а также поддержка национально-освободительных и революционно-демократических движений в этом регионе. О конкретных деталях деятельности Блюмкина в Палестине в этот период мало что известно. Однако с большой уверенностью можно предполагать, что уже тогда он завязал прочные связи не только в Яффе, но и в других палестинских городах, опираясь на своих знакомых по работе на Украине в 1918—1919 годах.

Блюмкин пробыл в Яффе до июня 1924 года, после чего был отозван в Москву и назначен помощником командующего войсками ОГПУ в Закавказье. Вместо него нелегальным резидентом стал Серебрянский, перед которым была поставлена задача по внедрению в боевое сионистское движение. Это задание Серебрянский выполнил блестяще. В течение года ему удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой большую группу русских эмигрантов: А. Н. Ананьева (он же И. К. Кауфман), Ю. И. Волкова, Р. Л. Эске-Рачковского, Н. А. Захарова, А. Н. Турыжникова и некоторых других. Позднее все они составили костяк так называемой «группы Яши» и принимали участие в ряде ответственных операций советской разведки: например, в похищении в январе 1930 года в Париже главы РОВС генерала Александра Кутепова.

В 1925 году Серебрянский был отозван из Яффы и направлен нелегальным резидентом в Париж. Перед этим он передал свою палестинскую агентуру на связь резиденту ИНО ОГПУ в Константинополе Гольденштейну. Вскоре Гольденштейн был направлен в Берлин, откуда продолжал руководить агентурной сетью.

Однако в Москве посчитали такое положение вещей нецелесообразным. Было решено создать самостоятельную нелегальную резидентуру в Константинополе, ко-

торая бы руководила разведывательной работой на Ближнем Востоке. Летом 1928 года начальник ИНО ОГПУ Меер Трилиссер вызвал к себе Блюмкина и дал ему задание — выехать в Турцию и в течение года организовать агентурную сеть в Палестине и Сирии. Задачей резидентуры было, как и прежде, сбор информации о политике Англии и Франции в этом регионе и проникновение через Аравийский полуостров в Калькутту и Бомбей.

Приступив к выполнению задания, Блюмкин пришел к выводу, что его старое прикрытие — прачечная в Яффе — более не подходит для эффективной работы. Поэтому, узнав, что венский комиссионер Якоб Эрлих ищет делового партнера для организации торговли древнееврейскими книгами, он решил организовать в качестве «крыши» в одном из палестинских городов торговое предприятие по продаже якобы вывезенных из СССР контрабандой редких еврейских фолиантов.

В июне 1928 года Блюмкин представил Трилиссеру план создания резидентуры в Константинополе. Обосновывая выбранное им прикрытие, он, в частности, писал:

«В настоящее время за границей приняла довольно большие размеры торговля старинными еврейскими книгами. Главными приобретателями этих книг являются не музеи, а отдельные личности, индивидуальные коллекционеры...

В связи с этим целый отряд посредников рыщет в поисках старинных книг. Они уже «опустошили» Галицию и Польшу, сейчас они бродят по Турции, Сирии и северному побережью Африки (Марокко, Тунис, Алжир). Единственный рынок, где имеется огромное количество таких книг, — это СССР...

Видимая торговля и скупка еврейских книг являются со всех точек зрения весьма удобным прикрытием для нашей работы на Ближнем Востоке. Она дает и связи, и возможность объяснить органичность своего пребывания в любом пункте Востока, а равно и передвижение по нему»³.

Что касается собственно резидентуры, то она по замыслу Блюмкина должна была состоять из пяти человек: резидент Блюмкин (Живой), действующий под видом персидского купца, помощник резидента Лев Абрамович Штивельман (Прыгун), курьер — жена Штивельмана Нехам Манусовна (Двойка) и Марк Исаакович Альтерман, тесть Штивельмана, специалист по покупке и продаже древнееврейских книг. Место пятого члена резидентуры пока было вакантным.

Согласно плану Блюмкина, супруги Штивельман должны были выехать в Палестину, а Альтерман временно остаться в Москве для закупки и изъятия необходимых книг. Связь предполагалось осуществлять через курьеров или при помощи телеграмм на подставные адреса в Москве, Баку и Константинополе. Были также тщательно разработаны условия встреч резидента с курьерами в Константинополе, Риме и Париже.

Предложенный Блюмкиным план был одобрен руководством внешней разведки. После этого в Москве, Ленинграде, Одессе, Ростове и других городах развернулась работа по изъятию древнееврейских книг. В середине сентября 1928 года для Блюмкина был изготовлен персидский паспорт на имя купца Якуба Султанова, а также подготовлена первая партия книг.

В начале октября 1928 года Блюмкин выехал из Одессы в Константинополь, снял там помещение под офис и заказал необходимые для работы бланки и печати. Получив первую партию книг, он разместил ее в турецких банках, после чего принялся устанавливать контакты с константинопольскими торговцами и раввинами. Он также разослал письма в крупные английские, французские и немецкие антикварные фирмы и предложил им свои услуги в качестве представителя на Ближнем Востоке.

Обеспечив таким образом прикрытия, Блюмкин в ноябре 1928 года выехал в Европу для дальнейших переговоров о продаже книг. Он посетил Вену, Франкфурт-на-Майне и Берлин, а в декабре 1928 года приехал в

Париж, где встретился с прибывшими туда супругами Штивельман. При помощи Блюмкина они устроились на работу представителями ряда французских антикварных фирм на Ближнем Востоке и в январе 1929 года выехали в Иерусалим. Кроме того, в Париже Блюмкин привлек к сотрудничеству приятеля Штивельмана по Одессе Николая Шина, который согласился стать его помощником в Константинополе.

В конце января 1929 года Блюмкин вместе с Шином выехал в Константинополь, где встретился с помощником начальника ИНО ОГПУ Сергеем Георгиевичем Вележевым, которому доложил о проделанной работе. Вележев в целом одобрил действия Блюмкина, санкционировал включение Шина в состав резидентуры, но посоветовал Блюмкину не увлекаться коммерцией, а изображать торговца-середняка, поскольку так он привлечет к себе меньше внимания.

После встречи с Вележевым Блюмкин вновь выехал в Европу. Там в марте 1929 года он узнал о высылке из СССР в Турцию Льва Троцкого. Будучи его горячим сторонником, Блюмкин немедленно возвратился в Константинополь, где несколько раз встречался как с самим Троцким, так и с его сыном Львом Седовым. Во время этих встреч Блюмкин информировал своих собеседников о деятельности советской разведки на Ближнем Востоке, а также дал несколько рекомендаций по организации охраны Троцкого.

В конце апреля 1929 года Блюмкин обратился в генеральное консульство Персии в Константинополе с просьбой о том, чтобы именоваться впредь не Якубом Султановым, а Якубом Султан-Заде. Этим он хотел «подтвердить» свои иранские корни. В консульстве с пониманием отнеслись к его просьбе, и 1 мая он получил соответствующее свидетельство, а в начале июня на итальянском пароходе «Умбрия» отплыл в Палестину.

14 июня Блюмкин прибыл в палестинский порт Хайфа, откуда выехал в Яффу, а затем в Иерусалим, где встретился со Штивельманом и выслушал его отчет

о проделанной работе. Кроме того, после длительных переговоров он сумел заключить контракт с палестинской ковровой компанией о назначении его агентом по продаже ковров в Константинополе. После этого Блюмкин в течение двух месяцев совершил поездку по странам Ближнего Востока: Палестине, Египту, Сирии. Там он встретился со своими агентами, большей частью представителями еврейской интеллигенции и духовенства, которые крайне враждебно относились к английской администрации. 5 августа 1929 года Блюмкин вернулся в Константинополь, где его ждала телеграмма от Трилиссера, предписывающая срочно возвратиться в Москву. Перед отъездом Блюмкин в очередной раз встретился с Седовым и получил от него письмо Троцкого, которое следовало передать его сторонникам в СССР.

Прибыв в Москву, Блюмкин доложил начальнику ИНО Трилиссеру и председателю ОГПУ Менжинскому о проделанной работе. Деятельностью Блюмкина на Ближнем Востоке заинтересовались и в ЦК ВКП(б). Например, Вячеслав Молотов потребовал от Блюмкина подробную характеристику не только межнациональных и классовых отношений в Палестине, но и перспектив объединения еврейской и арабской компартий для борьбы против англичан. Кроме того, Молотова интересовал вопрос: на кого делать ставку в случае войны с Англией — на евреев или арабов.

Почувствовав заинтересованность в своей работе у самого высшего руководства, Блюмкин предложил расширить деятельность ИНО ОГПУ на Ближнем Востоке. По его замыслу, в каждую ближневосточную страну следовало направить резидента, а в Константинополь и Александрию — старших резидентов, подчиняющихся непосредственно ему. Сам же Блюмкин будет контролировать и направлять их работу, а также изыскивать пути проникновения в Ирак, Персию и Индию. В связи с этим он обратился к Трилиссеру с предложением увеличить состав резидентуры. Своим

заместителем он предложил назначить Георгия Сергеевича Агабекова (Арутюнова), имевшего большой опыт работы в Персии. В качестве секретарши (она же «внешняя жена» резидента) в Константинополь должна была выехать бывшая супруга одного из министров Дальневосточной республики Ирина Петровна Великанова, а резидентом в Палестину — инженер Рабинович, который должен был открыть там гараж. Предложения Блюмкина были приняты, и уже 4 октября Великанова отплыла в Константинополь, имея на руках персидский паспорт на имя супруги коммерсанта Якуба Султан-Заде. Что же касается Рабиновича, то он так и не успел выехать за рубеж.

Дело в том, что над головой Блюмкина стали собираться тучи. Начавшиеся осенью 1929 года кровавые столкновения между арабами и евреями в Палестине застали советское руководство врасплох. Агентура Блюмкина проинформировала о них только тогда, когда волнения приняли массовый характер. При этом присланный из Яффы отчет носил слишком общий характер. В результате в Палестину были направлены эмиссары Коминтерна, получившие задание информировать Москву о происходящих в Палестине событиях. Разумеется, в ОГПУ были недовольны тем, что основная информация о случившемся поступает в Кремль из Коминтерна, и авторитет Блюмкина как специалиста по Ближнему Востоку пошатнулся.

Впрочем, окончательную точку в судьбе Блюмкина поставили его контакты с Троцким. Карл Радек, которому Блюмкин передал письмо Троцкого, сообщил об этом Сталину. Развязка наступила мгновенно. 16 октября 1929 года Блюмкин был арестован, дал подробные показания о своих встречах с Троцким и Седовым и 3 ноября по постановлению Коллегии ОГПУ расстрелян «за измену Советской власти и пролетарской революции».

Расстрел Блюмкина не внес значительных изменений в планы руководства ИНО ОГПУ по организации разведывательной работы на Ближнем Востоке. Резиден-

том вместо Блюмкина был назначен Агабеков. Он должен был, прибыв в Константинополь, организовать работу по сбору информации в Палестине, Сирии, Египте и Геджасе. Для этого ему предписывалось установить связь с находившимися в Палестине супругами Штивельман. Кроме того, он должен был встретиться с местными коммунистами, поддерживающими связь с берлинской резидентурой ИНО и присоединить их к своей агентурной сети. В Сирии Агабекову следовало установить контакт с работником Коминтерна Обейдуллой и использовать его для освещения политики сирийского правительства по отношению к Франции и Турции. Что касается Египта, то туда резидентом был направлен Моисей Маркович Аксельрод.

Аксельрод Моисей Маркович

24.12.1897(5.01.1898) — 20.02.1939. Капитан ГБ (1935 или 1936).

Родился в Смоленске в семье служащего. Учился на юридическом факультете Московского университета. Участник Гражданской войны: в 1918—1920 гг. служил в политотделе Западного фронта. Был членом партии «Поалей-Цион».

После окончания войны М. Аксельрод в 1921 г. продолжил обучение в университете. В 1923 г. он закончил юридический факультет МГУ, а в 1924 г. — арабское отделение Московского института востоковедения.

В том же, 1924 году свободно владевший арабским, английским, французским, немецким и итальянским языками М. Аксельрод был направлен на работу в НКВД. В 1924—1927 гг. он работал в генконсульстве СССР в Джедде (Саудовская Аравия), в 1928 г. — в советской миссии в Йемене.

Одновременно с работой на дипломатическом поприще начиная с 1925 г. М. Аксельрод выполнял поручения ИНО ОГПУ, а в 1928 г. окончательно перешел на работу во внешнюю разведку. В том же году он стал и членом ВКП(б). С 1928 г. М. Аксельрод — сотрудник центрального аппарата ИНО ОГПУ (занимался арабскими странами и Индией в Восточном секторе ИНО), в 1929—1930 гг. он находился на

нелегальной работе в Турции, затем вернулся в центральный аппарат ИНО ОГПУ.

Одновременно в 1931—1934 гг. преподавал по совместительству в МГУ и Московском институте востоковедения.

В 1934—1937 гг. М. Аксельрод — нелегальный резидент внешней разведки в Риме (Ост, по документам прикрытия — австриец Фридрих Кайль).

В августе 1937 г. отозван в Москву. Занимался организацией учебного заведения для подготовки разведчиков при ИНО.

3 октября 1938 г. назначен заведующим учебной частью и заместителем начальника Школы особого назначения 5-го отдела ГУГБ НКВД.

Автор около 30 научных публикаций в журналах «Новый Восток» и «Международная жизнь» (в том числе под псевдонимами М. А. Рафик и Муса).

Арестован 16 октября 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации в органах НКВД СССР. 20 февраля 1939 осужден ВК ВС СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

24 сентября 1955 г. определением ВК ВС СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Агабеков прибыл в Константинополь 27 октября 1929 года на пароходе «Чичерин», имея в кармане паспорт на имя персидского купца Нерсеса Овсепяна. Через два дня он связался с легальным резидентом ИНО ОГПУ в Турции Наумом Эйтинггоном, находившимся в Константинополе в качестве атташе советского полпредства Леонида Наумова, и с его помощью приступил к ликвидации агентурной сети, созданной Блюмкиным, так как подозревал, что ее состав известен Троцкому. Прежде всего, используя письма, написанные Блюмкиным, он отправил в СССР Великанову и Шина. А к началу января 1930 года в Москву были отозваны и находящиеся в Палестине Штивельман с женой.

Однако и на этот раз создать новую агентурную сеть в Палестине внешней разведке не удалось. Дело в том, что Агабеков, как и Блюмкин, встал на путь предательства. Влюбившись в молоденькую англичанку Изабел Стритер, у которой он брал уроки английского языка, он бросил свой пост и 19 июня 1930 года отправился вслед за ней во Францию. Там он выступил с разоблачениями, касающимися деятельности советской разведки на Ближнем Востоке, в результате чего большая часть сотрудников и агентов ИНО были отозваны в Москву, а оставшиеся прекратили всякую работу и «легли на дно».

Агабеков Георгий Сергеевич

1895—1938.

Родился в Ашхабаде в семье кузнеца. Окончил гимназию. Участник Первой мировой войны — командир взвода на Румынском фронте. В 1918—1920 гг. — в РККА на Восточном фронте. Член РКП(б) с 1920 г. С 1920 г. — в Екатеринбургской ЧК, в 1922—1924 гг. — в КРО ТуркГПУ. С 1924 г. в ИНО ОГПУ. Работал в Кабуле в легальной резидентуре (1924—1926). Легальный резидент в Персии в 1926—1928 гг. Начальник Восточного сектора ИНО (1928—1929). С октября 1929 г. нелегальный резидент ИНО в Турции и на Ближнем Востоке. В июне 1930 г. стал невозвращенцем. Жил в Париже и Брюсселе. Сотрудничал со спецслужбами Англии, Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Болгарии, Румынии. Автор книг «Записки чекиста» (Берлин, 1930) и «ЧК за работой» (Берлин, 1931). После ряда неудачных попыток убит сотрудниками спецгруппы ИНО НКВД в Париже.

Впрочем, через некоторое время советская внешняя разведка снова начала работу по организации агентурной сети в Палестине. При этом, как и раньше, чаще всего агенты направлялись в Палестину под видом выезжающих туда из Европы евреев. Их основной задачей

было проникновение в сионистские организации с целью оказывать влияние на проводимую ими политику в отношении англичан. Примером такого проникновения можно назвать внедрение в 1939 году Израиля Беера (более подробно об этом будет рассказано ниже) в подпольную еврейскую армию «Хагана». Проводилась вербовка агентуры и непосредственно в Палестине. Так, в 1937 году Серебрянскому удалось завербовать агента в левоэкстремистской боевой сионистской организации «Штерн».

В очередной раз Палестина стала объектом пристального внимания со стороны СССР в конце 30-х годов. После начала Второй мировой войны в Кремле было принято решение задействовать в борьбе с фашистской Германией мировую еврейскую общественность. Уже в 1940 году известный советский еврейский общественный и театральный деятель Соломон Михоэлс встретился с этой целью с вывезенными из Восточной Польши в СССР лидерами Бунда Альтером и Эрлихом. Им, собственно говоря, и принадлежала сама идея создания Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), с помощью которого предполагалось объединить еврейскую диаспору и завоевать симпатии на Западе. ЕАК был создан 6 апреля 1942 года, а возглавил его Михоэлс.

В 1943 году Михоэлс и другой деятель ЕАК — Ицик Фефер — совершили шестимесячную поездку в США с целью сбора средств для поддержки борьбы советского народа против фашизма. Кроме того, ими были проведены неофициальные переговоры, касающиеся возможного привлечения еврейских капиталов на восстановление разрушенного войной народного хозяйства СССР. Первоначально эти переговоры велись Фефером, а потом послом СССР в США Громыко. Участвовал в переговорах и сотрудник ИНО НКГБ Григорий Хейфец, а курировал делегацию резидент внешней разведки в Вашингтоне Василий Зарубин.

Со своей стороны еврейские лидеры ставили через американцев, в том числе и посла США в Москве Аве-

релла Гарримана, вопрос о создании государственного образования для евреев, в том числе и на территории Советского Союза. При этом упоминались либо Гомельская область, либо Крым. А 19 января 1944 года на стол В. Молотова легло письмо, написанное руководителями ЕАК, в котором предлагалось рассмотреть вопрос о создании «еврейского советского социалистического государства» в Крыму, главой которого предполагалось назначить Михоэlsa.

Однако Сталину больше пришлось по душе идея создания независимого еврейского государства в Палестине. Логика его действий в этом вопросе была проста: арабский мир — это регион пробританских и профранцузских режимов, здесь расположены английские войска и базы. Победа сионистов в Палестине означала бы поражение Великобритании и ее марионеток. Значит, надо поддержать сионистов в их борьбе за создание в Палестине независимого еврейского государства. В результате на Ялтинской конференции в феврале 1945 года Сталин, Рузвельт и Черчилль согласились на консолидацию евреев в Палестине и свободную еврейскую эмиграцию туда.

Ценным свидетельством советской политики по отношению к созданию государства Израиль являются воспоминания известного советского разведчика Павла Анатольевича Судоплатова, с 1941 года руководившего диверсионными подразделениями советской внешней разведки. В своей книге «Разведка и Кремль» он пишет:

«До 1948 года Великобритания имела от Лиги Наций мандат на управление территорией Палестины. Сталин и Молотов надеялись успокоить англичан, опасавшихся быть вышвырнутыми из Палестины после создания там еврейского государства. Проект еврейской автономии в Крыму должен был отвлечь внимание лидеров мирового еврейства от Палестины как единственного варианта для решения еврейской проблемы. Когда в конце 1945 года стало ясно, что Сталин не считает себя связанным с прежним неофициальным зондажем, англичане и аме-

риканцы организовали Англо-американский комитет по Палестине без участия Советского Союза. Это противоречило ранее достигнутому соглашению о совместных консультациях военных союзников по палестинской проблеме.

И вот в апреле 1946 года заместители министра иностранных дел Деканозов и Вышинский направили служебную записку правительству, где подчеркивали, что интересы Советского Союза игнорируются: палестинский вопрос будет решаться без участия нашего государства. В этом документе они предлагали проводить политику благоприятного отношения к созданию еврейского государства в Палестине. С согласия Молотова Вышинский публикует под псевдонимом статью в журнале «Новое время», в которой говорит о необходимости создания демократического еврейского государства на подмандатной территории Палестины. Расчет заключался в том, чтобы усилить советскую позицию на Ближнем Востоке и вместе с тем подорвать британское влияние в арабских странах, противившихся появлению нового государства, показав, что англичане не способны остановить евреев в их стремлении создать свое государство»⁴.

В результате в ноябре 1947 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН советская делегация, которую возглавлял Андрей Андреевич Громыко, предложила создать единое арабо-еврейское государство с равными правами для евреев и арабов. А когда это предложение было отвергнуто, поддержала как наиболее приемлемое решение разделить Палестину на два самостоятельных государства. При этом Громыко заявил:

«Предложения о разделе Палестины на два самостоятельных государства... не направлены против арабов. Это решение не направлено против ни одной из основных народностей, населяющих Палестину. Напротив, по мнению советской делегации, это решение соответствует коренным национальным интересам как еврейского, так и арабского народа»⁵.

Кроме того, Громыко настоял, чтобы израильтяне добились включения в новое государство Негева и Галилеи, составивших $\frac{3}{4}$ территории Израиля, в то время как израильская делегация в ООН была готова на любые уступки, лишь бы получить согласие на создание независимого еврейского государства. В конце концов именно голос СССР решил дело в пользу создания государства Израиль и принятия 29 ноября 1947 года Генеральной Ассамблеей ООН резолюции № 181.

Разумеется, арабы расценили это решение ООН как скандальное, оскорбительное и неприемлемое. Более того, террористические арабские формирования «Мусульманское братство», «Братья свободы», «Ливанская лига» и другие начали необъявленную войну против прибывающих в Палестину евреев.

Такая реакция арабов не стала неожиданной ни для кремлевского руководства, ни для советской внешней разведки. Дело в том, что сразу же после окончания Второй мировой войны в Москве было принято решение создать в Палестине опорные базы и резидентуры. Их должны были возглавить разведчики, имевшие большой опыт партизанской и диверсионной деятельности. При этом советской разведкой активно использовался хлынувший с окончанием войны на Ближний Восток новый поток еврейских переселенцев, особенно из Польши, Румынии и Чехословакии, а также с территории Прибалтики, Молдавии, Западных Украины и Белоруссии. Через тайные каналы разведка СССР и союзных с ним государств, особенно Чехословакии, наладила поставку оружия и боеприпасов в Палестину. Главной задачей было проникновение в боевые организации сионистов «Штерн» и «Цвай Иргун Леуми». Судя по многим данным, в том числе публикуемым в самом Израиле, это удалось сделать. Вот что, например, пишет по этому поводу Павел Судоплатов:

«Одновременно с предпринимавшимися политическими шагами было получено указание в 1946 году забросить наших агентов в Палестину через Румынию. Они

должны были создать в Палестине нелегальную агентурную сеть, которую можно было бы использовать в боевых и диверсионных операциях против англичан. Для этой цели я выделил трех офицеров: Гарбуза, Семенова (настоящее имя Таубман — он являлся помощником Григулевича по литовскому подполью и помогал ликвидировать в Париже в 1938 году Рудольфа Клемента) и Колесникова. У Гарбуза и Колесникова был опыт партизанской войны на Украине и в Белоруссии, где они участвовали в операциях против немецких оккупационных властей.

Семенов и Колесников обосновались в Хайфе и создали две агентурные сети, но участия в диверсиях против англичан не принимали. Колесников сумел организовать доставку из Румынии в Палестину стрелкового оружия и противотанковых гранат, захваченных у немцев. Семенов, со своей стороны, попытался возобновить контакт с нашим агентом в организации «Штерн». Это была антибританская террористическая группа, куда Серебрянскому в 1937 году удалось заслать своего человека. Гарбуз оставался в Румынии, отбирая там кандидатов для будущего переселения в Израиль.

Мне с самого начала было ясно, что, помогая, казалось бы, евреям, на самом деле мы ставили своей задачей создание собственной агентурной сети внутри сионистской политической и военной структуры. Евреи стремились к независимости и были тесно связаны с Америкой. Но у нас не было уверенности, что мы сумеем влиять на них, как в Восточной Европе. Однако мы считали крайне важным обозначить до известной степени там свое присутствие. Как рассказывал мне Хейфец, еще в 1943 году Литвинов в своем послании Молотову из Вашингтона подчеркивал, что Палестина и создание еврейского государства сделаются одним из главных вопросов послевоенной мировой политики»⁶.

В апреле — мае 1948 года заграничный аппарат советской внешней разведки, входивший в то время в Комитет информации (КИ), сыграл большую роль в принятии

Москвой решения о дипломатическом признании государства Израиль. Главным аргументом «за» было стремление окончательно ослабить влияние Англии на Ближнем Востоке, особенно в районах, прилегающих к советской границе. И через 48 часов после официального провозглашения 14 мая 1948 года Государства Израиль Советский Союз первым из великих держав признал его. Министр иностранных дел СССР В. Молотов в послании, направленном по этому случаю израильскому министру иностранных дел М. Шарету, писал, что «создание еврейским народом своего суверенного государства послужит делу укрепления мира и безопасности в Палестине и на Ближнем Востоке», и выразил уверенность «в успешном развитии дружественных отношений между СССР и государством Израиль». Официальное признание СССР и США нового государства Израиль оказало ему огромную моральную и политическую поддержку. Вслед за двумя великими державами одними из первых заявили о признании Израиля Польша и Чехословакия. Однако Англия не собиралась без борьбы уходить из богатого нефтью Ближнего Востока. Еще 28 апреля 1948 года министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин, выступая в палате общин, заявил, что в соответствии с англо-трансйорданским договором, заключенным в марте, Англия «и впредь намерена предоставлять средства на содержание арабского легиона, а также посылать военных инструкторов». Поэтому неудивительно, что, пользуясь поддержкой Англии, Лига арабских стран на следующий день после провозглашения Израиля заявила, «что все арабские страны с этого дня находятся в состоянии войны с евреями Палестины».

В результате, вместо того чтобы выполнять резолюцию ООН № 181, арабские государства Ближнего Востока направили свои усилия на уничтожение Израиля, заявив, что не остановятся, пока «не сбросят евреев в Средиземное море». Их войска вторглись в Палестину с востока, севера и юга, а король Трансиордании Абдалла

приказал выпустить новые денежные знаки с надписью: «Арабское хашимитское королевство».

В начавшейся в мае 1948 года первой арабо-израильской войне СССР оказывал Израилю не только политическую поддержку, но и материальную помощь. Были организованы поставки оружия израильской армии, причем в весьма значительных объемах. Об этом свидетельствует появившееся в мае 1948 года в арабской печати сообщение о захвате арабами у берегов Палестины «русского» парохода «Ляйкофта», на борту которого было 680 артиллерийских орудий, 20 танков и 20 бронемашин. Поставки оружия производились через Чехословакию как морем, так и по воздуху.

Через Чехословакию направлялись в Израиль и советские добровольцы, в основном офицеры-евреи, имевшие боевой опыт. Отpravку добровольцев со стороны ЕАК курировал непосредственный его руководитель Ицик Фефер, а со стороны внешней разведки — Григорий Хейфец. Кроме советских добровольцев на стороне израильтян воевали и чехи, входившие в так называемую «бригаду Готвальда». Юваль Неэман, в 1998 году начальник отдела планирования израильской армии, а в то время командир одного из подразделений «Хаганы», вспоминал, что лично сопровождал чехословацкого офицера, который в сентябре 1948 года прибыл в Израиль для проверки возможности присоединения «бригады Готвальда» к израильской армии. В результате первая арабо-израильская война закончилась поражением арабов. Более того, Израиль в ходе войны аннексировал значительные территории, на которых предполагалось создать палестинское арабское государство. В сентябре 1948 года в Москву прибыла первая официальная израильская делегация во главе с послом Голдой Меир. Начался кратковременный период дружбы между СССР и Израилем.

Однако в Израиле имелись и влиятельные круги, ориентированные на Запад, и прежде всего — на США. Поэтому неудивительно, что советско-израильские от-

ношения со временем начали охлаждаться. Уже упоминавшийся выше сотрудник внешней разведки, а впоследствии писатель Юрий Колесников оставил интересные воспоминания о деятельности Голды Меир в качестве посла Израиля в СССР. Он утверждал, что она установила с советскими евреями весьма двусмысленные отношения. И это при том, что, будучи уроженкой Украины, Голда Меир хорошо знала советские реалии. «Она (Голда Меир. — А. К.) даже шла на провокации, — пишет Колесников. — Она умножала свои контакты с евреями — женами лиц из окружения Сталина... Однажды на официальном приеме, обращаясь к Полине Жемчужиной (жене Молотова), которую знала с детства... Голда Меир бросила ей: «Что произошло? Говорят, что ты стесняешься быть еврейкой». Для Сталина такая близость отношений между видным советским деятелем и иностранным дипломатом была совершенно неприемлемой и угрожала безопасности государства... Молотову выслали в глубину Казахстана. В ссылку отправили сестру жены Михаила Калинина (ее девичья фамилия Хазан), которая была замужем за генералом Халовым, одним из тех, кто отвечал за инженерные войска и снабжение армии. Она также была слишком связана с Голдой Меир, которую называла «Голдушка»⁷.

Со временем менялась и внешняя политика Израиля. Она все больше ориентировалась на США. Так, в 1951 году США и Израиль подписали «Договор о дружбе, торговле и мореплавании», а в декабре 1952 года заключили соглашение «О помощи по обеспечению взаимной безопасности», которое предусматривало предоставление израильтянам американской военной помощи.

Все это не могло не повлиять на отношения СССР к Израилю. Поняв, что Израиль не будет проводить на Ближнем Востоке просоветскую политику, в Кремле решили «наказать» непослушных израильтян. В 1949 году был разогнан ЕАК, а его лидер Михоэлс ликвидирован в «автокатастрофе». В СССР началась кампания против

«безродных космополитов», апофеозом которой стало так называемое «дело врачей». Антисемитизм последовательно и настойчиво нагнетался и в странах «народной демократии». Произошедшее коснулось и внешней разведки. Из нее были уволены сотрудники-евреи, прежде всего те, кто участвовал в операциях по поддержке Израиля, а некоторые из них, например Григорий Хейфец, были арестованы.

Хейфец Григорий Менделевич (Маркович)

1899—1984. Подполковник (1944).

Родился в г. Двинске под Ригой. Сын видного деятеля российской социал-демократии и Бунда, члена РСДРП(м) с 1900 г. М. Я. Хейфеца и племянник одного из основателей КП США — А. Гуральского.

С 1915 г. — активный участник еврейского революционного движения, член Бунда. В 1915 г. выслан из Риги в административном порядке. После этого проживал в г. Богородске Московской губернии. В 1915 г. работал репетитором; с 1916 г. — секретарь Еврейского рабочего клуба, а с 1917 г. — Объединенной организации РСДРП(м) и Бунда. В 1917 г. окончил Богородское реальное училище.

С 1918 г. в Москве — секретарь Внешкольного отдела Народного дома Наркомпроса; в 1919 г. — помощник начальника Дома народов им. П. Алексеева и Отдела образования Моссовета.

Участник Гражданской войны. В июне 1919 г. по направлению ЦК Бунда вступил в РККА. С июля 1919 г. — инструктор-организатор ПО 16-й армии Западного фронта. Участвовал в боях с белополяками в составе 8-й дивизии в Слуцком районе, а в сентябре 1919 г. с войсками 17-й дивизии Западного фронта на Борисовском направлении.

С марта 1920 г. — помощник военкома Московского окружного военно-санитарного управления. В 1920 г. учился в Московском коммерческом училище и на ФОН МГУ. С января 1921 г. — политком Кисловодских курортов Кавминвод. Принимал участие в ликвидации бандформирований в Кисловодском районе. Был ранен в руку.

С марта 1921 г. — политконсультант Оргчасти ПУ РККФ. С июля 1921 г. — политинспектор, начальник Оргинструкторского отдела МОУВУЗа. Работал секретарем Н. К. Крупской, затем в аппарате ИККИ.

С 1922 г. — сотрудник ОМС (разведка) Коминтерна. В апреле 1922 г. переведен в организацию прикрытия — НКВД СССР: секретарь Отдела дипкурьеров, а затем помощник зав. Правовой частью ЭКО.

В 1924—1927 гг. — на закордонной разведывательной работе под дипломатическим прикрытием. С 1924 г. — зав. дипкурьерской частью, секретарь, врид зав. консульством, консульский агент в Либаве и Риге (Латвия). По совместительству резидент ОМС ИККИ в Риге. С апреля 1925 г. — под прикрытием секретаря, а затем генконсула — резидент ОМС в Константинополе.

В 1927—1929 гг. выполнял специальные задания ОМС с нелегальных позиций в Китае, Германии, Австрии, Франции и других странах, используя фамилию Гримериль. Находясь на нелегальной работе в Германии под прикрытием студента-беженца из Индии, защитил в 1926 г. диплом инженера в Политехническом институте в Йене, организовал несколько агентурных групп. С апреля 1927 г. — уполномоченный ОМС в Шанхае, а с 1928 г. — в Берлине.

С февраля 1929 г. — секретарь Правления и зав. издательством «Огонек», затем редактор журнала «Изобретатель».

С июня 1931 г. — сотрудник особого резерва ИНО ОГПУ: на закордонной работе во Франции и США. По возвращении в СССР с октября 1935 г. — помощник нач. отделения ИНО 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

С июля 1936 г. — в особом резерве 7-го отдела ГУГБ — резидент в Италии. Там сблизился с молодым физиком Бруно Понтекорво, привлек его к сотрудничеству. Летом 1938 г. отозван в Москву.

В июле 1938 г. без объявления причин снят с работы в 5-м отделе ГУГБ и направлен в распоряжение ГУЛАГ НКВД СССР, где получил предложение отправиться на работу в Воркуту. В связи с острой болезнью почек от предложения отказался. В итоге в сентябре 1938 г. уволен из органов по болезни и назначен заведомом и заместителем председа-

ля ВОКС. В октябре 1939 г. восстановлен на учете чекистского запаса.

В октябре 1941 г. восстановлен на службе в 1-м управлении НКВД СССР и в ноябре 1941 г. направлен в качестве легального резидента в Сан-Франциско (Харон) под прикрытием вице-консула генконсульства СССР. Принимал активное участие в разведывательном обеспечении советского ядерного проекта. Заслугой Харона является, что ему уже в декабре 1941 г. первому удалось войти в близкий, доверительный контакт с Р. Оппенгеймером, дать его психологический портрет. В июле 1944 г. завершил работу в Сан-Франциско и сдал дела своему преемнику Григорию Каспарову. В ноябре 1944 г. отозван в Москву.

С декабря 1944 г. — старший оперуполномоченный, затем нач. отделения резерва 1-го управления НКГБ СССР. С мая 1946 г. — нач. отделения отдела «С» МГБ СССР.

В 1947 г. уволен из МГБ по сокращению штатов с передачей на общевоинский учет. В 1947 г. утвержден заместителем ответсекретаря и член президиума Еврейского антифашистского комитета (ЕАК).

13 ноября 1951 г. арестован по делу о ЕАК, 8 августа 1952 г. осужден ВК ВС СССР к 25 годам лишения свободы.

В октябре 1952 г. дело было пересмотрено. К имеющимся обвинениям добавились терроризм и участие в заговоре в органах МГБ. 2 февраля 1953 г. следователь объявил Г. М. Хейфецу, что тот приговорен к высшей мере наказания. 5 марта 1953 г. он был переведен в Бутырскую тюрьму, однако уже 23 апреля 1953 г. возвращен во внутреннюю тюрьму. Следствие было возобновлено.

28 декабря 1953 г. освобожден за отсутствием состава преступления, реабилитирован и восстановлен в партии.

В 1984 г. скончался в Москве.

Член РКП(б) с 1919 г. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги» (1945).

Естественно, реакция на эту кампанию в Израиле была резко отрицательной. Более того, еврейские экстремисты 9 февраля 1953 года совершили террористичес-

кий акт на территории советской дипломатической миссии в Тель-Авиве. Тогда после взрыва бомбы было ранено три человека, из них две женщины. В результате уже на следующий день советское правительство обвинило Израиль в отсутствии «элементарных условий для нормальной дипломатической деятельности представителей Советского Союза» и разорвало с ним дипломатические отношения.

После смерти Сталина отношения между СССР и Израилем постепенно нормализовались. Было прекращено «дело врачей», а в июне 1953 года восстановлены дипломатические отношения. Но в Москве прекрасно понимали, что Израиль никогда не будет проводником советской политики на Ближнем Востоке. Поэтому начиная с середины 50-х годов внешняя политика СССР была переориентирована на поддержку арабских государств в этом регионе.

Все это время советская внешняя разведка внимательно следила за происходящими в Израиле событиями и своевременно докладывала о складывающейся там ситуации руководству страны. Первым легальным резидентом внешней разведки в независимом Израиле стал в 1948 году Владимир Иванович Вертипорох. Это назначение было неслучайным. Дело в том, что в годы Великой Отечественной войны Вертипорох служил в 4-м (диверсионном) управлении НКВД-НКГБ, много раз забрасывался в тыл к немцам, а в 1942 году был резидентом внешней разведки в Мешхеде (Иран). Кроме него в Израиль были направлены такие опытные разведчики, как Яков Прокофьевич Медяник, Владимир Иванович Старцев, Иван Иванович Зайцев и другие.

Вертипорох Владимир Иванович

26.12.1914 — 01.1960. Генерал-майор (1956).

Родился в г. Бердянске Таврической губернии в семье служащего. В 1930 г., не закончив среднюю школу, начал трудовую деятельность упаковщиком упаковочной базы по

отправке фруктов в г. Бердянске. С 1930 г. — ученик слесаря, учащийся школы ФЗУ, с 1932 г. — слесарь завода им. 1 Мая в г. Бердянске Днепропетровской области.

В 1933 г. поступил в Московский химико-технологический институт, который закончил в 1938 г. В том же году был рекомендован на работу в органы безопасности и в ноябре зачислен в ГЭУ НКВД СССР на должность оперуполномоченного 4-го отделения 2-го отдела. С весны 1939 г. — старший оперуполномоченный 7-го отделения 1-го отдела ГЭУ, в том же году в командировке на Дальнем Востоке, занимался вопросами поставок рыбы в центральные районы.

31 октября 1939 г. вместе с П. К. Супруненко командирован в Осташковский лагерь УПВИ НКВД для вербовки и работы с агентурой среди польских военнопленных.

С 1940 г. — заместитель начальника 6-го отделения 1-го отдела ГЭУ НКВД СССР. С 1941 г. — член ВКП(б).

После начала Великой Отечественной войны В. И. Вертипорох выезжал в составе спецгруппы в Гомель, а затем в Киев для организации подпольной работы, готовил и забрасывал в тыл германской армии разведывательные группы.

С 1941 г. — заместитель начальника 2-го отделения 6-го отдела 1-го управления НКВД СССР. В 1942 г. направлен в долгосрочную командировку в Иран в качестве резидента внешней разведки в г. Мешхеде. Участвовал в разработке и осуществлении ряда операций против германской агентуры в стране. В ноябре — декабре 1943 г. во время Тегеранской конференции участвовал в обеспечении безопасности глав государств антигитлеровской коалиции. За время пребывания в Иране изучил язык фарси.

После возвращения в СССР в 1947 г. В. И. Вертипорох находился в резерве назначения КИ при СМ СССР, а затем был назначен старшим помощником начальника 2-го отдела 3-го управления КИ.

В 1948 г. направлен резидентом в Израиль под фамилией Рожков. Успешно организовав работу резидентуры, В. И. Вертипорох создал эффективную агентурную сеть, способную решать задачи не только по Израилю и Ближнему Востоку, но и по США, куда было выведено несколько

агентов резидентуры. За время этой командировки он выучил английский язык. Весной 1953 г. отозван в Москву.

С марта 1953 г. В. И. Вертипорох — заместитель начальника 7-го отдела, с мая 1953 г. — начальник 1-го сектора 4-го отдела, а затем — начальник 4-го отдела ВГУ МВД СССР.

С марта 1954 г. — начальник 4-го отдела ПГУ КГБ при СМ СССР. С июля 1954 г. — исполняющий обязанности заместителя начальника ПГУ КГБ при СМ СССР. С апреля 1955 г. — начальник 13-го отдела ПГУ КГБ.

В 1957 г. В. И. Вертипорох был назначен старшим советником КГБ при СМ СССР по вопросам безопасности при Министерстве общественной безопасности КНР. Он внимательно изучал обстановку и подробно информировал Центр о процессах, происходящих в Китае, отношения которого с СССР стали в то время заметно портиться.

Награжден орденом Ленина, орденом Красной Звезды, а также многими медалями.

Умер в январе 1960 г., официальная версия — от сердечного приступа.

Зайцев Иван Иванович

4.08.1920 — 6.05.1986. Генерал-майор.

Родился в г. Кашире Московской области в семье рабочего-железнодорожника. После окончания средней школы в 1937 г. поступил в Московский институт инженеров геодезии.

После начала Великой Отечественной войны призван в армию. Учился в военном училище. Прошел боевой путь от Сталинграда до Берлина. Войну закончил в должности начальника разведки 79-й гвардейской стрелковой дивизии.

После окончания Великой Отечественной войны И. И. Зайцев поступил в Военную академию им. М. В. Фрунзе, которую окончил в 1948 г., после чего был направлен на работу в органы государственной безопасности.

В 1949 г. окончил Высшую разведывательную школу КИ, работал старшим референтом КИ. В 1951—1956 гг. находился в долгосрочной заграничной командировке в Израиле сначала в

качестве оперативного работника, а с 1953 г. — заместителя резидента внешней разведки. Добился положительных результатов в вербовочной работе.

С 1957 по 1958 г. И. И. Зайцев работал в центральном аппарате разведки. В 1958—1963 гг. — резидент внешней разведки в ФРГ. Возглавляемый им разведывательный коллектив добился положительных результатов в работе. В 1963—1964 гг. он снова в центральном аппарате разведки. В 1964—1969 гг. — начальник факультета Школы № 101 ПГУ КГБ при СМ СССР.

В 1969—1972 гг. И. И. Зайцев вновь работал в ФРГ в качестве резидента внешней разведки.

В 1972—1973 гг. работал в центральном аппарате разведки. С 1973 по 1986 г. — начальник Краснознаменного института ПГУ КГБ СССР им. Ю. В. Андропова, готовившего кадры для внешней разведки.

Награжден орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, многими медалями СССР и зарубежных стран, знаком «Почетный чекист».

Медяник Яков Прокофьевич

1917 — 18.04.1996. Генерал-майор.

Участник Великой Отечественной войны. Трижды возглавлял резидентуру ПГУ в Израиле. Работал начальником Ближневосточного отдела ПГУ, заместителем начальника ПГУ (с 1962 г.). Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны 1-й степени, Дружбы народов, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Вертипороху в короткий срок удалось наладить эффективную работу резидентуры. При его непосредственном участии была создана агентурная сеть, способная решать разведывательные задачи не только в Израиле, но и в других странах, включая США. Он лично привлек к сотрудничеству с советской разведкой ряд цен-

ных источников, которые передавали важную информацию. Кроме того, нескольких агентов резидентура вывела в США. Однако не обошлось и без провалов, поскольку израильская контрразведка «Шин бет» (созданная, кстати, еще до образования государства Израиль) весьма активно действовала против советских спецслужб и их агентов, а также против разведок социалистических государств. Так, еще в 1950 году по обвинению в шпионаже в пользу Польши были арестованы капрал израильской армии Элимелех Райхер и два его сообщника — секретарь военной секции компартии Ури Винтер и сержант топографического отдела армии Густав Голоберг.

В феврале 1953 года, после разрыва дипломатических отношений с Израилем, Вертипорох был отозван в Москву, где в марте был назначен заместителем начальника 7-го (ближневосточного) отдела внешней разведки. А на его место после восстановления дипломатических отношений в начале 1954 года был направлен Яков Прокофьевич Медяник, для которого это была вторая командировка в Израиль. Медяник продолжил начатую Вертипорохом работу по всестороннему освещению израильской внешней и внутренней политики. Но действовать ему и его подчиненным пришлось в гораздо более тяжелых условиях, так как израильская контрразведка активизировала свою работу против советских разведчиков и их агентов. В результате некоторые из них были арестованы и предстали перед судом.

Так, в 1956 году по обвинению в шпионаже в пользу СССР был арестован сотрудник министерства иностранных дел Израиля Зеев Авни (Вольф Гольдштейн). Его история может служить примером того, как советские спецслужбы внедряли в Израиль своих агентов.

Гольдштейн родился в 1912 году в еврейской семье, которая эмигрировала в Швейцарию из Восточной Европы. В юности он увлекся марксизмом и на этой почве был завербован советской разведкой. Пройдя обучение в спецшколе в Москве, Гольдштейн в 1948 году

приехал в Израиль и устроился на работу в министерство иностранных дел. Тогда же он, по израильскому обычаю, сменил имя и стал Зеевом Авни. В МИД Израеля Гольдштейн-Авни занимал незначительную должность, но это не помешало ему регулярно передавать своим операторам важную информацию по внешнеэкономической политике Израеля. В начале 50-х годов он был командирован в посольство Израеля в Брюссель в качестве советника по экономическим вопросам. В это время он передавал советской разведке материалы, касающиеся секретных переговоров между Израилем и ФРГ о выплате репараций израильским евреям — жертвам холокоста.

Через некоторое время Авни перевели в израильское посольство в Белграде, где он отвечал за экономические отношения Израеля с Югославией. Однако в связи с нехваткой персонала он по совместительству был назначен шифровальщиком. Для советской разведки это было большой удачей, так как Авни передал своим кураторам секретные дипломатические коды. Ими пользовались израильский МИД для переписки со своими посольствами и сотрудники разведки, работавшие под дипломатическим прикрытием.

Однако в начале 1956 года Авни попал под подозрение. Связав провалы израильской разведки с его частой сверхурочной работой, сотрудники «Шин бет» пришли к выводу, что он работает на иностранные спецслужбы. В апреле 1956 года по надуманному предлогу Авни был вызван в Тель-Авив и арестован. На следствии он признался в том, что работал на советскую внешнюю разведку, и был осужден на 10 лет лишения свободы. После отбытия наказания он еще раз сменил фамилию, поселился в кибуце и стал работать психологом в израильской армии.

Очередной шпионский скандал разразился в 1958 году, когда агенты «Шин бет» арестовали историка-востоковеда и эксперта партии «Мапам» по Ближнему Востоку Аарона Козна. Его обвинили в том, что он

регулярно встречался с советским археологом Виталием Павловским, сотрудником Русско-Палестинского научного общества Академии наук СССР, которого израильская контрразведка считала работником ПГУ КГБ.

Арест Коэна вызвал большой резонанс в Израиле, а возмущенные члены партии «Мапам» встали на его защиту и обвинили руководство «Шин бет» в фабрикации дела. На суде Коэн признался, что встречался с Павловским и другими советскими дипломатами, но категорически отрицал факт передачи им секретной информации. Тем не менее он был признан виновным и осужден на пять лет лишения свободы. Но Верховный суд Израиля сократил этот срок наполовину. Что же касается Павловского, то он еще до суда над Коэном был вынужден покинуть Израиль.

Неменьший резонанс получило и дело профессора-физика Курта Ситты. Ситта, уроженец Судет, получил образование в Пражском университете, где его считали гением математики. В годы Второй мировой войны Ситту арестовало гестапо, а так как он был женат на еврейке, то его отправили в концлагерь Бухенвальд.

После освобождения Ситта был завербован чехословацкой разведкой и некоторое время занимался научной деятельностью в Праге. А в 1948 году, находясь в командировке в Великобритании, он попросил политического убежища. Оказавшись на Западе, Ситта сначала жил в Англии, а потом переехал в США, где преподавал ядерную физику в Сиракузском университете (штат Нью-Йорк). Но ФБР, подозревая, что Ситта является агентом чешской разведки, несколько раз подвергало его допросам, а когда они не дали результатов, попыталось завербовать его в качестве агента. В результате в 1955 году Ситта выехал в Бразилию, а через два года получил приглашение прочитать курс лекций в «Технионе» в Хайфе, израильском аналоге американского Массачусетского университета. Он принял приглашение, приехал в Израиль и уже вскоре стал директором департамента физики в «Технионе».

Положение, которое занял Ситта, открыло перед ним большие разведывательные возможности. Но основное внимание он уделял израильской Комиссии по атомной энергии, которую возглавлял профессор Бергман. В результате в Прагу, а оттуда в Москву регулярно поступала информация о начале строительства в 1957 году в Димоне ядерного реактора, который поставила Израилю Франция. Однако сотрудникам «Шин бет» удалось зафиксировать встречи Ситты с сотрудниками чешской разведки, работавшими под дипломатическим прикрытием. В результате 16 июня 1960 года он был арестован и предан суду. Однако израильтяне не были заинтересованы в раздувании этого шпионского скандала, так как даже в Париже и Вашингтоне выразили обеспокоенность тем, что Израиль может создать атомную бомбу. Поэтому Ситту объявили мелким клерком, передававшим чехам второстепенную информацию, не имевшую отношения к ядерной тематике, и осудили на пять лет лишения свободы. Однако 21 декабря 1960 года премьер-министр Давид Бен-Гурион был вынужден признать, что Израиль действительно ведет строительство ядерного реактора, и заверил мировую общественность в том, что реактор будет использоваться исключительно в мирных целях. Что же касается Ситты, то он, отбыв пятилетний срок, был выдворен из Израиля, обосновался в ФРГ, где продолжил свою научную карьеру.

Впрочем, самым известным и крупным советским агентом в Израиле, чья карьера оборвалась в начале 60-х годов, был Израиль Беер. При этом следует отметить, что все, кто когда-нибудь упоминал о нем, были уверены в том, что если бы Беер шпионил не в Израиле, а, например, в Англии или США, то он был бы известен гораздо больше, чем Ким Филби или Олдрич Эймс. Официальная биография Израйля Беера, настоящее имя которого израильтяне так и не установили, была, как оказалось, во многом вымышленной. Согласно собственным показаниям, Беер родился в 1912 году в Вене. Его роди-

тели эмигрировали в США, но вскоре вернулись обратно в Австрию. Сам он изучал гуманитарные науки и германскую литературу в Венском университете, где, по его словам, учился у весьма популярного в то время в театральных кругах Макса Рейнхарда.

В университете Беер увлекся социалистическими идеями и в начале 30-х годов примкнул к группе студентов, выступавших против федерального канцлера Австрии Энгельберта Дольфуса, которого они считали диктатором. После окончания университета он получил степень доктора философии и работал режиссером в венском «Бургтеатре». Одновременно он посещал известную военную академию в Винер-Нойштадте, а также служил офицером в «Шуцбунде» — военной организации социал-демократической партии Австрии, созданной в 1923 году для противодействия вооруженным отрядам нацистов. В 1934 году Беер принимал участие в знаменитом февральском восстании «Шуцбунда», а в 1936 году уехал добровольцем в Испанию, где началась гражданская война. Поскольку он имел военную подготовку, то его назначили сначала инструктором, а потом командиром батальона в интербригадах. Там он познакомился со многими коммунистами, вместе с которыми принимал участие в боях при Мадриде, Гвадалахаре и Теруэле. После поражения республиканцев он вернулся в Вену, где увлекся идеями сионизма. В результате в конце 1938 года Беер эмигрировал в Палестину и вступил в подпольную еврейскую армию «Хагана».

Социалистические взгляды, отличное образование и военный опыт помогли Бееру очень быстро занять видное место в руководстве еврейской общины в Палестине. Во время войны за независимость он стал самым молодым полковником израильской армии и был назначен заместителем начальника оперативного отдела Генерального штаба. В это же время он близко сошелся с такими видными политическими и военными деятелями, как Давид Бен-Гурион, Шимон Перес, Шауль Авигур, и

другими. После окончания войны Беер стал военным советником премьер-министра Израиля Бен-Гуриона и, кроме того, занимал посты заместителя начальника военной разведки «Аман» и офицера связи между израильской и английской разведкой. В то же время он являлся одним из руководителей партии «Мапам», где возглавлял партийную службу безопасности.

В 1951 году, после того как была отвергнута его программа реформы армии, Беер вышел в отставку и занялся политической деятельностью. В 1954 году он вышел из партии «Мапам» и примкнул к более центристской партии «Мапай», которую возглавлял Бен-Гурион (сейчас это крупнейшая политическая партия Израиля «Авода»). При этом Беер сохранил хорошие отношения с сотрудниками министерства обороны и имел доступ к любой сверхсекретной информации. В 1955 году по настоянию генерала Шауля Авигура Беер вернулся на работу в министерство обороны, где фактически возглавил пресс-службу, а затем приступил к написанию официальной истории войны за независимость. В результате он получил возможность работать в архиве министерства обороны и даже ознакомиться с личными дневниками Бен-Гуриона.

После войны 1956 года Беер вернулся в армию и стал сотрудником заместителя министра обороны Шимона Переса, который покровительствовал ему. Благодаря поддержке Переса Беер был назначен членом двух комиссий министерства обороны: комиссии по подготовке военного положения и комиссии, расследовавшей деятельность министра обороны Израиля Пинхаса Лавона, который отдал приказ агентам «Аман» в Египте взорвать американские и английские военные объекты. Перес настолько благоволил Бееру, что поручил ему осуществлять контакты с западногерманской армией и разведкой, в том числе с министром обороны ФРГ Йозефом Штраусом и руководителем БНД генералом Рейнгардом Геленом.

Кроме того, Беер налаживал связи со шведской армией, работал в штабе НАТО. Он имел доступ на базы бундесвера, к планам работ израильских подрядчиков на НАТО и армию США, к планам строительства оборонных объектов, осуществлявшихся израильской государственной компанией «Солель Боне» в Турции. Через нее же он был осведомлен и о планах строительства натовских ракетных объектов в той же Турции и в Греции. Имел Беер доступ и к информации о ядерной программе Израиля. Дело в том, что, когда 2 октября 1957 года между Тель-Авивом и Парижем было подписано секретное соглашение о поставке Францией Израилю ядерного реактора и специалистов для его монтажа, непосредственным куратором этого проекта был назначен Перес. Это обстоятельство дало Бееру возможность во всех деталях ознакомиться с израильской ядерной программой, целью которой было создание собственной атомной бомбы.

Являясь главным военным историком министерства обороны, Беер также был и ведущим военным теоретиком Израиля. В 1959 году он возглавил первый в стране факультет военной истории в Тель-Авивском университете, где обучались высшие офицеры армии. Был он известен как военный эксперт далеко за пределами Израиля. Так, он состоял в Международной ассоциации военных комментаторов, дружил с выдающимся английским военным историком Бэзилем Лиддел-Хартом. А официальные представители министерства обороны Франции открыто превозносили его глубокое понимание военных проблем.

Занимая столь высокое положение, Беер, безусловно, являлся самым ценным и самым оберегаемым агентом советской внешней разведки в Израиле. Однако и ему не удалось избежать провала. Первые подозрения появились у «Шин бет» в 1956 году в связи с тем, что он, несмотря на многократные предупреждения, часто общался с советскими представителями в Израиле. По-

дозрения усилились осенью 1960 года, когда Беером заинтересовался руководитель израильской разведки «Моссад» Исер Харел. Главной причиной повышенного интереса Харела к Бееру стали его несанкционированные израильскими спецслужбами контакты с Геленом, а также частые посещения Восточного Берлина и Польши.

Харел поделился своими подозрениями с Бен-Гурионом, но тот не придал его словам большого значения, заявив, что полностью доверяет Бееру. Однако Харел установил за Беером наружное наблюдение, в ходе которого было установлено, что он в последнее время изменил обычный образ жизни. Так, он начал часто посещать ночные бары и клубы в Тель-Авиве, делал своим многочисленным любовницам дорогие подарки и вообще тратил больше денег, чем зарабатывал. Все это укрепило Харела в мысли, что Беер находится в состоянии стресса, который испытывают активно работающие агенты.

Наблюдение за Беером продолжалось, и 28 марта 1961 года сотрудники наружного наблюдения «Шин бет» зафиксировали контакт Беера с пресс-атташе советского посольства Виктором Соколовым, установленным сотрудником советской разведки. В тот же день Беер был арестован. При обыске у него был изъят портфель с секретными документами, среди которых, в частности, находился подробный список израильских заводов, производящих военное снаряжение, а также выдержки из дневника Бен-Гуриона.

В ходе следствия было установлено, что биография Беера вплоть до 1939 года была сфальсифицирована. Израильтянам удалось установить, что некий Израиль Беер действительно проживал в Австрии. Но он был бедным студентом-евреем, никогда не состоял в «Шуцбунде», не учился в военной академии и не воевал в Испании. Более того, он бесследно исчез в 1938 году, именно тогда, когда его двойник отправился в Палестину.

Под давлением неопровержимых доказательств Беер признал факт сотрудничества с советской разведкой на-

чиная с 1956 года. Однако на суде, начавшемся в июне 1961 года, он отрицал свою вину, утверждая, что сотрудничал с советскими дипломатами в интересах государства Израиль из чувства патриотизма. При этом он заявил: «По моему мнению, нужно было сделать все, чтобы Израиль не попал в зависимость от западных держав. Я верил в одно: Израиль должен быть союзником коммунистических стран». Беер упорно настаивал на том, что хотел только наладить дружественные отношения между СССР и Израилем, а обвинения в шпионаже объяснял маниакальной подозрительностью и личной неприязнью со стороны руководителя «Моссада» Исера Харела.

Однако суд не принял во внимание доводы Беера и посчитал неопровержимыми доказательства его шпионской деятельности в пользу СССР. В результате он был осужден на 15 лет тюремного заключения. Находясь в тюрьме, Беер написал книгу «Проблемы безопасности Израиля», не потерявшую своей актуальности до сих пор, в которой доказывал вред односторонней ориентации Израиля на Запад. До самой своей смерти в тюрьме от сердечного приступа в мае 1966 года он продолжал настаивать, что был не шпионом, а патриотом Израиля, мечтавшим видеть свою страну не прозападной, а нейтральной.

В 1961 году сотрудники «Шин бет» нанесли еще один ощутимый удар по агентурной сети советской внешней разведки. Правда, на этот раз был разоблачен не израильтянин, а канадец — сотрудник Канадской королевской конной полиции (КККП) Рой Гуиндон.

Гуиндона завербовали в 1959 году в Москве, где он работал в посольстве под дипломатическим прикрытием. Будучи ловеласом, он попал в так называемую «медовую ловушку» и был вынужден начать сотрудничать с КГБ. Находясь в Москве, он передал своим операторам канадские дипломатические шифры и даже установил подслушивающие устройства в помещениях посольства.

Позднее он был переведен в Вашингтон, а затем в Тель-Авив. Там его телефон, как и телефоны всех других иностранных дипломатов, был поставлен на прослушивание. И вскоре сотрудники «Шин бет» зафиксировали его разговор с советским представителем. Израильцы передали сведения о несанкционированных контактах Гуиндона англичанам, а те в свою очередь проинформировали об этом КККП. В результате Гуиндон под благовидным предлогом был отозван в Оттаву, где признался в сотрудничестве с советской разведкой. Но так как он активно помогал следствию и полностью признал свою вину, его не стали привлекать к уголовной ответственности, а просто уволили из КККП.

Говоря о работе советской внешней разведки в Израиле в 60-е годы, надо отметить, что в это время резидентами в Тель-Авив продолжали назначать специалистов в области партизанской и диверсионной работы. Связано это было с тем, что, как уже говорилось, СССР начал поддерживать на Ближнем Востоке арабов, которые боролись с израильцами, в том числе и диверсионными методами. Так, с августа 1962 по сентябрь 1966 года легальным резидентом в Израиле был Иван Прохорович Дедюля. В годы Великой Отечественной войны он воевал в тылу немецко-фашистских войск и командовал в Белоруссии партизанской бригадой «Смерть фашизму».

Дедюля Иван Прохорович

Род. 18.09.1917. Полковник.

Родился в д. Осовец Минской губернии. В 1939 г. окончил литературный факультет Могилевского пединститута.

В 1939 г. призван в армию. Участник Великой Отечественной войны с первого дня, политрук роты. Был ранен, лечился в госпитале.

В мае 1942 г. в составе группы из 45 человек направлен в тыл врага под Минск для организации партизанского движения, ведения боевых действий и разведки. С осени

1942 г. — комиссар партизанского отряда «Смерть фашизму», с лета 1943 г. — командир одноименной партизанской бригады. После освобождения Белоруссии в 1944—1945 гг. работал в Смолевическом райкоме КП(б) Белоруссии.

В 1947 г. И. П. Дедюля окончил западный факультет Высшей дипломатической школы МИД СССР, после чего в 1947—1951 гг. работал в аппарате политсоветника при СВАГ, начальником консульского отдела в Дрездене.

В 1951—1954 гг. работал в центральном аппарате МИД СССР в ранге первого секретаря. С 1954 г. — сотрудник ПГУ КГБ СССР. Окончил трехмесячные курсы разведки.

В 1954—1957 гг. — помощник начальника, а затем начальник 2-го отдела Спецуправления ПГУ. В 1957—1962 гг. — помощник, затем заместитель резидента ПГУ КГБ в Австрии, работал под прикрытием должности сотрудника консульского отдела посольства, а позднее — консула.

С августа 1962 по 1967 г. — резидент в Израиле под дипломатическим прикрытием.

После возвращения в СССР — помощник председателя КГБ по разведке.

С 1985 г. — в отставке.

Автор книг «Лесная гвардия» (1968), «Партизанский фронт» (1978), повести «Неоконченное сражение», политического очерка «Германский вопрос и обеспечение европейской безопасности», статей и обзоров по вопросам внешней политики, по истории партизанского движения; закрытой монографии «Роль Израиля и его спецслужб в осуществлении политики США на Ближнем Востоке» (1983).

Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», юбилейными знаками «50 лет ВЧК-КГБ» и «60 лет ВЧК-КГБ».

В 60-е годы Израиль начал активно сотрудничать с Западом в военной области, открыто получая оружие из США, Англии и Франции. Участвовавшие пограничные

вооруженные столкновения на арабо-израильских границах и нагнетаемый в стране военный психоз свидетельствовали о том, что Израиль готовится к новой войне. В этих условиях резидентура внешней разведки прилагала максимум усилий для своевременного освещения происходящих процессов и событий. Так, в начале 60-х годов были установлены точные объемы поставок в Израиль военной техники: средних танков «М-48» и самолетов «Скайхок А4» из США, танков «Центурион» из Англии и самолетов «Мираж» из Франции. А в середине 1966 года был завербован агент, близкий к правительственным кругам Израиля, имевший доступ к информации о принимаемых решениях по военным вопросам.

Летом 1966 года тель-авивская резидентура внешней разведки направила в Центр доклад, в котором говорилось, что война на Ближнем Востоке может начаться в конце 1966 или середине 1967 года. Сообщал об этом и Яков Прокофьевич Медяник, с сентября 1966 года вновь назначенный резидентом внешней разведки в Тель-Авиве. Однако этим предупреждениям в Москве не придали особого внимания. Поэтому начавшееся 8 июня 1967 года наступление израильской армии было для арабов неожиданным. В результате в ходе так называемой «шестидневной войны» израильтяне разгромили войска Сирии, Иордании и Египта и захватили сектор Газа, Синайский полуостров, Голанские высоты, Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим. Советский Союз весьма болезненно отреагировал на поражение своих союзников на Ближнем Востоке. Вскоре дипломатические отношения между СССР и Израилем были вновь разорваны и восстановлены только в последние недели существования Советского Союза в октябре 1991 года.

В связи с разрывом в 1967 году дипломатических отношений с Израилем советская внешняя разведка в 70—80-х годах начала собирать по нему информацию — как с нелегальных позиций, так и с территорий других стран, прежде всего Египта, Сирии, Иордании и других арабских государств Ближнего Востока. Кроме того, были ус-

тановлены контакты с образованной в 1964 году Организацией освобождения Палестины, которую с 1969 года возглавил Ясир Арафат. Однако, как уже сказано, главный упор был сделан на разведчиков-нелегалов. Этому благоприятствовал постоянный приток в Израиль евреев-эмигрантов со всего мира. В результате советская внешняя разведка регулярно получала необходимую ей информацию о положении в Израиле и проводимой им политике.

Примером работы по Израилю с территории других государств могут служить действия агента ПГУ КГБ профессора Лавалевского университета (Канада) Хью Хэмблтона. Используя свое положение профессора экономики, Хэмблтон трижды — в 1970, 1975 и 1979 годах — приезжал в Израиль, где имел широкие контакты с израильскими учеными. Перед ним была поставлена задача собрать информацию по следующим вопросам:

- располагает ли Израиль ядерным оружием и как далеко продвинулись его контакты с ЮАР в области секретного сотрудничества по созданию атомной бомбы;

- каково состояние израильской экономики и ближайшие перспективы ее развития;

- какова демографическая ситуация в Израиле;

- какие расходы несет Израиль в связи с притоком эмигрантов (прием, образование, здравоохранение, организация рабочих мест, обеспечение жильем и т. д.);

- как должен действовать иммигрант, собирающийся открыть в Израиле собственный бизнес, и какой суммой денег он должен для этого располагать.

Последние вопросы были наиболее важны для успешного внедрения в Израиль разведчиков-нелегалов.

Хэмблтон успешно справился с поставленной перед ним задачей. В частности, он добыл неопровержимые свидетельства тайного сотрудничества Израиля и ЮАР в области создания ядерного оружия, а также материалы, говорящие о том, что израильская экономика находится в состоянии кризиса и поддерживается только благодаря американским субсидиям.

Следует добавить, что информация о ядерной программе Израиля и его сотрудничестве в этой области с ЮАР поступала не только от упомянутых выше Беера, Ситты и Хэмблтона, но и из других источников. Так, в начале 70-х годов аналогичные сведения были получены разведчиком-нелегалом Шамилем Хамзиным от агента Гарби, завербованного им еще во время работы в Японии.

На территории третьих государств происходила и вербовка граждан Израиля. Так, в 1983 году в Таиланде сотрудниками ПГУ КГБ был завербован отставной полковник израильской армии Шмуэль Левинсон. В свое время он занимал довольно высокий пост в министерстве обороны Израиля, был офицером связи с военным комитетом ООН, в 1967 году в период «шестидневной войны» участвовал в работе комиссии, наблюдавшей за прекращением огня между Израилем и Иорданией. После увольнения из армии Левинсон некоторое время работал в службе безопасности премьер-министра Израиля, а затем стал сотрудником военного комитета ООН в Таиланде. В течение восьми лет Левинсон передавал своим операторам сведения об израильской армии, а также материалы, к которым имел доступ в военном комитете ООН. Его контакты с сотрудниками ПГУ КГБ происходили за пределами Израиля: в странах Европы, а иногда даже в Москве. Однако, несмотря на все предосторожности, в мае 1991 года Левинсон был арестован израильской контрразведкой. Следствие по его делу продолжалось более двух лет, и в сентябре 1993 года он был осужден судом Тель-Авива к 12 годам тюремного заключения за шпионаж в пользу СССР.

Что касается работы в Израиле нелегалов внешней разведки, то о ней известно немного. Одним из наиболее успешных нелегалов был Маркус (Марек) Клинберг, чья трагическая судьба может служить примером жестокости спецслужб «демократического» Израиля.

Маркус Аврахам Клинберг родился в 1918 году в Варшаве в семье раввина. Однако для себя он решил выбрать

светскую карьеру и поступил на медицинский факультет Варшавского университета. Что же касается его политических взглядов, то он, не будучи коммунистом, поддерживал левые партии.

Когда в сентябре 1939 года Польшу оккупировали немецкие войска, Маркус по совету отца отправился на восток и оказался в Советской Белоруссии. То, что Клинберг увидел в первой стране социализма, было далеко от его идеалов, но здесь он получил возможность жить, а не быть убитым в гетто. Вскоре он получил советское гражданство, вступил в комсомол, продолжил образование на медицинском факультете Минского университета и летом 1941 года получил диплом врача.

После начала Великой Отечественной войны Клинберг был призван в армию и воевал в санитарных частях на Западном фронте. После ранения капитана медицинской службы Клинберга демобилизовали и направили в Пермь, а потом в Казахстан, где он работал врачом-эпидемиологом. В 1944 году его перевели в Москву, а затем в только что освобожденный Минск в министерство здравоохранения БССР на должность главного эпидемиолога.

Вероятно, именно в это время на Клинберга и обратили внимание сотрудники разведки НКГБ. Так или иначе, но уже в конце 1944 года он выезжает в Польшу, где узнает, что вся его семья была уничтожена в газовых камерах. Это был тяжелый удар, от которого ему помогла оправиться его коллега микробиолог Ванда Ясинская, чьи родители также погибли в Варшавском гетто. Вскоре Маркус и Ванда поженились, а в 1948 году эмигрировали в Израиль.

В Израиле Клинберг быстро сделал успешную карьеру. Он поступил на службу в израильскую армию, где очень заинтересовались собранными им в Казахстане данными по эпидемиологии, в частности о болезнях пшеницы и об их воздействии на организм человека. В результате в 1953 году Клинберг был назначен заместителем директора сверхсекретного Центра химических и

биологических исследований в Нес-Ционе под Тель-Авивом, который также носит название Института военной медицины. Научный центр в Нес-Ционе, официально занимающийся исследованиями в области генетики, представляет собой военно-медицинский комплекс, в котором ведутся разработки бактериологического и химического оружия для израильской армии, а его сотрудники находятся под неусыпным контролем контрразведки. О завесе секретности, до сих пор окружающей данное учреждение, свидетельствует тот факт, что его работу курирует непосредственно премьер-министр Израиля.

Помимо работы на армию Клинберг занимался и гражданскими исследованиями. Он был профессором медицинского факультета Тель-Авивского университета и заведовал кафедрой профилактической медицины. Благодаря своим исследованиям в области эпидемиологии, опубликованным книгам и сотням статей он получил мировую известность. Его неоднократно приглашали читать лекции в ведущие университеты мира, а Швейцарское научное общество поручило ему выпуск книг по эпидемиологии. Клинберг был человеком общительным, много путешествовал, имел друзей в разных слоях общества и при этом не скрывал ни своего советского прошлого, ни восхищения русским народом, ни своих политических симпатий к Советскому Союзу. Благодаря этому он прослыл в научных и политических кругах Израиля человеком левых взглядов.

Все это очень помогало Клинбергу как разведчику-нелегалу, поскольку он мог без подозрений покидать Израиль и встречаться со своими операторами в Европе. Дело в том, что после разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем в 1967 году у него не было возможности передавать свои донесения сотрудникам легальной резидентуры внешней разведки в Тель-Авиве. Поэтому он встречался со своими операторами только за пределами Израиля. Чаще всего такие встречи происходили в Швейцарии, куда он постоянно выезжал не только для научной деятельности, но и для лечения. Переда-

ваемая им информация носила исключительно важный характер. Недаром в ходе судебного процесса было отмечено, что Клинберг своими действиями нанес серьезный ущерб обороноспособности Израиля.

Причины, по которым Клинберг попал под подозрение израильской контрразведки, до сих пор неизвестны. На суде следователи «Шин бет» показали, что он продолжительное время находился под наблюдением контрразведки. Однако это заявление не вызывает доверия, так как ни одна контрразведка не допустит продолжительной работы иностранного агента в таком секретном учреждении, каким являлся Институт военной медицины. Скорее всего, правы те, кто считает, что Клинберга сдал один из бежавших в начале 80-х годов в США сотрудников ПГУ КГБ.

Также неизвестны и обстоятельства ареста Клинберга, произошедшего в начале 1983 года. Известно только, что в связи с занимаемым им высоким положением санкцию на его задержание дал лично премьер-министр Менахем Бегин. Вместе с Клинбергом была задержана и его жена, которую, правда, после допросов освободили. На состоявшемся в том же году закрытом судебном процессе Клинберга осудили на 20 лет тюремного заключения за шпионаж в пользу СССР.

О том, что Клинберг арестован и осужден, знали только несколько членов израильского правительства, сотрудники контрразведки, которые вели его дело, судьи, его жена и дочь Сильвия, адвокаты и четверо друзей. Только им было разрешено посещать его в тюрьме Ашкелон, где он содержался в одиночной камере под фамилией Гринберг. Но все они обязаны были хранить о случившемся полное молчание. Даже жена Клинберга была вынуждена заявить журналистам, заинтересовавшимся исчезновением ученого, что она не имеет о муже никаких известий.

Исчезновение видного ученого породило множество самых противоречивых слухов. Так, одни утверждали, что Клинберг во время поездки в Европу познакомился

с молодой женщиной и начал с ней новую жизнь, скрываясь от семьи и друзей. Другие считали, что он находится на лечении в частной швейцарской психиатрической клинике. А в 1985 году журналисты британской газеты «Обсервер», ссылаясь на неких анонимных друзей Клинберга, заявили, что он бежал в СССР. Интересно, что эту версию буквально на следующий день подхватила израильская газета «Хадашот», в которой была опубликована статья, где утверждалось, что Клинберг был соблазнен женщиной-агентом КГБ, передавал СССР секретную информацию, а сейчас находится в Москве.

После ареста Клинберга ПГУ КГБ начало осторожно зондировать почву для переговоров о его обмене или освобождении. С этой целью дочь Клинберга Сильвия, жившая во Франции, в середине 80-х годов обратилась к французскому адвокату Антуану Конта с просьбой официально обратиться за помощью в советское посольство в Париже. И через некоторое время начались секретные переговоры с участием израильтян, французов и восточных немцев. К 1988 году была достигнута договоренность об обмене Клинберга на арестованных западных разведчиков. Для согласования всех вопросов в Тель-Авив приезжал известный специалист по таким операциям восточногерманский адвокат Вольфганг Фогель. Но в связи с разразившимся в 1988 году шпионским скандалом, вызванным предательством сотрудника ПГУ в Израиле Александра Ломова (об этом ниже), обмен так и не состоялся. Второй раз был подготовлен трехсторонний обмен с участием Сирии, в ходе которого Клинберга должны были обменять на израильского летчика Рона Арада, находящегося в ливанской тюрьме. Но и на этот раз сделка сорвалась. Наконец, в 1990 году была принята еще одна попытка освободить Клинберга, на этот раз в обмен на находящегося в американской тюрьме агента «Моссад» Джонатана Полларда. Но и она закончилась неудачей.

Между тем состояние здоровья находящегося в тюрьме Клинберга стало ухудшаться. К началу 90-х годов он

частично утратил зрение и слух, а также перенес два инфаркта. А когда он узнал о смерти в 1990 году жены, то трижды пытался покончить с собой. В результате администрация тюрьмы была вынуждена провести обследование состояния его здоровья. Итоги этого обследования оказались неутешительными. В подписанном 9 декабря 1993 года профессором тель-авивской больницы Шоломом Шиболетом медицинском заключении говорилось, что у Клинберга грудная жаба, повышенное давление, аритмия, атеросклероз. Здоровье заключенного, констатировал Шиболет, в последние годы резко ухудшилось, и дальнейшее пребывание в тюрьме угрожает его жизни.

После этого в 1994 году была создана специальная комиссия из врачей и юристов, которая должна была принять решение об освобождении Клинберга, как отбывшего половину срока. Однако работа комиссии затянулась из-за противодействия «Шин бет», сотрудники которой утверждали, что Клинберг все еще является носителем государственных секретов. И только в сентябре 1998 года окружной суд города Беэр-Шева после неоднократных обращений Клинберга в Верховный суд Израиля с просьбами о досрочном освобождении в связи с состоянием здоровья принял решение выпустить его на свободу. Впрочем, освобождение 80-летнего ученого из тюрьмы не означало предоставления ему полной свободы. До сих пор он фактически находится под домашним арестом, круг его общения ограничен. А кроме того, он оплачивает расходы на содержание круглосуточной охраны, которая обходится ему в 100 тыс. долларов в год.

В 1987 году, через четыре года после ареста Клинберга, в Тель-Авиве был арестован еще один советский агент — Шабтай Калманович, начавший работать на КГБ еще до своего отъезда в Израиль.

Залман Генрихович Калманович (имя Шабтай он принял после приезда в Израиль) родился в 1948 году в Каунасе и эмигрировал в Израиль в 1971 году. Несмотря на то что Калманович имел диплом инженера, он посту-

пил в Иерусалимский университет, где выучил два языка: иврит и английский. Там же он познакомился с весьма известным в Израиле человеком — Бени Маршаком, отвечавшим за абсорбцию (обустройство) всех прибывающих из СССР евреев. Это знакомство стало первым шагом Калмановича на пути в высшие слои израильского общества.

Через некоторое время Калманович сумел установить деловые отношения с Монготе — президентом недавно образованного на территории ЮАР бантустана Бопутатсван (формально независимой от Претории республики) — и стал его торговым представителем в Тель-Авиве. Благодаря этому Калмановичу удалось получить контракты на строительство в Бопутатсване гостиниц, стадионов и, что самое главное, казино «Сан-сити». Поскольку в самой ЮАР в те годы игорный бизнес был запрещен, а казино находилось всего в 75 км от Иоханнесбурга, то сразу после открытия «Сан-сити» стало приносить Калмановичу огромные доходы. Значительную прибыль приносил ему и находившийся в Бопутатсване один из самых крупных в мире рудников по добыче платины.

Заработав таким образом огромное состояние, Калманович начал налаживать контакты в политических и военных кругах Израиля. Он сумел стать советником члена кнессета Самуэля Флатто-Шарона, поддерживал дружеские отношения с командиром спецназа израильской армии бригадным генералом Довом Томари, встречался с Голдой Меир, а также вступил в Рабочую партию, где работал в восточноевропейском отделе и отвечал за связи с советскими эмигрантами.

В течение семи лет Калманович успешно вращался в кругу израильских политиков, передавая в Москву информацию политического характера. Однако в 1987 году сотрудники «Шин бет» зафиксировали в Европе его контакты с установленным сотрудником КГБ. В результате в декабре 1987 года он был арестован, а через год был приговорен к 9 годам тюремного заключения за шпионаж в пользу СССР. Вот что рассказывал о ходе след-

ствия и вынесенном приговоре сам Калманович: «Я дружил с лучшим адвокатом Израиля Амноном Зихрони, и он взялся меня защищать. Мой адвокат договорился о так называемой юридической сделке: без суда, без предъявления доказательств, без показаний свидетелей мне дали девять лет тюрьмы. Такая сделка между адвокатом и прокуратурой абсолютно законна и часто происходит в мировой юридической практике.

После торга адвокат пришел ко мне в тюрьму и произнес: «Сейчас я тебе сделаю предложение, от которого у тебя в любом случае останется неприятный осадок. Прокуратура готова осудить тебя на девять лет. Если ты согласишься, то тебе всю оставшуюся жизнь будет казаться, что ты продешевил. Если бы мы боролись и прошли все судебные инстанции, может, и смогли бы добиться, скажем, семилетнего заключения. С другой стороны, если ты не согласишься на сделку и мы проделаем этот трудный путь, ты будешь всю оставшуюся жизнь жалеть, что не согласился».

Я не спал всю ночь — и согласился»⁸.

После вынесения приговора за досрочное освобождение Калмановича стали хлопотать многие известные в СССР и России люди, в том числе популярный певец Иосиф Кобзон, художник Илья Глазунов, вице-президент СССР Геннадий Янаев, министр внутренних дел СССР Борис Пуго, вице-президент России Александр Руцкой и другие. В 1990 году имели место конфиденциальные переговоры с участием американцев по поводу обмена Калмановича на арестованного в США агента «Моссад» Полларда, но они закончились безрезультатно.

В апреле 1993 года, после того как премьер-министром Израиля стал Ицхак Рабин, Калманович был досрочно освобожден. Он немедленно покинул Израиль и вернулся в Москву, где вновь начал заниматься бизнесом. При этом о своем аресте и всех связанных с ним обстоятельствах он старается не вспоминать.

Через год после ареста Калмановича по агентурным позициям ПГУ КГБ в Израиле был нанесен еще один

тяжелый удар. Впрочем, на этот раз случившееся было не заслугой израильской контрразведки, а следствием предательства сотрудника КГБ Александра Ломова, работавшего под прикрытием управляющего делами Русской православной церкви в Иерусалиме. Став в 1988 году на путь предательства, Ломов выдал «Шинбет» целый ряд агентов советской разведки. А в благодарность за это израильтяне передали Ломова вместе с женой сотрудникам ЦРУ, которые помогли ему скрыться в неизвестном направлении. Тем временем в Израиле по наводке Ломова были арестованы Роман Вайсфельд, Григорий Лондин, Анатолий Гендлер и Самуил Мактей.

Роман Вайсфельд выехал в Израиль из Одессы в 1980 году, пройдя перед этим соответствующую разведывательную подготовку. Оказавшись в Израиле, он сумел устроиться инженером-электриком на военно-морскую базу и регулярно, вплоть до своего ареста в 1988 году, передавал в Москву сведения о вооруженных силах Израиля. О важности добытых им материалов говорит тот факт, что суд приговорил его к 15 годам тюремного заключения, а о его аресте официальные правительственные источники Израиля ничего не сообщали в течение пяти лет.

Григорий Лондин, также арестованный в 1988 году, был приговорен за шпионаж в пользу СССР к 13 годам тюремного заключения. Однако в тюрьме его здоровье резко ухудшилось, и в конце 1996 года он был досрочно освобожден.

В том же году был арестован 47-летний инженер Анатолий Гендлер. Его обвинили в передаче СССР секретной информации об израильских ВВС и осудили на 15 лет тюремного заключения.

Что касается Самуила Мактея, работавшего в авиационной промышленности, то его арестовали лишь в начале 1991 года. По обвинению в шпионаже в пользу СССР он был приговорен к 7 годам лишения свободы и досрочно освобожден в 1995 году.

Продолжались шпионские скандалы, связанные теперь уже с российской разведкой, и в 90-е годы. Так, в июле 1996 года в Израиле был арестован по обвинению в шпионаже в пользу СССР и затем России Александр Редлис.

Он родился в 1954 году в Кишиневе и выехал в Израиль в 1978 году. Перед этим, по его словам, он согласился сотрудничать с КГБ и прошел соответствующую подготовку. После службы в инженерных частях израильской армии Редлис решил сделать спортивную карьеру. Будучи талантливым теннисистом, он успешно выступал за Израиль в международных соревнованиях и одно время даже являлся тренером израильской сборной по настольному теннису. Завершив спортивную карьеру, он устроился на работу инженером в отдел водоснабжения и канализации в муниципалитет одного из районов Тель-Авива, где и работал до самого ареста.

К выполнению разведывательных заданий Редлис приступил в 1981 году, когда освоился в новой для себя обстановке. Передаваемая им в Москву информация носила политический, экономический и военный характер. Первое время он передавал своим операторам собранные им сведения лично во время зарубежных спортивных поездок, а затем при помощи мощного радиопередатчика, который был обнаружен у него дома во время обыска. Впрочем, согласно его утверждениям, он прекратил сотрудничество с КГБ еще за 8 лет до своего ареста, в 1988 году. Однако это обстоятельство не помешало районному суду Тель-Авива осудить Редлиса за шпионаж в пользу иностранной державы.

Последний известный случай ареста иммигранта из России по обвинению в шпионаже имел место в феврале 1999 года. Тогда сотрудниками «Шин бет» был арестован 54-летний Валерий Каминский. Он эмигрировал в Израиль в 1977 году и работал техником по обслуживанию самолетов на базе израильских ВВС. После ареста ему были предъявлены обвинения в намеренном подрыве национальной безопасности, в слежке за еврейскими

подпольными активистами (до выезда из СССР) и многолетнем сотрудничестве с КГБ — как до приезда в Израиль, так и после. Кроме того, его обвинили в том, что он передавал в Москву информацию, которую узнавал от своего ничего не подозревающего сына, военнотружущаго одного из секретных подразделений израильской армии.

Однако адвокат Каминского Сасси Гец во время судебных слушаний заявила, что он был вынужден дать согласие на сотрудничество с КГБ, так как иначе его не выпускали из СССР. Кроме того, по утверждению самого Каминского, он прекратил с КГБ всякие отношения еще в 1993 году. Суд учел заявление адвоката, а также то обстоятельство, что обвиняемый во всем чистосердечно признался и активно помогал следствию. В результате в октябре 1999 года Каминский был осужден на 6 лет тюремного заключения.

Заканчивая рассказ об операциях советской внешней разведки в Израиле, следует привести слова Исера Харела, самого известного руководителя «Шин бет» и «Моссад». Этот многоопытный разведчик так охарактеризовал деятельность советских спецслужб: «Что касается эффективности КГБ и ГРУ, то их деятельность в Израиле была весьма успешной. Кроме того, на них работал и идеологический фактор: во всем мире существовали политические организации, рассматривающие СССР как бастион мира и прогресса. Их активисты были готовы служить Москве различными способами, включая и передачу разведанных»⁹.

Проникновение в НАТО

Победа Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне коренным образом изменила геополитическую ситуацию в мире. Возросший авторитет СССР, страны, которая внесла решающий вклад в разгром фашистской Германии, не мог не обеспокоить западных лидеров, опасавшихся утраты своего влияния в Восточной Европе и Азии. В результате бывшие союзники очень скоро стали врагами. А речь Уинстона Черчилля, принесенная им 6 марта 1946 года в военном колледже американского города Фултон, в которой он призвал к созданию военного союза англосаксонских стран для борьбы с мировым коммунизмом, положила начало открытому противостоянию ведущих западных держав и СССР. Это противостояние привело в дальнейшем к так называемой «холодной войне».

Сейчас почему-то принято считать, что западные державы после 1945 года были озабочены исключительно защитой собственного суверенитета от агрессивных намерений Кремля. Но это утверждение не выдерживает никакой критики. Согласно рассекреченным в настоящее время в США документам известно, что сразу же после окончания Второй мировой войны американское военное командование приступило к разработке военно-по-

литических планов ведения войны против СССР, получивших кодовое название «Тоталиту» (1945), «Труджен» (1948), «Троян» и «Оффтэкл» (1949). Но наиболее агрессивным был утвержденный в конце 1949 года президентом США Гарри Трумэном план под названием «Дропшот». Согласно ему, начало войны против СССР ориентировочно намечалось на 1 января 1957 года. К этому времени США предполагали иметь в своем арсенале не менее 300 атомных бомб и 840 стратегических бомбардировщиков, что позволило бы им стереть с лица земли наиболее крупные города и промышленные объекты Советского Союза.

Продолжением антисоветской политики явилось создание 4 апреля 1949 года по инициативе Вашингтона Организации Североатлантического договора (НАТО). В эту организацию вошли США, Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия и Франция. В 1952 году к НАТО присоединились Греция и Турция, а в 1955 году — ФРГ. В сентябре 1950 года в рамках НАТО были созданы Объединенные вооруженные силы, нацеленные на Советский Союз и другие социалистические страны. В этой ситуации советскому руководству как воздух была необходима достоверная и как можно более полная информация о военно-политических планах НАТО. Решение этой важной задачи было возложено на советскую разведку, как внешнеполитическую, так и военную.

Первые успехи по проникновению в НАТО советской внешней разведкой были достигнуты еще в период становления этой организации. К примеру, важную информацию об англо-американских консультациях относительно создания НАТО передавал в Москву член так называемой «кембриджской пятерки» Дональд Маклин, который в то время работал в британском Форин Оффисе (министерстве иностранных дел). Другой член «пятерки», Джон Кернкросс, после войны работавший в министерстве финансов Великобритании, в 1948 году был

направлен в отдел, занимающийся финансированием созданной на следующий год НАТО. Благодаря поступающей от него информации в Москве узнавали о структурах будущего блока раньше, чем они становились реальностью. Вот что вспоминает об этом оператор Кернкросса в 1947—1951 годах Юрий Иванович Модин:

«Джон Кернкросс ежедневно трудился над документами, в которых говорилось о будущих вооруженных силах НАТО и о пропорциональной доле вкладов на их содержание со стороны каждого члена. Он знал, какие войска будут у НАТО, каково их обеспечение и вооружение все до последней детали. А что еще важнее — в его руках оказалось точное расписание размещения командных структур на суше, на море и в воздухе. Одним словом, Кернкросс оказался в состоянии рассказать нам все о НАТО... Уже с самого начала мы знали все: сколько денег затрачено на создание американских баз в Турции, Норвегии, Исландии и Италии, каков размер английского вклада на экипировку, на содержание баз; сколько гражданских лиц занято на службе и каков размер их денежного довольствия; кто занимается поставкой продовольствия; во сколько обходятся базы в различных странах, каково их вооружение, сколько оно стоит и какая из стран их поставляла. Таким же образом мы получили подробную информацию о затратах на содержание армейских подразделений, размещенных в Западной Германии»¹.

Однако у советской внешней разведки были агенты и непосредственно в штаб-квартире НАТО, которая до 1966 года располагалась в Париже. Одним из таких агентов являлся француз Жорж Пак.

Жорж Пак родился в 1914 году в городе Шалон-сюр-Соан в семье простых ремесленников, что не помешало ему сделать блестящую карьеру. В 1935 году он поступил в педагогический институт и закончил его по специальности учителя итальянского языка. С 1940 по 1941 год Пак преподавал в Ницце, а потом, перебравшись в Марокко, работал в Рабате. Когда в 1943 году войска союзни-

ков высадились в Северной Африке, Пак отправился в Алжир, где присоединился к партизанам французского генерала Жиро. А затем при содействии своего институтского товарища Пьера Бутана он устроился редактором программ в отдел политической информации радио «Свободная Франция». В это время его начальником был Андре Лабат, министр информации возглавляемого генералом Шарлем де Голлем временного правительства «Свободная Франция», который еще до войны начал работать на советскую военную разведку.

В 1943 году на Пака, придерживающегося левых взглядов и откровенно симпатизирующего СССР, обратил внимание резидент ИНО НКГБ Николай Михайлович Горшков, работавший под «крышей» советника посольства СССР в Алжире. С помощью врача Имека Бернштейна, воевавшего в Испании, Горшков познакомился с Паком и, убедившись в его просоветской позиции, предложил сотрудничать с советской разведкой. Поскольку шла война и СССР был союзником Франции, Пак не нашел в предложении Горшкова ничего странного и до освобождения Парижа информировал его о политических планах временного французского правительства. Впрочем, скорее всего, основным мотивом, толкнувшим Пака на сотрудничество с советской разведкой, было его непомерное тщеславие. Со временем он стал считать себя не просто агентом, а важной исторической фигурой. Поэтому он считал неприемлемым для себя брать от советских представителей деньги, а на суде заявил следующее: «Я миролюбивый человек. Я не люблю русских, но я также убежден, что и американцы в силу своих довольно примитивных концепций являются опасными поджигателями войны. И тогда я подумал, что для предотвращения международного конфликта, который неизбежно привел бы к глобальной катастрофе, необходимо поддерживать паритет между ними. Именно эта движущая сила всегда вдохновляла меня!»²

После освобождения Франции Пак прибыл в Париж, где до 1945 года работал начальником канцелярии

министра военно-морского флота, а затем некоторое время в госкомитете по делам мусульман. С 1946 по 1948 год он был помощником начальника канцелярии у министра городского строительства и реконструкции Рене Коти, а в 1949 году его назначили сначала руководителем секретариата заместителя министра здравоохранения, а потом сотрудником секретариата премьер-министра Франции Бидо.

В 1951 году Пак на время уходит от государственной службы и начинает политическую карьеру, выставив свою кандидатуру на выборы в парламент в своем родном городе Шалон-сюр-Соан. При этом он выдвигает правую программу и даже пытается организовать кампанию против «антинационального коммунизма», не скрывая при этом своей неприязни к США. Потерпев на выборах поражение, Пак становится председателем Французской ассоциации за увеличение производства. Однако уже в 1953 году он возвращается в правительство, где последовательно занимает важные государственные посты: начальник канцелярии министерства торгового флота, технический советник госсекретариата по вопросам финансов и экономики и советник в министерстве промышленности и торговли.

В 1958 году Пак начинает интересоваться военными вопросами, и вскоре его назначают руководителем справочной службы французского Генерального штаба. А через три года он переходит на работу в Институт национальной обороны, где занимает должность начальника канцелярии. В октябре 1962 года Пака при поддержке министра кооперации Жоржа Горса, который ходатайствовал за него перед полномочным представителем Франции в НАТО Жаном Жюргенсоном, переводят в штаб-квартиру Североатлантического альянса в качестве помощника начальника пресс-службы.

Работая в разных министерствах и ведомствах IV Республики, Пак все время продолжал поддерживать контакты с советской разведкой. Первое время в Париже с

Паком по-прежнему встречался Горшков, который в 1946 году передал его на связь новому легальному резиденту внешней разведки в Париже Ивану Агаянцу. Опытный разведчик, Агаянц сразу определил такую черту характера Пака, как тщеславие, и успешно это использовал. Он заверял Пака в том, что передаваемая им информация докладывается на самый верх. Так же поступали и все последующие операторы Пака: Александр Алексеев, Сергей Гавричев, Алексей Тришин, Николай Лысенков и Василий Власов.

Агаянц Иван Иванович

28.08.1911 — 12.05.1968. Генерал-майор (1965).

Родился в г. Елизаветполь (до недавнего времени — Кировабад, ныне Гянджа, Азербайджан). Младший брат А. И. Агаянца. Окончил экономический техникум, после чего находился на комсомольской работе.

В 1930 г. переехал в Москву, где два старших брата работали в органах ОГПУ, и поступил на службу в ЭКУ ОГПУ. В течение нескольких лет избирался секретарем комитета ВЛКСМ ОГПУ.

В 1936 г. вступил в ВКП(б) и был переведен в аппарат внешней разведки. В этом перемещении сыграла свою роль исключительная способность И. Агаянца к изучению иностранных языков — он свободно владел французским, персидским, турецким и испанским языками, достаточно хорошо знал английский и итальянский, а также то обстоятельство, что его старший брат А. И. Агаянц уже работал к тому времени за границей по линии внешней разведки.

С 1937 г. И. Агаянц — на оперативной работе во Франции под прикрытием должности сотрудника торгпредства, а затем — заведующего консульским отделом полпредства СССР. После падения республиканского режима в Испании принимал участие в операции по выводу в СССР лидеров КПИ Хосе Диаса и Долорес Ибаррури. В 1939 г. присвоено звание лейтенанта ГБ.

После возвращения в Москву с 1940 г. выполнял обязанности начальника отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД, с

февраля 1941 г. — заместителя начальника отдела 1-го управления НКГБ СССР.

С августа 1941 г. — резидент, затем главный резидент внешней разведки в Иране. В 1943 г. во время проведения Тегеранской конференции руководил мероприятиями по выявлению и ликвидации нацистской агентуры, засланной для осуществления терактов против лидеров государств антигитлеровской коалиции. В августе 1943 г. в Алжире под прикрытием советского дипломата Авалова встречался с генералом Шарлем де Голлем, именно через Агаянца де Голль поставил вопрос о своем визите в Москву и встрече с И. В. Сталиным.

В 1943 г. И. И. Агаянц возвратился в Москву, где ему присвоили звание подполковника и затем направили на руководящую работу в центральный аппарат 1-го управления НКГБ-ПГУ МГБ СССР. С 1946 г. — резидент советской разведки в Париже. Под руководством И. И. Агаянца парижской резидентуре удалось добыть и передать в Центр большое количество важной политической информации, в том числе об организации Западноевропейского союза, а также провести ряд успешных «активных мероприятий».

Однако вскоре И. И. Агаянц по состоянию здоровья был отозван в Москву — сказался хронический туберкулез, которым он страдал с середины 30-х годов. С июля 1947 г. он начальник 2-го управления КИ, одновременно с мая 1949 г. — член КИ при СМ СССР (позднее при МИД СССР). С 1952 г. начальник отдела ПГУ МГБ СССР (по центральноевропейским странам). Впоследствии работал начальником кафедры ВРШ — Школы № 101. В 1959 г. назначен начальником управления «Д» — службы «А» («активные мероприятия»).

С 1967 г. И. И. Агаянц — заместитель начальника 1-го Главного управления КГБ СССР.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, многими медалями, знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности», орденами и медалями зарубежных государств. Имя И. И. Агаянца занесено на Мемориальную доску СВР России.

Лысенков Николай Петрович

9.12.1909 — 1956.

Родился в г. Балаково Саратовской губернии.

После окончания в 1934 г. Московского педагогического института им. Ленина до 1935 г. работал директором Балаковского педагогического техникума, после чего вернулся в институт и поступил в аспирантуру. Избирался секретарем комитета ВЛКСМ института.

В 1937 г. по партийной разнарядке Н. П. Лысенков был направлен на работу в органы НКВД. С 1939 г. — в 5-м отделе ГУГБ НКВД. В том же году командирован в Латвию в качестве оперативного работника резидентуры. Находясь в Риге, вел активную вербовочную работу, приобрел ряд важных источников информации.

В 1940—1941 гг. — сотрудник резидентуры внешней разведки в Финляндии. С началом Великой Отечественной войны возвратился в Москву в центральный аппарат 1-го управления НКВД СССР.

В 1943—1945 гг. Н. П. Лысенков — сотрудник резидентуры НКГБ в Иране, принимал участие в мероприятиях по обеспечению безопасности участников Тегеранской конференции — «Большой тройки» в ноябре — декабре 1943 г.

С 1945 г. он — заместитель резидента, а с 1947 г. — резидент парижской легальной резидентуры, действовал под прикрытием должности заведующего консульским отделом посольства СССР во Франции. Под его руководством были добыты важные документы, в том числе копия плана Маршалла.

С 1950 г. Н. П. Лысенков — начальник 2-го (европейского) управления КИ при МИД СССР. С 1952 г. он легальный резидент внешней разведки в Нью-Йорке, действовал под прикрытием должности заместителя постоянного представителя СССР при ООН. Несмотря на тяжелые условия работы, вызванные разгулом маккартизма, лично завербовал ряд источников, длительное время передававших важную документальную информацию стратегического характера о планах и намерениях США в отношении СССР.

В 1955 г. Н. П. Лысенков был отозван в Москву и назначен заместителем начальника управления ПГУ КГБ при

СМ СССР, однако в связи с тяжелой болезнью в том же году вынужден был уйти на пенсию и в 1956 г. умер.

Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями.

Пак полностью уверовал в свою миссию миротворца и в своей книге «Как вор», вышедшей в свет в 1971 году, рассказывая о берлинском кризисе 1961 года, писал:

«Шоссе были блокированы, воздушные коммуникации находились под угрозой, Хрущев проверял боеготовность союзников. Как раз в это время у меня состоялся разговор с советником посольства, с которым я периодически встречался. (На самом деле это был оператор Пака из КГБ. — А. К.) Он сказал мне, что правительство исполнено решимости довести свою политику до конца. Я возразил ему, сказав, что союзная сторона тоже настроена столь же решительно. Он спросил, смогу ли я предоставить ему письменное доказательство этого. Вот тогда я и передал ему упомянутые документы. Недели через две он сообщил мне, что если Хрущев и отступил, то только благодаря предоставленной мной информации. Я сделал это, чтобы сохранить мир, и благодаря мне мир был сохранен».

Начиная с 1943 года Пак снабжал советскую разведку разнообразной и важной информацией. К примеру, он передал биографии более 200 французских высокопоставленных чиновников, политических и общественных деятелей, дипломатов, журналистов и т. д. А когда он начал работать в штаб-квартире НАТО, ценность его информации резко возросла. Будучи ответственным за связи с прессой, Пак отбирал ту информацию о деятельности НАТО, которую можно было публиковать. Поэтому он имел доступ ко всем секретным документам, в том числе и проходящим под высшим грифом секретности «cosmic». За время работы в штаб-квартире НАТО в Париже он передал своим операторам сведения о военно-политических планах альянса в Западной

Европе, принципах построения отношений НАТО с Варшавским договором, о планах размещения в Турции американских радаров, а также разведбюллетени НАТО и западных спецслужб относительно СССР и его союзников.

Неизвестно, сколько еще времени Пак смог бы продолжать работать в качестве агента внешней разведки, если бы не предательство сотрудника ПГУ КГБ майора Анатолия Голицына. 22 декабря 1961 года он вместе с женой и дочерью бежал из Хельсинки в США, где поразил всех своими откровениями по поводу тотального проникновения агентов КГБ во все слои западного общества. Разумеется, не обошел Голицын и НАТО, заявив, что там действует советский агент, внедренный на такую высокую должность, что в любой момент может передать КГБ любой натовский документ, включая и документы с грифом «cosmic».

Это заявление потрясло западные спецслужбы. Чтобы убедиться в его достоверности, Голицыну была устроена проверка. Его познакомили с 30 секретными досье НАТО, среди которых было несколько специально сфабрикованных фальшивок. Голицыну предложили указать на те досье, с которыми он ознакомился еще в Москве, работая в отделе НАТО ПГУ КГБ. Голицын не сделал ни одной ошибки. Все выбранные им документы были подлинными. Убедившись, что Голицын говорит правду, сотрудники УОТ (Управление охраны территории — DST — французская контрразведка) начали поиск советского агента.

После многомесячного расследования список подозреваемых сократился со ста человек до четырнадцати, а потом и до пяти: четверых военных и одного гражданского. Биографии всех оставшихся в списке были изучены самым тщательным образом, но это не дало ни единой зацепки. Тогда сотрудники УОТ вновь обратились к Голицыну. Ознакомившись со списком, Голицын обратил внимание на фамилию Пака, но не мог вспомнить, при каких обстоятельствах слышал ее. Но даже столь неопре-

деленная зацепка позволила УОТ взять Пака в оперативную разработку.

Однако блестящий послужной список Пака не давал ни малейшего повода заподозрить его в шпионаже. Не были ясны и причины, по которым он мог бы пойти на сотрудничество с КГБ. Хотя он и слыл противником США, но в свое время возглавил в родном городе Шалон-сюр-Соан кампанию против «антинационального коммунизма». Его жена имела достаточно большое личное состояние, поэтому версия о материальной заинтересованности отпадала. Для шантажа также не было причин: Пак не имел любовницы и гомосексуальных наклонностей. Его имя значилось только в одном из досье УОТ. В 1954 году его допрашивали в ходе расследования дела об утечке секретных материалов по французской обороне вьетнамцам во время войны в Индокитае. Этого оказалось достаточно, чтобы в начале августа 1963 года за Паком было установлено постоянное наблюдение.

В субботу, 10 августа 1963 года, наружное наблюдение зафиксировало поездку Пака в пригород Парижа, где его ожидал Владимир Хренов, второй советник представительства СССР при ЮНЕСКО, установленный УОТ как сотрудник резидентуры КГБ. Правда, контакт Пака с Хреновым не состоялся из-за того, что местная полиция в это время проводила операцию по поимке каких-то мошенников. Но это не помешало сотрудникам УОТ арестовать Пака вечером 12 августа при выходе из здания штаб-квартиры НАТО. Ему было предъявлено обвинение в шпионаже. После непродолжительного допроса под тяжестью улик Пак признался в том, что сотрудничал с советской разведкой.

В июле 1964 года Пак предстал перед судом по обвинению в шпионаже в пользу СССР. В ходе судебного процесса он продолжал утверждать, что сотрудничал с советскими представителями исключительно ради интересов Франции и сохранения мира. Перед вынесением приговора он, обращаясь к судьям, сказал: «Я подвер-

гался большому риску, чтобы обеспечить мир на земле. Я никогда не был советским агентом. Я не преклонялся ни перед советской культурой, ни перед культом марксизма. Я думал о высшей жертве в интересах Франции. Если, по-вашему, я был неправ — вам решать, но я считаю, что усилия, направленные на спасение людей, заслуживают иной участи, чем быть поставленным к стенке»³.

Учитывая тяжесть обвинения, ему грозила смертная казнь, однако он был приговорен к пожизненному заключению. Но уже через несколько месяцев этот срок сократили до 20 лет. А в мае 1970 года Пак был досрочно освобожден по личному распоряжению президента Франции Жоржа Помпиду, проведя в заключении в общей сложности 7 лет.

После окончания процесса западные спецслужбы пришли к выводу, что Пак не мог быть тем самым советским агентом в НАТО, о котором говорил Голицын. Дело в том, что Голицын бежал на Запад в декабре 1961 года, а Пак поступил на работу в НАТО только в октябре 1962 года. Но все усилия УОТ, ЦРУ и других спецслужб самостоятельно установить личность неуловимого агента не увенчались успехом. Ответ на вопрос — кто этот агент — был дан только в 1979 году, когда в Канаде арестовали Хью Хэмблтона, профессора экономики квебекского университета Лаваль.

Хью Джордж Хэмблтон родился в 1922 году в Оттаве, но детство провел во Франции. Его мать, ирландка по происхождению, испытывала интерес к Советской России и тем социальным преобразованиям, которые происходили в далекой стране. Она выучила русский язык, изучала российскую историю и постоянно вращалась в кругах русской эмиграции. Когда в 1937 году семья Хэмблтонов вернулась в Канаду, миссис Хэмблтон стала бывать на приемах, устраиваемых в советском представительстве, и принимала работников посольства СССР у себя дома. Ее привязанность к России передалась сыну, что и сыграло основную роль в его судьбе.

После окончания школы в 1940 году Хэмблтон уехал в Калифорнию изучать испанский язык. Но начавшаяся Вторая мировая война заставила его вернуться в Канаду, где он добровольцем вступил в ряды вооруженных сил «Свободной Франции», возглавляемые генералом де Голлем. Вскоре его направили в Алжир, где он служил в Главном управлении разведки — сказалось знание им четырех языков. В 1945 году Хэмблтона откомандировали в Баварию в разведотдел 103-й дивизии американской армии в качестве офицера связи. Позднее он добился перевода в разведуправление канадской армии, где занимался допросами немецких пленных и анализом поступавшей разведывательной информации об оккупированной Германии. Таким образом, до своей демобилизации из армии Хэмблтон успел побывать офицером разведки трех стран: Франции, Канады и США.

После окончания Второй мировой войны Хэмблтон вернулся в Оттаву, где продолжил образование в Оттавском университете и в 1950 году получил ученую степень магистра экономических наук. Под влиянием своей матери и впечатлений войны Хэмблтон увлекся идеями коммунизма и даже начал посещать митинги, организуемые Компартией Канады. В 1951 году во время очередного митинга на него обратил внимание один из руководителей канадских коммунистов Гарри Бейкер, поддерживающий связь с легальной резидентурой советской внешней разведки в Оттаве. Он сообщил о Хэмблтоне резиденту Владимиру Павловичу Бурдину, который официально числился первым секретарем советского посольства, и рекомендовал привлечь его к разведывательной деятельности.

Бурдин Владимир Павлович

Род. 6.11.1922. Генерал-майор.

В годы Великой Отечественной войны являлся помощником командира взвода военно-инженерного училища в Костроме, принимал участие в обороне Ленинграда. В

1943 г. окончил оперативные курсы ВШ НКГБ и после непродолжительной работы в центральном аппарате направлен в Канаду, где успешно трудился сначала оперативным работником, а затем — резидентом (под прикрытием должности первого секретаря посольства до начала 50-х гг.). После завершения работы в Канаде был заместителем начальника отдела нелегальной разведки. С января 1967 г. начальник 11-го отдела КГБ при СМ СССР (по связям с органами безопасности соцстран). В 1968 г. после передачи этого отдела в ПГУ оставался его начальником до 1982 г. С 1982 по 1989 г. — руководитель представительства КГБ при МВД Чехословакии. Уволен в отставку по возрасту в 1990 г. В настоящее время является первым заместителем председателя правления РОО «Ветераны внешней разведки».

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также наградами социалистических стран.

Хотя Бейкер и поручился за идеологическую надежность Хэмблтона, Бурдин поручил проверить его еще одному агенту из числа канадских коммунистов, проходившему под псевдонимом Священник. Тот также подтвердил, что Хэмблтон искренне сочувствует коммунистам и с симпатией относится к СССР, считая решающим его вклад в победу над фашистской Германией. После этого Бурдин приступил к вербовке Хэмблтона. Он стал бывать в доме матери Хэмблтона и на одном из вечеров был представлен ее сыну. В 1952 году между ними состоялся доверительный разговор, после которого Хэмблтон согласился сотрудничать с советской разведкой. Бурдин доложил о состоявшейся вербовке в Центр, где Хэмблтону был присвоен псевдоним Раймен.

В Москве Хэмблтона посчитали перспективным агентом и оказались правы. В 1954 году он приехал во Францию, чтобы защитить в Сорбонне докторскую диссертацию.

цию и продолжить научную деятельность в области экономики. Здесь его оператором стал сотрудник парижской резидентуры ПГУ КГБ Алексей Федорович Тришин. Он поставил перед Хэмблтоном задачу — после получения докторской степени устроиться на работу в штаб-квартиру НАТО.

В 1956 году Хэмблтон успешно защитил диссертацию и получил степень доктора экономики. После этого он предложил свои услуги ряду университетов и институтов. Было отправлено такое письмо и в штаб-квартиру НАТО, откуда вскоре пришло приглашение на предварительное собеседование. В ходе собеседования Хэмблтон сумел показать себя знающим специалистом и уже летом 1956 года приступил к работе в экономическом управлении НАТО. В штаб-квартире альянса Хэмблтон занимался анализом экономического потенциала стран — членов Североатлантического договора и имел доступ к самой секретной информации. Поэтому материалы, которые он передавал Тришину, отражали очень важные моменты политики западных стран: ядерную стратегию НАТО, создание перспективных систем вооружения, оценку последствий военного столкновения между Востоком и Западом и т. д. Для обработки материалов, поступающих от Радова (таков был новый псевдоним Хэмблтона), в парижской резидентуре было создано отдельное подразделение, а для их копирования оборудован специальный автофургон-фотолаборатория, где документы переснимались прямо на месте их передачи Тришину. Всего за время своей работы в НАТО в период с 1956 по 1961 год Хэмблтон передал более 1200 секретных документов и аналитических отчетов, включая имеющие гриф секретности «cosmic». Надо отметить, что так же, как и Пак, Хэмблтон отказался от денежного вознаграждения, а работал по идеологическим мотивам.

В мае 1961 года Хэмблтон уволился из НАТО и перешел на работу сначала в Лондонский институт экономики, а потом в Лавальский университет в Квебеке.

После этого значимость Хэмблтона как агента несколько понизилась, но информация, поступавшая от него, продолжала оставаться важной и точной. Так, в 1967 году он по заданию ПГУ КГБ составил аналитический отчет, характеризующий экономику континентального Китая, который получил в Москве самую высокую оценку. С 1970 по 1979 год Хэмблтоном было представлено три отчета, в которых убедительно доказывалось, что Израиль обладает ядерным оружием, а ЮАР способна производить его. Кроме того, он был единственным из известных в настоящее время советских агентов, с которым лично встречался в Москве председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. Эта встреча произошла в июне 1975 года на конспиративной квартире. В ходе продолжительного разговора Андропов задал Хэмблтону много вопросов по интересующим его проблемам, а затем лично поблагодарил за проделанную работу.

Провал Хэмблтона произошел в 1979 году, и случилось это не по его вине. Дело в том, что в 1977 году в результате предательства Гордиевского в США был арестован нелегал ПГУ КГБ полковник Людек Земенек, который проживал в Нью-Йорке под именем Рудольфа Германа. Федеральные агенты поставили Земенека перед выбором — либо он, его жена и старший сын Петер, также работавшие на КГБ, подвергаются аресту, либо он начинает сотрудничать с ФБР в обмен на отказ от судебного преследования. Земенек выбрал второе и стал агентом-двойником. Рассказал он и о Хэмблтоне, к которому его несколько раз посылали в качестве курьера. В результате Хэмблтон попал под наблюдение канадской контрразведки и в сентябре 1979 года был арестован по подозрению в шпионаже в пользу СССР.

Но так как Хэмблтон не совершал никаких противозаконных действий на территории Канады и не разглашал никаких канадских секретов, власти не решились передать дело в суд. Хэмблтону предложили в обмен на

отказ от судебного преследования дать показания о своей работе в качестве агента КГБ. Хэмблтон пошел на эту распространенную на Западе сделку с правосудием, но при этом постарался о многом умолчать. В результате следствие по его делу было прекращено и Хэмблтон остался на свободе. Но ему дали понять, что если он окажется, к примеру, в США или Англии, то его неминуемо ждет арест.

В течение трех лет Хэмблтон не покидал Канаду. Но летом 1982 года он неожиданно вылетел в Лондон, где был немедленно арестован сотрудниками МИ-5 прямо в аэропорту Хитроу. Говоря о причинах, побудивших Хэмблтона к этой поездке, автор многочисленных книг о КГБ американец Джон Баррон пишет: «Трудно сказать, почему Хэмблтон так поступил. Возможно, он полагал, что прошло уже так много времени после его службы в штаб-квартире НАТО, что английская служба безопасности просто забыла о нем. А может быть, чувство опасности даже после всего пережитого продолжало щекотать ему нервы. Или, скорее всего, он желал облегчить душу, рассказав обо всем британским контрразведчикам. А вернее всего, ему хотелось снова начать играть какую-нибудь заметную роль в таинственном мире разведки и он искал пути к этому»⁴.

Предположения Баррона выглядят по меньшей мере наивными. К тому же нельзя забывать и о том, что Баррон в своих книгах всегда высказывает точку зрения, выгодную американским спецслужбам. Более реальной кажется следующая версия. Западные спецслужбы были явно не удовлетворены показаниями Хэмблтона, которые он дал канадской контрразведке, и постарались выманить его из Канады, например пообещав ему полную неприкосновенность. Разумеется, обещания своего они не сдержали.

Так или иначе, но Хэмблтон был арестован и предан суду согласно действующему в Великобритании Закону о неразглашении государственной тайны. По этому закону

преступлением считается любой вид шпионской деятельности, направленный против Соединенного Королевства, независимо от срока давности.

Процесс над Хэмблтоном начался в ноябре 1982 года в Центральном уголовном суде Лондона Олд Бейли. Ему было предъявлено обвинение в передаче представителям СССР секретной информации, составляющей государственную тайну. Судебное разбирательство было долгим и утомительным. 6 декабря окончательно отчаявшийся и сломленный Хэмблтон признал свою вину, подтвердив, что начиная с 1956 года передавал советским гражданам секретные документы. Суд посчитал вину Хэмблтона доказанной и приговорил его к 10 годам тюремного заключения.

Жорж Пак и Хью Хэмблтон были наиболее значимыми из известных на сегодняшний день агентов советской внешней разведки, внедренных в НАТО. Однако информация о военно-политических планах Североатлантического альянса поступала и из других источников. В качестве примера можно привести операцию по проникновению в центр фельдъегерской связи американской армии, находившийся в парижском аэропорту Орли. Главную роль в этой операции сыграл агент советской внешней разведки Роберт Ли Джонсон.

Сотрудничество Джонсона с ПГУ КГБ началось в феврале 1953 года, когда он, будучи сержантом армии США, проходил службу в Западном Берлине. По причине конфликтов на службе и желания отомстить начальству Джонсон в начале года тайно перешел в Восточный Берлин, где обратился в советское посольство с просьбой о предоставлении ему и его невесте австрийке Хеде политического убежища в СССР. Позднее, объясняя свое решение, Джонсон говорил: «Я больше не хотел иметь ничего общего ни со службой, ни с американским образом жизни».

Узнав о том, что Джонсон является военнослужащим армии США, работники посольства передали его представителям внешней разведки КГБ. После продолжитель-

ной беседы они смогли убедить Джонсона вернуться назад к месту службы и начать работать на КГБ, получая при этом вторую зарплату.

Последний аргумент оказался решающим. Джонсон вернулся в свою часть и через некоторое время начал передавать своему оператору сведения об американских войсках, дислоцированных в ФРГ. Правда, эти сведения имели второстепенное значение. Однако вскоре ему удалось завербовать своего друга — сержанта Джеймса Аллена Минткенбау. Тот служил в отделе G-2 (разведка) берлинского штаба американских войск и обладал гораздо большими оперативными возможностями.

Из-за своей непредсказуемости Джонсон считался трудноконтролируемым агентом. Поэтому Минткенбау отделили от Джонсона и взяли на прямую связь. Затем Минткенбау тайно перебросили в Москву, где обучили основам разведывательного дела. Вскоре выяснилось, что отделение Минткенбау от Джонсона было весьма своевременным. В 1956 году Джонсон прервал свои контакты с КГБ, уволился из армии и вернулся вместе с Хеди в США. Там он решил обосноваться в Лас-Вегасе, где собирался выиграть в казино огромное состояние и стать известным писателем. Но ни одна из его фантазий так и не осуществилась: он проиграл все деньги, с горя запил и заставил Хеди заниматься проституцией. В результате к концу 1956 года у него не осталось никаких средств к существованию.

Тем временем руководство ПГУ КГБ решило вновь начать использовать Джонсона в качестве агента. Поэтому в январе 1957 года в фургончик, где жили Джонсон и Хеди, неожиданно заявился Минткенбау. Он передал Джонсону 500 долларов в качестве подарка от КГБ и предложил снова начать работу на советскую разведку. Для этого ему рекомендовали поступить в ВВС США и попытаться добыть информацию о размещении американских ракет. Джонсон предложение принял, но устроиться в ВВС не смог, так как там узнали о его пристрастии к алкоголю и связях с проститутками.

Только в конце 1957 года Джонсону удалось поступить на службу в сухопутные войска охранником на ракетных базах в Калифорнии и в Техасе. В течение двух лет Джонсон передавал Минткенбау различные документы, планы, фотографии и однажды даже образец ракетного топлива, которое он откачал из топливного бака. В свою очередь Минткенбау передавал эти материалы своему оператору Анатолию Афанасьевичу Елисееву.

В конце 1959 года Джонсона перевели из Техаса во Францию на американскую военную базу в Орлеане. Здесь его оператором стал сотрудник парижской резидентуры ПГУ Виталий Сергеевич Уржумов, который во время первой встречи с Джонсоном в Париже представился Виктором и передал ему 500 долларов в качестве подарка на Рождество. Однако и в этот период работать с Джонсоном было крайне сложно, так как у Хеди к тому времени стало проявляться психическое расстройство. Но Уржумов терпеливо шел к поставленной перед ним руководством внешней разведки цели: устроить Джонсона охранником в центр фельдъегерской связи армии США в аэропорту Орли. Этот центр, заинтересовавший советскую разведку в конце 50-х годов, занимался доставкой шифров, шифровальных машин и секретных документов, которые курсировали между Пентагоном, штаб-квартирой НАТО, американским командованием в Европе и 6-м флотом США. Среди документов, находившихся в центре, были ключи для шифровальных устройств, оперативные и мобилизационные планы НАТО и другие материалы высшей степени секретности.

Центр фельдъегерской связи размещался в небольшом бетонном здании без окон, с одной дверью, которая вела в помещение, где производилась разборка почты специальными делопроизводителями. Следующее помещение представляло собой огромный стальной сейф, запертый двумя стальными дверьми. Первая дверь запиралась массивной стальной переключиной с

двумя кодовыми замками на концах, вторая — на сложный замок, открывавшийся ключом. Кроме того, были предприняты и дополнительные меры безопасности. По инструкции, когда открывалась дверь сейфа, там должен был присутствовать офицер из охраны, а в помещении, где обрабатывали почту, постоянно находился охранник.

В начале 1961 года Джонсону наконец-то удалось устроиться охранником в центр. Таким образом он из рядового агента превратился в ценный источник информации с колоссальным разведывательным потенциалом. Началась кропотливая работа по изучению обстановки на объекте и подготовке условий для проникновения в находившийся в центре сейф. Прежде всего добросовестной службой Джонсон добился, чтобы его из охранников перевели в делопроизводители, которые иногда в выходные дни в одиночку дежурили в центре. После этого ему удалось сделать слепок с ключа от двери сейфа. А однажды один из офицеров, не надеясь на свою память, записал шифр на клочке бумаги, а потом по небрежности выбросил его в мусорную корзину. Так Джонсон узнал шифр одного концевой замка от другой двери. Код второго замка он установил с помощью рентгеновской установки, которую передали ему сотрудники оперативно-технического управления ПГУ КГБ, специально приехавшие для этого в Париж.

В ночь на 15 февраля 1961 года Джонсон впервые проник в хранилище, заполнил сумку пакетами с секретными документами и, покинув свой пост, направился на встречу со своим вторым оператором Феликсом Александровичем Ивановым. Иванов вручил ему точно такую же сумку с вином и закусками, после чего Джонсон срочно вернулся обратно в центр. Сумка же с документами была доставлена в резидентуру КГБ, где с пакетов были сняты печати, а документы перефотографированы. После того как печати на пакетах были восстановлены, Иванов в условленное время подъехал к аэропорту Орли, где его уже ждал Джонсон. Произошел повторный обмен

сумками, после чего секретные документы благополучно вернулись в сейф.

О важности этой операции говорит тот факт, что она с самого первого дня осуществлялась с личной санкции первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. И именно ему была доставлена первая партия полученных в Орли документов. А о характере добытых материалов генерал-лейтенант КГБ в отставке Виталий Григорьевич Павлов, в то время бывший заместителем начальника внешней разведки, отзывается следующим образом:

«В самом конце 1962 и начале 1963 года я исполнял обязанности начальника внешней разведки. Ее руководитель А. М. Сахаровский отправился на две недели в служебную командировку. Перед отъездом Александр Михайлович предупредил, что из Парижа ожидается чрезвычайно важная почта. Ее, наказал он, следует обработать без промедления, соблюдая максимальную секретность. После оформления материалы нужно было послать «наверх», в самую высшую инстанцию — Президиум ЦК КПСС. Когда вскрыли пакеты — надо сказать, что к обработке почты привлекали минимальное число сотрудников, если мне память не изменяет, двоих или троих, — не скрою, я был потрясен. Передо мной лежали копии строжайше секретных документов Пентагона и НАТО, где были указаны цели атомных ударов объединенного командования Североатлантического блока и войск США, расположенных в других районах мира. На территории Советского Союза должны были подвергнуться атомному нападению все наиболее крупные города. Такую же участь атлантисты уготовили большим населенным пунктам в союзных с СССР государствах, а также их западным соседям, включая ФРГ. Были написаны подробные сценарии военных действий. Существовали — сам это видел — планы ядерной войны против нашей страны. Цели распределялись между ядерными силами США, Англии и Франции. Атомные удары по союзным с Вашингтоном государствам намечались не только тогда, когда туда войдут русские, а до

того, так сказать профилактически, чтобы превратить эти страны в зону «выжженной земли». Были в почте и другие ценнейшие документы, например мобилизационные планы США и других натовских государств, шифровальные блокноты, используемые Пентагоном для связи с американскими вооруженными силами в Западной Европе»⁵.

Павлов Виталий Григорьевич

Род. 30.09.1914. Генерал-лейтенант.

Родился в Барнауле. С 1930 г. учился в школе ФЗУ, одновременно работал слесарем на паровозоремонтном заводе в Барнауле. В 1932 г. поступил на рабфак, а в 1933 г. — на дневное отделение автомобильного факультета Сибирского автодорожного института в Омске.

В январе 1938 г. с последнего курса института направлен на работу в органы госбезопасности. Выехал в Москву, где 1 марта 1938 г. был зачислен в штат НКВД. Окончил трехмесячные курсы в ЦШ НКВД СССР, затем ШОН ГУГБ НКВД, где учился вместе с будущим начальником внешней разведки П. М. Фитиным.

После окончания ШОН в сентябре 1938 г. В. Г. Павлов был распределен стажером в американское отделение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С ноября 1938 г. он оперуполномоченный, с февраля 1939 г. — заместитель начальника 1-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД. В 1940 г. вступил в ВКП(б).

С марта 1941 г. — заместитель начальника 2-го отделения 3-го отдела 1-го управления НКГБ-НКВД СССР. В апреле — июле 1941 г. выезжал в краткосрочную инспекционную командировку в США под прикрытием должности дипкурьера.

С апреля 1942 г. В. Г. Павлов состоит в резерве отдела кадров по должности заместителя начальника отделения. В июле 1942 г. направлен в Оттаву в качестве легального резидента НКВД под прикрытием должности первого секретаря и заведующего консульским отделом полпредства СССР в Канаде. В задачи В. Г. Павлова входили не только организа-

ция разведдеятельности в этой стране, но и обеспечение безопасности колонии.

В связи с бегством на Запад в сентябре 1945 г. шифровальщика оттавской резидентуры ГРУ И. Гузенко и начавшейся вслед за этим крупномасштабной антисоветской кампанией в канадской прессе, В. Г. Павлов и еще несколько советских дипломатов были объявлены персонами нон грата.

По возвращении в Москву находился в резерве назначения, затем — начальник отделения ИНФО ПГУ МГБ.

С августа 1947 г. В. Г. Павлов — старший помощник начальника 1-го отдела 5-го управления КИ при СМ СССР. С 1949 г. он старший помощник начальника, с 1950 г. — заместитель начальника, а с начала 1951 г. — начальник 4-го (американского) отдела 4-го управления (нелегальной разведки) КИ, курировал работу в США советского разведчика Р. И. Абея, отвечал за подготовку кадров для его группы и других нелегальных резидентур. В октябре — ноябре 1950 г. выезжал в спецкомандировку в Австрию и Чехословакию.

С января 1952 г. — начальник 1-го отдела 1-го управления ПГУ МГБ СССР.

С марта 1953 г. — начальник 13-го отдела, а с мая 1953 г. — заместитель начальника 1-го отдела ВГУ МВД СССР.

В марте — апреле 1954 г. В. Г. Павлов совершает вместе с агентом-нелегалом Л. Коэн секретную инспекционную поездку по нелегальным резидентурам в Австрии, Италии, Швейцарии, Франции и Бельгии под видом американского бизнесмена-антиквара.

После возвращения в СССР с июля 1954 г. — заместитель начальника, с 1959 г. — исполняющий обязанности начальника, а затем — начальник Спецуправления (НР) ПГУ КГБ при СМ СССР. В 1958 г. выезжал в служебные командировки в Мексику, Уругвай и Аргентину.

В 1961 г. В. Г. Павлов был назначен заместителем начальника ПГУ КГБ при СМ СССР, курировал Управление внешней контрразведки и три отдела: сотрудничества и взаимодействия с разведслужбами дружественных стран; оперативной техники; радиосвязи. Представлял ПГУ в На-

учно-техническом совете КГБ по оперативной технике и в Совете КГБ по пропаганде деятельности органов госбезопасности в СМИ, литературе и искусстве.

С марта 1966 по октябрь 1970 г. В. Г. Павлов — резидент ПГУ в Вене, действовал под фамилией В. Кедров и прикрытием должности советника посольства СССР в Австрии. С февраля 1971 г. — начальник Краснознаменного института № 101 ПГУ КГБ СССР.

27 апреля 1973 г. направлен в Варшаву руководителем представительства КГБ СССР при МВД ПНР. В 1984 г. вернулся в СССР. В 1987 г. вышел в отставку.

В настоящее время проживает в Москве. В 1996 г. издал книгу «Операция «Снег», посвященную своей жизни и работе.

Награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, Красного Знамени, Красной Звезды, медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», другими наградами.

Из всех документов, переданных Джонсоном, наиболее важными, по признанию американцев, были два: оперативный план главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе NR 100-6 (план ведения войны в Европе) и особая «памятка», в которой были указаны цели на территории Европы для нанесения ударов тактическими ядерными ракетами США. Кроме того, вполне возможно, что документы, которые передавал Джонсон, помогли разоблачить известного полковника ГРУ Олега Пеньковского, работавшего в это время на англичан и американцев. Дело в том, что информация о советских планах в Берлине, получаемая от Пеньковского, передавалась военному командованию США в Европе. В этих документах Пеньковский не назывался прямо, но был упомянут как «надежный советский источник» или «старший советский офицер». Этого было вполне достаточно, чтобы в контрразведке КГБ догадались о существовании предателя и активизировали его поиски.

Всего Джонсону удалось провести семь операций по выемке документов из сейфа. В 1962 году на второй день Рождества Джонсону передали поздравление лично от Никиты Сергеевича Хрущева и Совета Министров СССР. Ему также вручили 2000 долларов, сказав, что на них он может погулять на праздники в Монте-Карло. Но вскоре Джонсон стал забывать об осторожности, что чуть не привело в апреле 1963 года во время последней, седьмой, операции к провалу. Как обычно, эта операция была рассчитана с точностью до минуты. Но когда Иванов прибыл в условленное место, чтобы возвратить документы, Джонсона там не оказалось. Длительное ожидание ни к чему не привело. Приближалось время смены дежурных в центре, что неизбежно должно было привести к провалу важнейшей операции. Тогда Иванов принял неординарное решение — он подъехал к зданию фельдъегерской связи, увидел стоящий поблизости автомобиль Джонсона, открыл дверцу и положил на сиденье сумку с документами, после чего немедленно уехал в Париж. Все следующее утро прошло для Иванова и резидента Анатолия Ивановича Лазарева в страшном напряжении и ожидании. Наконец в условленном месте появился установленный Джонсоном сигнал, который означал, что сумка с документами благополучно возвращена в сейф. Позднее выяснилось, что после передачи документов Джонсон поужинал, неожиданно крепко заснул и проснулся только за 15 минут до окончания смены. Не зная, что делать, он бросился к своей машине и тут с облегчением обнаружил сумку с документами на сиденье. Схватив ее, он быстро вернулся в центр и положил документы в сейф. Едва он успел закрыть последний замок, как появился его сменщик.

После этого случая руководство советской разведки решило временно прекратить проведение выемок документов. Это решение было принято не только потому, что возникли опасения по поводу раскрытия операции, но и в связи с тем, что к апрелю 1963 года Джонсон уже

передал множество важных документов, которые позднее были использованы в активных мероприятиях.

Поэтому встречи с Джонсоном были на некоторое время прекращены. Но когда сотрудники парижской резидентуры ПГУ попытались снова установить контакт с Джонсоном, оказалось, что его перевели из Франции в США. Таким образом, советской разведке пришлось заново искать пути проникновения в центр фельдьегерской связи в Орли.

Лазарев Анатолий Иванович

18.06.1922 — 11.10.1993. Генерал-лейтенант.

Родился в г. Белая Церковь Киевской губернии. В органах госбезопасности с 1943 г. Резидент ПГУ в Париже в 1959—1966 гг. Начальник управления «С» ПГУ КГБ СССР (до 1974 г.). Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, медалями.

Что же касается Джонсона, то по возвращении в США он был направлен для дальнейшего прохождения службы в Пентагон, что открывало неплохие оперативные возможности. Но тут произошло неожиданное событие. 4 февраля 1964 года находившийся в служебной командировке в Женеве заместитель начальника отдела Второго Главного управления КГБ (внутренняя контрразведка) Юрий Носенко бежал в США. На допросах среди прочего он сообщил, что у советской разведки имеется важный источник в Париже, который передает секретные документы США и НАТО. Имя агента ему не было известно, но он рассказал о поездке во Францию группы сотрудников оперативно-технического отдела для обучения этого агента использованию рентгеновской установки для считывания кодов сейфовых замков.

Показания Носенко позволили агентам ФБР довольно быстро выйти на Джонсона. Но арестовать Джонсона они

не могли, так как у бюро не было достаточных доказательств его шпионской деятельности. Однако в середине 1964 года Хеди вдруг пригрозила Джонсону, что разоблачит его как советского агента. Тот испугался и неожиданно для всех пустился в бег. Это послужило для ФБР поводом вызвать Хеди на допрос, во время которого она не только рассказала о работе Джонсона на советскую разведку, но и выдала Минткенбау. А в ноябре 1964 года уставший скрываться Джонсон сдался ФБР в городе Рико (штат Невада) и во всем признался. В 1965 году он и Минткенбау, которого арестовали после признания Джонсона, предстали перед судом. Они были признаны виновными и приговорены к 25 годам лишения свободы каждый. В заявлении Пентагона по этому поводу говорилось: «Невозможно точно определить нанесенный нам ущерб. Некоторые потери непоправимы и не поддаются оценке... Не раскрой мы это дело, если бы началась война, потери вполне могли оказаться фатальными»⁶.

Свою жизнь Джонсон окончил трагически. 19 мая 1972 года во время свидания в федеральной тюрьме в Льюисбурге (штат Пенсильвания) 22-летний сын Джонсона Роберт Ли Джонсон-младший, тяжело переживавший случившееся, убил его ударом ножа.

Таковы наиболее удачные из известных операций советской внешней разведки по проникновению в секреты НАТО. Анализируя их, можно сделать вывод, что добывание материалов по Североатлантическому альянсу было комплексным, то есть агентурным и безагентурным. При этом документы, которые передавал советской разведке Джонсон, были, безусловно, исключительно важными и информативными. Но и материалы, добываемые Паком и Хэмблтоном, имели не менее важное значение. Вот что пишет по этому поводу Виталий Павлов:

«Здесь уместно отметить, что ценность материалов из американского диспетчерского центра при всей их исключительной важности, в свою очередь, не могла сравниться с разведывательной информацией, которую предоставлял по аналогичным проблемам живой человек,

агент Пак, сопровождая материалы своими сообщениями, комментариями и оценками.

Ведь в изложенных документах и планах, замыслах их авторов еще не вскрывалось то, как эти намерения реализуются, как к ним относились европейские военные и политические союзники США, какие возникали при этом коллизии, особые мнения, возражения и прочее. То есть человеческий фактор в разведывательной деятельности является важным, и никакие «мертвые» материалы в виде документов, планов, переписки еще не являются достаточными для вскрытия всей глубины их содержания и знания реальности претворения их в жизнь главными участниками излагаемых событий»⁷.

«Кроты» в спецслужбах США

Одним из главных направлений в деятельности любой разведки является приобретение агентов. И здесь важно не их количество, а занимаемое ими служебное положение и объем секретной информации, к которой они имеют доступ. В качестве подтверждения этого положения можно привести слова генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова, который с 1979 по 1991 год являлся начальником нелегальной разведки ПГУ КГБ. На вопрос председателя КГБ СССР Владимира Александровича Крючкова: «А сколько вообще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?» — он ответил: «Не так уж много, пять-шесть человек, а вся остальная агентура должна обеспечивать их, отвлекать от них внимание»¹.

Советская разведка всегда, с первого дня своего существования, понимала всю важность наличия надежного и высокоинформированного агентурного аппарата. Усилия, затраченные на приобретение такой агентуры, всегда окупались сторицей. Информация, поступавшая от агентов в правительстве, промышленности, банковской сфере различных государств, позволяла руководству страны быть в курсе всех тонкостей мировой политики. Но одним из приоритетных направлений деятельности

советской разведки всегда была вербовка агентов в спецслужбах зарубежных государств. Думается, говорить о необходимости такой работы излишне. А вот об успехах нашей разведки на этом поприще, особенно в США, стоит рассказать особо.

Начать надо с даты подписания президентом США Гарри Трумэном указа о расформировании Управления стратегических служб (УСС). Это произошло 20 сентября 1945 года, сразу после окончания Второй мировой войны. В результате первое в истории Америки центральное разведывательное ведомство прекратило свое существование. Но уже через четыре месяца, 22 января 1946 года, президентом США была подписана директива о создании Центральной разведывательной группы (ЦРГ), в задачу которой входил анализ и хранение полученных другими ведомствами разведанных. Но этим дело не ограничилось, и 8 июня 1946 была издана директива, наделяющая ЦРГ правом проведения за рубежом разведывательной и контрразведывательной работы по сбору информации, необходимой для национальной безопасности США. Логическим завершением этих бюрократических игр стало принятие в 1947 году Закона о национальной безопасности, по которому ЦРГ была преобразована в Центральное разведывательное управление — ЦРУ. Пункт А статьи 102 этого закона гласил:

«Этим актом учреждается Центральное разведывательное управление, подчиненное Совету национальной безопасности и директору центральной разведки, который будет являться главой данного Управления...»

С первого дня существования ЦРУ его главным противником считался СССР и его союзники. Точно так же относились к ЦРУ и советские спецслужбы. Поэтому вербовка сотрудников американского разведывательного ведомства была одной из приоритетных задач советской разведки. Первая удачная попытка проникнуть в ЦРУ относится к 1953 году и связана с вербовкой сотрудника московской резидентуры ЦРУ Эдварда Смита. Позднее внешней разведкой были приобретены и другие агенты в

этом американском разведывательном ведомстве. Среди них можно назвать Дэвида Барнетта, Уильяма Кампайлса, Эдвина Мура и некоторых других. Но наибольшие успехи были достигнуты во второй половине 80-х годов, когда с советской разведкой начали сотрудничать Эдвард Говард и Олдрич Эймс.

Эдвард Ли Говард родился 27 октября 1951 года в городе Аламогордо, штат Нью-Мексико. Его отец служил инженером-электронщиком в ВВС, а мать была домохозяйкой. После окончания средней школы Говард поступил на факультет экономики и международной торговли Техасского университета, который досрочно и с отличием закончил в мае 1972 года. В том же году он принял предложение Американского корпуса мира и отправился в Латинскую Америку консультантом небольшой фирмы. В 1973 году, находясь в Колумбии, он познакомился со своей будущей женой Мери, с которой вступил в брак по возвращении в США в 1976 году.

В марте 1979 года Говард лишился работы и с целью трудоустройства разослал свои анкеты по адресам разных фирм. Одна из анкет попала в отдел кадров ЦРУ, сотрудники которого в начале 1980 года пригласили его на собеседование. После прохождения многочисленных проверок и комиссий — на благонадежность, медицинской, психологической, на детекторе лжи — Говард был признан годным для работы в разведке и 28 января 1981 года зачислен в штат оперативного управления ЦРУ. В оперативном управлении его направили в отдел СССР и Восточной Европы, где он начал подготовку в качестве будущего оперативного сотрудника резидентуры ЦРУ в Москве.

Необходимо отметить, что отдел СССР и Восточной Европы всегда являлся (и до сих пор является) одним из самых секретных подразделений американских спецслужб. Он отвечал за сбор разведывательной информации и проведение тайных операций на территории СССР и стран социалистического лагеря (сейчас — на территории России и СНГ) и был разделен на несколько отде-

лений, из которых наиболее важными считались отделения СССР, Польши, Чехословакии и Венгрии, Румынии и Болгарии. В начале 80-х годов штат отдела насчитывал около 300 человек, которые образовывали своего рода замкнутую касту внутри оперативного управления.

К командировке в СССР готовили не только самого Говарда, но и его жену Мери, которая в это время работала секретаршей в ЦРУ. В Москву они должны были прибыть в качестве сотрудников американского посольства под чужими именами. Поэтому для Говарда были подготовлены документы на имя Роджера К. Шаннона. За время подготовки Говарда не только посвятили в суть практически всех методов, используемых московской резидентурой для проведения оперативных мероприятий, но и ознакомили со списком псевдонимов основных советских агентов, завербованных ЦРУ.

Весной 1983 года после завершения подготовки Говарду предложили пройти второй тест на детекторе лжи, что являлось рутинной процедурой перед выездом в зарубежную командировку. В ходе тестирования обнаружилось, что Говард скрыл свое пристрастие к наркотикам и склонность к мошенничеству, в результате чего он был уволен из ЦРУ. Позднее в отчете подкомитета по надзору и оценке постоянного специального комитета по разведке палаты представителей «Задачи контрразведки и безопасности США» по этому поводу было сказано, что Говарда не должны были вообще принимать на работу в ЦРУ. Но его приняли, несмотря на употребление наркотиков и алкоголя. Более того, увольнение было проведено отвратительно, об отставке и странном поведении Говарда не сообщили ФБР даже после обнаружения обмана. ЦРУ покрывало его более двух лет и продолжало это делать даже после того, как к делу подключилось ФБР².

После увольнения Говард вместе с женой уехал в штат Нью-Мексико и поселился в городе Санта-Фе. Его материальное положение было тяжелым, особенно после рождения в марте 1983 года сына Ли. Кроме того,

Говарда мучило чувство обиды за несправедливое, по его мнению, увольнение, которое прервало прекрасно начатую и, возможно, блестящую карьеру в разведке. Поэтому он принял решение связаться с советской разведкой и предложить ей свои услуги. С этой целью он в начале 1985 года выехал в Австрию, где обратился в советское посольство.

В посольстве Говарда приняли с распростертыми объятиями и согласились оплачивать его услуги. Работу с Говардом курировал лично начальник ПГУ КГБ Владимир Крючков. В течение длительного времени Роберт (псевдоним Говарда в ПГУ КГБ) рассказывал сотрудникам советской разведки об операциях ЦРУ против СССР. Он раскрыл методы оперативной работы ЦРУ в СССР, информировал о способах, используемых для проведения технической разведки, рассказал о проводимых так называемых активных мероприятиях ЦРУ. Но самое главное — он назвал псевдонимы нескольких важных агентов ЦРУ в СССР, указал, каким образом поддерживается с ними связь и сколько они получают за свою работу. Сведения, переданные Говардом, были щедро оплачены. На свой счет в одном из банков Швейцарии он положил 150 тыс. долларов, и значительная сумма была передана ему по возвращении в Америку.

Благодаря сведениям, полученным от Говарда, в СССР было пресечено несколько операций американской разведки. Но самым большим успехом советских спецслужб был арест Адольфа Георгиевича Толкачева, ведущего конструктора Московского НИИ радиостроения. Толкачев сам в 1976 году предложил свои услуги ЦРУ, подбрасывая записки в машины американских дипломатов в Москве. В Лэнгли долго считали его подставой КГБ и не решались вступить с ним в контакт. И только в сентябре 1978 года с ним вышли на связь. Это решение обернулось для ЦРУ величайшим успехом. Вплоть до самого ареста Толкачев передавал американцам секретные сведения о советских ВВС, разработках в области технологий «Стелс» и многие другие материалы. Он был од-

ним из самых засекреченных агентов ЦРУ. Об ущербе, который Толкачев своим предательством нанес нашей стране, говорит тот факт, что за переданные секреты он получил от ЦРУ 789 500 рублей наличными, а также имел в США на банковском счете 1 990 729 долларов.

Арестовали Толкачева 9 июня 1985 года, а 13 июня был задержан Пол Стромбаух, оперативный сотрудник московской резидентуры ЦРУ, действовавший под «крышей» второго секретаря посольства США в Москве. Его задержание было произведено в тот момент, когда он шел на встречу с Толкачевым, роль которого исполнял загримированный сотрудник КГБ. Через некоторое время Стромбаух был объявлен персоной нон грата, а Толкачев отдан под суд, который приговорил его к высшей мере наказания.

По злой иронии судьбы самого Говарда в том же году также выдали ФБР. Сделал это сотрудник советской внешней разведки. Эта история началась 1 августа 1985 года в Италии, когда во время командировки в Рим исчез заместитель начальника 1-го (американского) отдела ПГУ КГБ Виталий Сергеевич Юрченко. Позднее он утверждал, что его похитили на территории Ватикана сотрудники ЦРУ. В свою очередь американцы настаивали на том, что он сам пришел в посольство США в Риме и попросил политического убежища. Так или иначе, но Юрченко доставили в США, где он рассказал все, что ему было известно о работе КГБ против американцев. Так, с его помощью был раскрыт Рональд Пелтон, бывший работник АНБ США, который сам предложил свои услуги советской разведке. Другим советским агентом, разоблаченным с помощью Юрченко, стал Говард. В ходе допросов Юрченко рассказал о бывшем сотруднике ЦРУ, проходившем в ПГУ под псевдонимом Роберт, и сообщил о нем два важных факта. Во-первых, о встрече Роберта с представителями КГБ в Австрии и, во-вторых, что Роберт проходил подготовку для работы в московской резидентуре ЦРУ, но еще до начала командировки был уволен из разведки.

Дело о советском «кроте» было передано в ФБР, сотрудники которого быстро установили, что Робертом мог быть только Говард. За ним было установлено скрытое наблюдение, а 19 сентября 1985 года Джерри Браун из контрразведывательного отдела ФБР и бывший начальник Говарда в ЦРУ Томас Милз допросили его в Санта-Фе. В ходе допроса Говарду было предъявлено обвинение в контактах с КГБ, о которых, дескать, ЦРУ и ФБР стало известно от сбежавшего в Лондон в июле 1985 года бывшего исполняющего обязанности резидента КГБ в Англии Олега Гордиевского. Говард полностью отверг предъявленные ему обвинения. Прямых доказательств его вины у ФБР не было, и Говард был оставлен на свободе.

Почувствовав, что кольцо вокруг него сжимается, Говард принял решение бежать в СССР. 21 сентября 1985 года он с женой выехал на прогулку. Машину вела Мери, а Говард сел на заднее сиденье. Рядом с собой он положил манекен с надетой на голову бейсбольной кепкой, точно такой же, какая была на нем самом. На одном из поворотов он посадил манекен вместо себя, а сам выпрыгнул из машины в кусты. Следующие за машиной агенты ФБР не заметили подмены и вечером доложили начальству, что Говард с женой возвратились домой. После этого они продолжили наблюдение. Сам же Говард в это время вылетел в Хельсинки, откуда был переправлен в Москву. В Москве Говарда поселили на конспиративной квартире, после чего приступили к его опросу, который производил начальник ПГУ КГБ Владимир Крючков и опытный разведчик, в 1978—1982 годах бывший резидентом в Канаде, Владимир Иванович Мечулаев.

Бегство Говарда вызвало в ФБР и ЦРУ состояние шока. Его жена немедленно была подвергнута интенсивным допросам, в ходе которых сообщила следователям номер счета в швейцарском банке, на котором лежало 150 тыс. долларов, и рассказала о тайнике в пустыне штата Нью-Мексико, в котором было обнаружено еще

10 тыс. долларов. Специальный комитет по разведке палаты представителей конгресса США в уже упомянутом выше докладе обрушил шквал критики на действия ЦРУ в деле Говарда, назвав его «одной из наиболее серьезных потерь в истории разведки США». В докладе приводились слова начальника контрразведывательного отдела ЦРУ Гарднера Хатауэя, который признавал, что «то, что сделал Говард, имело для нас разрушительные последствия» и что Говард раскрыл КГБ «некоторые из наиболее важных операций, которые мы когда-либо проводили в Советском Союзе»³.

Тем временем находящийся в СССР Говард был окружен заботой и вниманием. Его поселили в закрытом поселке Жуково в 40 км под Москвой, где в его распоряжении был дом из пяти комнат, повар, горничная и круглосуточная охрана. А 7 августа 1986 года в «Известиях» было опубликовано следующее сообщение:

«В Президиум Верховного Совета СССР обратился гражданин США, бывший сотрудник ЦРУ Говард Эдвард Ли с просьбой о предоставлении ему политического убежища в СССР. Свою просьбу он мотивировал тем, что вынужден скрываться от спецслужб США, которые необоснованно его преследуют. Руководствуясь гуманными соображениями, Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу Говарда Эдварда Ли, и ему предоставлено право проживания в СССР по политическим мотивам».

Интересные замечания о личности Говарда оставил в своей книге хорошо знавший его Крючков. В частности, он пишет:

«Говард обладал широкой эрудицией, неплохо разбирался в экономике, финансовых проблемах, а бизнесмен он, как говорится, вообще от Бога. Имея денежные сбережения на счетах западных банков, Говард активно играл на разнице курсов валют и почти никогда не оставался в проигрыше.

С согласия Говарда несколько советских специалистов были ознакомлены с его методикой и приемами извлече-

ния выгоды из игры на валютной бирже и дали им высокую оценку. Практическую ценность имели и представленные им сведения о практике работы со вкладами частных лиц в банках некоторых западных стран. Пожалуй, лишь к политике он не только не питал никакого интереса, но даже испытывал какое-то отвращение»⁴.

Говард пользовался полной свободой и в 1987 году даже посетил Венгрию, где в июне в Будапеште дал интервью известному американскому писателю Дэвиду Уайзу, который на следующий год опубликовал книгу о нем. В 1989 году он встретился с американскими корреспондентами из газеты «Вашингтон пост» и рассказал им, что живет в загородном доме под Москвой вместе с двумя охранниками из КГБ, которые обеспечивают ему круглосуточную охрану.

В июле 1991 года по инициативе Крючкова, бывшего в то время председателем КГБ СССР, была предпринята попытка написать о Говарде книгу. В этой книге он «должен был предстать яростным противником американского империализма и неистовым борцом за мир, до глубины души влюбленным в советский народ». С этой целью бывшему сотруднику ПГУ КГБ Леониду Колосову, работавшему в свое время в Италии под «крышей» корреспондента «Известий», передали папку с рукописью Говарда под названием «Я пришел с миром», а потом организовали с ним личную встречу. Но известные события августа 1991 года не позволили осуществить этот замысел⁵.

Колосов Леонид Сергеевич

Род. 25.08.1926. Подполковник.

Родился в Москве. В 1942 г. семья эвакуировалась в Актюбинск вместе с Московским рентгеновским заводом, где Л. Колосов до 1944 г. работал фрезеровщиком.

В 1944—1946 гг. работал в Москве на оборонном НИИ № 627. В 1951 г. окончил валютно-финансовый факультет Московского института внешней торговли.

В 1951—1954 гг. Л. С. Колосов — старший консультант Валютного управления Министерства внешней торговли. В 1954—1958 гг. он работал в советском торгпредстве в Италии по линии МВТ, а в 1958—1960 гг. — в системе МВТ в Москве.

В 1960—1962 гг. — в ПГУ КГБ, подготовка к работе в Италии, учеба в Школе № 101 ПГУ КГБ. Защитил диссертацию «Внеэкономические связи Италии после Второй мировой войны», кандидат экономических наук (1962).

С августа 1962 по 1969 г. Л. С. Колосов — сотрудник резидентуры ПГУ в Италии под прикрытием должности собкора газеты «Известия».

4 августа 1969 г. уволен по собственной просьбе в запас в звании подполковника.

В 1970—1972 гг. Л. С. Колосов — собкор «Известий» в Италии. 12 мая 1972 г. награжден итальянской медалью «Золотой Меркурий» «за значительный вклад в укрепление дружеских связей между Итальянской Республикой и Советским Союзом».

В 1984—1989 гг. — собкор «Известий» в Югославии. Журналист-международник «Известий» и «Недели», автор ряда книг.

Август 1991 года отразился и на судьбе Говарда. Его переселили с дачи на московскую квартиру и лишили охраны. Это обеспокоило Говарда, особенно после того как в сентябре 1991 года начальник разведывательного отдела ФБР Томас Дьюхэдзуэй в интервью журналисту газеты «Вашингтон таймс» Биллу Герцу заявил, что США следует оказать нажим на СССР, настаивая на выдаче Говарда в обмен на экономическую помощь⁶.

Опасаясь выдачи или похищения его американскими спецслужбами, Говард в октябре 1991 года выехал в Венгрию. Однако власти США добились от венгерского правительства высылки Говарда, и он был вынужден под чужим именем в декабре 1991 года нелегально переехать в Швецию. Там он поселился в одном из пригородов Стокгольма и организовал небольшую фирму «Уэст-

стар», занимающуюся вывозом из стран СНГ леса и ввозом обратно товаров широкого потребления.

Но и в нейтральной Швеции спокойной жизни у Говарда не получилось. Сотрудники ФБР перехватили телефонный разговор Говарда с женой и вступили с ним в Швеции в контакт, предложив отказ от судебного преследования в обмен на полную информацию о работе на КГБ. Говард не согласился, и тогда ФБР сообщило шведской полиции безопасности СЕПО о его местонахождении в стране. В августе 1992 года сотрудники СЕПО Говарда арестовали по обвинению в шпионаже. Правда, уже в конце августа с него были сняты все обвинения, и он немедленно вылетел обратно в Россию, несмотря на то что США настойчиво добивались у шведского правительства его выдачи.

Дальнейшие следы Говарда в нашей стране теряются. Но, судя по тому, что в американской печати до сих пор не появилось сообщения о его аресте, можно предположить, что он находится на свободе. Удивительного в этом мало, так как в известных кругах не без основания считают, что он был советским агентом еще до того, как попал в ЦРУ⁷.

Вербовка Эдварда Говарда была большим успехом советской разведки в ее поединке с американскими спецслужбами. Но еще большей удачей оказалась вербовка в 1985 году ответственного работника ЦРУ Олдрича Эймса, на протяжении девяти лет снабжавшего советскую, а потом и российскую разведку самой секретной информацией из недр американских спецслужб. До сих пор так и неизвестно, что привело к провалу этого самого важного агента КГБ в ЦРУ и кто был тому виной. Но попытаться разобраться в этом все же стоит.

Олдрич Хейзен Эймс родился 26 мая 1941 года в городке Ривер-Фоллс, штат Висконсин. Его отец, Карлтон Эймс, в молодости преподавал историю в местном колледже, а мать работала учительницей английского языка в средней школе. В 1952 году Карлтон Эймс был приглашен на работу в ЦРУ и после соответствующей подго-

товки направлен в Бирму, где пробыл до 1955 года. Позднее он работал в аналитическом подразделении ЦРУ экспертом по Дальнему Востоку.

После окончания школы в 1959 году Олдрич Эймс поступил в университет в Чикаго, но вскоре переехал в Вашингтон, где продолжил обучение в Вашингтонском университете. В июне 1962 года он, так же как и отец, начинает работать в ЦРУ в должности аналитика архивного отдела оперативного управления. В его служебные обязанности входило чтение, кодирование и архивирование материалов, связанных с операциями американской разведки против восточноевропейских стран. Свою работу в ЦРУ Эймс рассматривал прежде всего как средство получить высшее образование, поскольку служба в управлении давала ему возможность оплатить учебу в университете Джорджа Вашингтона.

Эймс проработал в архивном отделе пять лет. Постепенно разведывательная деятельность стала все больше привлекать его, и поэтому он решил стать кадровым оперативным работником. Закончив в сентябре 1967 года университет со средним баллом «В» (четыре с минусом) и получив степень бакалавра искусств по специальности «история», Эймс в декабре 1967 года был зачислен в штат оперативного управления и направлен на учебу на «ферму». «Фермой» на жаргоне сотрудников ЦРУ называют учебное заведение, расположенное вблизи Вильямсбурга, штат Виргиния, где готовят будущих офицеров разведки. Школа находится в густом лесу и занимает 10 тыс. акров земли вдоль реки Йорк. Учащиеся, кадровые сотрудники ЦРУ, в течение 18 месяцев проходят здесь профессиональную подготовку. Официально школа ЦРУ имеет прикрытие военной организации под названием «Экспериментальный центр подготовки вооруженных сил, министерство обороны, Кэмп-Питтри».

В ноябре 1968 года после окончания обучения Эймса направили на работу в центральный аппарат отдела СССР и Восточной Европы (СВЕ) оперативного управ-

ления ЦРУ. В это время Эймс начал изучать турецкий язык. Тогда же он женился на своей давней подруге Нэнси Сегебарт. А уже через год его направляют в первую зарубежную командировку в Турцию в резидентуру ЦРУ в Анкаре. Там он действовал под прикрытием гражданского служащего ВВС США и должен был заниматься вербовкой агентов из числа граждан СССР и социалистических стран.

Но в Анкаре Эймс показал себя далеко не с лучшей стороны. Хотя он и смог завербовать двух турецких граждан, некоторое время передававших ему информацию о положении в Турции, но главной задачи так и не решил — все его попытки завязать контакты с представителями СССР заканчивались неудачей. Поэтому заместитель резидента Дьюи Клэрридж по окончании командировки Эймса в 1972 году дал ему отрицательную характеристику, аттестовав как негодного к оперативной работе сотрудника, который в дальнейшем может работать только в штаб-квартире в Лэнгли. «Эймс испытывает затруднения в работе «лицом к лицу» с незнакомыми людьми, которых нужно вербовать, — утверждал Клэрридж. — Он слишком замкнутая натура, чтобы работать успешным вербовщиком»⁸.

Эту аттестацию Эймс воспринял крайне болезненно и даже подумывал об увольнении из разведки, так как подобные характеристики являются крахом карьеры для оперативного работника. Но в конце концов он решил остаться в ЦРУ.

Вернувшись в 1972 году в США, Эймс приступил к работе в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли в отделе СВЕ, где занимался планированием и анализом операций и другой подобной кабинетной работой. Этот вид деятельности был ему ближе, и поэтому руководство отмечало Эймса как дельного и вдумчивого сотрудника. Так что неудивительно, что в 1974 году начальник латиноамериканского отделения СВЕ Хэвиленд Смит привлек его к работе с завербованным в Колумбии третьим секретарем советского посольства в Боготе Александром Огородни-

ком. Эймс был куратором Огородника до сентября 1974 года, когда тот был отозван в Москву.

Работа Эймса с Огородником настолько понравилась Смиуту, что он взял его с собой в Нью-Йорк для работы с другим советским агентом — сотрудником секретариата ООН Сергеем Федоренко. Контакты Эймса с Федоренко развивались очень успешно, и вскоре они даже стали друзьями. Об этом свидетельствует тот факт, что когда Эймс начал работать на советскую разведку, он не назвал Федоренко в числе других советских агентов, завербованных ЦРУ.

Работая с 1976 года в нью-йоркском отделении ЦРУ, Эймс получил доступ к информации о самых важных советских источниках ЦРУ. Например, он вместе с Дадлеем Хаасом был оператором Аркадия Шевченко, заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам в ранге чрезвычайного и полномочного посла СССР, который с 1976 года начал сотрудничать с ЦРУ. А когда 6 апреля 1978 года Шевченко принял решение остаться в США, Эймс был одним из тех, кто отвез его из Нью-Йорка на конспиративную квартиру за городом.

Многие бывшие сотрудники ЦРУ утверждают, что годы работы в Нью-Йорке были для Эймса самыми успешными. К нему благоволил начальник нью-йоркского отделения Родни Карлсон, и Эймс несколько раз получал повышение по службе. Тогда же у него появился первый постоянный знакомый из числа советских граждан, не являвшихся агентами. Это был руководитель нью-йоркского корпункта «Правды» Томас Колесниченко, с которым Эймс регулярно встречался и обедал. «Он оказался чрезвычайно интересным человеком, — вспоминал позднее Эймс. — Впрямую он ничему не учил меня. Но косвенно я узнал от него очень многое в том плане, что такое Советский Союз на самом деле»⁹.

В Нью-Йорке Эймс проработал до 1981 года. К этому времени начальник нью-йоркского отделения Карлсон предупредил его, что сотрудники ЦРУ не могут «безвылазно сидеть в Манхэттене», и предложил несколько вариантов

дальнейшей работы. В результате Эймс, отклонив предложения поехать в резидентуры ЦРУ в Лагосе (Нигерия) и в Москве, согласился на командировку в Мексику.

Приступив в октябре 1981 года к работе в резидентуре в Мехико в качестве старшего офицера, Эймс попытался зарекомендовать себя активным оперативником. Но и здесь вновь проявилась его слабость как оперативного работника — он не смог приобрести новых источников и довести до конца разработку переданных ему кандидатов в агенты. К этому времени относятся контакты Эймса с Игорем Шурыгиным, заместителем резидента КГБ в Мексике по линии «КР» (внешняя контрразведка), которого он пытался прозондировать на предмет вербовки. В течение двух лет они вместе завтракали, ужинали и выпивали, но из многочисленных отчетов о встречах с Шурыгиным, которые представлял Эймс своему начальству, вытекало, что скорее Шурыгин прощупывает Эймса на предмет вербовки, а не наоборот.

После неудачи с Шурыгиным Эймс старался по возможности не выходить из посольства, сократил до минимума число оперативных контактов и постоянно запаздывал с финансовой и оперативной отчетностью. В это время появляется и начинает быстро прогрессировать его привычка к употреблению спиртного. Вскоре Эймс уже был не в состоянии контролировать себя и выполнять даже незначительные задания после ленча с выпивкой. Тогда же произошло еще одно событие, оказавшее большое влияние на дальнейшую судьбу Эймса. В начале 1982 года у него начинается роман с атташе по культуре колумбийского посольства в Мехико Марией дель Россарио Касас Дупюи, его будущей второй женой.

Вопреки тому, что говорили о Марии Россарио после ареста, она не была «полуобезумевшей от жадности мещанкой и тряпичницей». В действительности она происходила из знатной колумбийской семьи и была знакома с тогдашним президентом Колумбии Хулио Сезаром Турбэ Алайя. После окончания американской школы в Боготе она некоторое время училась в Принстонском

университете, а затем в Университете Андов в Колумбии. Будучи высокоодаренной и образованной женщиной, она владела дюжиной языков и готовилась к защите докторской диссертации о диалектике Гегеля.

Эймс познакомился с Марией Россарио на одном из дипломатических приемов. Они начали встречаться, и вскоре Эймс сделал ей предложение. О его принадлежности к ЦРУ она узнала только тогда, когда ответила на его предложение согласием. Но это обстоятельство не изменило ее решение, и в 1983 году, когда срок командировки Эймса закончился, Мария Россарио отправилась в Вашингтон вместе с ним.

Несмотря на неудачную работу в Мексике, Эймс вернулся в Лэнгли с повышением и в 1983 году был назначен начальником контрразведывательного отделения отдела СВЕ оперативного управления. Рекомендовал Эймса на этот высокий пост его бывший начальник в Нью-Йорке Родни Карлсон. При всей кажущейся нелогичности этого шага следует учесть, что у Эймса были и свои сильные стороны. Так, он очень успешно справлялся с задачами, требующими глубокого анализа, умел сопоставить огромное количество фактов, обладал интуицией и изобретательностью при разработке и реализации сложных оперативных заданий. Как писал потом в своем докладе по «делу Эймса» генеральный инспектор ЦРУ Фредерик Хитц, «ему были присущи гибкость ума и интеллектуальная любознательность, желание заниматься самообразованием, причем в областях, выходявших за рамки его прямых служебных задач». Кроме того, не последнюю роль сыграло умение Эймса логично излагать свои мысли в оперативных документах и аналитических справках¹⁰.

Впрочем, меньшими были и его недостатки. Как уже говорилось, он постоянно опаздывал с финансовой и оперативной отчетностью или вообще их не предоставлял. Более того, он не информировал руководство о своих контактах и поездках за рубеж. За годы службы, предшествующие его новому назначению, Эймс несколь-

ко раз серьезно нарушал режим безопасности. Так, в 1976 году он забыл в вагоне метро портфель с секретными документами, а в 1983 году привел на конспиративную квартиру Марию Россарио, что привело к раскрытию других сотрудников ЦРУ. Его привычка к алкоголю к 1983 году стала хронической и оказывала негативное влияние на выполнение им служебных обязанностей. Несколько раз он в рабочее время пьяным засыпал в своем кабинете, о чем, кстати, было хорошо известно его сослуживцам. Впрочем, алкоголизм не считался в ЦРУ большим грехом, недаром тот же Фредерик Хитц отмечает в своем докладе, что «пьянство не было чем-то непривычным в оперативном управлении во второй половине 80-х годов и что выпивки Эймса не выделялись на общем фоне, поскольку были сотрудники с гораздо большей зависимостью от алкоголя»¹¹.

Так или иначе, но Эймс был назначен начальником отделения контрразведки и получил доступ к данным о всех операциях ЦРУ против СССР по всему миру. Участвовал он и в допросах бежавшего в США в августе 1985 года полковника ПГУ КГБ Виталия Юрченко. Тогда же, сразу после нового назначения, у Эймса начались материальные проблемы. Он жил с Марией Россарио, собирался на ней жениться и поэтому начал бракоразводный процесс с первой женой. Все это требовало больших денег, и вскоре Эймс влез в долги, которые составили 50 тыс. долларов. Именно к этому времени у него созрела мысль предложить свои услуги КГБ.

Попытаемся разобраться в причинах, побудивших сделать Эймса такой шаг. На Западе, и прежде всего в США, средства массовой информации изображают Эймса либо обычным корыстолюбцем, либо исполнителем воли его жены-латиноамериканки, с детства ненавидевшей янки. О Марии Россарио мы уже говорили. Что же касается Эймса, хотелось бы привести мнение Сергея Дивильковского, который в начале 80-х годов работал советником по информации посольства СССР в Вашингтоне и лично знал Эймса:

«К исходу 1984 года в лице Олдрича Эймса американская разведслужба имела в своих рядах сформировавшегося под влиянием жизненных коллизий и наблюдений (накопленных не в последнюю очередь за годы пребывания в Латинской Америке) диссидента. Другими словами, человека, полностью свободного от веры в то, что считалось идеалами, а было и остается набором пропагандистских клише, во имя которых якобы существует и действует ЦРУ. Человека умного, думающего, начавшего сознавать во многом несправедный, имперский характер внешней политики США и понявшего истинную цену прикрывавшего ее мифа о «советской угрозе». Наконец, интеллигента, накопившего изрядную дозу неприязни к «масскультуре» и прочим псевдоценностям «американского образа жизни»...

Воспринимая деятельность ЦРУ как «корыстный маскарад, затеянный бюрократами», а свое участие в нем как аморальное и унижительное, Олдрич Эймс вместе с тем в силу своего характера, амбиций и способностей был не лишен желания сыграть роль в мировой политике, воздействуя на ее центральное в ту пору звено — советско-американские отношения... Можно утверждать, что к сотрудничеству с представителями Советского Союза Эймса побуждало в том числе стремление реализовать вызревавшие элементы нового для него, истинно демократического и гуманного мировосприятия»¹².

Весной 1985 года Эймс добился, чтобы его задействовали в операции «Коршип», проводимой совместно ЦРУ и ФБР. Целью этой операции было развить успех в проникновении в советские спецслужбы, достигнутый после вербовки подполковника КГБ Валерия Мартынова и майора КГБ Сергея Моторина из вашингтонской резидентуры, завербованных в 1982 и 1983 годах. Эймс участвовал в операции под именем Рика Уэллса и встречался с сотрудниками советского посольства в Вашингтоне, осторожно прощупывая их на предмет вербовки. Среди его контактов были уже упомянутый Сергей Дивильковский и советник советского посольства в

Вашингтоне по вопросам разоружения Сергей Чувахин. Это обстоятельство, по мнению Эймса, благоприятствовало его замыслу.

16 апреля 1985 года Эймс должен был встретиться с Чувахиным в отеле «Мэйфлауэр», находившемся на расстоянии одного квартала от здания советского посольства. Перед встречей он напечатал записку следующего содержания:

«Я, Олдрич Х. Эймс, работаю начальником контрразведывательного подразделения в отделе СВЕ ЦРУ. Я служил в Нью-Йорке под псевдонимом Энди Робинсон. Мне нужно 50 тыс. долларов в обмен на следующую информацию о трех агентах, которых мы в настоящее время вербуем в Советском Союзе»¹³.

Эту записку Эймс вложил в конверт вместе со страницей из внутреннего телефонного справочника СВЕ ЦРУ, на которой подчеркнул свою фамилию. На конверте он написал: «Ген. Андросову. Резиденту КГБ» — и вложил его в другой конверт, без надписи. Эймс рассчитывал передать чистый конверт Чувахину во время ленча, предполагая, что когда тот позже вскрыет его и прочтет имя адресата на внутреннем конверте, то немедленно передаст его по назначению.

Эймс отправился на встречу в «Мэйфлауэр» точно к назначенному времени. Но Чувахин опаздывал на встречу более чем на 45 минут, и Эймс в нарушение всех правил пришел в советское посольство. Там он передал конверт охраннику и немедленно покинул здание. На следующий день Эймс доложил своему начальнику Дэвиду Мерфи о несанкционированном визите в советское посольство, объяснив его тем, что Чувахин не пришел на ленч.

Предложение Эймса было встречено в КГБ с энтузиазмом. Дело в том, что в последние годы советскую разведку часто преследовали неудачи и провалы, свидетельствующие о том, что в ее ряды проникли предатели. Поэтому вербовка начальника контрразведывательного отделения отдела СВЕ, работающего против СССР, была

даром небес. Разумеется, круг лиц, знавших об Эймсе, был резко ограничен. Так, в вашингтонской резидентуре об Эймсе знали только резидент Станислав Андреевич Андросов и его заместитель по линии «КР» (внешняя контрразведка) Виктор Иванович Черкашин. Более того, опасаясь утечки информации об Эймсе от возможных «кротов» в ПГУ КГБ, Черкашин не сообщил о нем в Центр шифрограммой, а сам вылетел в Москву и доложил лично Крючкову. Всего же из сотрудников КГБ настоящее имя ценного источника в ЦРУ знали только 8 человек:

Виктор Михайлович Чебриков (в 1982—1988 годах — председатель КГБ СССР);

Владимир Александрович Крючков (в 1975—1988 годах — начальник ПГУ);

Вадим Алексеевич Кирпиченко (в 1979—1991 годах — первый заместитель начальника ПГУ);

Леонид Владимирович Шебаршин (в 1989—1991 годах — начальник ПГУ КГБ);

Станислав Андреевич Андросов (в 1982—1986 годах — резидент ПГУ в Вашингтоне);

Виктор Иванович Черкашин (в середине 80-х годов — заместитель резидента в Вашингтоне по линии «КР»);

Владимир Иванович Мечулаев (оператор Эймса с 1985 по 1989 год);

Юрий Кареткин (оператор Эймса с 1989 по 1994 год).

Кроме них о контактах КГБ с Эймсом знали сотрудники МИД СССР Сергей Чувахин и Алексей Хренков. Даже первый директор СВР Евгений Максимович Примаков и первый президент России Борис Николаевич Ельцин знали только, что некий ценный источник в ЦРУ существует. Такие меры предосторожности были, как оказалось, далеко не лишними. Именно благодаря им Эймс смог пережить развал Советского Союза и таких руководителей КГБ, как Вадим Бакатин.

Вернувшись из Москвы, Черкашин попросил Чувахина пригласить Эймса в посольство. Этот визит состоялся 17 мая, и Эймс заранее предупредил о нем свое на-

чальство и ФБР. В этот раз Чувахин познакомил Эймса с Черкашиным, с которым он обговорил условия дальнейших контактов.

Последующие встречи Эймса с советскими представителями проходили с соблюдением всех мер предосторожности. Так, до тех пор пока он находился в Вашингтоне, с ним встречался исключительно Чувахин. Это было безопасно не только потому, что такие встречи не вызвали бы подозрения у начальства Эймса и ФБР, но и из-за того, что Чувахин, хотя и не был сотрудником КГБ, на дух не переносил американцев. Что касается затребованной Эймсом суммы 50 тыс. долларов, то она была выплачена при первой же встрече. А спустя некоторое время ему сообщили, что его услуги оценены в несколько миллионов долларов. Хотя Эймс и знал, что ему дадут много денег, он никак не ожидал такой щедрости. Впрочем, деньги не были выброшены на ветер. При помощи сведений, полученных от Эймса, были арестованы все агенты ЦРУ в рядах советских спецслужб, действующие аж с начала 60-х годов. О конкретных фамилиях будет сказано чуть позже.

Полученные от КГБ деньги (частями и старыми купюрами) позволили Эймсу рассчитаться с долгами и сделать Марии Россарио шикарные подарки к свадьбе, которая состоялась в августе 1985 года. Объясняя жене причину появления в доме крупных сумм, Эймс сказал, что его давний школьный друг, бизнесмен из Чикаго, помог ему сделать удачные инвестиции. Чтобы не вызвать подозрений у ФБР и коллег по работе, он, как уже говорилось, продолжал встречаться с Чувахиным в рамках операции «Кортшип» вплоть до своей командировки в Рим. Правда, при этом он не направлял в ФБР отчетов об этих встречах. В результате по прошествии 10 месяцев ФБР потребовало от ЦРУ дать ответ, почему не поступают сведения о запланированных и незапланированных контактах Эймса с работниками советского посольства. Но руководство ЦРУ оставило запрос ФБР без ответа.

В течение всего 1985 и в начале 1986 года Эймс усиленно занимался итальянским языком, готовясь к назначению в Италию, в римскую резидентуру. В Рим он приехал в середине 1986 года. Там, как и в прошлых командировках, ему не удалось достичь оперативных успехов. Он по-прежнему много пил, мало работал, часто засыпал прямо в кабинете после обеда, редко занимался оперативной работой лично и опаздывал с предоставлением финансовых отчетов. Находясь в Италии, он не прерывал контактов с КГБ. Его оператором в это время был уже упомянутый Владимир Мечулаев, а для прикрытия Эймс периодически встречался с сотрудником посольства СССР в Риме Алексеем Хренковым.

Во время встреч с Мечулаевым и Хренковым Эймс регулярно передавал им всю информацию об операциях и агентах ЦРУ, к которой имел доступ. Но двойная жизнь постепенно стала накладывать на него свой отпечаток. Именно в Риме в его семейной жизни появились серьезные проблемы. «Рик становился все более равнодушным, — вспоминала впоследствии Мария Россарио. — Он проявлял все меньший интерес ко мне и, так сказать, к сексуальной части наших отношений, что было для меня очень болезненно... Я решила, что Олдрич просто стал импотентом». Правда, родившийся вскоре сын отвлек ее от мыслей о проблемах с потенцией мужа¹⁴. В 1989 году Эймс возвращается в Вашингтон и вновь занимает пост начальника контрразведывательного отделения отдела СВЕ, получив, как и раньше, доступ практически ко всем секретам ЦРУ. На этой должности он проработал до октября 1990 года. Затем его перевели в контрразведывательный центр ЦРУ, где он стал заниматься аналитической работой, связанной с проникновением в КГБ. В августе 1991 года Эймс временно возвращается в отдел СВЕ начальником так называемой «рабочей группы по КГБ». В задачу группы входило окончательное разрушение КГБ СССР. В ЦРУ считали, что после известных событий августа 1991 года КГБ стал очень уязвим в политических и финансовых отношениях.

Поэтому перед оперативными работниками была поставлена цель добиться того, чтобы российский парламент сократил на 90 % бюджет ПГУ, которое занималось внешней разведкой. Но эта затея не увенчалась успехом, после чего группа в конце сентября 1991 года была ликвидирована, а Эймс получил назначение в Центр по борьбе с наркотиками ЦРУ¹⁵.

В Центре по борьбе с наркотиками Эймс начал работать с декабря 1991 года. Он отвечал за причерноморские страны и Балканский полуостров. В его задачу входила координация действий всех спецслужб США и сотрудничавших с ними зарубежных спецслужб, а также организация обмена информацией между ними. В этот период Эймс также продолжал сотрудничество с КГБ и передал своему новому оператору Юрию Кареткину секретные материалы из локальной компьютерной сети ЦРУ, к которой имел доступ. Разумеется, эти встречи всегда проходили за пределами территории США. Так продолжалось до его ареста 21 февраля 1994 года.

Как утверждают сотрудники ФБР и ЦРУ, аресту Эймса предшествовала кропотливая работа по выявлению предателя. Начало ей положили многочисленные провалы агентуры ЦРУ в СССР в 1985—1987 годах. Сначала в ЦРУ полагали, что провалы связаны с предательством Говарда, сбежавшего в СССР в сентябре 1985 года. Но вскоре стало ясно, что не все провалы можно отнести на его счет.

Первое время охота на «крота» носила спорадический характер. В декабре 1985 года директор ЦРУ Уильям Кейси отдал приказ принять все возможные меры по выяснению причин провалов. Во исполнение этого приказа в ЦРУ была создана специальная группа из четырех человек, которая занялась анализом всех имеющихся по этому вопросу материалов. Но в 1988 году работы по поиску «крота» были заморожены, так как в это время начал создаваться контрразведывательный центр и усилия контрразведки ЦРУ были сосредоточены на решении других вопросов, имевших, как тогда казалось, бо-

лее важное значение. ФБР также занималось поиском «крота», но первое время сконцентрировало внимание на последствиях предательства Говарда.

Но в 1991 году, после того как провалились несколько важных операций американской разведки, поиски «крота» возобновились с удвоенной энергией. Была создана совместная группа из сотрудников ЦРУ и ФБР, которая вновь проанализировала все произошедшие с 1985 года провалы. При этом в группе из-за извечной конкуренции между ФБР и ЦРУ начались трения. Они закончились скандалом, который устроил начальник вашингтонского бюро ФБР Роберт Брайант. Он обвинил сотрудников ЦРУ в сокрытии информации и пригрозил подать на ЦРУ в суд за «создание помех правосудию». На некоторое время поиск «крота» был приостановлен, пока «миротворцы» с обеих сторон не замяли конфликт.

К марту 1992 года круг подозреваемых сузился и основное внимание было переключено на Эймса. Выяснилось, что он еще в 1986 году был под подозрением, но тогда агент КГБ в Восточном Берлине передал ЦРУ информацию о том, что советские спецслужбы нашли доступ к центральному узлу коммуникаций, расположенному около Лэнгли, на военной базе в городке Варрентон. Поэтому расследование о причастности Эймса к провалам прекратилось, так и не начавшись. Кроме того, было установлено, что в 1986 и 1990 годах Эймс успешно прошел проверку на детекторе лжи. Но поскольку специалистам полиграфа не сообщили о подозрениях в отношении Эймса, тогда была проведена лишь «стандартная проверка», показавшая его благонадежность.

В результате было решено начать негласную финансовую проверку Эймса. К августу 1992 года путем сравнительного анализа было установлено, что имеется взаимосвязь между датами банковских вкладов Эймса и его встречами с советскими официальными представителями, которые были санкционированы руководством ФБР и ЦРУ в начале 1985 года в рамках операций «Кортшип». Выяснилось, что после возвращения из Рима Эймс ку-

пил себе дом в окрестностях Вашингтона — Арлингтоне — за 540 тыс. долларов наличными, переоборудовал его, а также произвел перепланировку земельного участка. В Колумбии на имя Марии Россарио были приобретены ферма и две квартиры — в Боготе и Картахене. Кроме того, Эймсами был куплен автомобиль «ягуар», предметы роскоши на сумму 455 тыс. долларов и скуплены на бирже акции общей стоимостью 165 тыс. долларов. Для помощи Марии Россарио в домашних делах с Филиппин была выписана прислуга. Некоторые сотрудники заметили, что многое изменилось и во внешнем виде Эймса, начиная от золотых коронок на зубах и кончая дорогими итальянскими костюмами и ботинками. Как говорилось по этому поводу в докладе уже упомянутого выше Фредерика Хитца, «совместные усилия ЦРУ и ФБР по анализу увенчались в марте 1993 года составлением документа, в котором делался вывод, что имело место агентурное проникновение в ЦРУ»¹⁶.

В начале мая 1993 года было решено начать уголовное расследование в отношении Эймса силами ФБР. 23 мая 1993 года Роберт Брайант поручил начальнику контрразведывательного отдела ФБР в Вашингтоне Лесли Уайзеру начать слежку за Эймсом. Для выполнения этого задания было выделено 8 агентов и большая группа техников и вспомогательных специалистов. В домашнем телефоне Эймса был установлен «жучок», а напротив его дома скрытая камера, снимавшая перемещения всех членов семьи. Кроме того, было организовано электронное наблюдение за домашним персональным компьютером Эймса. Но каким образом это было сделано — путем дистанционного снятия информации с экрана монитора или путем закладки «жучка», — специалисты ФБР не сообщали до сих пор.

В результате наблюдения за Эймсом и прослушивания его телефонных разговоров агентами ФБР было установлено, что летом 1993 года он, возможно, готовился передать своим операторам контейнер с информацией. В этот день за Эймсом было организовано плотное наблю-

дение, но ему удалось оторваться от «хвоста», и агенты ФБР не получили никаких доказательств. Тогда 15 сентября 1993 года была тайно произведена выемка мешка с мусором из дома Эймса, в котором была обнаружена порванная записка, написанная на желтом клочке почтовой карточки. Она гласила:

«Готов к встрече в Б 1 октября.

Не могу прочесть Север 13—19 сентября.

Если опять встретитесь со мной в Б 1 октября, просигнальте Северу.

Не было сигнала в Трубе.

Если не можете встретиться со мной 1 октября, просигнальте Северу после 27 сентября сообщением в Трубе»¹⁷.

Как выяснилось впоследствии, «Север» и «Труба» были названиями местонахождения тайников, «Б» — Боготой, столицей Колумбии, где 1 октября должна была состояться встреча Эймса со его операторами. «В сентябре 1993 года, — говорит в своем докладе Фредерик Хитц, — в бытовом мусоре в доме Эймса была обнаружена копия его оперативной записки русским, которая доказывала, что он шпион». Это было веское доказательство. А в ноябре 1993 года после поездки Эймса в Каракас сотрудники ФБР зафиксировали увеличение его банковского счета на 86 700 долларов. В результате в понедельник 21 февраля 1994 года ФБР арестовало Эймса недалеко от его дома, когда он возвращался с работы из Лэнгли. В этот же день чуть позже была арестована его жена Мария Россарио.

Арест Эймса вызвал политический скандал в Америке. В адрес ЦРУ посыпались обвинения в попустительстве и бездействии. Еще не выяснив, каков реальный ущерб от предательства Эймса, в Москву неофициально прибыли два высших чиновника ЦРУ — Дж. Макгаффин и У. Лоуфгрэн. Они потребовали признать факт работы Эймса на российскую разведку путем добровольного отзыва резидента СВР в Вашингтоне. Получив вежливый, но твердый отказ, американцы 26 февраля объявили пер-

соной нон грата Алесандра Иосифовича Лысенко — резидента СВР в Вашингтоне. Ответ России не заставил себя ждать. В понедельник 28 февраля персоной нон грата был объявлен резидент ЦРУ в Москве Джеймс Моррис. Вскоре страсти поостыли, и ЦРУ начало скрупулезный подсчет своих потерь. По окончании следствия было объявлено, что Эймс выдал 12 агентов ЦРУ и раскрыл более 50 операций ЦРУ против СССР и России. За это Эймс получил от КГБ, а затем и от СВР РФ 2,7 млн долларов. Уже гораздо позднее в вышедшей в 1997 году в США книге «Признание шпиона», посвященной Эймсу, ее автор Пит Эрли утверждает, что им было раскрыто 25 агентов ЦРУ. Постараемся внести ясность в этот вопрос и перечислим поименно всех агентов ЦРУ, арестованных после 1985 года:

1) Дмитрий Поляков — генерал-майор ГРУ, завербован в 1961 году. В 1986 году арестован и расстрелян;

2) Олег Гордиевский — полковник ПГУ КГБ, завербован СИС в 1974 году. В июле 1985 года был нелегально вывезен англичанами из СССР;

3) Леонид Полешук — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1974 году. В 1985 арестован и расстрелян;

4) Борис Южин — полковник ПГУ КГБ, завербован в 1975 году. В 1986 году арестован и осужден на 15 лет лишения свободы;

5) Владимир Пигузов — полковник ПГУ КГБ, завербован в 1975 году. В 1985 году арестован и расстрелян;

6) Сергей Бохан — полковник ГРУ, завербован в 1978 году. Будучи в 1985 году отозван в СССР, отказался возвращаться и бежал в США;

7) Владимир Поташев — научный сотрудник Института США и Канады АН СССР, завербован в 1981 году. В 1986 году арестован и осужден на 13 лет лишения свободы;

8) Валерий Мартынов — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1982 году. В 1985 арестован и расстрелян;

9) Сергей Моторин — майор ПГУ КГБ, завербован в 1983 году. В 1985 году арестован и расстрелян;

10) Геннадий Сметанин — полковник ГРУ, завербован в 1983 году. В 1986 году арестован и расстрелян;

11) Сергей Воронцов — майор Московского УКГБ, завербован в 1984 году. В 1985 году арестован и расстрелян;

12) Геннадий Варенник — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1985 году. Тогда же арестован и расстрелян;

13) Владимир Васильев — подполковник ГРУ, завербован в 80-е годы, в 1985 году арестован и расстрелян;

14) Олег Агранянц — сотрудник МИД СССР, завербован в 80-х годах. В 1985 году отказался возвращаться в СССР и попросил политического убежища в США;

15) Сергей Илларионов — сотрудник ПГУ КГБ, завербован в 1990 году. В 1991 году после получения указания вернуться в Москву тайно бежал в США;

16) Вячеслав Баранов — полковник ГРУ, завербован в 1989 году. В 1992 году арестован и осужден на 6 лет лишения свободы.

К этим шестнадцати нужно добавить Сергея Федоренко, единственного из известных Эймсу агентов ЦРУ, которого он не выдал КГБ и который в 1990 году попросил политического убежища в США, и некоего агента Моторка — разведчика одной из стран Варшавского договора, арестованного и расстрелянного в 1986 году. Кроме того, до сих пор существуют определенные сомнения относительно того, кто же помог разоблачить Адольфа Толкачева. Традиционно считается, что Толкачева выдал Говард, но он категорически отрицал свою причастность к этому делу. Таким образом, с определенной степенью уверенности можно говорить о 17 агентах ЦРУ, разоблаченных с помощью данных, полученных от Эймса.

Суд над Эймсом был закрытый и быстрый. Немаловажную роль в этом сыграло опасение ЦРУ и ФБР, что длительное судебное разбирательство с участием присяжных может привести к возникновению нежелательных вопросов. Например, спецслужбам придется отвечать, каким образом Эймс безнаказанно действовал в течение 9 лет. 28 апреля 1994 года Эймс был осужден на

пожизненное заключение за шпионаж и уклонение от уплаты налогов с суммы 2,7 млн долларов, полученной им от КГБ и СВР. Мария Россарио Эймс 23 октября 1994 года была осуждена на пять лет тюремного заключения за сообщничество в шпионаже и уклонение от уплаты налогов. Все имущество супругов: дом, машины, вклады в американских банках, пенсия Эймса и даже будущие гонорары за книги, фильмы или интервью, если они будут иметь место, — все это было конфисковано в пользу государства. Единственное, что осталось у Эймсов, — это имущество в Колумбии, на которое американские власти не смогли наложить руку. В конце 1994 года в городе Атланта состоялся аукцион, на котором было продано личное имущество Эймсов — кулоны с бриллиантами, диадемы с драгоценными камнями и т. д., всего 200 предметов.

Говоря о судебном процессе над Эймсом, хочется остановиться на одной фразе из обвинительной речи прокурора Федерального суда. «Они умерли, — заявил он, говоря о расстрелянных в СССР агентах ЦРУ, выданных Эймсом, — потому что Эймс хотел жить в доме стоимостью полмиллиона и ездить на «ягуаре».

Думается, что здесь прокурор переборщил. Не надо быть семи пядей во лбу, дабы понять, что все расстрелянные агенты были с точки зрения законов СССР, а затем и России такими же предателями и изменниками, каким стал Эймс с позиции американского правосудия. Они не меньше его, а может быть и больше, хотели материальных благ. Да и на путь предательства большинство из них встало гораздо раньше, чем Эймс. Поэтому создается впечатление, что основные тезисы своего выступления прокурор позаимствовал у Андрея Вышинского. Недаром данный пассаж прокурора вызвал откровенный смех у американских журналистов. Более прав в этом отношении сам Эймс, который в своей речи на суде сказал: «Я выражаю глубочайшую симпатию тем, кто пострадал от моих действий в Советском Союзе. Но мы сделали одинаковый выбор, и нас ждали одинаковые последствия».

В настоящее время Олдрич Эймс находится в тюрьме особо строгого режима Алленвуд, штат Пенсильвания, где числится под номером 40087-083. Первое время он содержался в одиночной камере размером 2,7 на 3,5 м, оборудованной душем, умывальником, туалетом, двухъярусной кроватью и небольшим письменным столом. После многочисленных просьб в середине 1996 года его перевели в двухместную камеру. Там соседом Эймса оказался другой бывший сотрудник ЦРУ Эдвин Уилсон, осужденный за продажу взрывчатых веществ Ливии. Несмотря на то что Эймс осужден по всей строгости закона, его бывшие коллеги питают к нему далеко не лучшие чувства. Один из них, пожелавший остаться неизвестным, сказал: «В свое время мы бы допросили его, вытянули бы из него все, что возможно, и предали смерти».

Споры о причинах провала и ареста Эймса не утихают до сих пор. Американцы продолжают настаивать, что арест стал возможен благодаря кропотливой работе спецгруппы ЦРУ и ФБР по выявлению «крота». Официальные представители российских спецслужб вообще не комментируют «дело Эймса», ничего не признают, но и не отрицают. И это правильно. Достаточно сказать, что в 1990 году бывший начальник внешней контрразведки ПГУ Олег Калугин, выступая на митинге в Краснодаре, заявил, что лично работал с Уокерами, агентами КГБ, арестованными в США в 1985 году. В результате их дело было пересмотрено и они получили дополнительные сроки заключения.

Неофициально бывшие сотрудники ПГУ КГБ винят в провале Эймса руководство КГБ, которое слишком поспешно реализовало его информацию о предателях в рядах советских спецслужб, после чего американцы пришли к выводу, что в ЦРУ действует советский «крот». Некоторые из них считают, что в случившемся виноват сам Эймс — он вел слишком шикарный образ жизни, а его легенда о происхождении денег легко проверялась. Но есть и такие, кто уверен, что Эймса предали в Моск-

ве. Так, например, считает генерал-лейтенант КГБ в отставке Николай Сергеевич Леонов, долгое время проработавший в ПГУ начальником аналитического управления и заместителем начальника разведки. Его мнение абсолютно категорично:

«Я могу с уверенностью предположить, что Эймса предали. И предали в Москве. Долгие годы я лично занимался технологией обеспечения связи с нашей агентурой в США. В течение десяти последних лет она срабатывала безупречно, была неуязвимой. Прокол был невозможен. Все эти рассказы о компрометирующих материалах против Эймса, якобы найденных в его мусорных ящиках, об обративших на себя внимание расходах рассчитаны на дураков. Эймса, как и Уокера, которого якобы предала жена, «сдали» в Москве. И сделали это лица, имевшие служебное отношение к делу Эймса»¹⁸.

Леонов Николай Сергеевич

Род. 22.08.1928. Генерал-лейтенант (1991).

Родился в д. Алмазово Рязанской области в крестьянской семье. С 1931 г. по 1934 г. воспитывался у своей тети в Москве. В 1934—1938 гг. снова жил в своей родной деревне, где закончил начальную школу. С 1938 г. жил и учился в школе в г. Электросталь Московской области. В 1947 г. закончил среднюю школу с золотой медалью и поступил в МГИМО. В 1952 г. был распределен в издательство «Иностранная литература», где работал переводчиком с испанского языка.

В апреле 1953 г. Н. С. Леонов был направлен в Мексику для углубления знаний испанского языка. По дороге в Мексику он познакомился с группой кубинцев, среди которых был Рауль Кастро.

В Мексике Н. С. Леонов поступил на филологический факультет столичного университета. Находясь в стране, он познакомился с Эрнесто Че Геварой и продолжал контактировать с кубинскими революционерами. В 1956 г. был выслан из Мексики.

С 1956 по 1958 г. Н. С. Леонов вновь работал в издательстве «Иностранная литература», одновременно учась в за-

очной аспирантуре Института истории АН СССР по курсу «история стран Латинской Америки». В 1958 г. был рекомендован во внешнюю разведку и поступил в Школу № 101 КГБ при СМ СССР.

В октябре 1959 г. во время учебы в школе Н. С. Леонов был направлен с миссией А. И. Микояна в Мексику на открытие советской выставки. В 1960 г. вместе с А. И. Микояном находился на Кубе, где восстановил контакты с кубинскими революционерами, пришедшими к власти. В 1960—1961 гг. работал в центральном аппарате ПГУ КГБ. С 1961 по 1968 г. находился в долгосрочной служебной командировке в Мексике под прикрытием должности третьего секретаря посольства.

В конце 1968 г. Н. С. Леонов назначен на должность заместителя начальника отдела в центральном аппарате ПГУ. Неоднократно выезжал в краткосрочные командировки в Перу, Панаму, Никарагуа, Афганистан и другие страны, выполнял ответственные поручения руководства ПГУ КГБ.

С 1971 г. — заместитель начальника, а с 1973 г. — начальник Информационно-аналитического управления ПГУ КГБ. В 1983—1991 гг. являлся заместителем начальника внешней разведки. В 1991 г. — начальник аналитического управления КГБ СССР.

В сентябре 1991 г. вышел в отставку.

Доктор исторических наук.

Награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями, знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Автор книги «Лихолетье».

Так это или нет, судить трудно. Остается только надеяться, что со временем мы узнаем истинные обстоятельства провала Эймса.

Предательство Олдрича Эймса было самым крупным поражением ЦРУ за всю историю его существования. После этого события последовала большая реорганизация главного разведывательного ведомства США, и мно-

гие американцы посчитали, что теперь проникновение иностранных спецслужб в ЦРУ полностью исключено. Но их ждало разочарование. Буквально через два года был разоблачен еще один «крот» российской разведки в ЦРУ — Гарольд Николсон.

Гарольд Джеймс Николсон родился в 1950 году в семье офицера американских ВВС и детство провел в переездах с одной военной базы на другую. После окончания школы он поступил на географический факультет университета штата Орегон, который закончил в 1973 году. Тогда же Николсон поступил на службу в ВВС и женился на студентке своей альма-матер Лауре. В 1980 году на способного лейтенанта ВВС обращает внимание ЦРУ. После обучения на «ферме» Николсон был направлен в резидентуру ЦРУ в Маниле. Там он в первый раз вступил в контакт с сотрудниками советской разведки, которых разрабатывало ЦРУ на предмет вербовки. После Манилы Николсон работал в резидентурах ЦРУ в Бангкоке и Токио, а в 1990 году был назначен резидентом в Бухаресте. Именно в Румынии стремительная карьера Николсона первый раз дала трещину, и виной тому была его жена. Лауре до смерти надоели постоянные переезды мужа с места на место, она хотела тихой семейной жизни дома, в Америке, где можно было спокойно растить троих уже подросших детей. В Бухаресте она отказывалась появляться с мужем на дипломатических приемах; где Николсону невозможно было находиться без жены. Участвовавшие домашние скандалы нарушили душевное равновесие Николсона, и начальство сочло за благо в 1992 году отозвать его из Румынии.

В конце 1992 года Николсона командировуют в качестве заместителя резидента в город Куала-Лумпуре в Малайзии. Лаура категорически отказалась ехать вместе с ним и подала на развод, который был окончательно оформлен годом позже — в августе 1994 года. Расходы, связанные с бракоразводным процессом, почти полностью разорили Николсона, а свое назначение в Малайзию он посчитал незаслуженным понижением. Вдобавок ко всему на Тай-

ланде Николсон завел дорогую любовницу, и ее тяга к роскоши также влетала ему в копеечку. В феврале 1994 года Николсон узнает об аресте Эймса, а вскоре его ставят в известность, что по возвращении в США ему предстоит работать в течение двух лет старшим преподавателем в школе ЦРУ под Вильямсбургом.

Все это, вместе взятое, подтолкнуло Николсона к сотрудничеству с СВР России. Конечно, основную роль в этом его решении сыграли денежные затруднения. Но нельзя сбрасывать со счетов и стремление самоутвердиться хотя бы таким образом, и обиду за незаслуженное понижение: работа на «ферме» дает гораздо меньше шансов отличиться, и поэтому оперативные сотрудники не горят желанием оказаться там. Здесь стоит также обратить внимание на следующие слова Николсона, сказанные им во время одного из допросов: «Я решил, что если они (русские. — А. К.) потеряли столь важного агента, им необходима адекватная замена». В этом плане интересен и псевдоним, выбранный Николсоном, — Невил Р. Стрейчи (Nevil R. Strachey), представляющий анаграмму слов «evils» и «treachery» — «злодеяния и предательство».

Весной 1994 года Николсон добился разрешения на вербовку сотрудника российской разведки, работавшего в посольстве России в Куала-Лумпуре. Это обстоятельство он использовал для того, чтобы предложить СВР РФ свои услуги, и в обмен на секретные материалы ЦРУ он пожелал получить материальное вознаграждение. Предложение Николсона было принято, и 30 июня, на следующий день после встречи с сотрудниками СВР, он отправил телеграфным переводом 12 тыс. долларов на счет кредитного союза в Юджине, штат Орегон. Это был его первый взнос в счет оплаты развода с Лаурой.

После возвращения в США Николсон начал работать на «ферме» старшим преподавателем. С этого времени в его поведении и укладе жизни коллеги начинают замечать странности. В декабре 1994 года он проводит отпуск в Таиланде, после чего переводит на свой счет в банке

28 тыс. долларов. В июне 1995 года он вновь проводит отпуск в Юго-Восточной Азии и опять кладет на свой счет 24 тыс. долларов. К этому времени в ЦРУ начинают замечать, что арест Эймса не прекратил утечку секретной информации к русским, и в управлении снова начинают искать «крота».

После дела Эймса ЦРУ потребовало от своих сотрудников предоставления ежегодных деклараций о всех финансовых операциях. Николсон подал такую декларацию в июне 1995 года, где указал, что его доход составил 73 тыс. долларов, которые он получил в качестве оклада в ЦРУ, что, естественно, не соответствовало действительности. В октябре — декабре 1995 года Николсон не прошел проверку на полиграфе. Сотрудник, проводивший проверку, пришел к заключению, что Николсон, вероятно, лжет, когда ему были заданы вопросы: «Скрываете ли вы свою причастность к иностранной разведслужбе?» и «Имеете ли вы несанкционированный контакт с иностранной разведкой?»¹⁹

Все эти факты послужили поводом к тому, что Николсона в январе 1996 года взяли в оперативную разработку сотрудники ФБР. В результате ими была установлена связь между частыми личными заграничными поездками Николсона и депозитами крупных сумм на его счета. Еще большее беспокойство вызвала просьба Николсона предоставить ему информацию по Чечне, которая, дескать, необходима ему для занятий с учениками. У контрразведки было другое мнение, и после этой просьбы он был поставлен под постоянное наблюдение.

В июне 1996 года Николсон вновь отправляется в отпуск в Сингапур. Но на этот раз за ним следуют агенты ФБР. В ходе слежки было установлено, что 27 июня Николсон встречался с представителями российского посольства и передал им некую информацию, а после возвращения в США положил на свой счет еще 20 тыс. долларов и подарил сыну на новую машину 12 тыс. долларов. Получив таким образом неопровержимые доказательства сотрудничества Николсона с российской раз-

ведкой, ЦРУ, чтобы подробнее узнать о его контактах, переводит его в июле 1996 года с «фермы» в отдел по борьбе с терроризмом. В это время агенты ФБР негласно проверили его персональный компьютер и установили, что имел место несанкционированный доступ к файлам по Чечне. А в сентябре 1996 года скрытые камеры, размещенные в служебном кабинете Николсона, зафиксировали, как он фотографировал секретные документы, забравшись под стол²⁰. Арестовали Николсона 16 ноября 1996 года перед посадкой в самолет, следующий рейсом в Цюрих, где у него должна была состояться встреча со своими операторами из СВР. Во время ареста в его портфеле были обнаружены копии секретных документов по России и Чечне. 18 ноября 1996 года в федеральном суде города Александрии, штат Виргиния, Николсону было предъявлено обвинение в заговоре с целью ведения шпионажа.

Первоначально Николсон категорически отрицал свою причастность к шпионажу в пользу России. Но 28 февраля 1997 года он признал себя виновным в передаче российским спецслужбам в 1994—1996 годах секретной информации, важной для обеспечения национальной безопасности США. За это, по его словам, ему было заплачено свыше 180 тыс. долларов. Окончательный приговор Николсону был вынесен 20 июня 1997 года: федеральный окружной судья города Александрии приговорил его к 23 годам тюремного заключения.

Не успела Америка успокоиться после дела Николсона, как буквально через месяц страну потрясло еще одно разоблачение советского «крота». 18 декабря 1996 года был арестован сотрудник ФБР Эрл Эдвин Питтс. Ему также было предъявлено обвинение в заговоре с целью шпионажа в пользу России и в прошлом Советского Союза.

Эрл Питтс родился в 1953 году в городке Урбан, штат Миссури, в семье фермера. В школе он был способным и старательным учеником и одно время мечтал стать журналистом, но позднее увлекся расследо-

ванием уголовных преступлений и после окончания школы поступил на юридический факультет местного университета.

В 1983 году 30-летний Питтс был принят на работу в ФБР и начал свою службу в отделении бюро в Миссури. Действительность оказалась совершенно не соответствующей его мечтам — безликая и нудная работа, провинциальный самодур-начальник, более чем скромный заработок (35 тыс. долларов в год). Все это не раз заставляло Питтса задумываться об уходе из ФБР. Но преподавателю колледжа, куда Питтс думал устроиться на работу, платили еще меньше, и он остался на службе в бюро, тем более что к этому времени он успел жениться.

В 1985 году Питтса перевели в нью-йоркское отделение ФБР, но направили не в отдел по борьбе с наркомафией, куда он стремился попасть, а в «группу 19», которая занималась выявлением сотрудников КГБ и ГРУ среди работников консульства СССР в Нью-Йорке и советской миссии при ООН. Перевод в Нью-Йорк сильно ударил по семейному бюджету Питтса, так как его зарплата осталась прежней, а расходы возросли. В результате, испытывая острую нехватку денег и сильное разочарование в работе, Питтс решил предложить свои услуги советской разведке.

Будучи человеком педантичным и скрупулезным, он точно определил одного из сотрудников нью-йоркской резидентуры КГБ и в первых числах июня 1987 года подбросил ему в машину записку с предложением о сотрудничестве. Однако ответа не дождался.

Второй раз вступить в контакт с сотрудниками КГБ Питтс попытался 15 июня 1987 года. В этот день он вел наблюдение в аэропорту имени Кеннеди за прибывающими в Нью-Йорк из Москвы советскими дипломатами. В одном из них он узнал Роллана Джейкию, которого в ФБР считали сотрудником советской разведки. Однако подойти к Джейкии Питтс не рискнул, так как его встречали сотрудники советской миссии при ООН. Тогда через несколько дней Питтс отправил по домашнему

адресу Джейкии письмо, в котором предлагал встретиться через две недели в библиотеке на 42-й улице. В конверт Питтс вложил страницу из телефонного справочника ФБР.

Встреча Питтса с Джейкией состоялась в назначенный день. Но так как Джейкия оказался «чистым» дипломатом, то он пришел на встречу не один. Джейкия представил Питтсу Александра Карпова, сотрудника линии «КР» (внешняя контрразведка) нью-йоркской резидентуры КГБ, и немедленно удалился. Во время первой встречи с Карповым Питтс передал ему список сотрудников советских учреждений в Нью-Йорке, подозреваемых в шпионаже, а также обговорил условия дальнейшей связи и порядок оплаты информации.

Разумеется, сведения, передаваемые Питтсом, имели гораздо меньшее значение, чем данные, получаемые от Эймса. Но зато они позволяли нью-йоркской резидентуре точно знать, за кем из сотрудников установлено наблюдение и какие провокации против советской колонии готовят в ФБР. В обмен на поставляемые материалы Питтс во время каждой встречи с Карповым получал от него конверт с заранее оговоренной суммой. Так, за 1989 год он получил в общей сложности 24 414 долларов, за 1990 год — 35 520 долларов, а всего советская разведка заплатила ему 224 тыс. долларов²¹.

В конце 1990 года Питтса перевели в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне, где он приступил к работе в уголовном секторе архивного отдела. Несмотря на это, его сотрудничество с КГБ, а потом и СВР продолжалось. До осени 1992 года он девять раз приезжал в Нью-Йорк, где встречался с Карповым и передавал ему материалы о процессах над членами Компартии США.

Связь Питтса с российской разведкой прекратилась в октябре 1992 года по двум причинам. Во-первых, Питтс перешел на работу в отдел юридических экспертиз ФБР, где занимался установлением «генетического почерка» подозреваемых, и поэтому перестал представлять интерес для СВР. Во-вторых, это было сделано для того, чтобы

не подставить под удар самого Питтса, так как Джейкия, через которого был установлен с ним контакт, стал к этому времени «невозвращенцем». К сожалению, у Джейкии оказалась хорошая память и напроць отсутствовали честь и совесть. И через некоторое время он выдал Питтса ФБР.

Поскольку американцы до сих пор тщательно скрывают обстоятельства разоблачения Питтса, есть смысл рассказать о Роллане Георгиевиче Джейкии более подробно. Он родился в 1936 году в городе Очамчире Грузинской ССР. С 1970 года длительное время находился в служебных командировках по линии МИД СССР. В августе 1984 года после окончания высших курсов руководящего состава МИД он был направлен в долгосрочную командировку в США в качестве советника постоянного представителя СССР при ООН. В 1992 году в связи с истечением срока командировки и приближающейся пенсией Джейкия решил остаться в США. В течение года он предпринимал попытки перейти на постоянную работу в секретариат ООН, но получить ставку ему не удалось. В конце концов он устроился на работу в фирму, принадлежащую некоему грузинскому эмигранту Тимуру Сапиру, который в 80-е годы активно использовался ФБР для разработки советских граждан. Затем Джейкию взяли в фирму «Транс коммодитиз», руководителем которой являлся Сэм Кислин, эмигрант из СССР и в прошлом агент ФБР. Впрочем, это не решало всех его проблем. И тогда, для того чтобы заслужить право на грин-карту (вид на жительство в США), Джейкия рассказал сотрудникам ФБР о вербовке Питтса КГБ и в качестве доказательства представил его письмо с предложением о встрече.

Получив данные о сотрудничестве Питтса с бывшим КГБ, ФБР установило за ним наблюдение, которое показало, что он в настоящее время не поддерживает никаких контактов с российскими спецслужбами. Тогда было принято решение провести весьма грязную операцию — подвести к Питтсу агента ФБР под видом

сотрудника российской разведки. Тем самым было нарушено джентльменское соглашение между российскими и американскими спецслужбами — не использовать чужой флаг. Согласно этому соглашению российская разведка не использует флаг США для вербовки американских граждан и тем более в отношении граждан России.

В июле 1995 года к Питтсу был подослан Джейкия, который предложил ему продолжить сотрудничество с СВР РФ. Когда Питтс согласился, Джейкия познакомил его с агентом ФБР, игравшим роль сотрудника российской разведки, «преемника» Александра Карпова. Не подозревая обмана, Питтс взял у своего «нового оператора» вопросник, схему расположения тайника для закладки сообщений и 15 тыс. долларов. В дальнейшем за 16 месяцев «сотрудничества» он передал агенту ФБР, а значит — своему коллеге, множество секретных документов, электронные ключи от сейфов и кабинетов Академии ФБР в Куантико, где он в это время работал, а также сведения об одном российском гражданине, сотрудничавшем со спецслужбами США. С Питтсом было проведено 22 тайниковые операции и две личные встречи. А за переданные материалы ФБР заплатило Питтсу 230 тыс. долларов. Как впоследствии не без юмора отмечали американские журналисты, при таком подходе ФБР скоро сможет перевербовать всех американских граждан. Всего же расходы ФБР на проведение операции «Чужой флаг» составили 1,5 млн долларов²². Необходимо отметить, что в августе 1995 года, после начала разработки Питтса, в ФБР обратилась его жена Мери, в прошлом сотрудница ФБР, и поведала, что в последнее время ее муж ведет себя очень странно.

Как уже говорилось, арестовали Питтса 18 декабря 1996 года. Первоначально он, как и Николсон, категорически отрицал предъявленные ему обвинения. Но как и Николсон, 28 февраля 1997 года признал себя виновным. «Я вступил в тайный сговор, — сказал он судье, — и предоставлял информацию, которую считал секретной,

агентам СССР, а позже лицам, которых я полагал агентами России»²³.

Добровольное признание Питтса, как, впрочем, и Николсона, было связано с практикующейся в американском судопроизводстве сделкой. Питтсу предложили признать свою вину и сотрудничать со следствием в обмен на гарантию того, что для него не будут требовать пожизненного заключения. Такая сделка в принципе выгодна обеим сторонам: она не только избавляет суд от ведения длительного и дорогостоящего процесса, но и дает шанс обвиняемому выйти из тюрьмы через 15—20 лет. Это было в деле Питтса немаловажным обстоятельством, так как после «дела Эймса» в США была вновь введена смертная казнь за шпионаж, если его последствия повлекли за собой смерть агента. Кроме того, на этой сделке особо настаивали представители ФБР, поскольку в случае судебного процесса могли бы всплыть нежелательные для него подробности его тайной деятельности.

Суд над Питтсом должен был начаться в конце февраля 1997 года, но его пришлось перенести в связи с обилием материалов, с которыми должна ознакомиться защита. По сообщению прокуратуры, за время 16-месячного наблюдения за Питтсом ФБР было собрано более 5700 свидетельств его вины.

Закрытый судебный процесс над Питтсом состоялся 23 июня 1997 года в окружном суде города Александрии, штат Виргиния. Главным свидетелем на нем выступал Джейкия. Федеральный прокурор потребовал для обвиняемого 24,5 года тюремного заключения. Но судье этого показалось мало, так как он был уверен, что Питтс не полностью осознал свою вину. При оглашении приговора он заявил, обращаясь к Питтсу:

«Вы предали свою страну, свое правительство, своих товарищей, всех нас. Каждый раз, когда вы приходили в Арлингтон (Национальное кладбище в Вашингтоне. — А. К.), или к вьетнамскому мемориалу, или к мемориалу войны в Корее, вы предавали каждого из этих людей, чьи имена выбиты там в камне»²⁴.

В результате Питтс был приговорен к 27 годам тюремного заключения. Что же касается нового гражданина Америки Роллана Джейкии, то он за свое предательство получил крупную сумму, сменил имя и теперь спокойно живет в США.

Приведенные примеры проникновения советской разведки в спецслужбы США показывают, что заявления некоторых перебежчиков типа Гордиевского о низком профессионализме сотрудников внешней разведки являются не более чем выдумкой. Тот же Гордиевский утверждал, что после Филби и других членов «кембриджской пятерки» у советской разведки больше не было агентов, которые сотрудничали с ней на идейной основе. И как всегда, попал пальцем в небо. Дело Олдрича Эймса свидетельствует о том, что с представителями нашей страны на Западе сотрудничают не только из-за материальной выгоды. А раз так, то можно сделать вывод о том, что не все благополучно на сытом Западе.

Щупальца спрута

*Структура органов внешней разведки
в 1920—2000 годах*

Первые шаги

Органы ВЧК практически с первых дней своего существования, как это следует из архивных материалов, стали заниматься разведывательной работой за рубежом. Начало этой деятельности положил сам Феликс Эдмундович Дзержинский. В январе 1918 года он лично завербовал бывшего издателя газеты «Деньги» Алексея Фроловича Филиппова, которого направил на работу в Финляндию. Это был, пожалуй, первый закордонный разведчик советской власти. Несколько позднее появился и второй: в Турцию был направлен еще один нелегал, выступавший под именем Р. К. Султанова. Кстати, подлинное его имя до сих пор неизвестно.

Следующим шагом на пути организации закордонной разведки явилось создание в декабре 1918 года особых отделов ВЧК в армии и на флоте, которые также являлись контрразведывательными подразделениями. С августа 1919 года Особый отдел возглавлял лично Дзержинский, а с июля 1920 года — Вячеслав Рудольфович Менжинский. В апреле 1920 года в связи с обострением

международной обстановки (советско-польская война) в Особом отделе ВЧК было образовано Иностранное отделение, которое возглавил чекист Людвиг Скуйскумбре.

Тогда же начинают организовываться первые резидентуры в Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Румынии и Германии. По инструкции ВЧК при каждой дипломатической и торговой миссии создавалась резидентура (station). Возглавлявший резидентуру резидент работал в миссии под легальным прикрытием. В помощь резиденту выделялись один или два сотрудника. Такие резидентуры позднее стали называться легальными, а сотрудники — оперативными работниками.

Кроме легальных создавались и нелегальные резидентуры, главным образом в тех странах, с которыми у РСФСР не было дипломатических отношений. Однако в случае острой необходимости допускалось создание нелегальных резидентур и в тех странах, где были легальные резидентуры. Их сотрудникам приходилось действовать в условиях идущей советско-польской войны, и это не могло не сказаться на результатах их работы.

В сентябре 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об организации советской разведки. Была создана специальная комиссия (И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский и другие деятели партии). 20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169 о создании самостоятельного Иностранного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии (ИНО ВЧК). Этот день считается днем рождения внешней разведки, в настоящее время выделенной в самостоятельную организацию — Службу внешней разведки (СВР).

Согласно приказу № 169 «О создании Иностранного отдела ВЧК» Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировывался и организовывался Иностранный отдел ВЧК, с подчинением начальнику Особого отдела ВЧК В. Р. Менжинскому. Временно исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ВЧК назначался Я. Х. Давыдов (Давтян).

Структура ИНО состояла из руководства отдела (начальник, два его помощника, особоуполномоченный для особо важных заданий), отдела канцелярии, агентурного отделения, иностранного отделения (уполномоченный, секретарь отделения, машинистка), бюро виз (всего в штате 70 человек).

Яков Христофорович Давтян родился 10 (22) октября 1888 года в селении Верхние Акулисы (Нахичевань) в семье торговца. Окончил гимназию в Тифлисе, учился в Петербургском университете, участвовал в работе Петербургского комитета РСДРП (большевик с 1905 года). В 1908 году был арестован полицией, освобожден под залог, уехал в Бельгию и до 1918 года оставался в эмиграции. Закончил Политехнический университет в Брюсселе. После оккупации Бельгии немецкими войсками был интернирован в тюрьму в Аахене, а затем в лагерь в Германию. В Россию Давтян вернулся только в августе 1918 года. Работал в Московском губернском совете народного хозяйства, председателем которого в это время была известная революционерка Инесса Арманд. Вместе с ней и Дмитрием Мануильским Давтян в начале 1919 году ездил во Францию в составе миссии Красного Креста, задачей которой была помощь солдатам и офицерам Русского экспедиционного корпуса в деле возвращения в Россию, что и было успешно выполнено. Затем Яков Христофорович работал в Наркомвоене Украины, а с начала 1920 года — в Наркоминделе заведующим отделом Прибалтийских стран и Польши. Одновременно в ВЧК он возглавлял Иностранное отделение Особого отдела (после Скуйскумбре).

В январе 1921 года начальником Иностранного отдела был назначен Рубен Павлович Катанян, до этого заведующий агитпропотделом ЦК РКП(б).

Р. П. Катанян родился в 1881 году в Тифлисе в семье учителя. Он окончил в 1906 году юридический факультет Московского университета, одновременно вел партийную работу в Москве и Тифлисе, будучи с 1903 года большевиком. В 1917 году был одним из руководителей

организации социал-демократов — интернационалистов. После Октября был на политработе в Красной Армии, с 1920 года работал в ЦК РКП(б).

Катанян работал в органах юстиции, был старшим помощником Прокурора СССР по надзору за ОГПУ, профессором МГУ. В 1938 году он был арестован, 17 лет находился в заключении и ссылке. В 1955 году Р. П. Катанян был реабилитирован. Умер в Москве 6 июня 1966 года, будучи персональным пенсионером союзного значения.

10 апреля того же года вместо Катаняна начальником ИНО вновь стал Давтян-Давыдов.

Давтян руководил во второй раз ИНО чуть дольше — 4 месяца. В августе он окончательно перешел в Наркоминдел, где продолжал заведовать прибалтийским отделом. С 1922 года он работал за границей — полпредом в Литве, советником полпредства в Пекине (здесь он был одновременно главным резидентом ИНО в Китае), полпредом в Туве, советником полпредства в Париже, полпредом в Тегеране. С 1930 года был на административной работе в Советском Союзе, а в 1932 году вернулся к главному делу жизни — дипломатии. Два года он был советским полпредом в Афинах, а с 1934 года — в Варшаве. В 1937 году был отозван и арестован, 28 июля 1938 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Посмертно реабилитирован в 1957 году.

6 августа новым начальником ИНО ВЧК был назначен Соломон Григорьевич Могилевский.

Могилевский родился в Екатеринославской губернии в купеческой семье. Окончил гимназию в Павлограде (Екатеринославская губерния), в 1903 году вступил там в РСДРП. Учился в Петербурге на юридическом факультете университета. Был арестован, выпущен под залог и эмигрировал. Жил в Швейцарии, в Женеве входил в большевистскую группу. В 1906 году вернулся в Россию, вел партийную работу в Екатеринославе, Петербурге и Москве, неоднократно арестовывался. С 1916 года в ар-

мии работал в военных организациях большевиков на Западном и Северном фронтах. Участвовал в Октябрьской революции в Минске, затем работал в Иваново-Вознесенске и Москве в органах юстиции и на фронте в ревтрибуналах. С 1919 года работал в Московской ЧК, руководил следственным отделом, затем особоуполномоченный Особого отдела ВЧК.

Заместителем Могилевского был Иван Андреевич Апетер, помощниками — Роман Александрович Пилляр и Меер Абрамович Трилиссер, который одновременно был начальником Закордонной части ИНО, его заместителем — Георгий Евгеньевич Прокофьев. Осведомительную часть ИНО возглавляли Лев Борисович Залин (Левин) и его заместитель Василий Федорович Высоцкий. Бюро виз руководил Николай Федорович Угаров.

В том же 1921 году ИНО вместе с Секретным, Особым, Оперативным и Информационным отделами ВЧК вошел в состав Секретно-оперативного управления ВЧК, которое возглавлял Вячеслав Рудольфович Менжинский.

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК ВЧК была упразднена, а вместо нее создано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. После образования СССР ГПУ постановлением Президиума ЦИК от 2 ноября 1923 года было реорганизовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Что касается ИНО, то он вошел в состав созданного в ОГПУ Секретно-оперативного управления.

Эпоха Трилиссера

13 марта 1922 года ИНО возглавил Меер (Михаил) Абрамович Трилиссер, Соломон Могилевский был назначен председателем Закавказской ЧК.

Одновременно он был полномочным представителем ГПУ-ОГПУ в Закавказье и членом Коллегии ОГПУ. Ему пришлось руководить подавлением меньшевистского вос-

стания в Грузии (1924). Соломон Григорьевич Могилевский погиб 22 марта 1925-года в авиационной катастрофе вместе с видными закавказскими большевиками Александром Мясниковым и Георгием Атарбековым.

Трилиссер стал фактическим основателем советской разведки. Он родился в Астрахани 1 (13) апреля 1883 года в семье сапожника. Родители Трилиссера были очень небогаты, чтобы платить за обучение детей в городском училище, им приходилось сдавать одну из двух своих комнат квартирантам. Таким жильцом оказался астраханский социал-демократ Борис Авилов, общение с которым сильно повлияло на братьев Трилисеров, ставших большевиками. Меер Трилиссер окончил городское училище в Астрахани и сдал экстерном экзамены за 6 классов гимназии в Одессе. Там же он вступил в социал-демократическую группу (1901) и в том же году был первый раз арестован охранкой (выслан по этапу в Астрахань). Там он вел пропаганду среди рабочих, затем вел партийную работу на Урале, где был арестован в 1904 году и вновь выслан в Астрахань. Трилиссер активно участвовал в революции 1905 года, работая в Военной организации большевиков в Казани, Петербурге и Гельсингфорсе. В столице Великого княжества Финляндского он был председателем Центральной группы Финляндской военной организации РСДРП, издавал газету «Вестник казармы». Трилиссер руководил подготовкой 1-й Всероссийской конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе (ноябрь 1906 г.), был избран председателем Временного бюро Военной организации. В августе 1907 года он был арестован и после двух лет заключения приговорен Петербургским военно-окружным судом к восьми годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости. В конце 1914 года сослан в Иркутскую губернию на вечное поселение. После Февральской революции он остался в Иркутске, редактировал газету «Голос социал-демократа», работал в Иркутском Совете. Участвовал в установлении советской власти в Иркутске, подавлении восстания юнкеров, был

членом президиума ЦИК Советов Сибири (Центросибиря), занимался формированием органов борьбы с контрреволюцией в Иркутске. После падения советской власти в Сибири работал в большевистском подполье в Благовещенске, был арестован японскими оккупационными властями, вместе с другими арестованными большевиками бежал из тюрьмы, воевал в партизанских отрядах. После восстановления советской власти в Благовещенске был председателем Амурского обкома партии, представителем ЦК в Амурской области, комиссаром по иностранным делам Амурского Совета, представителем правительства Дальневосточной Республики в Амурской области. С октября 1920 года работал в столице ДВР Чите — членом Дальбюро ЦК РКП(б) и Госполитохраны ДВР (аналог ВЧК). После X съезда партии, делегатом которого был избран Трилиссер, он остался в Москве, где работал в ЦК партии и Коминтерне, занимался Дальним Востоком. С августа 1921 года работал в ВЧК начальником отделения Особого отдела, начальником Закордонной части ИНО, помощником начальника ИНО.

В ИНО пришла большая группа соратников Трилиссера по дореволюционному подполью и работе во время Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Сергей Вележев и Алексей Логинов (настоящая фамилия — Бустрем) стали его заместителями. Альфред Нейман, Евгений Фортунатов, Яков Минскер, Яков Бодеско, Арпад Мюллер и другие стали ответственными работниками отдела. При Трилиссере Иностранный отдел был значительно расширен и укреплен кадрами. Центральный аппарат в период его руководства отделом достигал 70 человек. А к моменту ухода Трилиссера из ИНО (1929) общий штат ИНО достиг 122 человек, из них 62 человека — сотрудники резидентур за рубежом. Была изменена структура ИНО. В середине 20-х годов она состояла из закордонного отделения, канцелярии закордонного отделения, бюро виз, стола выездов, стола въездов, стола въездов и выездов эшелонами, стола приема заявлений, общей канцелярии.

Помощниками Трилиссера в ИНО были Георгий Евгеньевич Прокофьев и Владимир Сергеевич Селезнев. Закордонное отделение ИНО возглавлял сам Трилиссер, бюро виз — Николай Угаров. Позднее помощниками Трилиссера в разное время были Иван Васильевич Запорожец, Михаил Савельевич Горб, Алексей Васильевич Логинов-Бустрем и Сергей Георгиевич Вележев.

По предложению Дзержинского 26 марта 1926 года Трилиссер был назначен зампредом ОГПУ. В июле 1927 года Иностранный отдел был выведен из состава Секретно-оперативного управления ОГПУ и передан в непосредственное подчинение Коллегии ОГПУ.

11 января 1923 года было создано специальное Бюро по дезинформации, в состав которого вошли представители от ЦК партии, НКВД, а также РВСР и Разведупра Штаба РККА. Позднее этот орган сыграл важную роль в знаменитых операциях «Трест» и «Синдикат», а также в других операциях: «Д-7» (1924—1929) с участием легендированной «Военной организации» бывших офицеров-монархистов в Ленинграде; «С-4» (1924—1932) с участием легендированной «Внутренней русской национальной организации» (ВРНО); операции «Заморское» (1929—1932) с участием легендированной антисоветской организации «Северо-Кавказская военная организация» (СКВО); операции «Академия» (1929—1934).

Операция «Трест» была проведена для нейтрализации подрывной деятельности монархических организаций за рубежом, таких, как «Высший монархический совет», «Русский общевоинский союз» (РОВС) и другие. В процессе проведения этой операции удалось вывести на советскую территорию и захватить английского разведчика Сиднея Рейли. Важнейшее значение «Треста» заключалось также в том, что вплоть до 1927 года удавалось парализовать деятельность террористов РОВСа, руководимых Марией Захарченко-Шульц.

Целью операции «Синдикат-2» была нейтрализация деятельности эсеровского «Народного союза защиты родины и свободы». В ходе операции были арестованы гла-

варь союза Борис Савинков и ряд его сподвижников. Серьезный удар был нанесен и по РОВСу, который объединил остатки бежавших за границу белых армий и ставил своей задачей проведение на территории СССР террористических и других подрывных акций, а также подготовку военной интервенции. При помощи агентуры внешней разведке удалось обезглавить эту организацию. Так, в 1930 году в Париже была проведена операция по захвату и доставке в СССР руководителя РОВСа генерала Кутепова. (Генерал погиб во время проведения операции.) А в 1937 году преемник Кутепова генерал Миллер был тайно вывезен в СССР и после следствия расстрелян. Особую роль в операциях против РОВСа сыграли агенты Иностранного отдела, бывшие царские генералы Павел Дьяконов и Николай Скоблин, жена Скоблина, известная исполнительница русских народных песен Надежда Плевицкая, а также находившийся в эмиграции бывший член Временного правительства и правительства Колчака Сергей Третьяков.

В это же время в структуре разведки появляется научно-техническое направление. Начинаются контакты с органами безопасности дружественных (в то время) государств — Монголии, Турции, Литвы.

27 октября 1929 года Трилиссера сняли со всех постов в ОГПУ за открытое выступление против Генриха Ягоды. В феврале 1930 года его назначили заместителем наркома РКИ РСФСР (с 1927 года он был членом ЦКК ВКП(б), с 1930 года — членом Президиума ЦКК). В 1934—1935 годы Трилиссер, избранный на XVII съезде партии членом Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР, был уполномоченным КСК по Дальневосточному краю. После VII конгресса Коминтерна работал в Президиуме и Секретариате Коминтерна (под псевдонимом Москвин), курировал деятельность Польско-прибалтийского секретариата и Отдела международных связей Исполкома Коминтерна. В ноябре 1938 года Меер (Михаил) Абрамович Трилиссер был арестован и 2 февраля 1940 года расстрелян по приговору Военной колле-

гии Верховного суда СССР. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

На посту начальника ИНО и зампреда ОГПУ Трилиссера сменил Станислав Адамович Мессинг.

Он родился в Варшаве в 1890 году в семье музыканта. Учился в гимназии (не окончил), работал в типографии. В 1907 году вступил в «Социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы, арестовывался полицией, жил в эмиграции в Бельгии (1908—1911), в 1913—1917 годы служил в русской армии в Туркестане и на Кавказском фронте. Участвовал в Октябрьской революции в Москве. С 1918 года по предложению Дзержинского, знавшего Мессинга по варшавскому подполью, работает в ЧК. Руководил Сокольнической районной ЧК, был заместителем председателя и председателем Московской ЧК, с конца 1921 года до конца 1929 года руководил органами ЧК-ГПУ в Петрограде-Ленинграде, с 1920 года был членом Коллегии ВЧК-ОГПУ.

Мессинг провел реорганизацию Иностранного отдела. В январе 1930 года был объявлен новый штат ИНО (94 сотрудника). Вместо Закордонной части и Отделения иностранной резидентуры было создано 8 отделений. Заместителем начальника стал Артур Христианович Артузов, помощниками начальника Абрам Аронович Слуцкий и Михаил Савельевич Горб.

Начальниками отделений ИНО стали:

1-е отделение (нелегальная разведка) — Л. Г. Эльберт,

2-е отделение (вопросы выезда и въезда в СССР) — И. А. Бабкин,

3-е отделение (США и крупнейшие государства Европы) — М. Г. Молотковский,

4-е отделение (Финляндия и страны Прибалтики) — А. П. Невский,

5-е отделение (белая эмиграция) — А. П. Федоров,

6-е отделение (страны Востока) — К. С. Баранский,

7-е отделение (экономическая разведка) — А. А. Нейман,

8-е отделение (научно-техническая разведка) — А. М. Орлов.

Штат отдела составил 121 человек.

Эти меры были приняты после заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 года, на котором была рассмотрена работа разведки, в решении были определены главные задачи разведывательной работы. В постановлении Политбюро отмечалось, что Советский Союз находится на пороге новой войны, рекомендовалось переводить работу зарубежных аппаратов ИНО из советских учреждений на нелегальное положение. Увеличилось финансирование разведки. Была создана самостоятельная спецгруппа под руководством Якова Исааковича Серебрянского, вошедшая в историю советской разведки как «группа Яши», для развертывания диверсионно-террористической деятельности в глубоком тылу противника на случай начала войны с «западными демократиями». Первоначально эта группа действовала в составе ИНО ОГПУ, но позднее она перешла в непосредственное подчинение наркома внутренних дел СССР, а с 1937 года при секретариате Наркомата внутренних дел. За это время Серебрянский и его сотрудники создали двенадцать резидентур в Европе, Азии и Америке.

1 августа 1931 года Мессинг, вместе с другими руководителями ОГПУ выступивший против Ягоды, был снят с должности начальника Иностранного отдела.

Мессинг был переведен на хозяйственную работу. С августа 1931 года он был членом коллегии Наркомата внешней торговли СССР, руководил всесоюзным объединением по внешней торговле с Монголией и Тувой. В июне 1937 года Станислав Адамович Мессинг был арестован и 2 сентября того же года расстрелян «в особом порядке». Посмертно реабилитирован в 1956 году.

Преемником Мессинга стал Артур Христианович Артузов, член Коллегии ОГПУ с 31 июля.

Артузов (настоящая фамилия Фраучи) родился 5 (17) февраля 1891 года в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье сыровара, выходца из Швейцарии. Окончил с золотой медалью Новгородскую классическую гимназию и металлургический факультет Пе-

тербургского политехнического института, работал на Урале и в Петрограде. Большевик с декабря 1917 года, Артузов работал (под руководством своего родственника по материнской линии известного большевика Михаила Сергеевича Кедрова) в органах Наркомвоена на Северном фронте (Архангельск, Вологда) и в Москве в Военном контроле. С 1919 года в Особом отделе ВЧК: особоуполномоченным, начальником отделения, помощником и заместителем начальника отдела. С момента образования Контрразведывательного отдела ГПУ был его начальником (1922—1927). Артузов разработал и провел такие крупные операции, как «Синдикат-2» и «Трест». С 1927 года был помощником начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ. 1 января 1930 года назначен заместителем начальника ИНО.

При Артузове продолжилось расширение полномочий ИНО. С февраля 1933 года Иностранному отделу предоставлялось право ведения следствия по возникающим в ИНО делам.

В апреле 1933 года был введен новый штат ИНО. Заместителем начальника был утвержден А. А. Слуцкий, помощником — С. В. Пузицкий (занимавший эту должность с ноября 1931 года), начальником 1-го отделения — Н. И. Эйтингон, 2-го отделения — Я. М. Бодеско, 3-го отделения — О. О. Штейнбрюк, 4-го отделения — К. С. Баранский, 5-го отделения — А. П. Федоров, 6-го отделения — И. Г. Герт (почти сразу его сменил Я. Г. Минскер), 7-го отделения — Э. Я. Фурман, 8-го отделения — П. Д. Гутцайт. Штат отдела составил 110 человек.

В составе ГУГБ НКВД

Постановлением ЦИК СССР 10 июля 1934 года ОГПУ при СНК СССР было ликвидировано. Был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД СССР). Наркомом внутренних дел стал бывший заместитель председателя ОГПУ Генрих Григорьевич Ягода.

В результате реорганизации самостоятельные оперативные подразделения ОГПУ, в том числе ИНО, были объединены в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Формально работой ГУГБ руководил сам нарком внутренних дел СССР Ягода, так как в этот период должности начальника ГУГБ не существовало. Фактически всю текущую работу аппарата госбезопасности возглавлял первый заместитель наркома Я. С. Агранов. Вторым заместителем наркома был назначен Г. Е. Прокофьев. Оба они ранее были заместителями председателя ОГПУ СССР.

После создания ГУГБ была изменена и структура центрального аппарата внешней разведки. Начальником ИНО по-прежнему был Артузов, а штат отдела составил 81 человек. Но теперь ИНО состоял из двух отделов и двух самостоятельных отделений. В 1-й отдел — закордонная разведка — входило 9 географических секторов. Во 2-й отдел — внешняя контрразведка — входило 6 секторов, которые занимались борьбой с диверсиями, террором, шпионажем зарубежных спецслужб и белоэмигрантских центров на территории СССР.

21 мая 1935 года начальник внешней разведки Артузов был переведен в Разведупр Штаба Красной Армии первым заместителем начальника. Там он проработал до января 1937 года, когда был освобожден от должности и откомандирован в НКВД — научным сотрудником 8-го (учетно-регистрационного) отдела ГУГБ. 13 мая того же года Артур Христианович Артузов был арестован и через три месяца, 21 августа 1937 года, расстрелян «в особом порядке». Посмертно реабилитирован в 1956 году.

Начальником ИНО стал бывший заместитель Артузова Абрам Аронович Слуцкий.

Он родился в июле 1898 года в селе Парафиевка Борзнянского уезда Черниговской губернии в семье железнодорожного служащего. Учился в гимназии в Андижане, куда переехал с семьей, работал учеником слесаря на заводе. В 1916—1917 годы служил в армии, затем вернулся в Андижан, закончил гимназию. Участвовал в ус-

тановлении советской власти и гражданской войне в Средней Азии, работал в уездном исполкоме и укоме партии большевиков (вступил в 1917 г.) в Андижане, был на политработе (Туркестанский фронт), в 1920—1921 годы — в ТуркЧК. Затем в Ташкенте в органах юстиции и на партийной работе. С 1923 года в Москве — председатель военного трибунала стрелкового корпуса (Московский военный округ), на хозяйственной работе в ВСНХ. В 1926 году Слуцкий перешел в ОГПУ, работал в Экономическом управлении (помощник начальника и начальник отделения, заместитель начальника ЭКУ). С 1930 года во внешней разведке — помощник, с августа 1931 года — заместитель начальника ИНО. Одновременно был главным резидентом ИНО по странам Европы, работая в Берлине под прикрытием должности сотрудника торгпредства в 1931—1933 годы.

26 сентября 1936 года Генеральный комиссар госбезопасности Генрих Ягода был освобожден от должности наркома ВД СССР и назначен наркомом связи СССР. На его место был назначен секретарь ЦК ВКП(б) Николай Иванович Ежов, имевший задание «почистить» аппарат государственной безопасности. С приходом Ежова в НКВД СССР в ГУГБ произошли многочисленные изменения. 25 декабря 1936 года отделам ГУГБ НКВД СССР в целях конспирации были присвоены номера. В результате разведка заняла в структуре ГУГБ НКВД СССР следующее место: 7-й отдел (Иностранный отдел) (ИНО). Начальник — комиссар госбезопасности 2-го ранга А. А. Слуцкий. К 1938 году отдел состоял из руководства (начальник и его заместители), секретариата, хозяйственного, кадрового, финансового подразделений и 11 отделений. В штате отдела было 210 человек.

Деятельность разведки в этот период была очень успешной, особенно в Англии, Германии, Испании, Китае и Японии.

Репрессии конца 30-х годов нанесли огромный ущерб и внешней разведке. В это время были арестованы практически все руководители ИНО и многие ведущие раз-

ведчики. Были арестованы бывшие начальники ИНО М. А. Трилиссер, С. А. Мессинг, А. Х. Артузов. А. А. Слуцкий 17 февраля 1938 года скоропостижно скончался в кабинете первого заместителя Ежова М. П. Фриновского (существует версия его отравления). После смерти Слуцкого исполняющим обязанности начальника ИНО был назначен майор госбезопасности Сергей Михайлович Шпигельглаз. Но и он пробыл на этой должности менее двух месяцев. 28 марта 1938 года его сменил старший майор госбезопасности Залман Исаевич Пассов. Шпигельглаз в ноябре 1938 года был арестован, в январе 1941 года расстрелян. В это же время было репрессировано и большое число ведущих разведчиков. Среди них можно назвать: резидентов в Лондоне — Чапского, Г. Б. Графпена и Т. Малли, в Париже — С. М. Глинского (Смирнова) и Г. Н. Косенко (Кислова), в Риме — М. М. Аксельрода, в Берлине — Б. М. Гордона, в Нью-Йорке — П. Д. Гутцайта (Гусева), выдающихся разведчиков-нелегалов Д. А. Быстролетова, Б. Я. Базарова и многих других. Всего же в результате так называемых «чисток» в 1937—1938 годах из 450 сотрудников ИНО (включая загранаппарат) было репрессировано 275 человек, то есть более половины личного состава. Со многими ценными агентами прервалась связь, восстановить которую удавалось далеко не всегда. В 1938 году в течение 127 дней подряд из ИНО руководству страны вообще не поступало никакой информации.

Предвоенные годы

После реорганизации органов госбезопасности в начале 1938 года в структуру 1-го управления НКВД СССР (начальник — первый замнаркома комкор М. П. Фриновский) вошла разведка как 5-й (иностраннй) отдел, его начальником был назначен старший майор госбезопасности З. И. Пассов.

Залман Исаевич Пассов родился в апреле 1905 года в городе Старая Русса в семье приказчика. Окончил 5 клас-

сов школы там же. Служил в Красной Армии, с 1922 года в ГПУ (в Новгородском и Псковском губотделах). В 1928 году вступил в партию. Окончил в 1929 году Высшую пограничную школу ОГПУ, служил в особом отделе дивизии в Ленинградском военном округе, с 1930 года — в Москве в ОО ОГПУ-ГУГБ НКВД-КРО ГУГБ (уполномоченный, замначальника и начальник отделения, с 1937 года — заместитель начальника отдела).

Однако Сталин уже готовил замену Ежову. Еще 8 апреля 1938 года нарком внутренних дел СССР Ежов был назначен по совместительству наркомом водного транспорта СССР. Вместе с ним на работу в систему наркомвода перешли свыше двух десятков руководящих работников НКВД. А 22 августа 1938 года первым заместителем наркома внутренних дел СССР был назначен первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Лаврентий Павлович Берия, а бывший первый заместитель наркома и начальник 1-го управления НКВД СССР М. П. Фриновский 8 сентября был освобожден от своих должностей в НКВД и назначен наркомом Военно-Морского Флота СССР.

29 сентября 1938 года Л. П. Берия был назначен начальником восстановленного ГУГБ НКВД СССР, его заместителем стал бывший заведующий отделом ЦК КП(б) Грузии Всеволод Николаевич Меркулов.

Внешняя разведка вошла в ГУГБ в качестве 5-го (иностранного) отдела. Структура его была перестроена и состояла из начальника, двух его заместителей, секретариата, хозяйственного, кадрового и финансового отделений и 12 оперативных отделений. Штат составил 210 человек.

3 октября 1938 года приказом наркома внутренних дел Ежова был создан специальный учебный центр для подготовки разведчиков — Школа особого назначения (ШОН) ГУГБ НКВД СССР. Первым начальником ШОН стал В. Х. Шармазанашвили, а преподавали в ней С. М. Шпигельглаз, В. С. Гражульт, П. М. Журавлев, П. А. Судоплатов, В. М. Зарубин и другие. Первыми выпускниками ШОН были будущий начальник ИНО

П. М. Фитин, резиденты В. Г. Павлов, Е. Т. Сеницын, А. С. Феклисов, А. А. Яцков и другие (в настоящее время — Академия СВР РФ).

9 декабря 1938 года Н. И. Ежов был освобожден от должности наркома внутренних дел СССР, а на его место был назначен Л. П. Берия. 17 декабря 1938 года первым заместителем наркома внутренних дел СССР и начальником ГУГБ был назначен комиссар госбезопасности 3-го ранга В. Н. Меркулов.

Пришедший к руководству Наркоматом внутренних дел Л. Берия расставил на ключевые посты своих людей, прибывших вместе с ним из Грузии. Кроме того, им была проведена «чистка» ежовских кадров как в Центре, так и на местах. Все эти перестановки затронули и внешнюю разведку.

22 октября 1938 года был арестован начальник ИНО Пассов (расстрелян в феврале 1940 года). После ареста Пассова исполняющим обязанности начальника ИНО стал один из его заместителей — Павел Анатольевич Судоплатов. Он возглавлял разведку до 2 декабря 1938 года, когда начальником 5-го отдела (ИНО) ГУГБ был назначен комиссар госбезопасности 3-го ранга Владимир Георгиевич Деканозов.

Владимир Георгиевич Деканозов родился в Баку в июне 1898 года в семье чиновника Нефтяного управления. Окончил гимназию в Тифлисе, учился на медицинском факультете Бакинского университета. В период буржуазной республики в Азербайджане работал в Нефтяном управлении и Министерстве здравоохранения. С 1920 года большевик, служил в Красной Армии и в ЧК-ГПУ (от уполномоченного до начальника экономического отдела ГПУ Закавказской Федерации). В 1931 году В. Г. Деканозов вместе с Берией переходит на партийную работу, был секретарем ЦК КП(б) Грузии, наркомом пищевой промышленности и председателем Госплана Грузинской ССР.

Одновременно Деканозов являлся начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ и заместителем начальника ГУГБ В. Меркулова.

Структура 5-го отдела в 1939 году включала в себя 17 отделений (14 географических и отделения научно-технической разведки, оперативной техники, виз и учета иностранцев).

В. Деканозов 13 мая 1939 года был освобожден от должности начальника ИНО и назначен заместителем наркома иностранных дел. Одновременно с 1940 года до начала Великой Отечественной войны он был советским послом в Германии. В 1947—1953 годы на хозяйственной работе. В апреле 1953 года назначен министром внутренних дел Грузии. В июне того же года арестован, 23 декабря 1953 года по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР расстрелян по делу Берии.

Преемником Деканозова стал старший майор госбезопасности Павел Михайлович Фитин. Он родился 16 (28) декабря 1907 года в селе Ожогино Ялutorовского уезда Тобольской губернии в крестьянской семье. Окончил среднюю школу, был на комсомольской работе в Западной Сибири. В 1932 году окончил Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, с октября того же года заведовал редакцией индустриальной литературы Сельскохозяйственного государственного издательства. В 1934—1935 годы служил в Красной Армии. После демобилизации работал в том же издательстве редактором редакции механизации и заместителем главного редактора. В марте 1938 года по партнабору был направлен на учебу в Центральную школу НКВД, после окончания которой, в августе того же года, был зачислен в 5-й отдел ГУГБ НКВД стажером. За 3 месяца Фитин успел побывать оперуполномоченным и начальником отделения и уже в ноябре 1938 года становится (в связи с нехваткой кадров) заместителем начальника отдела.

Новое руководство ИНО в первую очередь сосредоточило внимание на подборе руководителей резидентур. В 1939—1940 годы за рубеж были направлены такие опытные разведчики, как М. А. Аллахвердов, В. М. Зарубин,

Е. Ю. Зарубина, А. М. Коротков, Б. А. Рыбкин, З. И. Рыбкина, В. А. Тахчианов, Д. Г. Федичкин. Были командированы за кордон и многие молодые способные разведчики: Н. М. Горшков, Г. Н. Калинин, Е. И. Кравцов, А. И. Леоненко, В. Г. Павлов, А. К. Тринев и другие.

Благодаря этому к середине 1940 года работоспособность разведки была восстановлена. В ее центральном аппарате в Москве работало 695 человек, а 242 разведчика было командировано за границу.

В 1941 году были проведены новые реорганизации и кадровые перестановки. 3 февраля состоялось заседание Политбюро, на котором было принято постановление о разделении НКВД СССР на два наркомата: НКВД СССР и НКГБ СССР с выделением всех оперативно-чекистских подразделений из НКВД в НКГБ, а на местах — из НКВД-УНКВД республик, краев и областей в НКГБ-УНКГБ. В тот же день, 3 февраля появились указы Президиума ВС СССР о разделении НКВД СССР, о назначении наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берии, а наркомом государственной безопасности СССР В. Меркулова. Был подписан и указ о назначении Л. П. Берии заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР (по совместительству), которому было поручено курировать работу НКВД, НКГБ, наркоматов лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота.

Разведка и контрразведка оказались в структуре НКГБ. Внешняя разведка (5-й отдел ГУГБ НКВД СССР) была реорганизована в 1-е управление (разведка за границей) НКГБ СССР. Начальником управления 26 февраля 1941 года был назначен П. М. Фитин.

К началу Великой Отечественной войны в структуру 1-го управления НКГБ входили руководство управления, секретариат, 8 отделов (из них 6 оперативных).

В центральном аппарате управления работало около 120 человек, включая технический персонал. За рубежом действовало 45 легальных и 14 нелегальных резидентур. В Германии, Франции, Англии помимо легальной работа-

ло от 2 до 4 нелегальных резидентур. Кроме того, в УНКГБ приграничных районов (Хабаровский край, Архангельская, Брестская, Ленинградская, Львовская и Читинская области) были образованы местные подразделения внешней разведки — 1-е (разведывательные) отделы.

Великая Отечественная война

Через месяц после начала Великой Отечественной войны 20 июля 1941 года НКВД и НКГБ были объединены в единый НКВД СССР во главе с Л. П. Берией, членом Государственного комитета обороны (ГКО). В. Н. Меркулов стал первым заместителем наркома внутренних дел.

Внешняя разведка вошла в НКВД в качестве 1-го (разведка за границей) управления, начальником которого 31 июля 1941 года был назначен П. М. Фитин. В структуру центрального аппарата 1-го управления вошли руководство разведки (начальник и его заместители), секретариат, Школа особого назначения (ШОН), Группы «А» и «Б», отдел «Х» (связь), 9 оперативных отделов (8 географических и отдел совколоний). Научно-техническая разведка была передана в соответствующие географические отделы. Как самостоятельная линия НТР была сохранена только в 5-м (англо-американском) отделе, где было создано 4-е отделение, которым в 1941—1942 годах руководил Леонид Романович Квасников.

В 1942 году структура 1-го управления была реорганизована и включала в себя 6 отделов (в каждом по 3 отделения, кроме 2-го отдела, где было 2 отделения), отделение связи, группу «А» и ШОН. Штат 1-го управления составили 135 человек.

В период войны всю свою деятельность внешняя разведка вела через легальные и нелегальные резидентуры, специально создаваемые разведгруппы, а также отдельных разведчиков или агентов, посылаемых в те страны,

где резидентур не было. Во время войны легальные и нелегальные резидентуры внешней разведки действовали в Англии, США, Швеции, Болгарии, Китае, Иране, Турции, Афганистане, Японии. А в 1943—1945 годах были созданы резидентуры в Египте, Италии, Франции, Финляндии, Румынии и Венгрии. В общей сложности к концу войны за рубежом действовало свыше 96 легальных и нелегальных резидентур, а в отдельных странах (Англия, США, Китай, Иран и других), как и ранее, имелось по несколько разведаппаратов.

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков», выступление Сталина по радио 3 июля и постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск» предполагали в числе прочего создание в тылу противника «невыносимых условий» для врага и его пособников, формирование партизанских отрядов и диверсионных групп для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджогов лесов, складов и обозов».

Для руководства разведывательно-диверсионными группами НКВД, действующими в тылу противника, 5 июля 1941 года была организована Особая группа при наркоме НКВД с бывшим заместителем начальника 1-го управления НКВД старшим майором госбезопасности П. А. Судоплатовым. 3 октября 1941 года Особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД, начальником которого по-прежнему был П. Судоплатов. Для проведения операций в тылу противника при 2-м отделе был сформирован Отдельный мотострелковый батальон особого назначения (ОМСБОН). А 18 января 1942 года приказом НКВД СССР на основе 2-го отдела НКВД было организовано 4-е управление НКВД (разведка, террор и диверсии в тылу противника). Начальником управления стал П. Судоплатов, заместителями — старший майор госбезопасности Н. Д. Мельников и майор госбезопасности В. А. Какучая. 20 августа 1942 года заместителем на-

чальника 4-го управления был также назначен старший майор госбезопасности Н. И. Эйтингон. Штат управления был определен в 113 человек. В 4-е управление входили секретариат, финансовая группа, информационно-учетное отделение, 1-й отдел (3 географических отделения и отделение по работе с военнопленными и интернированными), 2-й отдел (7 географических отделений, отделение вербовки агентуры среди заключенных лагерей и учетное отделение), 3-й отдел (3 отделения и 2 отряда взрывников), 4-й отдел (2 отделения), отдельная рота саперов и Штаб истребительных батальонов и партизанских отрядов. С военными подразделениями 4-го управления дело обстояло следующим образом. 26 июня 1941 года приказом НКВД были сформированы войска Особой группы. Начальником этих войск был назначен комбриг Павел Михайлович Богданов, заместителем начальника (с октября 1941 года — начальник) — Михаил Федорович Орлов, начальником штаба — Вячеслав Васильевич Гриднев (в 1942—1943 годах командовал ОМСБОном). Особая группа включала в себя две бригады, состоявшие из батальонов, которые в свою очередь делились на отряды, а отряды — на спецгруппы.

В октябре 1941 года войска Особой группы были преформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН). Она состояла из двух мотострелковых полков: четырехбатальонного и трехбатальонного, со специальными подразделениями. К последним относились отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов, саперно-подрывная рота, авторота и рота связи. В октябре 1943 года бригада была полностью переориентирована на выполнение спецзаданий командования в тылу врага и переименована в Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР.

14 апреля 1943 года из состава НКВД СССР вновь, как и в 1941 году, был выведен самостоятельный Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ), который возглавил комиссар госбезопасности 1-го ранга В. Меркулов.

Разведка вошла в НКГБ в виде 1-го управления, начальником которого был назначен П. М. Фитин.

4-е управление было передано Наркомату государственной безопасности и под тем же номером просуществовало до 1946 года, когда было упразднено 9 октября 1946 года.

Одним из важнейших направлений работы внешней разведки было получение информации по нацистской Германии. До войны разведка имела там неплохие позиции. Однако с началом войны связь практически со всеми агентами была утеряна. Более того, к августу 1942 года гестапо ликвидировало разведывательную сеть внешней разведки, позднее ставшую известной под названием «Красная капелла». В результате сколь-нибудь систематической разведывательной работы на территории Германии в годы войны внешней разведке организовать не удалось.

Гораздо больших успехов достигла внешняя разведка, ведя работу по Германии с территории других стран. Легальная резидентура в Швеции под руководством Б. А. Рыбкина создала несколько опорных пунктов — в портах Норвегии, на севере Финляндии и в южных портах Швеции, где велось наблюдение за переброской войск и германо-шведскими экономическими поставками.

Одной из наиболее успешных резидентур в годы войны была лондонская легальная резидентура. Несмотря на ограниченный состав (в 1941 году — 4 сотрудника, в 1944 году — 12 сотрудников), резидентура сумела обеспечить Москву секретной информацией о переписке Черчилля с Рузвельтом, получить доступ к документам военного кабинета Англии и к информационным сводкам английской разведки. Огромную роль в этот период сыграла агентурная группа резидентуры, известная как «кембриджская пятерка».

Необходимо сказать об атомной разведке. Работа по данной проблеме велась с 1939 года. В дальнейшем сбором информации по атомному оружию занимались как ГРУ РККА, так и научно-техническая разведка 1-го уп-

равления НКВД-НКГБ. Однако в июле 1943 года головная роль в атомной разведке согласно постановлению ГКО отводилась 1-му управлению НКГБ. Перед органами внешней разведки по атомной проблеме были поставлены конкретные задачи:

определить круг стран, ведущих практические работы по созданию атомного оружия;

оперативно информировать Центр о содержании этих работ;

через собственные агентурные возможности приобретать необходимую научно-техническую информацию, способствующую созданию подобного оружия в СССР.

В феврале 1944 года для перевода и обработки информации по атомному проекту, полученной оперативно-агентурным путем, в составе НКВД СССР была создана специальная группа «С» во главе с комиссаром госбезопасности 3-го ранга П. Судоплатовым. 20 августа, после взрыва первой американской атомной бомбы, для координации усилий по решению атомной проблемы был создан Специальный комитет при ГКО, а затем при Совете Министров СССР, который возглавил Л. Берия. Чуть позже, 27 сентября 1945 года, для добывания и обработки разведанных по атомной проблеме в составе НКВД был организован отдел «С» во главе с П. Судоплатовым. Заместителями начальника отдела «С» были назначены Н. С. Сазыкин, А. З. Кобулов (по совместительству) и заместитель начальника 4-го управления НКГБ Н. И. Эйтингон. А 10 января 1946 года отдел «С» из состава НКВД был передан в НКГБ. После образования МГБ СССР отдел был передан в его структуру.

Заслуги сотрудников внешней разведки в годы войны были высоко оценены правительством. Так, 5 ноября 1944 года начальник 1-го управления НКГБ П. М. Фитин был награжден орденом Красного Знамени. А всего этим указом было награждено 87 сотрудников внешней разведки. Тогда же, 5 ноября, ордена Суворова 2-й степени получили начальник 4-го управления НКГБ П. А. Судоплатов и начальник 5-го управления НКГБ И. Г. Ше-

велев. Всего за работу в тылу противника было награждено 1494 сотрудника НКГБ, из них 16 сотрудникам было присвоено звание Героя Советского Союза (пятерым из них посмертно). Героями Советского Союза тогда стали разведчики Н. И. Кузнецов и Д. Н. Медведев.

Период «великих» реорганизаций

После окончания войны органы госбезопасности СССР подверглись очередной реорганизации. 15 марта 1946 года НКГБ СССР был преобразован в Министерство государственной безопасности СССР, министром государственной безопасности был назначен В. Меркулов; но на этом посту он оставался немногим больше месяца: 4 мая 1946 года его освободили от занимаемой должности, а 25 апреля 1947 года назначили начальником Главного управления советским имуществом за границей при Совете Министров СССР. Меркулова сменил бывший начальник ГУКР Смерш Министерства вооруженных сил СССР генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов.

Реорганизация коснулась и внешней разведки, которая была преобразована в 1-е Главное управление МГБ СССР. Структурно ПГУ состояло из двух управлений: «1-А» (легальная разведка) и «1-Б» (нелегальная разведка), а также нескольких вспомогательных отделов. Задачей центрального аппарата внешней разведки было руководство разведывательными и контрразведывательными операциями за границей. При этом штат только центрального аппарата насчитывал около 600 человек.

Главным противником СССР стали его недавние союзники — США и Англия. В связи с этим появилась необходимость вскрыть их военно-политические планы и определить основные направления проводимой ими тайной войны против Советского Союза.

15 июня 1946 года произошла замена руководства 1-го Главного управления. Генерал-лейтенант Павел Ми-

хайлович Фитин был направлен в распоряжение Управления кадров МГБ СССР, в сентябре того же года он был назначен заместителем уполномоченного МГБ СССР в Германии. В 1947 году был переведен в Свердловск заместителем начальника областного управления МГБ, в 1951 году назначен министром госбезопасности Казахской ССР, с марта по июль 1953 года снова в Свердловске — начальник управления МВД. В ноябре того же года был уволен из органов госбезопасности, работал старшим контролером в Министерстве госконтроля СССР — Комиссии советского контроля при Совмине СССР. С 1959 года был директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Скончался в Москве 24 декабря 1971 года.

Начальником внешней разведки был назначен генерал-лейтенант Петр Николаевич Кубаткин. Он родился в 1907 году в поселке Кольберовский Рудник Успенского уезда Елизаветградской губернии в семье шахтера. Окончил 4-классную сельскую школу и работал в Донбассе рудокопом, шахтером, был на советской и комсомольской работе. В 1929—1932 годы служил в погранвойсках ОГПУ (от рядового до помощника начальника заставы по политчасти). В 1930 году вступил в партию. Затем до 1937 года служил в органах ГПУ-НКВД в Одесской области — оперуполномоченным, замначальника политотдела МТС, начальником райотдела. В 1937 году после окончания полугодовых курсов при Центральной школе НКВД был переведен в центральный аппарат НКВД. Работал оперуполномоченным и помощником начальника отделения в Секретно-политическом отделе ГУГБ, был секретарем парткома ГУГБ. В 1939—1941 годы был начальником управления НКВД-НКГБ по Московской области, в августе 1941 года — начальником 3-го спецотдела НКВД. С конца августа 1941 года Кубаткин — начальник управления НКВД-НКГБ по Ленинградской области, работал в Ленинграде всю блокаду. После работы в разведке в ноябре 1946 года был назначен начальником

УМГБ Горьковской области, в марте 1949 года уволен из МГБ и переведен в Саратов зампредом облисполкома, но уже в июле был арестован по «ленинградскому делу». В октябре 1950 года Особое совещание при МГБ СССР приговорило его к 20 годам заключения, но 27 октября 1950 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, пересмотревшей дело, Петр Николаевич Кубаткин был расстрелян. Реабилитирован в 1954 году.

9 сентября 1946 года Кубаткина сменил генерал-лейтенант Петр Васильевич Федотов. Он родился в 1900 году в Санкт-Петербурге в семье кондуктора конки. Окончил начальное и среднее училища. С 15 лет работал упаковщиком газет на Главпочтамте и киномехаником. В 1919—1920 годы служил в Красной Армии — красноармейцем, ротным политруком. Воевал на Восточном, Южном, Кавказском фронтах, окончил курсы при политотделе Южного фронта. В 1918 году вступил в большевистскую партию, но в 1922 году выбыл автоматически. С 1920 года служил в Особом отделе Кавказской трудовой армии, в 1921—1927 годы в органах ЧК-ГПУ в Чечне, с 1927 года — в полпредстве ОГПУ — управлении НКВД Северо-Кавказского (с февраля 1937 г. Орджоникидзевского) края в информационном и секретно-политическом отделах — уполномоченным, начальником отделения. С 1932 года был кандидатом в члены ВКП(б), в 1937 году вступил в партию и в том же году переведен в Москву в секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, где работал начальником отделения, заместителем начальника отдела, с сентября 1939 года — начальником отдела. С сентября 1940 года он одновременно возглавлял 3-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР. После организации НКГБ Федотов стал начальником 2-го управления наркомата (с июля 1941 г. НКВД, с апреля 1943 г. вновь НКГБ) и руководил контрразведкой в течение Великой Отечественной войны.

4 мая 1946 года был создан отдел «ДР» (служба проведения диверсий и индивидуального террора), начальником которого был назначен генерал-лейтенант П. Су-

доплатов. Главной задачей отдела «ДР» являлась организация агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны.

Постановлением Совета Министров СССР 30 мая 1947 года был создан Комитет информации при Совете Министров СССР, в состав которого вошли 1-е Главное управление МГБ, ГРУ Министерства вооруженных сил, а также разведывательные и информационные структуры ЦК ВКП(б), МИД и Министерства внешней торговли. Первым председателем КИ стал В. М. Молотов. Однако поскольку Молотов не был профессиональным разведчиком, то непосредственным руководителем КИ являлся его первый заместитель генерал-лейтенант Петр Васильевич Федотов (с 30 мая 1947 по 24 августа 1949 г.).

Федотов работал в КИ до 1952 года, когда вернулся в разведку (был заместителем начальника ПГУ МГБ). С марта 1953 до апреля 1956 года вновь возглавлял Управление контрразведки в МВД СССР — КГБ при СМ СССР, затем работал в редакционно-издательском отделе Высшей школы КГБ. В 1959 году был уволен в запас, лишен генеральского звания и исключен из партии за нарушения законности в период 30—40-х годов. Умер Петр Васильевич Федотов в Москве в 1963 году.

В структуру КИ входили 8 оперативных управлений (3 географических, нелегальной разведки, научно-технической разведки, шифровальное и управление советников в странах народной демократии), два самостоятельных направления — «ЕМ» (эмиграция) и «СК» (советские колонии за рубежом) — и шесть функциональных отделов (оперативной техники, связи и т. д.).

Для руководства разведаппаратами за рубежом в КИ был введен так называемый институт главных резидентов, которыми, как правило, назначались послы или посланники. Первым таким главным резидентом стал бывший сотрудник ИНО НКВД Александр Семенович Панюшкин. С ноября 1947 по июнь 1952 года он был послом в США, являясь одновременно главным резидентом.

В конце 1948 года министру обороны СССР Н. А. Булганину удалось вернуть военную разведку в состав Генерального штаба.

В том же 1948 году в состав МГБ перешли Управление советников в странах народной демократии и службы «ЕМ» и «СК», которые 17 октября 1949 года вошли в 1-е управление МГБ, на которое возлагались задачи по управлению внешней контрразведкой.

Начальником 1-го управления 17 октября 1949 года был назначен Г. В. Утехин, которого 4 января 1951 года сменил С. Н. Карташов. Для выполнения поставленных перед ним задач 1-е управление имело собственные резидентуры в советских представительствах за рубежом.

Что касается КИ, то в феврале 1949 года его статус был изменен — его передали в ведение МИДа. Новым начальником КИ после ухода В. Молотова с поста министра иностранных дел с 4 марта 1949 года стал новый глава МИД А. Я. Вышинский, а затем первый заместитель министра В. А. Зорин. Практическое руководство работой разведки осуществлял первый заместитель А. Вышинского генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко — с 24 августа 1949 по 2 ноября 1951 года, когда заграничные аппараты КИ и 1-го управления МГБ были объединены.

2 ноября 1951 года в МГБ было вновь образовано 1-е Главное управление (ПГУ), которое возглавил Сергей Романович Савченко, который, как начальник ПГУ, получил статус заместителя министра госбезопасности.

С. Р. Савченко родился в городе Скадовске Днепропетровского уезда Таврической губернии в 1904 году в крестьянской семье. Окончил земское училище и 4 класса гимназии. Работал сторожем и конторщиком. С 1921 года служил в погранвойсках на Украине. Окончил Высшую пограничную школу ОГПУ в 1925 году. В 1930 году вступил в партию. В 1939—1940 годы был заместителем начальника Управления погранвойск НКВД Украины, с 1941 по 1943 годы заместителем наркома госбезопасности — внутренних дел УССР. Нарком-министр госбезопасности Ук-

раины с мая 1943 до августа 1949 года. С марта по декабрь 1953 года был заместителем начальника разведки. В 1953—1954 годы начальник Особого отдела МВД-КГБ при одном из строительства Московского района ПВО. Уволен в запас в 1955 году. Умер в Москве в 1966 году.

ПГУ МГБ включало в себя секретариат, Управление нелегальной разведки, 9 географических и 5 функциональных отделов.

Позднее на базе европейских направлений (английского, германского, французского и других) было создано Управление Западной Европы ПГУ МГБ.

Реорганизации начала 50-х годов коснулись и отдела «ДР» МГБ, отвечавшего за проведение диверсий за границей. Осенью 1950 года он был расформирован, а на его базе 9 сентября 1950 года были созданы бюро № 1 (проведение диверсий и террора за границей) и бюро № 2 (проведение похищений и убийств внутри СССР). 28 сентября 1950 года были сформированы бюро № 1 (начальник генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов) и бюро № 2 (начальник генерал-лейтенант В. А. Дроздов). Оба бюро действовали на правах управлений и подчинялись непосредственно министру.

Таким образом, к концу 1951 года в структуре Центрального аппарата МГБ СССР за деятельность за рубежом отвечали два подразделения: 1-е Главное управление (внешняя разведка) и бюро № 1 (проведение диверсий и террора за границей).

4 июля 1951 года В. С. Абакумов по решению ЦК ВКП(б) был отстранен от должности, а временное исполнение его обязанностей было возложено на первого заместителя министра госбезопасности СССР генерал-лейтенанта С. И. Огольцова. 9 августа 1951 года министром государственной безопасности СССР был назначен С. Д. Игнатьев.

Что касается внешней разведки, то в 1952 году руководство СССР, проанализировав первые итоги «холодной войны», внесло в её деятельность некоторые коррективы.

30 декабря 1952 года было принято решение об объединении 1-го (внешняя разведка) и 2-го (контрразведка) Главных управлений, бюро № 1, отдела «Д» (активные мероприятия), а также ряда подразделений 4-го (розыскного), 5-го (секретно-политического) и 7-го (оперативного) управлений Центрального аппарата МГБ в Главное разведывательное управление (ГРУ) МГБ СССР. Начальником ГРУ МГБ был назначен первый заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант Сергей Иванович Огольцов, его заместителями — генерал-майор Евгений Петрович Питовранов (он же начальник 1-го управления ГРУ: разведка за границей) и генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной (он же начальник 2-го управления ГРУ: контрразведка).

Но из-за смерти Сталина этот проект не был воплощен в жизнь.

Смерть Сталина принесла для органов большие перемены. На состоявшемся в тот же день, 5 марта, совместном заседании Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ЦК КПСС было решено объединить МГБ и МВД в одно министерство — МВД СССР. На этом заседании первым заместителем председателя Совета Министров СССР и министром внутренних дел СССР был утвержден Л. П. Берия, а бывший министр госбезопасности С. Игнатьев избран одним из секретарей ЦК КПСС.

14 марта 1953 года разведка вошла в МВД как 2-е Главное управление (разведка за границей). Начальником внешней разведки был назначен генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной. Он родился в 1904 году в Самарканде в рабочей семье. Учился в Ашхабадском железнодорожном техническом училище. Служил в Красной Армии, был на комсомольской работе в Туркмении, в 1922 году вступил в партию, работал в партийных органах в Туркмении. В 1931—1933 годы учился во Всесоюзной промакадемии имени Сталина в Москве. Затем находился на партийной работе в Сталинградском крае до 1937 года, когда был направлен по партнабору в НКВД.

Работал в Контрразведывательном отделе ГУГБ, где за 4 года прошел путь от стажера до начальника отделения. В 1941—1943 годы работал начальником УНКВД-УНКГБ по Горьковской области; в 1943—1946 годы наркомом внутренних дел Украинской ССР, в 1946—1952 годы заместителем министра внутренних дел СССР, с 1952 года — заместителем министра госбезопасности и начальником Контрразведывательного управления МГБ СССР.

Он пробыл в этой должности до 28 мая 1953 года, после чего был назначен начальником УМВД Москвы и Московской области. В 1956 году был снят с должности и уволен в запас. Около 30 лет работал в системе строительства. Умер в Москве 12 декабря 1995 года.

Исполняющим обязанности начальника стал Александр Михайлович Коротков, до этого руководивший Управлением нелегальной разведки.

Берия провел очередную реорганизацию ее структуры. Были ликвидированы Управление нелегальной разведки и американский отдел (был создан объединенный отдел США, Канады, Англии, Мексики и Аргентины со штатом 24 человека), Управление Западной Европы было преобразовано в отдел.

30 мая 1953 года на базе бюро № 1 МГБ СССР был организован 9-й отдел МВД СССР (проведение актов индивидуального террора и диверсий). Начальником 9-го отдела был назначен заместитель начальника 2-го Главного управления МВД генерал-лейтенант П. А. Судоплатов.

Берия 26 июня 1953 года был арестован, снят с должности первого заместителя председателя Совета Министров СССР и министра МВД СССР, а дело о его «преступных действиях» было передано на рассмотрение Верховного суда СССР. В тот же день министром внутренних дел был назначен генерал-полковник С. Н. Круглов. 18 июля 1953 года начальником 2-го Главного управления был назначен Александр Семенович Панюшкин.

А. С. Панюшкин родился 1 (14) августа 1905 года в Самаре в рабочей семье. Окончил среднюю школу, слу-

жил в Красной Армии, в погранвойсках, в 1927 году вступил в партию. В 1938 году окончил Военную академию РККА имени Фрунзе, был направлен на работу в НКВД, работал в 5-м отделе ГУГБ (помощник начальника отделения) и начальником 3-го спецотдела ГУГБ. В 1939—1944 годы работал в Китае полпредом СССР и одновременно главным резидентом НКВД. После возвращения работал в отделе международной информации ЦК ВКП(б) — первым заместителем заведующего и главным секретарем в КИ. С 1947 по 1952 год — чрезвычайный и полномочный посол СССР в США и одновременно главный резидент советской разведки. В 1952—1953 годы вновь посол в Китае.

9-й отдел МВД 31 июля 1953 года был упразднен, его начальник, генерал-лейтенант Павел Судоплатов, 21 августа 1953 года арестован.

Образование ПГУ КГБ

13 марта 1954 года указом ПВС СССР был образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР. Тем же указом бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Иван Александрович Серов был назначен председателем КГБ СССР. Согласно решению ЦК КПСС была утверждена структура центрального аппарата КГБ. Внешняя разведка вошла в КГБ как 1-е Главное управление (ПГУ), а ее начальником был утвержден генерал-майор Александр Семенович Панюшкин.

После этого центральный аппарат внешней разведки был реорганизован и укреплен. К концу 50-х годов в структуру ПГУ входили секретариат (секретное делопроизводство, обеспечение функционирования аппарата разведки), Управление нелегальной разведки, Управление оперативной техники, 3 службы (активных мероприятий, информационно-аналитической работы и шифровальная), 4 функциональных отдела (научно-технической

разведки, внешней контрразведки, эмиграции и специальных операций), 7 линейных отделов (США, Англии и Северной Европы, Латинской Америки, Южной Европы, Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Дальнего Востока).

Позднее появился и африканский отдел.

В мае 1956 года начальник ПГУ Александр Семенович Панюшкин был назначен председателем комиссии ЦК КПСС по выездам за границу. В Центральном Комитете он проработал 18 лет, заведя отделом заграничных кадров (названия отдела менялись) до 1973 года, когда вышел на пенсию. Он избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, был награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени. Умер А. С. Панюшкин 12 ноября 1974 года в Москве.

11 мая 1956 года начальником ПГУ был назначен Александр Михайлович Сахаровский, до этого занимавший должность первого заместителя начальника внешней разведки. Он родился 3 сентября 1909 года в деревне Большое Ожогино Костромской губернии в крестьянской семье. Окончил среднюю школу, работал на судостроительных заводах в Ленинграде, в 1930 году вступил в партию. В 1931—1934 годы служил в РККА, окончил вечерний комвуз при Военно-политической академии РККА, после демобилизации находился на комсомольской и партийной работе в Ленинграде. В 1939 году направлен в УНКВД Ленинградской области, работал в транспортном отделе, во время Великой Отечественной войны был заместителем начальника разведывательного и контрразведывательного отделов УНКГБ. С 1946 года работал в центральном аппарате внешней разведки, в 1950—1952 годы — советником МГБ СССР при МГБ Румынии, с 1953 года вновь в центральном аппарате разведки, с 1954 года — заместитель начальника.

За время пребывания Сахаровского на посту начальника ПГУ центральный аппарат внешней разведки значительно расширился. Резко увеличилось и количество оперативных сотрудников за рубежом за счет открытия новых резидентур в странах Азии, Африки, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке.

Главными противниками СССР оставались США и страны НАТО, что и определяло основные задачи внешней разведки.

Позднее, в 60-е годы, перед внешней разведкой была поставлена также задача по выявлению подрывных планов Китая против СССР.

В этот период сформировались три основных направления деятельности разведки: политическая, научно-техническая и внешняя контрразведка (в задачи которой входило обеспечение разведывательной деятельности за рубежом от проникновения вражеской агентуры, а также безопасности советских учреждений и граждан за рубежом). Политической разведкой занимались линейные географические отделы ПГУ, научно-технической разведкой и внешней контрразведкой соответствующие отделы (позднее управления).

В погоне за научно-техническими секретами

Управление научно-технической разведки (управление «Т») было создано в конце 60-х годов на базе 10-го отдела ПГУ (научно-техническая разведка). После войны 10-м отделом, а потом и управлением «Т» руководил Леонид Романович Квасников. В дальнейшем научно-технической разведкой руководили Михаил Иванович Липатов (с 1969 по 1975 г.), Леонид Сергеевич Зайцев (с 1975 по 1992 г.) и Юрий Иванович Зевакин (с 1992 г.).

Структурно 10-й отдел состоял из семи направлений, охватывавших все стороны научной деятельности, имеющих оборонное значение (ядерное оружие, космос, радиоэлектроника и т. д.).

Направления работали по географическому принципу. Каждое направление в свою очередь делилось на отделения:

англоязычное (США, Англия, Канада, Израиль, Япония);

франкоязычное (Франция и страны Бенилюкса);

немецкое (ФРГ, Австрия, Швейцария, Скандинавия).

Остальные страны равномерно распределялись между этими тремя отделениями. Например, частью стран Латинской Америки занималось англоязычное отделение.

После реорганизации 10-го отдела в управление «Т» его структура фактически соответствовала структуре ПГУ. Начальник управления был заместителем начальника ПГУ. В зарубежных резидентурах сотрудники управления «Т» составляли так называемую линию «Х», а ее начальник являлся заместителем резидента.

Обеспечивая безопасность

Управление внешней контрразведки (управление «К») отвечало за проникновение в иностранные спецслужбы и за собственную безопасность ПГУ. Первоначально это была так называемая Вторая служба, сформированная в 1965 году на базе нескольких отделов ПГУ. Первым начальником Второй службы с 1965 по 1970 год был Григорий Федорович Григоренко. В 1970 году его сменил Виталий Константинович Бояров, при котором Вторая служба была преобразована в управление «К». Далее управлением «К» руководили Олег Данилович Калугин (1973—1979), Анатолий Тихонович Киреев (1979—1987), Леонид Ефимович Никитенко (1987—1990), с 1990 года — Валентин Петрович Новиков.

В управление «К» входило шесть оперативных отделов, из которых три специализировались на эмиграции, центрах идеологических диверсий, проблемах терроризма, работе на каналах международных транспортных пе-

ревозок и внутренней безопасности. Седьмой отдел (информационный) обобщал информацию, поступавшую из оперативных отделов, а также из других подразделений ПГУ. В зарубежных резидентурах сотрудники управления «К» составляли так называемую линию «КР», начальник которой был заместителем резидента.

Главным направлением работы управления «К» была организация агентурного проникновения в спецслужбы США (ЦРУ, ФБР и другие) и их союзников по НАТО. В этом сотрудники управления «К» достигли значительных успехов. Были завербованы сотрудники ЦРУ Эдвард Смит (1953), Дэвид Барнетт Дэвид (1976), Уильям Кампайлс (1978), Эдвин Мур (1979), Эдвард Говард (1985), Олдрич Эймс (1985). В ФБР на советскую разведку работали Ричард Миллер и Эрл Питтс, а в Агентстве национальной безопасности (АНБ) — Уильям Мартин, Бернон Митчел, Виктор Гамильтон, Роберт Липка, Рональд Пелтон и другие.

Была также проведена большая работа по составлению справочника, где были перечислены несколько тысяч имен установленных сотрудников ЦРУ. Сотрудник управления «К» Юрий Хангереевич Тотров разработал методику выявления американских разведчиков, действующих под различными прикрытиями.

Такая же работа велась и против союзников США. В английской разведке долго действовал Ким Филби, а в разведке ФРГ — Хайнц Фельфе. Сотрудник ПГУ Анатолий Максимов с 1967 по 1978 год проводил с канадской разведкой оперативную игру (операция «Турнир»), которая нанесла канадцам значительный ущерб. Были у внешней разведки агенты и в штаб-квартире НАТО (Жорж Пак, Хью Хэмблтон).

Внутри ПГУ были выявлены предатели Юрий Логинов, Олег Гордиевский, Леонид Полещук, Борис Южин, Владимир Пигузов, Владимир Ветров, Сергей Моторин, Валерий Мартынов, Геннадий Варенник и другие, в ГРУ — Дмитрий Поляков, Геннадий Сметанин, Владимир Васильев и другие.

Нелегалы

Очень важную работу проводила разведка с нелегальных позиций, которой занималось Управление нелегальной разведки ПГУ (управление «С»). В ведении управления «С» находились нелегальные сотрудники, действующие по всему миру. Им руководили опытные разведчики: Александр Михайлович Коротков (1946—1956), Арсений Васильевич Тишков (1950—1951), Алексей Алексеевич Крохин (1956—1958), Виталий Григорьевич Павлов (1958—1961), Михаил Степанович Цымбал (1961—1966), Анатолий Иванович Лазарев (1966—1974), Вадим Алексеевич Кирпиченко (1974—1979), Юрий Иванович Дроздов (1979—1991).

Управление «С» в середине 70-х годов состояло из 1-го отдела (нелегалов центра), 2-го отдела (документации и легенды по региональным вопросам), 3-го отдела (подбора и подготовки нелегалов), четырех географических отделов, охватывавших практически весь мир, 8-го отдела (прямых действий), 9-го отдела (безопасности) и 10-го отдела (работы на советской территории).

В легальных зарубежных резидентурах сотрудники управления «С» составляли так называемую линию «Л» (поддержка нелегалов). Начальник линии «Л» являлся заместителем резидента.

Наиболее известные разведчики-нелегалы: Конон Молодой, Вильям Фишер, супруги Михаил и Анна Филоненко, Михаил и Галина Федоровы и другие.

Следует также отметить и других сотрудников управления «С», от которых во многом зависела успешная работа разведчиков-нелегалов: Т. Н. Бескровного, Н. М. Горшкова, Н. А. Корзникова, Б. Я. Наливайко и других.

Здесь же необходимо сказать несколько слов о спецподразделении ПГУ КГБ «Вымпел». Решение о создании в системе КГБ СССР секретного подразделения специального назначения было принято 19 августа 1981 года на совместном закрытом заседании Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Его основой стали

группы «Зенит», «Каскад» и «Омега», в 1979 году принимавшие участие в штурме дворца Амина. Структурно группа «Вымпел» вошла в управление «С» ПГУ КГБ и подчинялась непосредственно начальнику разведки. А решение о задействовании группы принималось на уровне Политбюро ЦК КПСС. Официальное название группы — Отдельный учебный центр (ОУЦ). Территориально группа располагалась в подмосковном городе Балашиха.

Основным назначением группы «Вымпел» было проведение разведывательных действий в глубоком тылу противника, агентурная работа, диверсии на стратегически важных объектах, захват судов и подводных лодок, охрана советских учреждений за рубежом, борьба с террористическими организациями и т. д. Боевую практику бойцы группы проходили в диверсионных подразделениях Кубы, Никарагуа, Вьетнама и других стран. Но основную «обкатку» группа прошла в Афганистане.

После событий августа 1991 года группа «Вымпел» сначала была передана в Межреспубликанскую службу безопасности (МСБ), а затем в Агентство федеральной безопасности (АФБ) РФ. 24 января 1992 года, после создания Министерства безопасности РФ, группа «Вымпел» вошла в его состав на правах самостоятельного управления. Но уже в скором времени группа была передана в Главное управление охраны РФ.

Однако после того как бойцы группы отказались в октябре 1993 года штурмовать здание Верховного Совета РФ, группа указом Президента РФ от 25 января 1994 года была переведена из ГУО в МВД РФ. Но из более чем 500 сотрудников группы только 50 человек согласились служить в МВД. В результате группа «Вымпел» как таковая перестала существовать.

Внешняя разведка в годы разрядки

В 1971 году начальник ПГУ генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский, руководивший внешней разведкой более 15 лет, вышел в отставку. До

1975 года он был старшим консультантом группы консультантов при председателе КГБ при СМ СССР. Скончался в Москве 12 ноября 1983 года.

Новым руководителем ПГУ был назначен генерал-лейтенант Федор Константинович Мортин. Он родился 2 мая 1918 года в селе Красная Поляна Нижегородской губернии в крестьянской семье. Окончил Арзамасский пединститут, преподавал в школе, работал в комсомольских и партийных органах, в 1942—1945 годы — в политотделах действующей армии. После войны окончил Военно-дипломатическую академию, работал в разведке и в ЦК КПСС, с 1954 года — заместителем начальника ПГУ, одновременно в 1966—1967 годы руководил Высшей разведывательной школой. ПГУ возглавлял до ноября 1974 года. Затем был консультантом в группе консультантов при председателе КГБ. В 1982 году вышел в отставку. Скончался в Москве 1 января 1991 года.

В начале января 1975 года ПГУ КГБ возглавил Владимир Александрович Крючков. Он родился 29 февраля 1924 года в Царицыне (Волгоград). Работал на оборонном заводе, был на комсомольской работе в Сталинграде, после окончания Всесоюзного заочного юридического института работал в органах прокуратуры. В 1954 году окончил Высшую дипломатическую школу МИД СССР, в 1954—1959 годы работал в советском посольстве в Венгрии, в 1959—1967 годы в ЦК КПСС, с 1967 года в КГБ — помощником председателя, начальником секретариата, первым заместителем начальника ПГУ.

Структура центрального аппарата в 70-е годы состояла из Коллегии ПГУ, Секретариата, Отдела кадров, четырех управлений, трех служб и более чем двадцати отделов.

В 80-е годы перед внешней разведкой встал ряд новых задач, в том числе информирование Центра о современных видах вооружений, особенно тех, которые могут появиться при реализации Стратегической оборонной инициативы (СОИ), разрабатываемой в США, и создать реальную угрозу безопасности СССР и стран Варшавс-

кого договора. Для решения этой задачи в 1983—1984 годах внешней разведкой совместно с военной разведкой была разработана долговременная операция РЯН (ракетно-ядерное нападение).

1 октября 1988 года Владимир Александрович Крюков был назначен председателем КГБ СССР. На этом посту генерал армии Крюков находился до августа 1991 года, когда в связи с известными событиями был снят с должности и арестован. Впоследствии амнистирован. В настоящее время на пенсии.

Обязанности руководителя разведки исполнял первый заместитель начальника ПГУ генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко. В январе 1989 года начальником ПГУ и заместителем председателя КГБ СССР стал генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин. Он родился в Москве 24 марта 1935 года в рабочей семье. Окончил МГИМО в 1958 году. Работал в советском посольстве в Пакистане, с 1962 года в ПГУ КГБ. Работал в Пакистане, Индии, Иране (резидент в 1979—1982 гг.). С 1983 года работал в центральном аппарате ПГУ, с 1983 года — заместитель начальника ПГУ. В сентябре 1991 года из-за конфликта с председателем КГБ В. В. Бакатиным вышел в отставку. Работал президентом Российского национального агентства экономической безопасности.

Сегодняшний день российской разведки

28 ноября 1991 года Президент СССР М. Горбачев подписал Указ «Об утверждении временного положения о Межреспубликанской службе безопасности» (МСБ), а 3 декабря Верховный Совет СССР принял Закон «О реорганизации органов государственной безопасности». Этот закон окончательно упразднял КГБ СССР. Его место заняли МСБ во главе с Вадимом Бакатиным (до этого с 23 августа 1991 года — председатель КГБ СССР) и образованный 6 мая 1991 года КГБ РСФСР (с 26 ноября

1991 года — Агентство федеральной безопасности России — АФБ) во главе с Виктором Иваненко. 19 декабря 1991 года указом Президента России Б. Ельцина МСБ, МВД СССР, АФБ РСФСР и МВД РСФСР были объединены в Министерство безопасности и внутренних дел (МБВД РФ), министром был назначен генерал-полковник внутренней службы Виктор Баранников.

Но МБВД РФ просуществовало недолго. 14 января 1992 года Конституционный суд РФ отменил указ, а уже 17 января 1992 года по новому указу Ельцина были образованы МВД РФ и Министерство безопасности РФ.

Реорганизации затронули и руководство разведки. 23 сентября 1991 года подал в отставку начальник ПГУ Леонид Шебаршин. 30 сентября указом Горбачева был назначен академик Евгений Максимович Примаков.

Е. М. Примаков родился 29 октября 1929 года в Киеве. Вырос в Тбилиси. Окончил в 1953 году Московский институт востоковедения. В 1953—1962 годы работал в Гостелерадио СССР, в 1962—1970 годы в газете «Правда» (в 1965—1970 гг. корреспондент на Ближнем Востоке). Затем на научной работе — заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, директор Института востоковедения, директор ИМЭМО. В 1989—1990 годы председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, затем член Президентского совета и Совета безопасности СССР.

22 октября 1991 года постановлением Госсовета СССР внешняя разведка была выведена из состава КГБ СССР и реорганизована в самостоятельное ведомство — Центральную службу разведки СССР (ЦСР СССР). Директором ЦСР был назначен Евгений Примаков.

Б. Ельцин 18 декабря 1991 года подписал указ о преобразовании ЦСР в Службу внешней разведки РФ (СВР РФ). Первым директором СВР был назначен прежний руководитель ПГУ КГБ и ЦСР Евгений Примаков.

11 августа 1992 года Верховный Совет РФ принял Закон «О внешней разведке», согласно которому «внешняя разведка РФ является составной частью сил обеспечения

безопасности Российской Федерации, призванной защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз с использованием определенных Законом методов и средств».

Принятие Закона «О внешней разведке» позволило СВР отказаться от проводимой прежде политики глобализма. И если раньше разведка действовала практически во всех регионах мира, то теперь только в тех странах, где у России есть действительно подлинные интересы. Главной задачей СВР стало активное участие в реализации российской внешней политики, повышение оборонного потенциала и ускорение социального и экономического развития России, а также отслеживание тех процессов, развитие которых могло бы нанести ущерб интересам России.

В связи с новыми задачами, стоящими перед внешней разведкой, была изменена организационная структура СВР. Прежде всего было произведено сокращение центрального и зарубежного аппарата разведки на 30—40%. В результате численность кадровых сотрудников СВР составила 15 тыс. человек. Кроме того, были закрыты 30 резидентур, преимущественно в странах Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. В настоящее время структура СВР включает в себя руководство (директор СВР, первый заместитель директора СВР, четыре заместителя директора СВР, пресс-секретарь директора СВР, секретариат, группа консультантов), 7 управлений, Академию СВР, бюро по связям с общественностью и СМИ.

С 1991 года внешняя разведка установила контакты с другими спецслужбами мира, в том числе с разведками США, Великобритании, Германии, Израиля, Китая и многими другими. Главной целью этого сотрудничества стала координация деятельности, направленной против терроризма, организованной преступности, распространения оружия массового уничтожения, наркотиков и т. п.

В январе 1996 года первый директор СВР Евгений Примаков был назначен министром иностранных дел РФ.

Этот пост он занимал до сентября 1998 года, когда был назначен председателем Правительства Российской Федерации (до мая 1999 г.). С декабря 1999 года — лидер фракции «Отечество — вся Россия» Государственной думы РФ.

Новым директором внешней разведки стал Вячеслав Иванович Трубников, до этого занимавший должность первого заместителя директора СВР. Родился 25 апреля 1944 года в Иркутске в рабочей семье. Окончил МГИМО. Работал в разведке в Индии и других странах Азии под журналистским и дипломатическим прикрытием, затем в центральном аппарате разведки, с 1992 года — первый заместитель директора СВР. Возглавлял разведку в 1996—2000 годы. С мая 2000 года — первый заместитель министра иностранных дел РФ.

8 декабря 1995 года Государственная дума РФ приняла Закон «О внешней разведке».

Новый закон не претерпел концептуальных изменений, но был приведен в соответствие с Конституцией РФ. Кроме того, в закон было внесено много дополнений, позволяющих совершенствовать и активизировать деятельность СВР. Это прежде всего касается защиты источников информации. В новом законе зафиксировано, что сведения о лицах, оказывающих или оказывавших конфиденциальное содействие органам внешней разведки, составляют государственную тайну и рассекречиванию в связи с истечением максимально допустимого срока не подлежат. Другим важным дополнением стало определение мер по социальной защите сотрудников СВР. Став директором СВР, генерал армии Трубников приложил максимум усилий для того, чтобы сотрудники разведки творчески и инициативно подходили к поручаемым им задачам. В результате внешняя разведка сумела преодолеть организационные трудности, вызванные изменением ее структуры, функций и условий деятельности. Это обстоятельство особо подчеркнул второй Президент России Владимир Путин при назначении в мае 2000 года нового директора СВР — Сергея Николаевича Лебедева.

Лебедев Сергей Николаевич родился 9 апреля 1948 года в узбекском городе Джизак в семье рабочего. В 1970 году окончил Черниговский филиал Киевского политехнического института по специальности инженер-механик. Был оставлен для работы в институте, избран секретарем Черниговского горкома комсомола. В 1971—1972 годы служил в армии.

В органах государственной безопасности с 1973 года. В 1975 году переведен в ПГУ КГБ СССР. Окончил одногодичный факультет Краснознаменного института КГБ, а в 1978 г. — Дипломатическую академию МИД СССР. Свободно владеет немецким и английским языками.

Выезжал в служебные командировки в ГДР, Западный Берлин, в начале 90-х годов — в Бонн. Возглавлял одно из управлений СВР, в 1998—2000 годы являлся официальным представителем СВР в США.

20 мая 2000 года назначен директором СВР РФ.

Награжден орденом и восемью медалями.

ПРИМЕЧАНИЯ

Нелегал Яков Серебрянский

¹ Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3. С. 83.

² Документ предоставлен сыном Я. И. Серебрянского Анатолием Яковлевичем Серебрянским.

На земле Поднебесной

¹ Всемирная история шпионажа / Авт.-сост. М. И. Умнов. М., 2000. С. 271.

² Очерки истории российской внешней разведки. М., 1996. Т. 2. С. 48.

³ Там же. С. 254.

⁴ Карелин Ю. В то время на Дальнем Востоке // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 12.

⁵ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 215—216.

⁶ Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2.

⁷ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 223.

⁸ Гудзь Б. Сталин обдурил нас всех. Воспоминания разведчика // Continent. 1992. № 12.

⁹Николасов С. Грязная работа ФБР // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 6.

¹⁰Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 228.

¹¹Пещерский В. Сокровище по имени Отэ // Новое время. 1995. № 13.

¹²Тень председателя Мао // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 3.

¹³О поставках советского оружия в Китай см.: Год кризиса. 1938—1939: Документы и материалы. Т. 1. С. 244—245, 363—364; Т. 2. С. 20—24, 43, 44, 365, 398; Дубинский А. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937—1945. М., 1977. С. 64, 80—85; Сладковский М. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1984. С. 127—154.

¹⁴Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 219—220.

¹⁵Аптекарь П. Новые тайны старых преступлений // Московские новости. 1997. № 40.

¹⁶Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М., 1995. Т. 1. Накануне. Кн. 1. С. 36—37.

¹⁷Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 387.

¹⁸Там же. С. 392.

¹⁹Там же. С. 394.

²⁰Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1. С. 99.

²¹Кедров Ю. Как были сорваны планы нападения Японии на Советский Союз // Народы Азии и Африки. 1995. № 12.

²²Щербakov С. Белый резидент // Секретные материалы. 2000. № 9.

²³Там же.

²⁴Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 361.

²⁵Там же.

²⁶Маоизм: военная теория и практика. М., 1978. С. 62.

²⁷Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994. С. 57.

«Над всей Испанией безоблачное небо»

¹Сиполс В. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С. 123.

²Там же.

³Де Лутти и С. История итальянских секретных служб. М., 1989. С. 23.

⁴Там же.

⁵Там же. С. 24.

⁶Война и революция в Испании, 1936—1939. М., 1968. Т. 1. С. 419.

⁷Мещеряков М. Советский Союз и антифашистская война испанского народа // История СССР. 1988. № 1. С. 31.

⁸Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 289.

⁹Там же. С. 304.

¹⁰Там же. С. 305.

¹¹Там же. С. 238.

¹²Ваупшасов С. На тревожных перекрестках: Записки чекиста. М., 1974. С. 173—174.

¹³Царев О., Костелло Д. Указ. соч. С. 308.

¹⁴Там же. С. 300.

¹⁵Там же. С. 329.

¹⁶Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 144.

¹⁷Чиков В. Нелегалы. М., 1997. С. 40.

¹⁸Там же. С. 53.

«Лига Вольвебера»

¹Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997. С. 143—146.

²Там же. С. 146.

Герои «Красной капеллы»

¹Пещерский В. С фактами не в ладах // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 4.

²Царев О., Костелло Д. Указ. соч. С. 78.

³Там же. С. 82—83.

⁴Там же. С. 84.

⁵Воскресенская З. Указ. соч. С. 18—31.

⁶Леонидов В. Секреты Третьего рейха в руках Корсиканца и Старшины // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 9.

⁷Царев О., Костелло Д. Указ. соч. С. 93.

⁸ Там же. С. 93—94.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Байдаков А. По данным разведки... // Правда. 1989. 8 мая.

¹¹ Нежников Ю. Кремль боялся провокации и не верил разведке // Литературная газета. 1995. № 25.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Царев О., Костелло Д. Указ. соч. С. 461—462.

¹⁵ Там же. С. 463.

¹⁶ Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991. С. 275.

¹⁷ Пещерский В. «Красная капелла»: Советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000. С. 357.

Наш человек в гестапо

¹ Шелленберг В. Мемуары. М., 1991. С. 117.

² Гладков Т. Король нелегалов. М., 2000. С. 189—190.

³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 340—341.

⁴ Там же. С. 341.

⁵ Там же. С. 338.

⁶ Там же. С. 344.

⁷ Там же. С. 338.

⁸ Гладков Т. Указ. соч. С. 188.

Охота на генерала Власова

¹ Решин Л. Охота на Ворона // Совершенно секретно. 1996. № 2.

² Окорков А. Советские спецслужбы и русское освободительное движение // Материалы по истории Русского освободительного движения. М., 1998. С. 221—222.

³ Решин Л. Указ. соч.

⁴ Арест генерала Власова // Совершенно секретно. 1995. № 10.

⁵ Якушов М. Как я выкрал генерала Власова // Аргументы и факты. 1996. № 19.

⁶ Арест генерала Власова.

В Стране восходящего солнца

- ¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 224.
- ² Там же. С. 225.
- ³ Очерки истории российской внешней разведки. М., 1996. Т. 2. С. 260.
- ⁴ Пещерский В. Сокровище по имени Отэ // Новое время. 1995. № 13.
- ⁵ Очерки истории российской внешней разведки. М., 1999. Т. 4. С. 516.
- ⁶ Там же. С. 525—526.
- ⁷ Карпов В. Забвению не подлежит // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 9.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 526—527.
- ¹¹ Карпов В. Указ. соч.
- ¹² Там же.
- ¹³ Вячеславлев В. Москва читала шифровки Японии // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 15—16.
- ¹⁴ Карпов В. Указ. соч.
- ¹⁵ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 517.
- ¹⁶ Там же. С. 518.
- ¹⁷ Пещерский В. Сокровище по имени Отэ // Новое время. 1995. № 13.
- ¹⁸ Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994. С. 105.
- ¹⁹ Морозов И. Оперативный брак. Любовь советских не-легалов в Японии // Совершенно секретно. 1994. № 5.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Максимов А. Операция «Турнир»: Записки чернорабочего разведки. М., 1999. С. 84.
- ²³ Преображенский К. КГБ в Японии. М., 2000. С. 408—450.

Ученые в борьбе за мир

- ¹ Пестов С.т. Бомба: Тайны и страсти атомной преисподней. СПб., 1995. С. 33.
- ² Кулишов В. Конец атомному секрету // Профессия: разведчик. М., 1992. С. 132.

- ³ Там же. С. 132.
- ⁴ Там же. С. 141—142.
- ⁵ Феклисов А. Признание разведчика. М., 1999. С. 252.
- ⁶ Понтекорво Б. Una nota autobiografica // Бруно Понтекорво: Избранные труды. Т. II. Воспоминания. М., 1997. С. 137.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 138.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 145, 140.
- ¹² Чиков В. Нелегалы. М., 1997. Кн. 1. С. 184.
- ¹³ Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1997. С. 237.
- ¹⁴ Чиков В. Указ. соч. С. 307—308.
- ¹⁵ Там же. С. 337.
- ¹⁶ Дзелепов В. Гений Бруно Понтекорво // Бруно Понтекорво. Избранные труды. Т. II. С. 211.
- ¹⁷ Понтекорво Б. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁸ Там же. С. 145—146.
- ¹⁹ Лебедев И. И Стар, и Млад... // Эхо планеты. 1996. № 17.
- ²⁰ Лебедев И. Агент по имени Млад // Эхо планеты. 1997. № 43.
- ²¹ Лебедев И. И Стар, и Млад.
- ²² Кто был невидимкой по имени Млад? // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 8.
- ²³ Чиков В. Указ. соч. С. 255—256.
- ²⁴ Там же. С. 259—267.
- ²⁵ Там же. С. 268—269.
- ²⁶ Феклисов А. Указ. соч. С. 155.
- ²⁷ Там же. С. 156—157.
- ²⁸ Лисочкин И. Жизнь и смерть Филиппа Староса // Санкт-Петербургские ведомости. 1997. 20 июня.

Удивительная одиссея нелегала Марка

- ¹ Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абея. М., 1997. С. 66.
- ² Там же. С. 79—80.

³Там же. С. 92—93.

⁴Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991. С. 36.

⁵Долгополов Н. Невидимка по имени Абель // Комсомольская правда. 1994. 11 мая.

⁶Хенкин К. Указ. соч. С. 23.

⁷Долгополов Н. Указ. соч.

⁸Там же.

Джордж Блейк

¹Григорьев А. Кто и как завербовал Джорджа Блейка // Комсомольская правда. 1992. 17 апреля.

²Блейк Дж. Иного выбора нет. М., 1991. С. 194.

На земле обетованной

¹Шрейдер М. Воспоминания (неопубликованная рукопись).

²Агабеков Г. Секретный террор. М., 1996. С. 324—325.

³Велидов А. Похождения террориста: одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. С. 68—69.

⁴Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. С. 344—345.

⁵Правда, 23 апреля 1948.

⁶Судоплатов П. Указ. соч. С. 345—346.

⁷Цит. по: Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1993. С. 317—318.

⁸Эрикссен Е. Шабтай Калманович: жертва Израиля или Герой Советского Союза? // Лица. 1997. № 2.

⁹Бывший шеф спецслужб Израиля о КГБ и ГРУ // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 1—2.

Проникновение в НАТО

¹Модин Ю. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М., 1997. С. 255, 262.

²Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993. С. 195.

³Там же. С. 196.

⁴Баррон Д. КГБ сегодня: невидимые щупальца. СПб., 1992. С. 449.

⁵Павлов В. Операция «Снег»: Полвека во внешней разведке. М., 1996. С. 196—197.

⁶Там же. С. 201.

⁷Павлов В. «Сезам, откройся!». М., 1999. С. 146.

«Кроты» в спецслужбах США

¹Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994. С. 123.

²Колосов Л. На крючке у Крючкова // Совершенно секретно. 1995. № 6.

³Уайз Д. Охота на «кротов». М., 1994. С. 318.

⁴Крючков В. Личное дело. М., 1996. Кн. 1. С. 157—168.

⁵Колосов Л. Указ. соч.

⁶Что ожидает перебежчика из ЦРУ? // За рубежом. 1991. № 50.

⁷См., например: Павлов В. «Сезам, откройся!». С. 194—195.

⁸Эрли П. Признания шпиона. М., 1998. С. 59.

⁹Радышевский Д. Откровения жены супершпиона // Московские новости. 1994. № 54.

¹⁰Мзареулов М. Охота за «кротом» // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 1—2.

¹¹Там же.

¹²Дивильковский С. Диссидент из ЦРУ по имени Эймс // Новости разведки и контрразведки. 1998. № 4.

¹³Эрли П. Указ. соч. С. 155.

¹⁴Радышевский Д. Указ. соч.

¹⁵Коваленко Ю. Олдрич Эймс стоял перед выбором: или ограбить банк, или стать агентом КГБ // Известия. 1995. 21 февраля.

¹⁶Мзареулов М. Указ. соч.

¹⁷Радышевский Д. Игра с котом в кошки-мышки // Московские новости. 1995. № 7.

¹⁸Цит. по: Заворотный С. Прокол Эймса в США был невозможен. Его предали в Москве // Комсомольская правда. 1994. 22 декабря.

¹⁹Странное поведение учителя с «фермы» // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 4.

²⁰ Р а д ы ш е в с к и й Д. Гарольд Николсон: приговор до суда // Московские новости. 1996. № 48.

²¹ К а б а н н и к о в А. Как брали агента КГБ Эрла Питтса // Комсомольская правда. 1997. 7 октября.

²² Н и к о л а е в В. Указ. соч.

²³ С т а р о с а д с к и й В. Признание агентов КГБ // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 6.

²⁴ Б а й Е. Еще один шпион Москвы осужден в США // Известия. 1997. 25 июня.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агуреев А. «Кроты» в ЦРУ // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 1.

Айзенберг Д., Дан У., Ландау Э. «Моссад». Секретная разведывательная служба Израиля. М., 1993.

Анин Б. Радиоэлектронный шпионаж. М., 2000.

Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М., 1996.

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля: Биографические очерки о разведчиках. М., 2000.

Аптекарь П. Новые тайны старых преступлений // Московские новости. 1997. № 40.

Арест генерала Власова // Совершенно секретно. 1995. № 10.

Бай Е. Еще один шпион Москвы осужден в США // Известия. 1997. 15 июня.

Байдаков А. По данным разведки... // Правда. 1989. 8 мая.

Баррон Дж. КГБ сегодня: невидимые щупальца. СПб., 1992.

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

Блейк Дж. Иного выбора нет. М., 1991.

Борисов О., Колосков Б. Советско-китайские отношения. 1945—1977. М., 1977.

Бывший шеф спецслужб Израиля о КГБ и ГРУ // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 1—2.

Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1993.

Ваупшасов С. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. М., 1974.

Велидов А. Похождения террориста: одиссея Якова Блюмкина. М., 1998.

Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993.

Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.

Всемирная история шпионажа / Автор-составитель М. И. Умнов. М., 2000.

Вячеславлев В. Москва читала шифровки Японии // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 15—16.

Гладков Т. Король нелегалов. М., 2000.

Год кризиса. 1938—1939: Документы и материалы. Т. 1—2. М., 1990.

Григорьев А. Кто и как завербовал Джорджа Блейка // Комсомольская правда. 1992. 17 апреля.

Гудзь Б. Сталин обдурил нас всех // Continent. 1992. № 11, 12, 13.

Дедюля И. На земле обетованной // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 14.

Дивильковский С. Диссидент из ЦРУ по имени Эймс // Новости разведки и контрразведки. 1998. № 4.

Долгополов Н. Невидимка по имени Абель // Комсомольская правда. 1994. 11 мая.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абея. М., 1992.

Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994.

Дубинский А. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937—1945. М., 1980.

Заворотный С. Прокон Эймса в США был невозможен. Его предали в Москве // Комсомольская правда. 1994. 22 декабря.

Иванов Е. Фарсовый арест // Советская Россия. 1996. 21 ноября.

Исаков К. Охотник на самураев // Новое время. 1993. № 40.

Кабанников А. Как брали агента КГБ Эрла Питтса? // Комсомольская правда. 1997. 7 октября.

Как был завербован Олдрич Эймс // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 5—6.

Калугин О. Прощай, Лубянка! М., 1995.

Карелин Ю. В то время на Дальнем Востоке // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 12, 13.

Карпов В. Забвению не подлежит // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 9.

Кедров Ю. Как были сорваны планы нападения Японии на Советский Союз // Азия и Африка сегодня. 1995. № 12.

Кирпиченко В. Из архива разведчика. М., 1993.

Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М., 1998.

Коваленко Ю. Профессор уехал в Израиль, чтобы работать на советскую разведку // Известия. 1994. 19 января.

Кого выдал Олдрич Эймс // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 17—18.

Колосов Л. На крючке у Крючкова // Совершенно секретно. 1995. № 6.

Колосов Л., Молодой Т. Мертвый сезон: конец легенды. М., 1998.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000.

Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1.

Крючков В. Личное дело. М., 1996. Кн. 1—2.

Кто был невидимкой по имени Млад? // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 8.

Кукушкин В. Новый закон о разведке // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 7.

Лашкул В. Российская разведка в современном мире // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 10.

Лебедев И. И Стар, и Млад... // Эхо планеты. 1996. № 17.

Лебедев И. Агент по имени Млад // Эхо планеты. 1997. № 43.

Леонидов В. Секреты Третьего рейха в руках Корсиканца и Старшины // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 9.

Леонов Н. Лихолетье. М., 1994.

Лисочкин И. Жизнь и смерть Филиппа Староса // Санкт-Петербургские ведомости. 1997. 20 июня.

Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917—1960: Справочник / Составители А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 1997.

Максимов А. Операция «Турнир». Записки чернорабочего разведки. М., 1999.

Малеванный В. «Японский гороскоп» для ЦРУ // Независимое военное обозрение. 2000. № 11.

Маоизм: военная теория и практика. М., 1978.

Материалы по Русскому освободительному движению. М., 1998.

Мзареулов М. Охота за «кротом» // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 1—2.

Модин Ю. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М., 1997.

Морозов И. Оперативный брак. Любовь советских нелегалов в Японии // Совершенно секретно. 1994. № 5.

Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994.

Нежников Ю. Кремль боялся провокации и не верил разведке // Литературная газета. 1995. № 25.

Николаев В. Грязная работа ФБР // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 1.

Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2, 3.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1—2. М., 1995.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 томах. Т. 2: 1917—1933. М., 1995.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 томах. Т. 3: 1933—1941. М., 1997.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 томах. Т. 4: 1941—1945. М., 1999.

Павлов В. Операция «Снег». Полвека во внешней разведке. М., 1996.

Павлов В. «Сезам, откройся!». Тайные разведывательные операции: Из воспоминаний ветерана внешней разведки. М., 1999.

Папчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом: НКВД против ВЧК. М., 2001.

Перро Ж. «Красная капелла». М., 1990.

Пестов Ст. Бомба: Тайны и страсти атомной преисподней. СПб., 1995.

Петров А., Денисов В. Военно-политический роман // Независимое военное обозрение. 1998. № 23.

Петров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. М., 1999.

Пещерский В. Сокровище по имени Отэ // Новое время. 1995. № 13.

Пещерский В. С фактами не в ладах // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 4.

Пещерский В. «Красная капелла»: Советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000.

Покровский Г. Инцидент в ресторане // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 6.

Полмар Н., Аллен Т. Б. Энциклопедия шпионажа. М., 1999.

Понтекорво Б. Избранные труды. Т. II. Воспоминания. М., 1997.

Попов В. Советник королевы — суперагент Кремля. М., 1995.

Преображенский К. Шпион, который любил Японию // Московские новости. 1995. № 30.

Преображенский К. Война близнецов // Московские новости. 1996, № 22.

Преображенский К. КГБ в Японии. Шпион, который любил Токио. М., 2000.

Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999.

Провал, еще провал...: Хроника «шпионских» скандалов в США // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 3.

Профессия: разведчик / Сост. А. Тихомиров. М., 1992.

Равив Д., Мелман Й. История разведывательных служб Израиля. М., 2000.

Радышевский Д. «Ягуар» за 12 предателей: Послесловие к приговору Олдричу Эймсу // Московские новости. 1994. № 20.

Радышевский Д. Откровения жены супершпиона // Московские новости. 1994. № 54.

Радышевский Д. Игра с котом в кошки-мышки // Московские новости. 1995. № 7.

Радышевский Д. Гарольд Николсон: приговор до суда // Московские новости. 1996. № 48.

Решин Л. Охота на Ворона // Совершенно секретно. 1996. № 2.

Ричелсон Дж. История шпионажа XX века. М., 2000.

Семенова О. Вячеслав Трубников: «Ни одно государство не может без разведки» // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 2.

Сладковский М. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1977.

Соколов А. «Суперкрот» ЦРУ в КГБ // Вымпел. 1999. № 2.

Соколов Б. Охота на Сталина. Охота на Гитлера: Тайная борьба спецслужб. М., 2000.

Старосадский В. Признание агентов КГБ // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 6.

Странное поведение учителя с «фермы» // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 4.

Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1997.

Тайна Зои Воскресенской // Шарапов Э. Две жизни. М., 1998.

Тайные страницы истории // Сборник. М., 2000.

Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абея. М., 1997.

Тень председателя Мао // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 2, 3.

Тепляков А. Провал в Китае // Секретное досье. 1998. № 1.

Терлецкий Я. Допрос Нильса Бора // Совершенно секретно. 1994. № 6.

Уайз Д. Охота на «кротов». Секретный поиск предателей, потрясший ЦРУ. М., 1994.

Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т. 1, 2. М., 1998.

Феклисов А. Признание разведчика. М., 1999.

Ферми Л. Атомы у нас дома. М., 1959.

Филби К. Моя тайная война: Воспоминания советского разведчика. М., 1980.

Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991.

Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии: Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995.

Царев О., Вест Н. КГБ в Англии. М., 1999.

Цветов В. Почему не расцвела хризантема? // Совершенно секретно. 1991. № 6.

Чиков В. Нелегалы. М., 1997. Кн. 1

Чуксеев В. Письма на свободу Олдрича Эймса // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 8.

Чумаков Н. Класс кремации — второй // Совершенно секретно. 1992. № 5.

Шебаршин Л. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992.

Шебаршин Л. Из жизни начальника разведки. М., 1994.

Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991.

Шелленберг В. Мемуары. М., 1991.

Шпаков Ю. Классика и авангард российского шпионажа // Московские новости. 1997. № 10.

Щербakov С. Белый резидент // Секретные материалы. 2000. № 9.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.

Эрикссен Е. Шабтай Калманович: жертва Израиля или Герой Советского Союза? // Лица. 1997. № 2.

Эрли П. Признания шпиона. Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998.

Эрли П. Семья шпионов. Изнанка шпионской сети Джона Уокера. М., 1997.

Якушов М. Как я выкрал генерала Власова // Аргументы и факты. 1996. № 19.

Andrew, C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and in the West. 1999.

Joseph Albright, Marcia Kunstel. Bombshell. The secret story of american's unknown atomic spy conspiracy. N.-Y., 1997.

Содержание

Нелегал Яков Серебрянский	3
На земле Поднебесной	29
«Над всей Испанией безоблачное небо»	113
«Лига Вольвебера»	172
Герои «Красной капеллы»	188
Наш человек в гестапо	222
Охота на генерала Власова	238
Выпускники Кембриджа	262
В Стране восходящего солнца	304
Ученые в борьбе за мир	344
Удивительная одиссея нелегала Марка	418
Джордж Блейк	441
На земле обетованной	450
Проникновение в НАТО	505
«Кроты» в спецслужбах США	534
Щупальца спрута	576
 Примечания	 621
Библиография	630

Александр Иванович Колпакиди
(В соавторстве с Дмитрием Петровичем Прохоровым)

ВСЕ О ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКЕ

Редактор *А. А. Никишин*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *Г. И. Иванова*

ООО «Издательство «Олимп»
129085, Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

ISBN 5-17-012895-9

9 785170 128952

**А. И. КОЛПАКИДИ
Д. П. ПРОХОРОВ**

Вы всегда хотели узнать о спецслужбах больше, но до недавнего времени это было невозможно. И неудивительно: ведь еще год назад все эти сведения составляли государственную тайну. Борьба разведок, сверхсекретные операции, агентурные сети за рубежом, яркие, и часто трагичные, судьбы бойцов невидимого фронта... В книге собраны малоизвестные факты, документы, фотографии, рассказывающие о таинственной и грозной структуре с названием СВР.

**ВСЕ О ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКЕ**